

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА

ГРАММАТИКА ВЕДИЙСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор
В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ

Книга представляет собой первое в советской индологии синхронное описание языка ведийских текстов. Автор рассматривает вопросы влияния семантики текста на его грамматические особенности, дает характеристику лексики и особенностей ее функционирования в разных ведах.

Основные классы слов (имя, местоимение, числительное, глагол) описываются с помощью свойственных им грамматических категорий на формальном и семантическом уровнях. Кроме описания фонетики дается также фонологическая интерпретация языковых фактов.

Работа базируется на богатейшем языковом материале, особенно широко представлены тексты самого древнего памятника — Ригведы.

Е 4602020000-124 КБ-5-52-82
013(02)-82

ВВЕДЕНИЕ

Ведийский язык представляет собой самый ранний период развития древнеиндийского языка, охватывающий собственно *веды* (*veda-* 'священное знание'), *брахманы* (*brāhmaṇa-* 'брахманические объяснения') и *упанишады* (*upanīṣad-* 'тайное учение, передаваемое от учителя к ученику').

В данной грамматике описан ведийский язык в его наиболее архаичной форме, зафиксированной в четырех священных ведийских собраниях — *самхитах* (*saṃhitā-*): Ригведе (*ṛgveda-* 'веда гимнов'), Яджурведе (*yajurveda-* 'веда жертвенных формул'), Самаведе (*sāmaveda-* 'веда напевов') и Атхарваведе (*atharvaveda-* 'веда [жреца огня] атхарвана') — прежде всего в их стихотворном тексте — мантрах (*mantra-*). РВ¹ и СВ имеют целиком метрическую форму. АВ и особенно ЯВ включают в себя также прозаические части².

На ведийском языке созданы первые из дошедших до нас памятников индийской культуры. Веды датируются условно серединой II — серединой I тысячелетия до н. э. Из них древнейшая — РВ, временем создания которой можно гипотетически считать вторую половину II тысячелетия до н. э. Все остальные веды более поздние, чем РВ, и в той или иной степени предполагают ее. СВ почти целиком основана на РВ, текст которой приспособлен в ней для литургических целей. ЯВ и АВ значительно самостоятельнее, но и они содержат немалое число заимствований из РВ.

При всех хронологических и прочих различиях, существующих между отдельными ведами, в целом их язык сохраняет свое тождество на протяжении всего того тысячелетия, которым датируется период самхит. Речь здесь идет об одной системе, засвидетельствованной в более или менее архаичных ва-

¹ В конце книги приводится список всех используемых сокращений.

² Подробнее о ведах, их датировке, экзегезе и соотношении друг с другом на русском языке см. во вступительных статьях к антологиям: «Ригведа. Избранные гимны» [17], «Атхарваведа. Избранное» [16].

риантах (в РВ, например, наиболее древней частью являются фамильные мандалы II—VII). Язык брахман (датируемых весьма условно VIII—VI вв. до н. э.) уже заметно отличается от языка самхит: в нем начинаются некоторые преобразования древней системы.

По содержанию АВ (веда заговоров) противопоставлялась в индийской ортодоксальной традиции трем другим ведам, трактовавшимся как три вида священного знания, к которому АВ была непричастна. Язык АВ в своей основе более народен, чем язык культовой поэзии РВ, представляющий собой один из образцов индоевропейской высокой поэтической речи. Однако в целом текст АВ в том виде, в котором он до нас дошел, в очень большой степени уже близок к языку брахман.

Диалектные различия между отдельными ведами весьма многочисленны и во многом неясны. К их числу следует отнести прежде всего некоторые фонетические черты: трактовку в РВ интервокальных *ḍ*, *ḍh* как *l*, *lh*, сильное преобладание *r* над *l* в древних частях РВ, особые варианты правил сандхи (сочетаний звуков).

Большие сложности сопряжены с географической локализацией отдельных вед. Ясно только, что РВ связана с крайним северо-западом Индии и, судя по гидронимам и топонимам, сложилась в единое собрание на территории Панджаба и прилегающих районов Афганистана (притом, что в отдельных гимнах могут встретиться очень отдаленные индоевропейские реминисценции). Остальные веды территориально более продвинуты на юго-восток вглубь Индии.

Ведийский язык иногда называют ведийским санскритом, что не вполне точно. От санскрита — языка эпоса, классической литературы и науки, а также эпиграфики (понимаемых здесь как нечто лингвистически единое) ведийский язык отличается во многих весьма существенных отношениях: не только хронологически (санскрит возник позже: эпический санскрит сложился условно в III—II вв. до н. э., расцвет классического санскрита драматургии относится к IV—V вв.), но также грамматически и по диалектной базе.

В области фонетики ведийский язык и санскрит обладают ударением разного характера (музыкальное в ведийском, экспираторное в санскрите); они различаются также некоторыми важными особенностями правил дистрибуции звуков в тексте (допустимость сочетания гласных в ведийском, запрет на них в санскрите, неустойчивость сочетаний некоторых групп согласных в ведийском, их стабильность в санскрите и пр.) и разной трактовкой вариантов некоторых фонем (глайдов, це-ребральных, анунаски и др.).

В области морфологии ведийский язык и санскрит отличаются друг от друга: 1) составом граммем ряда грамматических категорий — наклонения (в ведийском есть инъюнктив

и субъюнктив, в санскрите нет), времени (в ведийском в отличие от санскрита есть плюсквамперфект) и составом форм, образующих некоторые классы (например, инфинитивы и абсолютивы); 2) сочетаемостью некоторых граммем между собой (например, наклонения и времени: в ведийском языке допустимы формы косвенных наклонений не только от основы презенса); 3) вариантами ряда грамматических форм (в ведийском ряд форм дублируется в отличие от нормализованного санскрита, например, N.pl.m. от основ на *-a*: *-ās* и *-āsas*, N.—A.—V.du. *-au* и *-ā*, 2 pl.iv. *-ta* и *-tana* и др.); 4) употребительностью отдельных граммем и форм (например, футурума в ведийском по сравнению с его регулярным характером в санскрите и др.).

В области синтаксиса различия между ведийским языком и санскритом наиболее ярко проявляются в разной употребительности классов форм (например, частиц) и конструкций (например, конструкций с абсолютивом, некоторыми причастиями и др.).

Далеко не все грамматические различия между ведийским языком и санскритом можно объяснить только хронологически; они, судя по всему, должны быть также и диалектными, поскольку санскрит связан с центральной частью Северной Индии — областью Мадхьядеша.

При всех указанных выше различиях ведийский язык и санскрит относятся к одному, древнеиндийскому, периоду развития индоарийских языков, которому противостоит среднеиндийский, представленный пали и пракритами. (Среднеиндийские диалекты в устной форме были употребительны в Северной Индии уже в середине I тысячелетия до н. э. и продолжали свое существование в качестве разговорных и литературных языков примерно до X в.). Эта периодизация не вызывает сомнений и подтверждается вескими диахроническими, синхроническими и типологическими доводами.

Дело осложняется тем, что ведийский язык связывают со среднеиндийскими языками некоторые изоглоссы, которых не разделяет санскрит. Это вызывает предположение о наличии у отдельных среднеиндийских языков общей диалектной базы с ведийским в отличие от санскрита. Кроме того, отдельные фонетические пракритизмы встречаются уже в языке РВ, что надо рассматривать как возможное влияние разговорного языка — а именно таковыми вначале и были пракриты — на язык культовой поэзии.

Очевидно, в течение длительного времени, во второй половине I тысячелетия до н. э., языковая ситуация в древней Индии была такова, что сосуществовало несколько языков, между которыми были поделены сферы употребления. Ведийский был языком культа, санскрит — языком литературы и науки, а также разговорным языком высших слоев общества (*bhāṣā* у Панини), пракриты — разговорными диалектами низов.

Роль ведийского языка как Священной Речи позволила ему выйти за пределы времени и первоначального пространства в Индии. Поскольку для последующей культуры Индии, формировавшейся вокруг индуизма, который отражал и продолжал ведийское мировоззрение, авторитет вед был решающим, ведийский язык сохранился, оставаясь источником всех сведений и средством познания от того далекого периода, когда начиналась в Индии индоарийская цивилизация. (Боковыми ветвями этой культуры, основанными на отрицании авторитета вед, явились буддизм и джайнизм, пользовавшиеся другими языками: среднеиндийскими и санскритом.)

В ряде областей индийской культуры веды представляют собой «первотекст», на который так или иначе ориентируется все, что создается в данной области: гимны — на РВ, ритуал — на ЯВ, медицинские трактаты *аюрведы* (*ayurveda*-) — на АВ и т. п. На ведийский текст ориентировались филологические дисциплины, что в каких-то случаях могло иметь своим следствием ведизацию санскрита (хотя исторически развитие было обратным).

Как язык культа ведийский язык сохранился в Индии до нашего времени; ведийские мантры исполняются в храмах и вообще сопровождают индуса во все ответственные моменты жизни: при рождении, на свадьбе, на похоронах. В ритуале сохранились ведийские формулы. Интересно, что жрецы, и сейчас пользующиеся во время богослужения ведийским языком, нередко не понимают значения слов, но обязаны сохранять в чистоте произношение.

Изучение ведийского языка в Индии началось, видимо, вскоре после формирования корпуса ведийских собраний — самхит. Священные тексты надо было сохранять в неприкосновенности и передавать дальше. Они хранились в устной форме в школах жрецов-брахманов. При таком способе передачи очень скоро возникла потребность в составлении правил рецитации — фонетических трактатов *пратишакхья* (*prātiśākhya*-), закрепленных за каждой ведой. Таким образом ведийские тексты передавались около трех тысячелетий. В Индии и сейчас существуют подобные хранители текста, живые продолжатели ведийской традиции. Графическую форму ведийские тексты приобрели очень поздно: первое сообщение о записи РВ в Кашмире относится к XII в. н. э. Первая работа по ведийской экзегетике — «Нирукта» (*nirukta*- букв. 'этимология') Яски (*Yāska*-) датируется, видимо, VI в. до н. э. Ей предшествовала длительная история изучения ведийских слов (Яска ссылается на своих предшественников).

В древнеиндийской грамматической традиции норма предписывалась для санскрита, а не для ведийского языка. У Панини неоднократно встречается противопоставление: *bhāṣā* — *chandas* 'санскрит' — 'ведийский язык' (букв. 'разговорный

язык' — 'метрический текст'), причем о последнем упоминалось обычно как об отклонении от нормы.

В туземной комментаторской традиции, имевшей целью пояснение непонятных мест в священных текстах, также могут содержаться весьма важные лингвистические наблюдения. Это относится прежде всего к знаменитому комментатору РВ Саяне (*Sāyaṇa*), жившему в XIV в. н. э.

Изучение ведийского языка в Европе возникает в начале XIX в. и развивается в двух основных направлениях: сравнительно-историческом и собственно индологическом. Материалы древнеиндийского языка (в том числе ведийского) играли важную роль на всех этапах развития сравнительно-исторического языкознания, начиная с трудов Ф. Боппа, А. Потта, А. Шлейхера, К. Бругманна, Б. Дельбрюка, А. Мейе, вплоть до последних работ Э. Бенвениста, Е. Куриловича, М. Майрхофера и др.

В чисто индологическом плане огромный вклад в изучение ведийского языка и ведийскую экзегезу внесли издатели текстов Т. Бенфей, А. Вебер, М. Мюллер, Л. фон Шрёдер, У.Д. Уитни, Р. Рот, Т. Ауфрехт, их переводчики К. Гельднер, Х. Грасман, А. Людвиг, У. Д. Уитни, А. Б. Кейт, М. Блумфилд и др.; составители словарей В. Бётлинг, Р. Рот, Х. Грасман и др. Тщательное филологическое изучение источников связано прежде всего с трудами Х. Ольденберга, а также Р. Пишеля и К. Гельднера; филологическое и лингвистическое исследование соотношения отдельных вед — с работами М. Блумфилда и Ф. Эджертона.

Современный этап в изучении ведийского языка отмечен прежде всего энциклопедическими по охвату материала работами мэтра ведийской филологии Л. Рену во Франции, а также исследованиями П. Тиме в Германии, Я. Гонды и Ф. Б. И. Кёйпера в Голландии. Началом изучения ведийского языка в России послужило исследование языка СВ Ф. Ф. Фортунатовым.

Специальных грамматик ведийского языка немного (чаще ведийский материал приводится в качестве дополнения к санскритскому в грамматиках санскрита). Это две английские грамматики А. Макдонелла: большая, представляющая собой весьма полное собрание материала (раздел, посвященный синтаксису, в ней отсутствует) [35], и компактная малая грамматика, предназначенная для студентов и включающая материал вед и брахман [36]. На немецком языке издана классическая многотомная грамматика древнеиндийского языка Я. Вакернагеля — А. Дебруннера [39], в которой индийский материал (прежде всего ведийский, но также и санскрит) интерпретируется с точки зрения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. (Она не окончена: нет разделов, посвященных глаголу и синтаксису.) На французском языке создана последняя по времени грамматика ведийского языка Л. Рену — синхронное описание языка мантр на всех уровнях, лучшее из всего, что

сделано в этой области [37]. Русской грамматики ведийского языка до сих пор не существовало.

Задача первой русской грамматики ведийского языка состоит в том, чтобы дать полное синхронное описание языка мантр с учетом новых результатов, которые были достигнуты в ведологии более чем за четверть века после выхода в свет грамматики Рену, и с использованием, где это представляется целесообразным, точных методов описания языка (которые в соответствии со сложившейся традицией обычно применяются к новым языкам, а не к древним).

Жанр грамматики не дает возможности ссылаться на отдельные использованные работы (их названия приведены в «Избранной библиографии») или давать подробную аргументацию в дискуссионных случаях.

Автор считает своим долгом выразить благодарность за предоставленную возможность пользоваться текстами и научной литературой кабинету Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР и Научной библиотеке им. Горького при МГУ им. Ломоносова.

ТЕКСТ. СЕМАНТИКА

Семантика избранного круга ведийских текстов, т. е. четырех вед, определяется прежде всего культовым, сакральным характером этих текстов и далее — жанром каждой отдельной веды. Культовое назначение объединяет ведийские самхиты, противопоставляя их вместе другим классам ведийских текстов: брахманам (брахманическим объяснениям отдельных вед, содержащим не только комментарии к ритуалу, но и его мифологические или мистические толкования), а также спекулятивно-философским *араньякам* (*āranyaka*- букв. 'связанный с лесом', — текстам, предназначенным для лесных отшельников) и *упанишадам* (*upaniṣad*- сокровенным, тайным учениям, передаваемым от учителя одному ученику), с которыми самхиты объединяются в русле традиции *шрути* (*ṣruti*- букв. 'слышание' [от бога] или 'божественное откровение')¹. К традиции *смрити* (*smṛti*- букв. 'запоминание' [от учителя]) принадлежит класс ведийских текстов типа *сутра* (*sūtra*- 'нить'), по содержанию представляющих собой вспомогательную часть вед, а именно трактаты по отдельным вопросам, связанным с какой-либо ведой: с ее рецитацией, ритуалом и пр. Сутры по сравнению с самхитами занимают подчиненное положение, притом что в отдельных случаях без помощи сутры невозможно понять содержание самхиты (такова, например, роль Каушика-сутры при интерпретации ряда заговоров АВ).

Специфическое содержание каждой из четырех вед обуславливается ее местом в культе. Для РВ характерны прежде всего гимны-восхваления богов, для ЯВ — жертвенные формулы и пояснения к ним, для АВ, стоявшей вне официальной религии, — заговоры. СВ не может рассматриваться как самостоятельный по содержанию текст, поскольку большая ее часть представляет собой заимствования из РВ (самостоятельны лишь 75 из

¹ Здесь идет речь прежде всего о различиях семантических, а не хронологических.

1549 гимнов)². Это в значительной степени реаранжировка стихов РВ, снабженных нотацией, подчиненная определенным лингвистическим целям.

Итак, оригинальны по содержанию три веды: РВ, ЯВ и АВ, притом что в ЯВ и АВ имеется немалое количество стихов, заимствованных из более древней РВ. При описании содержания текстов самхит необходимо иметь в виду, что все они так или иначе связаны с ритуалом: РВ и ЯВ — с официальным ритуалом жертвоприношений богам типа *шраута* (*ṣrauta*- букв. 'связанный с [традицией] *ṣruti*-'), а АВ — с домашним ритуалом типа *грихья* (*grhya*- букв. 'домашний') или с магическим ритуалом. Степень «ритуальности» текста у всех трех вед разная: наименее «ритуален» текст РВ, наиболее — текст ЯВ, но и эта последняя самхита не только не является зеркальным отражением ритуала, но обычно не дает даже общего представления о последовательности ритуальных действий, и реконструкция ритуала на основании текста одной лишь самхиты оказывается невозможной.

Практически при описании содержания этих трех вед для РВ и — с некоторыми оговорками — для АВ текст оказывается самодостаточным, и можно не обращаться к данным экстралингвистического уровня, т. е. к ритуалу. Для ЯВ такое обращение является необходимым, и структура текста данной веды принципиально иная, чем у остальных вед.

Все веды представляют собой собрания и могут быть разделены на более мелкие составные части. Законченная по содержанию единица текста, в соответствии с индийской традицией, для РВ — это гимн (*ṛc*-), для АВ — заговор (*māntra*-), для ЯВ — жертвенная формула (*yájus*-) вместе с брахманическими пояснениями. Основную, наиболее характерную для каждой веды часть содержания можно описать при помощи соответствующей единицы текста, создав некую среднюю ее модель.

Модель «среднего гимна» РВ, посвященного какому-либо божеству, включает две части: апеллятивную и экспликативную, отношения между которыми удобно описывать как ряд трансформаций. Апеллятивная часть содержит просьбы к данному божеству со стороны адепта. Экспликативная часть состоит из ряда уровней, образованных оппозициями различительных единиц, свойственных каждому из этих уровней.

Исследование функционирования мифологической системы РВ показывает, что характеристика любого мифологического персонажа может быть представлена в виде набора дифференциальных просьб, обращенных к данному персонажу. В состав

² Надо отметить, что СВ интересна в лингвистическом плане теми вариантами форм, которые отличаются в заимствованных стихах от соответствующих форм в РВ.

апеллятивной части модели входят инварианты этих просьб. В тексте они бывают представлены различными вариантами. Например, инвариант просьбы к Индре — «Помоги арьям в борьбе против демонов и врагов!», а ее контекстом обусловленные варианты — «Убей демонов!», «Разрушь крепости врагов!», «Перехитри замыслы дасью!», «Будь нашим союзником!» и т. д.

Лишь небольшая часть просьб может быть обращена к любому мифологическому персонажу. Отсутствие некоторых весьма распространенных просьб в характеристике какого-либо бога является также семиотически значимым. Например, Варуну не просят радоваться, Ашвинов — дать победу, Индру — наделить целебными средствами, Рудру — опьяниться сомой и т. п., и это отсутствие определенных просьб мотивировано характеристикой данных персонажей на других уровнях.

Богов могут просить о совершении позитивных или негативных действий, например: «Дай!», «Защити!», «Помоги!» и т. п. в противоположность: «Убей!», «Прогони!», «Перехитри!» и т. п., а иногда и о несовершении негативных действий, например: «Не убей!», «Не наказуй!» (=«Помилуй!») и т. п.

Просьбы к богам могут выражать связь с adeptом эксплицитно, например: «Дай нам!», «Защити нас!» и т. п. — или имплицитно, например: «Взойди!», «Сядь!», «Совершите объезд!» и т. п.

Экспликативная часть модели имеет сложную иерархическую структуру, в состав которой входит несколько уровней: 1) уровень действий, совершаемых данным мифологическим персонажем; 2) уровень атрибутов, т. е. соотносимых с ним признаков; 3) уровень эпитетов; 4) уровень связей с другими мифологическими персонажами. Например, для Варуны характерен следующий уровень действий: охраняет закон, указывает богам, охраняет мысли людей, ищет грешников, находит вину, видит правду и ложь, следит за людьми, наказует, затягивает свои петли, распускает их, поражает водянкой, освобождает от страха, защищает от дурных снов, идет на свою водную родину, прячет океан (помимо космогонических действий, общих с другими великими богами: раздвигает небо и землю, освещает небо и землю, выпускает воды, несет небо, наполняет воздушное пространство, меряет землю солнцем). Уровень атрибутов этого бога представлен следующим образом: закон (*ṛtā-*), обет (*vratā-*), петли, соглядатаи, грех, вина, колдовская сила, тьма, воды. К уровню эпитетов принадлежат: царь, асура, связанный с законом/праведный (*ṛtāvan-*), всезнающий, чей обет крепок, тысячеглазый, таинственный, хитрый, яростный. Характерные связи: Митра, Адиты, Адити, Сома и др.

Уровни в пределах экспликативной части модели удобно описывать как находящиеся в отношении трансформаций друг к другу. Тот же тип отношений связывает экспликативную часть модели гимна с апеллятивной. Например, в семантическом про-

странстве Варуны допустимы трансформации: эпитет «тысячеглазый» (*sahāśracakṣas*) ↔ атрибут «соглядатаи» (*spṛāḥ*) ↔ действие «следит [за людьми]» (*[jānāñ] ānu paṣyati*); или эпитет «имеющий множество петель» (*bhūripāṣa-*) ↔ атрибут «петли» (*pāṣa-*) ↔ действие «затягивает петлю» (*pāṣaṁ samṣṛtati*) ↔ просьба «расслабь петлю» (*vī cṛta pāṣam*), «избавь от петель» (*mumugdhi pāṣan*).

Трансформационный подход дает возможность рассматривать эпитеты, атрибуты и связи как «свернутые» действия. В тексте гимна все эти элементарные единицы упорядочены с помощью синтаксиса в определенных мифологических ситуациях. В гимне происходит последовательное переключение уровней экспликативной и апеллятивной части.

Порядок следования этих двух частей гимна не является строго предписанным. Экспликативная часть чаще предшествует апеллятивной, но может также следовать за ней или перемежаться с ней.

Такова полная модель гимна. Возможны и ее редуцированные варианты. Если апеллятивная часть сведена к нулю, то гимн состоит только из мифологического описания, которое не завершается традиционными просьбами. Если гимны расположены в собрании группами, то просьбы иногда носят формальный характер, представляя собой рефрен, заключающий все гимны данной группы.

Значительно реже встречается другой редуцированный вариант полной модели гимна, когда экспликативная часть сведена к нулю и гимн состоит только из восхваления реальных или испрашиваемых даров (тип *dānastuti*).

Полная модель гимна описывает большую часть содержания РВ. Поскольку одному божеству посвящается нередко множество гимнов, и все они построены по одной модели, различаясь лишь ее вариациями, содержание РВ довольно монотонно.

Модель «среднего заговора» АВ можно описать как переход от исходного состояния к желанному с помощью определенной магической процедуры. Заклинатель просит о ниспослании разных благ (долголетия, процветания, прочной власти, победы, женской любви и пр.), изгоняет разные несчастья и устраняет вызвавшие их причины (болезни, колдовство, колдунов и демонов, змей, дурные сны и пр.), предотвращает действие дурных предзнаменований, насылает несчастья на врагов и соперников.

Желанное состояние всегда бывает описано в соответствии с содержанием просьб. Описание исходного состояния присутствует далеко не всегда. Обычно оно выражено эксплицитно

только в заговорах-искуплений или в заговорах-предотвращениях, когда бывает важно, последствий чего именно не следует допустить (беды от двойни, родившейся у коровы; от ошибки, допущенной при жертвоприношении; от неблагоприятного расположения звезд на небе в день рождения ребенка и пр.).

Желанное состояние удобно описывать на основании его сравнения с исходным состоянием. Можно выделить три типа соотношений этих двух состояний.

1. Желанное состояние противоположно исходному: а) желанное состояние включает наличие чего-то, что отсутствует в исходном состоянии (например, в заговорах на возвращение [царской власти, ушедших коров], на дождь и пр.); б) желанному состоянию свойственно отсутствие чего-то, что есть в исходном состоянии (например, в заговорах на изгнание [болезней, червей, демонов, колдовства], на отсутствие страха и пр.).

2. Желанное состояние равно исходному (например, в заговорах на сохранение [царской власти, воинов, потомства, любви и пр.]).

3. Желанное состояние содержит большую степень какого-либо положительного качества по сравнению с исходным (например, в заговорах на долголетие в сто осеней, на усиление царской власти, на процветание и пр.).

Непременным элементом заговора, не подлежащим редукции, является магическая процедура, отраженная в тексте заговора. Она может быть представлена несколькими вариантами. Обязательным вариантом является произнесение заговора. Поскольку слову вообще и высказыванию истины в частности придавалось магическое значение, в заговоре полагалось назвать имя (или «тайные имена») врага и его родство: считалось, что это дает власть над врагом. Нередко в тексте заговора обыгрывается «магическое слово», выражающее ключевое для данного заговора понятие (например: *dhruvá-* 'твердый' в заговоре на царскую власть, *mádhu-* 'медовый', 'сладкий' в приворотном заговоре). Желанное состояние в магических целях может изображаться в заговоре как достигнутое (например, «Я убил твое жертвоприношение с помощью ярости грозного Агни»). С магической ролью слова, произнесения вслух, связан и такой формальный прием, нередко используемый в заговорах, как подробное перечисление в тексте заговора всех разрядов изгоняемого врага или изгоняемой враждебной субстанции, что принимает вид скрупулезной классификации (видов якшмы, изгоняемой из разных частей тела, типов колдовства, видов червей, змей и пр.).

Магическая процедура кроме обязательной словесной части может включать также определенные магические действия (что бывает весьма часто), буквальные (как дача лекарства больному, присыпание раны песком, привязывание амулета, разведение огня и пр.) и символические (как отсылание кол-

довства прочь, изгнание дурных снов, принесение жизненной силы умирающему и пр.).

Символические действия особенно многочисленны в магической практике. Это такие относительно простые типы магического действия, как непосредственное стирание, смывание, стряхивание вредоносной магической субстанции (болезни, греха, колдовства, проклятия); перенос этой субстанции на другое лицо или предмет (колдовства — на колдуна, яд — на змею и т. п.); непосредственное соприкосновение с предметом — носителем благоприятной субстанции (надевание амулета, опускание амулета в молоко, мед, воду). Это также более сложные действия имитативной магии (опускание раскаленного топора в холодную воду для изгнания ревности и т. п.).

Магическая процедура, осуществляемая заклинателем, может предполагать использование посредника. В таком случае посреднику переходят функции заклинателя, а заклинатель принимает на себя функцию каузатора посредника.

В заговоре допустим не более чем один посредник: или тот, с которым возможно непосредственное соприкосновение: амулет (камень, металл, зерно, растение, дерево и пр.), барабан, пояс и т. п.; или тот, который действует на расстоянии: божество, солнце, луна, звезды и пр.

В заговорах с участием посредника в магической процедуре обычно содержится восхваление посредника, а иногда и краткое изложение мифологического прошлого этого посредника, его родословной и его имен. Иногда восхваления посредника носят целенаправленный характер, и восхваляют те его качества, которые нужны для исполнения просьбы заклинателя; однако это не обязательно.

Исходное и желанное состояние связаны с определенными субъектами. Ими могут быть лицо, произносящее заговор, — заклинатель; лицо, в интересах которого заклинатель произносит заговор, — заказчик; постороннее, третье лицо — враг заклинателя или заказчика. Если заклинатель или заказчик является субъектом, то в желанном состоянии по сравнению с исходным предполагается наличие чего-либо положительного или отсутствие чего-либо отрицательного; или сохранение какого-либо положительного качества или увеличение его количества. Если враг — субъект желанного состояния, то это состояние отличается от исходного или наличием отрицательного качества, или отсутствием положительного, или же сохранением отрицательного качества. Таким образом, от характера субъекта — а он всегда один и тот же в исходном и желанном состояниях — зависит положительный или отрицательный знак этих состояний.

Если заклинатель не является субъектом исходного и желанного состояний, то субъектом ситуации заговора, т. е. агентом магической процедуры, он остается всегда. Заказчик же,

даже если он реально существовал, в тексте заговора может остаться не отраженным.

На формальном уровне соотношение лиц, участвующих в ситуации заговора, отражено в употреблении (а иногда и в игре) местоимений в тексте. О себе заклинатель говорит в 1-м лице — «я», реже «мы». К заказчику обращается во 2-м лице — «ты», «вы», или говорит о нем в 3-м лице — «он», «этот (человек)». О себе и заказчике вместе заклинатель может иногда говорить в инклюзивном значении «мы». О враге обычно говорит в 3-м лице — «он», но может обращаться и во 2-м лице — «ты». Используется сознательная игра, когда одно и то же местоимение обозначает разные денотаты: заказчика и врага. Наряду с этим при употреблении местоимения 3-го лица встречается и противопоставление: «он», «этот» (*ayám*) заказчик — «он, тот» (*asaú*) враг.

Таково краткое описание основных частей модели заговора. Определенная последовательность этих частей в рамках заговора не является строго предписанной. Притом что в разных типах заговора существуют некоторые тенденции взаимного расположения частей (например, там, где участвует посредник, заговор часто начинается с его восхваления или описания), конфигурация этих частей может быть весьма причудливой.

Текст ЯВ построен принципиально иначе, чем РВ или АВ, поскольку в нем нельзя выделить законченную по содержанию композиционную единицу, лежащую в основе более крупных композиционных единиц — книг (*kāṇḍa-*). Те же семантические блоки, которые обладают законченным содержанием и из собрания которых складывается текст ЯВ в целом, композиционно могут быть рассредоточены по разным частям этого памятника. Поэтому метод описания содержания ЯВ должен отличаться от того, который применялся в отношении РВ и АВ.

Для максимально полного описания содержания ЯВ целесообразно выделить три уровня: I — *ритуал*, II — *жертвенные формулы* (*yájus*), III — *брахманические комментарии* к жертвенным формулам. Только уровень I представляет собой строгую логическую последовательность определенных единиц (действий, из которых складывается ритуал), организуемых синтаксисом этого уровня в специфический текст; два других уровня таким свойством не обладают. Уровень I является внелингвистическим и независимым по отношению к двум другим. Он определяет уровень II (жертвенные формулы произносятся в определенные моменты в ходе исполнения ритуала), элементы которого функционально не мотивированы без обращения к соответствующим элементам уровня I. Однако на основании данных уровня II обычно оказывается невозможным реконструировать последовательность элементов уровня I.

Связь между уровнями I и II может быть выражена внешним по отношению к тексту ЯВ образом. В роли указателя этой

связи нередко выступает какой-нибудь вспомогательный, комментаторский текст, примыкающий к ЯВ, типа сутры и др. Начиная с поздневедийского периода возникает целый класс текстов такого рода (его роль в истории древнеиндийской литературы очень велика), основная функция которых заключается в установлении соответствий между разными уровнями внутри одного более древнего текста или в связи с ним.

Уровень II является определяющим по отношению к уровню III, поскольку отправной точкой для брахманических комментариев служат жертвенные формулы. Данные уровня III в тексте ЯВ выступают в основной функции установителя соответствий. В синхронном плане данные уровня III могут устанавливать соответствия между элементами уровней I и II, т. е. между ритуалом и жертвенными формулами, во-первых, и кроме этого или одновременно с этим между элементами ритуала/жертвенными формулами и элементами мироздания, иными словами, между микрокосмом и макрокосмом, во-вторых. В диахроническом плане данные уровня III могут служить мифологической интерпретацией соответствующих данных уровня II.

Взаимное расположение соотнесенных друг с другом данных уровней III и II в тексте ЯВ различно. До некоторой степени оно является признаком принадлежности к определенной школе, поскольку в редакциях Черной ЯВ брахманическая часть входит в состав самой веды, иногда непосредственно сопровождая формулы, иногда будучи отделенной от них, а в Белой ЯВ часть, содержащая комментарии, целиком отделена от яджусов, образуя Шатапатха-брахману.

Формально уровень II бывает как метрическим (мантры), так и прозаическим. Жертвенные формулы могут представлять собой оригинальный материал ЯВ или заимствования (точные или с вариантами) из РВ. Иногда это стихи, общие с другими ведами, и в таких случаях установить первоначальный источник того или иного стиха оказывается невозможным.

Уровень III всегда представлен прозаическим текстом. Он может включать, правда, отдельные стихотворные строки — краткие цитаты из уровня II, которые иногда сокращены до первых слов стиха. За этими цитатами следуют комментарии.

Цитаты из уровня II, входящие в состав уровня III, являются тем формальным средством, с помощью которого реализуется основная функция уровня III — установление соответствия между элементами двух других уровней. Цитата выделяется в тексте уровня III или словом *iti* 'так', 'кавычки'; или следующим за ней предложением *ityāha* 'он сказал так' — подразумевается жрец, произносящий яджус; или какой-либо отсылкой к форме произнесенного стиха, упоминанием его адресата — вообще любой формальной характеристикой его. Например, в ТС в комментарии к мантре IV,2,5,а, которая начинается словами: «Будь-

те едины, будьте в согласии, в любви...» в V,2,4,1 говорится: «„Будьте едины“ — четыремя (стихами) он их объединяет»; или там же, стих 1 обращен к Агни Вайшванаре, а в комментарии в V,2,4,2 говорится: «Со (стихом), обращенным к Вайшванаре, он берет прашу». Если же уровень III не содержит цитаты из уровня II, то функция установителя соответствия между уровнями I и II переходит к внешнему тексту — к какой-нибудь сутре.

Иногда комментирование носит чисто тавтологический характер, и одно и то же содержание оказывается выраженным в двух формах: в виде цитаты и в виде комментария. Примером могут служить пояснения в VI,1,8,4, начинающиеся с цитат: «„Так я разрубаю затылки ракшасов“; „Кто нас ненавидит и кого ненавидим мы“ — он говорит. Есть два лица: одно — кого он ненавидит, а другое — кто ненавидит его. Он в самом деле последовательно разрубает им затылки» и т. п.

В основе комментирования может быть чисто формальное соответствие — созвучие, на котором строится семантическое соответствие. Например, в ТС V,2,1,6 в комментарии к мантрам IV,2,1, k—n, посвященным подготовке места для разведения священного огня, говорится: «Он (т. е. цитируемый стих.— *T.E.*) содержит слово сидеть (*sad-*); в самом деле, он помогает ему достигнуть действительности (*sat-tvam*)», и таким образом обыгрывается внешнее созвучие форм от разных корней: *sad-* и *as-*.

Диахронический комментарий к данным уровня I и II нередко заключается в создании мифологического прошлого у одного из элементов этих уровней. Так, например, в ТС I,5,1,1 необходимость вновь и вновь зажигать ритуальный огонь подтверждается тем, что только на этом условии бог Агни, бежавший с богатством богов, которое они доверили ему хранить на время их борьбы с асурами, согласился вернуть его. Это была обещанная ему доля. Лингвистическим сигналом, отмечающим конец мифологического комментария, служит нередко фраза, которую можно изобразить в виде модели: «Кто знает это мифологическое обоснование, процветает в настоящем» (в данном случае: «Кто знает так процветание от зажигания [огня] вновь, процветает»).

Атрибуты, эпитеты, связи уровня II и единицы ритуала уровня I могут разворачиваться с помощью уровня III в мифологические действия и ситуации. Например, в ТС (III,5,7c) с предметами ритуальной утвари: черпаком из дерева кхадира, разливательной ложкой из дерева парна и пр.— связываются определенные мифологические родословные.

Функция установления соответствий, основная для уровня III, часто осуществляется при помощи такого формального приема как отождествление двух классификаций, принадлежащих к разным уровням, между элементами которых устанавли-

вается однозначное соответствие. В широком плане их можно считать отождествлениями микрокосма и макрокосма в синхроническом и диахроническом аспектах. Так, например, в ТС (I,6,5d) говорится: «Пусть боги, жрецы сделают (меня) сияющим в восточной стороне; пусть месяцы, отцы сделают (меня) сияющим в южной стороне; пусть дома, скот сделают (меня) сияющим в западной стороне; пусть воды, растения, деревья сделают (меня) сияющим в северной стороне; пусть жертвоприношение, год, повелитель жертвоприношения сделают (меня) сияющим в зените».

Подобные отождествления списков многочисленны и разнообразны в ЯВ. В них участвуют числовые списки, например, число слогов Священной Речи в ТС, I,7,11: «Агни одним слогом завоевал Речь, Ашвины двумя слогами завоевали выдох и вдох, Вишну тремя слогами завоевал три мира... Праджапати семнадцатью слогами завоевал семнадцатичастное восхваление» — формула, в которой объект завоевания в числовом отношении изоморфен количеству слогов (см. также отождествление стихотворных размеров элементов жертвоприношения и космоса в ТС, III, 2,9; V,3,2 и др., типичные для ЯВ).

В основе этих числовых отождествлений (единицы которых — числа, слоги, стихотворные размеры, дни, месяцы, сезоны, т. е. части года и пр.) лежит ведийское представление об измерении как о космогоническом акте.

Ритуал жертвоприношения, моделирующий космогонический акт, включается в ряды отождествлений в частности и по таким параметрам, как число рядов камней, воздвигаемых при сооружении алтаря для священного огня (*agnicayaana*-), и количество камней в каждом ряду. Обычно в этих отождествлениях используется натуральный ряд чисел, иногда это бывает ряд нечетных чисел (например, ТС, IV,3,10).

Среди параметров, по которым устанавливаются изоморфные ряды, следует отметить такой, как цвет жертвенного животного, соотносимого с определенным божеством (например, ТС, V,6,11—23).

Моделирование вселенной посредством изоморфных рядов разных уровней представляет собой основной способ моделирования в ЯВ. Дальнейшее развитие этот метод получает в упанишадах.

Следует отметить, что по содержанию данные, относимые к уровню III, нередко выходят далеко за пределы собственно комментирования формул уровня II и являются по существу совершенно самостоятельными мифологическими или философскими спекуляциями.

ЯВ — первый в индийской традиции текст, в основе которого лежит принцип «цитата — комментарий», причем комментарий перерастает порой в самостоятельное сочинение, лишь формально связанное с исходной цитатой. Этот принцип организа-

ции текста сыграл очень большую роль в дальнейшей истории создания религиозных, философских и научных трактатов на древнеиндийском языке.

Выделение трех уровней дает возможность описать содержание ЯВ в полном объеме. Иначе обстоит дело с РВ и АВ, содержание которых оказывается более широким, чем область применения соответственно модели «среднего гимна» и «среднего заговора».

При помощи модели «среднего гимна», посвященного индивидуальному или групповому божеству, деифицируемому животному (коню, коровам) или предмету (давяльным камням, алтарю, колеснице и пр.), деифицируемым силам природы (водам, рекам, лесным деревьям и пр.), можно описать большую часть содержания РВ, прежде всего ее самую древнюю часть, представленную фамильными мандалами. За пределами этой модели остается лишь сравнительно небольшое число гимнов фамильных мандал. Сюда относятся ритуальные гимны типа *apri* (*āpri*). Они связаны с древним обрядом жертвоприношения животных. Хотя текст этих гимнов похож на обычные гимны божеству, в основе их структуры лежит совершенно иной принцип — набор ключевых слов и выражений, каждое из которых должно быть употреблено в заданном стихе³.

Остальные гимны, не описываемые общей моделью, принадлежат в основном более поздней части РВ, прежде всего мандале X. Среди них можно выделить несколько типов, каждый из которых представлен небольшой группой гимнов.

Обрядовые гимны мандалы X сопровождают похоронные и свадебные обряды. В этом состоит их основное назначение. Они не обнаруживают единого структурного типа. То это просто последовательность стихов, исполняемых в разные моменты протекания обряда (например, свадебный гимн X,85 или похоронный гимн X,18), то общие философско-мифологические спекуляции, то призывы к богам и «отцам» (душам умерших предков), то стихи магического назначения, как в заговорах.

Магические заговоры и заклинания РВ сосредоточены в основном в конце мандалы X (лишь единичные заговоры встречаются в конце других мандал). Заговоры РВ имеют много общего с заговорами АВ и могут быть описаны с помощью модели «среднего заговора». Лишь некоторые из них принадлежат к совсем иному типу. Это первые образцы повествования свет-

³ С ритуалом непосредственно связаны и многие гимны, описываемые моделью «среднего гимна», например, ряд гимнов Агни, исполняемых при зажигании жертвенного огня, или гимны Соме, исполняемые при приготовлении напитка из растения. Речь здесь идет не о связи с ритуалом, а о структуре текста.

ского характера, используемые в магических целях (например, «Гимн лягушкам» [VII, 103] и «Гимн игрока» [X,34]).

Гимны-диалоги встречаются большей частью в поздних мандалах РВ — X и I (в некоторых фамильных мандалах их нет вообще). Этот жанр в РВ еще не полностью сформировался. Реплики действующих лиц в диалогах (эти лица в тексте не названы, в связи с чем часто непонятно, кому именно принадлежит та или иная реплика) незаметно переходят в монолог или в авторскую речь. Не всегда ясна логическая связь между репликами. Гимны-диалоги описывают то как баллады с некой «драматизацией» сюжета, то как зачатки древнеиндийской драматургии. Сюжеты, разрабатываемые в гимнах-диалогах, большей частью заимствованы из области мифологии. Таковы, например, история рождения Индры при неблагоприятных обстоятельствах (IV, 18); вариант мифа Вала, главные участники которого в диалогической трактовке — это собака Индры Сарамы и демоны Пани (X,108); история о том, как боги нашли Агни, спрятавшегося в водах, и выбрали его хотаром (X,51—52) и др. Особенно многочисленны сюжеты, связанные с Индрой. Даже когда участниками этих диалогических ситуаций являются мифологические персонажи, сами ситуации нередко имеют вполне светский характер, как, например, знаменитый диалог Ямы и Ями (X,10); Индры, Индраны и обезьяны Вришакапы (X,86) и др., не говоря уже о том, что иногда действующими лицами бывают и просто смертные, например, царь Пуруравас в диалоге Пурураваса и апсары Урваши (X,95).

Космогонические и спекулятивные гимны мандалы X также не подходят под модель описания «среднего гимна» РВ: они не содержат ни просьб к богам, ни трансформируемых в просьбы описаний действий, эпитетов, атрибутов и связей богов. Формальным признаком, присутствующим в ряде этих гимнов (но не во всех) является наличие серии вопросов, оставленных без ответа.

Основное различие между космогоническими гимнами мандалы X и космогоническими гимнами древних мандал — а значительная часть гимнов фамильных мандал, формально описываемых с помощью модели «среднего гимна», содержательно интерпретируется в космогоническом ключе (о чем см. ниже) — заключается не только и не столько в структуре текста, сколько в разном подходе к вопросам космогонии. Если древнему слою гимнов свойствен мифологизированный подход к проблеме происхождения вселенной, и космогонические подвиги приписываются многим богам, то для позднего слоя гимнов, объединенных в мандале X, характерен подход, который можно назвать философско-умозрительным. В этих гимнах впервые высказывается мысль о том, что в основе вселенной лежит единый организующий принцип. Этот принцип облачают в разную форму: «Творец всего» (*viçvâkarmaṇ-*), создавший вселенную,

совершивший жертвоприношение и принесший в жертву самого себя (X,81—82); Агни — первопричина вселенной (X,5), рассматриваемый как праоснова богов и приобретающий форму разных богов (X,10); Священная Речь (*vāc-*) — сила, организующая вселенную (X, 71; X,125); космический жар (*tápas-*), который, воспламенившись, последовательно породил элементы мироздания (X,190); Пуруша (*pūruṣa-* букв. 'человек') — космический гигант, которого боги принесли в жертву и из частей его тела возникла вселенная (X,90); Нечто Одно (*tád ékam*, X, 129), Золотой зародыш (*hiranyagarbhā-*, X,121), рассматриваемые как запредельное начало мироздания. В знаменитом космогоническом гимне (X,129) происхождение Сущего (*sát-*) из Не-сущего (*ásat-*) изображается как мистический процесс возникновения материи из первоначального принципа, и возможность познания этого процесса подвергается сомнению.

В трактовке космогонической темы в этих гимнах постановка вопросов нередко оттесняет на задний план их решение. Большая часть вопросов вообще не может иметь ответа. Постичь то, что возможно, удастся лишь риши благодаря внутреннему прозрению. Неразрешимость загадки мироздания нарочито подчеркивается тем, что в одном гимне перечисляются, например, разные «космогонические гипотезы» РВ, явно противоречащие друг другу, и никакого итога не подводится (X, 72).

Космогоническая тема трактуется в РВ иногда в виде загадок (*brahmodya-*), разбросанных по разным гимнам. Отгадки к ним, как правило, в тексте гимна не даются, а традиционную их интерпретацию сохранила комментаторская литература. Целиком из загадок (космогонических и пр.) состоит гимн I,164.

Гимны-самовосхваления представляют собой особый жанр поэтических произведений, в которых повествование ведется от 1-го лица и сводится к перечню заслуг говорящего (например, Индры; бога, напившегося сомы; женщины, одержавшей победу над мужем, и др.).

По типу гимнов и кругу высказываемых идей мандала X заметно отличается от того древнего семантического пространства, которое описывается с помощью модели «среднего гимна».

Наиболее древнее и оригинальное содержание АВ описывается посредством модели «среднего заговора». Но АВ в том виде, в каком она до нас дошла, состоит из ряда гетерогенных пластов, содержание которых организовано в соответствии с разными принципами. При этом, однако, надо иметь в виду, что поскольку эти части включены в один и тот же текст, основное назначение которого — магическое, у них можно предположить то же самое магическое назначение, что и у заговоров, и это подтверждается во многих случаях туземной комментаторской традицией. Таким образом, если магическое функциональное использование непосредственно вытекает из струк-

туры одной части текстов (а именно заговоров), составляющей АВ, то для другой части эта функция является внешней и не обусловленной (или лишь частично обусловленной) их структурой.

Единицей текста, обладающей законченным содержанием, в АВ могут быть кроме заговора также гимн (*sūkta-*) или книга (*kāṇḍa-*). То, что в туземной традиции называется термином *sūkta-*, по содержанию шире, чем модель «среднего гимна». В большинстве случаев, правда, сюда относятся *гимны богам и силам природы*, структура и содержание которых вполне укладываются в эту модель, выработанную на материале РВ. Основное различие — функционального плана, поскольку эти «гимны» АВ использовались скорее всего как заговоры на процветание. Есть несколько типов «гимнов» в АВ, которые по структуре содержания представляют собой разные степени контаминации моделей «среднего гимна» и «среднего заговора» или же в них имеются нарушения каких-либо существенных структурных особенностей «среднего гимна».

Гимны в интересах брахманов (V,17—19; XII,4—5) ближе по структуре содержания к заговору-проклятью, чем к гимну-прославлению. Это не столько восхваление особы брахмана, жены брахмана и прежде всего коровы как доли, принадлежащей только брахману, сколько изощренные угрозы и проклятья в адрес тех, кто может на все это покуситься. Интересной контаминацией моделей гимна и заговора является XIII, 3; первая часть каждого стиха состоит из прославления Солнца (перечня дифференциальных действий, эпитетов, атрибутов), а вторая содержит проклятье в адрес ненавистника брахмана (грех, отождествляемый с преступлением против Солнца).

Ритуальные гимны в АВ также были фактически связаны с брахманами. Эти гимны сопровождают различные ритуалы жертвоприношений, проводимых под руководством брахманов. Среди них встречаются и гимны апри, исполняемые при жертвоприношении животных (V,12 и 27), и гимны к жертвенному возлиянию в ритуале *парван* (*parvan*) (VII,27), к жертвенной утвари (VII,28), на удачное умашение (VII,30) и т. д., и ряд гимнов, посвященных однодневным жертвоприношениям *саваяджня* (*savayajña-*).

В ритуальных гимнах нередко дается мистическое толкование жертвенной субстанции: коровы, которая отождествляется с небесными коровами — грозowymi тучами, дающими дождь (X,9), быка, который рассматривается как воплощение Индры (IX,4), козла, который трактуется как божество Одноногий Козел (IX,5), рисовой кашицы — оданá, обычно сопровождающей эти жертвоприношения, а также служащий наградой брахманам — от нее ожидают счастья для жертвователя в загробном мире.

Иногда эти гимны близки по своей тематике спекулятивным

гимнам АВ. Например, в одном из гимнов саваяджия, посвященном остаткам жертвоприношения (*ucchiṣṭa-*, XI,7), ритуал служит только отправной точкой для мистических размышлений об остатке вообще, о том, что остается во вселенной за пределами феноменального мира, о средоточии богов и символе достижения всего мироздания во времени и пространстве.

В состав АВ входит ряд чисто *спекулятивных* и *космогонических гимнов*. Высказывалось предположение, что они включены в это магическое собрание потому, что их содержание может восприниматься как высказывание универсальной истины и тем самым магически содействовать заклинателю в достижении его целей.

Для философской концепции АВ характерен более развитый по сравнению с РВ пантеистический подход к трактовке мироздания. Единый бог или единый созидательный принцип лежит в основе всего, принимая различные формы. Это может быть Брахман в облике ученика-брахмачарина (XI,5), одновременно приводящий в движение вселенную и являющийся зародышем жизни; космическое дыхание (*prāṇa-*, XI,4), которое являет собой жизнь, смерть и происхождение всего; космическая опора Скамбха (*skambhā-*; X,7,8) — вариант мирового дерева, на котором зиждется все в пространстве и времени и соотношение которого с видимым миром остается непостижимым; Время (*kālā-*) — вечный конь с семью поводьями, обходящий вокруг вселенной, породивший людей и богов (XIX,53); женское начало Вирадж (VIII,9, 10).

В космогонических гимнах АВ встречаются также и вариации на старые космогонические темы мандалы Х в РВ. Это возникновение вселенной из жертвоприношения космического гиганта Пуруши, части тела которого дали начало разным элементам мироздания (X,7; XIX,6), однако Пуруша здесь отождествляется с Брахманом. Есть и история развития вселенной, начинающаяся с того, что был золотой зародыш (*hiranyagarbhā-*), рожденный из космических вод, от которого произошло все остальное (IV,2). Нередко в космогонических гимнах АВ задаются вопросы, остающиеся без ответа в стиле РВ.

Некоторая часть содержания АВ моделируется с помощью такой крупной единицы текста, обладающей законченным содержанием, как книга⁴. Формально книги могут быть разделены (хотя это не обязательно, как, например, в случае с книгой XVII) на более мелкие части: гимны или периоды (прозаические — *pariyāya-*), которые тесно связаны по содержанию друг с другом и одна часть нередко является продолжением другой.

⁴ В силу того, что предложенный здесь критерий является семантическим, книга XVI, не обладающая законченным содержанием (первая ее часть — формулы, сопровождающие ритуал восхваления вод; вторая часть — разговоры против дурных снов), не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к термину «книга».

В западной комментаторской традиции их называют книгами на индивидуальные темы.

Две из них представляют собой *обрядовые книги*. Книга XIV состоит из мантр, сопровождающих свадебный обряд. Деление ее на два гимна условно. Это просто собрание стихов, не дающих представления о последовательности обрядов в свадебном ритуале. Значительная часть стихов заимствована из свадебного гимна РВ (X,85), но немало и самостоятельных стихов. По содержанию стихи делятся на две части: изображение мифологического прообраза свадьбы Сомы с дочерью солнца Сурьей и собственно обрядовые стихи, или даже стихи-заговоры (против демонов, владеющих невестой до свадьбы, против дурного глаза на свадьбе, против рубашки новобрачной, на согласие между супругами, на счастливое потомство и т. п.).

Книга XVIII (так называемая «Книга мертвых») является собранием мантр, сопровождающих похоронные обряды. При том, что определенная часть стихов заимствована из мандалы X РВ, текст этой книги интересен в том отношении, что он свидетельствует об оригинальной традиции поминального обряда, не встречающейся в других ведийских текстах. Деление на четыре гимна условно. Нет ни единого сюжета в каждом гимне, ни логической последовательности стихов. Мифологический сюжет о царе мертвых Яме и его сестре-близнице Ями сменяется прославлением Агни и далее группами стихов, сопровождающих разные похоронные обряды (зажигание кремационного костра, а затем очистительного костра, отмеривание земли для захоронения костей, приглашение душ умерших предков — «отцов» на поминальный обряд, кормление и проводы «отцов» и т. д.). Последовательность обрядов не отражается в последовательности стихов. Так как участие в похоронных обрядах требовало очищения, ряд стихов носит характер искупительных заговоров (при зажигании чистого костра от огня домохозяина заговаривали «пожирателя мяса» — кремационный костер и др.).

Книга XIII посвящена прославлению Красного Солнца — Рохиты (*róhita* — 'красный'). Деление этой книги на четыре гимна вполне реально, но гимны эти тесно связаны между собой общей темой. Большая красная птица Рохита летит по небу, озирая все мироздание, наполняя небо жаром. Он мистически изображается как основное созидательное начало вселенной (породил небо и землю, все существования — его облачение, величием превосходит землю, небо, океан, воздух; все несет в себе, включая богов с Праджapati, и все охраняет). Гимны этой книги близки, с одной стороны, к спекулятивным гимнам АВ, с другой — к заговорам, например, заговорам на царскую власть (Рохита и его женское соответствие Рохини — прообразы царя и царицы) или заговорам-проклятиям.

Книга XV, разделенная на периоды, посвящена мистическому возвеличению *Вратья* (*vrátya*-), изображаемого как единый

космогонический принцип, движение которого в разные стороны вызвало к жизни богов и жертвоприношение и тем самым породило космос. С числом дыханий Вратья (сакральное число 7) отождествляются разные элементы мироздания. Вратья принимает разные облики: хранителя сторон света, ведийского ученика брахмачарина. Даже в этой туманной и абстрактной книге мистические спекуляции нередко сопровождаются складной формулой типа («Кто знает так, пользуется тем, что сделал Вратья»).

В книге XVII, состоящей из одного гимна, восхваляется *Солнце*, отождествляемое то с Индрой, то с Вишну. В туземном же комментарии эта книга трактуется как заговор на долгую жизнь ребенка.

В состав АВ традиционно входит еще книга XX, которая не удовлетворяет семантическим требованиям, предъявляемым к термину «книга». Это большое приложение, состоящее почти целиком из гимнов, заимствованных из РВ, и расположенных по литургическому принципу.

Таково в основных чертах содержание ведийских самхит. Особенности содержания налагают большие ограничения на жанр этих памятников. Они являют собой образцы высокой иератической поэзии, сакральной речи, употребляемой в культе, языка схоластических комментариев, но они никак не отражают разговорного языка, который, естественно, не мог не существовать в то же время (другое дело, что это был за язык; ср. наличие пракритизмов уже в РВ). Большую часть ведийских собраний составляет метрическая речь (древнейшее из них, РВ, целиком имеет стихотворную форму), и это делает язык еще более условным. Заговоры АВ, хотя и отражают в своей древней основе народные верования, по форме никак не могут считаться образцом народного языка (хотя язык этих заговоров в целом гораздо проще, чем язык гимнов РВ).

Семантика ведийских текстов наложила сильнейший отпечаток на их язык со всем его сложным взаимоотношением уровней. Она определяет некоторые особенности в области не только лексики, но также и синтаксиса и, наконец, даже морфологии. Особенно отчетливо эта зависимость проявляется в РВ — памятнике, обладающем наиболее сложной семантической структурой. Полное описание языка этого памятника на всех уровнях предполагает предварительное хотя бы самое краткое описание структуры его мифологического текста.

Данное описание исходит из известной гипотезы о том, что древнее ядро РВ представляет собой гимны космогонической тематики, и первоначальное назначение всего собрания заключалось в том, чтобы сопровождать ритуал, связанный со сме-

ной годового цикла, понимаемого как разрушение вселенной, погружение ее в хаос, и новое ее воссоздание, т. е. сотворение космического порядка. Мифологические сюжеты фамильных мандал допускают прочтение в космогоническом ключе, при этом надо заметить, что так называемые космогонические гимны мандалы Х, в которых космогоническая тема выражена эксплицитно и не закодирована мифологическим текстом, принадлежат к совсем иной, более поздней системе.

Космогония, представленная в древней части РВ, выглядит как «вторичная», поскольку к моменту космогонического акта уже существуют не только элементы вселенной, но и демиург. (Вопрос о «первичном» акте творения ставится лишь позднее, в космогонических гимнах мандалы Х.) Как известно из гимнов РВ, вселенная имеет трехчленную структуру: небо (*div-|dyú-*), земля (*prthivī-*) и воздушное пространство (*antārikṣa-*). Каждая из этих сфер в свою очередь может делиться далее на три части: три земли, три неба, три воздушных пространства, например, на третьем небе находится обитель царя мертвых Ямы. Из гимнов же известна и более древняя, двучленная модель строения вселенной: *dyāvāprthivī* (du.) 'Небо и Земля' (парное божество в РВ) или *ródasi* (du.) две половины мироздания, т. е. Земля и Небо. Основной космогонический подвиг богов заключается в создании третьей, промежуточной сферы: в разведении слитых между собой Неба и Земли, удерживании их врозь, создании опоры, на которой зиждятся эти два полюса. Этот космогонический подвиг приписывается в РВ целому ряду богов (Индре, Адитьям, Соме и др.). Вселенная, состоящая из двух отдельных полюсов, соединенных через некий третий посредствующий член, представлялась упорядоченной.

В основе ведийской космогонии лежит оппозиция: «упорядоченная вселенная — неупорядоченная вселенная». Предлагаюсь рассматривать эту оппозицию как инвариант, реализующийся в тексте в виде ряда вариантов, а именно: устанавливать опору (*ruh-*, *rohāyati*); осуществлять посредничество, создавая пространство (*antār car-*); удерживать врозь (небо и землю), быть их основой (*stabh-*); наполнять пространства (*prā-*); быть единым (*ēka-*) или охватывать все существа.

Эти варианты элементарного космогонического акта выступают в тексте гимнов как действия или как атрибуты различных богов, и таким образом древнее мифологическое пространство РВ характеризуется взаимозаменяемостью, функциональной тождественностью богов — космогонических агентов. Богов в функции космогонических агентов могут замещать также некоторые символические предметы и понятия: дубина грома (*vājra-*), гора (*ācman-*), космическое дерево (*açvatthā-*), солнечные лучи (*raçmi-*), колесо (*cakrā-*), колесница (*rātha-*) и др., а также ряд предметов ритуала (о чем см. ниже).

Основные мифы РВ фактически кодируют одну и ту же

тему: организация вселенной в соответствии с космическим порядком, что достигается путем борьбы богов с демонами, олицетворяющими силы хаоса: Индра убивает дракона Вритру, сковывавшего течение рек, и выпускает течь воды; Индра находит коров, спрятанных демонами-пани в скале-Вала, и, проломив скалу ваджрой, выпускает коров наружу (корова — важный ведийский космогонический символ; ср. вариант этого мифа: Индра находит свет, замкнутый в скале). Или другой вариант мифа Вала: Брихаспати находит коров и громким ревом проламывает скалу (еще один вариант: Ангирасы пением проламывают скалу), выпуская коров, и т. д. Космогоническую основу, как известно из индологической литературы, имеют и три шага Вишну, покрывающие всю (трехчленную) вселенную, и ежедневный объезд (*vartis-*) трех миров Ашвинами на трехколесной колеснице и др.

Космогония, отраженная в РВ, циклична: космогонический акт повторяется по прошествии определенного времени. Регулярно совершают Ашвины свой объезд вселенной, появляется, сменяя тьму, сверкающая Ушас, вздымает руки Савитар, давая жизнь всему живому, совершает по небу свой путь Сурья и т. д. — иными словами, космос сменяет хаос регулярно.

Известно, что ведийская космогония имеет ритуальный аспект. Цель жертвоприношения — осуществление связи между миром богов и миром людей. Таким образом, функционально оно тождественно среднему связующему звену, соединяющему два космических полюса: небо и землю. Предметы, используемые в ритуале, имеют свое соответствие в космогонической символике мифов: жертвенный костер (*agnī-*) и небесный огонь (ср. ведийские схоластические рассуждения о том, сколько существует Агни [например, X, 88, 18] и небесную ипостась Агни — *Vaiṣṇanarā-*) — его зажигают на «тройном месте» (ср. трехчленность вселенной), т. е. три костра, ориентированные на стороны света; жертвенный столб (*yūpa-* и др.) и космический столп, опора между небом и землей; алтарь (*védi-*), который устанавливают на «пупе земли» (*ñabhiḥ prthivyās*), и центр мироздания и т. д.

Жрец, совершающий жертвенное возлияние в огонь, по своей функции тождествен богу Агни — посреднику между богами и людьми, передающему своим пламенем жертвоприношение богам (его называют обычно божественным хотаром, но возможны отождествления и с другими разрядами жрецов, см. II, 1, 2). Кстати, другой бог — посредник между миром богов и миром людей, Сома, также имеет ярко выраженный ритуальный аспект: сок растения, особо выжимаемый и приготавливаемый в ритуале жертвоприношения — напиток бессмертия богов, которому функционально эквивалентны жир (одна из космических субстанций), дождь, мед, молоко, совершающие кругооборот между небом и землей.

Отношения ведийского макрокосма и микрокосма строились по принципу круговорота, обмена, который в космическом плане регулировался космическим законом (*ṛtá-*), а в ритуальном плане жертвоприношением (*yajñá-*).

Ṛtá- рассматривается как универсальный принцип, в соответствии с которым существует ведийская вселенная. Нигде не сказано, чтобы кто-либо создал *ṛtá-*. Его обычно охраняют (ср. сложное слово *ṛtá-pā-* 'охраняющий *ṛtá-*') — эта функция характеризует прежде всего класс богов Адитьев, — соблюдают, стремятся к нему. *Ṛtá-* можно лишь повторно воспроизводить в соответствии с установленными временными циклами; так, например:

Yád adyá sūrya udyati | priyakṣatrā ṛtām dadhá | yán nirmūci prabūdhi viçvavedaso | yád vā madhyāmdine divāh || ... (VIII, 27, 19 гимн Всем Богам) 'Когда сегодня на восходе солнца, о милые владыки, вы установили *ṛtá-*, когда на закате, при пробуждении, о вы, всеведущие, или же когда в середине дня...'. Ничего не сопоставляется с *ṛtá-* как равноценное. В этом смысле не случайно отсутствие слов типа *dvaṁdva* с *ṛtá-* в качестве составной части.

В синтаксических сочетаниях *ṛtá-* чаще всего встречается в G.sg., определяя целый ряд имен существительных. Эти сочетания обозначают:

место *ṛtá-* — *ṛtasya yóni-* 'лоно *ṛtá-*', ~ *nābhi-* 'пуп *ṛtá-*', ~ *sānu-* 'вершина *ṛtá-*', ~ *budhná-* 'основа *ṛtá-*', ~ *dhāman-* 'обитель *ṛtá-*', ~ *sādana-* (*sādana-*, *sādas-*, *sādma-*) 'сиденье *ṛtá-*', ~ *padá-* 'след *ṛtá-*', ~ *kṣāya-* 'жилище *ṛtá-*' (в равной мере о космическом законе и о жертвоприношении);

символику *ṛtá-*, связанную с коровами — *ṛtasya dhārā* 'поток *ṛtá-*', ~ *pāyas-* 'молоко *ṛtá-*', ~ *dhenāvas* (*dhénās*, *gās*) 'коровы *ṛtá-*' или их разновидности: *ṛtasya pñṇayas* 'пестрые (коровы) *ṛtá-*', ~ *vācṛās* 'мычащие (коровы) *ṛtá-*', ~ *sudúghās* 'хорошо (доящиеся) коровы *ṛtá-*' (о жертвоприношении);

символику *ṛtá-*, связанную с движением и его способами — *ṛtasya rátha-* 'колесница *ṛtá-*', ~ *naú-* 'ладья *ṛtá-*', ~ *raçmi-* 'луч *ṛtá-*', ~ *pátman-* 'полет *ṛtá-*', ~ *rathī-* 'колесничий *ṛtá-*', ~ *dvārā* 'врата *ṛtá-*';

путь *ṛtá-* — *ṛtasya pánthā* (*pathiā-*, *vartani-*);

богов как отпрысков *ṛtá-* — жертвоприношения (прежде всего Агни и Сому) — *ṛtasya gárḇha-* 'зародыш *ṛtá-*', ~ *prajā-* 'потомок *ṛtá-*', ~ *prathamajā-* 'первородженный *ṛtá-*';

богов как хранителей и защитников *ṛtá-* — *ṛtasya gopī-* 'пастух *ṛtá-*', ~ *pāti-* 'господин *ṛtá-*', ~ *vṣan-* 'бык *ṛtá-*', ~ *netár-* 'вождь *ṛtá-*', ~ *vedhás-* 'устроитель или почитатель *ṛtá-*', ~ *vīpra-* 'вдохновенный (певец) *ṛtá-*', ~ *dhartár-* 'опора *ṛtá-*';

предписания и обеты *ṛtá-* — *ṛtasya pradiç* (*praçis-*, *dhárman-*, *vratá-*).

Кроме того слово *ṛtá-* нередко встречается в наречном употреблении *adv. ṛténa* 'правильно', 'закономерно', 'справедливо'.

На основании значений, которые имеет *ṛtá-* в наиболее характерной для данного слова синтаксической конструкции, можно сделать вывод о том, что понятие универсального принципа, организующего вселенную, — *ṛtá-* связано с такими важными в ведийской космогонии понятиями, как «центр» и «путь», «коровы» и «колесница». *Ṛtá-* порождает богов, и боги служат ему опорой. *Ṛtá-* «закон» и «справедливость», из него исходят более частные установления и обеты типа *dhāman-* (чаще Митры-Варуны, но также и других богов) и *vratá-* ('обет' богов — чаще Адитьев, а также людей). О последнем, например, известно, что его создали боги. — Так, в гимне Агни (I, 36, 5) говорится: *tvé vícivā sám gatāni vratā dhruvā yāni devā ákṛṇvata* 'В тебе сошлись все прочные обеты, которые создали боги'.

Ṛtá- в ведах находится в оппозиции к *ánṛta-* 'хаос', 'отсутствие порядка', 'отсутствие закона', с которым связаны силы зла — демоны. Поскольку для ведийской модели характерно описание положительного члена оппозиции, а не отрицательного, его можно лишь представить себе с обратным знаком по сравнению с *ṛtá-*. В АВ есть персонификация — богиня *Nirṛti* 'Гибель', хтоническая фигура, утаскивающая свои жертвы вниз, накидывая на них петли, и отождествляемая со смертью.

Центральным понятием ритуального аспекта является жертвоприношение *yajñá-*. Этим термином обозначался целый комплекс действий, оперирующих не только такими материальными жертвенными субстанциями, как жертвенное возлияние в костер (*havís-*), топленое масло (*ghṛtá-*), напиток из сомы и пр., а также различные жертвенные животные, но и исполнение искусно сделанного гимна, вознесение молитвы, прославление (например, IV, 22, 1, где говорится о том, что именно радует Индру: *bráhma stótam ... sómam ukthā* 'Молитва, прославление... сома, хвалебные песни...').

О космогонической интерпретации жертвоприношения на уровне сюжетов в РВ и в АВ (например, гимны Пуруше) говорилось ранее.

Существительное *yajñá-* часто встречается в синтаксических сочетаниях с глаголами. Обычно в этих сочетаниях *yajñá-* стоит в I.sg. и pl. в конструкциях типа *devāya yajñāis (yajñéna) id-, dāṣ-, stu-* и т. п. 'Почитать бога (D.) жертвами (жертвой)'. Гораздо реже *yajñá-* стоит в A.; ср. два варианта при глаголе *yaj-*: *ījé yajñébhīḥ* (I. pl.) (VI, 13, 2) 'Он жертвует жертвоприношениями' и *yajñām ... yakṣatām* (A.sg.) (I, 13, 8) 'Пусть они двое пожертвуют жертву!'.

В именных сочетаниях, употребляясь в G.sg. и pl., *yajñá-* определяет ряд существительных, часть которых совпадает с

существительными в соответствующих конструкциях с *ṛtá-*, например: *yaṁjā́sya nábbhi-* 'пуп (т. е. центр) жертвоприношения', ~ *gárbha-* 'зародыш жертвоприношения' (о хвалебной песне или молитве), ~ *netár-* 'вождь жертвоприношения' (об Агни), *yaṁjā́nām rathí-* 'колесничий жертвоприношений' (о нем же). Подобная закреплённость одной и той же лексики за *yaṁjā-* и *ṛtá-* подчеркивает их функциональное сходство.

Специфичное для *yaṁjā-* сочетание *yaṁjā́sya ketú-* 'зная жертвоприношения' (также сложное слово *yaṁjā́ketu-* — *id.*) в применении к пламени жертвенного костра обозначает, как неоднократно отмечалось, понятие, эквивалентное космическому дереву.

Функция посредника между миром людей и миром богов, присущая *yaṁjā-*, вытекает из идеи обмена, на которой покоится жертвоприношение: жертва приносится ради награды. Боги принимают жертву (вкушают ее буквально или радуются ей) и взамен посылают жертвователю испрашиваемые блага. Регулярное приношение жертв — это залог процветания для адпта. Об этом говорится в следующем стихе (IV,2,5): *gōmāñ agnē 'vīmāñ aṣvī yaṁjā́ | nṛvātsakhā sādām id apramṛṣyāñ | itā-vāñ eṣo asura prajā́vān | dīrgho rayīñ prthubudhnāñ sabhā-vān ||* 'Жертва, о Агни, влечет за собой коров, овец, коней, мужественных друзей. О ней никогда нельзя забывать. Она приносит подкрепление, о Асура, потомство. (Это), длительное богатство, с широкой основой, хорошего рода'. Природа жертвы отражена также в термине *iṣṭāpūrtá-* 'исполненное в соответствии с пожертвованным'.

В более широком смысле можно сказать, что жертвоприношение существенно не потому, что оно приносит какие-то конкретные блага (коровы, потомство и пр.), а прежде всего потому, что оно служит постоянным средством связи мира людей с миром богов, тем самым поддерживая *status quo* вселенной в представлении ведийцев. В этом отношении важна регулярность приношения жертв (три раза в день, а кроме того строгая цикличность специальных жертвоприношений, ориентированных на лунный календарь). Жрец, совершающий жертвоприношения, как агент микрокосма изофункционален богам, охраняющим *ṛtá-*, как агентам макрокосма (об этом говорит обожествление брахманов, нашедшее свое отражение в АВ и в еще большей мере в ЯВ, а также поздний ведийский мифологический сюжет ЯВ и брахман о том, как жертвоприношение перебегало от богов к асурам, и из-за этого возникала космогоническая борьба между теми и другими).

Способ лингвистического кодирования соответствующих понятий отражает функцию средства связи между двумя сферами. Жертву, хвалебную песнь, Священную Речь приводят в движение (*ī-* в *caus.*), везут (*vah-*) и ведут (*nī-*) к богам (см. сложные слова *ukthāvāhas-* 'произносящий гимны',

букв. 'везущий гимны' и *ya jñāvāhas-* 'приносящий жертвы', букв. 'везущий жертвы' и пр.). Возлияния, гимны, жертвенные животные и дут (*gam-*) на небо (например, в АВ, IX,5,1 жертвенный козел вступает [*ā kram-*] на третье небо). Говорится о пути жертвы, ее называют колесницей или упряжкой. В своем движении на небо жертва протягивает нить (*tāntum ā tan-* о жертвенном быке в АВ, IX,4,1); здесь имеет место параллель с брахманским шнуром, космогоническая роль которого хорошо известна.

Двусторонний характер такого обмена через жертвоприношение, когда на одном конце связи дают, а на другом конце берут и в свою очередь дают взамен, моделируется семантической структурой некоторой части лексики, обозначающей сакральные и ритуальные понятия. Так, например, двустороннюю направленность имеет значение *brāhmaṇ-* 'молитва', 'религиозное вдохновение' (направленное от адепта к богу) и «вдохновение» бога при совершении подвигов на благо адепта (направленное уже от бога к адепту): *sutā it tvām nimiṣṭa indra sōme stōme brāhmaṇi śasyāmāna ukthé ...* (VI,23,1) 'Тебе ведь нравится, о Индра, выжатый сома, восхваление, молитва, произносимый гимн...' и *tāt tvā yāmi suvīryam tād brāhma ... yēna praskaṇvam āvitha* (VIII,3,9) 'Я иду к тебе с просьбой о той отваге, о той силе вдохновения..., с помощью которой ты поддержал Прасканву'⁵.

В соответствии с изложенными выше взглядами ведийцев на космогонию можно дать краткое описание ведийской модели мира, изобразив ее как пространство, определяемое двумя осями: вертикальной и горизонтальной, пересекающимися в центре. Основная оппозиция, характеризующая эту модель, которую следует принять за некий инвариант, это «центр — периферия», причем на разных уровнях интерпретации данная оппозиция представлена различными вариантами. Такая модель в том виде, в котором она реализована в ведийских самхитах, носит положительный характер по преимуществу, и отрицательная часть обрисована здесь лишь самым общим, неопределенным образом (скорее, ее можно описать через отсутствие положительных дифференциальных признаков, характеризующих противоположную часть).

Главным для ведийской модели мира является понятие «центра», по отношению к которому описывается пространство по вертикали и по горизонтали. Центр — это максимум положительного качества различного признака любой оппозиции, описывающей соотвествующее пространство, по мере же удаления от центра это качество уменьшается вплоть до полного исчезновения (пространство же в этой части трактуется как отрицательная часть модели).

⁵ Подробнее об этом см. ниже, в разделе «Лексика».

В центре ведийской вселенной находится космический закон *ṛtā-*, скала *ācman-*, алтарь *vēdi-* или какой-либо замещающий его предмет, как, например, жертвенный столб *yūpa-* и пр., космическое дерево *aṣvatthā-*, изофункциональное с жертвенным столбом, жертвенный костер *agnī-*, вершина *sānu-* (скалы, Агни, неба, земли и т. д.). Через этот центр проходит axis mundi. Он — средоточие сакральности, которая уменьшается по мере удаления от него.

В центре космоса пребывает *ṛtā-*, вокруг которого сосредоточены боги *devā-* (индивидуальные и групповые), охраняющие *ṛtā-* и живущие в соответствии с ним. На периферии находятся демоны (также индивидуальные и групповые), враждующие с богами и находящиеся вне *ṛtā-*. Термин *āsura-* в РВ амбивалентен, поскольку может обозначать и богов, и демонов (но лишь тех из каждого класса, которые связаны с силой чудесных превращений *māyā*), начиная же с ЯВ обозначает только демонов, четко противопоставленных богам. Сфера богов является центром притяжения более низких разрядов деификаций: Апсарас, Гандхарвов, Ангирасов, мифических героев и жрецов, неантропоморфных объектов, а также занимающих особое место «отцов» (*pitāraḥ*) — усопших предков, живущих на третьем небе и служащих в поминальных ритуалах посредниками между людьми и богами.

К высшему уровню ведийского пантеона относятся 33 бога, которые традиционно соотнесены с тремя частями вселенной: небом, воздухом и землей. При этом пантеон в целом не является замкнутым, поскольку включает немало абстрактных богов разного типа: богов с именами с суффиксом деятеля *-tar-*, отражающими элементарные космогонические акты (*Tvāṣtar* < *tvaṣ-* 'придавать форму', *Savitār* < *su-* 'порождать' и т. п.); богов-создателей (*Prajāpati-* 'Господин потомства', *Viṣvākarman* 'Творец всего'); богов — персонификаций абстрактных понятий (*Vāc-* 'Речь', *Ṛddhā-* 'Вера', *Manuy-* 'Гнев', *Kālā-* 'Время' и т. п.).

Значительная часть ведийских богов сохранила связь с соответствующими явлениями природы, при этом несколько богов могут быть соотнесены с одним явлением природы в разных его аспектах (так, с солнцем связаны Сурья, Савитар, Агни, Митра, Пушан, Ушас). В результате, сферы действия богов постоянно пересекаются, разные боги оказываются функционально синонимичными. Иными словами, некоторые дифференциальные признаки, составляющие характеристику разных богов, совпадают, то актуализируясь, то нейтрализуясь в тех или иных мифологических контекстах. Это дает возможность для установления рядов отождествлений ведийских богов друг с другом типа: «Ты, Агни, — Индра, ... ты — Вишну, ... ты, Агни, — царь Варуна» и т. д. (II, I). За счет той же особенности следует отнести и возможность функционального повышения в

ранге любого божества независимо от его места в системе (генотеизм, или катенотеизм).

Принцип, эквивалентный генотеизму в мифологии, характерен для ведийской модели мира вообще. В определенной ситуации любой символический предмет (птица, конь, колесница, целебное растение, давящие камни, стихотворные размеры и др.) может быть помещен в центр, и вокруг него создается сакральное пространство. Из этого следует, что ведийская модель мира в принципе центростремительного типа и сакральный центр обладает притягательной силой по отношению к профанической периферии.

Трехчастное по вертикали, ведийское пространство концентрически расположено по горизонтали вокруг «центра земли» — места жертвоприношения, из которого исходят четыре стороны света⁶ (*diç-* или *pradiç-*): *uttara-* 'северная', *dākṣiṇa-* 'южная', *pūrva-* 'восточная' и *āpara-* 'западная' (ни одно из слов, обозначающих стороны света, не однозначно; все они кроме того выражают еще временную или иную пространственную ориентацию: *uttara-* 'верхний', 'лучший'; *dākṣiṇa-* 'правый'; *pūrva-* 'передний', 'предшествующий', 'старый', 'ранний'; *āpara-* 'задний', 'поздний', 'другой'). Из сторон света восток или северо-восток связан с богами, а юг с «отцами» и царством мертвых Ямой. Стороны света вообще постоянно используются в ведийских рядах отождествлений элементов макро- и микрокосма. Так, например, в оригинальных мантрах ЯВ ряд отождествляемых изоморфных понятий включает сторону света, время года, бога, тип богатства, тип прославления-стома (*stōma-*), животное определенного возраста, определенный бросок при игре в кости, направление ветра, имя риши (ТС IV,3,3). Концентрическая структура пространства по горизонтали отчетливо выражена в ритуальном аспекте: кольцевые ограды, окружающие жертвенный костер и моделирующие элементы мироздания.

Ведийская пространственная ориентация отражена в группе дейктических прилагательных, имеющих одинаковую морфологическую структуру: корень (обычно таковым служит наречие-приставка, выражающее направление) + чередующийся суффикс *-āñc-/ac-* (этимологически не суффикс, а самостоятельный корень), иногда распространяемый вторичным суффиксом *-īna-*: *anvāñc-*, *anīcīnā-* 'направленный вслед за другим' (*ānu* 'вслед за'); *āpāñc-*, *apācīnā-* 'обращенный назад', 'на запад' (*āpa* 'прочь'); *arvāñc-*, *arvācīnā-* 'обращенный сюда' (**arva-* 'близкий'); *āvāñc-* 'направленный вниз' (*āva* 'вниз'); *ūdāñc-* 'направленный вверх', 'северный' (*ūd* 'вверх'); *nīāñc-* 'направленный вниз' (*nī* 'вниз'); *pārāñc-* 'обращенный прочь', 'направленный вдаль', 'проходящий' (о времени) (*pāra* 'прочь'); *pratyāñc-* 'на-

⁶ Иногда сторон света насчитывается пять, к ним причисляют еще зенит, например, *pāñca pradiças* (IX, 86, 29 или ТС I, 6, 5d).

правленный навстречу' (*prāti* 'навстречу', 'напротив'); *prāñs-*, *prācīna-* 'обращенный вперед', 'восточный' (*prā* 'вперед'); *viṣvāñs-* 'направленный во все стороны' (*viṣva-* 'весь'); *viṣvañs-*, *viśūcīna-* 'направленный в разные стороны' (*viśu* 'в обе стороны', 'в разные стороны').

В представлении ведийцев время, как и пространство, имеет циклическую структуру. Символом времени является колесо (*cakrá-*), которое в разных мифологических контекстах может быть представлено также такими вариантами, как колесница, конь, запряженный в колесницу, солнечный диск (=глаз богов). В одной из космогонических загадок РВ (I,104,11) время, отождествляемое с годом, изображается как вертящееся по небу колесо о двенадцати спицах (12 месяцев), на котором находятся стоящие парами его 720 сыновей (дни и ночи).

Цикличность времени и регулярная повторяемость этих циклов в соответствии с законом *rtā-* моделируется на мифологическом уровне всеми богами, связанными с небесными светилами и с путем: регулярно движется по небу Сурья, поднимает руки Савитар, появляется, сменяя ночь, Ушас, стережет пути Пушан, совершают объезд вокруг вселенной Ашвины и т. д. Именно идея циклического времени вызвала к жизни описание солнца как дневного и ночного: *prācīnam anyād ānu vartate rāja | úd anyēna jyōtiṣā yāsi sūrya* (X,37,3) 'Ты вращаешься на восток через одно темное пространство, ты восходишь, о Сурья, другим, светлым пространством'.

Основное название для времени в РВ — это *rtū-* (имя, образованное суффиксом *-tu-* от того же глагольного корня *ar-* 'приводить в движение' и пр., что и *rtā-* — причастие совершенного вида от этого глагола)⁷. Значения *rtū-* это: 'определенное, установленное время', 'время жертвоприношения', 'время года', 'определенная, установленная последовательность', 'порядок', 'регулы'. Образованное от этого имени наречие *rtuthā* значит 'в определенное, установленное время', 'во время регулярных жертвоприношений', 'в соответствии с временами года'; 'регулярно', 'правильно'. Таким образом, уже в лексическом значении обозначения времени в РВ выражены, во-первых регулярность, цикличность, и, во-вторых, изоморфность космического и ритуального циклов.

Основным циклом ведийского времени является *samvātsara* 'год' (с ним отождествляется время вообще в некоторых мифологических контекстах РВ)⁸. Он делится на пять или шесть

⁷ Название времени *kālā-* в РВ встречается только один раз в поздней части (X,42,9). В АВ — персонафикация времени это именно *Kāla*, слов *samaya-* (от *sam* 'с'+*i-* 'двигаться' стало основным для обозначения времен позже).

⁸ Другое название года *hāyanā-* гораздо более редко; оно засвидетельствовано впервые в АВ; сравнительно редкое слово *sāmā-* означает 'полугодие', 'время года', 'год'.

сезонов: *vasantá-* 'весна', *grīṣmá-* 'лето', *varṣá-* 'сезон дождей', *ṣarád-* 'осень', *himá-* 'зима', *ṣiṣira-* 'прохладный сезон' (если сезонов пять, то прохладный сезон особо не выделяется; в более поздних ведийских текстах их всегда шесть), которые в свою очередь делятся на два месяца каждый. Если год отождествляется с каким-либо сезоном, то с осенью; у богов просят, например, долголетия в сто осеней (*ṣatāṣarada-*).

Существует изоморфизм малого и большого циклов. Год делится на две половины, лунный месяц — на темную и светлую половину, сутки — на день и ночь. Рубежом большого цикла является смена старого и нового года, рубежом малого цикла — смена темной и светлой половины месяца. Ночь полнолуния (*paurṇamāśi-*) и ночь новолуния (*amāvāsyā-*) в АВ обожаются. Они являются временным центром для цикла жертвоприношений. От них отсчитываются дни лунного календаря.

Слово, обозначающее «день», одновременно значит «небо» и «свет» — *div-/dyu-*. От того же корня образовано название *devá-* 'бог' (ср. ведийский глагольный корень с согласным распространением *dyut-* 'сверкать', 'сиять').

Время в ведийской модели мира сопряжено с пространством. Диахронически они произошли из одного источника (как бы он ни трактовался). Синхронически между элементами того и другого в космическом и ритуальном плане устанавливаются ряды отождествлений, начиная с ЯВ и далее в брахманах и упанишадах.

Числовые константы ведийской модели мира — это «три» и кратные ему числа, «четыре», «семь». Например, вселенная трехчастна, есть три неба, три колеса у колесницы Ашвинов, три жертвенных костра, богов насчитывается 33, рек — 99 и т. д.; есть четыре стороны света, земля четырехугольна, жертвенная колесница имеет четыре ярма, четырехглазым называют Агни, у богов просят четыре моря богатств; есть семь мудрецов (звезды Большой Медведицы), у солнца семь лучей (=конь с семью поводьями), семь священных рек, семь обязанности жреца и т. д.

Ведийская модель мира, космогоническая по преимуществу, основана на противопоставлении широкого организованного пространства (*urú loká-*) узкому и страшному хаосу (*āmhas-*). От *āmhas* к *urú loká-* ведет путь (*pathi-, gātú-*). Ведийская вселенная противопоставляется неведийской, а ведийский человек — неведийскому (иные уровни интерпретации описанной выше космогонической модели). При другой интерпретации этой модели, в центре находится царь (*rājan-*), изофункциональный богам высшего уровня и наделенный некоторыми их характеристиками (ср. *rāj-* 'править' и *rāj-* 'сверкать', 'сиять'). В центре может быть также помещен жрец (*brahmán-*), совершающий жертвоприношения. Вокруг центра располагается иерархия жрецов (*hótar-, puróhita-, udgātár-, adhvaryú-* и др.),

а также мудрецы, слагатели гимнов и проч. (*ṛṣi-*, *kavi-*, *vīpra-* и т. д.). Эквивалентность царя и жреца в определенных ситуациях нашла свое отражение в некоторых ритуалах, например, в ритуале помазания царя на царство (*rājasūya-*).

К миру ведийского человека принадлежат те, кто поклоняется богам, принося им жертвы (*yájamāna-*, *yájvan-*); противостоят те, кто этого не делает (*aya jñā-*, *ādeva-*). Ведийскому человеку (*ārya-*) противостоят враги (*dāsa-/dāsya-*). Для этой модели существенно, что враги богов и их адептов названы одним и тем же словом — *ādeva-* 'не поклоняющийся богам' и 'не-бог' (в противоположность *devá-*); *dāsa-*, *dāsya-* не только «варвары» (враждебные неарийские племена), но и «демоны» — противники богов. *Ārya-* живут, располагаясь вокруг центра (*ārīr viśaḥ* 'арийские племена', *pāñca jānāḥ* 'пять народов'), *dāsa-/dāsya-* — на периферии арийского мира.

В мире ведийского человека *āpahas-*, понимаемому как «узость», «недостаток», «ограниченность», «нужда», «беда», противостоят понятия «широта», «полнота» (материальных и прочих благ), «изобилие», «плодородие», «богатство», «благополучие». Именно о них просит ведийский человек своих богов. Слова, кодирующие полноту жизни *ārya-*, — это *gó-* 'коровы', *ghṛtá-* 'жир', *mádhu-* 'мед' и др., *dā-* 'давать' и многочисленные глаголы, имеющие другое лексическое значение, но в мифологических контекстах РВ функционирующих как синонимы «давать» — *duh-* 'доить' (например, «доить молитву» или «доить жертву» означает получать искомое богатство через их посредство).

При изоморфизме разных уровней в ведийской модели мира существуют понятия, которые не закреплены строго за какой-нибудь одной сферой и могут быть перенесены в другую. Так, космическая топография в значительной степени состоит из предметов, основным локусом которых является земля (река, поток, море, скала, дорога). Еще в большей степени это относится к космической фауне и флоре (корова, бык, конь, козел, собака, обезьяна, черепаха, птица, змея; дерево, целебная трава). В результате такого взаимопроникновения элементов в мифологическом повествовании иногда может быть неясно, идет ли речь о мире богов или о мире людей.

Соотносимые друг с другом предметы разных уровней часто обладают одинаковыми предикатами и атрибутами, например, катятся (*vṛt-*) колесница и солнце, имеют поводья (*raçmi-*) конь и солнце, правит (*rāj-*) царь и боги и т. п. В лингвистическом плане это значит, что изофункциональные мифологические персонажи и символические предметы могут быть закодированы одними и теми же выражениями, которые тем самым становятся знаком определенной функции. Например, в контекстах РВ выражение *tantum tanoti* 'протянуть нить' обычно связано с функцией посредника. Так описывается Агни —

жертвенный костер: *yó ya jñā́sya prasā́dhanas | tántur devéṣu ātataḥ | tām āhutaṁ naçimahi* || (X,57,2) букв. 'Кто исполнитель жертвоприношения, нить, протянутая к богам, того окропленного (жертвенным маслом), мы хотим достигнуть'; молитва, воссылаемая к богам поэтами: *nāvyaṁ-nāvyaṁ tántum ā tanvate divi | samudré antāḥ kavāyaḥ suditāyaḥ* (I,159,4) 'Все новую нить тянут к небу из глубины океана блистательные поэты'; потоки сомы: *tántum tanvānām uttamām | ānu prāvāta āçata* (IX,22,6) 'Они устремились вниз по путям — высшей тянущейся нити' и др. Обыгрывание таких выражений является одной из характерных черт стиля РВ (ср. также *ṛtāsya yóni-* 'лоно *ṛtá-*', *ṛtāsya pathi-* 'путь *ṛtá-*', *ūdhar duh-* 'доить вымя' и др.).

Использование одного слова для обозначения эквивалентных друг другу предметов и понятий, принадлежащих к разным уровням, способствовало развитию многозначности прежде всего у того круга ведийской лексики, который кодирует ключевые понятия ведийской модели мира (подробнее об этом см. в разделе «Лексика»).

Мифологические сюжеты большей частью не излагались в линейной последовательности. О них упоминалось как о чем-то известном. Мифы РВ, таким образом, даны нам не в динамической, а в статической репрезентации. Иногда миф мог приобретать свернутую форму в виде эпитета или атрибута мифологического персонажа, иногда это только название действия без какой-либо сюжетной мотивировки (например, при обращении к Ашвинам: «Вы сделали старого Чьявану молодым», «Вы вывели сына Тугры из воды», «Вы подарили Педу белого коня» и др.), развернутое же содержание мифа узнается только из более поздней традиции. Бывает, что за данным мифом закрепляется определенная лексика и фразеология, и по ним в случаях сжатого изложения этого мифа, его можно узнать. В неясных мифологических контекстах РВ это служит словесным знаком мифа.

Широко используется звуковой символизм, с помощью которого передается дополнительная информация: в звуковую ткань гимна вплетаются звуковые намеки на имя божества, которому посвящен гимн (например, в гимне богине Речи *Vāg Āmbhñī* [X,125,1]: *ahām... bibharmu | ahām indrāgnī* и т. п.), на имя риши, который создал гимн (например, в гимне X,21, автор которого *Vimada*, в каждом стихе повторяется *vī vo māde ... vīvakṣase* 'В опьянении (сомой) я хочу вам провозгласить' и т. п.), на тему гимна (например, в «Гимне Единения» (X,191) обыгрывается слово *sām* 'вместе' и т. п.).

Поскольку время мифологического повествования не ориентировано на момент речи, в ведийском языке (прежде всего в РВ и в гораздо меньшей степени в других ведах) используется такой лингвистический архаизм, как инъюктив, система гла-

гольных форм, не различающих грамматического времени и наклонения, в качестве стилистического приема для создания вневременного или всеобщевременного изложения мифологических событий. Наконец, в тексте древних гимнов модальные формы заметно преобладают над временными, при этом следует иметь в виду, что модальные формы не выражают категории времени, и, таким образом, возможности для выражения времени сужаются.

Набор древних мифологических сюжетов очень невелик. В тексте гимнов они неизменно повторяются то с некоторыми вариациями, то в виде одних и тех же застывших штампов. Единая космогоническая основа этого древнего круга мифов, периодическое возобновление космогонического цикла, возможно, моделируются подобной структурой содержания самой древней самхиты.

Семантика текста ведийских самхит определяет ряд особенностей структуры текста, лексики, синтаксиса и даже морфологии.

ЛЕКСИКА

Для ведийской лексики наиболее существенными общими характеристиками являются синонимия и полисемия. Эти два показателя противопоставлены друг другу. Первый из них определяет степень гибкости языка и отражает возможности передачи одного значения разными лексическими единицами. Второй определяет степень диффузности значений одного слова и отражает возможность передачи многих значений одной лексической единицей.

В ведийском языке широко используется принцип номинации, при котором один десигнат обозначается через разные признаки, что приводит к возникновению лексических **синонимов**. Обозначаемые наибольшим числом слов десигнаты являются, как правило, ключевыми понятиями ведийской модели мира, проходящими через все ее три сферы: космос, жертвоприношение и землю (в меньшей степени этот принцип распространяется и на другие пласты лексики).

Наиболее длинные синонимические ряды в ведийском языке характерны для имен. Отдельные члены этих рядов выглядят иногда как символические обозначения десигната — мотивировкой принципа номинации в этих случаях являются мифологические, религиозные, магические и пр. отождествления (прежде всего это относится к РВ). К этому следует добавить еще сложные ряды квазисинонимов (слов, выражающих видовые или родовые различия общего значения). В результате получаются разнородные синонимические ряды, связанные между собой общим десигнатом.

В качестве иллюстрации можно привести синонимы, обозначающие «корову» в РВ: *gô- f.* 'корова' (общее название рода; т. 'бык'); *âghniâ-* букв. 'неубиваемая', 'невредимая'; *âditi-* букв. 'неограниченная', 'неисчерпаемая' (=пот.рг. богини, которую может символизировать корова); *usrâ-, usriyâ-* букв. 'красноватая' (ср. глагол *vas-* 'вспыхивать', 'зажигаться'; коровы = розовые утренние облака); *gr̥ṣti-* 'корова, отелившаяся

один раз'; *dákṣiṇā* — 'дойная корова' (= 'награда за жертву'); *dhénā*, *dhenú* — 'дойная корова' (ср. глагол *dhay* — 'сосать'); *róhiṇī* — 'рыжая корова' (ср. *rohít* — 'красный'); *vaçtī* — 'корова не стельная и не отелившаяся', букв. 'хотящая' (ср. глагол *vaç* — 'хотеть'); *vāçrā* — букв. 'мычащая'; *vṛjanī* — букв. 'находящаяся в загоне'; *çyāvā* — 'коричневая'; *starī* — 'яловая или неотелившаяся корова'.

Наибольшим числом синонимов (в порядке убывания) в РВ обозначены следующие понятия.

Около 50 слов выражают понятия:

«хвалебная песнь»/«хвала» — *āṅguṣā*, *arkā*, *ukthā*, *ucātha*, *fc*, *kārā*, *gātū*, *gāthā*, *gāthā*, *gāyatrā*, *gir*, *gūrti*, *carkṛti*, *chāndas*, *jarā*, *triṣṭúbh*, *nāviṣṭi*, *nāvā*, *nithā*, *panū*, *panū*, *pāriṣṭuti*, *prāçasti*, *prāstuti*, *bhāra*, *mānman*, *medhā*, *vācas*, *vāndana*, *vandāru*, *vākā*, *vīp*, *çāmṣa*, *çāsā*, *çasti*, *çūṣā*, *çrāvas*, *çlōka*, *sāman*, *sumati*, *sumnā*, *svorkti*, *suçasti*, *suṣṭuti*, *sūktā*, *sūnṛtā*, *stāva*, *stavātha*, *stotrā*, *stōma*;

«пламя»/«свет»/«блеск» (Агни, Сурьи и др.) — *arkā*, *arci*, *arcis*, *rṣū*, *aidhā*, *ketū*, *kṣāti*, *gharmā*, *ghṛnā*, *ghṛnā*, *ghṛni*, *ghraṃsā*, *cākṣus*, *jūrni*, *jyōtis*, *tapanī*, *tāpas*, *div*/dyū, *pavā*, *pājas*, *prakāçā*, *praketā*, *bhānū*, *bhāma*, *bhās*, *bhāsas*, *bhramā*, *bhrājas*, *rokā*, *rocanā*, *rocis*, *vakṣī*, *vayūna*, *vārna*, *vāstu*, *vidyūt*, *virokā*, *vivāsvan*, *çukrā*, *çúc*, *çūci*, *çōka*, *çocis*, *çṛt*, *suurmī*, *sūar*/sār, *hāras*.

Более 30 слов выражают понятие:

«жертвоприношение»/«жертвование»/«жертва» — *adhvarā*, *āsic*, *āhavana*, *āhuti*, *iḥ*, *iḥā*, *iṣti*, *iṣidh*, *upasecana*, *ōha*, *gāviṣṭi*, *kārman*, *niṣṣidh*, *prābhṛti*, *prabhṛthā*, *prasavā*, *prāhuti*, *prahoṣā*, *balī*, *yājus*, *yajñā*, *rāti*, *rādhas*, *vayūna*, *vāja*, *çakti*, *çāmi*, *sanitra*, *suadhvarā*, *havana*, *havis*, *havya*, *hotrā*, *hōtrā*.

Около 30 слов выражают понятия:

«борьба»/«состязание»/«битва» — *āhavā*, *gāviṣṭi*, *tārus*, *dhāna*, *pft*, *pftanā*, *prātūrti*, *pradhāna*, *bhāra*, *mīdhā*, *yūdh*, *yuddhā*, *raṇa*, *vāja*, *vikhādā*, *vidātha*, *vivāc*, *vṛtrā*, *çiçnātha*, *sāṅkā*, *saṃgā*, *saṃgamā*, *samād*, *samādāna*, *samanikā*, *samithā*, *samīkā*, *sāmṛti*, *samohā*, *spfdh*, *havana*;

«место для жилья» — *adhiṣṭhāna*, *āsta*, *āstatāti*, *ōkas*, *okīa*, *kṣāya*, *kṣā*, *kṣiti*, *kṣēma*, *gāya*, *dhāmar*, *dhāsi*, *nivēçana*, *padā*, *pastiā*, *yōni*, *vās*, *vāstu*, *vṛjana*, *çayā*, *çārman*, *saṃvāraṇa*, *sādāna*, *sādas*, *sādman*, *sādana*, *sthāna*, *svadhā*, *harmyā*.

Около 25 слов выражают понятия:

«мудрый»/«прозорливый»/«вдохновенный»/«мудрец» (названия поэтов — слагателей гимнов) — *āmūra*, *kavi*, *gṛtsa*, *cikīti*, *cikītvān*, *citti*, *dākṣa*, *dhīra*, *prācetas*, *matūtha*, *manasā*

mānasvat-, māyīn-, mūni-, mēdhira-, mēdhya-, vicakṣaṇā-, vicetas-, vidvān-, vip-, vipra-, vipaścīt-, śācetas-, sumānman-, sumēdha-, sumēdhas-, sūvidvas-;

«сила»/«мощь» — *ōjas-, tavās-, tavasyā-, taviṣā-, tāviṣī-, prābhūti-, prāsāh-, barhānā-, bāla-, bārḥata-, mahān-, vāyas-, vāja-, vṛjāna-, ṣakti-, ṣākman-, ṣācī-, ṣārdhas-, ṣāvas-, ṣāka-, cākman-, cūṣma-, cūṣā-, ṣvātrā-, sāhas-;*

«милый»/«приятный» — *kāmya-, cāru-, priyā-, preṇī-, prēyas-, mādhu-, mandrā-, vānanvat-, vāpuṣa-, vāpus-, vāreṇya-, valgū-, vāmā-, vāvāta-, cundhyū-, cūbhṛā-, cūbhṛī-, cīvā-, cēva-, supēcas-, subhāga-, subhū-, svādū-, sūnarā-, sūnfta-.*

Около 20 слов выражают понятия:

«пища»/«питание»/«подкрепление» — *ātra-, ādana-, ādman-, ānna-, āvas-, avasā-, ābhogāya-, ābhogī-, ghāsi-, dhāsi-, pitū-, pīkṣ-, prācaviā-, psūr-, bhōjana-, mēdana-, mēdha-, vāyas-, vayā-, vārdhana-, vāja-, sāsā-;*

«человек»/«мужчина»/«муж» — *āyū-, carṣaṇī-, jāna-, nār-, nārya-, pūms-, pūruṣa-, pūrū-, pūruṣa-, manū-, mānuṣa-, manuṣiā-, mānus-, mārta-, mārtya-, mānavā-, mānuṣa-, viṇ-, vīrā-;*

«ночь» — *aktā-, aktū-, āsiknī-, kṛṣṇā-, kṛṣṇī-, kṣāp-, kṣapā-, tāmisrā-, nākta-, naktān-, nākti-, nāc-, mōki-, rātrī-, rāmā-, rāmī-, cārvari-, cīriṇā-, cūvā-, himyā-;*

«дар»/«подарок»/«награда» — *dāksīṇā-, dattā-, dānā-, dūvas-, pūrtā-, pūrtī-, balī-, maṃhānā-, maghā-, rātā-, rāti-, rādha-, rādhas-, ṣakti-, sanī-, sanitra-, sātī-, sumnā-, sūnfta-;*

«богатство»/«имущество» — *dhāna-, pōṣa-, rai-, rātna-, rayī-, rēkṇas-, revāt-, raivatyā-, vasaviā-, vāsu-, vāja-, vāra-, vārya-, vedātā-, vēdana-, vēdas-, cṛī-, sāmān-, sīnā-;*

«враг» — *amītra-, ārāti-, ari-, āmūr-, āmūri-, dāsyu-, dāsā-, drūh-, dvīs-, dvēṣas-, nigūt-, ripū-, vanū-, vanūs-, vft-, cāttru-, cīmyu-, spīdh-, hrūt-;*

«поток»/«река» — *avāni-, kulyā-, kṣonī-, ksonī-, kṣōdas-, jīri-, dhāra-, dhotī-, nadī-, viśrūh-, sarit-, sīndhu-, sīrā-, sīrā-, srutī-, srā-, srōtas-, srotā-;*

«путь» — *ājma-, ājman-, ādhvan-, āyana-, ēman-, jāṃhas-, gātū-, cāraṇa-, jmaṇ-, pāth-/pathī-/pānthan-, pāthas-, vārtman-, vyāthis-, vrājana-, sugā-, supātha-, srutī-;*

«радость»/«удовольствие»/«наслаждение» — *āvas-, ānandā-, ōkas-, okta-, cānas-, jūṣṭī-, jōṣa-, prāyas-, bhūj-, bhōga-, māyas-, mūd-, mōda-, rāṇa-, rān-, surāṇa-, sūnfta-, hārṣī-, hāsa-;*

«желание» — *abhimāna-, āvas-, ācās-, ācis-, iṣṭā-, iṣṭī-, kāma-, kēta-, vāra-, vāca-, venā-, venā-* (ср. также ряд квази-синонимов — *gavyā-* 'желание иметь коров', *jigīṣā* 'желание завоевать', *rathayā-* 'желание иметь колесницы', *varivasyā-* 'желание свободы', *vasūyā-* 'желание благ', *vīraṇā-* 'желание иметь героев', *ṣṛavasyā-* 'желание славы' (морфологически — абстрактные существительные от отыменных глаголов);

«потомство»/«дети» — *ápatya-*, *jániman-*, *jantú-*, *já-*, *jatá-*, *tán-*, *tána-*, *tánaya-*, *tánas-*, *tánā-*, *túc-*, *túj-*, *toká-*, *tyajás-*, *napiár-*, *prajá-*, *bhrūná-*, *çéśas-*;

«быстрый»/«стремительный» — *árvat-*, *āçú-*, *kṣiprá-*, *jú-*, *tákavāna-*, *táku-*, *takvá-*, *turá-*, *turāna-*, *túrñi-*, *tveśá-*, *dravát-*, *prátūrti-*, *vājín-*, *saraṇyú-*, *sasrí-*, *syandrá-*.

Около 15 слов выражают понятия:

«конь» — *átya-*, *árvat-*, *āçva-*, *āçú-*, *étaça-*, *éva-*, *bradhná-*, *vāhni-*, *vāja-*, *vājín-*, *vṣṣan-*, *çóna-*, *çyāvá-*, *sápti-*, *hári-*, *harit-*;

«призыв богов»/«обращение» — *úpamāti-*, *upavāká-*, *úpastut-*, *úpastuti-*, *klóça-*, *vákman-*, *vihavá-*, *çásus-*, *çlóká-*, *suháva-*, *háva-*, *hávana-*, *hāvya-*, *hótrā-*;

«счастье»/«благо»/«милость Богов» — *omán-*, *bhága-*, *bhadrá-*, *bhandánā-*, *yós-*, *váśyas-*, *çám-*, *çivá-*, *subhagatvá-*, *sumatí-*, *sumná-*, *súar-/sūr-*, *sūnfta-*, *svastí-*;

«красный»/«красноватый» — *aruṇá-*, *aruśá-*, *usrá-*, *rjrá-*, *pāvaká-*, *babhrú-*, *bradhná-*, *rohít-*, *róhita-/lóhita-*, *çóna-*, *çyetá-*, *hári-*, *harit-*.

Не менее 10 слов выражают понятия:

«земля» — *urvī-*, *kṣám-*, *kṣá-*, *kṣáman-*, *kṣmá-*, *gó-*, *gmá-*, *jmá-*, *dharúṇa-*, *bhūman-*, *bhūmi-*, *maht-*;

«вода» — *áp-*, *āmbhas-*, *úd-*, *udaká-*, *udán-*, *nābhas-*, *vána-*, *vār-*, *viśá-*, *sáras-*, *salilá-*, *síndhu-*;

«солнце» — *arká-*, *ādityá-*, *étaça-*, *cákṣas-*, *patamgá-*, *bradhná-*, *savitár-*, *súar-/sūr-*, *sára-*, *sárya-*, *hári-*;

«стрела» — *asaná-*, *iṣu-*, *godhá-*, *bāná-*, *bundá-*, *vāṇá-*, *çaravíá-*, *çáru-*, *çárya-*, *çalyá-*, *sáyaka-*;

«яма»/«нора»/«пещера» — *ākhará-*, *kartá-*, *kāṭá-*, *kūpa-*, *kévata-*, *bíla-*, *rāndhra-*, *valá-*, *vavrá-*, *vivará-*, *çvābhra-*.

«бык» — *āghnia-*, *anaḍvāh-*, *ukṣán-*, *uṣṭár-*, *usrá-*, *gavayá-*, *gó-*, *nadá-*, *vāṃsaga-*, *vṣṣan-*, *vṣṣabhá-*;

«старый»/«дряхлый» — *āçiná-*, *jaraṇá-*, *járant-*, *jivri-*, *palitá-*, *máh-*, *vṛddhá-*, *sána-*, *sanaká-*, *sanáj-*, *sanáya-*;

«сома» — *amçú-*, *amfta-*, *indu-*, *pávamāna-*, *vanaspáti-*, *vṣṣan-*, *çukrá-*, *sutá-*, *sóma-*, *hári-*.

Около 10 слов выражают понятия:

«замысел»/«намерение» — *ākūti-*, *ādiç-*, *ādht-*, *çetú-*, *dákṣa-*, *dhī-*, *matí-*, *mánman-*, *saṃkalpá-*;

«птица» — *tákvan-*, *pakṣín-*, *patamgá-*, *patatrin-*, *parñin-*, *váyas-*, *vāyasá-*, *ví-*, *suparṇá-*;

«камень»/«скала»/«гора» — *ádri-*, *āçan-*, *āçna-*, *āçman-*, *giri-*, *grāvan-*, *párvata-*, *pāsia-*;

«рыба» — *kará-*, *gābhasti-*, *dákṣiṇa-*, *dós-*, *bāháva-*, *bāhú-*, *bharíttra-*, *hásta-*;

«гром» — *açáni-*, *tanyatú-*, *ráva-*, *vájra-*, *sṛká-*, *stanátha-*, *svaná-*;

«пчела» — *āraṅgarā-*, *ṛdūpā-*, *mākṣ-*, *mākṣā-*, *mākṣikā-*, *sarāṭ-*, *sāraghā-*.

Здесь были перечислены только те ведийские имена, которые имеют наиболее длинные ряды синонимов (от пяти и более — практически до 50-ти). Имена с небольшим числом синонимов (от двух до пяти) гораздо более многочисленны, и перечень их был бы громоздким.

В целом можно сказать, что явление синонимии характеризует все семантические разряды ведийских имен. Проще перечислить те разряды, в которых хотя бы в части лексикой более или менее регулярно одному десигнату соответствует одно название, т. е. речь идет о существовании специальных ведийских терминологий. Из них наиболее обширна и разработана ритуальная терминология. Она включает названия многочисленных разрядов жрецов и их обязанностей, например: *puróhita-* 'домашний жрец царя' — *puróhiti-* 'обязанности домашнего жреца царя', *hótar-* 'главный жрец' — *hotrá-* 'обязанности главного жреца' и др.; названия предметов ритуала: *védi-* 'алтарь', *yápa-* 'жертвенный столб', *barhís-* 'жертвенная солома', *grāvan-* 'давяльный камень', *idhmá-* 'дрова для костра', *paridhi-* 'поленья, которыми обкладывается жертвенный костер', *aráṇi-* 'нижний кусок дерева для добывания огня трением', *pramántha-* 'верхний кусок дерева для добывания огня трением' и др.; названия ритуальной утвари: *gharmá-* 'котелок с горячим молоком', *camú-* 'чаша для сомы', *juhú-* 'жертвенная ложка', *pavitra-* 'цедилка' и др.; названия ритуальных блюд: *odaná-* 'молочная рисовая каша', *karambhá-* 'ячменная каша', *piṇḍa-* 'клецка' (для поминания умерших), *puroḍāç-* 'жертвенная лепешка' и др. Ритуальная терминология охватывает также названия многочисленных обрядов и жертвоприношений¹, например: *nāmadhéya-* 'нарекание именем', *sávana-* 'выжимание сомы', *haviṣkṛti-* 'приготовление жертвенного напитка', *agni-ṣtomá-* — пом.пр. одного из основных обрядов жертвенных возлияний, *atirātrá-* — пом.пр. одного из основных жертвоприношений сомы, и др.

К ритуальной терминологии тесно примыкает терминология, описывающая различные жанры словесности, например: *ṛc-* 'гимн', *yájus-* 'жертвенная формула', *sāman-* 'напев' и названия поэтических размеров, например: *anuṣṭúbh-*, *gāyatrī-*, *tri-ṣṭúbh-*, *jagatī-* и др.

Довольно обширна в РВ терминология, описывающая коней, упряжки, колесницы. Иллюстрацией могут служить термины, связанные с колесницей: *ákṣa-* 'ось колеса', *ādhiratha-* 'груз на колеснице', *ará-* 'спица колеса', *āṇi-* 'чека', *upadhi-* 'часть колеса между осью и ободом', *upabārhaṇa(-i-)* 'подушка', 'ва-

¹ В полной мере эта терминология разработана в более поздний период, в литературе сурт.

лик', *gārta-* 'высокое сиденье на колеснице', *cakrá(-ī-)* 'колесо', *nābhya-* 'ступица', *pavī-* 'обод колеса', *pradhī-* 'косяк', *rātha-* 'колесница'.

Анатомическая терминология — названия частей тела и внутренних органов человека и животного — наиболее полно представлена в АВ (в заговорах против болезней, как например, заговор, против яшкмы [II,33] с подробным списком мест, из которых изгоняется болезнь) и в ЯВ (в списках соответствий частей и органов тела и различных с ними связанных божеств [ТС, I,4,36], или в перечне частей тела жертвенного коня [ТС, VII,3,16—20]). В АВ (и в меньшей степени в других ведах) существует достаточно специальная медицинская терминология.

Значительной степенью терминологичности характеризуются в ведах названия родства и свойства, зоологические названия, как, например, перечень разновидностей змей в АВ (V,13 и X,4), названия небесных тел и созвездий в ТС (IV,4,10).

Следует, однако, отметить, что даже те фрагменты ведийской лексики, которые в основном терминологически упорядочены, не закрыты целиком для применения принципа наименования десигната по разным признакам. Тенденция такова, что более общее, родовое понятие может иметь ряд синонимичных названий, а частные, видовые названия являются терминами. Например, родовое понятие «змея» выражено словами: *āhi-*, *ābhogā-* 'согнутая'; *sarpā* 'ползучая'; *hvārā-* 'извивающаяся', и др., а видовые названия выражены каждое одним словом: *pṛdāku-* 'гадюка', *ajagarā-* 'удав'; то же относится к неотожествленным названиям видов змей в АВ: *kairāta-*, *taimātā-*, *āligi-*, *viligi-* и др.

Широко развитую синонимию ведийского глагола удобнее всего описывать в виде рядов квазисинонимов, которые объединяются друг с другом на основе семантического сходства (наличие хотя бы одного общего семантического компонента) в семантические поля. Семантические поля взаимно пересекаются, и члены крайних рядов квазисинонимов могут уже довольно далеко отстоять друг от друга.

Особенно богаты и разнообразны семантические поля глаголов перемещения и разных видов движения².

Группа глаголов выражает значение целенаправленного движения: *arṣ-* 'устремляться', 'струиться'; *i-* 'идти', 'ехать', *eṣ-* 'скользить', 'сползать'; *kṣar-* 'течь'; *gam-* 'идти', 'приходить'; *gā-* id.; *tar-* 'пересекать', 'перебираться'; *tsar-* 'ползти', 'красться'; *dru-* 'бежать'; *pat-* 'лететь', 'опускаться'; *pad-* 'падать'; *pru-/plu-* 'плыть'; *bhraṁṣ-* 'падать', 'выпадать'; *yā-*

² Глаголы движения описывают все три семантические сферы ведийской модели мира: молитва и жертва адепта движутся вверх к богам, дары богов (в том числе и дождь) устремляются вниз к адептам, движутся в космосе божества (Сурья, Савитар, Сома, Индра, Маруты, Ашвины и др.), мчатся кони, запяженные в колесницы, струятся воды и т. п.

'ехать', 'идти', 'удаляться'; *viḥ-* 'подниматься', 'шарахаться'; *viḥ-* 'опускаться', 'входить'; *srp-* 'ползти'; *sramṣ-* 'отпадать'; *sru-* 'течь'.

С этой группой глаголов пересекаются в разных точках другие группы, выражающие разные виды движения. Это глаголы моторно-кратного движения, например: *at-* 'бродить', 'ходить'; *kram-* 'шагать', 'ступать'; *kriḍ-* 'скакать', 'плясать'; *car-* 'двигаться', 'бродить'; *jri-* 'ходить', 'шагать'; *dī-* 'летать'; *nṛt-* 'танцевать'; *phaṇ-* 'скакать'; *vṛt-* 'вертеться', 'кататься'; *vraj-* 'ходить', 'странствовать'; *skand-* 'подпрыгивать'. С ними пересекаются глаголы колебательного движения: *ej-* 'двигаться', 'шевелиться'; *kamp-* 'колебаться'; *cyu-* 'шататься'; *tras-* 'трястись'; *vañc-* 'шататься', 'вертеться'; *vip-* 'вибрировать'.

С глаголами целенаправленного движения пересекаются также (или входят в них в качестве подкласса) глаголы, обозначающие быстрое движение: *ajirāu-* 'спешить'; *ar-/ṛ-* 'взвизгиваться', 'устремляться', 'кидаться'; *iṣ-* 'убегать'; *rñj-* 'бросаться вперед'; *grdh-* 'жадно кидаться'; *jinv-* 'торопиться'; *jū-* 'спешить', 'гнаться'; *tak-* 'спешить', 'бросаться'; *turaṇu-* 'спешить', 'быстро продвигаться вперед'; *dru-* 'спешить'; *dhan-* 'быстро двигаться', 'бежать'; *dhanv-* id.; *dhaṇv-* 'струиться', 'бежать'; *dhāṇv-* id.; *raṇh-* 'бежать', 'спешить', 'бросаться'; *raghuu-* 'спешить'; *saraṇu-* — id.; *sar-* 'струиться', 'спешить'; *hā-* 'выскакивать', 'вырываться'.

С глаголами, обозначающими разные виды движения, пересекается группа глаголов, выражающих каузацию движения (иногда эти два значения объединены в одном глагольном корне); например: *aj-* 'гнать'; *ar-/ṛ-* 'приводить в быстрое движение'; *as-* 'кидать', 'бросать'; *iṅg-* 'колебать', 'махать'; *inv-* 'выпускать', 'гнать'; *iṣ-* 'посылать'; *iṣanay-* 'торопить'; *iṣaṇu-* — id.; *iñkh-* 'качать'; *ṭj-* 'шевелить', 'гнать'; *ṭr-* 'двигать'; *ūh-* 'двигать', 'толкать'; *kṣip-* 'метать', 'бросать'; *jū-* 'торопить'; *nī-* 'вести'; *par-* 'перевозить'; *bādh-* 'гнать', 'угнетать'; *yakṣ-* 'преследовать', *ri-/rī-* 'выпускать'; *vah-* 'везти', 'увозить'; *vyath-* 'сотрясать'; *srj-* 'выливать'; *siñc-* 'лить', 'поливать'; *hi-* 'прогонять', 'посылать'.

Наконец, семантически близки к глаголам целенаправленного движения глаголы, имеющие значение «достигать (цели)». Это синонимический ряд: *aḥ-/amḥ-*, *āp-*, *dagh-*, *nakṣ-*, *naḥ-*, *naḥāy-*, *rādh-*, *sādh-*, *sidh-*.

Синонимический ряд образуют глаголы со значением «сиять»/«сверкать»/«светить»: *arc-/rc-*, *kāḥ-*, *kṛpau-*, *bhand-*, *bhā-*, *bhās-*, *bhrāj-*, *myakṣ-*, *rāj-*, *ruc-*, *rucau-*, *vas-/uṣ-*, *ṣuc-*, *ṣumbh-*, *subhāy-*, *ṣand-*, *ṣvit-*. Среди них *myakṣ-* 'мерцать' и *vas-/uṣ-* 'вспыхивать' являются квазисинонимами, а остальные глаголы довольно близки друг другу по значению.

Ряд квазисинонимов образуют глаголы зрительного восприятия: *ikṣ-* 'смотреть', 'видеть'; *khyā-* (с разными префиксами)

‘смотреть’, ‘рассматривать’, ‘осматривать’, ‘узнавать’ и др.; *caṅṣ-* ‘видеть’, ‘смотреть’, ‘разглядывать’; 2. *ci-* ‘разглядеть’, ‘заметить’; *dr̥ṣ-*, *spar̥ṣ-/paṣ-* (образующие супплетивную парадигму) ‘смотреть’, ‘видеть’, ‘разглядеть’, ‘понять’; *dhi-* ‘видеть внутренним взором’, ‘представлять себе’, ‘думать’, ‘молиться’. Интересно при этом, что глагол слухового восприятия в ведийском языке один — *śru-* ‘слышать’.

Ядро семантического поля глаголов говорения составляет небольшой ряд точных синонимов — глаголов со значением «сказать», «говорить»: *ah-*, *brū-*, *bhan-*, *vac-*, *vad-*. Некоторые из них отличаются оттенками значения, другие — синтаксическими свойствами. К ним примыкает синонимический ряд глаголов со значением «петь», «воспевать», «восхвалять»: *arc-/ṛc-* ‘воспевать’; *ār-* ‘восхвалять’; *gā-* ‘петь’, ‘воспевать’; *gir-* ‘воспевать’, ‘прославлять’; *gu-* ‘провозглашать’, ‘прославлять’; *gur-* ‘прославлять’; *gūrdhay-* id.; *jar-* ‘воспевать’; *rap-/lap-* ‘говорить’, ‘хвалить’, ‘громко кричать’; *vand-* ‘хвалить’, ‘почитать’; *śams-* ‘торжественно произносить’, ‘восхвалять’. В свою очередь эти глаголы соприкасаются с рядом квазисинонимов, имеющих общее значение «громко говорить»: *u-* ‘звать’; *kruṣ-* ‘кричать’; *ghuṣ-* ‘громко говорить’, ‘громко звучать’; *ruvānu-* ‘громко кричать’; *huvānu-* ‘звать’; *hū-* ‘звать’, ‘призывать’. В это же семантическое поле входит ряд квазисинонимов, выражающих разные виды человеческой речи: *nind-* ‘ругать’; *praś-* ‘спрашивать’; *mantray-* ‘произносить заклинание’; *śap-* ‘проклинать’, а также глаголы *rud-* ‘плакать’, ‘рыдать’ и *has-* ‘смеяться’.

К семантическому полю глаголов говорения примыкает семантическое поле, в котором объединены глаголы, обозначающие звуки, не принадлежащие человеческой речи: *krand-* ‘ржать’, ‘шуметь’; *jeh-* ‘пыхтеть’, ‘зевать’; *pad-* ‘реветь’, ‘шуметь’; *pruth-* ‘сопеть’, ‘пыхтеть’; *mā-* ‘реветь’, ‘блеять’; *vāṣ-* ‘реветь’, ‘рычать’; *ṣiñj-* ‘свистеть’, ‘пыхтеть’; *śvas-* ‘пыхтеть’, ‘шипеть’; *stan-* ‘шуметь’, ‘греметь’; *sphūrj-* ‘грохотать’, ‘греметь’; *śvan-* ‘шуметь’, ‘звучать’; *śvar-* ‘звучать’; *heṣ-* ‘ржать’.

Весьма обширный ряд квазисинонимов составляют глаголы, объединяемые общим значением «есть», «кушать»: *ad-* ‘есть’, ‘кушать’; *aṣ-* ‘есть’, ‘вкушать’ (чаще жидкую пищу); *khād-* ‘разгрызать’, ‘пожирать’; 2. *gir-* ‘проглатывать’; *gras-* ‘съедать’, ‘сжирать’; *ghas-* ‘есть’, ‘пожирать’, ‘проглатывать’; *jakṣ-* ‘есть’; *pā-* ‘пить’; *bhaj-* ‘принимать пищу’, ‘вкушать’; *bhuj-* ‘вкушать’, ‘наслаждаться едой’; *bharv-* ‘жевать’, ‘пожирать’; *bhas-* ‘жевать’, ‘разжевывать’.

Отдельные глаголы этого ряда соприкасаются с глаголами, объединяемыми общим значением «повреждать физическим воздействием» и концентрирующимися вокруг глаголов *han-* ‘бить’, ‘убивать’ и *vadh-* ‘убивать’, ‘повреждать’: *ṛch-* ‘ранить’;

ṛṣ- 'колоть'; 1. *kṛt-* 'резать'; *kṣan-* 'ранить'; *kṣad-* 'забивать', 'вырезать'; *taḍ-* 'раскалывать'; *tṛh-* 'разбивать', 'дробить'; *piṣ-* 'разрезать', *piṣ-* 'растоптать', 'разбить'; *bhañj-* 'ломать'; *mur-/mar-* 'раздробить', 'поранить'; *mṛṇ-* 'разбить', 'расплющить'; *mṛd-* 'разбить', 'искрошить'; *vyadh-/vidh-* 'пронзить'; *ruj-* 'проломить'; *vraṣṣ-* 'расщепить'; *ṣar-/ṣir-* 'разбивать', 'ранить'; *ṣas-* 'разрезать'; *ṣūr-* 'размозжить', 'убить'; *ṣnath-* 'пробуравить'; *hims-* 'поранить', 'повредить'³.

Помимо обычной лексической синонимии для РВ как культурного памятника характерен особый тип синонимии, которую можно назвать *символической* или *мифологической*. Суть ее заключается в том, что в определенных мифологических контекстах в этом памятнике слово может функционировать как символ другого слова, и таким образом слова, не являющиеся синонимами по своему лексическому значению, начинают функционировать в качестве таковых, получая новое семантическое толкование. Например, синонимами, обозначающими грозовую тучу, могут быть кроме *abhrá-* 'грозовая туча' и *nábhas-* id. также *ádri-* 'скала', *gó-* 'корова', *údhara-* 'вымя'. Синонимами слова *vr̥ṣti-* 'дождь' могут быть *ghṛtá-* 'жир', *páyasa-* 'молоко', *mádhu-* 'мед', *sóma-* 'сома' и т. п.

Особенно богата символическая синонимика глаголов РВ, обозначающих различные космогонические акты, как это отмечалось исследователями. Например, значение «быть посредником (создавая пространство)» могут выражать глаголы: *i-* 'идти', 'ехать'; *kar-* 'делать'; *kram-* 'шагать'; *pat-* 'летать'; *prath-* 'расширяться'; *mā-* 'мерить'; *sṛj-* 'выливать' и др. В космогонических контекстах все эти глаголы таким образом выступают как синонимы.

Наглядной иллюстрацией символического ряда квазисинонимов являются глаголы со значением «давать». Помимо лексических синонимов *dā-* 'давать'; *rā-* 'дарить', 'давать'; *dhā-* 'устанавливать', 'давать' в этом значении могут употребляться глаголы, лексическое значение которых указывает на способ давания: *dī-* 'светить', *duh-* 'доить'; *vr̥ṣ-* 'идти дождю'; *stan-* 'гремять' и пр.

В таком памятнике, как РВ, часто невозможно бывает провести твердую грань между обычной лексической синонимией и синонимией символической (как, например, синонимы для обозначения сомы). Жанровая обусловленность синонимии иногда существенно затрудняет размежевание синонимии и полисемии.

Полисемия, или многозначность, слова является другой очень важной характеристикой ведийской лексики, свойственной

³ На игре глаголами этого семантического поля построены два заговора против врагов в АВ (XIX, 28—29), где в параллельных синтаксических конструкциях они употребляются один за другим: «расколи, амулет, соперников моих!», «расщепи...», «разруби...», «зарезь...» и т. д.

весьма значительной части имен существительных, прилагательных и глаголов (в гораздо меньшей степени — другим классам слов). Многозначность ведийского слова в предельных случаях может доходить до антонимии, т. е. наличия прямо противоположных значений у одного слова. Многозначность части лексики является основой, на которой покоится суггестивный стиль и многоплановая структура такого культового иератического текста, как РВ.

Понятие многозначности исходит, как известно, из представления о дискретности лексических значений. Сколько-нибудь строгой меры для установления степени дискретности значений слов мертвого языка древних текстов, видимо, быть не может. (Эта мера не всегда ясна при описании значений слов живых языков и еще более проблематична в отношении мертвых.)

В связи с тем, что модель мира ведийца была совсем иной, чем у современного человека, нетрудно предположить, во-первых, возможность иного типа синкретизма значений слова, чем тот, который зафиксирован в современных словарях санскрита, и, во-вторых, наличие одного, с точки зрения ведийца, значения в разных контекстах там, где современный исследователь усматривает разные значения. Нет, например, строгих доказательств того, что правильным и адекватным ведийскому пониманию слова *krātu-* является различие в нем значений 1) 'способность', 'умение'; 2) 'рассуждение', 'соображение', 'понимание'; 3) 'озарение', 'воодушевление'; 4) 'стремление'; 'желание'; 5) 'жертвоприношение', а не признание одного синкретного значения, денотат которого включает способность человека, реализующуюся и в умении правильно понять, и в умении принять решение, и в умении принести жертву. Таким образом, описание полисемии ведийской лексики во многих случаях невольно может оказаться неадекватным ведийскому восприятию значений слов.

Ведийская полисемия различна по своей природе. Она может быть вызвана чисто грамматическими причинами, может возникнуть в результате развития основного лексического значения и может быть следствием жанрово-стилистических особенностей памятника, в котором часть слов кроме обычных значений в определенных контекстах приобретает новое символическое значение.

Грамматическая полисемия частично пересекается с грамматической омонимией. Это одна из пограничных зон, которую с равным основанием можно описывать с двух разных точек зрения. Речь идет о том явлении, когда с одним и тем же фонетическим словом связываются разные лексико-грамматические значения, т. е. одно фонетическое слово трактуется как принадлежащее более чем к одному (реально к двум, максимум — к четырем) лексико-грамматическим классам.

Исходные фонетические слова морфологически бывают раз-

ной структуры. Во-первых, это может быть корень слова, равный основе (корневая основа), который грамматически трактуется как глагол или как имя (существительное или прилагательное). Дифференциация «имя — глагол» осуществляется с помощью флексии (одна для именной парадигмы, другая — для глагольной).

Теоретически любой глагольный корень в ведийском языке может иметь также именное значение. Практически же это именное значение реализовано лишь у некоторой части глагольных корней. В словарях данный тип трактуется как омонимия, например: *īd-* 'молить', 'призывать', 'восхвалять', 'почитать' и *īd-* f. 'хвала', 'почитание'; *uṣ-(/vas-)* 'зажигаться', 'вспыхивать' и *uṣ-* f. 'утренняя заря'; *rc-(/arc-)* 'сиять', 'воспевать' и *rc-* f. 'гимн', 'сияние'; *dā-* 'давать' и *dā-* m. 'даятель', 'дар'; *dhi-* 'смотреть', 'замечать', 'молить' и *dhi-* f. 'мысль', 'намерение', 'молитва' и пр.; *bhū-* 'быть', 'становиться' и *bhū-* adj. 'сущий', 'становящийся' (с наречиями и приставками: *punar-bhū-* 'возникающий вновь', *vi-bhū-* 'выдающийся' и др.), а также *bhū-* f. 'мир', 'пространство', 'место'; *vid-* 'знать' и *vid-* adj. 'знающий', 'знаток' (в сложных словах: *viçva-vid-* 'всезнающий', *kṣetra-vid-* 'знающий местность' и др.), а также *vid-* f. 'знание' и т. п.

Так как корневые имена в послеведийский период постепенно выходят из употребления, этот тип полисемии (или омонимии) специфичен именно для ведийского языка.

Во-вторых, исходные фонетические слова могут быть морфологически производимыми от корня основами, имеющими различные основообразующие элементы или суффиксы. С одним и тем же формальным элементом такого рода могут быть связаны значения разных лексико-грамматических классов: существительного и прилагательного⁴. В словарях этот тип трактуется в отличие от предыдущего как разные значения одного слова⁵, например: adj. *rtā-* 'подходящий', 'соответствующий', 'священный', 'благочестивый' и ном.м. 'космический порядок', 'закон', 'вечная истина', 'право', 'справедливость', 'жертвоприношение'; *jātā-* part. 'рожденный', ном.м. 'сын', 'живое существо', п. 'род', 'племя', 'происхождение', *prthū-* adj. 'широкий', 'просторный', 'далеко простирающийся', adv. (ном.п. *prthū-*) 'широко', ном.ф. (*prthvī-*) 'земля'; *brhāt-* adj. 'большой', 'обильный', 'сильный', 'высокий', 'густой', ном.м. 'большой, взрослый человек', п. 'высота', f. (*brhatī-*) название стихотворного размера, adv. (ном.п. *brhāt-*) 'далеко', 'сильно', 'громко', 'высоко'; *svā-* adj.pron. 'свой', 'собственный', pron.reflex. 'себя', ном.м.п. 'собственное «я»', m.f.pl. 'свои', 'родственники', 'близкие', п. 'свое', 'имущество'.

⁴ Как видно из приведенных выше примеров, эти же значения могут сосуществовать и у корневых основ.

⁵ Здесь рассматриваются только те случаи, когда ударение не принимает участия в дифференциации значений.

В описанных типах полисемия не только пересекается с омонимией, но также непосредственно связана со словообразованием. Полисемия может выражаться также средствами формообразования, что характерно для ведийского глагола.

У некоторой части ведийских глаголов разные структурные типы основ передают разные грамматические значения (переходность/каузативность/фактитивность — непереходность/пассивность и др.). Противопоставление основ обычно (но не всегда) сопровождается противопоставлением флексии (активной — медиальной). Таковы глаголы: *kṣi* 'уничтожать', 'исчезать' (*kṣi-nāti—kṣiyate*); *jan-* 'порождать', 'рождаться' (*janāti—jāyate*); *ji-* 'побеждать', 'быть побежденным', (*jināti—jityate*); *pū-* 'очищать', 'очищаться' (*punāti—pāvate*) и др.

Более обширная группа глаголов имеет то же самое соотношение значений, но ему соответствует противопоставление не основ, а флексий: непереходному или пассивному значению соответствует медиальная флексия, переходному, каузативному или фактитивному значению — активная флексия, хотя последнее проводится менее последовательно. Таковы, например, глаголы: *kar-/kir-* 'прославлять', 'быть прославленным'; *kṣud-* 'сотрясать(ся)'; *duh-* 'донить(ся)'; *nam-* 'склонять(ся)'; *prath-* 'расширять(ся)'; *yat-* 'соединять(ся)'; *rej-* 'сотрясать(ся)'; *vid-* 'находить', 'иметь место'; *svad-* 'охотно вкушать', 'делать вкусным', 'быть вкусным' и др.

Целый ряд глаголов объединяют переходное и непереходное значение вне сколько-нибудь регулярной связи с противопоставлением основ или флексий. Так, глаголы движения, непереходные в своем основном значении, нередко имеют периферийное значение переходного действия (достижение цели движения и др.), например: *i-* 'идти', 'достигать'; *iṣ-* 'убегать', 'покидать'; *gñj-* 'бросаться вперед', 'добиваться'; *kram-* 'ступать', 'перешагивать'; *kṣar-* 'течь', 'выливать'; *gam-* 'идти', 'достигать'; *car-* 'странствовать', 'проходить'; *jinv-* 'спешить', 'торопить'; *tuj-* 'мчаться вперед', 'швырять'; *tsar-* 'ползти', 'подползать'; *dhāv-* 'струиться', 'бежать'; 'выливать'; *gā-* 'идти', 'ехать', 'достигать', 'идти за чем-либо', 'просить'; *vraj-* 'шагать', 'идти пешком', 'проходить'.

Наоборот, некоторые переходные глаголы, означающие приведение в движение, могут иметь в качестве периферийного непереходное значение движения, например: *ar-* 'приводить в движение', 'посылать', 'возбуждать', 'устремляться', 'возбуждаться'; *iṣ-* 'посылать', 'спешить'; *ir-* 'приводить в движение', 'содействовать', 'приходить в движение'; *sud-* 'точить', 'подстрекать', 'погонять', 'спешить', 'шевелиться'; *suu-* 'колебать', 'шевелиться', 'быть деятельным'; *dhanv-* 'гнать бегом', 'бежать'. По семантике и по соотношению значений к ним близки глаголы *dhar-* 'держат', 'держаться'; *bhar-* 'нести', 'уносить'; *ṣri-* 'направлять', 'распространять', 'держаться' и др.

Переходные глаголы восприятия (особенно зрительного) обозначают одновременно соответствующее непереходное действие, например: *khyā-* (+vi) 'смотреть', 'виднеться', 'являться'; *sakṣ-* 'являться', 'видеть', 'смотреть'; *cit-* 'замечать', 'обращать внимание', 'показаться', 'явиться'; *dr̥ṣ-* 'видеть', 'воспринимать', 'замечать', 'быть видимым', 'выглядеть', 'казаться'; *dhi-* 'представлять себе', 'видеть мысленным взором', 'думать', 'являться'; *man-* 'думать', 'считать', 'полагать', 'считаться', 'являться'; *ṣru-* 'слышать', 'слышаться', 'быть известным'.

У глаголов с основным непереходным значением «сиять», «блистать», «пылать» обычно есть также переходное значение, развившееся на основе фактитива исходного значения, например: *arc* 'сиять', 'воспевать' (= 'делать сияющим'); *tap-* 'пылать', 'сжигать', 'мучить'; *śumbh-* 'блестеть', 'мерцать', 'украшать'; *ṣrī-* 'сверкать', 'пламенеть', 'варить'; ср. противоположный тип соотношения значений — *indh-* 'воспламенять', 'зажигать', 'пламенеть', 'зажигаться'.

Типы соотношения значений у глаголов этих групп характерны для квазиконверсивов. Есть ряд глаголов, которые объединяют значения, свойственные конверсиву, например: *av-* 'помогать', 'оказывать благодеяние' и др. — 'охотно иметь', 'охотно принимать' (с некоторой натяжкой); *kar-* 'делать', 'создавать' — 'присваивать' (med.); *dā-* 'давать' — 'принимать' (med.); *dhā-* 'класть' — 'брать' (med.); *bhāj-* 'раздавать', 'наделять' — 'получать', 'иметь долю'; *randh-* 'попадать во власть' — 'отдавать во власть' и некоторые другие. Из рассмотренных выше глаголов значениями конверсивов обладают также глаголы восприятия.

Грамматическая полисемия является для глагола наиболее существенной. Различные типы развития собственно лексического значения — *метонимическую* или *метафорическую полисемию* — удобнее всего проиллюстрировать на именах.

Как известно, различаются три основных вида полисемии: *радиальная* (все значения слова мотивированы одним и тем же центральным значением), *цепочечная* (каждое новое значение слова мотивировано другим, ближайшим к нему значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов) и *радиально-цепочечная* (контаминация первых двух типов).

Радиальная полисемия встречается обычно у имен, обозначающих конкретные предметы, например: *kha-* 'отверстие в сосуде', '(просверленная) втулка колеса', 'отверстия человеческого тела'; *gārta-* 'трон', 'высокое сиденье на колеснице'; *cakrā-* 'колесо', 'колесо солнца', 'колесо года'; *pavī-* 'обод колеса', 'металлический наконечник копья или стрелы'; *vavrá-* 'пещера', 'глубокая яма', 'колодец' и др.

Граница между радиальной и цепочечной полисемией на

ведийском материале далеко не всегда очевидна в связи с общей неясностью ведийского моделирования мира; например, непонятны соотношения таких значений слова *raçmī-*, как 'шлея', 'повод', 'шнур для измерения' и 'луч солнца'; или характер соотношения значений (одно центральное значение или метафорический перенос?) в словах *sānu-* 'вершина горы', 'поверхность земли', 'спина зверя', 'поверхность цедилки для сомы'; *sic-* 'кайма одежды', *du.* 'два края горизонта', *du.* 'два фланга войска' и т. п.

Главным организующим принципом ведийской лексической полисемии является цепочечный принцип. В чистом виде он встречается редко, например: *āntama-* 'ближайший' (в пространственном смысле), 'интимный', 'милый', 'дорогой'; *tāpas-* 'жар', 'мúка', 'аскеза' и некоторые другие. Наиболее часты многозначные слова радиально-цепочечного типа, в иерархии принципов организации значений которых высший уровень принадлежит цепочечному принципу, так именно с его помощью многозначная лексика включается в игру значениями, характерную для текста определенного жанра.

Вот некоторые примеры относительно простых случаев ведийской полисемии этого типа.

Jānman- 'рождение', 'происхождение'; 'место рождения', 'родина'; 'живое существо'; 'родня', 'род', 'племя'; 'природа', 'свойство', 'способ'.

Padá- 'шаг', 'след ноги'; 'место стоянки', 'место жительства', 'место'; 'стопа стихотворения', 'стихотворный размер'.

Párgan- 'сочленение стебля тростника или растения', 'костяная трубка', 'сустав'; 'член тела'; 'узловой момент времени', 'отрезок времени'; 'время жертвоприношения'.

Çrí- 'блеск', 'свет'; 'красота'; 'украшение'; 'богатство', 'сокровище', 'драгоценность'; 'счастье', 'благо'; 'прославление'; 'смешивание молока с сомой' (= 'украшение').

Более сложными являются случаи полисемии у имен, функционирующих одновременно и как существительные и как прилагательные, а иногда отдельные падежные формы могут выступать и в роли наречия, и таким образом грамматическая полисемия сочетается с лексической.

Усложнением семантического плана является возможность существования у многозначного ведийского слова отдельных символических значений. Метафоричность переноса значения слова имеет в ряде случаев столь символический характер, что граница между полисемией и синонимией практически стирается.

Особую семантическую проблему представляют собой ведийские собственные имена, бо́льшая часть которых может функционировать одновременно и как имена нарицательные, например: *agní-* ном.р. бога и 'огонь', *mitrá-* — ном.р. бога и 'друг'; *vásu-* — ном.р. класса богов и 'хороший' или 'добро'

и др. В РВ далеко не во всех контекстах бывает ясно, какое именно значение данного слова: собственное или нарицательное, имеется в виду⁶. В ряде случаев решение этой проблемы оказывается ключом к правильному пониманию текста. Собственные имена богов и людей в большинстве своем также входят в состав полисемии ведийских слов.

В словах с наиболее сложно организованной многозначностью могут сочетаться все эти типы. Вот некоторые примеры.

Āditi- adj. 'безграничный', 'неисчерпаемый'; f. 'безграничность', 'неисчерпаемость'; пот.рг. богини; 'дойная корова', 'молоко'.

Urú- adj. 'далекий', 'просторный'; 'широкий'; 'большой'; 'неограниченный', 'свободный'; п. 'простор'; 'неограниченность', 'свобода'; п. adv. 'далеко', 'широко'; f. (*urvī-*) 'земля'; du. 'земля и небо'.

Gó- m. 'бык', f. 'корова'; m. 'крупный рогатый скот'; m. pl. 'созвездия' (= 'стада быков'); 'лучи' (утренней зари, солнца) (= 'красноватые коровы'); f. pl. 'утренние зори'; f. 'земля'; 'молоко', 'масло', 'жир'; f. pl. 'грозовые тучи'; m. 'коровья шкура'; 'ремень из коровьей шкуры'.

Nābhi- 'ступица колеса'; 'пуп'; 'центр' (земли, неба, мироздания); 'святыня' (= 'центр жертвоприношения'); 'тесное родство'; 'родственник'.

Pūramdhi- adj. 'богатый', 'переполненный', 'богатство', 'благо'; 'полнота жертвенного возлияния'; 'жертвоприношение'; m. пот.рг. божества.

Rathī- adj. 'едуший на колеснице', m. 'колесничий'; 'воин на колеснице'; 'вождь'; adj. 'везущий колесницу', 'принадлежащий колеснице'; 'конь' (запряженный в колесницу) (ср. *rātha-* 'колесница').

Satyá- adj. 'истинный', 'хороший', 'действительный', 'правдивый'; A. adv. 'действительно', 'поистине', 'верно'; 'истина', 'правда', 'справедливость'; пот.рг. разных мифологических персонажей и людей и др.

В предельных случаях полисемия ведийских существительных доходит до антонимии, т. е. одно слово может обладать противоположными значениями, например: *aktú-* 'мазь', 'свет', 'блеск'; 'ночь' (ср. исходный глагольный корень *añj-* 'мазать'); *ānta-* 'край', 'граница'; 'конец'; 'кайма'; 'непосредственная близость'; *arí-* 'верный', m. 'друг'; 'враждебный'; 'враг'; *vanús-* 'жаждущий', 'рьяный', m. 'сторонник'; m. 'противник' (ср. глагол *van-* 'желать, достигать'); *śāmsa-* 'призыв', 'восхваление'; 'проклятие' (ср. глагол *śams-* 'громко, торжественно произносить') и др.

⁶ Ср. предлагавшуюся возможность интерпретации собственных имен класса абстрактных богов — Адитьев не как пот.рг., а как нарицательных имен с абстрактным значением.

У ряда ведийских глагольных корней, как было сказано выше, вследствие различных видов грамматической полисемии могут быть противоположные или конверсивные лексические значения.

Возможность сосуществования противоположных лексических значений у некоторой части ведийских имен и глаголов используется в РВ в жанрово-стилистических целях, как неоднократно указывалось исследователями. Выбор того или иного значения у амбивалентной лексики зависит от того, в каком контексте она употребляется. Контексты в РВ могут принадлежать к двум зонам: «благоприятной» и «неблагоприятной». «Благоприятная» зона включает богов и их адептов, «неблагоприятная» — демонов и врагов, поклоняющихся другим богам. Амбивалентные слова в зависимости от того, в какой зоне они употребляются, имеют «благоприятное» или «неблагоприятное» значение. Так, *ari-* значит 'друг' в «благоприятной» зоне и 'враг' в «неблагоприятной», *māyá-* 'чудесная сила богов' и 'колдовские чары демонов', *randh-* 'подчиняться богу или его адептам', 'подчинять демонов и врагов' и т. д. Таким образом, уровень текста занимает более высокое положение в иерархии по сравнению с лексическим уровнем.

Следующий шаг, необходимый для описания функционирования лексики в тексте определенного жанра, состоит в разделении «благоприятной» зоны на две сферы: бога и адепта. Часть слов, принадлежащих к «благоприятной» сфере (главным образом, имена существительные и прилагательные), имеют противоположную направленность или обращенность одного и того же лексического значения, в зависимости от того, выражают ли они понятие, связанное с богом или с его адептом. Вот ряд примеров: *ádabdhā-* 'невредимый', 'не допускающий обмана' (бог) — 'не обманывающий', 'верный' (адепт); *aryá-* 'милостивый', 'благосклонный' (бог) — 'благочестивый', 'преданный' (адепт); *avrká-* 'не вредящий' (адепт) — 'не допускающий вреда', 'защищающий' (бог); *ukthia-* 'достойный хвалы' (бог) — 'возносящий хвалу' (адепт); *bhāgá-* 'доля (бога) в жертве' (принесенной адептами богам) — 'доля', 'судьба', 'благо' (данное богами адептам); *yajñiya-* 'достойный жертвоприношения' (бог) — 'совершающий жертвоприношение' (адепт); *vratá-* 'божественная воля', 'предписанный закон' (богов) — 'религиозный долг', 'обет' (адептов); *surādhas-* 'совершающий благодеяния', 'щедрый' (бог) — 'принимающий дары', 'благополучный' (адепт) и многие другие.

У глаголов такое соотношение значений в зависимости от того, кто является субъектом действия — бог или адепт, встречается в РВ редко, например: *dāṣ-* 'служить богу', 'почитать бога' — 'исполнять', 'наделять' (о боге по отношению к адепту) и некоторые другие менее очевидные случаи.

Следует отметить, что если данное слово амбивалентно в

противопоставлении «благоприятной» — «неблагоприятной» зон, то внутри «благоприятной» зоны оно уже не бывает амбивалентным, т. е. эти два противопоставления не накладываются одно на другое.

В понятие антонимии включаются описания слов, имеющих противоположные или противоречащие одно другому значения.

Ведийская антонимия отличается некоторыми формальными и семантическими особенностями. По сравнению с санскритом объем ведийской лексической антонимии может быть значительно сужен, если в него включать не всю глагольную антонимию. Основание для этого дают ведийские приставочные глаголы (приставки являются основным средством образования глагольных антонимов), поскольку приставка может быть отделена от соответствующего глагола другими словами, и эти приставки в таких случаях функционируют в качестве предлогов-наречий. В силу факультативного характера связи глагола и приставки этот материал можно трактовать двояко: и как глагольную антонимию, и как антонимию самостоятельного класса неизменяемых слов (способных выступать также в функции морфем, т. е. приставок). Здесь выбирается вторая возможность, как потому, что в древнейших ведийских текстах чаще встречается самостоятельное употребление глагольных приставок, так и потому, что функционально эти приставки ничем не отличаются от некоторых наречий, например: *adhás* 'внизу', 'вниз'; *bahís* 'снаружи', 'вне', также способных употребляться в качестве предлогов-приставок.

Полисемия, характерная для ведийской лексики, определенным образом отражается на структуре антонимии. В целом эти особенности можно определить как неточность (неоднозначность) антонимического противопоставления у ряда многозначных слов. Во-первых, данное слово может быть антонимически противопоставлено другому слову только в одном своем значении, но не в других. Во-вторых, слово может быть антонимически противопоставлено другому слову в нескольких значениях. В-третьих, слово в разных своих значениях может быть антонимически противопоставлено нескольким другим словам.

Это можно проиллюстрировать на примере ряда приставочных наречий, служащих исходными единицами в словообразовании глагольных и именных антонимов: *práti* 'одинаково' — *ví* 'по-разному' (*prátirūpa-* 'имеющий одинаковый вид' — *vírūpa-* 'имеющий иной вид'), но в значении *práti* 'против' *ví* антонимом не является, не имея значения 'за'; *sám* 'с' — *ví* 'раз' (*sámṣṛta-* 'сомкнутый' — *vīṣṛta-* 'разомкнутый'), *sám* 'вместе' — *ví* 'врозь' (*sámvarante* 'катятся вместе' — *vīvarante* 'катятся врозь', '~ в разные стороны'); *á* 'к', 'при' — *prá* 'от', 'у' (*ágacchati* 'приходит' — *prágacchati* 'уходит', 'отправляется') и *á* 'вверх' — *áva* 'вниз' (*árohati* 'поднимается' — *avarohati* 'спускается') и др.

По характеру противопоставления антонимы подразделяются на несколько классов.

Семантика первого класса антонимов состоит в том, что отрицание действительно для части толкования исходного слова (типы «начинать» — «переставать», «действие» — «уничтожение результатов действия»). В ведийском глаголе это антонимическое значение передается или посредством сочетаний с приставками-предлогами, или посредством противопоставления разных грамматических форм от одного корня (разных основ, разной флексии⁷) и лишь в незначительной степени посредством лексических антонимов, например: *jan-* 'рождаться' — *mar-* 'умирать', *pri-* 'любить' — *dviṣ-* 'ненавидеть', *ṣams-* 'прославлять' — *nind-* 'хулить' и др.

К этому классу относятся префиксы-прилагательные *su-* 'хороший' — *dus-* 'плохой' и образуемые с их помощью имена: *sugá-* 'легкопроходимый' — *durgá-* 'труднопроходимый', *su jātá-* 'прекрасно рожденный' ('счастливый') — *dur jātá-* 'плохо рожденный' ('несчастный'), *sunāman-* 'с добрым именем' — *durnāman-* 'с дурным именем', *sumati-* 'благожелательность' — *durmati-* 'зловредность' и многие другие.

Этот класс включает также ряд антонимических пар, выражающих пространственную и временную ориентацию: *āgra-* 'начало' — *ānta* 'конец'; *antár* 'внутри' — *bahis* 'вне'; *prathamá-* 'первый' — *caramá-* 'последний'; *dákṣiṇa-* 'правый' — *savyá* 'левый'; *pārva-* 'передний', 'ранний', 'восточный' — *āpara-* 'задний', 'поздний', 'западный'⁸; *práñc-* 'обращенный вперед', 'восточный' — *apráñc-* 'обращенный назад', 'западный'.

Сюда же относятся антонимы-прилагательные типа *ṣvetá-* 'белый' — *kṛṣṇá-* 'черный' и некоторые другие.

Семантика второго класса антонимов состоит в том, что отрицание действительно для всего толкования исходного слова. Этот класс в ведийском языке является наиболее существенным. Он представлен именами, глаголами, неизменяемыми словами. Вот некоторые примеры: *sám* 'с' — *vi* 'без', *avis* 'явно' — *gūhā* 'тайно', *av-* 'помогать' — *rudh-* 'мешать', *svap-* 'спать' — *budh-* 'бодрствовать', *ādrá-* 'сырой' — *ṣūṣka-* 'сухой', *cákṣus-* 'зрячий' — *andhá-* 'слепой', *jīvá-* 'живой' — *mṛtá-* 'мертвый', *sát-* 'сущий' — *ásat-* 'не-сущий', *rtá-* 'правда', 'порядок' — *anṛta-* 'неправда', 'хаос', *irā-* 'подкрепление' — *ánirā-* 'обессиливание', *párvan-* 'сустав' — *aparván-* 'место без суставов' и др.

Характерная для ведийского языка особенность заключается в том, что такая антонимическая оппозиция нередко состоит из трех слов: один из членов семантической оппозиции может быть выражен, во-первых, с помощью префикса отрицания

⁷ Об этом см. выше (с. 50).

⁸ Собственно к этому типу принадлежит антонимия значений «восточный» — «западный».

a-/an-, присоединенного к исходной основе и, во-вторых, без отрицания, т. е. с помощью другой лексической единицы, например:

<i>citrá-</i> 'светлый'	— <i>acitrá-</i> 'темный' (букв. 'не светлый'), <i>ṣyāmā-</i> 'темный';
<i>ṣasti-</i> 'восхваление'	— <i>aṣasti-</i> 'проклятие' ('не восхваление'), <i>ṣapátha-</i> 'проклятие';
<i>satyá-</i> 'истинный'	— <i>asatyá-</i> 'неистинный', <i>mógha-</i> 'ложный' и др.

Чаще бывает, что отрицательную форму имеет тот член оппозиции, который выражает положительное понятие, например:

<i>ákṣata-</i> 'не раненый',	— <i>kṣatá-</i> 'раненый',
<i>sárva-</i> 'целый';	
<i>ácyuta-</i> 'неколеблющийся'	— <i>cyutá-</i> 'колеблющийся',
<i>sthirá-</i> 'твердый';	
<i>ádabdha-</i> 'кого нельзя обмануть'	— <i>dabhia-</i> 'кого можно обмануть',
<i>māyāvin-</i> 'наделенный божественной мудростью', 'наделенный хитростью';	
<i>ábhaya-</i> 'отсутствие страха', 'безопасность'	— <i>bhayá-</i> 'страх',
<i>kṣéma-</i> 'безопасность', 'покой';	
<i>āvithura-</i> 'непоколебимый', 'устойчивый'	— <i>vithurá-</i> 'колеблющийся', 'неустойчивый'.
<i>pibdaná-</i> 'устойчивый'; и др.	

Поскольку член с отрицанием является, судя по всему, семантически исходным, от него может быть образован другой член оппозиции с помощью двойного отрицания, например:

<i>anavadyá-</i> (морфологически <i>an-a-vadya-</i>) 'безупречный' (букв. 'недолженствующий быть сказанным')	— <i>avadyá-</i> 'заслуживающий порицания';
<i>anindyá-</i> 'безупречный' (букв. 'не заслуживающий порицания')	— <i>nindyá-</i> 'заслуживающий порицания'.

Семантика того члена антонимической оппозиции, который образован с помощью отрицания *a-*, бывает нередко более сложной, чем у другого члена, например: *vājin-* 'конь' — *āvājin-* 'не-конь', 'плохой конь'; *yoddhár-* 'воин' — *áyoddhar-* 'не-воин',

‘плохой воин’; *pūrva* ‘прежний’ — *āpūrva* — ‘не бывший ранее’, ‘несравненный’ и др. В результате, слова, принадлежащие к одному морфологическому разряду и различающиеся только наличием или отсутствием *a*-, могут перестать ощущаться как антонимы. Другая причина нарушения антонимии состоит в том, что префикс *a*- обладает способностью переводить слово из класса существительных в класс прилагательных, например: *gadā* ‘болезнь’, но *agadā* ‘здоровый’ (букв. ‘не имеющий болезни’); *devā* ‘бог’, но *ādeva* — ‘не имеющий богов’, ‘враждебный богам’ и т. п.

Третий класс антонимов имеет семантику, описываемую в терминах «больше» — «меньше». Этот класс также широко представлен в ведийском языке словами различной морфологической структуры. Вот некоторые примеры.

Слова, выражающие различия количества и размера: *āti* — наречие-приставка, выражающее чрезмерность качества — *ūpa* — наречие-приставка, выражающее неполноту качества, приблизительность; *bhūyas* ‘больше’ — *kānti* ‘меньше’; *bhūri*, *bahū* ‘много’ — *dabhrām* ‘мало’; *sthūrā* ‘сильный’, ‘толстый’, ‘большой’ — *kṛcā* ‘худой’, ‘слабый’, ‘болезненный’; *brhāt*-, *ṛsvā* — ‘высокий’ — *nīcā*-, *ādharma* — ‘низкий’; *gabhrā* — ‘глубокий’ — *dīnā* — ‘мелкий’; *urū* — ‘ширь’ — *āṃhas* — ‘узость’; *dīrghā* — ‘длинный’ — *hrasva* — ‘короткий’; *vṛdh* — ‘увеличивать(ся)’ — *mī* — ‘уменьшать(ся)’; *par* — ‘наполнять’ — *sic* — ‘выливать’; *ci* — ‘собирать’ — *kir* — ‘рассыпать’ и др.

Слова, выражающие различия в расстоянии и времени: *āntī* ‘вблизи’ — *dūrē* ‘далеко’; *purās* ‘впереди’ — *paścāt* ‘позади’; *āgra* — ‘верх’ — *budhnā* — ‘низ’, ‘дно’; *āntara* — ‘близкий’ — *pāra* — ‘далекий’; *āvāñc* — ‘направленный вблизи’ — *pārāñc* — ‘направленный вдаль’; *ūdañc* — ‘направленный вверх’ — *nīdañc* — ‘направленный вниз’; *udvāt* — ‘высота’ — *nivāt* — ‘низина’; *pāra* — ‘высший’, ‘отдаленный’, ‘передний’, ‘ранний’ — *āvara* — ‘низший’, ‘ближайший’, ‘задний’, ‘поздний’; *pūrva* — ‘передний’ — *ūpara* — ‘задний’; *pūrva* — ‘ранний’ — *āpara* — ‘поздний’ и др.

Оппозиция «старый» — «молодой» выражена антонимами: *ācinā* — *yūvan*-, *vṛddhā* — *tāruṇa*-, *jārant*-, *sāna* — *nāva*-, *jaraṇā*-, *sanāya* — *nāvya*-. Оппозиция «старший» — «младший» выражена антонимами: *jyeṣṭhā* — *kaṇiṣṭhā*-, при этом интересно, что соответствующие формы с отрицательным префиксом *a*- — *ājyeṣṭha* — ‘не имеющий старшего’, *ākaṇiṣṭha* — ‘не имеющий младшего’, употребляются в РВ как имена Марутов (V,59,6; V,60,5) в синонимическом смысле «одинаковые», а не в антонимическом.

Слова, выражающие различия в интенсивности: *uṣṇā* — ‘горячий’ — *ṣtā* — ‘холодный’; *ghṛṇā* — ‘жар’ — *hīmā* — ‘холод’; *jyōtis* — ‘свет’ — *tāmas* — ‘мрак’; *gurū* — ‘тяжелый’ — *laghu* — ‘легкий’ и др.

Для ведийского языка характерно, что многие прилагательные, которые по своей семантике могли бы образовывать анто-

ними этого типа, их тем не менее не имеют, поскольку соответствующий противоположный признак обозначен словом с отрицательным префиксом *a-*. Так, например, в РВ есть много слов, обозначающих понятие «сильный», а понятие «слабый» выражено отрицательной формой *abalá-* (*bála-* 'сила'), или же ряд синонимов обозначает понятие «яркий», а «тусклый» выражено отрицательной формой *acitrá-* (букв. 'не яркий').

Объем омонимии в ведийском языке определяется, с одной стороны, ее соотношением с полисемией, с другой — границей со словообразованием. Известно, что многозначность и омонимия являются вообще относительными понятиями. Поэтому подобрать надежный критерий для распознавания, что именно имеет место — связь нескольких разошедшихся значений с одной лексической единицей (многозначность) или надо признать существование нескольких формально совпадающих лексических единиц, с каждой из которых связано особое значение (омонимия), — оказывается весьма сложным. Сложность эта усугубляется в ведийском языке отмеченным ранее особым характером многозначности, допускающей в крайних случаях наличие у одного слова антонимических значений, и использованием этой лексической особенности на уровне текста в памятниках определенного жанра. Трудно в таком случае применить только семантический критерий для разделения полисемии и омонимии (например, наличие у двух значений одного слова нетривиальной общей части). Практически при описании ведийских омонимов приходится использовать разные критерии: и семантический, и формальный (наличие в случае омонимов различий в парадигме, в словообразовании). В результате объект описания оказывается выделенным недостаточно строго.

Традиционно в словарях слова рассматриваются как омонимы, если различие двух лексических значений сопровождается двумя разными наборами грамматических категорий. На этом основании корневые имена и глагольные корни трактуются как омонимы⁹.

Омонимами могут быть корни, основы и отдельные грамматические формы. Первые два типа принадлежат к лексической омонимии, третий — к грамматической. Грамматическая омонимия здесь специально рассматриваться не будет; ее суть можно проиллюстрировать на нескольких примерах, когда исходные корни или основы не омонимичны, а омонимичны лишь отдельные формы двух разных парадигм: *jōṣam* — 1) 1sg.inj. от глагола *jūṣ-* 'наслаждаться', 'вкушать' и 2) A.sg.m. от существительного *jōṣa-* 'наслаждение'; *yáma* 1) 2sg.iv.act. от глагола *yam-* 'обуздывать' и 2) V.sg.m. от существительного *yáma-* 'узда' и т. п.

Омонимия именных основ может быть полной и неполной,

⁹ Примеры см. выше (с. 49).

в последнем случае омонимы формально различаются лишь местом ударения. Этот тип омонимов следует рассматривать в пределах словообразования, т. е. в тех случаях, когда этим способом регулярно различаются имена деятеля и имена действия или результаты действия, образованные от одного корня, например: *karāṇā-* 'делающий', 'искусный' — *kāraṇa-* 'деяние', *codā-* 'погонщик' — *cōda-* 'стрекало'; *yaçás-* 'великолепный' — *yáças-* 'великолепие' и др. Та же часть этого типа, которая не принадлежит к регулярной словообразовательной модели (а именно, когда омонимы, различающиеся местом ударения, образованы от разных корней или же от одного исходного корня, но не выражают регулярной оппозиции значений), должна рассматриваться в пределах лексической омонимии, например: *iṣṭi-* 'побуждение' (корень *iṣ-*) — *iṣṭi-* 'жертвоприношение' (корень *ya-j-*); *dhāyú-* 'испытывающий жажду' (корень 2.*dhā-* 'сосать', 'пить') — *dhāyu-* 'щедрый' (1.*dhā-* 'класть', 'давать'); или *amāti-* 'сила', 'власть' и *āmati-* 'бедность', 'нужда' (обе основы от корня *am-*); *brāhmaṇā-* 'брахман', 'член высшей касты' и *brāhmaṇa-* 'благочестивый' (обе основы произведены от *brah-mān-*) и др. Омонимы такого рода сравнительно немногочисленны.

Самое большое число омонимов — шесть — связано со звуковым комплексом *vas-*: 1. *vas-/uṣ-* 'зажигаться', 'вспыхивать'; 2. *vas-* 'одеваться'; 3. *vas-* 'оставаться', 'жить', 'ночевать'; 4. *vas-* 'нацеливаться'; 5. *vaṣ* проп. 'вас', 'вам', 'ваш' (А., D., G.pl. от *tvām-*); 6. *vas-* m.f. 'место жительства', 'жилище'.

Обычное число омонимов — два, гораздо реже — три. По три омонима имеют следующие звуковые комплексы:

1. *akṣá-* 'кость в игре'; 2. *akṣá-* 'глаз'; 3. *ákṣa-* 'ось';
1. *ajá-* 'гонитель'; 2. *ajá-* 'козел'; 3. *ajá-* 'нерожденный';
1. *ātra* 'здесь'; 2. *ātra-* 'нечто съедобное'; 3. *atrá-* 'едок';
1. *áva-* 'милость'; 2. *áva* indecl. 'вниз'; 3. *avá-* проп. 'этот';
1. *u-* 'звать'; 2. *u-/vā-* 'ткать'; 3. *u* indecl. 'также';
1. *eṣá-* 'скользящий', 'спешащий'; 2. *eṣá-* 'желание'; 3. *éṣa-* 'спешка';
1. *kar-* 'делать'; 2. *kar-/kir-* 'рассыпать'; 3. *kar-* 'прославлять';
1. *jar-* 'старить', 'стареть'; 2. *jar-* 'шуметь', 'звать'; 3. *jar-* 'шевелиться';
1. *tānva-* 'родной сын'; 2. *tānva-* 'потомок Танвы'; 3. *tānva-* 'сотканый';
1. *turá-* 'быстрый'; 2. *turá-* 'сильный'; 3. *turá-* 'раненый';
1. *dā-* 'давать'; 2. *dā-* 'отрезать'; 3. *dā-* 'связывать';
1. *dāmán-* 'дар'; 'даритель'; 2. *dāman-* 'дарение'; 3. *dāman-* 'веревка';
1. *ni-* 'реветь', 'шуметь'; 2. *ni-* 'двигаться'; 3. *ni* indecl. 'сейчас';
1. *pā-* 'защищать'; 2. *pā-* 'пить'; 3. *pā-* 'уходить';

1. *mā-* 'мерить'; 2. *mā-* 'реветь', 'блеть'; 3. *mā indecl.* 'не' (запрет);
1. *māna-* 'провидец'; 2. *māna-* 'строение'; 3. *māna-* 'шнур для измерения';
1. *vāndana-* поэт. рг. человека; 2. *vāndana-* 'восхваление'; 3. *vāndana-* 'лишай', 'сыпь';
1. *vāra-* 'круг'; 2. *vāra-* 'желание'; 3. *vāra-* 'желанный', 'лучший';
1. *vā-* 'веять'; 2. *vā-* 'уставать'; 3. *vā-/u-* 'ткать';
1. *vāṇā-* 'стрела'; 2. *vāṇā-* 'дудка', 'музыка'; 3. *vāṇā-* 'вымя'.

Двумя омонимами представлены следующие глагольные корни:

1. *aç-/aṁṣ-* 'достигать'; 2. *aç-* 'есть', 'вкушать';
1. *as-* 'быть'; 2. *as-* 'кидать', 'бросать';
1. *iṣ-* 'хотеть', 'желать'; 2. *iṣ-* 'посылать';
1. *ukṣ-* 'кропить'; 2. *ukṣ-/vakṣ-* 'расти';
1. *ūh-* 'толкать', 'передвигать'; 2. *ūh-* 'замечать';
1. *kṣi-* 'жить'; 2. *kṣi-* 'уничтожать';
1. *gā-* 'идти'; 2. *gā-* 'петь';
1. *gir-* 'хвалить', 'воспевать'; 2. *gir-* 'глотать';
1. *ci-* 'собирать'; 2. *ci-* 'замечать';
1. *chad-* 'покрывать'; 2. *chad-/chand-* 'казаться';
1. *jakṣ-* 'пожирать'; 2. *jakṣ-* 'смеяться';
1. *ji-* 'побеждать'; 2. *ji-* 'оживлять';
1. *tan-* 'тянуть'; 2. *tan-* 'греметь';
1. *dī-* 'летать'; 2. *dī-* 'сиять';
1. *dhā-* 'ставить', 'класть'; 2. *dhā-* 'сосать';
1. *dhāv-* 'струиться', 'бежать'; 2. *dhāv-* 'полоскать';
1. *naç-* 'исчезать'; 2. *naç-* 'достигать';
1. *pat-* 'летать', 'падать'; 2. *pat-* 'господствовать';
1. *par-/pur-* 'наполнять'; 2. *par-* 'перевозить';
1. *bhuḥj-* 'сгибать'; 2. *bhuḥj-* 'радоваться';
1. *ui-* 'соединять', 'запрягать'; 2. *ui-* 'отделять', 'отвращать';
1. *raj-/rañj-* 'окрашивать'; 2. *raj-/rj-* 'направлять прямо';
1. *rā-* 'давать'; 2. *rā-* 'лаять';
1. *rāj-* 'светить', 'сверкать'; 2. *rāj-* 'царствовать';
1. *ru-* 'реветь'; 2. *ru-* 'ломать';
1. *rudh-* 'мешать', 'препятствовать'; 2. *rudh-* 'расти';
1. *var-* 'стричь'; 2. *var-* 'сеять';
1. *var-* 'охватывать', 'препятствовать'; 2. *var-* 'выбирать';
1. *vid-* 'находить'; 2. *vid-* 'знать';
1. *vidh-* 'почитать'; 2. *vidh-* 'быть пустым';
1. *vī-* 'стремиться', 'наслаждаться'; 2. *vī-/vūā-* 'покрывать', 'скрывать';
1. *ṣad-* 'красоваться'; 2. *ṣad-* 'падать';
1. *sidh-* 'удаваться'; 2. *sidh-* 'отталкивать';

1. *sū-/su-* 'побуждать'; 2. *sū-/su-* 'рожать'.

Омонимия глагольных корней нередко имеет своим следствием омонимию произведенных от них именных основ, например; *gātú-* 'проход', 'путь' и *gātú-* 'напев' соответственно от 1. *gā-* и 2. *gā-*; *dāman-* 'дарение' и *dāman-* 'веревка' от 1. *dā-* и 3. *dā-*, *dhāsi-* 'место жительства' и *dhāsi* 'молочный напиток' от 1. *dhā-* и 2. *dhā-*; *vāra-* 'круг' и *vāra-* 'желание' и пр., или *vāra-* 'волосы хвоста' и *vāra-* 'сокровище' от 1. *vā-* и 2. *vā-*; *vāsmān-* 'покрывало' и *vāsmān* 'гнездо' от 2. *vas-* и 3. *vās-*; *vēdas-* 'имущество' и *vēdas-* 'знание' от 1. *vid-* и 2. *vid-* и др. Такая омонимия именных основ является производной.

Наряду с этим встречаются и случаи иного рода, когда омонимичные основы произведены от неомонимичных корней. Это бывает вызвано правилами морфонологии, в силу которых в одной из ступеней чередования могут совпадать разные исходные гласные, а также особенностями словообразования, например: 1. *vāyas-* 'птица' (ср. *vī-* 'птица') и 2. *vāyas-* 'подкрепление', 'сила' (корень *vī-* 'стремиться', 'вкусать'); 1. *prasavā-* 'выжимание (сомы)' и 2. *prasavā-* 'возбуждение'; 1. *savā-* 'выжатый сома' и 2. *savā-* 'побуждение'; 1. *sāvāna-* 'выжатый сома', 'приготовление сомы' и 2. *sāvāna-* 'подстрекание', 'побуждение' (где омонимы 1. произведены от корня *su-* 'выжимать', а омонимы 2. — от корня *sū-* 'возбуждать'); 1. *hāvāna-* 'жертвенное возлияние' и 2. *hāvāna-* 'призыв'; 1. *hótrā-* 'жертвенное возлияние' и 2. *hótrā-* 'призыв' (где омонимы 1. произведены от корня *hu-* 'совершать жертвенное возлияние', а омонимы 2. — от корня *hū-* 'звать') и др.

Для того, чтобы дать представление об объеме омонимии, нельзя не коснуться вопроса об омонимичности в тексте реальных форм этих словарных омонимов. У омонимов — имен существительных и прилагательных омонимичны целиком парадигмы склонения. У омонимов — глагольных корней, как правило, различаются типы основ презенса, например: 1. *vas-*, *uchāti*; 2. *vas-*, *vāste*; 3. *vas-*, *vāsati* и т. п.; омонимичными же кроме корней могут быть формы производного спряжения и отглагольные имена, т. е. омонимия не распространяется в большинстве случаев на основную парадигму.

У лексических омонимов, принадлежащих к разным классам слов: имя — глагол — неизменяемые слова — реальные омонимичные формы в тексте минимальны, не говоря уже о том, что синтаксические конструкции, в которых они употребляются, никогда не совпадают, и это помогает распознать значение слова. Максимальна объем омонимичности у омонимов — неизменяемых слов, поскольку они лишены парадигмы. Характерным для ведийского языка примером такого рода являются омонимы: 1. *ná* 'не'; 2. *ná* 'подобно', 'как'.

На грани омонимии и полисемии находятся случаи употребле-

ления некоторых ведийских местоимений в функции наречий или частиц, например: *adās* 'тот' и 'там'; *ayām* 'этот' и 'вот'; *idām* 'это' и 'здесь', 'сюда', 'сейчас'; *kād* 'что?' и 'ли'; *kam* 'кого?' и эмфатическая частица; *tād* 'то' и 'поэтому'; *yād* 'что' и 'когда', 'если'.

Некоторые омонимические пары, по-видимому, возникли в ведийском языке в результате метафорически мотивированной полисемии. Таковы с большой долей вероятности: 1. *akṣā-* 'глаз' (форма, встречающаяся в составе сложных слов) и 2. *akṣā-* 'игральная кость' (как 'снабженная глазками'); 1. *rāj-* 'сиять', 'блистать' и 2. *rāj-* 'царствовать'; 1. *vrṣāy-* 'идти дождю' и 2. *vrṣāy-* 'быть страстным'; 1. *svadhā* 'своя воля', 'свой обычай', 'своя склонность' и т. п. и 2. *svadhā-* 'жертвенный напиток' (как развитие одного из значений 1. *svadhā-* 'то, что удовлетворяет свою склонность') и др.

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ. МОРФОЛОГИЯ

Существует несколько источников, по которым можно судить о звуках ведийского языка. Это дошедший до нас письменный текст четырех вед, современное исполнение ведийских мантр в различных ведийских школах в Индии и описание ведийского произношения в древних фонетических трактатах — *пратишакхьях* (*prāṭiśākhya-*). При всей неоспоримой ценности письменного текста он, естественно, не может дать ответа на многие вопросы, касающиеся именно произношения, к тому же не следует забывать, что запись слоговым письмом деванагари хотя и приближается к фонетической транскрипции, но сделана она была через много веков после создания ведийских сбораний. Современная манера исполнения вед не единообразна, делится на разные школы и не может претендовать на тождество с исконной рецитацией вед во многих отношениях. Трактаты-пратишакхья (каждый из них принадлежит определенной веле) имеют целью сохранить неприкосновенной чистоту рецитации сакрального текста. Их главным предметом является фонетика: произношение гласных и согласных, изменения звуков в контексте, характер ударения, классификация слогов, ошибки в произношении и т. п. Они являются первым научным описанием древнеиндийской фонетики, содержащим наблюдения над рецитацией вед задолго до того, как их текст был записан.

ЗВУКИ ВЕДИЙСКОГО ЯЗЫКА

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ ЗВУКОВ

В соответствии с индийской фонетической традицией звуки ведийского языка приводятся в следующем порядке¹:

¹ В дальнейшем эта классификация звуков легла в основу алфавита.

Гласные

простые *a ā i ī u ū r ṛ ḷ*
дифтонги *e o ai au*

Согласные

гutturальные *k kh g gh ṅ*
палатальные *c ch j jh ñ*
церебральные *ṭ ṭh ḍ ḍh ṇ*
дентальные *t th d dh n*
губные *p ph b bh m*
полугласные *y r l v*
фрикативные *ś ṣ s*
придыхание *h*

Вспомогательные звуки

анусвара *m̐*, анунастика *ñ̐*
висарджания *ḥ*

Разбиение на гласные (*svara-*) и согласные (*vyañjana-*) производится в соответствии со способностью образовывать слог: гласные — слогообразующие, согласные — нет.

Вокализм. Гласные разделяются на монофтонгические (*sa-mānākṣara-*) и дифтонгические (*sandhyakṣara-*) в зависимости от того, состоит ли гласный из одного только слогообразующего элемента или из двух: слогообразующего и неслогообразующего. Последний тип гласных, дифтонги, включает два подкласса: 1) дифтонги исторические, дифтонгический характер которых проявляется только в чередовании: *e, o* перед согласным, *au, av* перед гласным, и 2) дифтонги реальные *ai, au* (таким образом, первый подкласс выделяется с помощью морфонологического критерия).

Ведийские гласные бывают краткими (*hrasva-*) и долгими (*dirgha-*). Краткий гласный содержит одну мору (*mātra-*), долгий гласный — две моры. В пратишахкьях упоминаются еще сверхдолгие гласные (*pluti-*), содержащие три моры. Эти гласные встречаются редко, обычно в глаголе вопросительного предложения, так что протяженность следует отнести за счет интонации, а не парадигматической характеристики самого гласного.

Краткими являются *a, i, u, r, ḷ*; долгими — *ā, ī, ū, ṛ, ḷ, e, o, ai, au*. Таким образом, по долготе и краткости различаются *a—ā, i—ī, u—ū, r—ṛ*. Из них в последней паре противопоставление реализуется очень ограниченно, поскольку *ṛ* — редкий звук, встречающийся только в двух грамматических формах: *A.* и *G.pl.* от основ на *-r-* — формы, созданные по аналогии с другими основами на гласный, например: основа *pitṛ-*, *A.pl.*

pitṛn, G.pl. *pitṛnām*, как основа *devā-*, A.pl. *devān*, G.pl. *devānām*. Следует отметить, что и в этих формах иногда, как показывают данные метрики, произносился краткий звук. Соответствующий же краткий звук — *ɾ* — в текстах засвидетельствован хорошо.

Регулярно противопоставляются по долготе и краткости гласные *a—ā*, *i—ī*, *u—ū*, которые в пратишахьях трактуются как имеющие одно качество (*savarṇa-*) и различающиеся только количественно. Это вполне правомерно в отношении *i—ī* и *u—ū*, у которых краткий звук был несколько более открытым, чем соответствующий долгий, но сильно противоречит фонетической реальности *a—ā*. Из тех же фонетических трактатов известно, что *ā* был самым открытым (*vivṛta-*) из всех гласных, в то время как *a* был сравнительно закрытым (*saṃvṛta-*), т. е. фонетически это мог быть нейтральный гласный *ə*. Трактовать их одинаково можно было только, исходя из морфонологических соображений, так как удобно было приравнивать чередования ряда *a* к другим рядам.

Среди монофтонгов различаются собственно гласные и слоговые сонанты. Последние представлены прежде всего *ɾ*, поскольку *l* встречается только в формах от одного корня *kṛp-* 'соответствовать'. Судя по описаниям, *ɾ* был кратким звуком смешанного характера, сочетающим вокалические и консонантные сегменты: консонантный посередине, вокалические призвуки в начале и в конце. В большинстве пратишахьей *ɾ* и *l* считаются велярными звуками (*jihvāmūlīya-*), поскольку они артикулируются у основания языка. Согласно более поздней точке зрения, *ɾ* является церебральным звуком, а *l* — дентальным. Возможно, эти разногласия отражают диалектные различия. В отдельных случаях встречается в рукописях передача *ɾ* как сочетания согласного *r* с гласным: *ri*, *ru* и др. Для *ɾ* и *l* постулируется обычно одно место образования (*sthāna-*), но разный способ (*kaṛṇa-*): *ɾ*, как и согласный *r*, является дрожащим звуком, а *l* и соответственно *l* — латеральным.

Все остальные гласные не знают противопоставления по долготе. *ḷ* бывает только кратким, а дифтонги только долгими.

Из пратишахьей можно извлечь отдельные сведения относительно места образования гласных. Краткий звук *a* рассматривался как некий средний, нейтральный гласный, для артикуляции которого не требовалось специальных усилий произносительных органов²; считалось, что он образуется в горле. Гласные *ī*, *e*, *ai* классифицировались как палатальные, *ū*, *o*, *au* — как лабиальные.

Так называемые дифтонги — *e*, *o*, *ai*, *au*, — судя по описаниям (не вполне ясным), были гласными среднего подъема: *e*,

² Не случайно поэтому в слоговом письме деванагари *a* после согласного никак не обозначается, в то время как *ī* и *u* обозначаются специальными знаками, добавляемыми к буквам для согласных.

о — более закрытыми, *ai*, *au* — более открытыми. Между собой эти две пары гласных различались прежде всего степенью открытости, а затем монофтонгическим или дифтонгическим характером. Хотя фонетически *e*, *o* были монофтонгами (в Рик-пратишакхье (XIII, 16) сказано, что в *e*, *o* составляющие их сегменты неразличимы в силу слияния их матр), их дифтонгическая трактовка у индийских ученых на синхронном уровне подкрепляется правилами сандхи: $\ddot{a} + \ddot{i} > e$, $\ddot{a} + \ddot{u} > o$, а также морфонологическими чередованиями корня. У отдельных слов встречаются фонетические варианты с чередованием *-ayi/-e-*, *-ava/-o-*, например: *deṣṇā-/dayiṣṇā-* 'дар', *ṣrēṣṭha-/ṣrāyiṣṭha-* 'лучший', *ṣronā-/ṣrāvaṇa-* 'хромой' и др., что напоминает пра-критское фонетическое развитие.

У реальных дифтонгов *ai*, *au* первый слогаобразующий элемент произносился как краткий гласный. Исторически здесь была долгота, что на синхронном уровне обнаруживается в некоторых сандхи гласных и в морфонологических чередованиях в корне. В Рик-пратишакхье связь слогаобразующего элемента *a* в составе этих дифтонгов с неслогообразующими глайдами *-i*, *-u* сравнивается со связью краткого гласного со вспомогательным носовым неполной смычки — анусварой.

В фонетических трактатах упоминается еще одна количественная градация гласных — сверхкраткий гласный, или сварабхакти (*svarabhakti*-), равный в зависимости от позиции $\frac{1}{4} - \frac{1}{8}$ моры. Этот гласный, встречающийся только после *r*, *l* в определенном фонетическом контексте, самостоятельным звуком не является, так как в обычных условиях он не способен образовывать слог.

Консонантизм. Ведийские согласные по способу образования разделяются на смычные (*spr̥ṣṭa-* 'образованные прикосновением'), полугласные (*antahsthā-* 'стоящие между') и фрикативные (*ūṣman-* букв. 'жар', 'пар'). Основу консонантизма составляют смычные согласные, представленные пятичленными симметричными рядами звуков одного места образования (*varga-*). В пределах варги согласные различаются по звонкости — глухости (*ghoṣavanti—aghōṣa-*), придыхательности — непридыхательности (*mahāprāṇa—alpaprāṇa-*), и заканчивается каждая варга носовым согласным (*nāsikya-*), противостоящим прочим неносовым того же места образования.

При описании смычных согласных в трактатах может быть названа варга и номер данного согласного в варге: 1 — глухой непридыхательный, 2 — глухой придыхательный, 3 — звонкий непридыхательный, 4 — звонкий придыхательный, 5 — носовой. Сами же варги называются по первому члену: *ka-varga-*, *ca-varga-* и т. д.

Гуттуральный ряд (kaṇṭhya-) состоит из согласных, которые чаще всего описывают по активному органу как произведенные с помощью корня языка (*jihvāmūla-*); место артикуляции — мягкое нёбо (*hanimūla-* букв. 'корень челюсти').

Палатальный ряд (tālavya-) представлен согласными, артикулирующимися с помощью середины языка (*jihvāmādhyā-* на нёбе (*tālu-*). Этот ряд никак не выделяется индийскими фонетистами среди других. Судя по их описаниям, он отличается только местом образования, но не способом образования. Так, комментатор Рик-пратишакхи Увата говорит, что *с* отличается от *k* местом образования, а от других нёбных звуков: *i*, *j*, *y* — способом образования. Иными словами, палатальный ряд рассматривался как смычные, а не как аффрикаты, хотя на основании описаний этим препалатальным смягченным согласным в какой-то мере должно было быть свойственно аффрикативное произношение. Не случайно, что на дистрибуцию этих звуков наложены более строгие ограничения, чем у веллярного или другого смычного ряда.

Церебральный ряд (mūrdhanya-) состоит из согласных, образованных путем смычки верхней части языка с твердым нёбом (в индийской терминологии с верхним нёбом, так как *mūrdhan-* 'вершина'), притом что самый кончик языка отогнут назад. По характеру артикуляции и наличию дополнительных артикуляторных усилий согласные церебрального ряда противостоят смычным всех остальных рядов, однако индийскими учеными они рассматриваются на равных с ними основаниях. С одной стороны, для звуков этого ряда характерны специфические ограничения дистрибуции; с другой стороны, в звуковой цепочке церебрализация вызывается у смычного носового или у спيرانта контактным или дистантным воздействием на него определенных предшествующих звуков. Эти дистрибутивные особенности выделяют церебральный ряд из всех прочих рядов. В РВ к этому ряду принадлежат еще два церебральных сонанта *ḷ* и *ḷh* — интервокальные варианты соответственно *ḍ* и *ḍh*.

Дентальный ряд (dantya-) включает согласные, местом образования которых являются зубы, точнее их основание, а активным органом — кончик языка.

Лабialsый ряд (oṣṭhya-) представлен согласными, образующимися путем смычки губ.

Полугласные ведийского языка представляют собой согласные варианты соответствующих гласных или слоговых сонантов. Палатальный звук *y* имеет то же место артикуляции, что и *i*, а губной звук *v* артикулируется там же, где *u*. Разница заключается в способе образования, в несколько большем сужении щели на пути выдыхаемой струи воздуха и слабом контакте при произнесении согласного. Консонантный характер *y* и *v* выражен слабо, отсюда легкость перехода *i* > *y*, *u* > *v* в

ведийском языке. Степень консонантности у и *v*, как отмечается в более поздних трактатах, зависит от занимаемой ими позиции в слове. Они наиболее консонантны в начале слова³, средние — в середине и легкие — в конечном положении, где они могли образоваться в результате сандхи.

О тесной связи гласных и полугласных одного места образования говорит также наличие чередования *ī/iy*, *ū/uv* в формах одного слова в зависимости от звукового контекста, например: *dhi-* 'мысль', A.sg. *dhiyam*, *tanū-* 'тело', A.sg. *tanūvat* и т. п. и существование фонетических вариантов одного слова типа *tvaṁ/tuvaṁ* 'ты' и др.

В начальном положении звук *v* мог произноситься как лабиодентальный спирант.

Плавные сонорные *r* и *l* функционально представляли собой согласные варианты соответствующих слоговых сонантов *r* и *l*. Словообразующая функция проявлялась в интерконсонантном положении или в начале слова перед согласными, неслогообразующая функция — в остальных положениях.

Фонетически *r* (*repha-*) представляет собой дрожащий сонорный согласный, местом артикуляции которого, согласно пратишакхьям, считаются альвеолы (*dantamūla-* 'корни зубов') или зубы. В соответствии с точкой зрения более позднего трактата, *r* является церебральным звуком (что объясняет его церебрализующее действие на *n* и *s*). Высказывалось предположение, что здесь имеют место диалектные различия.

Местом артикуляции латерального сонорного согласного являются зубы или их основание (как у дентального ряда). Ведийский *l* был, по-видимому, унилатеральным (а не билатеральным), «светлым» по качеству.

В РВ *l* встречается редко (главным образом в поздних частях памятника). В отдельных случаях наблюдаются варианты одного слова с *l* и с *r*, например: *purū-/pulū-* 'многий'; *miṣṛā-/miṣlā-* 'смешанный'; *rabh-/lath-* 'хвотать', 'получать'; *rip-/lip-* 'приклеивать' и др. В большинстве же случаев слова, известные из более поздних памятников как содержащие *l*, в РВ имеют *r*. В дальнейшем развитии языка *l* заметно распространяется за счет *r*. В ведийском языке в определенных сандхи на границе двух слов или двух морфем встречаются назализованные варианты полугласных и латерального сонанта — *ṛ*, *ṡ*, *ḷ*.

Фрикативные согласные немногочисленны в ведийском языке. Они состоят из трех глухих сибилантов, каждый из которых по месту образования совпадает с одной из варг смыч-

³ В некоторых поздних трактатах — *шикшах* (*śikṣā-*) даже утверждается, что начальный *y* следует произносить как *j* (что нашло свое отражение в определенных школах аджурвединов). Произнесение *v* в начальном положении с сильной смычкой объясняет дальнейшую тенденцию индийских языков к переходу *v > b* или мене этих согласных в вариантах одного слова.

ных: *ç* — с палатальной варгой, *ʃ* — с церебральной, *s* — с дентальной. Крайние по месту образования варги — велярная и губная — не имеют соответствующих сибилантов (во всяком случае, в качестве самостоятельных звуков). Звонких сибилантов нет вообще.

По способу образования фрикативные отличаются от смычных своей варги тем, что при их произношении происходит не смычка, а сближение органов артикуляции или, как сказано в Тайттирия-прагишакхье (II, 45), «центр артикулирующего органа открыт».

Хотя звонких фрикативных не существует, но следы их сохранились в определенных сандхи.

Термином «фрикативный» (*ūṣman*) в древнеиндийской фонетике обозначаются не только сибиланты, но и звук *h*, а также среди вспомогательных звуков разные виды придыхания, т. е. гортанные фрикативные. Местом образования этих звуков является гортань (а по мнению некоторых авторитетов, легкие). Самостоятельным, не обусловленным контекстом звуком является *h* — единственный звонкий среди фрикативных. Хотя он и встречается в начале и в середине слова, на его дистрибуцию наложены очень большие ограничения, касающиеся прежде всего возможностей сочетания его с согласными (потому, естественно, что существует самостоятельный класс придыхательных смычных). Есть мнение, что звук *h* гоморганен с началом следующего за ним гласного, в то время как вспомогательное придыхание гоморганно с концом предшествующего гласного.

Придыхание как вспомогательный звук называется в индийской традиции *висарджания* (*visarjanīya* — 'выход наружу', 'вытекание'). Этот звук встречается только после гласного в конце слова, редко в конце морфемы, являясь как бы консонантным завершением гласного. Фонетически висарджания представляет собой слабое глухое придыхание. Графически висарджания обозначается с помощью особого знака, следующего за буквой для предшествующего гласного.

В некоторых трактатах различается несколько видов такого придыхания в зависимости от того, с какого согласного начинается следующее слово. Висарджания рассматривается как нейтральное придыхание, встречающееся перед паузой, *upadhmānīya* — придыхание перед глухим губным согласным, а *jihvāmūlīya* — перед глухим гуттуральным.

В связи с видами придыхания следует затронуть вопрос о придыхательных смычных, входящих в состав каждой варги. Придыхательные смычные рассматриваются как единая артикуляция. Придыхание у звонких смычных является звонким, а у глухих — глухим. Характер связи между смычным элементом и придыханием неодинаков у звонких и у глухих придыхательных согласных. В РП утверждается со ссылкой на некоторые авторитеты, что у звонких придыхательных вторым

элементом бывает звонкий звук *h*, а у глухих — соответствующий глухой фрикативный, т. е. *ch=c+ç*, *th=t+s* и т. д. (РП XIII,8).

К вспомогательным звукам древнеиндийская традиция относит также носовые *анусвару* *m̐* (*anusvāra-* букв. 'следующий за гласным') и *анунасику* *ñ* (*anunāsika-* букв. 'сопровождающая назальность'). Если носовые согласные, распределенные по варгам, — это смычные звуки того же места образования, что и соответствующие неносовые согласные, то вспомогательные носовые смычными не являются; во всяком случае, у них нет полной смычки, в связи с чем они не имеют фиксированного места образования.

Большинство фонетических трактатов признает существование двух разновидностей вспомогательного носового: анусвару и анунасику, и только Атхарва-прагишакхья упоминает одну анунасику, подразумевая под этим термином все случаи употребления вспомогательного носового.

Разница между анусварой и анунастикой из самих трактатов не вполне ясна. В Рик-прагишакхье говорится, что анусвара — это или согласный, или гласный (I,11), в другом месте этого же трактата она приравнивается к согласному (I,15), а в третьем месте сказано, что для гласных, анусвары и спирантов характерно длительное отсутствие смычки (XIII,6). Современные исследователи приходят к выводу, что под термином анусвара наиболее вероятно подразумевается носовой спирант. Первоначально анусвара встречалась, видимо, только в составе консонантных групп перед спирантом, в дальнейшем же стала употребляться в конце слова в определенном типе сандхи.

Анунастика представляет собой назализацию гласного. В прагишакхьях она описывается как носовая окраска гласного, т. е. составная его часть. Анунастика встречается только в особых сандхи гласных.

В фонетических описаниях анусвара рассматривается как элемент, отличающийся от предшествующего гласного, что говорит о сохранении ею консонантного характера, в то время как анунастика является носовой артикуляцией самого гласного. Графически анусвара и анунастика обозначаются не самостоятельными буквами — *акшарами* (*akṣara-*), а надстрочными диакритическими знаками над акшарой, обозначающей предшествующий гласный.

ДИСТРИБУЦИЯ ЗВУКОВ

Правила распределения звуков в ведийском тексте удобнее формулировать отдельно для начала, конца и середины слова. Наибольшие ограничения касаются конца слова.

Начало слова

В абсолютном начале слова (т. е. когда слово стоит в начале предложения или пады и для него недействительны правила сандхи с концом предшествующего слова) может находиться любой гласный, простой или дифтонгический, и дрожащий слоговой сонант *ɽ*. Соответствующий долгий звук *ṛ*, а также латеральный слоговой сонант *ɭ* в этом положении не встречаются. Из согласных звуков в начале слова запрещены носовые *ṃ*, *ṇ* и *ṇ̥*; в РВ в этой позиции не встречаются также звонкий палатальный придыхательный *jh* (он засвидетельствован вообще в одном только слове — звукоподражании *jájhj-hatís* (V, 52, 6) и совсем не встречается в АВ), глухой зубной придыхательный *th* и церебральные *ʈ*, *ʈh*, *ɖ*, *ɖh* (в дальнейшем развитии языка неносовые церебральные постепенно проникают и в начало слова, хотя употребляются здесь очень редко). Церебральный спирант *ʂ*, хотя и допустим в этом положении, реально встречается лишь в нескольких словах: в числительном *ṣaṣ* — 6 и некоторых производных от него, а также в прилагательном *ṣāṭ* 'победоносный' от корня *saḥ-*. Вспомогательные звуки — придыхание-висарджания и анусвара — как звуки, следующие за гласным, в начале слова употребляться не могут. Не встречаются здесь и назализованные гласные с анунастикой.

Сочетания гласных недопустимы в начале слова в ведийском языке, сочетания согласных разрешены. Широко распространены сочетания двух согласных. Они принадлежат к следующим типам: 1) «шумный+полугласный или сонант», 2) «шумный+носовой», 3) «шумный+шумный», 4) «носовой+полугласный или сонант», 5) «полугласный+полугласный или сонант».

Самым распространенным является первый тип. В РВ он включает следующие сочетания: *kr*, *gr*, *ghr*, *jr*, *tr*, *dr*, *dhr*, *pr*, *br*, *bhr*, *ṣr*, *sr*, *hr*; *kl*, *gl*, *pl*, *ṭl*; *khy*, *cy*, *jy*, *ty*, *dy*, *dhy*, *py*, *cy*, *sy*, *hy*; *kṽ*, *jṽ*, *tṽ*, *ḍṽ*, *dhṽ*, *ṣṽ*, *sṽ*, *hṽ*. В качестве первого элемента здесь не представлены только церебральные, которые не могут находиться в начале слова.

Второй тип охватывает в РВ следующие сочетания: *gm*, *gn*, *ghn*, *jñ*, *jm*, *dhm*, *ṣn*, *ṣm*, *sn*, *sm*, *hn*. Среди шумных смычных, функционирующих в качестве первого элемента, нет глухих согласных.

Третий тип реализуется как сочетание смычного и фрикативного в любой последовательности. В РВ это: *kṣ*, *ts*, *ps*, *ṣc*, *sk*, *st*, *sth*, *sp*, *sph*.

Четвертый тип немногочислен. В РВ это: *mr*, *ml*, *my*. Интересно, что носовым в этом сочетании бывает только *m*, но не *n*. Встречающееся в РВ в начале слова сочетание букв *ny* приносится только как *n̄i-*.

Пятый тип столь же немногочислен. В РВ его составляют

vr, vl, vu. Первым элементом из всех полугласных может выступать только *v*.

Начальные сочетания трех согласных редки. Все они представляют собой контаминацию двух бинарных начальных сочетаний. В РВ это: *kṣṇ, kṣm, kṣv, str*.

К фонетическим явлениям начала слова следует отнести отдельные случаи протетического гласного перед сонорным согласным, как в *uloká-* наряду с *loká-* (и появляется под влиянием *l*) 'свободное пространство' и в нескольких менее очевидных глагольных корнях *iraj(y)-* 'править' (ср. *rāj- id.*), *irādh-* 'добывать' (ср. *rādh- id.*) и *iras(y)-* 'раздражать' (которые можно объяснить и иначе).

Конец слова

В конце слова в абсолютном исходе (т. е. в конце предложения или пады, когда не действуют правила сандхи в отношении начала следующего слова) могут быть представлены все гласные⁴. Слоговые сонанты *r, ṛ, l* в этом положении запрещены (*r* может встречаться в конце первого члена сложного слова, например: *pitṛ-ya jñá-* 'жертвоприношение предкам', *nṛ-cákṣas-* 'смотрящий на мужей', и др.).

Из согласных звуков в конце слова разрешены только *k, ṅ, f, t, n, p, m* и все вспомогательные звуки, т. е. висарджания, анусвара, анунастика. Таким образом, запрет в этом положении распространяется на целые классы согласных звуков: из смычных на звонкие и придыхательные всех варг, на всю палатальную варгу, а также на церебральный носовой *ṇ*; на все полугласные и сонорные; на все фрикативные; на придыхание *h*.

Из приведенных согласных, разрешенных в конце слова, наименее употребительны *ṅ* и *f*, которые встречаются в редких грамматических формах. Велярный носовой *ṅ* возможен в конце слова только в N.sg. от не слишком употребительных согласных основ на *-aṅc-*, например: *prāṅ* (основа *prāṅc-*), *viṣvāṅ* (основа *viṣvāṅc-*). Глухой непридыхательный церебральный *t* встречается в редких формах 2 или 3 sg. aor. или inj., как *naṭ* от *naṣ-*, *yāṭ* от *yaj-* и др., а также в отдельных формах N.sg., например: *rāṭ* от *rāj-*, *vāṭ* от *vah-* и др.

В связи со столь ограниченным репертуаром смычных согласных, допустимых в конце слова, увеличивается их функциональная нагрузка. Каждый глухой непридыхательный смычный в конце слова представляет как минимум четыре смычных неносовых согласных своей варги, например: N.sg. *kāprt* от *kāprth-*, N.sg. *ékapāt* от *ékapad-*, N.sg. *agnit* от *agnidh-*,

⁴ Явления конца слова можно было бы также описывать в разделе о сандхи, трактуя их как сочетания конечного звука с паузой, что и делается в ряде грамматик.

N.sg. *triṣṭúp* от *triṣṭúbh-* и др. (во всех этих формах в связи с упрощением конечных групп согласных отпало окончание N.sg. *-s*). Наибольшая функциональная нагрузка приходится на глухой непридыхательный согласный велярного и церебрального рядов, которые представляют также палатальную варгу смычных, фрикативные *-ç* и *-ṣ* и придыхание *h*. Иными словами, *-k* в абсолютном исходе может соответствовать кроме носовых смычных своей варги *c, j, ç, ṣ, h*; а *ṭ* кроме соответствующих согласных своей варги также *ch, j, ç, ṣ, h*⁵ (отражение палатальных согласных и *h* в абсолютном исходе как велярных или как церебральных имеет диахроническое обоснование). Вот некоторые примеры: N.sg. *tvák* от *tvác-*, 3 sg.inj. *prṇak* от *prc-*, N.sg. *nirṇik* от *niraij-*, N.sg. *sayúk* от *sayúj-*, N.sg. *tādṛk* от *tādṛç-*, 3 sg.inj. *pra nak* и *abhi naṭ* от *2. naç-*, N.sg. *vīṭ* от *viç-*, 2, 3 sg.inj. *piṇák* от *piṣ-*, 3 sg.aor. *áprāṭ* от *prach-*, N.sg. *rāṭ* от *rāj-*, N.sg. *vīṭ* от *viç-*, N.sg. *gartārúk* от *gartārúh-*. N.sg. *havyavāṭ* от *havyaváh-* и др.

Встречаются отдельные случаи диссимиляции, когда соотношение между согласным в абсолютном конце слова и соответствующим ему исходным согласным нарушено, например, N.sg. *anuṣṭuk* вместо *anuṣṭúp* от *anuṣṭúbh-* и некоторые другие.

При замене конечного *h* на *k* или *ṭ* придыхание переходит на начальный согласный корня, если этот согласный является звонким непридыхательным, т. е. *g, d, b*, например: 3 sg.impf. *ádḥok* от *duh-*, 3 sg.aor. *adhāk* от *dah-*, N.sg. *abhidhrúk* от *abhidrúh-*. Данное правило можно назвать морфонологическим, поскольку перераспределение придыхания осуществляется в пределах корня. (Диахронически здесь происходит восстановление начального придыхательного при утрате придыхания конечным согласным у корней с двумя исходными придыхательными согласными.) Тот же процесс происходит внутри слова при соединении корней этой структуры с определенными начальными согласными флексии (внутреннее сандхи), но там это осуществляется менее последовательно.

Смычные носовые согласные, разрешенные в конце слова, в принципе не подвергаются изменениям в абсолютном исходе. Велярный *ṇ*, как уже говорилось, встречается очень редко, а дентальный и лабиальный смычные носовые — достаточно часто. В редких случаях конечный губной носовой *m* заменяется зубным носовым *n* (что бывает вызвано фонетическими причинами: упрощением группы согласных в конце слова и отпадением дентальной флексии *-s* или *-t*, с которой предшествующий носовой ассимилировался по месту образования), например: N.sg. *dán* (<**dam*+*s*) от *dám-*, 2, 3 sg.plusq. *ájagar* (<**a jagam*+*s*

⁵ При этом возможность представлять *ṭh* и *ḍh* для ведийского языка является чисто теоретической, поскольку нет корней, которые бы оканчивались на эти согласные, корни же на *-ṭ* и *-ḍ* очень немногочисленны.

или *a jagam + t*) от *gam-*, 3 sg.aor. *áyān* (<**ayam + s + t*) от *yam-*.

Полугласные *y* и *v* могут встретиться в конечном положении только в результате сандхи перед начальным гласным следующего слова. В абсолютном конце они не встречаются, в этой позиции им соответствуют *i* и *u*.

Латеральный сонорный согласный *l* в абсолютном конце слова не встречается. Дрожащий сонорный согласный *r* бывает представлен вспомогательным придыханием — *visarḡoy* (*visar-ga-*) (как и зубной фрикативный *s*), например: adv. *pūnaḥ* от *pūnar-*, N.sg. *gīḥ* от *gīr-*, N.sg. *dhūḥ* от *dhūr-* и др.

О рефлексах фрикативных и придыхания *h* в абсолютном конце слова было сказано выше.

Вспомогательные носовые анусвара и анунастика в абсолютном конце слова не встречаются, поскольку они являются результатом сандхи конечных носовых полной смычки *n* или *m* и начального звука следующего слова.

В ведийском языке в конце слова группы согласных в принципе не удерживаются и подвергаются упрощению. Отпадает последний согласный бинарных сочетаний, а в группе из трех согласных — два последних. Этот процесс происходил, например, регулярно в формах N.sg. согласных основ, как N.sg. *pratyān* (<**pratyāñks*) и форм атематических основ 2, 3 sg.act. со вторичными окончаниями *-s*, *-t*, как 2, 3 sg.impf. *āhan* (<**ahan + s* и *ahan + t*) и др.

Удерживались в этом положении только группы согласных *-rk*, *-rt*, если конечный шумный смычный принадлежал корню, например: N.sg. *ūrḥ* от *ūrj-*, 2, 3 sg.inj. *vārḥ* (<**varj + s* и **varj + t*) от *vṛj-*, 3 sg. *avart* (<**avart + t*), но 3 sg.impf. *abibhar* (<**abibhar + t*), так как здесь **-t* было окончанием. Встречаются и отдельные исключения, когда конечный смычный все-таки отпадает вопреки общей тенденции, как в форме 3 sg.impf.intens. *avarivar* от *vṛt-*, или когда выпадает предпоследний согласный, а не конечный, как во 2 sg.aor. *ayās* от *yaj-*.

На сочетание двух гласных в конечном положении в принципе запрета нет, но эти сочетания отличаются неустойчивостью, поскольку их первым элементом всегда бывают узкие гласные *i*, *u*, легко переходящие в соответствующие согласные *y*, *v*. Это имеет место, например, в парадигме склонения имен с основой на *-ī* или *-ū*, как *vṛkī-*, A.sg. *vṛkī(y)am*, *tanū-*, I.sg. *tanū(v)ā*, D.sg. *tanū(v)e*, L.sg. *tanū(v)i* и др.

Наибольшей сложностью отличаются правила дистрибуции звуков в середине слова (см. таблицу бинарных сочетаний звуков в РВ)⁶.

В древнеиндийском языке существует тенденция избегать зияния гласных, или гиатуса, как внутри слова, так и на стыке двух слов. В пратишакхьях предписываются правила контракции двух простых гласных одинакового качества, а именно: $\check{a} + \check{a} > \bar{a}$, $\check{i} + \check{i} > \bar{i}$, $\check{u} + \check{u} > \bar{u}$, например: 3 sg.subj. *gáchāti* < *gac-ha-* + *a* + *ti*, *upāyana-* < *upa* + *ayana-*, *tigmāyudha* < *tigma-* + *āyudha-*, absol. *pratītyā* < *prati* + *ityā*, *āparita-* < *a* + *pari* + *ita-*, *purūrū-* < *puru-* + *uru-*. Количество исходного гласного не имеет значения — в результате всегда получается долгий гласный. В пределах простого слова (т. е. на стыке корня и суффикса или префикса и корня) это правило соблюдается, в сложных же словах, как показывает размер, может нарушаться, и тогда имеет место гиатус.

При встрече гласных разного качества также происходит контракция, в результате которой возникает гласный нового качества, т. е. $\check{a} + \check{i} > e$, $\check{a} + \check{u} > o$, $\check{a} + e > ai$, $\check{a} + o > au$, например: 3 sg.opt.act. *caret* < *cara-* + *i* + *t*, *pāreti* < *parā* + *iti-*, *āpodaka-* < *apa* + *udaka-*, 3 sg.impf.caus.act. *airayat* < *a* + *erayat* от *a* + *ir-* в каузативе, *pañcaudanam* < *pañca* + *odanam*. Эти сандхи являются свидетельством на синхронном уровне дифтонгического происхождения долгих гласных *e* и *o*.

Гласные $\check{i}$, $\check{u}$ перед последующим гласным консонантизируются, т. е. $\check{i} > y$, $\check{u} > v$, например: 3 pl.pr.act. *y-ānti* от корня *i-* (ср. 1 pl.pr.act. *i-mās*); 3 pl.pf.act. *bi-bhy-ús* от корня *bhi-* (ср. p.p. *bhi-tā-*), *nyāñc-* < *ni* + *añc-*, *svasti-* < *su* + *asti*; A.sg. *tanvām* < *tanū* + *am*, D.sg. *tanvè* < *tanū* + *e* от основы *tanū* и т. д. Однако в РВ сплошь да рядом наблюдается, как показывает размер, зияние гласных, особенно на границе двух членов сложного слова, префикса и корня, основообразующего гласного и флексии.

Следует отметить, что в пределах слова $\check{i}$, $\check{u}$ перед гласным могут давать и более сложные рефлексы: $\check{i} > iy$, $\check{u} > uv$, и таким образом сохраняется слоговое качество этих звуков (такого чередования не бывает при внешнем сандхи). Выбор варианта — *y* или *iy*, *v* или *uv* — происходит не вполне автоматически. В значительной степени он определяется структурой предшествующего слога и отчасти — морфологической характеристикой формы (подробнее см. в разделе «Слогоделение и структура слога»).

⁶ Те изменения, которым подвергаются звуки, находящиеся внутри слова в непосредственном контакте друг с другом, часто называют *внутренними сандхи* (*sandhi-* 'соединение') в отличие от внешних сандхи, имеющих место на границе двух слов в предложении.

В полном соответствии с простыми гласными *ĩ* и *ũ* гласные дифтонгического происхождения *e* и *o* перед последующим гласным перекодируются в сочетание *a* с соответствующим консонантным глайдом, а именно *e* > *au*, *o* > *av*, например: корень *i-*, 3 sg.pr.act. *é-ti*, но 3 sg.subj.act. *áy-atĩ*; корень *stu-*, 2 sg.pf.act. *tu-štó-tha*, но 1 sg.pf.act. *tu-štáv-a*.

Дифтонги *ai* и *au* перед последующим гласным перекодируются в сочетание долгого гласного *ā* с соответствующим консонантным глайдом, т. е. *ai* > *āu*, *au* > *āv*, например: корень *ji-*, 2 sg.aor.act. *á-jai-s*, adj. *jāu-ũ*; корень *yu-*, 2 sg.aor.act. *yau-s* и *yāv-ĩs*. (Диахронически здесь имеет место не удлинение *a* в сочетании с консонантной формой глайда, а сокращение слогового элемента дифтонгов, имевших первоначальную форму **āi*, **āu*.) Слоговой сонант *r* перед последующим гласным дает согласный *r*, например: корень *kř-*, 2 pl.pf.act. *ca-kř-á*, но 1 pl.pf.act. *ca-kř-má*; основа *māť-*, G.—L.du. *māťr-ós*, I.pl. *māťr-bhis*.

Притом что цель всех перечисленных изменений состоит в предотвращении зияния гласных, оно тем не менее нередко встречается даже в пределах простого слова. Наиболее строго моделируются этими правилами сочетания корневого гласного и флексии, гораздо менее строго (прежде всего в РВ) — на других морфемных швах или даже в пределах одной морфемы.

Различные комбинации гласных встречаются на границе двух членов сложного слова, например: *pura-etár-*, *juhũ-āsia-*, *gó-oraça-* и др. Степень их устойчивости весьма проблематична, так как неясно, графический ли это гиатус или также и фонетический. В простых словах гиатус закреплён графически только в двух случаях: *títaiũ* (в АВ *títasu-*) и *prāũga-* (<*prā-yuga-*), представляющих собой исключения.

Наконец, в РВ в ряде грамматических форм долгие гласные произносятся в два слога, т. е. фактически имеет место последовательность двух гласных, как в окончании G.pl. *-ām*, Abl.sg. *-āt* и др.

Сочетания согласных в середине слова отличаются разнообразием и гораздо большей сложностью, чем в начале слова. Здесь представлены все консонантные сочетания, употребляющиеся в начале слова, и кроме того, значительное количество сочетаний, допустимых только в данной позиции. Интервокальные сочетания согласных могут состоять из двух, трех и четырех членов.

Двучленные интервокальные сочетания согласных наиболее разнообразны. В отношении сочетаний, характерных только для этой позиции и не встречающихся в начале слова, можно отметить одну структурную особенность. Если оба компонента таких сочетаний не равны друг другу по степени сонорности (т. е. если это не два шумных смычных, два носовых, два полугласных или два сонорных), то последовательность их в

интервокальном сочетании определяется убыванием сонорности (-*ñg*-, -*rt*-, -*rm*- и т. д.), в то время как в начальном положении она регулируется противоположным принципом — возрастанием сонорности (*gn*-, *tr*-, *mr*- и т. д.). Встречаются сочетания двух носовых согласных, недопустимые в начале слова.

Группа «шумный+шумный», разрешенная как в середине слова, так и в начале, в середине слова может приобретать совсем иную трактовку. В начале слова она всегда представлена сочетанием шумного смычного с фрикативным или наоборот. В интервокальном положении, кроме того, широко распространен такой вариант этой группы, как сочетание двух шумных гетерорганых смычных, соответствующих друг другу по звонкости—глухости. Такое сочетание функционирует обычно как пограничный сигнал на морфемных швах.

Только в интервокальном положении употребляются геминаты. У придыхательных согласных геминация выражается в долготе смычки, что графически обозначается как *tth*, *ddh* и т. д. Церебральные и зубные геминаты чаще всего сигнализируют границу корня и суффикса.

Здесь приводится алфавитный список двучленных интервокальных сочетаний согласных РВ, которые не совпадают с сочетаниями в начале слова: *kk*, *kkh*, *kñ*, *kt*, *kth*, *kn*, *km*, *ky*, *kš*, *ks*; *khv*; *ggh*, *gñ*, *gdh*, *gbh*, *gy*, *gv*; *ghm*, *ghy*, *ghv*; *ñk*, *ñkh*, *ñg*, *ñdh*; *cc*, *cch*, *cm*, *cr*; *chy*, *chr*, *chv*; *jj*, *jjh*; *ñc*, *ñch*, *ñj*; *ñk*, *ñt*, *ñy*, *ñr*, *ñv*; *thy*; *dg*, *dñh*, *db*, *dbh*; *dñv*; *nd*, *nm*, *ny*, *nv*; *tk*, *tt*, *tth*, *tn*, *tp*, *tm*; *thn*, *thy*, *thr*; *dg*, *dd*, *ddh*, *dn*, *db*, *dbh*, *dm*; *dñn*; *nth*, *nd*, *ndh*, *nn*, *nm*, *ny*, *nv*; *pñ*, *pn*, *pt*, *pp*, *pñ*, *pñ*; *phy*; *bj*, *bd*, *bñh*, *by*, *bv*; *bñn*, *bñm*; *mñ*, *mn*, *mp*, *mb*, *mñh*, *mm*; *mñ*, *mñ*, *mñ*; *yy*; *rk*, *rc*, *rñh*, *rj*, *rñ*, *rt*, *rd*, *rdh*, *rp*, *rbh*, *rm*, *ry*, *rñ*, *rs*, *rh*; *lg*, *lm*, *ly*, *lv*, *lñ*; *vn*; *çc*, *çp*; *šk*, *št*, *sth*, *šn*, *šp*, *šm*, *šy*, *sr*, *sv*, *ss*; *ss*; *hm*; *hñ*, *hñ*, *hñ*.

Трехчленные сочетания согласных в середине слова представляют собой комбинации двух двучленных сочетаний, описанных выше. И в этих сочетаниях распределение согласных зависит от степени их сонорности. По способности занимать определенные места в трехчленных сочетаниях согласные делятся на два дистрибутивных класса: шумные и сонорные. К первому классу принадлежат смычные неносовые и фрикативные, ко второму — носовые, полугласные и сонанты. Члены каждого из этих классов не могут занимать одновременно всех трех позиций в консонантных сочетаниях. Если в трехчленном сочетании согласные первого класса занимают два места из трех, то между ними не может находиться согласный второго класса. Таким образом, шумные согласные могут быть первым и вторым членами или вторым и третьим, но не первым и третьим, например, *str* или *ršt*. Согласные же второго дистрибутивного класса встречаются в маргинальных позициях и не могут занимать позицию второго члена. Полугласные *y* и *v*

отличаются по своей дистрибуции от плавных и носовых сонорных в том отношении, что в трехчленных консонантных сочетаниях они могут занимать только третье место, если второе место занимает шумный согласный, причем и в этих сочетаниях консонантная природа полугласных весьма неустойчива, и они легко переходят в соответствующие гласные, например: *agástya-/agástia-*, *mártya-/mártia-*, *bhaktvāyā-/bhaktuāyā*, *hāntva-/hāntua-* и др. Если же второе место занимает один из согласных второго класса, то в РВ во всяком случае автоматически происходит вокализация полугласного *y*, *v*, как это явствует из размера. Графическая форма слов в таких случаях не соответствует их произношению, например, *vásnya-* произносится *vásnia-*, *svācva-* — *suācvia-* и т. п.

Ниже приводится полный алфавитный список трехчленных интервокальных сочетаний согласных, характерных для РВ: *ktr*, *ktv*, *kṣṇ*, *kṣm*, *kṣy*, *kṣv*; *gdhv*; *ñkt*, *ñkr*, *ñgdh*, *ñgy*; *cchr*, *cchv*; *ñjm*; *ndy*; *ttv*, *tsn*, *tsy*, *tsv*; *ddv*, *dbhy*; *nty*, *ntr*, *nts*, *ndy*, *ndr*, *ndhy*, *ndhv*; *psn*; *mjñ*, *mṣc*, *mst*, *msy*, *msr*, *msv*; *rkt*, *rks*, *rtn*, *rtm*, *rtv*, *rdr*, *rdhv*, *rbhy*, *rçy*, *rṣṭ*, *rṣṇ*, *rṣm*, *rṣv*; *çcy*; *ṣty*, *ṣtr*, *ṣtv*, *ṣthy*; *skr*, *sty*, *str*, *stv*.

Четырехчленные интервокальные сочетания согласных совсем немногочисленны. В РВ это *ñkṣv*, *ñgdhv*, *mṣtr*, *rksy*. Они построены по одному принципу: шумные согласные занимают центральное положение, сонорные — маргинальное.

Во всех пратишаххьях содержатся указания на характер связи между согласными в сочетаниях разных типов.

При сочетании двух смычных согласных первый из них «подавляется» вторым и произносится имплозивно (о нем говорится, что он лишен выдоха и голоса), например, *-d-* в *marúd-bhiḥ*, *-k-* в *muktá-* и т. д. Такая же ослабленная артикуляция свойственна согласному в абсолютном конце слова, т. е. перед паузой⁷. Данное явление называется термином *абхинидхана* (*abhinidhāna-*). Относительно его границ существуют разногласия. Абхинидхана, бесспорно, имеет место в случае геминат или вообще согласных одного места образования, например, в *dattá-*, *pátni-*; это более проблематично при сочетании смычных разного места образования. Так, абхинидхана не имеет места, если смычный более заднего ряда следует за смычным более переднего, например, в *atka-*. При такой последовательности согласных происходит сикхотана (*sphoṭana-* 'разрыв', 'откалывание') отпадение одного согласного от другого. Абхинидхана может спонтанно возникать при сочетании смычного с полугласным, как в *adyá-*.

⁷ Это наблюдение древнеиндийских ученых многое объясняет в дальнейшем развитии консонантизма: отпадение конечных согласных, ассимиляция интервокальных консонантных сочетаний.

В соответствии с пратишакхьями, в группе «смычный + носовой согласный» появляется промежуточный носовой звук, представляющий собой переход от смычного к носовому и реализующийся фонетически как частичная назализация смычного, например: *rukṣma-*, *svaṛṇa-* и т. п. Эти звуки назывались *яма* (*yama-* 'близнец'). Считалось, что яма вместе со смычным носовым принадлежит к последующему слогу, т. е. *ruk-ṣma-*, *sva-ṇa-*.

В отношении группы согласных «фрикативный + носовой» у древних индийских авторитетов нет единого мнения. По мнению одних, между *h* и носовым согласным возникает частичная назализация *h*, называемая *насыкья* (*nāsikya-*), как в *vah⁽ⁿ⁾ ni-* и т. п.

В пратишакхьях указывается, что в ведийском языке в интервокальной группе из двух согласных, где первый согласный — шумный (этой группе может предшествовать также анусвара), первый согласный подвергается удвоению, например, *sapṭá-* вместо *saptá-*, *addya-* вместо *adyá-*, *puttrá-* вместо *puṭrá-* и т. п. Не подвергаются удвоению только *r* и *h*. Удвоение происходит также в двучленной консонантной интервокальной группе, первым членом которой является *r*, *l*, иногда *h*, а вторым — смычный согласный. Удваивается второй член этой группы, если он не фрикативный, например: *sarppá-* вместо *sarpá-*, *pragalbbha-* вместо *pragalbha-*. Древние фонетисты придерживаются различных точек зрения относительно допустимых границ удвоения согласных. Удвоение нашло отражение во многих ведийских рукописях.

В отдельных трактатах указывается, что удвоение в консонантных группах происходит только после краткого гласного. По-видимому, это была не более, чем тенденция, ясно проявлявшаяся также в отношении одиночных интервокальных палатальных согласных, которым предшествовал краткий гласный, например, *gácchatī* вместо *gáchatī*.

Во всех пратишакхьях говорится, что в консонантной группе «*r* или *l* + согласный» (а иногда и «согласный + *r* или *l*») существует сверхкраткий вокальный элемент, разделяющий эти два согласных, — так называемый гласный *сварабхакти* (*svarabhakti-* букв. 'часть гласного'). Это сверхкраткий гласный (длительностью до 1/4 моры — единого мнения нет), качество и количество которого определяется его звуковым окружением. Общепризнанным является наличие гласного сварабхакти в группе «*r* + фрикативный», например: *var'sá-*, *vál'ṣa-*, *bar'hís* и т. п. Иногда, как свидетельствует ведийский размер, сверхкраткий гласный может быть слогообразующим, как в *ind'ra-*, *p'rá-*, *rud'rá-*.

Наблюдения авторов пратишакхьев над характером связи согласных звуков в комбинациях друг с другом особенно ценны

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50

Знак $\oplus$ символизирует наличие данного сочетания только на границе двух морфем, а знак $\boxplus$ символизирует сочетание, встречающееся только в звукоподражаниях. Пропуск означает отсутствие в РВ данного сочетания, на которое системных ограничений, видимо, не наложено.

[illegible]

потому, что они основаны на реальной рецитации текста, многие особенности которой не нашли отражения в графике.

Описание в пратишахьях, а также графическая форма текста свидетельствуют о наличии в консонантных группах ассимиляции первого согласного по отношению ко второму (т. е. имеет место регрессивная ассимиляция).

В сочетании двух шумных неносовых согласных происходит ассимиляция по звонкости—глухости. Звонкий согласный оглушается перед последующим глухим, например: *uttara- < ud + tara-*; *mad-*, 2 sg. *mātsi < mad + si*. Глухой согласный озвончается перед последующим звонким, например: *vājavadbhiḥ < vājavat + bhiḥ*; *çak-*, 2 sg. iv. aor. *çagdhi < çak + dhi*. Таким образом, в ведийском языке действует запрет на сочетание звонких и глухих согласных и наоборот.

Как показывает таблица бинарных сочетаний (табл. 1), из шумных неносовых согласных палатальные согласные не сочетаются ни с какой другой варгой. Если первым членом бинарного сочетания согласных должен быть палатальный согласный или *h*, то он подвергается чередованию. Характер чередования определяется не вторым членом консонантного сочетания, а диахроническими причинами: происхождением палатального согласного или *h*.

Существуют два типа чередований, которым подвергаются палатальные согласные и *h*, находясь перед последующим шумным согласным или перед паузой (см. ниже, раздел «Конец слова»).

Первый тип чередований, наиболее распространенный, состоит в мене между рядом палатальных согласных и *h*, с одной стороны, и соответствующими гуттуральными — с другой, т. е. *c*, *j*, *h* и *k*, *g*. Возникший в результате этого гуттуральный подвержен дальнейшим изменениям в сочетаниях с другими согласными (по звонкости—глухости). Палатальный сибилант *ç* в этом типе чередований не принимает участия. Палатальные придыхательные *ch* и *jh* вообще не участвуют в каком-либо типе чередований. Вот некоторые примеры чередования этих согласных в конце корня перед начальным дентальным согласным окончания: *mic-* 'освободить(ся)', 2 sg. iv. pf. *mu-mug-dhi*, 3 sg. *mu-mok-tu*; *vac-* 'говорить', 2 sg. pf. act. *u-vak-ta*, р. р. *uk-tā*; *nij-* 'мыться', 3 sg. int. med. *ne-nik-té*, р. р. *nik-tā*; *vrj-* 'отбрасывать', р. р. *vrk-tā*.

Конечный *h* в данном типе чередования, перекодирясь в гуттуральный, сообщает придыхание следующему согласному. В этом случае имеет место регрессивная ассимиляция и по придыхательности, и по звонкости, например: *dah-* 'гореть', *dagdha- < dah + ta*; *duh-* 'доить', *dugdha- < duh + ta*.

Чередование между палатальными (включая те случаи *h*, когда этот звук функционирует в роли придыхательного по отношению к *j*) и гуттуральными в ведийском языке реали-

зуется в разных типах удвоения от корней с начальным гуттуральным. В редуцированных формах имеет место последовательность согласных: *c—k, c—kh, j—g, j—gh, j—h*. Вот некоторые примеры: *kar-* 'делать', 3 sg.pf. *ca-kâr-a*; *kyâ-* 'смотреть', 'сиять', 2 du.pf. *ca-khy-athur*; *gam-* 'идти', 3 sg.pf. *ja-gâm-a*; *ghrâ-* 'нюхать', p.pf. *ji-ghr-ant-*; *hâ-* 'покидать', 3 sg.pf. *jâ-hâ-ti*; *hu-* 'возливать', *jû-ho-ti*.

В некоторых редуцированных формах от корней с начальным палатальным согласным имеет место противоположный процесс: в корне возникает гуттуральный согласный (синхронно — диссимилиция по отношению к палатальному согласному удвоения, диахроническое — «восстановление» искомого согласного). Это происходит у ряда корней в перфекте и в дезидеративе (редко — в других формах), например: *ci-* 'видеть', 2 sg. des.med. *ci-kî-ša-te*; *cit* 'замечать', 3 sg.pf. *ci-kê-ta*, 1 pl.des. *ci-kit-sâ-mas*; *ji-* 'побеждать', 3 sg.pf. *ji-gâ-ya*, 2 sg.des.med. *ji-gî-ša-se* — но *jan-* 'рождать(ся)', 3 sg.pf. *ja-jân-a*; *juṣ-* 'наслаждаться', 3 sg.pf. *ju-jôṣ-a*; и др.

Особый случай чередования согласных в корне представляет собой корень *han-* 'убивать', у которого засвидетельствована мена трех согласных: *h/gh/j*; причем она может происходить и в пределах одной парадигмы: 3 sg.pf. *hân-ti*, 3 pl.pf. *ghn-ânti*, 2 sg.iv. *ja-hî* (видимо, по аналогии с формами типа *jâhâti* от *hâ-*), 2 sg.des. *ji-ghâm-sa-ti*.

В разных словообразовательных типах корни могут быть представлены разными вариантами: с конечным палатальным или гуттуральным. В редких случаях выбор варианта бывает обоснован фонетически: палатальный согласный встречается перед палатальным гласным, как в сопраг. *ôj-ti-yas-* по сравнению с *ug-râ-* 'ужасный', 'сильный'. Чаше палатальный и гуттуральный согласные встречаются в одинаковом звуковом контексте, например: *bhuṣ-* 'радовать(ся)', 'наслаждаться', *bhōga-* 'наслаждение', *bhojâ-* 'щедрый'; *ruc-* 'сиять', *rōka-/rokâ-* 'свет', *rocandâ-* id. (есть тенденция к употреблению гуттурального перед суффиксом *-a*, палатального — перед другими суффиксами); *vac-* 'говорить', *vākâ-* 'заговор', 'песнь', *vācâ-stena-* 'отнимающий с помощью заговора'; и др.

Второй тип чередований, менее распространенный, состоит в мене между палатальными согласными и *h*, с одной стороны, и церебральными — с другой, т. е. *ç, j, h* и *ṭ, ḍ*. Глухой палатальный *c* в этом типе чередований не участвует. Возникший в результате чередования церебральный ассимилирует последующий смычный. Вот некоторые примеры: *aç-* 'достигать', inf. *âṣ-ṭave*; *riç-* 'повреждать', p.p. *riṣ-ṭâ*; *kruç-* 'кричать', nom.ag. *kroṣ-ṭâr*; *yaṣ-* 'жертвовать', p.p. *iṣ-ṭâ*, nom.ag. *yaṣ-ṭâr*; *srj-* 'выливать', p.p. *sṛṣ-ṭâ*, nom.ag. *sraṣ-ṭâr*.

В том единственном корне, который оканчивается на *-ch*, подверженном чередованию, это чередование происходит по

типу *c*, а именно: *prach-* 'спрашивать', 3 sg.aor. *áprāt*, p.p. *prṣtā-*.

Если корень оканчивается на звонкий фарингальный *h*, следующий данному типу чередования, то на морфемном шве в сочетании с начальными дентальными смычными окончания происходят сложные фонетические изменения. На стыке исходных согласных возникает звонкий церебральный придыхательный, а предшествующий ему гласный приобретает долготу, а иногда также меняет качество. (Диахроническая интерпретация такова: *h* > *ṛ* перед последующим звонким, придыхание перераспределяется на конец группы, дентальный согласный озвончается и переходит в церебральный, *ṛ* выпадает, вызывая заменительную долготу предшествующего гласного, а иногда и меняя его тембр.) Вот некоторые примеры: *sah-* 'одолевать', nom.ag. *sāḍhar-* < *sah+tar*; *rih-* 'лизать', p.p. *riḍhā-* < *rih+ta*; *vah-* 'везти', p.p. *ūḍhā-* < *uh+ta*, nom.ag. *vōḍhar-* < *vah+tar*, inf. *vōḍhum* < *vah+tum*; *tṛh-* 'разбивать', 3 sg.pr. *tṛnedhi* < *tṛ-na-h+ti*, p.p. *tṛḍhā-* < *tṛh+ta* (причем в РВ интервокальный *ḍh* произносится как *ḷh*).

Кстати, такой же рефлекс в этих сочетаниях дает в некоторых случаях конечный глухой церебральный корня, например, *ṣaṣ-* 6, *ṣoḍhā* 'шестью способами' < *ṣaṣ+dhā*.

Различие между двумя типами чередования палатальных согласных и *h* в сочетании с другими согласными или в конце слова нивелируется в фонетическом контексте «палатальный + *s*» — в обоих случаях результат бывает *-kṣ-*, например: *duh-* 'доить', 3 sg.aor. *ādhuḥṣat* < *a-duh+sa-t* *sah-* 'одолевать', 3 sg.inj. *sakṣat* < *sah+sa-t*.

Из таблицы бинарных сочетаний согласных видно, что на дистрибуцию придыхательных согласных наложены большие ограничения: аспираты засвидетельствованы в качестве первого элемента только в сочетании с носовыми, глайдами или плавными сонантами. Если же на морфемном шве встречаются придыхательный и шумный согласный, то придыхательный утрачивает придыхание и далее подвергается всем тем изменениям, которым подлежат непридыхательные смычные согласные в соответствующих сочетаниях. Если второй элемент сочетания представлен смычным непридыхательным согласным (практически *t*), то придыхание переходит к нему, т. е. перераспределяется на конец консонантной группы. Если же он представлен сибилантом (т. е. звуком, не способным в ведийском языке стать придыхательным), то придыхание может перейти к начальному согласному корня при условии, что это звонкий смычный (аналогичные сандхи наблюдаются в консонантных сочетаниях конца слова). Вот некоторые примеры: *dagh-* 'достигать', 2 du.iv. *dhak-tam* < *dagh+tam*; *yudh-* 'бороться', part.des. *yūyut-sant-* < *yu-yudh+sa-nt-*, p.p. *yuddhā-* < *yudh+ta-*; *labh-* 'получать', p.p. *labdhā-* < *labh+ta*. Если

второй элемент — смычный придыхательный согласный, то группа согласных упрощается и вместо геминаты появляется один согласный, например, 2 sg.iv. *bodhi* < *bodh + dhi* от *budh* 'пробуждаться', так же, как от *bhū* 'быть', 2 sg.iv. *bodhi*, где придыхание первого согласного исчезает в силу диссимилиции.

В случае последовательности придыхательных согласных в двух соседних слогах первый из них утрачивает придыхание. Регулярно это происходит в слоге удвоения, например: *bhar* 'нести', 3 sg.pr. *bi-bhar-ti*; *dhar* 'держать', 3 sg.pf. *da-dhār-a*, 3 sg.aor. *ā-di-dhar-a-t*, 2 sg.intens. *dār-dhar-ṣi*. В сочетаниях носового согласного с неносовым выбор носового определяется последующим шумным согласным (прогрессивная ассимиляция), например: корень *yuj* 'запрягать', 3 sg.pr.med. *yūṅkté*, 1 sg.pr.med. *yūñjé* (1 sg.pr.act. *yundājmi*); корень *han* 'бить', 'убивать', 3 sg.pr.act. *hānti*, 1 sg. *hānmi*, 2 sg. *hāṃsi*. Тем же правилом определяется структура корня, оканчивающаяся на группу согласных «носовой + смычный», например: *iṅg* 'колебать', *añj* 'намазывать', *vand* 'прославлять', *ramb* 'свисать', *hiṃs* 'ранить'. Таким образом, перед смычным согласным внутри слова бывает представлен носовой того же ряда, перед фрикативным — ануvara. В ряде рукописей сфера применения анувары расширена за счет гоморганного носового. На морфемных швах конечный *m* корня чередуется с *n* перед начальным зубным смычным окончания и перед *v* (то же сандхи имеет место в конце слова), например: *gam* 'идти', Inf. *gāntave*, nom.ag. *gāntar*-, 3 sg.intens. *ganiganti*, p.pf.act. *jaganvāṃs*-, *yam* 'обуздывать', 2 sg.iv.aor. *yandhi*, 2 pl.iv.aor. *yanta*.

В группе «шумный согласный + n» происходит прогрессивная ассимиляция после смычных палатальных (практически после *j*), например: *jñā* 'знать', *yajñā* 'жертва', D.sg. *rājñe* от *rājan* (при том, что последовательность *jm* допустима, например: *majmān* 'величие', *jmā* 'земля').

Наиболее сложные сочетания согласных внутри слова возникают на морфемных швах в первую очередь на границе корня или основообразующего суффикса и флексии. В определенных классах форм имеют место случаи утраты одного из согласных, в результате чего упрощается консонантная группа.

В формах 2 sg.iv.act. от корней с конечным палатальным согласным, дающим по правилам чередования гуттуральный перед начальным дентальным согласным флексии, этот гуттуральный выпадает, в результате чего группа согласных упрощается и возникает редкое сочетание гетероганного носового с шумным согласным — *ṇdh*, например: *prc* 'наполнять', *prṇdhi* < **prṇ-g-dhi* (ср. 3 sg.pr.med. *prṇkté*); *bhañj* 'ломать', *bhañdhi* < **bhaṅg-dhi*; *vrj* 'повергать ниц', *vrṇdhi* < **vrṅg-dhi* (ср. 3 sg.pr.med. *vrṇkte*).

Более распространенным является выпадение фрикативного согласного *s*, оказавшегося на морфемном шве между двумя

смычными. Это происходит в формах аориста на *-s-* от корней, оканчивающихся на смычный согласный, например: *mad-* 'радоваться', 3 sg.aor.med. *amatta* < **a-mad* + *s* + *ta* (ср. 3 pl.aor.med. *amatsata* и др. сигматические формы). Подобные формы, однако, неоднозначны и морфологически могут трактоваться и как корневой аорист. В каждом конкретном случае вопрос решается наличием или отсутствием других форм того или иного аориста. Но и это помогает не всегда, например, ср. *yuj-* 'соединять', 3 sg.aor.med. *ayukta* при 1 sg.aor.med. *ayuji* и 3 pl.aor.med. *ayukṣata*.

Явление иного рода засвидетельствовано в ряде корней, начинающихся с группы «*s*+смычный», у которых *s-* подвижен и может исчезать после некоторых префиксов или в начальном положении. Таковы корни *kr-/skr-* 'делать', 3 sg.pr. *kṛnōti* и пр., но 3 pl.pr. *pāri śkrṇvanti*, 3 sg.aor.med. *nīr askṛta*; *tan-/stan-* 'греметь', 3 sg.pr. *tanyati*, но 2 sg.iv. *stanihi*; *tār-/stār-* 'звезда', N.pl. *tāras*, но I.pl. *stf̥bh̥is*. У остальных корней, начинающихся на группу согласных «*s*+смычный», *s* утрачивается, оказавшись между двумя смычными после приставки *ud-*, например: *stambh-* 'укреплять', р.р. *ūttabhita-*; *sthā-* 'стоять', р.р. *ūtthita-*.

В интервокальной группе согласных, начинающейся с геминированного сибиланта и встречающейся на морфемных швах, упрощение может происходить за счет утраты геминаты, например: *as-* 'быть', 2 sg.pr.act. *āsi* < **as-si*; *çās-* 'обучать', 2 sg.iv.med. *çāsva* < **çās-sva* (BC), ср., однако, 2 sg.pr.act. *çāssi* (PB); на границе членов сложного слова в *apnasthā-* 'хозяин богатства' < **apnas-stha-* и т. п. Гемината из глухих церебральных спирантов (возникших в результате сандхи) может сохраняться, например, L.pl. *haviṣ-ṣu* от *haviṣ-* 'жертвенное возлияние', но может разрешаться и иным образом, ср. вариант L.pl. *haviḥ-ṣu*.

Перед звонким согласным окончания 2 sg.iv.act. конечный сибилант корня, по правилам сандхи, должен был озвончаться, переходя в *z*, который в ведийском языке выпадал в любом звуковом контексте, меняя иногда тембр предшествующего гласного или вызывая у него заменительную долготу. Такова форма 2 sg.iv.act. от *as-* 'быть' — *edhi* < **az-dhi*. Аналогичные формы *dehi* от *dā-* 'давать' и *dhehi* от *dhā-* 'класть' предлагалось объяснять как формы императива от сигматического аориста: **daz-dhi* и **dhaz-dhi*.

На сочетания гласных с согласными в пределах слова не наложено особых ограничений. В пратишакхьях упоминается тенденция (не отмечаемая на письме) к геминации придыхательного палатального *ch* после гласного (особенно краткого), например: презенс от *gam-* 'идти' произносится *gácchati* (геминация придыхательного реализовалась как удлинение смычки).

Специфической особенностью, характеризующей в ведий-

ском языке дистрибуцию звуков в пределах слова (и — не столь обязательно — в пределах предложения), является церебрализация. Она состоит в переходе зубных согласных в церебральные под влиянием фонетического контекста. В терминах общей фонетики церебрализацию следует описывать как случаи контактной или дистантной ассимиляции.

Наиболее простой случай церебрализации имеет место, когда под влиянием предшествующего шумного церебрального (обычно это *ṣ*, иногда *ṭ*) последующий дентальный согласный становится церебральным, например: *iṣṭá-*, *viṣṇu-*, *ṣaṣṭi*, *ṭṭe* (*<id+te*). Это контактная регрессивная ассимиляция.

Менее очевидными в синхронном плане являются те случаи, когда один из звуков, встречающихся на морфемном шве, бывает звонким, и, по правилам сандхи, в качестве первого элемента сочетания должен был бы возникнуть звонкий церебральный спирант, который в ведийском языке выпадал в любой позиции. Следующий за ним дентальный согласный церебрализовался, а предшествующий гласный получал заменительную долготу или менялся в тембре, например: *stu-* 'восхвалять', сигматическая форма 2 pl.aor.med. *ástoḥhvam* *<*a-sto-ṣ-dhvam*, и ряд форм, в которых *ṣ* *<h* перед последующим звонким шумным согласным, как в *riḍha-* *<rih+ta-* и пр. (см. с. 84). Здесь имеет место контактная прогрессивная ассимиляция.

Самые распространенные случаи церебрализации — это переход *s* *>* *ṣ*, *n* *>* *ṇ* под влиянием определенных предшествующих звуков, которые могут и не находиться в непосредственном контакте с ними. В пратишахкьях этот процесс называется термином *нати* (*nati-* 'сгибание'), а звуки, вызывающие церебрализацию, — термином *намин* (*nāmin-* 'сгибающий').

Для *s* звуками намин являются: 1) все гласные, кроме *a*, *ā* (т. е. *ī*, *ū*, *r*, *e*, *o*, *ai*, *au*); 2) согласные *k*, *r*, *ṣ*. Вот некоторые примеры: *iṣ-*, *bhīṣṭá*, *uṣás-*, *ṣūṣá-*, *ṣṣvā-*, *yéṣām*, *sa jōṣa-*, *ājaiṣam*, *yaṣṣma*, *rākṣati*, *varṣá-*, *haviṣṣu* (сочетание *-ṣṣ-* неустойчиво, и возможен вариант *haviṣṣu*), *niṣṣapin-*.

В принципе церебрализация *s* представляет собой контактную ассимиляцию, которой, правда, не препятствует назализованный (графически «гласный+анусвара») или придыхательный (графически «гласный+висарга») характер гласного, например: *jyótiṣi*, *āyūṣi*, *haviṣu*, *pāruṣu*; ср., однако, *pumsás* от *pūms-*, и корни *nīms-*, *hīms-*.

Препятствует церебрализации *s* следующий за ним *r* или *ṛ*, например: *usrá-* (ср. *uṣás*), *tāmīsrā-*, *tisṛbhīṣ-*, *sīsarti* (но *ājuṣran*).

Существует также диссимилятивная тенденция избегать *ṣ* в двух соседних слогах, например: *yāsisīṣṭhās* (но *yasīṣṭmahī*) от *yā-* 'идти'.

Все эти правила действительны для *s* внутри слова, но не в абсолютном исходе, где *-s* независимо от предшествующего

звукового контекста подчиняется правилам изменения звуков в конце слова.

Для *n* звуками намин являются: 1) гласный *r* и 2) согласные *r* и *ṣ*, например: *krṇóti*, *parṇá-*, *ṣṛṣma-*. Эта ассимиляция бывает или контактной, как в приведенных примерах, или дистантной. В последнем случае церебрализация происходит лишь при том условии, если между звуком намин и *n* нет препятствующей артикуляции, а именно согласного одного из средних рядов: палатального, церебрального или дентального. Вот некоторые примеры: *karaṇá-*, *róhaṇa-*, *rugṇá-*, *sárpaṇa-*, *krámaṇa-*, *kṛpaṇyáti*, *dhīśāṇā*, *vṛṣaṇvat-*, но *vṛjiná-*, *niśádana-*, *vārdhana-*. Таким образом, из согласных не препятствуют церебрализации *n* только гуттуральные и лабиальные.

Препятствием для церебрализации является пауза, следующая за *n*, т. е. при соблюдении прочих условий *n > ṇ*, если *n* не находился в конце слова, ср., например: *pūśán*, но *pūśáṇa-*; *ṣṛśán*, но *ṣṛśāṇi*. Кроме того, препятствуют церебрализации следующие за *n* дентальные неносовые согласные, например: корень *raṇ-* 'наслаждаться', *rāraṇas*, *rāraṇat*, но *rārán*, *rārándhi*, *rārantu*.

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ ЗВУКОВ

В качестве образца ведийского текста, на материале которого производился подсчет употребительности звуков, был выбран отрывок из РВ длиной приблизительно в 10 тысяч знаков (VI,1—15,4). Встречаемость звуков оказалась следующей: *a* — 1999, *t* — 1027, *r* — 985, *y* — 972, *i* — 699, *ā* — 668, *u* — 644, *m* — 593, *n* — 557, *s* — 431, *o* — 377, *e* — 322, *u* — 282, *d* — 269, *m* — 197, *ṣ* — 186, *p* — 175, *ṣ* — 165, *j* — 160, *h* — 158, *h* — 145, *k* — 134, *dh* — 125, *bh* — 125, *g* — 115, *r* — 113, *i* — 112, *c* — 96, *ū* — 77, *ṇ* — 60, *th* — 45, *ai* — 39, *ñ* — 26, *b* — 17, *t* — 16, *au* — 13, *ch* — 13, *gh* — 12, *th* — 6, *l* — 5, *ṛ* — 4, *d* — 4, *ñ* — 2. Не встречаются: *ḷ*, *kh*, *jh*, *qh*, *lh*, *ph*, *l*, *ñ*.

Приведенные цифры показывают, что *a* — самый употребительный звук в ведийском языке и, следовательно, также самый употребительный гласный. Он встречается почти в три раза чаще, чем ближайшие к нему по употребительности *i* и *ā*. Краткие гласные всегда бывают в несколько раз употребительнее, чем соответствующие долгие гласные. Самый редкий слогообразующий звук — *ṛ*, употребляющийся в отдельных грамматических формах (*r* встречается в 28 раз чаще). Редки дифтонги *ai*, *au*, употребление которых ограничено определенными грамматическими и словообразовательными формами.

Из рядов согласных самые употребительные — дентальные (дентальные употребляются чаще, чем остальные варги, вместе взятые), а самые редкие — церебральные. Придыхательные со-

гласные во всех варгах встречаются значительно реже, чем соответствующие непридыхательные, кроме *bh*, засвидетельствованного в семь раз чаще, чем *b*. В трех варгах — гуттуральной, дентальной и лабиальной — звонкие придыхательные более употребительны, чем глухие, а в двух — палатальной и церебральной — наоборот. В четырех варгах глухие непридыхательные употребительнее соответствующих звонких, а в одной — палатальной — соотношение противоположное.

Полугласные звуки (кроме *l*) отличаются от остальных классов согласных гораздо большей употребительностью.

По-видимому, все эти статистические характеристики классов звуков соответствуют определенным их парадигматическим характеристикам.

СЛОГОДЕЛЕНИЕ И СТРУКТУРА СЛОГА

Правила слогаделения излагаются в пратишакхьях следующим образом⁸. Слоγοобразующим элементом является гласный. Поскольку плавные сонанты *r* и *l* образуют слог, они тоже считаются гласными (лишь в отдельных случаях сверхкраткий гласный сварабхакти, не обозначаемый на письме, может быть слоговым). Слогов в слове столько, сколько в нем гласных. Гласный — это ядро слога, а согласный в слогѣ подчинен гласному.

Описать слоговую структуру — значит указать, к какому гласному, предыдущему или последующему примыкает согласный. В абсолютном начале слова согласный или группа согласных примыкает к последующему гласному. В абсолютном конце слова согласный или группа согласных (последнее встречается редко), а также анусвара, висарга и гласный сварабхакти примыкают к предыдущему гласному. Одиночный интервокальный согласный примыкает к последующему гласному, например: *e-kaṁ, ma-hī, bhrā-tar, a-pr̥-cha-ta, r̥-bhuḥ, a-var̥t*.

В интервокальной группе согласных, как утверждаетъ большинством авторитетов, первый согласный примыкает к предшествующему гласному, а остальные — к последующему, например: *dir̥-gha-, put-ra-, muk-ta-, has-ta-, bhak-tvā-yā, vak-ṣyaṇ-ti*. Колебания возникают в тех случаях, когда вторым согласным является *r*, т. е. *put-ra-* или *put-tra-*. Однако в РП допускается также примыкание всей группы согласных к последующему гласному, а в ТП в это допущение вносится ограничение: только группы «шумный согласный + полугласный» и «смычный + фрикативный» принадлежат целиком последующему гласному, например: *ga-tvī, ī-kṣe, di-tsa-ti*.

⁸ Проблема слогаделения была важна для авторов этих фонетических трактатов, поскольку они имели дело прежде всего с метрическим текстом — силлабическим ведийским стихом.

Для двучленных интервокальных групп согласных такое слоговое деление носило теоретический характер, потому что фактически, как говорилось ранее, здесь имела место геминация, и слогораздел проходил между геминированными согласными, представлявшими первый член консонантного сочетания, как в *put-tra*, *muk-hta* и т. п. В результате первый слог во всех случаях оказывался закрытым. Если же геминировался второй член сочетания, то в отношении места слогораздела могли быть колебания, как в *dirg-gha-* или *dir-ggha-*.

При возникновении в консонантной группе вспомогательного носового согласного яма, по мнению одних, он относился к предшествующему гласному, по мнению других, к последующему, т. е. возможно слоговое деление *padḍ-ma-* и *pad-ḍma-*, *svapṛ-na-* и *svap-ṛna-* и т. п.

По древнеиндийской классификации, с точки зрения количественной характеристики различаются два типа слогов: тяжелые (*guru-*) и легкие (*laghu-*). Эта характеристика была существенна прежде всего для стихосложения, где исходной единицей служил слог.

Тяжелым слогом считается тот, который содержит долгий гласный или краткий гласный, за которым следуют два согласных. «Краткий гласный + анусвара» метрически приравнивается к долгому гласному. Остальные слоги рассматриваются как легкие. Таким образом, легким называется слог, оканчивающийся на краткий гласный или на краткий гласный + один согласный.

Фонетически эта классификация весьма приблизительна, поскольку она не в полной мере учитывает длительность согласных (начальные согласные вообще не принимаются во внимание). Мало того, на характеристику слога в трактатах иногда переносят термины «долгий» (*dirgha-*), «краткий» (*hrasva-*), предназначенные для описания количества гласного (а отсюда в дальнейшем следует и использование понятия моры для метрической характеристики слога, а не гласного).

При всех неточностях в определении тяжелых и легких слогов их различение в ведийском языке является кардинальным с точки зрения не только метрики, но и морфонологических чередований, как это было показано в последних работах Куриловича.

В ведийском языке имеется ряд фактов, которые находят объяснение на стыке метрического и морфонологического уровней. Так, определенная последовательность слогов разной структуры регулирует употребление гласных или согласных вариантов глайдов в заданных морфонологических условиях. По закону, сформулированному Зиверсом и уточненному Эджертоном, после тяжелого слога ведийские постконсонантные *u*, *v* переходят в *iu*, *iv* перед гласным (в графике это не всегда отражается). При этом многими исследователями отме-

чалось, что есть тенденция соблюдать закон Зиверса—Эджертона лишь в определенных грамматических формах: в склонении имен на долгие гласные *-ī-* или *-ū-* (N.sg. *dhīh*, A. *dhiyam*, I. *dhiyā* и т. д.; N.sg. *tanūh*, A. *tanūvam*, I. *tanūvā* и т. д.); в склонении имен на краткие гласные *-i-* и *-u-* в окончаниях I.—D.—Abl.du. *-bhyām*, D.—Abl.pl. *-bhyas*; в именном словообразовательном суффиксе *-tva-*; в абсолютивах на *-ya*, *-tva*, *-tva*, *-tva*; в суффиксе пассива *-ya-*, в суффиксе опатива *-yā-*, в личных окончаниях глагола *-dhvam*, *-dhve*, *-dhvāi*, *-sva*. В некоторых же морфемах *у* и *в* всегда сохраняют консонантный характер независимо от количества предшествующего слова: в относительном местоимении *ya-*, в окончании G.sg. *-sya* в суффиксе футурума *-sya-*, в именном словообразующем суффиксе *-va-*.

Согласно новой интерпретации этого закона, предложенной Куриловичем, безударный рефлекс *-iya-* был обязателен после тяжелого слога, в то время как после легкого слога допускались как *-ya-*, так и *-iya-*.

Метрическое противопоставление *-āTya-* (где символ *T* согласный) и *-āTiya-*, *-āTiya-*, *-āTTiya-* приобретает морфонологическое значение, если между *-a-* и последующим согласным проходит морфемная граница. Перед такой границей может иметь место удлинение исходного краткого гласного первой морфемы, если вторая морфема начинается с легкого слога и с одного согласного. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется на границе двух членов сложного слова, например, *dhanvā-sāh-*, *sahāsrā-magha-*; в редуцированных образованиях, где легкий слог корня, начинающегося с одного согласного, влечет за собой удлинение гласного редупликации, например: 3 sg.aor. *apīpatat* от *pat-* или *ajījanat* от *jan-*, но *acikradat* от *kra(n)d-*, *siṣvadat* от *svad-*. В результате создается определенная ритмическая структура ряда грамматических форм. Наконец, во вторичном словообразовании на границе исходной основы и суффикса при тех же условиях возможно удлинение конечного гласного исходной основы или соединительного гласного, например: *ṛṇvān-*, *sāvīman-*. Подобное удлинение является факультативным, но если оно происходит, то лишь в заданных фонетических и морфологических условиях.

Метрический уровень для такого текста, как РВ, является весьма существенным. Фонетически текст в пределах одной метрической схемы рассматривается как непрерывная последовательность слогов (отсюда возможность метрически трактовать стык двух слов иначе, чем они трактуются морфологически). В определенных местах этой схемы возможно удлинение гласного открытого слога в зависимости от структуры следующего за ним слога. Так, конечный гласный второго слога в паде перед третьим легким слогом может подвергаться удли-

нению, например, в формах 2 sg. iv. act. *kṛdhi*, *jahi*, наречии *yatra* и L. sg. местоимений *tēna*, *yēna* в начале пады. И здесь метрический уровень пересекается с морфологическим, так как, если удлинение в заданных местах метрической схемы происходит, то оно происходит в определенных грамматических формах и не встречается в других. Так, способен удлиниться конечный гласный в глагольных формах на *-a*, *-hi*, *-dhi*, *-sva*; I. sg. на *-ēna* имен и местоимений; *-a* в некоторых наречиях. Редко удлинится конечный гласный G. sg. на *-asya* и L. sg. на *-i*. Никогда не удлинится конечный гласный в D. sg. на *-āya*, N. — A. pl. на *-āni* или в глагольной флексии *-mi*, *-si*, *-ti*, *-nti*, *-tu*, *-ntu*. Наиболее вероятным кажется предлагавшееся объяснение этого явления, которое исходит из разной ритмической структуры, свойственной отдельным грамматическим формам и обусловленным этим неупотреблением ритмически неподходящих форм в определенных местах метрической схемы.

Как метрические представляется целесообразным трактовать некоторые типы сандхи гласных (о чем см. в разделе «Сандхи»), принадлежащие языку поэзии и не свойственные разговорному языку.

Наконец, к метрическому уровню принадлежит такое явление, как нередко встречающееся в РВ скандирование долгих гласных в два слога, т. е. их расчленение. На письме сверхдолгота этих гласных не отражается, и судить о ней можно только по нарушениям размера. Чаще всего сверхдолгим бывает *ā*, обычно в формах G. pl. на *-ām*, Abl. sg. на *-āt*, N. — A. — V. pl. на *-ās* и *-āsas*, A. sg. на *-ām*, например: *gónām* — три слога, *gām*, *gās* — два слога от *gó-* 'корова' и др.

Расчленение гласного возможно в аугментных формах глагола, у которых аугмент *a* в таких случаях произносится как отдельный слог, например: *āñjan* — три слога (от *añj-*), *āichas* — три слога (от *iṣ-*), *āūrṇos* — три слога (от *vṛ-/ūr-*). Расчленяться могут долгий гласный *-ā-* в субъюнктиве тематических глаголов, в суффиксе причастий *-āndā-*, иногда конечный корневой гласный *-ā* в именных образованиях, как в *pāuy* — три слога, *mātār* — три слога, в предлоге-последлоге *ā* и иногда в различных лексических единицах.

Гласные *i*, *ū* могут скандироваться в два слога в окончании A. pl. *-īs*, как в *ārātīs* — четыре слога, в кратких формах с вторичными окончаниями от глагола *bhū-*, как два слога и в ряде лексических единиц, например: *pūśān* — три слога, трехсложные формы L. pl. *gīrbhīs* от *gīr-*, L. pl. *dhūrṣū* от *dhūr-* и др.

Иногда сверхдолгое произношение ликвидирует наступившую контракцию гласных и восстанавливает первоначальную последовательность двух гласных разного места образования, например: *ṣrā(y)iṣṭha-* вместо *ṣrēṣṭha-* (см. с. 67) и т. п.

Как отмечалось исследователями ведийских размеров, в

определенных местах метрической схемы, а именно во втором слоге после цезуры в размерах *триштубх* (*triṣṭubh-*) и *джагати* (*jagati-*) сверхкраткий гласный сварабхакти может приобретать слоговое качество.

В связи со слогом следует еще отметить такую известную особенность ведийского языка, как нередко встречающееся выпадение одного из двух соседних тождественных или фонетически сходных слогов. Подобная гаплогия встречается обычно в пределах одного слова, например: аог. *açiṇnat* — hap. leg. наряду с *çiṇnáthat*, *çiṇnathas* и др. от *ṇnath-*; inf. *irádhyai* вместо **iradhadyai* от *iradh-*; *devátā* как I.sg. от *devátāt-* наряду с *devátātā*.

Проявление того же принципа на синтаксическом (а отчасти и стилистическом) уровне можно видеть в синкопе флексии у одной из двух соседних форм одного и того же падежа, например: *puruṣá jābhīr ūtī* (VI,10.5) 'с мощными подкреплениями' вместо *ūtibhis*, *devāñ jānma* (I.71.3, и др.) 'род богов' вместо *devānām*, *triṣṭv ā rocané* (I,105,5; VIII,69,3) 'в трех светлых пространствах' вместо *rocanéṣu* и т. п.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Фонологическая система ведийского языка состоит из следующих 39-ти фонем: 1) *a*, 2) *ā*, 3) *i/y/iu*, 4) *ī/y/iy*, 5) *u/v/uv*, 6) *ū/v/uv*, 7) *r/r*, 8) *l/l*, 9) *e/ay*, 10) *o/av*, 11) *ai/āy*, 12) *au/āv*, 13) *k*, 14) *kh*, 15) *g*, 16) *gh*, 17) *ñ*, 18) *c*, 19) *ch*, 20) *j*, 21) *ṭ*, 22) *ṭh*, 23) *ḍ*, 24) *ḍh*, 25) *n*, 26) *t*, 27) *th*, 28) *d*, 29) *dh*, 30) *p*, 31) *p*, 32) *ph*, 33) *b*, 34) *bh*, 35) *m*, 36) *ç*, 37) *ṣ*, 38) *s*, 39) *h*. Эти фонемы выделяются на основании синтагматических и парадигматических характеристик.

По синтагматической оси (см. табл. 2) фонемы разбиваются на классы в зависимости от способности образовывать слог. Фонемы, не способные ни в каком контексте образовывать слог, составляют класс согласных. Это фонемы 13—39. Остальные фонемы традиционно считаются классом гласных, или фонемами, способными образовывать слог.

Для дальнейшей идентификации слогообразующих фонем необходимо разбиение их на два класса: 1) фонемы, способные образовывать слог в любом контексте, и 2) фонемы, способные образовывать слог в определенном контексте. К первому подклассу принадлежат *a*, *ā*, *e/ay*, *o/av*, *ai/āy*, *au/āv*.

Для фонем 9—12 характерно наличие двух вариантов, находящихся в отношении дополнительного распределения: перед гласным встречается вариант, оканчивающийся на консонантный элемент, перед согласным — чисто вокальный вариант, например: *nī-* 'вести', 2 sg. *né-ṣi*, *náy-a-si*; *stu-* 'хвалить',

Таблица 2

[illegible]

Бинарные сочетания фонем

3 sg.impf. *á-stau-t*, 3 sg.aor.pass. *á-stāv-i*. Оба варианта этих фонем обладают слогообразующей функцией.

Далее для разбиения фонем, обладающих слогообразующей функцией лишь в определенном контексте, необходимо рассмотреть по синтагматической оси трехчленные комбинации фонем. Диагностическими для данной цели являются контексты типа VxC и CxV, где V — гласный, C — согласный, а x — идентифицируемая фонема. В контексте типа VxC в функции x встречаются плавные сонанты и не встречаются в качестве самостоятельных фонем глайды. Плавные сонанты здесь бывают представлены согласными вариантами *r*, *l*, например: *sarpá-*, *gīrná-*, *mūrdhán-*, *kálpa-*, *kīlbiṣa-* и др.

В контексте СхV плавные сонанты, с одной стороны, и глайды — с другой, выступают в виде разных типов аллофонов. Фонемы *r/r*, *l/l* могут быть представлены здесь только согласными вариантами, например: *prá*, *áçrāyi*, *klōça* и др. Глайды же в контексте СхV репрезентируются несколькими вариантами: 1) согласными *y*, *v*; 2) гласными *i*, *u*; 3) сочетаниями гласного с согласными *iy*, *uv*. Тот или иной вариант глайда определяется количественной характеристикой предшествующего слога и отчасти — грамматической характеристикой формы (см. выше, раздел «Слогоделение и структура слога»). При этом дистрибутивный критерий оказывается достаточным для выделения самостоятельного класса глайдов.

Некоторых пояснений требуют особенности распределения фонем класса плавных сонантов (речь пойдет только об их согласных вариантах, поскольку *l* засвидетельствовано лишь в одном корне *kḷp-* 'соответствовать'). При фонетическом описании звуков упоминалось о том, что в РВ *r* заметно преобладает над *l* (последний встречается в более поздних частях памятника), и есть ряд слов, имеющих варианты с *r* и *l*.

При фонологической интерпретации плавных сонантов существенным представляется тот факт, что даже в РВ некоторые формы с *l* не имеют вариантов с *r* как, например: *kapilá-* 'коричневый', *kévala-* 'собственный', *nīla-* 'иссиня-черный' и др., и более того, существуют минимальные пары, различающиеся противопоставлением *r—l*, как, например: *kārā-* 'песнь': *kālā-* 'определенное время', *rokā-* 'свет': *lokā-* 'свободное пространство', *varā-* 'жених': *valā-* 'пещера' и др. Именно эта группа фактов представляет собой центр действия данной фонологической оппозиции, а случаи вариативного соотношения *r/l* — ее периферию.

Дистрибутивные критерии позволяют уточнить фонологический статус количественной характеристики слогообразующих звуков. На фонетическом уровне в ведийском языке существует противопоставление долгих и кратких звуков: *a*, *i*, *u*, *r—ā*, *ī*, *ū*, *ṛ*. Остальные фонетически долгие звуки не имеют соответствующих кратких. Это гласные дифтонгического происхождения *e*, *o* и реальные дифтонги *ai*, *au*.

Долгий дрожащий слоговой сонант *ṛ* засвидетельствован в строго ограниченной группе грамматических форм — в А. и G.pl. от основ на *-r*: *pitṛn*, *pitṛnām* от *pitár-* и др., где долгота слогового сонанта вызвана аналогией с количеством гласного в этих формах у других типов основ: *devān*, *devānām* от *devá-*; *agnīn*, *agnīnām* от *agni-*; *çátrūn*, *çátrūnām* от *çátru-*. Таким образом, оппозиции между хорошо засвидетельствованным кратким звуком *r* и встречающимся только в указанных формах долгим звуком *ṛ* нет. Поэтому можно считать, что слоговые сонанты не принимают участия в фонологической оппозиции «долгота—краткость».

Фонологическая оппозиция «долгота—краткость» релевантна для трех пар фонем: *ā—ā̄, ī—ī̄, ū—ū̄*. Качественные различия между кратким и долгим коррелятами (а таковые велики между закрытым кратким *a* и открытым долгим *ā*) являются фонологически несущественными. По сути дела такая же интерпретация дается во всех пратишаххьях и у Панини.

Данная оппозиция складывается из противопоставления двух единиц: долгого и краткого гласного, место образования которых условлено считать одинаковым. Долгий гласный содержит две моры, краткий — одну. Сверхдолгий гласный плути, содержащий три моры, не принимает участия в фонологической оппозиции. Он представляет собой проекцию интонационного уровня на уровень морфологически обусловленных долгот и краткостей. Сверхкраткие гласные сварабхакти также не участвуют в фонологической оппозиции, т. е. не имеют смысло-различительной функции.

Оппозиция «долгота—краткость» служит для идентификации лексических и грамматических значений в ведийском языке. Она используется для отождествления глагольных корней, например: *as-* 'быть' — *ās-* 'сидеть', *vaç-* 'желать' — *vāç-* 'реветь', 'греметь', *çri-* 'опираться' — *çrī-* 'пылать', *hu-* 'совершать жертвенное возлияние' — *hū-* 'звать'; и др.; именных основ, например: *vāra-* 'желание', 'дар' — *vāra-* 'хвост', *dinā-* 'отрезанный' — *dīnā-* 'слабый', *kūla-* 'семья' — *kūla-* 'склон' и др. Эта оппозиция широко используется также в отождествлении отдельных грамматических форм глагола и имени, например: 1 sg.pf.act. *uvāca* — 3 sg.pf.act. *uvāca* от *vac-* 'говорить'; 3 sg.pr.act. *bhārati* — 3 sg.subj.act. *bhārāti* от *bhar-* 'нести'; N.sg. *devāḥ* — N.pl. *devāḥ* от *devā-* 'бог'; N. — A.sg.n. *çūci* — N. — A.du.m.f. *çūcī*; N. — A.sg.n. *urū* — N. — A.pl.n. *urū*.

Наряду с этим в ведийском языке в определенных условиях происходит нейтрализация оппозиции «долгота—краткость». Она может быть вызвана действием правил сандхи, в силу которых конечный краткий гласный в ряде грамматических форм удлиняется перед начальным согласным следующего слова в определенных местах метрической схемы (см. раздел «Сандхи»). Нейтрализация данной оппозиции может определяться также чисто морфологическими причинами. У большинства открытых корней, оканчивающихся на гласный вариант глайда, количество корневого гласного релевантно только для различения определенных граммем в данной парадигме, но не для отождествления лексического значения, например: *mī-/mī-* 'вредить' — *mī-nā-ti*, но *mī-ya-te*; *pū-* 'очищать' — *pū-nā-ti*, но *pū-ya-te* и т. д.

Таким образом, для оппозиции «долгота—краткость», играющей важную роль при отождествлении единиц фонологического и морфофонологического уровней, существуют большие ограничения.

Дифтонгический или монофтонгический характер долгих гласных, не имеющих кратких коррелятов, т. е. *e*, *o*, *ai*, *au*, не является фонологически существенным. Поскольку в положении перед гласным все эти фонемы представлены вариантом *ā* или *ā*+консонантный глайд, фонологически существенна степень открытости *a*.

Привлечение синтагматических параметров необходимо также для уточнения фонемного статуса ряда консонантных фонем. В частности, некоторых пояснений требует подкласс назальных фонем. Его образуют фонемы *m*, *n*, *ɳ*, *ɳ̌*. Зубная фонема *n* представлена несколькими согласными вариантами: *n*, *ñ*, *ṇ*, *ṇ̌*. Из них основной, несвязанный вариант — зубной; палатальный обусловлен соседством с палатальным согласным, например: *siñcāti*, *jñātā-*; велярный — последующим велярным шумным согласным, например: *āṅgiras*, *añkī́* (при *añjānti* и *anākti* от *añj-* 'намазывать'); церебральный вызван правилами нати (*nati*) или сандхи, например: *vāruṇa-*, *uṣṇā-*, *svār ṇa*. Губная и зубная носовые фонемы являются одними из самых употребительных согласных фонем. Церебральная носовая фонема (т. е. *ɳ* в интервокальном положении, не вызванный правилами нати) встречается редко, например: *gaṇā-*, *kalyāṇa-* и др. Наиболее редко употребляется велярная фонема *ṇ̌*. Она встречается в конечном положении после гласного (т. е. в той позиции, где допустимы также *n* и *m*) в небольшой группе форм N.sg.m. от основ на *-aṅc-*. Отсюда возможность таких минимальных пар, как *arvāṇ* 'обращенный к кому-либо' — *ārvaṇ* 'скачущий', *āpāṇ* 'обращенный назад' — *apām* — G.pl. от *āp-* 'вода' (место ударения здесь в расчет не принимается). В контрасте с другими носовыми фонемами *ṇ̌* встречается также в середине слова перед *dh* в нескольких атематических формах 2 sg.iv.act., например: *prñdhi* от *prc-* 'наполнять', *bhāñdhi* от *bhañj-* 'ломать', *vṛñdhi* от *vṛj-* 'повергать ниц'; ср. *bandhā-* 'шнур' (фонема *n*), *saṃdhī-* (фонема *m*).

В ведийском языке фонологически релевантная назальность непременно связана со смычной артикуляцией. Анусвара и анунастика, которые нельзя квалифицировать как смычные, не имеют фонологического статуса. Анунастика фонологически представляет собой позиционно обусловленный вариант согласных носовых фонем *n* и *m*. Этот вариант всегда является пограничным сигналом между двумя словами или — реже — двумя морфемами (обычно между префиксом и корнем).

В большинстве случаев анунастика представляет конечную зубную фонему *n* после долгого гласного перед начальным кратким гласным следующего слова, например: *jaghanvāñ ind-ra* < *jaghanvān + indra*. Фонетической реализацией является назализация предшествующего долгого гласного. Анунастика представляет фонему *m* в позиции перед щелевыми сонантами *y*, *v*, *l* на границе между двумя словами или морфемами, на-

пример: *saṽvatsara* < *sam* + *vatsara*-. Здесь фонетическая реализация представлена в виде назализации щелевого сонанта. На письме этот тип сандхи не отражается.

Анусвара представляет фонемы *m* и *n* перед любым шумным согласным (перед лабиальными согласными это факультативно) и *r* на границе двух слов или двух морфем. В этой позиции анусвара всегда является пограничным сигналом, например: *sam-jayá*- 'победный', но корень *sañj*- 'вешать'. Перед шумными щелевыми согласными анусвара может встречаться и в пределах морфемы, например: *vaṁṣá*-, *haṁṣá*- и, следовательно, пограничным сигналом не является.

Изучение дистрибуции носовых фонем в тексте показывает, что выбор варианта носовой фонемы перед последующей согласной фонемой лишь в части случаев автоматически регулируется фонетическими причинами: перед шумным щелевым согласным может быть только анусвара, перед остальными согласными теоретически возможен как носовой полной смычки, так и вспомогательный носовой неполной смычки. Выбор варианта здесь диктуется морфологическими причинами. Граница префикса и корня или граница двух членов сложного слова сигнализируется всегда; граница редупликации корня в интенсивах — иногда; не сигнализируется граница корня и основообразующего суффикса или корня (основы) и флексии.

Висарга *h* (глухое придыхание, следующее за гласным в конце слова или — реже — в конце морфемы) на фонологическом уровне никак не связана с фонемой *h* — звонким фарингальным спираantom, несмотря на наличие между ними некоторой фонетической близости: это единственные согласные звуки, образуемые в области гортани. Решающими в фонологической интерпретации висарги являются морфонологические данные. В системе чередований висарга никогда не представляет фонему *h*. По правилам сандхи висарга представляет фонемы *s* и *r* перед последующим глухим согласным (перед *t*- *-s* сохраняется) на границе двух слов или двух морфем, например: *ápas tát*, но ... *ápaḥ*, *ápaḥ sūcyá*; *kar indra*, но ... *káḥ |*, *kaḥ puruṣatrā*. Поэтому висаргу следует рассматривать как «архифонему», в которой нейтрализуются различия между фонемами *s* и *r* и которая в ведийском языке используется в качестве пограничного сигнала.

Подкласс церебральных фонем также нуждается в уточнениях с помощью синтагматических характеристик. В древнейшем из ведийских текстов, в РВ, засвидетельствованы следующие церебральные звуки: *t*, *th*, *d*, *dh*, *l*, *lh*, *n*, *s*. Среди согласных это единственный ряд, члены которого не могут встречаться в абсолютном начале слова. Исключениями, с синхронной точки зрения, являются слова *ṣaṣ* 'шесть' и *ṣāṭ* — N.sg.m. от *sáh*- 'одолевающий'. В абсолютном исходе церебральные представлены слабо: в немногих формах встречается глу-

хой непридыхательный церебральный *ɮ* (носовой в отличие от других рядов согласных здесь не встречается). Таким образом, различительными для церебральных являются прежде всего позиции внутри слова.

Во многих случаях для идентификации церебральных фонем необходима последовательность более чем двух звуков. Такова, в частности, ситуация с распределением в тексте звуков *ɖ* и *ɭ*, *ɖh* и *ɭh*. В РВ в интервокальном положении (не только в пределах слова, но и на границе двух слов) *ɖ* > *ɭ*, *ɖh* > *ɭh*, в остальных звуковых контекстах встречаются *ɖ* и *ɖh*, например: *id-* 'восхвалять', 1 sg.pr.med. *ilé* — 3 sg.pr.med. *itte* (<*id*+*te*); *mīdhvās-* 'щедро дарующий', N.sg. *mīdhvāh* — D.sg. *mīḷhūse*; *prītanāṣāl āmartyah* < *prītanāśād* + *āmartyah*. В письменном тексте РВ это распределение звуков не вполне последовательно отражено.

Дополнительное распределение этих звуков в тексте говорит о том, что *ɭ* — это вариант фонемы *ɖ*, а *ɭh* — вариант фонемы *ɖh*. В пратишакхьях более поздних вед упоминается, что интервокальным вариантом церебрального *ɖ* может быть латеральный сонант *ɭ*, а вариантом *ɖh* — соответственный придыхательный коррелят *ɭh*. Видимо, речь здесь идет о диалектных различиях вариантов.

Глухие церебральные, особенно придыхательные, встречаются значительно реже звонких. Самыми употребительными церебральными звуками являются непрерывный *ʃ* и носовой *ɳ*. В подавляющем большинстве случаев их следует трактовать на фонологическом уровне как позиционные варианты соответствующих дентальных фонем *ʃ* и *ɳ*, возникшие под влиянием нати или сандхи (т. е. контактной или дистантной ассимиляции), например: *viṣā-*, *ṣiṣṇa-*, *roṣati*, *vṣan*, *vikṣú*, *niṣṣapt*, *ánti śād* (примеры на *ɳ* см. выше). Однако в небольшой группе слов звуки *ʃ* и *ɳ* встречаются не после звуков намин, т. е. в независимом положении, и в этих случаях они должны трактоваться как самостоятельные фонемы, например: *cāṣa-*, *vāṣat* и др. Именно такие факты дают основания считать *ʃ* и *ɳ* самостоятельными фонемами в ведийском языке, хотя из всех церебральных они наименее «фонемны».

В целом же класс церебральных фонем в ведийском языке довольно четко противопоставлен классу дентальных фонем прежде всего в середине слова, а глухие непридыхательные фонемы, также и в конце, например: *mṛd-* 'прощать' — *mṛd-* 'разбивать', *sāḍha-* (р.р. от *sah-* 'одолевать') — *sādha-* 'осушение', *añu-* 'маленький' — *ānu* 'вслед за', *abhrāṭ* (3 sg.aor. от *bhrāj-* 'сверкать') — *abhrāt* (Abl.sg. от *abhrā-* 'туча').

По парадигматической оси фонологическую систему ведийского языка можно описать с помощью следующих бинарных оппозиций ингерентных дифференциальных признаков: 1) «гласность — негласность», 2) «согласность — несогласность», 3) «ком-

пактность—некомпактность», 4) «диффузность—недиффузность»⁹, 5) «церебральность—нецеребральность» [разновидность более общей оппозиции «дизный—простой» («sharp—plain»)], 6) «периферийность—непериферийность», 7) «придыхательность—непридыхательность» [разновидность более общей оппозиции «напряженность—ненапряженность» («tense—lax»)], 8) «назальность—неназальность», 9) «непрерывность—прерывность», 10) «звонкость—глухость», 11) «долгота—краткость»⁹.

С помощью оппозиций «гласность—негласность», «согласность—несогласность» идентифицируются четыре класса фонем: гласные и несогласные *a, ā, e, o, ai, au*; гласные и согласные слоговые сонанты *r/r, l/l*; негласные и несогласные глайды *i/y/iy, ī/y/iy, u/v/uv, ū/v/uv*; согласные и негласные все прочие фонемы, т. е. *k, kh, g, gh, ŋ, c, ch, j, t, th, d, dh, n, p, ph, b, bh, m, ç, s, h*.

Те же четыре класса фонем противостоят друг другу и по синтагматической оси.

Оппозиция «компактность—некомпактность» служит для различения среди гласных фонем самых открытых *ā, a*, с одной стороны, и более закрытых дифтонгов *ai/āy, au/āv* — с другой; среди согласных велярных смычных *k, kh, g, gh, ŋ* и палатальных *c, ch, j*; фарингальной непрерывной фонемы *h* и палатальной непрерывной *ç*.

Посредством оппозиции дифференциальных признаков «диффузность—недиффузность» различаются среди гласных наиболее закрытые *e, o*, с одной стороны, и более открытые *ā, a, ai, au* — с другой; среди согласных фонем — губные, дентальные и церебральные, с одной стороны, велярные и палатальные — с другой, т. е. *p, ph, b, bh, m, t, th, d, dh, n, ç, s, ç—k, kh, g, gh, ŋ, c, ch, j, h, ç*.

Следует отметить, что две последние оппозиции дифференциальных признаков моделируют фонологически существенные различия между простыми гласными и дифтонгами. Тем самым монофтонгический или дифтонгический характер гласного признается фонологически несущественным, что находится в соответствии с трактовкой этого вопроса и по синтагматической оси.

Оппозиция «периферийность—непериферийность» дает возможность идентифицировать среди гласных периферийные фонемы *o, au* и непериферийные *e, ai*; среди глайдов — периферийные *u/v/uv, ū/v/uv* и непериферийные *i/y/iy, ī/y/iy*; среди согласных — периферийные губные *p, ph, b, bh, m* и непериферийные дентальные с церебральными, т. е. *t, th, d, dh, n, ç, th, d, dh, ç*.

⁹ При данной системе описания эту оппозицию целесообразно трактовать в качестве ингерентной.

Релевантность оппозиции «придыхательность—непридыхательность» распространяется только на те фонемы, которые являются согласными, негласными, прерывными, неназальными. По этим признакам противопоставлены фонемы всех рядов: *kh—k, gh—g, ch—c, th—t, dh—d, th—t, dh—d, ph—p, bh—b*. Симметричность системы согласных в отношении данной оппозиции отчасти нарушается лишь в палатальном ряде, где для фонемы *j* эта оппозиция иррелевантна, поскольку нет соответствующей придыхательной фонемы *jh*.

Релевантность оппозиции «назальность—неназальность» распространяется только на фонемы, которые являются согласными и негласными. По признаку назальности в ряду лабиальных *m* противостоит *p, ph, b, bh*; в ряду дентальных *n—t, th, d, dh*; в ряду церебральных *ɲ—t, th, d, dh*; в ряду велярных *ŋ—k, kh, g, gh*. Палатальный ряд не моделируется этой оппозицией, так как палатальная носовая фонема отсутствует.

Релевантность оппозиции «непрерывность—прерывность» распространяется только на те фонемы, которые обладают признаком согласности. С помощью этой оппозиции различаются среди согласных непрерывные *h, ʃ, ʂ, s* и прерывные смычные *k, kh, g, gh, ŋ, t, th, d, dh, n, t, th, d, dh, n, p, ph, b, bh, m* вместе с аффрикатами *c, ch, j*; среди слоговых сонантов непрерывная фонема *l/l* и прерывная *ɾ/r*. Симметричность в системе согласных в отношении этой оппозиции нарушается в ряду губных, не имеющих соответствующей непрерывной фонемы. Ряду велярных смычных в качестве непрерывной фонемы оказывается фонологически противопоставленным фарингальный *h*.

Релевантность оппозиции «звонкость—глухость» распространяется на фонемы, обладающие согласностью, негласностью, неназальностью, прерывностью. С помощью этой оппозиции различаются согласные фонемы всех рядов: звонкие *g, gh, j, d, dh, d, dh, b, bh* и глухие *k, kh, c, t, th, t, th, p, ph*. В ряду палатальных согласных симметричность системы нарушена тем, что одному звонкому члену *j* противостоят два глухих — *c* и *ch*, различающихся между собой по придыхательности.

Релевантность оппозиции «долгота—краткость» распространяется на фонемы, обладающие признаком несогласности. Эта оппозиция позволяет различать гласные *ā—a*, глайды *i/y/iy—i/y/iy, ū/v/uv—u/v/uv*.

Фонемы могут быть идентифицированы как пучки дифференциальных признаков в виде матрицы (табл. 3), где знак «плюс» символизирует наличие у данной фонемы признака — первого члена бинарной оппозиции, а знак «минус» — наличие у нее признака — второго члена бинарной оппозиции. Знак «ноль» символизирует иррелевантность данной оппозиции для данной фонемы.

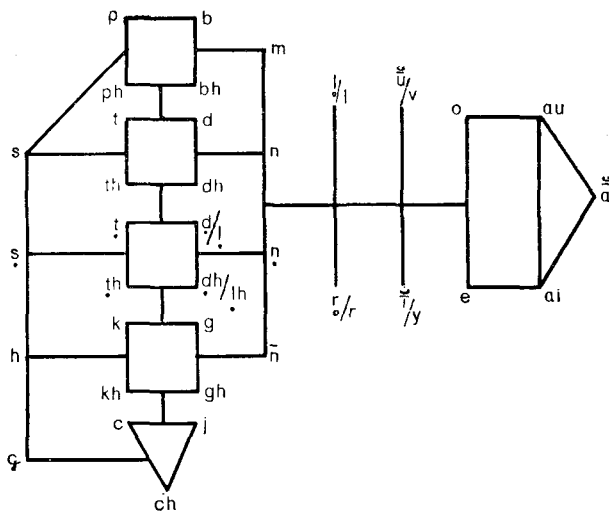
изображенной здесь в виде схемы (схема 2), особенно характерны четыре изоморфных квадрата, образованных 16-ю фонемами. Фонемы каждого такого квадрата имеют определенный общий набор дифференциальных признаков. Так, квадрат лабиальных фонем характеризуется признаками: периферийность, диффузность; квадрат дентальных — признаками: непериферийность, диффузность, нецеребральность; квадрат церебральных — признаками: непериферийность, диффузность, церебральность; квадрат велярных — признаками: компактность, недиффузность.

В каждом квадрате фонемы противопоставлены по двум оппозициям: «звонкость—глухость», «придыхательность—непридыхательность», и, таким образом, каждая фонема квадрата отличается от соседней на один признак.

К четырем изоморфным квадратам примыкает треугольник палатальных фонем (в котором нет звонкого придыхательного члена).

Четыре квадрата согласных фонем обладают признаком назальности. Каждому из них противопоставит соответствующая назальная фонема. Треугольник палатальных фонем не имеет назальной фонемы своего ряда.

Схема 2

Фонологическая система «Ригведы»

Все квадраты и треугольник являются прерывными фонемами. Трем квадратам из четырех, а также треугольнику противостоят соответствующие непрерывные фонемы. Таковой лишен квадрат лабиальных фонем.

Описанным выше согласным, негласным фонемам (все они в той или иной степени ориентированы на изоморфные структуры) противостоит класс слоговых сонантов, обладающих гласностью и согласностью. Он состоит из двух членов, отличающихся друг от друга как прерывная и непрерывная фонемы:

Класс глайдов отличается от прочих классов фонем совокупностью признаков негласность, несогласность. Четыре члена этого класса различаются между собой с помощью оппозиций «периферийность — непериферийность» и «долгота — краткость».

Класс гласных объединяет фонемы, характеризующиеся гласностью и несогласностью. Члены этого класса образуют пятиугольник, в котором фонемы различаются по компактности, диффузности, периферийности и долготе. Последняя оппозиция моделирует противопоставление $\bar{a}$ — a , т. е. фонем, составляющих асимметричный угол пятиугольника (по всем другим параметрам эти фонемы — в традиции Панини — интерпретируются на фонологическом уровне как фонемы одного места образования).

Конфигурации фонем ведийского языка могут быть представлены графически (см. схему 2).

УДАРЕНИЕ

В ведийском языке ударение было музыкальным по преимуществу и характеризовалось высотой тона гласного. Фонетически различались три основных тона: высокий — *удатта* (*udātta*-), низкий — *анудатта* (*anudātta*- букв. 'невысокий') и понижающийся — *сварита* (*svarita*- букв. 'звучный'). В каждом слове под ударением мог находиться, как правило, только один гласный (о классах слов с двумя ударениями будет сказано особо). Ударение падало на слогаобразующий гласный, но принадлежало всему слогу. Ударение было свободным, т. е. могло приходиться на любой слог в слове.

О ведийском ударении можно судить по трем источникам: по системе акцентуации дошедших до нас письменных текстов, по описанию акцентуации в пратишаххьях и — с меньшей степенью достоверности — по современной рецитации вед.

Акцент обозначен на письме во всех четырех ведийских самхитах и, кроме того, в Тайттириябрахмане и араньяке, в Шатапатхабрахмане, Брихадараньякопанишаде и Супарнадхье. Все остальные тексты дошли до нас не акцентуированными.

Существует несколько систем ведийской акцентуации. Наиболее распространенной является та, которая представлена в РВ, АВ, а из текстов ЯВ — в ВС и ТС. Согласно этой системе в слоговом письме деванагари слог, несущий главное ударение — *удатту*, специально не маркируется, маркируется предшествующий ему безударный слог, т. е. *анудатта*, горизонталь-

ной черточкой под строкой и следующий за ним заударный слог — энклитическое ударение сварита вертикальной черточкой над строкой, например: *sahasrām=sahāsram, rakṣasò=rakṣāso*. Так же изображается и независимое ударение сварита, например: *vīryeṇa=vīryeṇa (=vīrī[y]eṇa), asuryām=asuryām (=asurī[y]am)*. Если один или несколько слогов удатта находятся в начале полустипия, то удатта и в этом случае специально не обозначается, и маркируется лишь первый заударный слог сварита, например: *pra ye çumbhānte=prā yé çūmbhante, yo askābhayaḍ=yó āskabhayaḍ*. Один или несколько слогов анудатта, находящиеся в начале полустипия, обозначаются, как обычно, подстрочной горизонтальной черточкой (вплоть до первого слога удатта), например: *rayīm nò=rayīm no, urukramasyā=urukramāsya*. Из последовательных слогов анудатта внутри полустипия подстрочной черточкой маркируется только последний слог, предшествующий слогу удатта, а остальные слоги никак не отмечаются, так, например: *tā vām vāstūni uçmasi gamādhyai=tā vām vāstūni uçmasi gāmadhyai* (I,154,6). При этом обозначение предшествующей анудатты вытесняет обозначение энклитической свариты, например: *babhrūḥ çukrebhiḥ=babhrūḥ çukrēbhiḥ, hiraṇyayāt pari yonèr niṣadyā=hiraṇyāyāt pāri yóner niṣādyā* (II,35,10). В случае последовательности «независимая сварита+удатта» сварита обозначается следующим образом: за слогом сварита идет цифра 1, если гласный краткий, и цифра 3, если он долгий, причем соответствующая цифра диакритически маркируется дважды — надстрочной вертикальной черточкой и подстрочной горизонтальной, например: *abhyālgām-abhyāghām (<abhi+aghām)* (AB, VII,4,2); *tanvātānā ca=tanvā tānā ca* (AB, VIII,4,10).

Полустипие, состоящее из одной или нескольких пад, трактуется как непрерывная последовательность ударных и безударных слогов. Существенной при обозначении ударения является граница двух полустипий, а не двух пад, и поэтому обозначение предшествующей анудатты и последующей свариты пересекает границу между падами, например:

pari nò hetī rudrasyā vṛjyāḥ
pari tveṣasyā durmatir mahī gāt |

=*pāri nò hetī rud'rāsya vṛjyāḥ pāri tveṣāsya durmatir mahī gāt* (II,33,14ab).

Наиболее важная особенность этой системы обозначения ударения заключается в том, что основной акцент, т. е. удатта, не имел самостоятельного обозначения и изображался с

помощью двух других акцентов: предшествующей анудатты и последующей свариты. На этом основании высказывалось предположение о том, что фонетически удатта была средним тоном: выше анудатты и ниже свариты.

Другая система акцентуации представлена в двух редакциях ЯВ: МС и КС (ей следует также кашмирская рукопись РВ и редакция Пайппалада [*paippalāda*] АВ). Здесь удатта обозначается посредством надстрочной вертикальной черточки (как сварита в РВ), из чего исследователями делается вывод, что этот тон стал рассматриваться как самый высокий. Анудатта обозначается подстрочной горизонтальной черточкой (как в РВ). Для обозначения свариты используются особые диакритические знаки, различные в этих двух ведах. Общей для них является та особенность, что независимый акцент сварита обозначается иначе, чем энклитический, но технические средства выражения и детали в принципе обозначения разные. В МС независимая сварита, за которой следует безударный слог, обозначается с помощью подстрочного крючочка. Если же за независимой сваритой идет ударный слог, то на письме ему предшествует цифра 3 (независимо от количества гласного), и слог со сваритой пересекает посередине горизонтальная черточка, используемая в этой веде для обозначения энклитической свариты. Энклитическая сварита может обозначаться также тремя надстрочными вертикальными черточками. В КС независимая сварита передается с помощью подстрочного крючочка, если дальше идет безударный слог, и подстрочной крышечки, если следует слог ударный. В рукописях используются разные способы обозначения энклитической свариты (в изданиях фон Шрёдера они не применяются).

В СВ акценты обозначаются с помощью надстрочных цифр: 1, 2, 3 передают соответственно удатту, энклитическую свариту и анудатту. Таким образом, и в этой системе записи удатта стоит на первом месте, т. е. рассматривается как самый высокий тон. Для обозначения вариантов ударения к цифрам присоединяются буквенные индексы: 2g обозначает независимую свариту, 3k — анудатту, предшествующую удатте.

В ШБ отмечается только удатта с помощью горизонтальной подстрочной черточки (как анудатта в РВ), а независимая сварита изображается через удатту: сама сварита не обозначается, но предыдущий слог получает символ удатты. Если несколько слогов подряд имеет удатту, то маркируется лишь последний из них.

Эти графические системы передачи ведийского акцента явно стремились отразить фонетическую суть отдельных типов ударения. Той же цели служили кинетические средства — жесты, сопровождавшие рецитацию. Удатте соответствовало движение руки вверх, анудатте — вниз, а сварите — сначала вверх, а затем вниз или сверху вниз по диагонали.

В парадигматической характеристике ведийского ударения главное место занимает вопрос о соотношении удатты и свариты. В АП (I,14) отмечается, что различия по высоте тона реализуются в заданном регистре (*samānauame*), т. е. что это относительные, а не абсолютные величины. Там же говорится, что удатта является высоким тоном, анудатта — низким, а сварита — падающим (*ākṣiptam*) от удатты к анудатте (I,15—16), и что полматры в начале свариты равны удатте (I,17). В РП же сказано (III,2), что полматры или даже половина свариты выше, чем удатта, а дальнейшая часть свариты есть анудатта, на слух воспринимаемая как удатта (III,3). По этому пункту РП противостоит всем остальным пратишахкьям, идентифицирующим начало свариты с удаттой. Интересно, что данное разделение не совпадает с разделением ведийских школ по тому, как они графически изображают ударение: удатту как самый высокий тон или свариту.

Весьма вероятно, что речь здесь идет о древних диалектных различиях в трактовке ударения, распределение которых для нас остается во многом неясным. В РВ, судя по всему, при произнесении свариты тон сначала повышался по сравнению с удаттой, а затем падал до анудатты.

Смешанный характер свариты как комбинации удатты и анудатты единодушно признается авторами всех трактатов.

Случаи употребления свариты в отдельном слове принято разделять на две части: энклитическую свариту и независимую (*jātua-* 'врожденная' или *nitya-* 'собственная'). По утверждению древнеиндийских авторитетов, каждый слог анудатта, следовавший за слогом удатта, т. е. первый заударный слог, получал свариту. Это самый распространенный тип свариты. От него отличалась не только по происхождению, но, видимо, также и фонетически, независимая сварита, встречающаяся в небольшом числе слов как самостоятельное, основное ударение (энклитическая и независимая сварита в некоторых системах ведийской акцентуации обозначались по-разному).

В отдельном слове самостоятельная сварита встречается только в слогах, состоящих из полугласного у или v и гласного, причем соответствующий полугласный в тексте обычно приобретает вокалическую форму, т. е. $u > i(u)$, $v > u(v)$. Это слова *kva?* 'где?', *svār* 'небо', формы склонения основ на *-ī-*, *-ū-* (например, A.sg. *vrkyaṁ* от *vrkī*, *tanvaṁ* от *tanū*), основы с вторичным словообразовательным суффиксом *-ya-* (например: *pūrva-*, *vīrya-* и др.).

Для РВ в подавляющем большинстве случаев, как неоднократно отмечалось, сварита в пределах слова имеет чисто графический характер. Если восстановить размер, скрываемый графикой, то у слова со сваритой фактически почти всегда бывает удатта на предыдущем слоге, а именно на вокализованном глайде *i* или *u*, т. е. *kū(v)a*, *sū(v)ar*, *vrkī(y)am*, *ta-*

nú(v)am, pūrvi(y)a-, vīri(y)a-. Таким образом, и здесь сварита оказывается энклитической. В РВ этот процесс засвидетельствован в переходном состоянии, чем и объясняется противоречие между фонетикой и графикой.

Наконец, сварита возникает в результате определенных типов сандхи ударного (удатта) и безударного (анудатта) гласного на границе двух слов. Общее правило в отношении сандхи акцентов таково, что если один из двух гласных имеет удатту, то соответствующий долгий гласный или дифтонг, получившийся в сандхи, тоже приобретает удатту, например: *karéti* < *kara + iti*, *āgan* < *ā + agan*, *purārū* < *purū + urū* (VIII, 25,16) и др. Однако *-i + i->ī* (*praçliṣṭa-svarita-*, по пратишакхьям), например: *abhītiḥ* < *abhī + itiḥ* (II,33,3); *sruciṣva* < *sruci + iṣva* (X,91,15) и др.

Когда гласный вариант глайда, имеющий удатту, переходит в соответствующий согласный его вариант перед безударным гласным в начале следующего слова, то этот гласный приобретает свариту, или *-ī + V->yV̄-*, *-ā + V->-vV̄-* (*kṣaipra-svarita-*), например: *vy āsmād* < *vi + asmād* (II,33,2) (но *vy āmho* < *vi + āmho* ib.); *devu etu* < *devī + etu* (I,40,3); *vikṣv āsū* < *vikṣū + āsū* (IV,36,5); *nv evā* < *nū evā* (IV,51,9) и др.

Когда происходит элизия начального безударного *a* после конечных ударных *e, o*, то удатта этих гласных меняется на свариту (*abhihiṣṭa-svarita-*), например: *rṣvō 'gnīr* < *rṣvō + agnīr* (III,5,10); *çvetō 'ruṣp* < *çvetō + aruṣō* (X,20,9).

Сварита, возникшая в результате сандхи, в письменном тексте выглядит как независимая. Дело, однако, в том, что в мантрах РВ для соблюдения размера элидированный гласный надо восстанавливать, а гласные, подвергшиеся контракции, разъединять, в результате чего снимаются сандхи. Таким образом, и этот тип свариты в языке РВ оказывается фиктивным.

Случаи реально произносимого ударения свариты в РВ единичны и встречаются только в поздних мандалах. В дальнейшем сварита становится реальным акцентом типа циркумфлекса (так она описана у Панини).

В пратишакхьях различаются позиционные фонетические варианты низкого тона — анудатты. Авторитеты единодушны в определении предударной анудатты, т. е. анудатты, предшествующей удатте или независимой сварите. От нее, видимо, несколько отличается заударная анудатта, следующая за энклитической сваритой, так называемая *прачая* (*prasaṃya*). Поскольку в РП говорится, что эти заударные слоги анудатта звучат, как удатта (III,11), видимо, они произносились выше, чем предударная анудатта.

В пратишакхьях описываются также синтагматические комбинации акцентов в непрерывной последовательности акцентуированных слогов. Так, энклитической свариты не возникает, если за слогом, имеющим удатту, непосредственно следует

слог с удаттой или независимой сваритой, например: *sām in-dro*, *adāḥ svār*.

В ведийском слове обычно бывает одно ударение: удатта или сварита (последняя — редко). Есть, однако, классы слов, которые характеризуются двойным ударением. Это инфинитивы на *-tavaī*, у которых ударным является корневой гласный и конечный гласный суффикса, например: *gāntavaī* от *gam-* 'идти', *sārtavaī* от *sar-* 'течь'. При наличии префикса на него переходит ударение с корня, например: *ātiyetavaī* от *ati-* + *i-* 'переходить', *āpabhartavaī* от *apa-* + *bhar-* 'уносить'. Предполагается, что суффиксальное ударение возникло в результате контракции с ударной эмфатической частицей.

Другой случай двойного ударения представлен некоторыми типами сложных слов. В словах *двандва* (*dvandva-*), у которых оба члена имеют флексию двойственного числа, обычно сохраняются два ударения, например: *indrā-pūśān-*, *indrā-vāruṇa-*, *mitrā-vāruṇa-* и др. В словах *тампуруша* (*tatpuruṣa-*), первый член которых сохраняет флексию родительного падежа, также бывает двойное ударение, например: *bḥhas-pāti-*, *vānas-pāti-*, *vāstoṣ-pāti-* и др. Контаминация этих двух типов дает сложное слово с тройным ударением, засвидетельствованное в РВ (IV, 49,5) — *indrā-bḥhaspāti-*.

Ряд слов в ведийском языке не имеет ударения, т. е. употребляется энклитически. Их можно разделить на три группы в зависимости от степени энклитичности: 1) слова, никогда не имеющие ударения, т. е. полные энклитики; 2) слова, не имеющие ударения, когда они употребляются в определенном значении, а также слова, способные функционировать и в акцентной, и в энклитической форме с одним и тем же значением; 3) слова, в принципе не являющиеся энклитиками, но становящиеся таковыми в определенных синтаксических контекстах.

1. Всегда бывают энклитиками:

а) особые формы личных местоимений 1-го и 2-го лица: A.sg. *mā*, *tva*; D.—G.sg. *me*, *te*; A.—D.—G.du. *nau*, *vām*; A.—D.—G.pl. *nas*, *vas*; местоименные основы *tva-* 'такой', 'другой', 'некоторый' и *sama-* 'некий', 'любой' (слово, отличное от тонического прилагательного *samā-* 'одинаковый', 'подобный');

б) частицы-наречия *iva* 'как', *u* 'также', *gha*, *ha* 'ведь', *cid* 'даже', *bhala* 'конечно', *samaha* 'как-нибудь'; частицы — винительные падежи *im*, *sīm* (местоименного происхождения); союзы *ca* 'и', *vā* 'или'.

2. Употребляются то энклитически, то с ударением:

а) *yathā* в значении «как», «подобно» в конце пады бывает энклитикой, в значении союза «чтобы» имеет акцентную форму *yāthā*;

б) большая часть косвенных падежей от местоименной основы *a-* 'этот' может иметь наряду с акцентными формами также энклитические (но не в начале пады);

в) бóльшая часть форм дефектного местоимения *ena-* 'тот', 'он' является энклитиками, акцентные формы встречаются очень редко.

3. Парадигматически имеют ударение, но реализуют его лишь в определенных синтаксических условиях:

а) наречия-префиксы, употребляясь самостоятельно, имеют ударение, входя в состав акцентной личной формы глагола, не имеют его;

б) личные формы глагола в главном предложении не имеют ударения (но не в начале предложения), а в придаточном предложении ударны;

в) звательная форма имени ударна в начале предложения или пады и безударна в середине или в конце;

г) отрицательная частица *ná* 'не' в сочетании с частицами *hí* и *nú* утрачивает ударение: *nahí*, *nanú*. Эмфатическая частица *kám* 'ведь', 'же' утрачивает ударение после частиц *nú*, *sú*, *hí*: *nú kam*, *sú kam*, *hí kam*.

Место ударения в слове определяется в ведийском языке морфологическими данными — принадлежностью слова к тому или иному морфологическому классу¹⁰. Исторически наличие ударения удатта на каком-нибудь слоге в чередующихся основах влекло за собой определенную ступень чередования гласного в этом слоге, а именно, полную ступень, или, в индийской терминологии *гуна* (*guṇa*). Эта ситуация до некоторой степени сохранилась в ведийском языке, хотя имеется и немало нарушений ее, вызванных действием многочисленных более поздних тенденций.

Ударение играет смыслоразличительную роль. Фонологически релевантным является место ударения удатты в противоположность анудатте. Просодическая оппозиция ударения служит для различения значений целого ряда классов слов.

В морфологии только с помощью места ударения различаются в склонении нечередующихся атематических основ Abl.—G. sg., с одной стороны, и N.pl.—с другой, например: Abl.—G. sg. *púrás* — N.pl. *púras* от *púr-* 'крепость', Abl.—G. sg. *rcás* — N.pl. *rcas* от *rc-* 'гимн' (A.pl. исторически объединялся с Abl.—G. sg., часто, однако, он имеет то же место ударения, что и N.pl., например: A.pl. *púras* от *púr-*, A.pl. чаще *vācas*, иногда *vācás* от *vāc-* 'речь'). В чередующихся основах место ударения наряду с чередованием корневого гласного служит для противопоставления Abl.—G. sg., A.pl., с одной стороны, и N.pl.—с другой, например: Abl.—G. sg., A.pl. *apás* — N.pl. *āpas* от *āp-* 'вода', Abl.—G. sg., A.pl. *praticás* — N.pl. *pratyāñcas* от *pratyāñc-* 'обращенный навстречу'.

¹⁰ Поэтому вопрос о нем будет рассматриваться в соответствующих разделах морфологии.

В первичном словообразовании имен разница в месте ударения определяет принадлежность основы к *pot.act.* или *pot.ag.*, например: *yáma-* 'узда', 'управление' — *yamá-* 'связанный', 'близнец'; *čāsa-* 'приказ' — *čāsá-* 'тот, кто приказывает'; *yáças-* 'благословение' — *yačás-* 'благословенный'; *bráhman-* 'молитва' — *brahmán-* 'жрец'. Место ударения служит единственным средством различения некоторых типов наречий и именных падежных форм, например, *adharát* 'внизу' — *ádharāt* Abl.sg. от прилагательного *ádharma-* 'нижний'; порядковых и количественных числительных (в пределах второго десятка), например, *ekādaçá-* 'одинадцатый' — *ékādaça-* 'одинадцать'. В словосложении место ударения позволяет различать два типа сложных слов: *кармадхара́я* (*karmadhāraya-*) и *бахуврихи* (*bahuvrīhi-*), например: *rājaputrá-* 'сын царя', 'царский сын' — *rājaputra-* 'имеющий царя (царей) сыном (сыновьями)'.

Кроме того, место ударения служит средством идентификации грамматического или лексического значения наряду с чередованием гласных, присоединением суффикса или флексии.

На периферии фонологической оппозиции ударения находятся случаи двух акцентных вариантов у одного слова, например: *ákṣi-/akṣi-* п. 'глаз', *abhriya-/abhriyá-* 'происходящий из грозовой тучи', *pūrva-/pūrva-* 'прежний', *ródasi-/rodasī-* f.pom.pr. жены Рудры, и др.

Противопоставление свариты другим типам ударения для периода РВ не является фонологически значимым. Как говорилось ранее, сварита в РВ имеет графический характер, реально же вместо свариты произносится удатта предшествующего гласного. Таким образом, разница оказывается не в качественной характеристике ударения, падающего на один и тот же гласный, а в том месте, на которое приходится ударение удатта. В словах с так называемой независимой сваритой глайд принимает вокалическую форму и несет ударение удатту, а следующий за ним гласный является безударным, в то время как в словах со сходной фонетической структурой и основным ударением удаттой оно приходится на гласный, которому предшествует глайд в консонантной форме; ср., например, *devyá-* (*devía-*) 'божественная сила' и *divyá-* 'божественный', *namasyá-* (*namasía-*) 'почитаемый' (от *námas-*) и *namasyá* — 2 sg.iv. от *namasy-* 'почитать', *svār-* (*súvar-*) 'небо' и *suvāti* — 3 sg.pr. от *sū-* 'оживлять' и т. п.

В тех более поздних ведийских текстах, где сварита приобрела статус самостоятельного ударения, противопоставление между сваритой и удаттой стало фонологическим, но различительная сила этого противопоставления оказалась весьма незначительной: противопоставлялась только независимая сварита в отдельных словах (а таких немного) удатте в словах со сходной фонетической структурой, при этом минимальные пары были единичны.

Сварита, возникшая в результате сандхи на границе двух слов или оказавшаяся при абхинихита-сандхи непосредственно перед удаттой первого слога следующего слова, служила пограничным сигналом в сочетании с удаттой следующего слога и, следовательно, выполняла иную функцию, чем словесное ударение, ср., например: *sv āsmān < sū + asmān* (I,47,5) *svās-min* — L.sg. от *svā-* 'свой', *budhnyò 'jās < budhnyò + a jās* (II,31,6) и *ójas-* 'сила'.

От словесного ударения, которому была свойственна кульминативная функция (т. е., по Трубецкому, вершинообразующее выделение просодемы в слове) следует отличать фразовое, которому в ведийском языке присуща делимитативная функция (т. е. обозначение границ предложения).

Начало предложения рассматривается в отношении акцента как сильная позиция. Даже вокатив и личная форма глагола, обычно безударные в простом предложении или в главном в составе сложного, в этой позиции получают ударение. К началу предложения тяготеют ударные местоимения, наречия-префиксы, частицы.

В придаточном предложении личная форма глагола обычно бывает ударной, что маркирует, как правило, его конец. Начало придаточного предложения часто бывает маркировано находящимся под ударением указательным местоимением, наречием, союзом, частицей. Таким образом, ударение наряду с интонацией служит для подчеркивания синтаксического членения предложения.

САНДХИ

В метрических ведийских текстах слова в пределах пады (или метрической единицы) рассматриваются как эвфонически связанные началами и концами. В пратишахкхьях правила, описывающие изменения звуков на стыке двух слов, называются сандхи (*sandhi-* 'соединение').

В другой системе описания принято различать сандхи внешние — на стыке двух слов и внутренние — на морфемных швах в пределах слова. Между теми и другими есть много общего, но существуют и весьма важные различия. Сандхи на границе двух членов сложного слова в принципе являются внешними, хотя им свойственны некоторые отклонения.

Деление на внешние и внутренние сандхи (последние рассматривались в разделе о дистрибуции звуков) является весьма условным. Морфемные швы перед окончаниями имен, начинающимися на *-bh-* и перед окончанием *-su*, а иногда также перед некоторыми вторичными суффиксами трактуются, с точки зрения сандхи, как граница между словами.

В иерархии уровней высшим является метрический. Начало пады считается абсолютным началом, а конец — абсолютным

исходом, даже если метрические границы не совпадают с синтаксическими, т. е. с концом предложения. Цезура в пределах пады означает ослабление или даже отсутствие сандхи. Требования семантического уровня также находят отражение в сандхи: энклитики эвфонически более тесно связаны с соответствующим полнозначным словом, чем два полнозначных самостоятельных слова друг с другом. Известен только один случай прямого управления правилами сандхи со стороны семантики: *ná* 'не' вступает в сандхи с начальным гласным следующего слова, *ná* 'как' — не вступает.

Главные принципы, которые лежат в основе правил сандхи, — это стремление к ассимиляции звуков и устранению зияния гласных. Внешние сандхи в отношении ассимиляции заходят дальше внутренних, поскольку конечный шумный согласный озвончается перед начальным гласным следующего слова, но не изменяется перед начальным гласным следующей морфемы. Зияние гласных, напротив, чаще встречается на границе двух слов, а не двух морфем.

Графическая форма текста часто не отражает его реальной фонетической сущности. Восстановление последней с помощью метрических данных показывает сплошь да рядом сохранение зияния гласных, что свидетельствует о более позднем и искусственном характере многих сандхи — результате редактирования в брахманских школах.

САНДХИ ГЛАСНЫХ

Перед гласным одинакового качества простые (не дифтонгического происхождения) гласные подвергаются стяжению, давая долгий гласный независимо от количественной характеристики соседних гласных (*praçliṣṭa-saṁdhi*-), т. е. $\check{a} + \check{a} > \bar{a}$, $\check{i} + \check{i} > \bar{i}$, $\check{u} + \check{u} > \bar{u}$; например: *utāparām* < *utā + aparām*, *ṛtāvājasra* < *ṛtāvā + ājasra*-, *çvaghñiva* < *çvaghñi + iva*, *ukṣántūd-nā* < *ukṣāntu + udnā*. При встрече друг с другом гласных дифтонгического происхождения *e*, *o* или дифтонгов *ai*, *au* стяжения не происходит. Возможность контракции $*-r + r->\bar{r}$ в пратишахкхях не упоминается, и в текстах таких примеров нет.

Как было отмечено выше, в метрических ведийских текстах реально данный тип сандхи нередко отсутствует. Избегает сандхи ряд таких односложных слов, как *nā* 'подобно', наречие-префикс *vi*- 'врозь', 'прочь', частица *hi* 'ведь', часто также местоимение *sá* 'он'.

Существует, кроме того, ритмическая тенденция, согласно которой энклитика *ca* 'и' претерпевает сандхи перед последующим тяжелым слогом и избегает его перед легким слогом, но и эта дистрибуция соблюдается не строго; так, например, *sām* *cā ca* < *sām + ca + ā + ca* (IX,95,3).

Встречающиеся в письменном тексте в гиатусе конечные долгие гласные (чаще всего это бывает $\bar{a}$) обычно сокращаются в произношении перед последующим тяжелым слогом¹¹. Иногда при гиатусе первый из гласных назализуется, чтобы служить фактическим разделителем гласных (здесь и в других типах сандхи).

Гласные a , $\bar{a}$ в сочетании с простыми гласными иного качества образуют гласные дифтонгического происхождения, а именно $\check{a} + \check{i} > e$, $\check{a} + \check{u} > o$; например: $indreh\bar{a} < indra + ih\bar{a}$, $abh-r\bar{a}t\bar{e}va < abhr\bar{a}t\bar{a} + iva$, $\acute{a}tho < \acute{a}tha + u$, $s\bar{a}nitot\bar{a} < s\bar{a}nit\bar{a} + ut\bar{a}$ (также $pra\check{c}i\check{s}ta-sandhi$). Иногда сандхи не происходит, и имеет место зияние гласных, отраженное и в письменном тексте.

При встрече гласных a , $\bar{a}$ со слоговым сонантом r , как правило, аналогичного сандхи не происходит, что последовательно отражено в письменном тексте РВ и ВС, например: $saptar\check{s}\acute{a}ya\check{h}$, $p\bar{a}yas\bar{a} \check{f}sin\bar{a}m$. Восстановление размера показывает, однако, что в редких случаях имеет место произношение $-ar-$, а не $-a\check{r}-$.

Гласные a и $\bar{a}$ в сочетании с гласными дифтонгического происхождения или с реальными дифтонгами дают один и тот же результат — дифтонг, т. е. $\check{a} + e > ai$, $\check{a} + o > au$; $\check{a} + ai > ai$, $\check{a} + au > au$. Вот некоторые примеры: $svainam < sv\bar{a} + enam$, $y\bar{a}tra\check{u}sadh\check{i}h < y\bar{a}tra + \acute{o}sadh\check{i}h$, $p\bar{a}rait < p\bar{a}r\bar{a} + ait$, $\acute{a}pauhat < \acute{a}pa + auhat$. Иногда сандхи не происходит, и тогда в тексте имеет место зияние гласных с возможной назализацией первого гласного, например: $ugra\check{n} \acute{o}ka\check{h} < ugra + \acute{o}ka\check{h}$ (VII,25,4), $\acute{a}\check{n} \acute{e}ti < \acute{a} + \acute{e}ti$ (VI,51,1).

Узкие гласные $\check{i}$, $\check{u}$ перед последующим гласным утрачивают слоговое качество и консонантизируются ($k\check{s}aipra-sandhi$), например: $hy \acute{a}dri < hi + \acute{a}dri$, $devu \acute{e}tu < dev\check{i} + etu$, $sv \grave{a}gnim < s\check{u} + agnim$, $astv \acute{o}jo < astu \acute{o}jo$.

В древних частях РВ это сандхи имеет в большинстве случаев лишь графическое значение, в произношении же сохраняется гиатус. При этом, однако, двусложные префиксы с конечным $-i$ или $-u$ перед глагольной формой, начинающейся с гласного, обычно произносятся в один слог, например: $\acute{a}ty ati-\check{s}hat$, $\acute{a}nv emi$.

Для гласных дифтонгического происхождения e , o тип сандхи определяется тем, начинается ли следующее слово с a или с какого-либо другого гласного.

Если за конечным $-e$, $-o$ следует начальный краткий a , то этот звук исчезает, будучи «поглощенным» ($abhinihita$ -, отсюда название в пратишакхях $abhinihita-sandhi$)- конечным звуком. В графике исчезновение a - передается знаком $ava\check{g}raha$ ($ava-graha$ -.). Вот некоторые примеры: $nid\acute{e} 'pa < nid\acute{e} + \acute{a}pa$, $v\bar{a}nas-pat\acute{e} 'va < v\bar{a}nas-pate + \acute{a}va$, $dh\bar{i}y\acute{o} 'vase < dh\bar{i}ya\check{h} + \acute{a}vase$, $dyu-$

¹¹ О синтагматических изменениях акцентов, имеющих место при сандхи гласных, см. в разделе «Ударение».

máttamo 'bhi < *dyumáttamo* + *abhi*. Реально в древних частях РВ размер часто требует восстановления *a-*, причем, как было отмечено исследователями, перед таким восстановлением *a-* конечный *e* или *o* метрически считается кратким, что дает основания предположить фонетический переход *e* > *a^y*, *o* > *a^v*. Иногда *a-* сохраняется и в графике, например: *vo amba* (X,97,2).

Если за конечным *-e*, *-o* следует любой другой звук, кроме краткого *a*, то *-e* > *-a* (*udgrāha-sandhi-*), *-o* > *-av*. Фактически в этих двух разных рефlekсах засвидетельствованы две стадии одного процесса — дифтонгизация конечного гласного: *e* > *ai*, *o* > *au* с дальнейшей консонантизацией неслогового элемента перед последующим гласным, т. е. *ai* > *au*, *au* > *av*, и затем утрата глайда в интервокальном положении, происходящая в случае *e*. Вот некоторые примеры: *sāra údite* < *sāre* + *údite*, *budhnā étā* < *budhné* + *étā* (III,39,3), *ta ójah* < *te* + *ójah*, *hrdá ā* < *hrdé* + *ā*, *viṣṇav éva yāvah* < *viṣṇo* + *éva yāvah*, *indav indrasya* < *indo* + *indrasya*, *vāyav ā* < *vāyo* + *ā* (обычно примеры на этот тип сандхи дают вокативы на *-o* от основ на *-u*).

Если же следующее слово начинается с *ū-*, то перед ним выпадает *-v* гласного сандхи, и сандхи приобретает вид *-o* > *-a*, например: *inda ūtibhiḥ* < *indo* + *ūtibhiḥ* (VIII,48,15).

Конечные дифтонги *-ai*, *-au* при встрече с любым начальным гласным, включая *a-*, подвергаются сандхи такого типа, как *-e*, *-o* не перед *a-*, с той только разницей, что в результате получается долгий гласный, а именно: *-ai* > *-ā*, *-au* > *-āv*, но перед *ū-* *-au* > *-ā* (*ā* < возникает из переходных форм *ā^y*, *ā^v*). Вот некоторые примеры: *kāsmā adyā* < *kāsmāi* + *adyā*, *tāsmā āpo* < *tāsmāi* + *āpo*, *sārtavā u* < *sārtavai* + *u*, *dāvā iva* < *davai* + *iva*, *samudrāv ā* < *samudrai* + *ā*, *dasrāv āmarīyah* < *dasrai* + *āmarīyah*, *no rathītambhā* < *rathītāmā* + *ubhā* (I,22,2); причем по размеру гласные восстанавливаются.

В ведийском языке существует ряд гласных окончаний определенных грамматических форм, на которые не распространяется действие правил сандхи, — так называемые прагрихья (*pragrhyā* — 'те, что должны быть выделены'). Это окончания на долгий гласный двойственного числа *-ī*, *-ū*, *-e*; редкие формы L.sg. на *-ī*, *-ū* (просодически обычно краткие); *-ī* в N.pl. от местоимения *amī*; окончание *-e* в L. некоторых местоимений: *tvé* 'в тебе', *asmé*, *yusmé* (в двух последних с меньшей очевидностью); окончание *-e* во 2, 3 du.pr. и pf.med. Вот некоторые примеры: *akṣī iva* (II,39,5), *indrāgnī ūpa* (I,21,1), *ṣambhū ā* (I,46,13), *asmé antār* (I,24,7), *yusmé itthā* (VI,18,5), *cakrāte upamā* (VIII,29,9). В некоторых случаях возможны колебания между сандхированными формами и формами прагрихья.

Эмфатическая частица *u* является прагрихья в отношении гласного начала справа и не прагрихья в отношении гласного исхода слева, например: *vā u arthina* < *vai* + *u* + *arthina* (I,105,2), *yāta u āyan* < *yātas* + *u* + *āyan* (II,24,6). При этом графически *u*

после согласного и перед гласным в РВ регулярно изображается как *v*, например: *trir v aṣvinā*, но *tāsmā u adyá < tāsmā i adyá*. Вступая в сандхи с конечным *ā* слева, эта частица образует гласный прагрихья — *o*, например, *ātho indrāya* (I,28,6).

К явлениям сандхи следует отнести также удлинение в метрических текстах конечного краткого гласного перед одиночным начальным согласным следующего слова (конечному легкому слогу обычно в таких случаях предшествует тоже легкий слог), например: *kṛdhi naḥ*, но *kṛdhi tvāyaté*.

САНДХИ СОГЛАСНЫХ

В настоящем разделе рассматриваются сандхи конечных согласных при встрече с начальным согласным или гласным следующего слова. Общий смысл звуковых изменений, происходящих на границе двух слов, заключается в ассимиляции, причем в большинстве случаев конечный согласный уподобляется начальному (наоборот — при церебрализации и аспирации).

При описании сандхи конечных шумных принято брать за исходную ту форму, которую они имеют в абсолютном конце слова.

Конечные шумные смычные согласные уподобляются по звонкости — глухости начальному звуку следующего слова. Они бывают глухими перед начальным глухим согласным и звонкими — перед начальным звонким согласным или перед гласным (озвончение перед гласным отличает внешние сандхи от внутренних, где этого не происходит). Вот некоторые примеры: *yāt te*, *yāt sim*, *yād divó*, *yād vajrī*, *yād indra*.

Перед начальным носовым согласным конечный шумный смычный согласный может переходить в носовой своего ряда: *yān navatīm < yād + navatīm*, *yān maruto < yād + maruto*, *virāṇ mitráváruṇayor* (X,130,5) *< virāt + mitráváruṇayor < virāṇ + mitráváruṇayor*, *vīrūn madhujātā < vīrúd + madhujātā < vīrúdh + madhujātā*, *údañ nyāg < údak + nyāg*. Таким образом, перед носовыми сонорными согласными ассимиляция заходит на один шаг дальше, чем перед шумными. Та же степень ассимиляции характерна для конечного *-t* перед начальным *l*- и палатальными согласными.

Перед начальным *l*- конечный *-t* переходит в *-l*, например: *āṅgād-aṅgāl lómno-lomno* (X,163,6) *< āṅgād-aṅgād + lómno-lomno < āṅgāt + aṅgāt + lómno-lomno*.

Перед начальным палатальным согласным *-t* переходит в палатальный, причем в этом типе сандхи начальный палатальный сибилант *ç* переходит в придыхательный палатальный *ch*. Вот некоторые примеры: *yác cid < yāt + cid*, *yác chardīḥ < yat + chardīḥ*, *yāj jātavedo < yād + jātavedo*, *yác chíraḥ < yāt +*

çirah. Таким образом, *-t+ch-* и *-t+ç-* дают один и тот же результат *-c ch-*. Палатальный спирант *ç* после конечного церебрального *-t* может также переходить в *ch*, притом что *t* остается неизменным, например: *<ābhṛāt chvέto <ābhṛāt + çvέto* (I,66,6).

После конечного шумного смычного начальный *h-* переходит в звонкий придыхательный согласный того ряда, к которому принадлежит конечный смычный, например: *yād dha <yād + ha, samṛād dhāntā <samṛāt + hāntā*.

Конечный смычный зубной носовой *n* (и редкие случаи конечного веларного *ṇ*) подвергается изменениям не только в зависимости от начального звука следующего слова, но и от предшествующего ему гласного.

Конечный *n* (или *ṇ*) после краткого гласного перед гласным следующего слова подвергается удвоению, например: *rujānn eti <rujān + eti, yāmann ā <yāman + ā, tāsminn iṣṭāyaḥ <tāsmiṇ + iṣṭāyaḥ, yūṇṇ asi <yūṇ + asi*. При восстановлении размера в РВ такая геминация подтверждается только там, где она обоснована этимологией данной формы.

Конечный *n* после долгого гласного перед гласным следующего слова переходит в назализацию предшествующего гласного (анунасику — анусвару), причем, если это не *ā*, то между конечным назализованным и начальным неназализованным гласным в сандхи возникает *-r*, например: *mahāñ asi <mahān + asi, devāñ ā <devān + ā, devāñ ihā <devān + ihā, devāñ īlitās <devān + īlitās; pradhīñr iva <pradhīn + iva, vanūñr āhan <vanān + āhan, nṛñr abhi <nṛn + abhi*. (Диахронически речь здесь идет, как указывалось исследователями, не о сандхи *-n*, а о сандхи *-s*, этимологически восстанавливаемого в ряде грамматических форм и в дальнейшем перенесенного по аналогии в другие формы. После *-ñ* звук *s* перед последующим гласным выпадает, а после *-ī, -ā, -ṛ*, озвончаясь, переходит в *r*.)

Встречаются отдельные непоследовательности в проведении этого сандхи. Иногда оно не происходит в заданных условиях, например, *etāvān asya* (X,90,3), или происходит в непредусмотренных условиях, например, перед глайдами, сонантами и *h*, как в *sākhiñr yāñ (indra) <sākhiñ + yāñ (+indra)* (IV,35,7).

Конечный *n* перед начальными палатальными согласными становится палатальным *ñ*, например: *vanvāñ cyāvānaḥ <vanvān + cyāvānaḥ, vidvāñ jānta <vidvān + jānta*. Обычно при этом типе сандхи начальный палатальный сибилант *ç* чаще всего дает придыхательный палатальный *ch*, например: *asmīñ chūra <asmīn + çūra, sāhvāñ chiro <sāhvān + çiro*, хотя иногда *ç* сохраняется.

Вообще сандхи «*-n* + начальный палатальный» отличается вариативностью. Его может не произойти, или носовой пред-

ставлен не палатальным, а анусварой. Последнее особенно часто встречается в более поздних ведах, но зафиксировано и в РВ. Наконец, между начальным *c*- и конечным носовым согласным может иногда возникать палатальный сибилянт, перед которым смычный носовой переходит в анусвару. Обычно это происходит перед энклитиками *ca* и *cid*, например: *tām̐ ca* < *tān + ca*, *sūrīṃ cid* < *sūrīn + cid* — в этимологически оправданных случаях (т. е. после *-ān* < *.*ans*). В дальнейшем этот тип сандхи по аналогии распространяется на более широкий круг случаев.

Конечный *-n* в принципе сохраняется перед начальным *t*-, но иногда, в этимологически оправданных случаях, между *-n* и *t*- возникает дентальный спирант *s*, перед которым *-n* переходит в анусвару, например: *sārvāṃs tān* < *sārvān + tān*. В дальнейшем этот вид сандхи распространяется. В редких случаях такого же типа сандхи происходит перед начальным *p*-, перед которым *s* переходит в висаргу, например: *nṛ̐ṃḥ pāhi*, *nṛ̐ṃḥ pātram*, *svātavāṃḥ pāyūḥ*.

Между конечным *-n* и начальным *s*- иногда может развиваться переходный согласный *-t-* (соответственно между *-ñ* и *s*- возникает *-k-*, что встречается совсем редко). Этот вариант сандхи является факультативным. Он хорошо засвидетельствован в АВ, например: *etānt sākḥin* < *etān + sākḥin* (АВ, V, 22, 11).

В пратишакхьях указывается, что *-n* перед начальным *l*- переходит в носовой латеральный сонант *-l*, что на письме, однако, не нашло отражения.

Конечный *-m* подвергается гораздо меньшим изменениям, чем *-n*. Перед начальным гласным следующего слова конечный губной носовой смычный остается без изменений, например: *tām u*, *īndram iva*, *apām agnēs*, *stōtam āvan*. Без изменений он остается также перед начальным смычным губным согласным, например: *vām mahās*, *grīvāyām baddhō*, *añkasām pāri*.

Перед начальным смычным согласным (в том числе и носовым) любого ряда, кроме губного, по предписаниям пратишакхий конечный *-m* должен давать гоморганный носовой. На практике же в изданных ведийских текстах, а также во многих рукописях гоморганный носовой заменяется на анусвару, например: *cakrām kūtsāya* вместо *cakrāñ kūtsāya*, *ṣatām cana* вместо *ṣatāñ cana* и т. д. Нередко анусварой заменяется также конечный *-m* и перед смычным своего ряда.

Конечный *-m* перед начальным спирантом и перед дрожащим плавным сонантом *r* всегда переходит в анусвару, например: *ūrjam svār*, *sarātham ṣavasas*, *vām hṛdī*, *vām rātham*. Этого типа сандхи на морфемном шве избегает только слово *samrāj-*.

Согласно пратишакхьям, конечный *-m* перед *y*, *l*, *v* ассимилируется, давая назализованные варианты этих звуков *ṽ*, *l̥*, *v̥*. Графически, однако, в этой позиции обычно бывает анусвара,

например: *sām yāt* (вместо *sāy yāt*), *imām logām* (вместо *imāl logām*), *tvām vṛtrān* (вместо *tvāṽ vṛtrān*).

Звук висарга *ḥ*, как было описано выше, представляет в абсолютном исходе *s*, *ṣ*, *r*. Сандхи, которым подвергается конечная висарга на стыке с гласным или согласным началом следующего слова, зависит от того, какой именно звук она этимологически представляет. Поэтому в данном случае целесообразно исходить не из формы слова в абсолютном конце, а из его этимологической формы.

В конце слова *r* сохраняется перед последующим гласным или звонким согласным, кроме *r*, например: *pūr asi*, *pūnar ékas*, *antār nadī*, *dhūr vṛṣṇas*, *svār janat*. Перед начальным *r*- следующего слова конечный *-r* выпадает (геминирование *r* в ведийском языке недопустимо), вызывая заменительную долготу, например: *antā ródasi* < *antār + ródasi*, *prātā rátnam* < *prātār + rátnam*.

Перед начальным глухим согласным *-r* в принципе переходит в *-ḥ*, например: *antāḥ kṛṣṇān* < *antār + kṛṣṇān*, *antāḥ sabardúghaḥ* < *antār + sabardúghaḥ*, *pūnaḥ-punar* < *pūnar + pūnar*. Наряду с этим действуют частные тенденции большей ассимиляции по отношению к согласным палатального и дентального рядов. Перед *c*- *-r* переходит в палатальный сибилант *ç*, а перед *t*- — в дентальный сибилант *s*-, например: *pūç ca* < *pūr + ca*, *svaç ca* < *svār + ca*, *gīs tribarhīsi* (1,181,8) < *gīr + tribarhīsi*.

Для сложных слов в целом действительны те же правила. Отклонения от них единичны, например: *dhūrśād*- 'находящийся у дышла' (с *-r* перед глухим согласным), *svārpati*- 'повелитель неба', *svārśā*- 'достигающий неба', *cātuspad*- 'четвероногий' (с церебральным спирантом вместо висарги).

Конечный *-s* отличается разнообразием рефлексов в сандхи, зависящих от последующего звука, а также от предшествующего гласного.

Конечный *-s* (которому может предшествовать любой гласный, кроме *a* или *ā*) перед любым последующим звонким звуком, кроме *r*, т. е. перед звонким согласным и перед гласным, переходит в *-r*. Вот некоторые примеры: *agnīr hótā* < *agnis + hótā*, *cákṣur bhāgasya* < *cákṣus + bhāgasya*, *devair dyāvāpṛthivī* < *devais + dyāvāpṛthivī*, *dyaūr ná* < *dyaús ná*, *yajñanīr asi* < *yajñanīs + asi*, *paribhūr asi* < *paribhūs + asi*, *barhīr ūpa* < *barhīs + ūpa*, *vayór iva* < *vayós + iva*. То же сандхи имеет место перед именной флексией, начинающейся с *bh*-, например: *hāvīrbhis* — 1. pl. от *havis*-, *vāpurbhis* от *vāpus*-.

Перед последующим *r*- конечный *-s* переходит в *-r*, который выпадает (во избежание геминации *r*), вызывая заменительную долготу предшествующего гласного, например: *agnī rakṣati* < *agnis + rakṣati*, *vāyū ráthe* < *vāyús + ráthe*.

Конечное сочетание *-as* перед звонким согласным и перед гласным дает *-o*. Это своеобразное сандхи (*praçrita-saṁdhi*)

не имеет достоверного объяснения. Ясно, что здесь происходит ассимиляция по звонкости, т. е. *-as* > **az*, при том что, как известно, *z* в ведийском языке не удерживалось ни в каком звуковом положении. Естественно было бы ожидать рефлекса **ar*, которого тем не менее нет. Приводилось сопоставление этого внешнего сандхи с редкими случаями внутреннего сандхи сходного типа, как *vódhave* от *vah-*. Высказывалось и иное предположение, состоящее в том, что вместо выпавшего **z* для сохранения просодической структуры слова вставлялся глайд *v*, сочетание которого с предшествующим *a* давало *o*.

Вот некоторые примеры. Перед звонким согласным: *çiro dā-sāsyā*, *rṣó brhād*, *rākṣo nī*, *kāro yātra*; перед любым гласным, кроме *a*: *yā éka id* < *yās + ékas + id*, *jāyamāna utā* < *jāyamānas + utā*, *rtasāpa āsūr* < *rtasāpas + āsūr*; перед *a*: *mandasāno 'vāsayaó 'pa* < *mandasānās + avasayās + āpa*; ср. *asṛjo āṅgira-svān* и др. с отсутствием абхинихита-сандхи.

Таким образом, конечный *-o*, возникший в результате сандхи, вступает в то же сандхи с начальным гласным следующего слова, что и исконный звук *o*, т. е. становится *-a* перед любым гласным¹¹, кроме *a*-, сохраняется перед *a*-, который в свою очередь может исчезать после *-o*.

Особый тип сандхи представляют собой формы N.sg.m. от указательного местоимения *tā-* (и *etā-*). Форма *sáh* (*eśáh*) в принципе встречается в абсолютном конце, форма *sá* (*eśá*) — перед согласным. Перед начальным гласным возможны варианты: *sá* (*eśá*) — форма не вступающая или вступающая в сандхи, и *só* (*eśó*). Вот некоторые примеры: *...áthā hi śáh*, *...ayám śáh*, *sá ghā*, *sá çakráh*, *sá máhyam*, *sāsmāi* < *sá + asmāi*, *séd* < *sá + id*, *sá ā*, *sá idhāno*, *só apām*, *só 'yām* < *só + ayām*.

Конечное сочетание *-ās* перед звонким согласным и перед любым гласным утрачивает *-s*, вследствие чего образуется зияние гласных, например: *dā harivo* < *dās + harivo*, *dādhānā mā* < *dādhānās + mā*, *amftā gātum* < *amftās + gātum*, *prāsūtā áyan* < *prāsūtās + áyan*, *sudinā ariprā urú* < *sudinās + ariprās + urú*, *divyā āpo* < *divyās + āpo*.

Конечный *-s* перед последующим глухим согласным в той или иной степени ассимилируется этим согласным. Рефлекс конечного *-s* в этом контексте определяется прежде всего начальным согласным следующего слова, отчасти — предшествующим *-s* гласным.

Перед начальным глухим смычным палатального или дентального ряда конечный *-s* бывает представлен соответствующим данному ряду фрикативным, т. е. сохраняется перед *t*, дает *ç* перед *c*, например: *yās tā*, *viçvās tād*, *nīs trñi*, *mānus tókma*; *drāviṇasaç cakānāh*, *jirāç cid*, *matibhiç ca*.

¹¹ Иной способ описания данного сандхи: конечное сочетание *as* перед любым гласным, кроме *a* утрачивает *s*, в результате чего образуется зияние гласных.

Это сандхи действует не безусловно. Если конечному -s предшествует один из гласных намин (т. е. любой гласный, кроме *a*, *ā*), то возможен переход $s > ṣ$, что влечет за собой церебрализацию начального *t* следующего слова. В РВ церебрализация в таком звуковом контексте происходит только при последующем слове — местоимении, например: *śúcīṣ tvām, prāsītīṣ te, vidūṣ te*. Церебрализация характерна для сложных слов, например: *duṣtāra-* 'труднопреодолимый', *duṣtāritu-* *id.*

Конечный -s перед начальными *k*-, *p*- дает различные рефлексy. После гласных *a*, *ā* -s может сохраняться или переходить в висаргу, например: *ācmaras pári* (II,1,1), *himāvatas pári* (AB, V,4,2), *çatīnas pātīḥ* (VIII,75,4), *sákhāyaḥ krátum, víçah prasnātīḥ*. После прочих гласных *s* может давать церебральный (редко в сочетаниях, всегда в сложных словах) или переходить в висаргу, например: *haviṣ kṛṇudhvam* (VIII,72,1), *dyauṣ pitā, dyauṣ prthivī, sthāḥ kūha*, но только *çociṣkeça-* 'пламенно vlasый', *duṣpád-* 'с плохими ногами'.

Конечный -s перед начальной группой согласных «смычный + фриктивный», переходит в висаргу (которая может иногда исчезать), например, *dyāvah kṣāmo, purvīḥ kṣapó, çatákratuḥ tsarat*.

Конечный -s перед начальным фриктивным может ассимилироваться или переходить в висаргу. Таким образом, допустимы сандхи: $-s + s > -s$ *s*-, $-s + s > -ḥ$ *s*;- $-s + ç > -ç$ *ç*-, $-s + ç > -ḥ$ *ç*-. В печатных изданиях ведийских текстов обычно во всех случаях дается висарга: *nāraḥ samayante, sūnúḥ çávasā*, хотя, по предписанию пратишакхий (и это явно более древнее сандхи), допустимо также *nāras samayante, sūnúç çávasā*.

Конечный *s*- перед группой согласных «сibilант + смычный» переходит в висаргу, которая имеет тенденцию исчезать, например: *srjāná stoṣi < srjānáḥ + stoṣi, ṣṣaya sthāviris < ṣṣayaḥ + sthāviris*.

Начальный *s*- может подвергаться церебрализации под влиянием конечных гласных намин предшествующего слова. Эта церебрализация факультативна в ведийском языке. Чаще всего она имеет место на границе наречия-префикса и глагольной формы, например: *vī śahāmahe* (*sah-*), *parī śthāḥ* (*sthā-*), *ádhi ṣvāni* (*svan-*), *ānti śád* (*sad-*). Нередко церебрализация распространяется на начальный *s*- частиц и односложных местоимений, например: *ū śú, abhī śim, u ṣyá, u ṣvid*; ср., однако, *kāti svit* (X,86,20). Колебания наблюдаются и в сложных словах, хотя там преобладает церебрализация начального *s*-, например: *triṣṭubh-* 'триштубх', *āyuṣák-* 'соединенный с жизненной силой', *gósāti-* 'добывание коров', но *gósakhi-/gósakhi-* 'обладатель коров'.

Начальный -*n* может стать церебральным под влиянием *r* в предшествующем слове. Условия церебрализации те же, что и у *s*-, т. е. она происходит преимущественно в глаголах под

воздействием наречия-префикса или в энклитиках и местоимениях, например: *pārā ṇaya* < *pārā* + *ṇaya*, *prā ṇah* < *prā* + *ṇah*, *praiṇān* < *prā* + *enān*, *svār ṇa* < *svār* + *na*. В сложных словах наблюдаются колебания, например: *purīṇāman* 'имеющий много имен', *āgrāṇiti* 'первое принесение', но *trinākā* 'третье небо'.

Начальный *ch-* после конечного гласного (безусловно после краткого гласного), по предписанию пратишакхий, должен геминироваться в произношении, что, однако, не обозначается на письме, например: *na cchidyate*, на письме — *na chidyate*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

Наиболее существенные чередования гласных в ведийском языке не обусловлены правилами сандхи. Это чередования в корне или в суффиксе, заданные морфологически и не зависящие от звукового окружения. Они лежат в основе ведийской морфологии и словообразования.

Различаются три ступени чередования гласных: 1) слабая, или нулевая; 2) гуна (*guṇa* букв. 'качество'), или поеная, средняя; 3) вриддхи (*vrddhi* букв. 'увеличение', 'наращение'), или долгая, усиленная. Каждому классу грамматических форм предписывается та или иная ступень чередования корневого гласного. Фонетический вариант данной ступени обусловлен звуковым окружением.

Исторически чередование гласных в корне зависело от перемещения ударения: полная ступень — под ударением, слабая ступень — без ударения, в предударной позиции¹². В ведийском языке это соотношение в значительной степени нарушено, в связи с чем перемещение ударения, с одной стороны, и чередование гласных — с другой, нередко независимы друг от друга.

Ниже приводятся схемы основных типов трехступенчатых чередований гласных (более частные типы отмечены особо).

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи

ī	e/ay	ai/āu
ī	o/av	ai/āv

¹² Именно с диахронической точки зрения европейская лингвистическая традиция берет за исходную полную ступень чередования гласного, находящегося под ударением, а слабую ступень рассматривает как производную, в которой перенос ударения вызывает ослабление гласного. Индийская лингвистическая традиция, последовательно придерживающаяся синхронных принципов описания, исходной считает слабую ступень, от которой производится ступень гуна и затем вриддхи. Ступень вриддхи, гораздо более редкая, чем гуна, является результатом особого развития в определенных классах грамматических форм.

<i>r</i>	<i>ar</i>	<i>ār</i>
<i>l</i>	<i>al</i>	(<i>āl</i>)
ноль	<i>a</i>	<i>ā</i>
<i>a/m</i>	<i>am</i>	<i>ām</i>
<i>a/n</i>	<i>an</i>	<i>ān</i>

Приведенные схемы требуют некоторых пояснений. В слабой ступени количественная характеристика гласных *i*, *u*, т. е. их долгота или краткость, является несущественной с точки зрения чередования. В ступени гуна варианты *e*, *o* выбираются перед последующим согласным, а варианты *au*, *av* — перед последующим гласным. В ступени вриддхи *ai*, *au* бывают перед согласным, *āu*, *āv* — перед гласным. Выбор вариантов определяется правилами сандхи¹³. Ступень вриддхи *āl* от латерального слогового сонанта *l* в ведийском языке не встречается.

Вот некоторые иллюстрации трехступенчатых чередований гласных. Слабая ступень иллюстрируется обычно причастиями совершенного вида, ступень гуна — большей частью формами презенса, корневого аориста, именами деятеля на *-tar*, ступень вриддхи — формами сигматического аориста, аор. pass., 3. sg. pf. act., формами каузатива.

Ряд *ī*: *nij-* 'мыть', *nik-tā-* —intens. *nē-nek-ti* — *ā-naik-ṣ-t-t*; *ṣri-* 'опираться', *ṣri-tā* — *ṣrāy-a-ti*, *ā-ṣre-t* — *ā-ṣrāy-i*, *ā-ṣrai-t*; *nī-* 'вести', *nī-tā* — *nāy-a-ti*, *ne-tār-* — *nī-nāy-a*, *naiṣ-ta*.

Ряд *ū*: *rudh-* 'препятствовать', *ruddhā-* (<*rudh* + *tā*-) — *ru-rodh-a* — *a-raut*; *stu-* 'восхвалять', *stu-tā* — *stó-ṣi* — *staut*; *sū-* 'оживлять', *sū-tā-* —intens. *so-ṣav-t-ti* — *sāv-t-s*.

Ряд *r*: *kṛṣ-* 'пахать', *kṛṣ-a-sva* — *karṣ-a* — имя существительное *kārṣ-man*; *bhr-* 'нести', *bhr-tā-* — *bhār-a-ti* — *a-bhār*. При этом надо отметить, что перед суффиксом пассива *-ya-* и в некоторых других структурно близких классах форм слабый звуковой вид от корней на *-r* бывает представлен *-ri-*, например: *kṛ-* 'делать' — *kri-yá-te*, *mṛ-* 'умирать' — *mri-ya-te*.

Ряд *l*: *klp-* 'соответствовать', pf. med. *cā-klp-re* — *kalp-a-sva*.

Ряд *a*: *ghas-* 'пожирать', 3 sg. inj. med. *gdha* (<*ghs* + *tā*), *ā-kṣ-an* (<*a* + *ghs* + *an*) — *ghās-a-t* — *ja-ghās-a*; *sac-* 'следовать', *sa-ṣc-ati* (<*sa-sc-ati*) — *sác-a-se* — p. нес. *sác-ya*.

Ряд *am*: *gam-* 'идти', *ga-tā-* — *gam-a-t* — *gām-aya*; *yam-* 'обуздывать', *ya-tā-* — *yām-a-ti* — *yām-aya*.

Ряд *an*: *tan-* 'тянуть', *ta-tā-* — *ā-tan* — *ta-tān-a*; *man-* 'думать', *ma-tā-* — *ā-man-mahi* — *mām-s-ta*.

¹³ Историческая симметричность системы нарушена тем, что в ступени вриддхи в дифтонгах *ai*, *au* слоговой элемент является кратким.

В рядах *-am*, *-an* в слабой ступени вариант *a* бывает перед согласным, а вариант *m* или *n* — перед гласным (однако после двух согласных — *am*, *an*), например: *tan-*, *ta-tñ-ire*; *gam-*, *ja-gm-āñá-*; *nām-an* 'имя', I.sg. *nām-n-ā*, но *varṣ-māñ-* 'высота', I.sg. *varṣ-māñ-ā*. Перед *m*, *y*, *v* вместо ожидаемой слабой ступени *a* имеют место *am*, *an*, например: *gam-*, *gan-ma*, *gāñ-vahi* (ср. *ga-tá-*); *han-* 'бить', 'убивать', *han-yá-te*.

В определенных морфологических позициях могут встречаться корни только в заданной ступени чередования (например, у причастий совершенного вида некаузативных глаголов всегда должна быть слабая ступень корня). В большинстве случаев этим позициям соответствуют рассмотренные выше схемы чередования. У ряда корней, однако, клетки трех морфологических позиций заполняются иным образом, что дает основания выделить некоторые особые типы чередований.

Слабой ступени *ī*, *ū*, *r* у некоторых глаголов могут соответствовать в ступенях гуна и вриддхи сочетания консонантной формы полугласного или сонанта с *a*, и разница между второй и третьей ступенью будет заключаться в количественной характеристике *a*. Этот тип чередований называется *сампрасара* (*samprasāraṇa* букв. 'распространение', 'растягивание'). Схемы чередования по типу сампрасарана можно представить следующим образом:

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
<i>ī</i>	<i>ya</i>	<i>yā</i>
<i>u</i>	<i>va</i>	<i>vā</i>
<i>r</i>	<i>ra</i>	<i>rā</i>
<i>ī</i>	<i>yā</i>	<i>yā</i>
<i>ū</i>	<i>vā</i>	<i>vā</i>

Вот некоторые примеры.

Ряд *i*: *yaj-* 'жертвовать', *iṣ-tá-* — *yáj-ati* — *a-yāt*; *div-* 'небо', 'день', A.sg. *div-am* — L.sg. *dyāv-i* — N.pl. *dyāv-as* (слово аномально, в его склонении используются и другие типы чередования).

Ряд *u*: *vac-* 'говорить', *uk-tá-* — *vi-vak-ti* — *u-vác-a*; *vas-* 'вспыхивать', *uṣ-tá-*, *u-chá-ti* — *a-vas-ran* — *u-vās-a*; парадигма склонения р.п.а.с. на — *vāms-*, например, *kṛ-* 'делать', I.sg. *ca-kṛ-ūs-ā* — V.sg. *cá-kṛ-vas* — A.sg. *ca-kṛ-vāms-am*.

Ряд *r*: *grabh-* 'хватать', *grbh-ī-tá-*, *a-grbh-ran* — *a-grabh-ī-t* — имя *grābhá*; *prach-* 'спрашивать', *prṣ-tá-* — *prāṣ-ṭum* — *á-prāt*.

Ряд *ī*: *jyā-* 'побеждать', *jī-tá-* — des. *jī-jyā-sa-ti*; *cyā-* 'каменеть', 'замерзать', *çī-tá-* — имя *çyá*; суффикс оптатива атематических глаголов, например: *aç-* 'достигать', *aç-ī-māhi* — *aç-yā-ma*.

Ряд *ū*: *svād-* 'сластить', *sú-ṣūd-a-ti* — *svādd-a-te*.

Отличие чередования типа сампрасарана от обычного чередования заключается кроме всего прочего и в том, что для сампрасараны долгота или краткость *i*, *u* в слабой ступени является существенной. При долгом гласном в слабой ступени чередование бывает двухступенчатым (нейтрализация различий между гуна и вриддхи).

Есть корни, которые допускают в своей парадигме чередования обоих типов (по типу сампрасарана у них обычно образуются отдельные формы), например: *dr̥ṣ-* 'видеть', *dr̥ṣ-tá*, *á-dr̥ṣ-ran* — *da-dár̥ṣ-a*, *dr̥áṣ-tum* — *a-dr̥āk-ṣ-i-t* (в брахманах); *sr̥j-* 'выпускать', *sr̥ṣ-tá*, *á-sr̥g-ran* — *ṣa-sar̥j-a* — *a-sr̥āk*; и др.

У небольшой группы корней, оканчивающихся на *-r̥* (в индийской традиции они условно обозначаются как корни на *-r̄*), слабая ступень в трехступенчатых чередованиях бывает представлена не как *r̥*, а как *īr* или *ūr*. Вот некоторые примеры: *kṛ-/kir-* 'воспевать', имя *kīr-ti* — intens. *car-kar-mi* — *á-kār-iṣ-am*; *tṛ-* 'пересекать', *tīr-ṇá*, *tūr-ya-* — *tár-a-ti* — *á-tār-ī-t*; *pṛ-* 'наполнять', *pūr-ṇá* — *pī-par-ti* — *pār-iṣ-at*.

Перед гласной *īr > ir*, *ūr > ur*, например: *kṛ-/kir-*, *kīrāti*; *tṛ-*, *tīrāti*; *pṛ-*, *pūpurantu*.

Корни с корневым гласным *-a-* очень редко имеют все три ступени чередования. С точки зрения нормативной грамматики, корни, у которых засвидетельствована нулевая ступень в заданной морфологической позиции, представляют собой исключения. Кроме упомянутых ранее *ghas-* и *sac-*, это очень употребительный корень *as-* 'быть', *s-ánti* — *ás-ti* — *āsa* (<*a + as + a*) и *bhas-* 'жевать', *ba-ps-ati* (<*ba + bhs + ati*) — *bhás-a-t*; *pat-* 'летать', 'падать', *pa-pt-ima*, *a-pa-pt-a-t* (но *pat-i-tá*) — *pát-a-ti* — *pāt-áya-ti*. Все остальные корни имеют в морфологических позициях, где должна быть слабая ступень, гласный *a*. Схема чередования у них следующая:

Слабая ступень — гуна	Вриддхи
<i>a</i>	<i>ā</i>

Приведем несколько примеров: *bha-j-* 'делить', *bhak-tá* — *bháj-a-ti* — *bhāj-aya-ti*; *mad-* 'опьянять(ся)', *mat-tá* — *mád-ati* — *mād-áya-ti*. Таким образом, для этих корней действительна схема чередования: гуна — гуна — вриддхи.

Корни, оканчивающиеся на *-ā* и подвергающиеся чередованию, имеют две ступени чередования: слабую и гуна—вриддхи. Схема чередования следующая:

Слабая ступень	Гуна—вриддхи
<i>i, ī</i>	<i>ā</i>

Простых правил распределения вариантов слабой ступени нет.

Вот некоторые примеры: *dhā-* 'класть', *hi-tá-*, *o-dhi-tá-* — *a-dhā-t*; *mā-* 'мерить', *mi-tá-*, *mi-tvā* — *mi-mā-ti*; *sthā-* 'стоять', *sthi-tá-* — *á-sthā-t*; *pā-* 'пить', *pī-tá-* — *pā-hi*; *hā-* 'уходить', *jī-hi-te* — *a-hā-s-ata*; *hā-* 'покидать', *hī-ná-* — *jā-hā-ti*; суффикс глаголов IX класса *-nā-j-nī-*, например: *bandh-* 'связывать', *badh-nā-mi* — *badh-nī-mās*.

Следует отметить, что у корней данного типа корневой гласный, представленный любой ступенью, выпадает перед окончанием, начинающимся с гласного (кроме *-am*, *-an*). То же происходит с гласным презентного суффикса *-nī-* и суффикса опатива *-yā-*, например: *hā-*, *jih-āte*, *jih-ate*, *jī-hi-te*; *rī-* 'выпускать', 'течь', *ri-nī-thās*, но *ri-ṇ-anti*.

Данный тип чередования встречается также у двух корней, в которых *ā* находится в интерконсонантной позиции: *çās-* 'обучать', 'наказывать', *çiṣ-ṭa-*, *çiṣ-a-t* — *çās-te*, *ça-çās-a* и *sādh-* 'достигать цели', *sīdh-yā-ti* — *sādh-a-ti* (*sādh-* и *sīdh-* нередко рассматривают как отдельные корни).

Некоторые корни на *-am*, *-aṇ* имеют в слабой звуковой ступени иной рефлекс, чем в основной схеме. Трехступенчатые чередования у этих корней осуществляются по следующей схеме:

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
<i>ām</i>	<i>am</i>	<i>ām</i>
<i>ā</i>	<i>an</i>	<i>ān</i>

Вот ряд примеров: *kram-* 'шагать', *krān-tá-* — *ā-kram-us* — *ca-krām-a*; *çram-* 'уставать', *çrān-tá-*, *çrām-ya-nti* — *çram-iṣ-ma* — *ça-çrām-a*; *jan-* 'рождать(ся)', *jā-tá-*, *jā-ya-te* — *ā-jan-iṣ-ṭa* — *ja-jān-a*; *van-* 'желать', *vā-ta-* — *vān-a-te* — *va-vān-a*. Таким образом, у этой группы корней на *-am* формально различаются две ступени, хотя формы с *-ām* могут интерпретироваться двояко, в зависимости от морфологической позиции.

В небольшой группе корней чередующиеся формы могут различаться одновременно двумя элементами (обычно двумя вариантами бывает представлена слабая ступень). Речь идет о корнях на *-ṭv/-yū-*: *dīv-* 'играть', *dyū-tá-*, *dīv-ya-ti* — *dī-dév-a*; *sīv-* 'шить', *syū-tá-*, *sīv-ya-ti*; именная основа *dīv-/dyū-* 'небо', 'день'; *dīv-am*, *dyūn* — *dyāv-i*, *dyó-s* — *dyāv-as*, *dyau-s*.

Понятие корня в ведийском языке образует совокупность его алломорфов. Теоретически каждый корень в зависимости от морфологической позиции может выступать в трех ступенях чередования. В тексте же в зависимости от звукового окружения эти алломорфы представлены, в соответствии с правилами сандхи, рядом аллофонов; например, *vah-* 'везти', слабая сту-

пень: *ūdhā-*, *ūhya* — гуна: *vāhati*, *vākṣi*, *vódhum* — вриддхи: *uvāha*, *āvākṣit*, *āvāt*; *su-* 'выжимать', 'слабая ступень: *sunóti*, *suṣvati*, *suṁvānā-*, *sūyāte* — гуна: *sótave* — вриддхи: *ásāvi*.

Условным обозначением корня, его словарной формой служит обычно один из его алломорфов. У чередующихся корней берется слабая ступень в рядах чередования *ī*, *ū*, ступень гуна — в рядах чередования *a*, *am*, *an*. В рядах же чередования *r*, *l* используется или слабая ступень (в индийской традиции), или ступень гуна (в европейской). Чередования типа *īr*, *ūr* — *ar* — *ār* (в индийской традиции) обозначаются особым символом $\bar{r}$, не совпадающим ни с одним из алломорфов, или (в европейской традиции) вариантами корня *-ar/-ir/-ur*. В ряде чередований *ā* — *ī* для обозначения корня выбирается алломорф с $\bar{a}$.

СТРУКТУРА КОРНЕЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Глагольные корни в ведийском языке бывают следующей структуры: V, CV, CCV, CCCV, VC, CVC, CCVC, VCC, CVCC, CCVCC, где символ V обозначает гласный, а символ C — согласный. Обязательной частью корня является V — гласный, представленный разными степенями чередования. Вот примеры разного типа корней: *u-*, *su-*, *stu-*, *styā-*, *ud-*, *rud-*, *ṣcut-*, *ubj-*, *jurv-*, *sphūrj-*.

Для характеристики структуры корня существенной представляется позиция после слогообразующего элемента. По этому признаку корни разделяются на два класса: 1) открытые, оканчивающиеся на V, и 2) закрытые, имеющие в исходе C.

У открытых корней V в принципе может быть долгим или кратким. При этом нет корней, которые оканчивались бы на $\bar{a}$. Нет также неизменяемых корней данной структуры, которые оканчивались бы на гласные дифтонгического происхождения или дифтонги, т. е. на *-e*, *-o*, *-ai*, *-au* (отдельные именные корни допускают такую структуру: *rai-* 'богатство', *nai-* 'лодка').

Открытый корень структуры V может быть представлен только кратким гласным (кроме $\bar{a}$). Есть корни *i-* 'идти', *u-* 'звать', *r-* 'приводить в движение', но нет корней $*\bar{a}$, $*\bar{i}$, $*\bar{u}$.

У корней структуры CV или CCV C (или один из C) может быть придыхательным только при $\bar{V}$, например: *dhā-*, *bhā-*, *dhi-*, *dhi-*, *bhi-* (но не $*dhi-$, $*bhi-$, $*dhu-$, $*bhu-$). У корней структуры CV, если C — придыхательный звук, то непременно звонкий. У корней структуры C¹C²V один из C может быть как звонким, так и глухим придыхательным. Здесь возможны две модели: 1) C¹ — придыхательный, C² — плавный сонант, глайд, носовой; например, *dhmā-*, *khyā-*, *bhri-*; 2) C¹ — s, C² — придыхательный, например, *sthā-*. У корней на *-r*, не различающих оппозиции по долготе — краткости, если C придыхательный, то звонкий. например, *dhr-*, *bhr-*, *dhvṛ-*.

У закрытых корней наиболее распространена модель C^1VC^2 : между C^1 и C^2 в этой модели существует определенное соотношение.

Если C^1 и C^2 являются смычными (включая аффрикаты) неносовыми согласными, то они обычно не принадлежат к одной варге (однако *tud-* 'толкать', *dudh-* 'сотрясать' — последний, видимо, результат редупликации), т. е. не бывает **kag-*, **pabh-* и пр. Вследствие этого $C^1 \neq C^2$, и это правило распространяется также на смычные носовые: нет корней **nan-* и **tam-*. Сочетание же носового и неносового согласного одной варги допустимо, например: *tan-*, *bhām-*.

Это правило не распространяется на непрерывные согласные, в связи с чем допустимы корни *sad-*, *śuc-*, *sas-*.

Закономерности соотношения C^1 и C^2 в корнях типа C^1VC^2 действительны для всех структур корней, где есть предвокальные и поствокальные согласные, т. е. для CCVC, CVCC и CCVC, т. е. возможен корень типа *cand-*, не невозможен типа **cañj-*. Исключениями из этого правила являются несистемные элементы: звукоподражания и заимствования.

В корнях типа C^1VC^2 , когда C^1 и C^2 представлены неносовыми смычными (и аффрикатами), при C^1 звонком C^2 не может быть глухим. В результате возможны следующие типы соотношений C^1 и C^2 : 1) C^1 — глухой, C^2 — глухой, например, *tap-*; 2) C^1 — глухой, C^2 — звонкий, например, *pad-*; 3) C^1 — звонкий, C^2 — звонкий, например, *bhāj-*, но корень типа **dap-* недопустим.

В корне любой структуры не может быть двух придыхательных согласных, т. е. возможны *bhāj-* и *jabh-*, но не **bhājh-*.

В корнях типа CVC при одном Ch для другого C действительны все ограничения, вызванные звонким придыхательным согласным.

При наличии более чем двух согласных в корне действует тенденция центростремительной sonorности. Ближе к вокалическому центру корня, к гласному, находятся сонорные согласные, маргинальное положение занимают шумные, например: *śvañc-*, *granth-*, *syand-*.

По степени участия в чередовании гласных корни делятся на полноизменяемые, неполноизменяемые и неизменяемые. Полноизменяемые корни способны выступать в трех ступенях чередования: слабой ступени — гуна — вриддхи в зависимости от морфологической позиции (примеры см. на с. 123). Иногда какая-либо ступень у полноизменяемого корня в ведийском языке не засвидетельствована (обычно вриддхи), так как не встречаются соответствующие грамматические формы или словообразовательные типы.

Неполноизменяемые корни различают две ступени чередования. Обычно у них нейтрализовано различие между слабой ступенью и гуна. К этому типу принадлежат большей частью

корни с интерконсонантным *-a-* (кроме тех, которые чередуются по типу сампрасарана), например: *çak-* 'мочь', *çak-nô-ti*, *çag-dhi* — *ça-çāk-a*; *yat-* 'соединять', *yat-ta-*, *yāt-a-ti* — *yāt-āya-ti*; *svan-* 'звучать', *svan-i-ta-*, *a-svan-i-t* — *svān-i-t*. Гораздо реже встречаются неполноизменяемые корни, у которых нейтрализовано различие между ступенями гуна и вриддхи, и противопоставляется слабая ступень ступени гуна — вриддхи, например: *añj-* 'мазать', *aj-yá-te*, *ak-tá-* — *añj-as-*; *vañc-* 'двигаться согнувшись', *vac-yá-te* — *vāñc-a-ti*. (Формы морфологической позиции, в которой следует ожидать ступень вриддхи, засвидетельствованы от этих глаголов в более поздних памятниках. Корень в них имеет ступень гуна: *pf. ān-añj-a*, *caus. añj-āya-ti*; *vañc-āya-ti*.)

У неизменяемых корней нейтрализовано различие между всеми тремя ступенями чередования. Реально представленная форма корня, функционирующая во всех трех морфологических позициях, может совпадать со слабой ступенью, например: *iñg-* 'шевелить', 'колебать', *iñg-āya-ti*; *ir-* 'приводить в движение', *ir-te*, *ir-āya-ti*; *hims-* 'вредить', *hims-anti*, *hims-i-t*; со ступенью гуна, например: *rakṣ-* 'защищать', *rakṣ-i-tá*, *rākṣ-a-ti*, *ra-rākṣ-a*; *med-* 'жиреть', *méd-ya-ntu*, *med-āya-tha* (абстрагирование корня в форме *mid-* неточно, так как слабая ступень от него нигде не засвидетельствована); со ступенью вриддхи, например: *khyā-* 'видеть', *khyā-tá*, *khyā-ti*, *khyā-paya-ti* (в брахманах); *yāc-* 'просить', *yāc-i-tá*, *yāc-a-ti*.

Неполноизменяемость и неизменяемость корней удобно рассматривать как разные ступени редукции полноизменяемости.

По типу соединения корня с флексией или с суффиксом различают два основных класса корней, называемых по индийской традиции *set* (*seṭ < sa + iṭ 'с i'*, где *iṭ* — условное обозначение соединительного гласного *i*) и *anit* (*aniṭ < an + iṭ 'без i'*). Соединительный гласный у корней *set* употребляется между корнем и аффиксом, начинающимся с согласных *s-* и *t-*, если корень в данной форме не оканчивается на *-ā* или на гласный слабой звуковой ступени. Диагностическими в отношении различения корней *set* и *anit* формами являются (при соблюдении указанных условий) причастия на *-tá*, *-tavya-*, *-tva-*, абсолютивы на *-tvī*, *-tvā*, имена деятеля на *-tar-*, формы аориста на *-s* и футурума на *-syá-*, дезидеративы на *-sa-*. Остальные случаи, когда аффикс начинается с согласного, не содержат информации относительно принадлежности корня к классу *set* или *anit*.

Вот некоторые примеры корней *set*: *pat-* 'летать', 'падать', *pat-i-tá*, *pat-i-tvā*, *pat-i-ṣyá-ti*, *pi-pat-i-ṣa-ti*; *san-* 'достигать', *sán-i-tar-*, *sán-i-tva-*, *san-i-ṣyá-ti* (формы *sā-ta-*, *sí-ṣā-sa-ti* не показательны); *bhū-* 'быть', *bhāv-i-tva-* (с долгим соединительным гласным), *bhav-i-ṣyá-ti*.

В глаголе *grabh-* 'хватать' соединительный гласный долгий: *grbh-ī-tā*, *grbh-ī-tvā*, *a-grabh-ī-ṣ-us*.

Примеры корней анит: *pad-* 'идти', *panná-*, *pát-tave*, *a-pat-s-i*; *yuj-* 'запрягать', *yuk-tā*, *yuk-tvā*, *a-yuk-ṣ-ata*; *su-* 'выжимать', *só-tva*, *só-tave*, *so-tar-*.

Результатом контаминации этих двух основных классов корней является третий, смешанный класс, в котором соединительный гласный факультативен для некоторых форм или в одних формах он встречается, в других — нет. Например, у глагола *jan-* 'рождать', с такими хорошо засвидетельствованными формами класса сет, как *á-jan-iṣ-ṭa*, *jan-iṣya-te*, у причастий на *-tva-* встречаются варианты *ján-i-tva-|ján-tva-*. Другой случай — *man-* 'думать', формы анит *mán-tavai*, *a-man-s-ata*, форма сет — *man-i-ṣye*.

Как известно, к классу сет тяготеют неполноизменяемые и неизменяемые корни, хотя в принципе эти две классификации независимы друг от друга. Все производные корни (например, «корни» каузативов и вообще корни, извлеченные из презентных основ) образуют формы по классу сет.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Слово в ведийском языке обладает большой самостоятельностью, что обусловлено, во-первых, весьма однозначным характером флексии, позволяющей определить на синтаксическом уровне наличие именно данной связи, и, во-вторых, прозрачностью морфологической структуры основы, помогающей изнутри установить внутреннюю форму слова. Если обозначить префикс символом Pr, суффикс — Sf, корень — R, то максимальная модель слова будет выглядеть следующим образом: $Pr + \dots + Pr + R + \dots + R + Sf + \dots + Sf$.

Каждый из составных элементов этой модели может повторяться более чем один раз, т. е. $Pr \rightarrow Pr_1 + Pr_2 + Pr_3 \dots$, $R \rightarrow R_1 + R_2 + R_3 \dots$, $Sf \rightarrow Sf_1 + Sf_2 + Sf_3 \dots$. Практически же при реализации максимальной модели в ведийском языке число префиксов, как правило, не превышает трех: сочетание двух префиксов при одном глагольном корне встречается часто, трех — исключительно редко (в РВ ни разу и всего два примера из АВ). Число корней в одном слове в ведийском поэтическом языке также реально никогда не превышает трех: нормой при развертывании являются два корня. Это встречается в редуцированных формах глагола и в произведенных от них именах, а также в подавляющем большинстве сложных слов. Разница заключается в том, что при редукации корень по определенным правилам развертывается сам в себя, в то время как в сложных словах обычно происходит развертывание в один из элементов практически открытого класса корней.

Тремя элементами класс корней может быть изредка представлен в ведийском поэтическом языке только в составе сложных слов. Число суффиксов в одном слове реально не превышает трех, при этом три суффикса встречаются весьма нечасто — нормой при развертывании и здесь является последовательность из двух элементов.

Класс префиксов здесь рассматриваться не будет на том основании, что глагольные префиксы в ведийском языке не яв-

ляются неотъемлемой частью слова. Они могут употребляться отдельно от той личной глагольной формы, с которой связаны семантически (прежде всего в самостоятельном или в главном предложении, где они несут на себе ударение при безударной личной форме глагола); в самхитах после РВ самостоятельность префиксов постепенно уменьшается. Некоторая часть этих глагольных префиксов-наречий одновременно выступает в функции именных послелогов. По этой причине глагольные префиксы в ведийском языке моделируются двумя уровнями описания: словообразовательным и синтаксическим (в настоящей грамматике отдано предпочтение последнему). Употребляясь в качестве именных префиксов, те же самые элементы образуют первый член сложных слов (точнее «ложных» сложных слов) определенных типов, в связи с чем они описываются в разделе о сложных словах.

Класс корней, развертывающийся в последовательность из двух элементов в составе одного слова, образует или редуцированные глагольные основы, выражающие определенное грамматическое или лексико-грамматическое значение (эти основы описываются на морфологическом уровне), или же сложные слова (в этом случае данный класс может быть представлен собственно корнем, основой или грамматической формой), которые описываются особо.

Класс суффиксов будет здесь рассматриваться прежде всего в связи с именным словообразованием, а также образованием наречий, т. е. в связи с теми классами слов, где суффиксы имеют деривационное значение. При образовании глагольных основ они имеют грамматическое или лексико-грамматическое значение и поэтому описываются на морфологическом уровне.

Класс суффиксов теснейшим образом соотнесен с классом корней (между корнями и префиксами тесной связи нет). Диахронически некоторые суффиксы становятся составной частью корня (переразложение основы в пользу корня). Синхронически присоединение того или иного суффикса к корню автоматически требует определенной ступени корневого гласного.

Именное словообразование в ведийском языке осуществляется с помощью суффиксации, чередования гласных и изменения места ударения. В реальных словообразовательных типах большей частью эти способы сочетаются.

Диахронически высший уровень в иерархии принадлежал ударению. Изменение места ударения в слове было необходимым и достаточным для образования нового деривационного значения, например: *ápas*-п. 'деятельность' — *apás*- 'деятельный', *sádman*-п. 'сиденье' — *sadmán*- 'восседающий', *çāka*-т. 'сила' — *çāká*- 'сильный' и др. Место ударения в слове определяло его принадлежность к тому или иному семантическому классу, грамматический род слова, ступень чередования корневого гласного.

Словообразовательный тип, в основе которого лежит противопоставление деривационных значений, регулируемое только изменением места ударения, засвидетельствован в ведийском языке не столь большой группой слов. Ударению на корне соответствует значение имени действия, ударению на суффиксе — значение имени деятеля, субстантивного или адъективного. Четкость этой оппозиции во всей системе словообразования нарушается многочисленными случаями фонетического регулирования места ударения (ударение на корне, если корневой гласный в полной ступени, на суффиксе, если корневой гласный в слабой ступени). Она нарушается также морфологическими причинами, а именно структурой основы: в основах с префиксами ударение в определенных словообразовательных типах падает на префикс, а в редуцированных основах — обычно на слог удвоения (особенно при интенсивном удвоении). Несмотря на все эти противоречивые тенденции, место ударения служит существенным критерием для различения типов словообразования в ведийском языке.

Прежде чем перейти к описанию класса суффиксов, следует отграничить его от единиц, не принадлежащих к нему. Во-первых, речь идет о согласном элементе *-t-*, который является распространителем корней, оканчивающихся на краткий гласный *-i-*, *-u-*, *-r-*. К таким корням *-t-* присоединяется в абсолютном исходе и перед некоторыми суффиксами (*-ua-*, *-ui-*, *-uā-*, *-van-*). Во-вторых, имеется в виду так называемый соединительный гласный *-i-*, вставляющийся между корнями определенной структуры («тяжелые корни», описываемые на морфологическом уровне) и суффиксами, начинающимися с *t-* и *s-*. При описании конкретных форм, порожденных различными словообразовательными моделями, эти элементы можно описывать или в составе корня, или в составе суффикса, притом что правила комбинации вариантов корня или суффикса задаются на морфологическом уровне.

Класс суффиксов при синхронном описании удобно разделять в соответствии с индийской грамматической традицией на первичные (*krt*) и вторичные (*taddhita*). Первичные суффиксы — это те, которые непосредственно присоединяются к глагольному корню, а вторичные — те, которые присоединяются к основе. Индийские ученые исходили из того, что всякий корень является глагольным. Поскольку реальное число именных корней в древнеиндийском языке совсем невелико (например: *gō-* 'корова', 'бык'; *dvār-* 'дверь'; *navi-* 'лодка'; *nār-* 'мужчина', 'человек'; *hṛd-* 'сердце' и некоторые другие), из системных соображений ими можно пренебречь.

Удобное разделение суффиксов на первичные и вторичные по существу весьма условно, так как любой глагольный корень ведийского языка (если не практически, то во всяком случае теоретически) может функционировать в качестве имени. В ве-

ведийском языке эти корневые имена довольно многочисленны, хотя и не продуктивны (в дальнейшем они постепенно выходят из употребления). Описание их в рамках двухчастной модели суффиксов требует введения нулевого первичного суффикса. Кроме того, следует отметить, что ряд суффиксов употребляет-ся одновременно и как первичные, и как вторичные.

К первичным суффиксам относятся морфемы двух родов: основообразующие элементы и собственно суффиксы. Последние имеют самостоятельное деривационное значение, а первые его лишены и представляют собой чисто формальные единицы. Основообразующие элементы теснее спаяны с корнем: без них корень часто вообще не может существовать. Число основообразующих элементов очень невелико: $\#$, *-a-*, *-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ū-*, *-ar-*, *-an-*, *-as-*. Все остальные члены этого класса принадлежат к суффиксам.

Не во всех случаях это деление является безусловным. У основ на долгие гласные *-ā-* и *-ī-* характер конечного элемента основы можно установить только из общей системы противопоставлений. Так, в *çālā-* 'хижина' конечный *-lā-* — основообразующий элемент, а в *priyā-* 'приятная', 'возлюбленная' — вторичный суффикс женского рода; поскольку существует *priyā-* 'приятный' мужского рода ср. также основообразующий элемент *-ī-* в *çamī-* 'Mimosa Suma' с суффиксом женского рода *-ī-* в *devī* 'богиня', поскольку имеется *devā-* 'бог'.

ПЕРВИЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Суффикс $\#$ образует характерный для ведийского языка тип именных основ, или корневые имена. При всей многочисленности имен этого типа в ведах его непродуктивность очевидна. Бóльшая часть корневых имен засвидетельствована в качестве последнего элемента сложных слов, а не в самостоятельном употреблении. Многие самостоятельные корневые основы представлены лишь отдельными падежными формами и не имеют полной парадигмы. Корневые основы переходят в другие типы основ, прежде всего в тематические (этот процесс начинается с РВ, усиливаясь в ее поздних мандалах), например: *mās-/māsa-* 'месяц', *nār-/nāra-* 'мужчина', 'муж', *tān-/tāna-/tānaya-/tānas-* 'потомство', *rāj-/rājan-* 'царь', *kṣāp-/kṣapa-* 'ночь' и др.

Корневой гласный в этих основах обычно бывает представлен слабой ступенью, например: *diç-* 'сторона света'; *úṣ-* 'утренняя заря'; *gir-* 'голос', 'песнь'; *ṛç-* 'гимн', *dhi-* 'мысль', 'молитва'; *bhū-* 'вселенная' и др.

Небольшая группа основ имеет долгую ступень корневого гласного: *vāc-* 'речь', *bhrāj-* 'блеск', *rāj-* 'царь', *mād-*, напри-

мер, в *sadhamād-* 'пирующий вместе' и некоторые другие. У корней на *-ā-* долгий гласный в этих основах обычно сохраняется, например: *dā-* 'даятель', *jā-* 'рожденный', 'ребенок'; чаще же в основах с префиксами, например: *prajā-* 'потомство', 'народ', *pramā-* 'мера', *pratiṣṭhā-* 'устойчивое место' и др. У некоторых корней на *-ā-* засвидетельствована, однако, слабая ступень, например, от корня *dhā-* 'класть': *nidhi-* 'сокровище', *paridhi* 'ограда' и др.

Ступень гуна засвидетельствована в небольшой группе корней, оканчивающихся на носовой согласный. Обычно это *-n-*, например: *hān-* 'убийца', *rān-* 'наслаждение', *sān-* 'шумящий' и др. Из корней на *-m* этот тип основ встречается у *dām-* 'дом' и *śām-* 'благо'. Корень *yaj-* 'жертвовать' представлен двумя вариантами: ступенью гуна с самprasарана в *suāj-* 'прекрасно жертвующий' и др. и слабой ступенью в *ṛvāj-* 'разряд жрецов'. К ступени гуна условно приравниваются и корни с интерконсонантным или предконсонантным *-a-*, например: *spāc-* 'соглядатай', *upasād-* 'прислуживание', *āp-* 'воды' и др. В сильных формах основ этой структуры возможно ритмическое удлинение корневого гласного.

Корневые имена могут употребляться как *пот. act.* и как *пот. ag.* В первом значении они бывают женского рода, во втором — мужского рода или прилагательными. Непосредственная связь с действием наиболее ярко выражена у инфинитивов — корневых основ в разных падежах, например: *dṛcē* '[чтобы] видеть' (D.), *pratidhām* 'вложить' (A.), *avapādas* 'падать' (Abl.) и др. Более абстрагировано от глагольного корня значение собственно имен существительных, например, женского рода: *kṣūdh-* 'голод', *dāc-* 'почитание', *ūpastut-* 'призыв', *prayā-* 'продвижение', *vimūc-* 'распрягание', 'освобождение' и др.

Диапазон значений этих корневых имен женского рода очень широк: они могут обозначать не только действие, но и его результат — вплоть до названий конкретных предметов, например: *śrī-* 'блеск', 'красота', 'счастье', 'богатство', 'украшение', 'драгоценность'; *samdṛc-* 'разглядывание', 'вид', 'видимая форма' и др.

У некоторых корневых основ, объединяющих значения *пот. act.* и *пот. ag.*, последнее является производным, о чем свидетельствует сохранение женского рода при значении имени деятеля (в отдельных случаях возможен и переход в мужской род), например: *riṣ. f.* 'вред', 'тот, кто вредит'; *paribādh. f.* 'препятствие', 'тот, кто препятствует'; *bhūj. f.* 'наслаждение', 'тот, кто наслаждается' и др.

Значение *пот. ag.* реализуется в двух вариантах: субстантивном, при котором основа бывает мужского рода, и адъективном; нередко оба эти варианта значения встречаются у одной и той же основы. Вот некоторые примеры: *ārc-* 'сверкающий'; *sāh-* 'победный'; *vibhū-* 'выдающийся', 'сильный', *m.пот.*

рг. класса богов; *yúj-* 'запряженный', 'сопряженный', м. 'упряжное животное, запряженное вместе с другим', 'товарищ'; и др.

Некоторые корневые имена сочетают значения пот. аст. и пот. аг. и в соответствии со значением имеют то женский род, то мужской, или же функционируют в качестве прилагательного, например: *jā-* adj. 'рожденный', м.ф. 'ребенок', ф. 'создание', 'существование'; *túj-* adj. 'ярый', 'неистовый', ф. 'неистовство'; *víp-* adj. 'возбужденный', 'вдохновенный', м. 'вдохновенный жрец', ф. 'песнь'; *vfdh-* adj. 'подкрепляющий', ф. 'подкрепление' и др.

Очень немногочисленные корневые основы среднего рода имеют относительно единообразную структуру. Они оканчиваются на согласный (-s-, -r-, -m-, -d-), которому чаще всего предшествует долгий гласный или гласный ступени гуна, например: *ās-* 'рот', *bhās-* 'свет', *mās-* 'мясо', *dós-* 'рука', *yós-* 'счастье', *súar-/sār-* 'свет', 'солнце', 'небо', *vār-* 'вода', 'влага', *śám-* 'благо' и со слабой ступенью корневого гласного *hfd-* 'сердце'. Им не свойственно адъективное значение, а также значение пот. аст. Эти имена среднего рода представляют собой названия конкретных предметов (среди них частей тела) или статичных абстрактных понятий.

Именно в этих основах среднего рода, а также в корневых основах, не связанных с глагольными корнями (отчасти они пересекаются), встречается больше всего формальных аномалий. Например, корень оканчивается на гласный в ступени вриддхи как в *rai-* 'богатство', *nai-* 'лодка' или на гласный в ступени гуна, как *gó-* 'корова', 'бык'; имеет неизменяемый интерконсонантный гласный гуна, как *dós-* 'рука' и *yós-* 'счастье'; имеет дефектную парадигму, как *śám-* 'благо' и *yós-*, фактически перешедшие в класс междометий, и т. п. Большинство этих архаичных основ в дальнейшем или переходят в другой тип основ, или выходят из употребления.

В небольшой группе корневых основ имеет место удвоение корня, интенсивное, например: *jógū-* 'громко поющий', *pranē-* 'всегда ведущий вперед', и др., или неинтенсивное, например: *diduy-/didiut-* 'выстрел', *juhū-* 'жертвенная ложка'.

Суффикс -a-, или тематический гласный, образует в ведийском языке самый многочисленный и продуктивный тип основ. Именно в этот тип постепенно переходят отдельные корневые основы, а в дальнейшем также различные основы на согласные. В силу разращенности и неоднородности этого типа формальные закономерности, определявшие его структуру, в значительной степени стерлись, и при синхронном описании трудно дать правила, которые моделировали бы весь материал.

Основы на -a- имеют существительные и прилагательные мужского и среднего рода, обладающие самым широким кругом значений. Основы среднего рода встречаются гораздо реже, чем основы мужского рода.

Тематический гласный *-a-* присоединяется к глагольному корню, гласный которого представлен чаще всего ступенью гуна, значительно реже — ступенью вриддхи и в небольшой части случаев — слабой ступенью. Ступень корневого гласного и место ударения регулируются грамматической семантикой основы (nom.act. — nom.ag./adj.), ее фонетической структурой и морфологическим составом основы (наличием или отсутствием префикса).

Большая часть тематических основ имеет корневой гласный в ступени гуна. В целом у ряда основ без префикса прослеживается тенденция к постановке ударения на корень в nom. act. и на тематический гласный в nom. ag. Имена действия бывают преимущественно мужского рода. Вот некоторые примеры. Имена действия: *vēda-* 'знание', *sēka-* 'выливание', *poṣa-* 'процветание', *yōga-* 'запирание', *jāra-* 'изнашивание', *māda-* 'воодушевление', *tāra-* 'переправление', *rāṇa-* 'удовольствие', *ṣrāma-* п. 'напряжение'; имена деятеля/прилагательные: *devā-* 'божественный', 'бог', *tveṣā-* 'стремительный', *plavā-* 'челнок', 'лодка', *bhojā-* 'щедрый', *karā-* 'делающий', 'рука', *ṣarā-* 'стрела', *andhā-* 'слепой', *bhaṅgā-* 'проламыватель', *ajā-* 'гонитель' и др.

В ряде слов, однако, такого соответствия между значением и местом ударения не наблюдается, и nom. act. могут иметь ударение на тематическом гласном, а nom. ag. — на корневом, например: *bhaya-* п. 'страх', *yakṣa-* п. 'преследование', *svarā-* 'шум', или *mōgha-* 'тщетный', *vēpa-* 'вдохновенный', *ṣēpa-* 'хвост' и др.

Небольшая группа слов образует минимальные пары в соответствии с местом ударения, причем на первоначальные различия значений nom.ag. — nom.act. иногда могут наслаиваться лексические различия, например: *cōda-* 'стрекало', 'кнул' ('инструмент для погоняния') — *codā-* 'вдохновенный', 'тот, кто погоняет'; *yāma-* 'узда', 'управление' — *yamā-* 'связанный', 'близнец'; *vāra-* 'желание' — *varā-* 'желанный', 'жених', 'сват' и некоторые другие.

У некоторых основ этой структуры встречаются по два акцентных варианта при одном значении или при совпадении основных значений, например: *ārdha-* м. 'половина', 'область' — *ardhā-* 'другой', м. 'половина'.

Наконец, у именных основ, не связанных с глагольным корнем, такого соответствия между значением и местом ударения быть не может. Вот некоторые примеры: *ācva-* 'конь', *nakhā-* м.п. 'ноготь', *rātha-* 'колесница', *ṣaphā* 'копыто' и др.

В сочетании с префиксом данный тип основ имеет обычно ударение на тематическом гласном, например: *apakamā-* 'отвращение' (ср. *kāma-*), *pratijanā-* 'противник' (ср. *jāna-* 'человек'), *saṅgamā-* 'битва', 'сходка' и др.

Долгую ступень корневого гласного в тематических основах

имеют корни определенной структуры: это корни — открытые слоги, или корни, имеющие *-a-* перед согласным (включая носовые). Нередко удлинение гласного в корнях этой структуры носит позиционный характер и обусловлено ритмом словосочетания. Соотнесение значения *pot. act.* — *pot. ag.* и места ударения прослеживается в немногих случаях, например: *kāma-* 'желание' — *kāmá-* 'желающий', *çāsa-* 'приказ' — *çasá-* 'тот, кто приказывает', 'повелитель', поскольку существует ярко выраженная тенденция ставить ударение на тематическом гласном независимо от значения, например: *pot. act. tyāgá-* 'отречение', *bhārā-* 'груз', 'ноша', *vāsá-* 'жилье', *savá-* 'выжимание сомы', наряду с *pot. ag. jārā-* 'любовник', *pāyá-* 'вождь' и др.

Тематические основы со слабой ступенью корневого гласного в подавляющем большинстве случаев имеют ударение на суффиксе. Они бывают в большинстве своем или именами действия, или прилагательными, не связанными с глагольным корнем. Отглагольные имена такой структуры довольно часто имеют основу глагола 6-го класса (см. раздел «Глагол», с. 318), например: *tuñjá-* 'напор' (ср. *tuj-*, *tuñjāti*), *turá-* 'быстрый' (ср. *tur-*, *turāti*) и др. или 1-го класса (см. с. 317), например: *kriḍá-* 'прыгающий', 'танцующий' (ср. *kriḍ-*, *kriḍati*), *jīvá-* 'живой' (ср. *jīv-*, *jīvati*) и др. Они в основном употребляются в качестве второго члена сложного слова и по значению близки к причастиям.

Следует отметить, что продуктивный класс тематических основ включает целый ряд глагольных основ различной структуры, встречающихся в составе сложных слов, но иногда и самостоятельно. Чаше это бывают основы презенса разной структуры. Например, со слабой ступенью корневого гласного, кроме указанных выше, сюда следует еще отнести основы с носовым элементом: *hinvá-* 'побуждающий' (*hi-*, 3 pl. *hinvānti*), *asuvá-* 'не выжимающий [сому]' (*su-*, 3 pl. *sunvānti*), *viçva-jinvá-* 'все оживляющий' (*jinv-*, 3 sg. *jinvati*), *iná-* 'деятельный', 'сильный' (хотя от *inv-* засвидетельствованы презенсы *inóti*, *invati*, но не **ināti*) и др.; с суффиксом *-yá-*, как *akṣudhyá-* 'не голодный' (*kṣudh-*, *kṣudhyati*), *atṛṣyá-* 'не испытывающий жажды' (*tṛṣ-*, *tṛṣyati*) и др.; с суффиксом *-āya-*, как *kūpa-ya-* 'шевелиющийся' или со ступенью гуна *tāna-ya-* 'потомство'. Со ступенью гуна корневого гласного употребляется целый ряд имен, имеющих основу глаголов 1-го класса, как *móda-* 'радость' (*mud-*, *módati*), *çardha-* 'сильный', 'предводитель' (*çardh-*, *çardhati*), *jāna-* 'род' (*jan-*, *jānati*) и др., при этом конечному палатальному глагольному корню соответствует веллярный согласный именной основы, например: *arká-* 'сияние', 'песнь' (*arc-*, *ārcati*), *bhóga-* 'наслаждение' (*bhuj-*, *bhójate* 'наслаждаться') и др. Единичные имена имеют основу аориста: *jeṣá-* 'достижение', 'приобретение', *néṣa-* 'ведущий'.

Группа тематических имен со слабой ступенью корневого

гласного вообще не связана с глагольным корнем. Основы этого типа не характеризуются ни единой структурой, ни единой семантикой. Вот некоторые примеры: *nīdā-* 'место отдыха', 'гнездо', *bīja-* п. 'семя', *mūkha-* п. 'рот', 'лицо', *mṛgá-* 'дикий зверь', *vṛka-* 'волк' и др.

Некоторые имена, формально принадлежащие к данному типу, являются просто тематическим распространением корневых основ, например: в сложных словах *oyujá/oyúj-* 'запрягающий', *hán/ghná-* 'убивающий' и др., и таким образом *-a* здесь вторичного происхождения.

Тематический гласный встречается также у группы основ с удвоением интенсивного типа со значением пот. аг., например: *vevijá-* 'спешащий', *ādardirá-* 'раздробляющий', *sarīsrpá-* 'ползущий' и др.

Суффикс *-ā-* образует имена женского рода (существительные и прилагательные) от имен мужского рода, т. е. вторичная функция. Как первичный суффикс *-ā-* встречается в небольшом количестве слов. Среди них наиболее компактную группу составляют слова со значением пот. аст. и ударением на суффиксе производного спряжения глагола, а именно от деизидеративных и — реже — отыменных основ, например: *jigīśā-* 'желание победить', *bhikṣā-* 'выпрашивание', 'нищенствование' (ср. *māmsabhikṣā-* 'выпрашивание мяса'), *ācīkṣā-* 'желание учиться' и др.; *apasyā-* 'деятельность' (*apasy-* 'быть деятельным'), *duvoṃyā-* 'почитание' (ср. *duvasy-* 'почитать'), *sumnaya-* 'благочестивость' (*sumnay-* 'быть благочестивым') и др.

За пределами этой группы первичный суффикс *-ā-* встречается редко. Вот некоторые примеры: *kūbhā-* — пот. рг. притока Инда, *gāṅgā-* — Ганг, *śākhā-* 'ветвь', *sabhā-* 'собрание' и др.

Некоторые основы на *-ā-* являются формальным распространением корневых основ, например: *idā-/īd-* 'жертвенные возлияния', *tānā-/tān-* 'потомство', *vān-/vāna-/vānā-* 'дерево' и др.

Суффикс *-ana-* служит для образования многочисленных имен существительных мужского и среднего рода, а также прилагательных от глагольного корня в ступени гуна с ударением на корневом гласном. Степень вриддхи встречается у очень ограниченного числа корней, слабая степень несколько чаще (в них же имеют место и наибольшие акцентные отклонения).

Суффикс *-ana-* выражает значения обоих больших семантических классов, связанных с глагольным корнем: имена действия среднего и мужского рода и имена деятеля мужского рода или прилагательные. Обычно у данного типа основ противопоставление значений не влечет за собой регулярного противопоставления места ударения. Имена с абстрактным значением преобладают, но встречается немало случаев дальнейшей спецификации значений, приводящей к возникновению пот. сопсг.: названий результата, места, инструмента действия. Вот

некоторые примеры. Nom. act. п.: *áyana*- 'движение', 'путь', *védana*- 'имущество', *pávana*- 'очищение', *róhana*- 'восхождение', 'средство для восхождения', *bháraṇa*- 'ноша', *krāmaṇa*- 'шаг', *vāndana*- 'прославление', *cākṣaṇa*- 'вид', 'проявление' и др. Очень употребительны эти основы с префиксами, причем наличие префикса не меняет места ударения, например: *nirāyana*- 'выход', *parāyana*- 'уход' и др. Значение ряда ном. act. приближается к инфинитивному, и они иногда употребляются в ведах в синтаксических конструкциях, характерных для инфинитива.

Nom. ag. m./adj.: *jānana*- 'родитель', *vibódhana*- 'пробудитель', *vivācana*- (со ступенью вриддхи) 'тот, кто решает', 'судья', *jaraṇā*- 'старый', *maṇḍāna*- 'радующий', *ṣṇāthana*- 'пронзающий', *sacana*- 'помогающий', *saṃkrāndana*- 'ревуший' и др. Как видно из примеров, акцентные колебания чаще имеют место в простых словах ном. ag. — прилагательных (эти слова нередко употребляются также в качестве последнего элемента сложного слова). Следует упомянуть также некоторые ном. согг. с суффиксом *-ana*- мужского рода, как *odaṇā*- 'рисовая каша', *varaṇā*- — ном. рг. дерева, 'амулет из этого дерева', *syandaṇā*- 'повозка'.

Некоторые основы на *-ana*- объединяют и тот, и другой круг значений, употребляясь соответственно в мужском и в среднем роде, или функционируя как существительное и как прилагательное, например: *cétana*- adj. 'видимый', 'прекрасный', п. 'вид', 'блеск', *māna*- m. 'строение', 'жилье', п. 'мера', 'величина'; *vākṣana*- adj. 'подкрепляющий', п. 'подкрепление'; *vārdhana*- adj. 'усиливающий', m. 'тот, кто усиливает', п. 'средство усиления' и др. Различение значений с помощью ударения встречается в таких единичных случаях, как *kāraṇa*- п. 'деяние' — *karaṇā*- 'искусный'.

У небольшой части основ суффикс *-ana*- присоединяется к корню в слабом звуковом виде с иным значением и иным местом ударения; например: *krpāṇa*- п. 'горе', *nīkṣaṇa*- п. 'заостренная палка', *bhūvana*- 'вселенная', *vrjāna*- п. 'огороженное место жертвоприношения' и др. Иногда таким именным основам соответствуют глагольные основы 6-го класса, например: *kirāṇa*- 'пыль' (ср. *kir-*, *kirāti*), *turāṇa*- 'быстрый' (*tur-*, *turāti*) и др.

На употребительный и продуктивный суффикс *-ana*- ориентируется несколько более редких суффиксов. Суффикс *-anā*- (иногда *-ānā*-) образует существительные женского рода с абстрактным и конкретным значением, например: *jaraṇā*- 'старость', *maṇḥānā*- 'дар', 'готовность дарить', *hasanā*- 'шутка' и др. или *karaṇā*- 'гусеница', *raṣanā*- 'веревка' и др.

Суффикс *-anī*- (иногда *-anī-*) образует основы прилагательных/имен деятеля (в отдельных случаях развивается абстрактное значение) женского рода от соответствующего суффикса

-ana- мужского рода, например: *jānanī-* 'родительница', *tapantī-* 'жар', *piścanī-* 'милая', *çāsani-* 'обучающая' и др.

Суффикс *-āni-* (иногда *-anī-*) образует небольшую группу имен с той же семантикой, что у суффикса *-ana-*, но только основы с абстрактным значением бывают обязательно женского рода, а основы с конкретным значением могут быть женского, мужского рода или прилагательным, например, *nom.abstr.f.*: *iśāni-* 'потопляние', *dhamāni-* 'дутье', *çarāni-* 'грех' и др.; *nom.concr.*: *arāni-/arāni-* 'дерево для трения', *vartani-* 'обод колеса', 'колея', 'дорога' и др.; *nom.ag./adj.*: *carṣaṇi-* (возможно с *s* из основы аориста) 'подвижный', *f.pl.* 'люди', *tarāni-* 'быстро достигающий цели', *m.* 'спаситель' и др.

Спецификацией суффикса *-āni-* и его комбинаций *-sani-*, *-tāni-*, *-vāni-* является употребление в качестве показателей инфинитива.

Суффикс *-anū-* имеет ту же семантику, что и *-āni-*, но только существительные с этим суффиксом бывают мужского рода. Он засвидетельствован в немногих словах: *krandanū-* 'звучание', *kṣipānū-* 'метательный снаряд', *nadanū-* 'шум', 'шум битвы', *vibhañjanū-* 'ломающий'.

Суффикс *-as-* образует абстрактные существительные среднего рода от корня с гласным в ступени гуна под ударением. Характерное значение этих имен — *nom.act.*, часто они выражают результат действия, иногда засвидетельствовано и конкретное значение. Абстрактные имена на *-as-* представляют собой достаточно многочисленный и продуктивный тип в ведийском языке. Вот некоторые примеры: *cākṣas-* 'блеск', 'взгляд', 'глаз'; *vācas-* 'слово', 'речь'; *mānas-* 'дух', 'ум', 'мысль'; *tāmas-* 'мрак', 'заблуждение'; *ēnas-* 'грех'; *çeśas-* 'потомство'; *dóhas-* 'доение', *çrávas-* 'слава', *kāras-* 'деяние' и др.

У небольшой группы слов корневой гласный представлен ступенью вридхи (разного происхождения: ритмическое удлинение в сложных словах, аналогия с отдельными корневыми формами и пр.). Обычно это бывает гласный *-ā-*, например: *āgas-* 'преступление', *pāthas-* 'место пребывания богов', *vāhas-* 'принесение даров' и др. К корням на *-ā-* суффикс *-as-* может присоединяться с помощью эпентетического *-u-*, например: *ānu-gāyas-* 'тот, за кем следует напев'; *dhāyas-* 'вкушение', 'напиток'; *vihāyas-* 'могучий', хотя известны и случаи непосредственного присоединения суффикса к корню с конечным *-ā-*, например: *jñās-* *m.* 'родственник', *dās-* *m.* 'дающий'.

Отдельные существительные имеют корневой гласный в слабой ступени. Они не представляют собой единой группы ни по своему происхождению, ни по значению, ни по формальным особенностям. Это несколько основ среднего рода: *ūras-* 'грудь', *çiras-* 'голова', *jūvas-* 'скорость', *dūvas-* 'почитание', а также *uśās-* *f.* — Ушас и *bhiyās-* *m.* или *f.* 'страх'.

Суффикс *-ās-* под ударением засвидетельствован у неболь-

шой группы имен деятеля: существительных мужского или женского рода/прилагательных, например, *apsarás-* f.— ном.рр. класса водяных нимф, *tavás-* 'сильный', м. 'сила'; *toçás-* 'щедро изливающий'; *ya jáś-* 'жертвующий' и др. Есть несколько минимальных пар, основанных на противопоставлении места удара и соотносительного значения, например: *dúvas-* 'дар'— *duvás-* 'дарящий', *máhas-* п. 'величие'— *mahás-* 'великий', *yáças-* 'благословение'— *yaçás-* 'благословенный'. Иногда наблюдается несоответствие между формальной характеристикой основы и значением, как в *jarás-* м. 'изношенность', 'старость' или *ródasi* f.du. 'земля и небо'. С помощью суффикса *-as-* образуется также один из распространенных типов ведийского инфинитива, представленного формой дательного падежа. В инфинитивах ударение падает на суффикс, например: *jíváse* 'чтобы жить', *doháse* 'чтобы доить' и др.

К суффиксу *-as-* примыкают несколько редких и непродуктивных суффиксов (в которых *-as-* выступает, собственно, как распространение других исторических суффиксов), а именно: *-tas-* в *rétas-* 'семья', *srótas-* 'поток', *ápnas-* 'имущество'; *-nas-* в *árnas-* 'волна', *parīnas-* м. 'полнота', 'богатство' и в некоторых других; *-vas-* в *pīvas-* 'жир', *vārivas-* 'простор'; *-sas-* в *vāpsas-* 'форма'.

Следует отметить, что для ведийского словообразования вообще характерно существование «малых серий» суффиксов (по выражению Рену), ориентирующихся на какой-либо распространенный и продуктивный суффикс.

Суффикс *-is-* образует немногочисленные имена среднего рода, у которых корневой гласный чаще представлен ступенью гуна, а ударение падает преимущественно на суффиксальный гласный. Значение таких имен отчасти пом. act., отчасти пом. согр., например: *arcis-* 'луч', 'пламя'; *kravis-* 'сырое мясо', *jyótis-* 'свет', 'светило'; *barhis-* 'жертвенная солома', *vartis-* 'путь' и др. Эти слова иногда имеют параллельные формы основ на *-i-*, как, например: *arcis-* п./*arci-* м., *çocis-/çoci-* 'пламя' и др.

Суффикс *-us-* образует немногие слова в ведийском языке разной структуры и значения. Имена существительные на *-us-* чаще бывают среднего рода (пом. abstr. и согр.), но возможен и мужской род (пом. act.). Имена на *-us-* могут иметь параллельные формы на *-u-*, например: *áyus-/áyu-* 'срок жизни', *cákṣus-/cákṣu-* 'глаз', *mānus-/mānu-* м. 'человек', *vanūs-/vanú-* м. 'враг'. Для нескольких имен, однако, это единственная основа, например: *pārus-* 'сочленение стебля', *yájus-* 'жертвенная формула'.

Существует малочисленная группа прилагательных с основой на *-us-* с суффиксальным ударением: *jaýus-* 'победоносный'; *dakṣús-* 'горящий'; *naḥús-* 'дружелюбный' (м. 'друг', 'сосед'); *vanūs-* 'рьяный', 'враждебный' (м. 'сторонник', 'враг'); *vidús-* 'внимательный'.

Суффиксы *-i-* и *-u-* образуют основы, которые не имеют единой формальной морфологической или семантической характеристики. Сюда относятся прилагательные и существительные всех трех родов с различным местом ударения и разной степенью корневого гласного. Основы на *-i-* и *-u-* достаточно многочисленны в ведийском языке, но они мало продуктивны, и некоторые структурные типы в период после РВ начинают исчезать.

Среди основ на *-i-* совсем немногочисленны основы среднего рода: *ākṣi-* 'глаз', *āsthī-* 'кость', *dādhi-* 'кислое молоко', *sākthi-* 'бедро' и некоторые другие. Обычно они не связаны с глагольным корнем. В склонении они принадлежат к гетероклитическому типу, чередуясь с основами на *-n-*.

Основы на *-u-* среднего рода гораздо более многочисленны, чем соответствующие основы на *-i-*. Вот некоторые примеры: *ācru-* 'слеза', *āyu-* 'срок жизни', *jānu-* 'колено', *dānu-* 'влага', 'роса' (также f.), *dāru-* 'дрова', *pācu-* 'скот', *mādhu-* 'мед' и др.

Основы среднего рода имеют ударение на корневом гласном, который нередко бывает представлен ступенью вриддхи. Значение всех этих основ — преимущественно ном. согл.: выделяется небольшая группа слов, обозначающих части тела.

Основы на *-i-* и *-u-* встречаются у многих прилагательных, а также у существительных ном. аг. мужского рода. Нередко значение прилагательного и существительного сочетаются в одной и той же основе. Среди прилагательных с основой на *-u-* выделяется группа очень употребительных качественных прилагательных. Вот некоторые примеры основ прилагательных на *-i-* и *-u-*, образованных от простого корня: *ari-* 'преданный', 'сторонник', 'враждебный', 'враг'; *kavi-* 'вдохновенный', 'поэт'; *bhāri-* 'многочисленный'; *māhi-* 'большой'; *śuci-* 'сверкающий', 'чистый'; *hāri-* 'рыжий', 'рыжий конь'; 'лиса' и др., *amhū-* 'узкий'; *ācū-* 'быстрый'; *urū-* 'широкий', 'далекий'; *gurū-* 'тяжелый'; *tanū-* 'тонкий'; *bahū-* 'многий' и др. Для адъективных основ на *-u-* характерно ударение на суффиксе.

У группы адъективных основ на *-i-*, *-u-* засвидетельствована редупликация корня; корень представлен обычно слабым звуковым видом (иногда с нулем гласного), редко ступенью гуна; типы редупликации различные, место ударения тоже. Значение этих основ бывает близким к значению причастий несовершенного вида. В количественном отношении основы на *-i-* этой структуры заметно преобладают над основами на *-u-*. Вот некоторые примеры: *jāghni-* 'убивающий', *jarbhāri-* 'питающий', *tūtuji-* 'стремительный', *yaui-* 'мчащийся' и др.; *arāru-* 'враждебный', *jigūy-* 'победный', *cikītū-* 'мудрый' и др.

Суффикс *-u-* встречается также у некоторых адъективных основ отглагольного происхождения; в единичных случаях у временных основ, как, например, *tanyū-* 'гремящий' и др., чаще

дэзи деративных, как *ditsú* 'желающий дать', *pipišu-* 'желающий пить', *mutukšú-* 'стремящийся освободиться' и др.

Довольно многочисленны пом. аг. и пом. сопсг. мужского и женского рода на *-i-* и *-u-*, как, например: *āhi-* 'змея', *ṣṣi-* 'мудрец', *kṛmi-/krimi-* 'червь', *pāti-* 'господин', *jāni-* f. 'жена' и др.; *indu-* 'капля', 'сома', *iṣu-* f. 'стрела', *mānu-* — пом. рг. прародителя людей, *vāyú-* 'ветер'.

Наконец, эти типы основ могут иметь значение пом. abstr., чаще встречающееся у основ на *-i-*, например: *ghāsi-* 'питание', *rāmhi-* 'стремительность', *rūci-* 'блеск' и др.; *bandhū-* 'родство' (также 'родственник'), *māyú-* 'мычание' и др. Значение пом. аст. у основ на *-i-* представлено в одном из типов инфинитивов в дательном падеже: *drṣāye* 'чтобы видеть', *sanāye* 'чтобы захватить'.

Суффикс *-ti-* является средством образования многочисленных отглагольных абстрактных имен женского рода со слабой ступенью корневого гласного. Этой ступени должно было бы соответствовать место ударения на суффиксе, что и встречается почти у половины всех имен на *-ti-*. Существенно, что в РВ число окситонированных имен на *-ti-* больше, чем в каком-либо другом памятнике. После РВ число баритонированных имен на *-ti-* возрастает. Вот некоторые примеры с ударением на суффиксе: *bhakti-* 'наделение', *mati-* 'мысль', *sikti-* 'излияние', *riti-* 'струя', *stuti-* 'хвалебная песнь', *ūti-* 'помощь', *vṛṣṭi-* 'дождь' и др.; с ударением на корне: *gāti-* 'ход', *yāti-* 'удерживание', *iṣṭi-* 'жертва', *jūṣṭi-* 'удовлетворение', *vṛddhi-* 'подкрепление' и др. В единичных случаях возможно колебание в отношении места ударения, например, *ṣakti-/ṣākti-* 'сила'.

Нормой для корневого гласного является слабая ступень. Иногда это нулевая ступень при наличии стяжения, например: *stī-* 'домашний уклад', 'домочадцы' (корень *as-* 'быть'), *vāsutti-* 'обогащение' (<**vasu-dā-ti-*).

Корни, оканчивающиеся на *-ā-*, могут его сохранять, и таким образом в данном типе основ встречается гласный в ступени вриддхи, как в *dāti-* 'дар' (*dā-* 'давать'), *rāti-* 'дар' (*rā-* 'давать'), *māti-* 'мера' (*mā-* 'мерить') и др., а могут быть представлены слабой ступенью в виде *-i-* (*-ī-*), чередующегося с *-ā-*: *puró-hiti-* 'служба пурохита' (*dhā-* 'класть'), *saṃṣiti-* 'оттачивание' (*ṣā-* 'точить'), *sóma-pīti-* 'питье сомы' (*pī-* 'пить') и др. В единичных случаях ступень вриддхи встречается у корней, оканчивающихся на согласный, например: *āpti-* 'достижение', *dhauti-* 'ручей' и некоторые другие.

Слабая ступень от корней на носовой сонант может быть иногда представлена в виде *-a-* или *-ān-*, а на плавный сонант — в виде *-īr-* или *-ūr-*, например: *sati-* 'захват' (*san-* 'захватывать'), *ṣānti-* 'покой' (*ṣam-* 'устанавливать'), *kīrti-* 'хвала' (*kar-/kir-* 'восхвалять') и некоторые другие.

У нескольких имен встречается ступень гуна корневого

гласного, а именно: *tantī-* 'шнур', *rānti-* 'подкрепление', *hetti-* 'дротик'. Несколько имен на *-ti-* имеют редуцированную основу. Это *carkṛti-* 'хвалебная песнь', *dīdhiti-* 'молитва', *jī-garti-* м. 'глотатель' (возможно, результат номинализации личной формы глагола) и некоторые другие.

Основы на *-ti-* чаще встречаются в текстах самхит с приставками или в качестве последнего члена сложных слов. Приставка всегда несет ударение, например от корня *man-* 'мыслить' кроме простой основы *mati-* 'мысль', 'молитва' встречаются основы с приставками *ātimati-* 'крайнее мужество', *ānumati-* 'согласие', *abhimāti-* 'преследование', *ūpamāti-* 'обращение', *pramati-* 'забота', *sāmmati-* 'единодушие'. Для имен на *-ti-* характерно абстрактное значение от глагольного корня: обычно значение состояния, у небольшой группы инфинитивов — значение пот. ас. Вот некоторые примеры инфинитивов в дательном падеже на *-tāye* или *-tuyai*, имеющих всегда ударение на суффиксе: *pītāye* 'чтобы пить', *vītāye* 'чтобы вкусить', *ityai* 'чтобы идти'.

Существует совсем небольшая группа имен на *-ti-* со значением пот. аг. или прилагательных. Такие имена существительные мужского рода представляют собой, видимо, результат персонификации соответствующих абстрактных имен, например: *citti-* ф. 'прозрение', м. 'прозорливец', *dhūti-* м. 'сотрясатель', ф. 'сотрясение'. В единичных случаях абстрактное значение у этих основ не засвидетельствовано, как у *jñāti-* 'кровный родственник', *pūti-* 'ленивый'. Основы на *-ti-* могут также функционировать в ведах в качестве персонификаций-собственных имен, например: *āditi* — пот. рг. богини (букв. 'несвязанность'), *ārāti-* 'скупость'.

Суффикс *-ti-* используется также для образования ряда местоименных форм множественного числа: *kāti* 'сколько', *tāti* 'столькие', *yāti* 'сколько' (относит.).

Во вторичной функции этот суффикс используется для образования класса числительных, а именно десятков, которые грамматически являются именами женского рода, например: *daçāti-* 'десятка', *vimçati-* 'двадцать' и т. д.

Абстрактные имена на *-ti-* по форме примыкают к причастиям на *-ta-* (та же ступень корневого гласного), но не обладают той же регулярностью места ударения. Кроме того, в отличие от причастий на *-ta-* они, как правило, не имеют соединительного гласного в корнях сет.

Формы с соединительным гласным единичны: *sāniti-* 'захват', *snīhiti-/snēhiti-* 'уничтожающий'. В нескольких словах встречается вариант суффикса — *-ati-/āti-*: *amhati-* 'притеснение', *amāti-* 'мощь', *āmati-* 'бедность', 'бедный', *vasati-* 'гнездо', *vrkāti* 'грабитель', 'хищник' и некоторые другие.

Суффикс *-ni-* в ведийском языке малопродуктивен. Он образует небольшую группу имен со структурой, аналогичной осно-

вам на *-ti-*, но не имеющих единой семантики (ср. формальную аналогию у причастий на *-ta-* и на *-na-*). Имена с абстрактным значением женского рода здесь составляют меньшинство. Это *jūrṇi-* 'вспышка огня', *ājyāni-* 'невредимость', *ghṛṇi-* 'жар'.

Несколько лучше засвидетельствованы *пот.аг.* и *пот.сопсг.* мужского рода, как, например: *agni-* 'огонь', *yōni-* 'лоно', *pāṇi-* 'рука', *pārṣṇi* (м. или ф.) 'пятка', *vāhni-* 'возница', 'конь' *vṛṣṇi-* 'баран' и некоторые другие. Эти имена не едины по своей структуре.

Основы на *-ni-* имеют также некоторые прилагательные (нередко в одной основе сочетаются значения прилагательного и существительного мужского рода), например: *tārṇi-* 'быстрый', *pṛṣṇi-* 'пятнистый', *preṇi-* 'любящий', *bhūrṇi-* 'возбужденный'.

Суффикс *-āni-/ -anī-* тоже принадлежит к числу редких и малопродуктивных в ведийском языке. Он относится к суффиксу *-ni-* так же, как *-ati-* к *-ti-*. Структура основ на *-anī-* и их значение разнообразны. Есть *пот.act.* и *пот.abstr.* женского рода, как *iṣāṇi-* 'поторапливание', *kṣipāṇi-* 'бросок', *dyotani-* 'блеск', *vartani-* 'путь'. Есть прилагательные, *пот.аг.* и *пот.сопсг.*, как *tarāṇi-* 'спасающий', *sakṣāni-* 'одолевающий', *ājani-* 'стрекало' и некоторые другие.

Суффикс *-tu-* образует основы, которые ни по своей формальной характеристике, ни по семантике не параллельны основам на *-ti-*. Этот суффикс продуктивен только в функции образования одного из типов инфинитива, представленного в текстах самхит несколькими падежными формами: дательным падежом (*dātave* 'чтобы дать'), отложительно-родительным падежом (*dātos* 'от давания'), винительным падежом (*dātum* 'дать', 'давание').

Суффикс *-tu-* мало продуктивен в функции образования имен. Корневой гласный в этих именах обычно представлен ступенью гуна, а ударение падает на корень. Чаще эти имена бывают мужского, редко — среднего, единично — женского рода. Они имеют значение *пот.act.* или *пот.сопсг.*, причем граница между этими двумя семантическими сферами оказывается очень подвижной; *пот.аг.* совсем редки. Вот некоторые примеры мужского рода: *aktū-* 'мазь', *ṛtū-* 'установленное время', *gātū-* 'ход', 'путь', *jantū-* 'потомство', 'род', 'живое существо', *tāntu-* 'нить', *māntu-* 'совет', 'советчик', *sētu-* 'привязь', 'мост' и др.; среднего рода: *dātu-* 'часть', *vāstu-* 'местожительство'; женского рода: *vāstu-* 'утро'. Основы на *-tu-* обычно употребляются без приставок.

В отдельных случаях суффикс *-tu-* выступает как вторичный, присоединяясь к глагольной основе, а не к корню, например, в *edhatū-* 'процветание', *vahatū-* 'свадебный поезд', *tanyatū-* 'гром', *tapyatū-* 'пылающий', *siṣāsātu-* 'стремящийся захватить'. Приведенные примеры являются словами мужского рода или прилагательными, все с суффиксальным ударением.

Суффикс -*nu*- редок и малопродуктивен. Он образует некоторые имена прилагательные и существительные (преимущественно мужского рода) от глагольного корня с ударением на суффиксе, например: *gr̥dhnú-* 'стремительный', *dhr̥ṣnú-* 'храбрый'; *bhānú-* 'луч', *vagnú-* 'звук', 'шум', *sūnú-* 'сын' мужского рода: *dānu-* m.f.nom.pg. демонов, n.f. 'влага', 'роса' (место ударения необычно); *dhenú-* f. 'дойная корова'.

Этот суффикс, примыкая к тематическому гласному или к ряду исторических суффиксов — распространителей корня, в синхронном плане лежит в основе небольшой серии малоупотребительных суффиксов. Все они образуют прилагательные или существительные мужского рода, в которых суффикс находится под ударением. Это **-*anú-***, например: *krandanú-* m. 'рев', *nadanú-* m. 'шум', *nabhanú-* m. 'источник', **-*tnú-***: *kṛtnú-* 'деятельный', *dartnú-* m. 'тот, кто проламывает'; **-*atnú-***: с редупликацией — *jigatnú-* 'движущийся', *jighatnú-* 'стремящийся убить', без редупликации — *kavatnú-* 'скупой', **-*itnú-*** 'преимущественно от каузативных основ, как *tanayitnú-* 'гремящий', *drāvayitnú-* 'бегущий' и пр. (т. е. во вторичной функции), но и от корня, как *dravítnú-* 'спешащий'; **-*snú-***: *jiṣnú-* 'победоносный', *niṣatsnú-* 'прочно сидящий') **-*iṣnú-***: *carīṣnú-* 'движущийся', *amarīṣnú-* 'бессмертный', помимо употребления в каузативных основах, как *pārayiṣnú-* 'спасающий', *mādayiṣnú-* 'опьяняющий' и др.

Суффикс -*yu-* образует немногие имена существительные мужского рода и прилагательные, разные по своей структуре и значению: *dāsyu-* 'враг', *manuyú-* 'гнев', *mṛtyú-* 'смерть'; *bhujyú-* 'сгибаемый', *yajyú-* 'благочестивый', *ṣundhyú-* 'чистый' и некоторые другие.

Суффикс -*an-* образует около трех десятков основ в ведийском языке (по численности это меньше, чем другие атематические основы на *-n-*), но совсем непродуктивен. Значительная часть основ на *-an-* имеет дефектную парадигму, часть форм которой образуется от других основ и принадлежит к гетероклитическому типу. Это плохо сохранившийся тип основ мужского и среднего рода, в которых место ударения может быть как на корне, так и на суффиксе, а корневой гласный представлен чаще слабой ступенью или ступенью гуна (обычно гласным *-a-* и лишь в отдельных словах — ступенью вриддхи: *āsán-* 'рот', *rājan-* 'царь').

Трудно сделать какие-либо выводы о соотношении места ударения с семантикой основ. Обращает на себя внимание группа основ среднего рода с гетероклитической парадигмой, в которой недостающие формы восполняются формами от основ на *-r-*, *-s-*, *-i-* (или производных от них). Значительная часть этих основ является названиями частей тела или близкой к ним семантики. Это *akṣán-/ákṣi-*, *akṣi-* 'глаз', *asán-/ásṛj-* 'кровь', *asthán-/ástthi-* 'кость', *āsán-/āsyā* 'рот', *ūdhan-/ūdhar-*,

ūdhas- 'вымя', *yakán-/yákr̥t-* 'печень', *ṣakán-/ṣákr̥t-* 'экскременты', *sakthán-/sákthi-*, *sakthī-* 'бедро'. Из основ с иной семантикой к гетероклитическому типу принадлежат основы среднего рода *āhan-/āhar-* 'день', *dadhán-/dádhi-* 'кислое молоко', *naktán-/nákti-* f. 'ночь', *mahán-/māhas-* 'величие'.

Некоторые основы на *-an-* имеют параллельные основы других типов, например: *ācan-* m./*aṣāni-* f./*ācman-* m. 'камень', *udán-* n./*úd-* f./*udakā-* m. 'волна' и 'вода', *doṣán-/dós-* 'рука', *yūṣán-* m.n./*yūṣa-* 'мясная похлебка', а также единственная основа женского рода, принадлежащая к этому типу *yóṣan-/yoṣit-* 'девушка'. Значение частей тела среди основ на *-an-* имеют также *majján-* m. 'костный мозг', *mūrdhán-* m. 'голова', *ṣīrśán-* n. 'голова'.

Названия имен деятеля (среди них и названия животных) бывают мужского рода, например: *ukṣán* 'бык', *tákṣan-* 'плотник', *pūṣán-* — пот.рг. бога, *rájan-* 'царь', *vṣṣan-* 'бык', *ṣván-* 'пес'. К ним примыкает несколько прилагательных: *nīkāman-* 'страстно желающий', *pārijman-* 'странствующий вокруг', m. 'странник' (также 'странствование кругом'), *yúvan-/yúvat-* 'юный', m. 'юноша', *vibhvan/vibhván-* 'прекрасный'.

Имен с абстрактным значением мало: *jmán-* 'путь', *dhárvan-* 'повреждение', *mahán-* n. 'величие'. Основу на *-an-* в местном падеже имеет небольшая группа инфинитивов; *-an-* в инфинитивах всегда присоединяется к *-s-*; ударение бывает на суффиксе, например: *neṣāni* 'вести', *sakṣāni* 'одолевать'.

Суффикс *-an-* используется также при образовании нескольких числительных в пределах десятка: *pāñcan* — 5, *saptán* — 7, *aṣṭán* — 8, *návan-* — 9, *dāṣan* — 10.

Суффикс *-man-/iman-* представлен значительной группой основ среднего и мужского рода преимущественно со ступенью гуна корневого гласного независимо от места ударения и с абстрактным значением. У некоторой части основ на *-man-* это значение пот.аст., во многих же случаях (особенно у основ среднего рода) в ведийском языке засвидетельствовано конкретное значение места действия или его результата. Очень небольшая группа основ имеет значение пот.аг. или прилагательного.

В единичных случаях место ударения служит единственным различителем значения основы: ударение на корне у пот.аст. среднего рода, а ударение на суффиксе у пот.аг. мужского рода. Это *dāman-* n. 'давание' — *dāmán-* m. 'даятель', *dhárman-* n. 'опора', 'поддержка' — *dharmán-* m. 'поддерживатель', *bráhmaṇ-* n. 'молитва' — *brahmán-* m. 'жрец-брахман', *sádmán-* n. 'сидение' — *sadmán-* m. 'тот, кто сидит'. Есть случай, когда в такой паре отсутствует противопоставление грамматического значения, и основы различаются только лексически, как, например, *bhāman-* n. 'земля' — *bhūmán-* m. 'множество', и случаи одинакового значения при формальных различиях: *váriman-*

n./*varimán-* m. 'охват', 'ширина', *vārṣman-* n./*varṣmán-* m. 'возвышенность', *svā́dman-* n./*svā́dmán-* m. 'сладость'.

У группы основ ступень корневого гласного представлена вриддхи, например: *kārṣman-* 'цель забега', 'финиш' (букв. 'борозда'), *nā́man-* n. 'имя', *yá́man-* n. 'движение' и др.; у нескольких имен — слабой ступенью, например: *suýman-* n. 'ремень', 'цепь', *vidmán-* n. 'знание' (также inf.).

Ряд основ среднего рода имеет конкретное значение, как *ádman-* 'еда', *bhārman-* 'носилки', *róman-* 'волосок на теле', *véṣman-* 'дом' и др. Основам мужского рода, имеющим большей частью суффиксальное ударение, часто свойственно абстрактное значение, например: *átmán-* 'жизненное дыхание', *otán-* 'дружелюбие', *dhvasmán-* 'затемнение', *majmán-* 'великолепие' и др.

Если первоначально форма суффикса *-iman-* могла выступать как вариант суффикса *-man-*, например в *jánman-* n./*já-niman-* n. 'рождение', или как форма суффикса от корней сет, например в *prathimán-* n. 'протяженность', *jarimán-* m. 'старость', то в дальнейшем суффикс *-iman-* образует вполне автономную группу основ исключительно мужского рода.

Вариант этого суффикса *-īman-* более редок. Он встречается в нескольких абстрактных именах мужского и среднего рода с ударением на корне: *pārīman-* 'полнота', *bhārīman-* 'питание', *sāvīman-* n. 'побуждение' и некоторые другие.

Суффикс *-man-/īman-* может присоединяться не только к глагольному корню, но и к корню прилагательных, например: *drāghmán-* 'длина' — ср. *dīrghá-* 'долгий', *drāghīyas-* compar. и др.

Иногда встречается этот суффикс во вторичной функции, поскольку он присоединяется не к корню, а к основе прилагательного, например: *aryamán-* пош.гр. — ср. *aryá-* 'верный', 'благочестивый', *harimán-* 'желтуха' — ср. *hári-* 'желтый' и др.

Суффикс *-man-* используется также при образовании одного из типов инфинитива, употребляющегося в дательном падеже, например: *trāmane* 'чтобы защитить', *bhārmane* 'чтобы подержать' и др.

Суффикс *-ta-* малопродуктивен, образует небольшое число прилагательных с ударением на суффиксе и ряд существительных мужского рода разной структуры. Вот некоторые примеры прилагательных: *tigmá-* 'острый', *dasmá-* 'удивительный', *bhīmá-* 'страшный', *vāmá-* 'милый' и др.; существительных: *áta-* 'помощник', *gharmá-* 'жар', *dhūmá-* 'дым', *yákṣma-* 'чахотка', *sóma-* — пош.гр. растения и бога и др. Противопоставление места ударения и соответствующего ему значения засвидетельствовано в случае *srāma-* 'хромота' — *srāmá-* 'хромой'. Отдельные имена на *-ta-* возникли в результате тематизации имен на *-man-*, например: *dhārma-/dhárman-* 'порядок', 'закон', *yáta-/yáman-* 'движение'.

Суффикс -*mi*- встречается всего в нескольких словах, где он находится под ударением: *ūrmī-* м. 'волна', *raçmī-* м. 'повод'; *jāmī-* 'кровнородственный' и во вторичной функции в *bhūmī-* ф. 'земля' и *bhūmī-* ф. (женский род и *-ī* по аналогии с *pṛthivī*).

Суффикс -*na*- в ведийском языке образует прежде всего причастия совершенного вида от глагольного корня наряду с более продуктивным суффиксом *-ta-*. Кроме того, этот суффикс встречается у небольшой группы прилагательных и у некоторых имен. Ударение падает на суффикс или на корень, а степень корневого гласного независимо от места ударения бывает слабая или гуна. Приведем примеры прилагательных: *āçna-* 'прожорливый', *uṣṇā-* 'горячий', *ōṇā-* 'недостающий', *kṛṣṇā-* 'черный', *dīnā-* 'мелкий', 'слабый', *çvitna-* 'светлый' и др.; существительных мужского рода и среднего рода: *ghṛṇā-* 'жар', *parṇā-* 'крыло', *praçṇā-* 'вопрос', *ya jñā-* 'жертва', *rātna-* 'сокровище', *vārṇa-* 'цвет' и др.

Суффикс -*nā*- образует основы женского рода: он засвидетельствован в двух-трех словах: *tṛṣṇā-* 'жажда', *dhénā-* 'дойная корова', 'кобыла', *sūnā-* 'плетеная корзина'.

Всего лишь в нескольких словах (среди них есть весьма употребительные) встречаются суффиксы — *-ina-* (*aminā-* 'мощный', *dākṣiṇa-* 'правый', *vṛjinā-* 'кривой') и *-una-* (*ārjuna-* 'белый', *tāruṇa-* 'нежный', 'юный', *dharuṇa-* 'опора', *vāruṇa-* — п.рг. бога и некоторые др.).

Суффикс -*va*- малопродуктивен в качестве первичного в ведийском языке. Он образует несколько отглагольных прилагательных и существительных различной структуры, например: *ūrdhvā-* 'высокий', *jivā-* 'живой', *pakvā-* 'спелый', *hrasvā-* 'короткий', *āçva-* 'конь', *ūrvā-* 'замкнутое место', *ēva-* 'спешка' и некоторые другие. Суффикс *-va-* в ряде случаев выступает в качестве тематического варианта более употребительного суффикса *-van-*, например: *rkvā-/ṛkvan-* 'воспевающий'. Суффикс женского рода *-vā-* засвидетельствован в *apvā-* — ном.рг. болезни. Форма суффикса с соединительным гласным засвидетельствована в *āmīvā-* 'бедствие'.

Иногда встречается в первичных основах комбинации суффикса *-va-* с каким-либо другим суффиксом, образующие самостоятельную словообразовательную единицу, например: *-vara-* в *itvarā-* 'идуший', *adhvarā-* 'богослужение', *kārvara-* 'деяние'; *-vala-* в *kēvala-* 'собственный', 'единственный'; *-vani-* в *tur-vāni-* 'проникающий' и др.; *-vanu-* в *vagvanū-* 'шум'.

Суффикс -*vi*- образует несколько прилагательных с ударением на корне или на редукации, например: *ghṛṣvi-* 'радующий', *dhṛúvi-* 'твердый', *jāgrvi-* 'бодрствующий', *dīdivi-* 'свещающий' и некоторые другие.

Суффикс -*ar*- малопродуктивен и является исчезающим в ведийском языке. Только одно слово с основой на *-ar-* имеет

полную самостоятельную парадигму склонения: *nár-* м. 'муж', 'человек', 'герой' (ср. существующий уже в РВ тематический вариант *nára-*, употребляющийся в сложных словах). Слово *súar-/súr-* 'солнце', 'небо' среднего рода имеет неполную парадигму единственного числа. Слово *vádhar-* 'убийство' среднего рода представлено в РВ только этой единственной формой.

Далее, основа на *-ar-/r-* засвидетельствована небольшой группой слов среднего рода, имеющих гетероклитическую парадигму (чередование форм на *-r-*, *-n-*, *-s-*, *-i-*): *áhar-*, *údhar-* (ср. также основы с согласным распространителем корня, с синхронной точки зрения, не принадлежащие к основам на *-r-*, как *ásrj-*, *yákr̥t-*, *çakr̥t-*¹).

Изолированно стоит основа женского рода *uśár-* 'утренняя заря', имеющая неполную парадигму по сравнению с хорошо засвидетельствованной основой *uśás-* ф. id.

Основы на *-ar-* встречаются также в ведийском языке в качестве базы, от которой образуется небольшая группа отыменных глаголов, как *ratharyáti* 'ездить на колеснице' от **rathar-* 'колесница', *saparyáti* 'почитать' от **sapar-* 'почитание', а также в качестве первого элемента в составе некоторых сложных слов. Сюда же относятся и отдельные имена родства: *nánāndar-* ф. 'золовка', а также изолированные основы с суффиксом *-var-*: *devár-* м. 'деверь' и *-sar-*: *svásar-* ф. 'сестра'.

Суффикс *-ra-* образует довольно многочисленные прилагательные и сравнительно небольшую группу существительных (некоторые из них возникли в результате субстантивизации). Ударение бывает большей частью суффиксальным, ступень корневого гласного обычно слабая, хотя встречается и гуна (особенно от корней на носовой сонант), и совсем редко — вридхи.

Вот некоторые примеры прилагательных: *kṣiprá-* 'быстрый', *citrá-* 'пестрый', *turá-* 'быстрый', *çukrá-* 'блестящий', *bhadrá-* 'счастливый', *çakrá-* 'могучий' и др.

Существительные с суффиксом *-ra-* имеют обычно значение пот. аг. или пот. сопсг., например: *kṣirá-* п. 'молоко', *çárá-* м. 'герой', *vájra-* м. 'дубина грома Индры', *vīrá-* м. 'муж', 'герой' и др.

Наряду со слабой ступенью от корней на *-an-*, *-am-*, как в *dasrá-* 'удивительный' (корень *dams-*), *mathrá-* 'крутящийся' (корень *manth-*), есть формы и со ступенью гуна: *tandra-* 'усталый', *tamrá-* 'омрачающий', *mandrá-* 'радующий'.

Среди имен с этим суффиксом немало таких, которые не имеют соответствующего глагольного корня, например: *ágra-* 'острие', 'начало', *abhṛá-* п. 'туча', *indra-* пот.пр. бога, *ugrá-* 'ужасный', *gaurá-* м. 'bos Gaurus' и др.

¹ См. с. 147—148.

Форму женского рода **-rā-** этот суффикс имеет в немногих словах: *dhārā-* 'поток', *çiprā-* 'усы', *sūrā-* 'хмельной напиток' и некоторые другие.

Форма суффикса **-ira-** встречается с корнями сет, как в *rudhirā-* 'кровавый' и 'кровь', *çithirā-* 'слабый' и др., а также в ряде случаев и с другими корнями, например: *madirā-* 'опьяняющий', *khadirā-* — пом.рг. дерева и др.

Суффикс **-ura-** очень редок, из бесспорных случаев можно привести в пример *vithurā-* 'колеблющийся'.

Суффикс **-ri-** засвидетельствован в нескольких словах: *ādri-* 'скала', *jīri-* 'проточная вода', *vāñkri-* 'ребро', *bhūri-* 'многочисленный' и некоторые другие.

Суффикс **-ru-** столь же малоупотребителен; примеры: *cēru-* 'деятельный', *bhīrū-* 'страшный'; *āçru-* 'слеза', *çātru-* 'враг', *çmāçru-* 'борода' и некоторые другие.

Вся эта малая серия суффиксов с **-r-** в качестве опорного элемента имеет соответствующие варианты с **-l-**, малоупотребительные в РВ и постепенно распространяющиеся, в дальнейшем образуя самостоятельную серию: **-la-**, **-lā-**, **-ala-**, **-ālā-**, **-ila-**, **-ulā-**, **-vala-**. Вот некоторые примеры: *çilā-* (АВ) 'камень', *çila-* (ЯВ) 'обычай', *nakulā-* (АВ, ЯВ) 'ихневмон' и др.

Суффикс **-tar-** (**-itar-** после корней сет) — продуктивный и употребительный суффикс, специализировавшийся в функции образования имени деятеля мужского рода от глагольного корня. Корневой гласный в этих основах бывает в ступени гуна, а место ударения определяется грамматической семантикой основы, которой соответствует определенная синтаксическая конструкция.

1. Основа на **-tar-** имеет суффиксальное ударение, если она выражает более или менее постоянную функцию деятеля; основа управляет родительным падежом, подобно имени.

2. Основа на **-tar-** имеет ударение на корне, если она выражает значение, близкое к причастному; основа управляет винительным падежом, подобно глаголу, например: *samādanasya kartā* 'создатель радости битвы' (I,100,6) и *kārtā [sudāse]...* *lokām* 'создающий [Судасу] широкое пространство' (VII,20,2) или *hantā vṛtrāṇām* 'убийца врагов' (IX,88,4) и *hantā ... vṛtrām* 'убивающий Вритру' (IV,17,8) и др.

Имена деятеля, обозначающие профессию, чаще имеют суффиксальное ударение, например, среди разрядов жрецов: *vak-tār-*, *çamitār-*, *sotār-*, *stotār-*, однако *néṣṭar-*, *hótar-*.

Суффикс **-tar-** засвидетельствован кроме имен деятеля также в ряде имен родства мужского и женского рода, отличающихся от пом. аг. некоторыми особенностями склонения. В этой функции суффикс **-tar-** непродуктивен: имена родства даются небольшим закрытым списком, но слова эти в высшей степени употребительны. Это *pitār-* 'отец', *mātār-* f. 'мать', *bhrātār-* 'брат', *duhitār-* f. 'дочь', *yātar-* f. 'ятровка', *nāptar-* 'сын',

‘внук’, *jāmātar-* ‘зять’. Термины родства на *-tar-* не обладают ни единой структурой, ни единым местом ударения.

Суффикс *-tra-* (*-itra-* после корней сет) образует основы среднего и — реже — мужского рода. Корневой гласный большей частью представлен ступенью гуна, ударение чаще падает на суффикс. В целом этот суффикс достаточно распространен, но малопродуктивен.

У значительной части основ среднего рода засвидетельствовано значение инструмента, способа или места действия. Ударение у этой группы основ чаще падает на корневой гласный. Вот некоторые примеры: *āritra-* ‘весло’, *kṣétrā-* ‘поле’, *gātra-* ‘член тела’, *dātra-* ‘сerp’, *yóktra-* ‘шнур’, *çrótra-* ‘ухо’ и др.

Существительные среднего рода с ударением на суффиксе нередко имеют абстрактное значение, например: *dātrā-* ‘дар’, *deṣtrā-* ‘указание’, *rāṣṭrā-* ‘царство’, *çāstrā-* ‘приказ’, *stotrā-* ‘восхваление’ и др.

Основы мужского рода на *-tra-* гораздо менее многочисленны. Они не едины ни по своей структуре, ни по семантике. Вот некоторые примеры: *ūṣtra-* ‘верблюд’, *dāmṣtra-* ‘клык’, *putrá-* ‘сын’, *māntra-* ‘заговор’ и др.

Есть случай, когда место ударения дифференцирует грамматическую семантику основы и ее род: *ātra-* п. ‘еда’ — *atrā-* т. ‘едок’.

В двух случаях одна и та же основа в зависимости от семантики трактуется по среднему (абстрактное понятие) или по мужскому роду (персонификация): *mitrā-* п. ‘дружба’, т. ‘друг’, пом.рг. бога; *vṛtrā-* п. ‘препятствие’, т. пом.рг. демона.

Форма суффикса женского рода *-trā-* засвидетельствована в немногих словах: *āṣtra-* ‘стрекало’, *mātrā-* ‘мера’, *hótrā-* ‘жертвенное возлияние’ и ‘призыв’ и некоторые другие.

В суффиксе *-atra-* начальный *-a-* играет роль соединительного тематического гласного. По структуре и семантике эти основы близки к основам на *-tra-*. Суффикс засвидетельствован в нескольких словах: *āmātra-* п. ‘большая чаша’, *kṛntātra-* т. ‘ущелье’, *pātātra-* ‘крыло’, *yājātra-* ‘достойный жертвы’ и др.

Суффикс *-tha-* образует немногочисленный тип основ мужского и среднего рода со значением пом. act. Ударение большей частью бывает на суффиксе, ступень корневого гласного чаще слабая. Вот некоторые примеры: *ukthā-* ‘песнь’, *udgīthā-* ‘исполнение “самана жрецом-удгатаром”’, *soma-pīthā-* ‘питье сомы’ и др.; с ударением на корне: *ārtha-* ‘цель’, *hātha-* ‘удар’.

В отдельных случаях у основ на *-tha-* отмечается конкретное значение, как в *yūthā-* ‘стадо’, *rātha-* ‘колесница’.

Засвидетельствованы единичные основы женского рода с формой суффикса *-thā-*: *gāthā-* ‘напев’, *nīthā-* ‘средство’.

Основанный на тематическом гласном суффикс *-ātha-* несколько более распространен, чем *-tha-*. При ударном суффиксе ступень корневого гласного обычно бывает гуна. Для существ-

вительных мужского рода более характерно абстрактное значение, для существительных среднего рода — конкретное, например: *tveṣátha*- м. 'натиск', *ravátha*- м. 'рев', *vakṣátha*- м. 'прирост', *ṣapátha*- м. 'проклятье', *ayátha*- п. 'нога', *vidátha*- п. 'место праздничных собраний', *ṣayátha*- п. 'место отдыха' и др. Это распределение, однако, не вполне последовательно. (В изолированных словах встречаются суффиксы — *-ūtha*-, *-athu*-, *-thi*-.)

Суффикс -yā- образует основы с абстрактным значением; он присоединяется к глагольному корню в слабых звуковых видах. В ведийском языке эти основы, вообще немногочисленные, чаще встречаются в качестве последнего члена сложного слова. Из основ в самостоятельном употреблении встречаются *ityā*- 'движение', *kṛtyā*- 'колдовство', *vidyā*- 'знание', *sutyā*- 'выжимание сомы' и немногие другие.

Суффикс -sa- служит для образования небольшого числа основ не всегда ясной этимологии, в связи с чем его бывает трудно выделить. Из более ясных примеров можно привести *ṛkṣa*- м. 'медведь', *kutsa*- м. ном. пр. риши, *drapsā*- м. 'капля', *vṛkṣā*- 'дерево', *gṛtsa*- 'умный', *rukṣā*- 'сверкающий' и немногие другие.

(В изолированных словах встречаются суффиксы *-iṣa*-, *-īṣa*-, *-sara*- и др.)

Суффиксы -(ī)yas- [в сильных падежах *-(ī)yams*], *iṣṭha*- выражают соответственно сравнительную и превосходную степень (действия или качества), присоединяясь к глагольному или адъективному корню, находящемуся под ударением и представленному ступенью гуна. Большая часть основ, образованных от глагольных корней, засвидетельствована в РВ. В дальнейшем же их число заметно уменьшается и устанавливается прочная связь этих суффиксов с корнями прилагательных.

Суффикс сравнительной степени имеет две формы: *-īyas*- и *-yas*-. Форма с начальным *-ī*- преобладает. Форма без *-ī*- встречается или после корня на долгий гласный, или иногда после легких корней, например: *jyāyas*- 'более могущественный', *bhūyas*- 'больший', *prēyas*- 'более любимый', *rābhyas*- 'очень буйный', *sānyas*- 'более старый' 'старый' и др. Оба варианта могут быть и у одного корня, например: *tāvuyas*-/ *tāvīyas*- 'более сильный', *vāsyas*-/ *vāsīyas*- 'лучший' и др.

Слабая ступень корневого гласного, как в *bhūyas*-, встречается в единичных случаях, редко — ступень вриддхи, как в *drāghīyas*- (с сампрасарана) 'более длинный', *drāghīṣṭha*- 'самый длинный' (ср. *dirghā*- 'длинный'), или с *-ā*- (большей частью в неизменяемых корнях с этим гласным), как в *ācīṣṭha*- 'самый быстрый' (ср. *ācū*- 'быстрый'), *svādiyas*- 'более сладкий', *svādiṣṭha*- 'самый сладкий' (ср. *svādū*- 'сладкий') и некоторых других.

Присоединяясь к глагольному корню, эти суффиксы обра-

зуют прилагательные *pot.ag.* со значением более интенсивной степени действия по сравнению соответственно с одним или с многими деятелями, а иногда просто интенсивного действия. Вот некоторые примеры: *yájiyas-* 'приносящий жертву лучше другого' (Abl.), 'прекрасно приносящий жертву', *yájiṣṭha-* 'лучше всех приносящий жертву' (корень *yaj-* 'приносить жертву'); *védīyas-* 'находящийся больше другого' (Abl.), *vedīṣṭha-* 'находящийся больше всех' (корень *vid-* 'находить') и т. д. Чаше при данном глагольном корне засвидетельствована основа с каким-нибудь одним суффиксом сравнения.

Встречается ряд основ такого рода от глагольного корня с приставкой. Ударение в этих основах падает на приставку, например: *āgamīṣṭha-* 'лучше всех приходящий', *prātiṣyaviyas-* 'лучше прижимающийся, чем другой', *vīcayīṣṭha-* 'лучше всех убирающий' и др.

Наиболее многочисленны основы с суффиксами сравнения, которые исходят из адъективного корня, т. е. имеют в качестве положительной степени однокоренные прилагательные, образованные с помощью какого-либо суффикса прилагательных, например: *gāriyas-* 'более тяжелый' — *gurū-* 'тяжелый', *dāviyas-* 'более далекий' — *dūrā-* 'далекий', *bhūyas-* 'большой' — *bhūri-* 'многий' и др., или с чередованием конечного согласного (палатальный — гуттуральный): *ōjīyas-* 'более сильный' — *ugrā-* 'сильный', *tējiṣṭha-* 'самый острый' — *tigmā-* 'острый' и др.

Существуют, наконец, отдельные основы с суффиксами сравнения, которые не связаны ни с глагольными, ни с адъективными корнями, например: *jyāyas-* 'более могучий', *jyēṣṭha-* 'самый могучий' — ср. существительное *jyā-* 'власть' в составе сложных слов; *nēdīyas-* 'более близкий', *nēdiṣṭha-* 'совсем близкий', *ṣréyas-* 'более прекрасный', *ṣrēṣṭha-* 'прекраснейший' — ср. существительное *ṣri-* 'блеск', 'красота'.

ВТОРИЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Вторичное словообразование в ведийском языке характеризуется некоторыми формальными особенностями, отличающими его от первичного и в некоторых отношениях напоминающими трактовку именных основ при словосложении. При этом, однако, данные особенности не являются строго обязательной, неотъемлемой чертой вторичного словообразования, а лишь отчетливо выраженной тенденцией. В результате остаются некоторые случаи, лишенные формальных указаний на характер словообразования.

Эти особенности сводятся к следующему.

Трактовка конечного элемента основы. Конечные *-a-* и *-i-* именной основы исчезают перед вторичным суффиксом, начинающимся с любого гласного или с полугласного *y-* (который

здесь морфологически трактуется так же, как гласный вариант фонемы *i*), в то время как конечный *-u-* именной основы обычно бывает представлен ступенью гуна *-av-*, например: *raúdra-* 'подобный Рудре' (ср. *rudrá-* — Рудра), *asuryá-* 'асурический мир' (ср. *ásura-* 'асура'), *suhárda-* 'добросердечный' (ср. *hárdi-* 'сердце'), *sakhyá-* 'дружба' (ср. *sákhi-* 'друг') и др., но *ádhvaryava-* 'служба жреца-адхварью' (ср. *adhvaryú-*), *ána-va-* 'свойственный человеку' (*ánu-* 'человек'), *paçavyà-* 'стадо' (ср. *paçú-* 'скот') и др. Следует отметить, что гунирование конечного *-u-* в этих условиях является лишь тенденцией, и в ряде случаев встречается трактовка этого звука, соответствующая правилам сандхи, например: *tánva-* 'собственный' (ср. *taná* 'тело', 'сам'), *paidvá-* 'принадлежащий Педу' (ср. *pedú-* — пом. рг. человека), *yádvá-* 'относящийся к Яду' (ср. *yádu-* — пом. рг. племени) и др. Остальные конечные гласные основы имеют форму, которой требуют правила сандхи.

Если основа на согласный подвержена чередованиям, то перед вторичным суффиксом она обычно бывает представлена слабым звуковым видом, например: *pitftama-* 'самый отеческий', *māftama-* 'самый материнский', *pīrya-* 'свойственный отцам', *vidūṣṭara-* 'хорошо знающий' и др. Основы на *-n-* чаще бывают представлены ступенью гуна, например: *çirṣanyà-* 'головной', *subrahmaṇyá-* 'прекрасное моление', *romāṇvat-* 'волосатый' и др., но также *vṣṣṇya-* 'бычья сила' и др.

Возможны отдельные случаи внешнего сандхи на границе исходной основы и вторичного суффикса, например: *rgmin-* 'поющий' (ср. *ṛkvan-* id.), *mṛnmāya-* 'земляной' (основа *mṛd-*) и некоторые другие.

Встречается удлинение конечного гласного основы перед некоторыми вторичными суффиксами: обычно перед *-vin-*, как в *ubhayāvin-* 'обращенный в обе стороны' (ср. *ubháya-* 'обоюдный'), *dvaayāvin-* 'неискренний', 'фальшивый' (ср. *dvaayá-* 'двойкий'); часто перед *-vant-*, *-van-*, как в *çákti-vant-* 'сильный' (ср. *çákti-* 'сила'), *ṛṇāvān-* 'должный' (ср. *ṛṇá-* 'долг') и др.

Бывают случаи, когда исходная основа не употребляется самостоятельно, а реконструируется на базе сочетания со вторичным суффиксом, например, из *saparyà-* 'достойный поклонения', основа **sapaṛ-* 'поклонение'.

Вриддхи гласного первого слога основы, к которой присоединяется вторичный суффикс. Эта черта является широко распространенной, но не строго обязательной. Чаще всего усиление гласного первого слога происходит при употреблении суффиксов *-a-* и *-ya-* (последний обычно с абстрактным значением), а также суффиксов *-āyana-*, *-euyá-*, *-i-* (с патронимическим или релятивным значением), в отдельных случаях с *-ka-* (в послеведийский период связь вриддхи первого слога с *-ka-* становится более обязательной), а также с *-na-*, *-ra-*, *-īya-*.

При вторичном словообразовании гласный первого слога уси-

ливаются независимо от морфологической структуры исходной основы, т. е. от того, принадлежит ли он корню, префиксу или первому члену сложного слова. Вот некоторые примеры: *aindrā-* 'индрический', 'как у Индры' (ср. *indra-*), *straiṇa-* 'женский' (ср. *strī-* 'женщина'), *saṁtṛya-* 'сомический' (ср. *sōma-*, однако есть и *somyā-* id.), *ārjuneyā-* 'потомок Арджуны' (ср. *ārjuna-*), *kāṇvāyana-* 'потомок Канвы' (ср. *kāṇvā-*), *ānuṣṭubha-* 'подобный ануштубху' (ср. *anuṣṭubh-*), *vaimanasyā-* 'разброд мыслей' (ср. *vīmanas-* 'растерявшийся'), *daūrjīvitya-* 'тот, кто вызывает состояние дурной жизни' (bah.¹) и др.

Следует отметить, что если в префиксах *ni-*, *vi-* и адъективном префиксе *su-* в соответствии с правилами сандхи бывает согласный вариант фонемы -у- или -в-, то этот согласный, подобно гласному варианту, также может быть представлен ступенью вриддхи, например: *naiyagrodha-* 'связанный с деревом ньягродха' (ср. *nyagródha-* 'Ficus indica'), *vaiyaçvā-* 'потомок Вяшвы' (ср. *vyāçva-*), *saiṇvaçva-* 'богатство из коней' (ср. *svāçva-* 'имеющий прекрасных коней') и некоторые другие (хотя здесь возможны и иные варианты).

В сложных словах, имеющих вторичный суффикс, усилению подвергается обычно гласный первого слога первого члена, например: *prājāpatyā-* 'обряд Праджапати' (от *prajāpati-*), *va-içvānarā-* 'принадлежащий всем людям' (имя Агни, от *viçvānara-* id.), *pautakratā-* — пом.гр. сына Путакраты (*pūtākrate-*), *gārhapatya-* 'господство в доме' (от *grhāpati-* 'домохозяин') и др. В словах типа *dvandva* (*dvandva*) возможно усиление начального слога и во втором члене, как в *sautārapuṣṇā-* 'связанный с Сомой и Пушаном', но это не обязательно — ср. *maitrāvaruṇā-* 'связанный с Митрой и Варуной'. В отдельных случаях вриддхи имеет место, в первом слоге второго члена, как в *çatāçārada-* 'длящийся сто осеней' (*çatā-* и *çarād-*).

Перемещение ударения. В большинстве случаев ударение в основах с вторичным суффиксом падает на иной слог, чем в исходной основе, и таким образом служит одной из формальных характеристик вторичного словообразования. Описать место ударения с помощью набора жестких правил, однако, не представляется возможным, скорее речь идет о ряде перекрещивающихся тенденций.

Если имеет место вриддхи гласного первого слога, то ударение обычно бывает маргинальным — на первом или на последнем слоге в зависимости от места ударения исходной основы, например: *āçvina-* 'подобный Ашвинам' — *açvīn-* пом.гр. богов-близнецов, *çārada-* 'осенний' — *çarād-* 'осень', но *sāmmanasyā-* 'единодушие' — *sāmmanas-* 'единодушный', *sārameyā-* 'потомок Сарамы' — *sarāmā-* пом.гр. собаки и др. Эта тенденция, однако, осуществляется не вполне последовательно.

¹ *Bahuvrīhi*; подробнее о типах сложных слов см. раздел «Словосложение».

При отсутствии вриддхи гласного первого слога преобладает суффиксальное ударение, например: *kakūbhā-* 'выдающий-ся' — *kakūbh-* 'вершина', *paruṣā-* 'состоящий из сочленений' — *pārus-* 'сочленение' и др.

Наконец в ряде случаев в производной основе ударение сохраняет свое место по сравнению с исходной основой, например: *vaiṭaṣā-* 'тростник' — *vetasā-* id., *iṣumant-* 'снабженный стрелами' — *iṣu-* 'стрела', *hēṣasvant-* 'вооруженный' — *hēṣas-* 'метательное оружие' и др.

У основ с суффиксом *-tā-* ударение падает обычно на последний слог исходной основы, например: *bandhūtā-* 'родство' от *bāndhu-* 'родственник', *māmātā* 'себялюбие' от *māma* 'мой' (редкий случай вторичного словообразования от флексивной формы) и др.

Почти нет случаев, когда ударение является единственным средством различения первичного и вторичного значения, как в *dāsa-* 'демонический' от *dāsā-* 'демон'.

Вторичные суффиксы в большинстве своем являются адъективными. Они образуют прилагательные от основ существительных (местоимений, числительных, неизменяемых слов) с широким кругом релятивных значений: происхождения, принадлежности, подобия и пр. При субстантивизации таких прилагательных формы мужского и женского рода становятся именами деятеля, а формы среднего рода — абстрактными именами.

Некоторые вторичные суффиксы образуют абстрактные существительные от прилагательных. Наконец, третья группа вторичных суффиксов не переводит произведенную основу в иной лексико-грамматический класс (существительное в прилагательное или наоборот), а выражает модификации лексического значения при сохранении исходной грамматической семантики класса (уменьшительное значение, степени сравнения).

Иногда вторичная субстантивизация производных основ приводит к стиранию разницы в значении между первичной и вторичной основами, например: *bāhāva-* 'рука' — *bāhū-* id. *ṣaṅaṇṇū-* 'стрела' — *ṣāru-* id. и др.

Суффикс *-a-* образует очень обширный и разнородный тип вторичных основ, сочетая в себе весьма различные функции. Это самый продуктивный из всех суффиксов. Для удобства описания вторичные основы на *-a-* целесообразно разделить на две части в соответствии с тем, имеет ли *-a-* самостоятельное деривационное значение или представляет собой чисто формальный элемент — тематический гласный, распространяющий менее продуктивные основы на согласный.

1. Суффикс *-a-*, присоединяясь к основам существительных (или субстантивизированных прилагательных), образует прилагательные с общим значением связи с тем, что выражено

исходным существительным. В некоторых случаях происходит вторичная субстантивизация таких производных основ. Формально эти основы характеризуются большей частью усилением гласного первого слога, часто также перемещением ударения. Вот некоторые примеры: *āraṇyá-* 'расположенный в дикой местности'— *āraṇya-* 'дикая местность', *gāndharvā-* 'относящийся к гандхарвам'— *gandharvā-* 'гандхарва' (пом.рг. класса полубогов), *traiṣṭubha-* 'имеющий размер триштубха'— *triṣṭúbh-* 'триштубх' (название размера), *pārthiva-* 'земной', м. 'житель земли', п. 'земное пространство'— *prthivī* 'земля', *sāpta-/sāptā-* 'семерка'— *saptā-* 'семь' и др.

В особую семантическую группу выделяется ряд основ, обозначающих происхождение, патронимические и метронимические имена, например: *ācṡvamedhá-* 'потомок Ашвамедхи'— *ācṡvamedha-* пом.рг. *kāṇvā-* 'член рода канвов'— *kāṇva-* пом.рг., *aiḍá-* 'сын Иды'— *iḍā-* пом.рг., *ṡaucadrathá-* 'потомок Шучадратхи'— *ṡucādratha-* пом.рг. и др.

Небольшую группу составляют субстантивизированные имена с абстрактным или собирательным значением среднего рода, как, например: *āntrá-* 'внутренности'— *ansār-* 'внутри', *pārṡvā-* 'область ребер'— *pārṡu-* 'ребро', *saúbhaga-* 'благополучие'— *subhāga-* 'благополучный' и др.

К этой же группе относится ряд основ среднего рода с гласным ступени гуна в первом слоге, образующих ритуальный предмет, употребляемый определенным разрядом жрецов, или обязанности этого жреца: *neṡṡtrá-* 'сосуд для сомы жреца-нештара'; *potrá-* 'сосуд для сомы жреца-потара', 'обязанности потара'; *hotrá-* 'сосуд жреца-хотара', 'обязанности хотара' и т. п. Эти пом.abstr. исходят из соответствующих пом.ag. на *-tar-*: *neṡṡtar-*, *pótar-*, *hótar-*.

Основы без вриддхи гласного первого слога, в которых, однако, *-a-* имеет самостоятельное деривационное значение, единичны. Кроме упомянутых ранее, можно привести еще *tamasá-* 'мрачный'— *tāmas-* 'мрак'. Следует учесть, что наличие вторичного суффикса *-a-* принято признавать во всех случаях, когда имеет место деривация значений, даже если основы являются минимальными парами, различающимися только местом ударения, как *dāsa-* adj.— *dāsá-* subst., или только ступенью гласного первого слога, как в *maitrá-* 'дружеский'— *mitrá-* 'друг', хотя наличие суффикса здесь не очевидно. Его признают из системных соображений (в европейской традиции вслед за индийской), поскольку другие суффиксы перед вторичным *-a-* выпадают. Таким образом, можно утверждать, что в ведийском языке нет вторичного словообразования с помощью одной только внутренней флексии.

2. Суффикс *-a-*, присоединяясь к различным основам на согласные, выступает в роли формального распространителя основы, не влияющего на ее значение. Распространяя корневые

имена, этот суффикс далеко не всегда отличим от первичного суффикса *-a-*. Примеры такого *-a-* представлены в *dānta-* 'зуб' (*dānt-* id.), *pāda-* 'нога' (*pād-* id., N.sg. *pād*), *māmṣā-* 'мясо' (*māms-/mās-* id.) и др. Исходной точкой для такой тематизации могли служить отдельные морфологические неясные падежные формы типа A.sg.

Основы на тематический гласный возникают также в результате отпадения конечного согласного у основ на *-n-*, что происходило обычно в составе сложных слов, например: *adhira-jā-* 'верховный царь' — *rājan-* 'царь' (ср. трактовку этих основ в качестве первого элемента: *rāja-putrá-* 'сын царя' и пр.).

Процесс тематизации основ, происходивший уже в РВ, в дальнейшем все более усиливался.

Суффикс *-ya-* и его варианты *-iyá-*, *-íya-*, имеющие также графическую форму *-ya-* (варианты с начальным гласным встречаются после тяжелого слога, но при дистрибуции форм на фонетические факторы налагаются также и грамматические — предпочтение того или иного морфологического типа по отношению к определенному варианту суффикса), принадлежат к числу крайне распространенных и употребительных. С ним связан не менее широкий круг значений, чем с вторичным суффиксом *-a-*, различия касаются в основном употребительности отдельных структурных и семантических типов основ.

Наиболее многочисленную группу составляют основы на *-ya-* без усиления гласного первого слога. Большей частью это прилагательные с широким релятивным значением, небольшую часть составляют абстрактные имена среднего рода, а иногда также и женского рода с соответствующей формой суффикса *-yā-*.

Суффикс *-ya-* присоединяется к именным основам любой структуры и иногда выглядит как формальный распространитель основы. Конечные гласные исходной основы *-a-* и *-i-* перед суффиксом *-ya-* выпадают (этимологически основы на *-a-* возникли, видимо, как результат тематизации основ на *-i-*). Большая часть основ данной структуры в ведийском языке имеет акцент сварита на суффиксе.

Чередующиеся основы обычно бывают представлены слабым звуковым видом (основы на *-n-* — ступенью гуна), например: *aryā-* 'благочестивый' — *arí-* id., *dūtyā-* 'обязанности вестника' — *dūtá-* 'вестник', *paçavyā-* 'стадо', 'стойло' — *paçú-* 'скот', *parvatyā-* 'заключенный в горах' — *párvata-* 'гора', *ráthya-* 'относящийся к колеснице', 'груз на колеснице' — *rátha-* 'колесница', *çirṣanyā-* 'головной' — *çirṣán-* 'голова' и др. В иной графической форме тот же суффикс представлен в *usríya-* 'красноватый' — *usrá-* id., 'утренний', *kṣatriya-* 'кшатрий' — *kṣatrá-* 'власть', *yajñiya-* 'достойный жертв' — *yajñá-* 'жертва' и др.

Определенная группа основ на *-ya-* данной структуры имеет

маргинальный акцент удатта, перемещенный на начальный слог или на суффикс по сравнению с исходной основой, например, удатта на первом слоге: *āṅgva-* 'заключенный в членах тела' — *aṅgá-* 'член тела', *gāṇva-* 'состоящий из множества' — *gaṇá-* 'толпа', 'множество', *pítṛva-* 'свойственный отцам' — *pitár-* 'отец' и др.; удатта на последнем слоге: *divyá-* 'небесный' — *div-* 'небо', *kavyá-* 'мудрый' — *kavi-* id., *satyá-* 'истинный' — *sát-* id., 'сущий' и др. С переносом ударения на последний слог встречаются и основы с формой суффикса *-iyá-*: *agriyá-* 'начальный' — *āgra-* 'начало', *indriyá-* 'связанный с Индрой', 'природа Индры' — *indra-* пом.рг. бога и др.

Наконец, группа основ на *-ya-* сохраняет место ударения исходной основы, например: *ibhya-* 'принадлежащий к челяди' — *ibha-* 'челядь', *kṣámya-* 'находящийся на земле' — *kṣám* 'земля', *vṛṣṇya-* 'могучий', 'бычья сила' — *vṛṣan-* 'бык' и др.

Основы на *-ya-* с вриддхи гласного первого слога по структуре и значению аналогичны соответствующим основам на *-a-*. Они не так многочисленны, как основы на *-a-*, и среди них преобладают существительные с абстрактным значением, а прилагательных меньше. Вот некоторые примеры: *ātithyá-* 'гостеприимство' — *ātithi-* 'гость', *ādityá-* пом.рг. класса богов, сыновей богини Адити — *āditi-* пом.рг. богини, *jyaiṣṭhya-* 'превосходство' — *jyēṣṭha-* 'лучший', *dārbyá-* 'потомок Дарбхи' — *darbhá-* пом.рг. человека, *pāñcajanva-* 'распространяющийся на пять родов' — ср. *pāñca* 'пять' и *jāna-* 'род', *sámrājya-* 'верховная власть' — *samrāj-* 'верховный царь' и др.

Притом что место ударения служит одним из критериев для классификации основ на *-ya-*, в ведийском языке встречается немало случаев акцентных вариантов одного и того же слова, как, например: *gāvya-/gavyá-* 'состоящий из коров', *mítṛya-/mítṛyá-* 'дружеский' и др.

В небольшой группе имен суффикс *-ya-* выступает в функции первичного. Большинство из них — имена среднего рода с абстрактным значением, употребляющиеся в качестве последнего члена сложных слов, например: *vasudéya-* 'дарение имущества' (*dā-* 'давать'), *somapéya-* 'питье сомы' (*pā-* 'пить'), *hotṛvāya-* 'выборы хотара' (*var-* 'выбирать') и др. Могут быть иногда имена женского рода на *-yā-*: *ya jyā-* 'почитание', *ḥatyā-* 'убийство' и др. Кроме них существует совсем небольшая группа имен разной структуры и значения, в которых *-ya-*, видимо, является первичным суффиксом, как в *nābhya-* 'ступица колеса', *píṣya-* 'цветок', *mādhya-* 'середина' и некоторые другие.

В первичной функции суффикс *-ya-* употребляется для образования от глагольных корней причастий должностования. На суффикс *-ya-* в ведийском языке ориентируется ряд малоупотребительных суффиксов.

Суффикс *-īya-* встречается в немногих словах. В одном случае это ритмический вариант суффикса *-ya-*: *nāvíya-/nāvya-*

‘новый’, в других — самостоятельный суффикс, как в *ārjī kīya-* ‘сосуд для сомы’ — *ārjīkā-* id. или *gr̥hamedhīya-* ‘свойственный домашнему жертвоприношению’ — *gr̥hamedha-* ‘участвующий в домашнем жертвоприношении’ или *āhavanīya-* — название жертвенного костра.

Суффикс -еуа- образует небольшую группу производных прилагательных, имеющих обычно вриддхи гласного первого слога. Часть их обозначает патронимические и метронимические названия. Некоторые функционируют как абстрактные существительные среднего рода. Ударение бывает чаще на последнем слоге. Вот некоторые примеры имен происхождения: *adīteyá-* ‘сын Адити’ — *āditi-* ном.рг., *māmateyá-* — ном.метр. риши Диргхатамаса, *sārameyá-* ‘потомок Сарамы’ — *sarāmā-* ном.рг., ‘собака’ и др.

Производные прилагательные на -еуа- нередко исходят из основ на -i-, например: *ārṣeyá-* ‘потомок риши’ — *ṛṣi-*, *gārṣṭeyá-* ‘происходящий от телки’ — *gr̥ṣti-* ‘телка’, *maūneya-* ‘состояние мудреца’ — *mūni-* ‘мудрец’ и др., но эта связь не обязательна — ср. *sabhéya-* ‘связанный с собранием’ — *sabhā-* ‘собрание’.

Суффикс -еуа- (результат контаминации суффикса с носовым и -уа-) в отыменном употреблении встречается в единичных случаях, образуя прилагательные, как в *vīrēnya-* ‘героический’ — *vīrá-* ‘герой’, *jāyēnya-* ‘название определенной болезни’ — *jāyá-* ‘жена’ и некоторые другие. Употребителен он в функции образования причастий долженствования от глагольных корней (в дальнейшем эта функция переходит к суффиксу -а́нīуа-).

Суффикс -āуа-(-āуīуа-) аналогичен по своим функциям суффиксу -еуа-. Он редок в отыменных образованиях (почти все в РВ), как, например, *daḁṣāуа-* ‘тот, кому надо услужить’ — *dāḁṣa-* ‘искусный’, *rasāуа-* ‘сочный’ — *rāsa-* ‘сок’ и др., и более употребителен в функции образования причастий долженствования.

Суффикс -āуаа- образует основы с вриддхи гласного первого слога, ударением на последнем слоге и значением патронимических имен, например: *kāṇvāуаа-* ‘потомок Канвы’ — *kāṇva-* ном.рг. ‘певца’, *amūṣyāуааа-* ‘потомок такого-то’ — *amūṣya-* Г. sg. от *adās-* ‘тот’ и др. Суффикс малопродуктивен.

Суффикс -i- в качестве вторичного образует немногие патронимические имена от основ на -а- со ступенью вриддхи гласного первого слога под ударением, например: *paūrukutsi-* ‘потомок Пурукутсы’ — *purukūtsa-* ном.рг. человека, *plāyogi-* ‘потомок Плайоги’ — *playoga-* — ном.рг. человека и пр. Единственный случай непатронимического значения у этих основ — *sārathi-* ‘товарищ на колеснице’ — *sarātha-* ‘едущий на одной колеснице с кем-либо’.

Суффикс -iṇ- образует многочисленные прилагательные от основ существительных на -а- и -ā-, подвергающихся элизии

перед ним, редко от других типов основ. Этот суффикс очень продуктивен в ведийском языке. Основы на *-in-* являются посессивными прилагательными, означающими «снабженный тем, что выражено исходной основой». Они легко субстантивируются, функционируя как названия и имена одушевленных существ. Вот некоторые примеры от основ на *-a-*: *açvín-* *пот.рг.* *богов-близнецов* — *āçva-* 'конь', *dhānín-* 'богатый' — *dhāna-* 'богатство', *patatrín-*, *parṇín-* 'крылатый', 'птица' — *pātatra-*, *parṇá-* 'крыло', *vajrín-* 'с дубиной грома' (прозвище Индры) — *vāja-* 'дубина грома' и др.; от основ на *-ā-*: *manīṣín-* 'мудрый' — *manīṣā-* 'мудрость', *māyín-* 'колдовской' — *māyá-* 'колдовство' и др.; от других основ: *khādín-* 'украшенный ножными браслетами' — *khādī-* 'ножной браслет', *retín-* 'богатый семенем' — *rétas-* 'семя', *varmín-* 'со щитом' — *várman-* 'щит' и др.

Суффикс *-in-* присоединяется к числительным, образуя прилагательное со значением «кратный», «частный», например: *çatín-* 'стократный' — *çatá-* 'сто', *sahasrín-* 'тысячекратный' — *sahásra-* 'тысяча' и др.

Главная функция суффикса *-in-* вторичная, но он функционирует в определенной части случаев в ведийском языке и как первичный, присоединяясь к глагольному корню и образуя отглагольные прилагательные, близкие по значению к причастиям несовершенного вида, например: *nitodín-* 'колющий', *madín-* 'опьяняющий', *havín-* 'зовущий' и др. О том, что некоторые из этих основ представляют собой «квазипервичные» образования, можно предположить по трактовке конечного палатального согласного отдельных корней: *arkín-* 'блестящий', 'поющий' (ср. *arká-* 'блеск', 'луч', 'хвалебная песнь') и *arcín-* 'блестящий' (ср. *arci-*, *arcís-* 'луч', 'пламя') — корень *arc-* 'блестеть', 'воспевать'; *virokin-* 'святиющийся' (ср. *viroká-* 'свет') — корень *ruc-* 'светить' (ср. *rocís-* 'свет').

Суффикс *-mín-* (результат контаминации суффикса с *-m-* и *-in-*) встречается в нескольких словах — посессивных прилагательных: *iṣmín-* 'спешащий', *rgmín-* 'воспевающий', притом что соответствующие существительные с суффиксом *-ma-* не засвидетельствованы.

Суффикс *-vín-* образует немногочисленные основы прилагательных с тем же значением, что и *-in-*. Этот суффикс присоединяется прежде всего к основам на *-as-*, как *namasvín-* 'почтительный' — *námas-* 'почтение', *rakṣasvín-* 'вредящий' — *rakṣás-* 'класс демонов' и др.

Форма суффикса *-āvín-* связана с исходными основами на *-ā-*, как *aṣṭrāvín-* 'послушный стрекалу' — *āṣṭrā-* 'стрекало', *māyāvín-* 'колдовской' — *māyá-* 'колдовство' и др., но употребляется и с основами на *-a-* при удлинении тематического гласного, как в *indriyāvín-* 'сильный' — *indriyá-* 'героическая сила', *ubhayaívín-* 'обращенный в обе стороны' — *ubháya-* 'оба' и некоторые другие.

Суффикс *-vant-* и его вариант *-mant-* образуют многочисленные прилагательные с посессивным значением от основ существительных. Ударение может сохраняться, как в исходной основе, или перемещаться на суффикс, если исходная основа оканчивается на окситонированные *-i-*, *-û-*, *-f-*, *-â-* (<*-an-*), например: *vṛṣaṇvant-* 'богатый жеребцами', 'запряженный жеребцами'— *vṛṣan-* 'жеребец', но *akṣaṇvānt-* 'имеющий глаза'— *akṣān-* 'глаз', *iṣumant-* 'снабженный стрелами'— *iṣu-* 'стрела', *aṃṣumānt-* 'богатый стеблями сомы'— *aṃṣū-* 'стебель сомы'.

Основной формой суффикса является *-vant-*. Распределение форм *-vant-* и *-mant-* первоначально, видимо, было дополнительным: *-mant-* после основ на *-u-* по диссимиляции. В дальнейшем этот принцип сохранился лишь отчасти. В ведийском языке суффикс *-mant-* присоединяется ко всем основам, кроме основ на *-a-* и *-ā-* (исключения единичны: *kāṇvamant-* 'подобный приготавливаемому Канвой' и *yāvamant-* м. 'сборщик урожая', п. 'богатство урожая'). Суффикс *-vant-*, употребляясь прежде всего с основами на *-a-*, *-ā-*, сочетается также и с другими основами (из них в единичных случаях с основами на *-u-*, как *viṣṇuvant-* 'сопровождаемый Вишну'). С основами на *-i-* чаще употребляется *-mant-*, а с основами на согласный — *-vanti-*.

Конечный гласный основы иногда подвергается удлинению перед суффиксом, как в *ācāvāvant-* 'имеющий коней'— *ācva-* 'конь' (наряду с *ācva-*— id.), *śaktīvant-* 'сильный'— *śakti-* 'сила', *tvīṣimant-* 'неистовый'— *tvīṣi-* 'неистовство' и др.

Значение, наиболее часто встречающееся у суффиксов *-vant-*, *-mant-*— это «снабженный тем, что выражено именем», «богатый тем, что выражено именем», например: *ācmanvant-* 'каменистый'— *ācman-* 'камень', *dānavant-* 'богатый дарами'— *dāna-* 'дар', *prajāvant-* 'богатый потомством'— *prajā-* 'потомство'— *krātumant-* 'полный сил'— *krātu-* 'сила', *vṛṣṭimānt-* 'содержащий дождь'— *vṛṣṭi-* 'дождь' и др.

Иногда данные основы субстантивируются. Частным случаем такой субстантивации является их употребление в качестве имен собственных, как, например: *sārasvant-* пом.рг. мифологического персонажа, или топонимов: *mūjavant-* пом.рг. 'горы', *himāvant-* 'снежный', 'Гималаи' и др. Более обычно употребление этих основ как пом.abstr. среднего рода со значением «богатство, состоящее из того, что выражено исходной основой»: *vīrāvat-* 'богатство, состоящее из героев'— *vīrā-* 'герой'.

Присоединяясь к местоименным основам, суффикс *-vant-* образует небольшую группу местоименных прилагательных со значением подобия: *māvant-* 'подобный мне'— *mā* A.sg. от *ahám* 'я', *tvāvant-* 'подобный тебе'— *tvā* A.sg. от *tvám* 'ты', где исходными являются падежные формы. В формах *yuvāvant-* 'принадлежащий вам двоим'— *yuvā-* основа двойственного числа от *tvám* и *yuṣtmāvant-* 'принадлежащий вам [многим]'— *yuṣtmā-* основа pl. от *tvám*, значение подобия не выражено.

Это значение свойственно маленькой группе местоименных прилагательных от основ указательных местоимений: *tāvant-* 'такой как', 'столький', *etāvant-* — id., *yāvant-* 'какой (относит.)', *kīvant-* 'какой?' (вопросит.), *īvant-* 'столь большой'. За пределами этой замкнутой группы значение подобия у суффикса *-vant-* почти не выражено.

Суффикс *-van-* образует небольшую группу прилагательных от основ существительных. Формальные особенности у них те же, что и у основ на *-vant-*. Этот суффикс в ведийском языке непродуктивен и вытесняется суффиксом *-vant-*. Вот некоторые примеры: *ṛtāvan-* 'истинный' — *ṛtā-* 'истина', *maghāvan-* 'щедрый' (эпитет Индры) — *maghā-* 'дар', *arātivān-* 'враждебный' — *ārāti-* 'враждебность' и др.

Суффикс *-ka-* (форма женского рода *-kā-*) образует прилагательные и существительные от исходных основ, принадлежащих к различным классам слов (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, предлоги), присоединяясь к любому конечному элементу основы, что приводит к возникновению самостоятельных суффиксов: *-ika-*, *-ikā-*, *-īka-*, базирующихся на первоначальной форме *-ka-*. Суффикс *-ka-* и связанные с ним суффиксы очень продуктивны. В РВ их употребительность еще не слишком велика. В поздних самхитах она возрастает (особенно у суффикса *-ika-*), и этот процесс усиливается в санскрите и в среднеиндийских диалектах.

Место ударения в основах на *-ka-* бывает различным. Чередующиеся исходные основы перед суффиксом *-ka-* обычно представлены слабым звуковым видом, например: *rājakā-* 'царек' — *rājan-* 'царь', *prātika-* 'облик' — *pratyāñs-* 'обращенный навстречу' и др. По образцу исходных основ на *-āñs-* конечный долгий гласный перед *-ka-* имеют *ānūka-* 'позвоночник' — ср. *ānu* 'вдоль', 'вслед за' (**anvañs-*), *ūpāka-* 'тесно связанный' — ср. *ūpa* 'к', 'при' (**ūpāñs-*) и некоторые другие.

С суффиксом *-ka-* связаны различные значения, не всегда отчетливо выраженные.

Наиболее отчетливой семантикой обладает группа основ, в которых *-ka-* имеет диминутивное значение (пренебрежительное, ласкательное). Суффикс *-ka-* в этом значении обычно несет на себе ударение, например: *dēvaka-* 'божок' — *devā-* 'бог', *pādakā-* 'ножка' — *pāda-* 'нога', *putrakā-* 'сын', 'сынишка' — *putrā-* 'сын', *vamrakā-* 'муравьишка' — *vamrā-* 'муравей', *śakuntikā-* 'птичка' — *śakūnti-* 'птица' и др. В отдельных случаях суффикс *-ka-* может выражать неполноту, меньшую степень качества, как в *śītaka-* 'прохладный' — *śītā* 'холодный'. Эта группа основ на *-ka-* невелика. Кстати, специализация суффикса *-ikā-* в функции образования основ, обозначающих существа женского пола, к основам на *-ka-*, обозначающим существа мужского пола, является развитием этого значения.

Начиная с РВ, все возрастает число основ с суффиксом *-ka-*, прилагательных или существительных адъективного происхождения, выражающих широкую семантическую связь со значением исходной основы. Вот некоторые примеры: *ántaka-* 'причинающий конец' (эпитет Ямы) — *ánta-* 'конец', *ántika-* 'находящийся вблизи' — *ánti-* 'вблизи', *trikā-* 'связанный с тремя', 'троякий', 'состоящий из трех' — *tri* 'три', *sucīka-* 'жалящее насекомое' — *sūcī-* 'игла' и др.

После РВ в производных словах на *-ka-* и на *-ika-* этого типа все чаще начинает встречаться ступень вриддхи гласного первого слога, например: *kairātikā-* 'девица из племени киратов' — *kirāta-* ном.р. племени, *vāsantika-* 'весенний' — *vasantā-* 'весна' и др. В РВ к этому типу можно отнести, пожалуй, только местоименные прилагательные *māmakā-* 'мой' — *māma* G.sg. от *ahām-* 'я' и *tāvakā-* 'твой' — *tāva-* G.sg. от *tvām-* 'ты'.

Суффикс *-ka-* в ряде основ является плеонастическим, поскольку он не меняет семантики основы и выглядит просто как ее формальное распространение, например: *āvika-* 'овца' — *āvi-* id., *dhénukā-* 'дойная корова' — *dhenú-* id., *śanakā-* 'медленный' — *śāna-* id., *sanakā-* 'старый' — *sāna-* id. и др. Именно в такой функции суффикс *-ka-* употребляется также в конце некоторых сложных слов типа *бахуврихи* (*bahuvrihi-*).

В первичной функции суффикс *-ka-* (а также происходящие от него суффиксы *-aka-*, *-uka-*) встречается редко, например: *śūṣka-* 'сухой', *ślóka-* 'зов', *mūka-* 'немой' и др.

Далее следует упомянуть ряд малоупотребительных непродуктивных суффиксов, образующих в ведийском языке прилагательные (иногда субстантивизированные) от разных классов слов.

Суффикс *-tva-* образует прилагательные от наречий и приставок. Суффикс в этих основах бывает безударным, например: *āpatva-* 'потомок' — *āpa* 'вниз', 'прочь', *nītvā-* 'собственный', 'постоянный' — *nī* 'вниз', 'внутри', *sānutva-* 'находящийся далеко' — ср. *sanutār-* 'далеко прочь' и некоторые др.

Суффикс *-t[ā]na-* образует прилагательные от наречий, обозначающих время: *nūtana-* 'теперешний' — *nū* 'теперь', *pratnā-* 'давнишний' — *prā* 'перед', 'раньше' и др.

Суффикс *-ta-* употребляется в основном как первичный, но он засвидетельствован и во вторичной функции: у единичных существительных типа *drumā-* 'дерево' — *drú-* 'древесина'; у прилагательных, образованных от наречий, типа *adhamā-* 'нижний' — *adhās-* 'внизу', *upamā-* 'высший' — *ūpa* 'рядом', 'на' и др.; также в порядковых числительных типа *saptamā-* 'седьмой' — *saptān-* 'семь', *aṣṭamā-* 'восьмой' — *aṣṭā* 'восемь' и др.

Суффикс *-ima-* встречается в нескольких основах, оканчивающихся на суффикс *-ira-*: *kṛtrima-* 'искусственный', *pūtrima-* 'очищающий'.

Суффикс *-māya-* образует прилагательные со значением

«сделанный или состоящий из того, что выражено исходной основой» и с ударением на предпоследнем слоге от основ существительных, местоимений, числительных и наречий, например: *ayasmāya*- 'железный'— *āyas*- 'железо', *gotāya*- 'состоящий из коров'— *gō*- 'корова', *mṛtmāya*- 'земляной'— *mṛd*- 'земля', *sūtmāya*- 'хорошо сделанный'— *sū* 'хорошо', *kimtmāya*- 'из чего состоящий?'— *kim* 'что?' и др.

Суффикс -mnā- засвидетельствован в нескольких основах среднего рода с абстрактным значением, в которых он присоединен к существительным и наречиям: *dyumnā*- 'великолепие'— *dīv*/*dyū*- 'небо', *nimnā*- 'низменность'— *nī* 'вниз', *mṛmnā*- 'мужество'— *nār*- 'муж', *sumnā*- 'благодетель'— *sū* 'хорошо'.

Суффикс -ra- употребляется прежде всего как первичный, во вторичной функции образует небольшое число прилагательных от основ существительных, например: *aṃhurā*- 'угнетенный'— *aṃhū*- 'узость', *āsura*- 'живой', поэт.гр. класса мифологических персонажей— *āsu*- 'сила жизни', *aṣṛīrā*- 'некрасивый'— *ṣṛī*- 'красота' и др.

Суффикс -la- (фонетический вариант **-ra-**) также образует прилагательные от имен и наречий, например: *bahulā*- 'толстый', 'густой', 'многочисленный'— *bahū*- 'многочисленный' (единственное из хорошо засвидетельствованных в РВ слов с этим суффиксом), *mādhulā*- 'сладкий'— *mādhu*- 'мед', *ṣmaṣṛulā*- 'бородатый'— *ṣmāṣṛu*- 'борода' и др. В некоторых случаях 'у этого суффикса можно отметить диминутивное значение и значение неполноты качества, приблизительности, например: *vṛṣalā*- 'человечишко'— *vṛṣan*- 'мощный человек', *ṣiṣṭalā*- 'ребеночек'— *ṣiṣu*- 'ребенок', *ṣitala*- 'прохладный'— *ṣitā*- 'холодный' и др.

У некоторых слов **-ra-** и **-la-** употребляются как варианты, например: *aṣṛīra*/*aṣṛīla*- 'некрасивый', *pāṃsurā*/*pāṃsulā*- 'пыльный'.

Суффикс -ṣa- образует немногие прилагательные от существительных и прилагательных, например: *romaṣā*- 'волосатый'— *rōman*- 'волосок на теле', *étaṣa*- 'пестрый', поэт.гр. коня солнца— *éta*- 'блестящий', 'род оленя', *babhlūṣā*- 'коричневатый'— *babhrū*- 'коричневый'.

Суффиксы -tara- и -tama- служат для выражения степеней сравнения прилагательных в ведийском языке. Это очень продуктивные суффиксы, которые уже в РВ используются значительно чаще, чем соответствующие первичные суффиксы **-īyas-** и **-iṣṭha-**, а в дальнейшем вытесняют их все больше и больше. Суффиксы сравнения присоединяются к любым основам прилагательных, а также к ряду основ существительных. Чаще сохраняется место ударения исходной основы. Чередующиеся основы перед суффиксом сравнения бывают представлены слабым звуковым видом, основы на **-an-**— ступенью гуна.

Суффикс **-tara-** выражает сравнительную степень качества (сравнение с одним членом, а иногда и со многими), суффикс

-tama- — превосходную степень качества (сравнение со всеми членами). Сравнение с другими членами данного класса может и отсутствовать, и тогда *-tara-* и *-tama-* выражают просто полноту качества. Вот некоторые примеры: *priyātama-* 'самый приятный' — *priyā-* 'приятный', *kavitāra-* 'более прозорливый' — *kavitāma-* 'самый прозорливый' — *kavi-* 'прозорливый', м. 'поэт', *rathītāra-* 'лучше другого едущий на колеснице' — *rathītāma-* 'лучше всех едущий на колеснице' — *rathī-* 'едущий на колеснице', *cārutāma-* 'самый милый' — *cāru-* 'милый', *maṣṣūtāma-* 'очень стремительный' — *maṣṣū-* 'стремительный', *vidūṣtāra-* 'более знающий' — *vidvāms-* р.п. act. от *vid-* 'знать', *bhāgavat-tāra-* 'более счастливый' — *bhāgavant* 'счастливый', *rayīntāma-* 'очень богатый' — **rayin-* 'богатый', ср. *rayi-* 'богатство' и др.

Суффиксы сравнения *-tara-*, *-tama-* присоединяются также к прилагательным — сложным словам, например: *indrapātāma-* 'выпиваемый Индрой лучше всех', *ratnadhātāma-* 'больше всех дающий сокровища', *sukṣṭtāra-* 'еще более благодетельный', *sukṣṭtāma-* 'самый благодетельный', *dasyuhāntāma-* 'лучше всех убивающий врагов' и др.

Присоединяясь к основам существительных, суффиксы сравнения выражают большую или самую большую степень наделенности тем качеством, которое выражено именем существительным, например: *nṛtāma-* 'самый мужественный' — *nār-* 'муж', *pitṛtāma-* 'самый отеческий' — *pitār-* 'отец', *mātṛtāmā-* 'самая материнская' — *mātār-* 'мать', *vrtrātāra-* 'худший среди вритр' и др.

В соединении с именем мифологического персонажа суффикс *-tama-* выражает наибольшую степень подобия этому персонажу, например: *āṅgirastāma-* 'наиболее сходный с Ангирасом', *indratāmā-* 'самая похожая на Индру', *māruttāma-* 'очень похожий на Марутов' и др.

Продуктивность этих суффиксов настолько велика, что они могут иногда плеонастически присоединяться к соответствующим менее продуктивным суффиксам сравнения, например: *jy-ēṣṭhātāma-* 'самый лучший' и *nēdiṣṭhātāma-* 'самый близкий'.

Суффикс *-tāmā-* используется также для образования порядковых числительных, характеризуясь в этой функции ударением на последнем слоге, например: *śatātāmā-* 'сотый' — *śatā-* 'сто' и др.

Ряд вторичных суффиксов в ведийском языке специализировался в функции образования существительных с абстрактным значением.

Суффикс *-tvā-* образует существительные среднего рода с абстрактным значением от именных основ. Суффикс всегда бывает под ударением, исходная основа, если она чередующаяся, представлена слабым звуковым видом.

Суффикс *-tvá-* выражает значение состояния, характерных качеств. В отдельных случаях он может присоединяться к основам существительных с абстрактным значением, как правило же — к ном.сопсг. Вот некоторые примеры: *amṛtatvá-* 'бессмертие' — *amṛta-* 'бессмертный' (*mṛtá-* р.р. от *mar-* 'умирать'), *asuratvá-* 'асурическая природа' — *āsura-* 'асура', *garbhatvá-* 'беременность' — *gārbha-* 'зародыш', *janitvá-* 'замужество' — *jāni-* 'жена', *bhrātṛtvá-* 'братство' — *bhrātar-* 'брат', *vṛṣatvá-* 'мужская сила' — *vṛṣan-* 'бык' и др. В отдельных случаях возможна ступень вриддхи гласного первого слога, как, например, в *saubhagatvá-* 'состояние счастья' наряду с *subhagatvá-* id. (ср. *subhāga-* 'счастливый' и *saubhaga-* 'счастье'). Этот суффикс может присоединяться также к сложным словам, например: *aprajastvá-* 'бездетность' — *āprajas-* 'бездетный', *dirghāyutvá-* 'долголетие' — *dirghāyu-* 'долголетний' и др. Не очень многочисленные в РВ, эти основы начинают встречаться все чаще в поздних самхитах и особенно в последующих памятниках.

Суффикс *-tvaná-* является вариантом суффикса *-tva-*, образующим также абстрактные существительные среднего рода. Засвидетельствован только в древних частях РВ (*na* по происхождению частица). Встречается обычно в сочетании с теми же исходными основами, что и *-tva-*, например: *janitvaná-*, *vṛṣatvaná-* и др.

Суффикс *-tā-* образует абстрактные существительные женского рода от именных основ. Ударение падает на гласный слога перед суффиксом. Значение — состояние, иногда собирательность. Вот некоторые примеры: *agótā-* 'бескоровность' — *gó-* 'корова', *nagnātā-* 'нагота' — *nagná-* 'нагой', *puruṣātā-* 'человеческий обычай' — *puruṣa-* 'человек', *vasūtā-* 'доброта', 'щедрость' — *vāsu-* 'добрый' и др.

В самхитах этот суффикс менее употребителен, чем *-tva-*. В РВ встречаются два случая сочетания обоих суффиксов в одной основе: *iṣitatvātā-* 'воодушевленность' — *iṣitā-* (р.р. от *iṣ-* 'приводить в движение', 'возбуждать') и *puruṣatvātā = puruṣātā-*.

Суффикс *-tāti-* (распространение *-tā-* посредством *-ti-*) образует немногие существительные женского рода с абстрактным значением от именных основ. Ударение предсуффиксальное. Вот некоторые примеры: *ariṣtātāti-* 'невредимость' — *āriṣta-* 'невредимый' (*a* + р.р. от *riṣ-* 'вредить'), *sārvatāti-* (ударение!) 'полнота благополучия' — *sārva-* 'весь', 'целый' и др.

Иногда у этих основ происходит конкретизация значения, например: *jyeṣṭhātāti-* 'высшая власть', 'высший владыка', *devātāti-* 'служба богам', 'сонм богов'.

Суффикс *-tāt-* (распространение *-tā-*) образует редкие абстрактные имена женского рода, засвидетельствованные только в РВ и только в косвенных падежах. Ударение предсуффиксальное, например: *uparātāt-* 'близость' — *ūpara-* 'ближайший', *devātāt-* = *devātāti-*, *vṛkātāt-* 'порча(?)' — *vṛka-* 'волк', *sarvā-*

tāt = *sārvatāti*. Большей частью это не вполне морфологически ясные формы.

Суффикс -vāt- образует немногочисленные абстрактные существительные женского рода, обозначающие место, от наречий-приставок: *udvāt-* 'высота' — *ūd* 'вверх', *nivāt-* 'глубина' — *nī* 'вниз', *pravāt-* 'склон' — *prá* 'пéред', 'вперед' и др.

Ряд суффиксов в ведийском языке специализируется на образовании основ женского рода от основ мужского рода. Этот тип словообразования является регулярным для прилагательных. Он релевантен также для существительных — названий одушевленных существ (или сил, мыслимых как одушевленные), образующих от одной и той же основы названия представителей разного пола одного вида. Именно эта часть существительных, для которых категория рода является не классифицирующей, а словоизменительной, в ряде случаев дает модель для оформления граммы женского рода и у прочих существительных.

Лишь в единичных случаях встречаются основы — названия животных, обозначающие одновременно особи мужского и женского пола, как, например, *gó-* м. 'бык', *f.* 'корова', *ávi-* м. 'баран', *f.* 'овца' (различие грамматического рода у этой основы проявляется в выборе типа флексии).

У тех типов основ, которые способны выражать граммы и мужского, и женского рода, категория рода в классе *пот. аг.* прилагательных может оставаться морфологически невыраженной: один и тот же тип основы и флексии обслуживает граммы мужского и женского рода. Так, например, прилагательное *vidyút-* 'сверкающий' (корень *dyut-*) в равной мере может определять *dhārā-* 'поток' женского рода и *devá-* 'бог' мужского рода. Следует отметить, что уже в РВ наблюдаются отдельные случаи вторичного словообразования от корневых основ для выражения граммы женского рода, например: *spāṣaḥ...* *sudṛṣo* (IX, 73,7) 'хорошо смотрящие соглядатаи' — *spāṣ-* мужского рода, но *sudṛṣī...* (I, 122,2) 'хорошо выглядящая' (об Ушас).

В других типах основ существительных, способных выражать граммы мужского и женского рода, различие между граммами рода реализуется с помощью разных типов флексии [основы на *-tar-* (имена родства), на *-i-* и *-u-*]. В тех падежах, где эта разница не выражена, различие между граммами рода может быть передано синтаксически с помощью согласующихся прилагательных, например: *sārveṣāṃ ca kṛimīṇāṃ sārvaśāṃ ca kṛimīṇāṃ* (AB, V, 23,13) букв. 'И у всех червей, и у всех червей'.

В принципе вторичными суффиксами, служащими для образования основ женского рода от основ мужского рода, являются суффиксы на долгие гласные.

Суффикс -ā- служит для образования основ женского рода

от основ мужского рода на *-a-*. В основах на *-ā-*, обозначающих существа женского пола, сохраняется место ударения исходной основы. Вот некоторые примеры: *ajā-* 'коза'—*ajā-* 'козел', *ācva-*, *ātu-* 'кобыла'—*ācva-*, *ātu-* 'жеребец', *vatsā-* 'телка'—*vatsā-* 'теленки', *śūdrā-* 'шудрянка'—*śūdrā-* 'шудра' и др.

Эти существительные следуют в своей словообразовательной модели прилагательным типа *pāpā-* 'злая'—*pāpā-* 'злой', *priyā-* 'приятная'—*priyā-* 'приятный' и др. К этой же модели принадлежат и местоименные прилагательные: *itarā-* 'иная'—*itara-* 'иной', *katarā-*, *katamā-* 'какая'—*katarā-*, *katamā-* 'какой', *anyā-* 'другая'—*anyā-* 'другой', *viśvā-* 'вся'—*viśva-* 'весь', *sārva-* 'целая'—*sārva-* 'целый', *ekā-* 'одна'—*eka-* 'один' (местоименное прилагательное от основы числительного). Основы прилагательных с суффиксами сравнения *-tara-* и *-tama-* выражают грамму женского рода также с помощью суффикса *-ā-*, например: *ūttarā-* 'высшая'—*ūttara-* 'высший', *indratamā-* 'самая похожая на Индру' и др.

Имеется ряд существительных, обозначающих одушевленные существа женского пола или различные понятия и явления природы, мыслимые как женское начало, которые образованы с помощью вторичного суффикса *-ā-* без соответствующей исходной основы мужского рода на *-a-*. Сюда относятся собственные имена женщин или богинь, как, например: *iṭā-* пот.гр. богини, *kuśāvā-* пот.гр. демонши [букв. 'дающая плохое (*ku-*) рождение (*savā-*)'], *viśpālā-* пот.гр. женщины и др. названия женщин, самок животных: *ambā-*, *nanā-* 'мама', *kanvā-* 'девица', *kanā-* 'молодая женщина' (ср. *kanā-* 'молодой'), *vaçā-* 'не стельная корова'; названия некоторых растений, как *libujā-* 'лиана' (символ женского начала в любовных заговорах АВ) и др.; многие названия рек, как *kubhā-*, *gāṅgā-*, *trṣṭāmā-*, *rasā-* и др.

Суффикс *-ikā-* образует от именных основ вторичные основы с уменьшительным значением или со значением женского рода, например: *çitikā-* 'холодная'—*çitā-* 'холодный', *hlādikā-* 'освежающая', 'прохладная' (ср. *hradā-* 'море', 'озеро', 'пруд'), *nāsikā-* 'ноздря'—*nāsā-* 'нос', *upajihvikā-* 'муравья', *vārtikā-* 'перепелка' и др. В РВ эти основы совсем немногочисленны.

После РВ устанавливается прочное соответствие основ на *-ikā-* как форм женского рода, соответствующих основам на *-aka-* мужского рода (в РВ встречается *iyattikā-* 'столь малая' к *iyattakā-* 'столь малый'), типа *kumārikā-* 'девочка'—*kumārakā-* 'мальчик'. Засвидетельствовано несколько случаев колебаний между формами суффикса *-akā-* и *-ikā-*. Изредка встречается суффикс женского рода — *-akī-*, как в *prṣātakī-* — название болезни и пот.гр. персонифицирующей ее демонши и др.

Суффикс *-ī-* употребляется во всех остальных случаях при образовании основ женского рода, где не употребляется суффикс *-ā-*. Он присоединяется не только к исходным основам на согласные и гласные, кроме *-a-*, но также и к некоторой части

основ на *-a-*, например: *bahvī-* 'обильная' — *bahū-* 'обильный', *gomatī-* 'богатая коровами' — *gómat-* 'богатый коровами', *ṣunt-* 'сука' — *ṣván-* 'кобель' и др. Таким образом, этот суффикс гораздо более продуктивен в функции образования основ женского рода, чем суффикс *-ā-*.

Типом исходной основы, от которой произведена основа женского рода на *-ī-*, в значительной степени определяется тип склонения основ на *-ī-*. В ведийском языке (прежде всего в РВ и в АВ) различаются два типа склонения основ женского рода на *-ī-*. Первый — это тип *devī* (с ударным или безударным суффиксом), в котором конечный гласный *-ī-* в положении перед начальным гласным флексии переходит в согласный *-u-*; при этом акцент в парадигме всегда бывает на флексии гласного «производного» типа. Второй — это тип *vrkī-* с суффиксом, ударным во всей парадигме, представленным вариантом *-i-* перед начальным гласным флексии (графически — сварита *-yā-*) и флексией согласного «корневого» типа.

Флексию типа *devī-* имеют в подавляющем большинстве основы на *-ī-*, произведенные от всех основ, кроме основ на *-a-*. Если исходной является основа на *-a-*, то тип флексии производной основы на *-ī-* до некоторой степени определяется структурными и семантическими особенностями соответствующей основы на *-a-*.

В распределении двух типов флексии у основ на *-ī-*, произведенных от основ на *-a-*, в целом наблюдаются следующие тенденции. Флексию типа *vrkī-* склонны иметь основы, обозначающие особей женского пола, например: *vrkī-* 'волчица' — *vṛka-* 'волк', *puruṣī-* 'женщина' — *puruṣa-* 'мужчина', *maṇṭukī-* 'самка лягушки' — *maṇḍūka-* 'самец лягушки', *mayūri-* 'пава' — *mayūra-* 'павлин', *yamī-* 'Ями' — *yamā-* 'Яма', *siṃhī-* 'львица' — *siṃhā-* 'лев' и др. Этот тип флексии встречается иногда у сложных слов бахуврихи женского рода, как, например, *viṣvarūpī-* от *viṣvārūpa-* м. 'обладающий всеми обликами' и др., хотя с этой флексией здесь нередко конкурирует флексия основ на *-ā-*, например: *pururūpī-* 'обладающая многими обликами' и др.

Флексия типа *devī-* засвидетельствована у ряда прилагательных женского рода от исходных основ на *-a-*, которые обозначают цвет, например: *āruṣī-* 'красная' — *aruṣā-* 'красный', *gaurī-* 'светлая' — *gaurā-* 'светлый', *ṣabalī-* 'пестрая корова' — *ṣabāla-* 'пестрый' и др.

Из формальных тенденций можно отметить склонность ряда исходных основ на *-a-* во вторичных суффиксах, особенно с гласным вриддх первого слога, образовывать формы женского рода по типу *devī-*, например: *pāvamānī-* 'песня над струящимся сомой' — *pāvamānā-* 'связанный со струящимся сомой' (*pāvamāna-*), *bhārati-* пом.рг. богини песни (букв. 'происходящая от Бхараты') — *bhārata-* 'происходящий от Бхараты' (*bharatā-*) и др.

Наряду с этим встречаются дублиеты на *-ā-* и на *-ī-*, произведенные от одной и той же основы на *-a-*, например: *kr̥ṣṇā-* 'черная' (обозначение ночи) от *kr̥ṣṇā-* 'черный', *mānuṣā-* 'женщина' — *mānuṣa-* 'мужчина' и некоторые другие.

От всех остальных типов исходных основ образуются основы женского рода почти исключительно по типу *devī-* с сохранением или перемещением места ударения. Оно сохраняется обычно в случае исходного ударения на первом слоге, как в *jānitri-* 'родительница' — *jānitar-* 'родитель', *dvipādi-* 'двуногая' — *dvipād-* 'двуногий' (здесь отношения затемняются условиями сложного слова), *ācmanvati-* 'каменистая' — *ācmanvant-* 'каменистый' и др. Чередующиеся основы, кроме основ на носовой, представлены, как правило, перед суффиксом слабым звуковым видом. В основах на *-ant-* ожидаемую слабую форму имеют основы именного происхождения, причастия же тематического спряжения обычно сохраняют носовой в суффиксе, например: *pātanti-* 'летающая' от *pātati*, *codāyanti* 'вдохновляющая' от *codāyati* и др.

Если исходная основа чередующаяся, то имеет место тенденция соответствия места ударения в производной основе на *-ī-* месту ударения в слабых падежах исходной основы, например: *sūṇṛtāvati-* 'прекрасная', как в I.sg.m. *sūṇṛtāvātā* от *sūṇṛtāvant-*, *avitri-* 'защитница', как в I.sg.m. *avitrā-* от *avitar-*, *arvāci-* 'обращенная к', как в A.pl.m. *arvācas* от *arvānc-*, *praticī-* 'обращенная навстречу', как в Abl.sg. *praticās* от *pratyānc-* и др. Если исходная нечередующаяся основа имеет ударение на последнем слоге, то в производной основе на *-ī-* оно обычно перемещается к началу слова, например: *garbhīni-* 'беременная' — *garbhīn-* m., *ṣatīni-* 'сотенная' — *ṣatīn-* 'сотенный' и др.

Здесь были перечислены лишь некоторые общие тенденции, отклонения от них достаточно многочисленны.

Образование вторичных основ женского рода неодинаково распространено в ведийском языке среди разных типов основ мужского рода. Так, основы на *-ī-* редко образуются от основ на *-s-* или на *-tan-* [ср., однако, *brāhmī-* 'благочестивая' — *brahmān-* 'брахман', *nāmni-* 'называемая' (в конце сложных слов) — *nāman-* 'имя' и др.]

У основ на *-van-* с присоединением суффикса женского рода *-ī-* связано наличие гетероклитического чередования *r/n*, например: *ṛtāvari-* 'благочестивая' — *ṛtāvan-* 'благочестивый', *vibhāvari-* 'лучистая' — *vibhāvan-* 'лучистый' и *ṣākvari-* 'умелая' — *ṣākvan-* 'умелый' и др.

В отдельных случаях конечный гласный элемент исходной основы перед суффиксом женского рода *-ī-* приобретает ступень вриддхи, давая *-āyī-*, *-āvi-*, *-āri-*. Эти основы служат для обозначения жен соответствующих персонажей мужского пола, например: *agnāyī-* — *agnī-*, *vṛṣākāpāyī-* — *vṛṣākapi-*, *jahnāvi-* —

nom.pr.f.— *jahnú-* nom.pr.m., *nārī-* 'женщина'— *nar-* 'мужчина'.
Основе на *-u-* мужского рода может соответствовать основа на *-āyī-* женского рода, как в *pūtákratāyī-* nom.pr.f. при *pūtákratu-* nom.pr.m.

Суффикс *-nī-* используется для образования основ женского рода от небольшой группы прилагательных на *-ta-*, обозначающих цвет, например: *ēnī-* 'пестрая'— *éta-* 'пестрый' (название вида антилоп), *rōhīnī-* 'красная'— *rōhita-* 'красный', *hāriṇī-* 'буланая'— *hārīta-* 'буланный' и некоторые другие.

Этот же суффикс образует основу женского рода *pātnī-* 'госпожа' к *pāti-* 'господин'.

Суффикс *-ānī-* образует основы женского рода к соответствующим основам мужского рода на *-a-*; их семантика — прежде всего собственные имена, например: *araṇyānī-* nom.pr. лесной богини — *āraṇya-* 'лес', *indrānī-* nom.pr. жены Индры — *indra-* nom.pr. бога, *varuṇānī-* nom.pr. жены Варуны — *vāruṇa-* nom.pr. бога и некоторые другие.

Таков инвентарь основных первичных и вторичных суффиксов в ведийском языке и правила их соединения с другими морфемами в составе основ.

Для ведийского словообразования характерна изофункциональность ряда суффиксов, образующих синонимичные ряды. Так, в функции образования имени деятеля употребляются суффиксы: $\ddot{\text{H}}$, *-a-*, *-ana-*, *-man-*, *-tar-*, *-in-*; в функции образования абстрактных имен: $\ddot{\text{H}}$, *-a-*, *-ana-*, *-as-*, *-ti-*, *-man-*, *-ya-*, *-tva-*, *-tā-*, *tāti-*, *-tāt-*, *-yā-*; в функции образования прилагательных с общим значением связи с исходным существительным: *-a-*, *-in-*, *-mant-/vant-*, *-ka-*, *-maya-*; в функции образования патронимических имен: *-a-*, *-i-*, *-eya-*, *-ka-*; в функции образования прилагательных сравнительной степени: *-īyas-*, *-tara-*; превосходной степени: *-iṣṭha-*, *-tama-* и т. п. (многочисленные малоупотребительные суффиксы здесь не принимались во внимание).

В связи с тем, что не всегда достаточно четко противопоставлены грамматические значения классов основ, образованных с помощью разных суффиксов, и иногда бывает сильно затемнена первоначальная система акцентных противопоставлений, на системные грамматические противопоставления в словообразовании нередко наслаиваются окказиональные лексические различия. Наличие пробных образований, характерных для поэтического языка, еще более увеличивает эти нарушения системности.

В результате одно значение может быть выражено разными суффиксами; так, например, от одного корня *kar-* 'делать': *kṛt-*, *karā-*, *kṛtnū-*, *kṛtvan-* 'делающий', 'деятельный'; *kṛti-*, *kāraṇa-*, *kārman-*, *kāras-*, *kariṣyā-*, *karūṇa-* 'деяние', 'дело', но *kṛtyā-* 'колдовство' и т. п.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Термином «сложные слова» (*samāsa-*) принято описывать в древнеиндийском языке весьма разнородный круг явлений, занимающих промежуточное положение между словообразованием и элементарными синтаксическими конструкциями (ЭСК). В ведийском языке сложные слова состоят обычно из двух членов. Трехчленные встречаются исключительно редко и представляют собой сочетание устойчивого двучленного сложного слова, воспринимаемого как самостоятельная единица, с третьим, конечным элементом слова, например: *rāyaspoṣadé (viṣṇave)* '(для Вишну), дающего процветание богатства' (МС, I,2,6), ср. *rāy-āspōṣam (dṛmha)* (МС, I,2,11), '(укрепи) процветание богатства'. Сложные слова в ведийском языке не столь многочисленны, как в классическом санскрите, и образование новых сложных слов весьма ограничено.

С точки зрения структуры сложное слово отличается от ЭСК своей цельнооформленностью. Существует набор формальных признаков, характеризующий сложное слово как единое целое:

1) изменяющуюся флексию имеет только последний член сложного слова, первый член бывает обычно представлен в виде основы; таким образом, сложное слово, если оно употребляется в предложении самостоятельно, а не в качестве определения, согласующегося с другим словом, имеет тот набор граммем, который свойствен последнему члену;

2) сложное слово имеет одно ударение;

3) в качестве последнего члена сложного слова могут употребляться корневые имена в той форме, в которой они не встречаются в самостоятельном употреблении;

4) суффикс (если таковой имеется) присоединяется к последнему члену, оформляя слово целиком;

5) сандхи на границе двух членов сложного слова отличаются в некоторых отношениях от сандхи на границе двух слов.

Ни один из этих формальных признаков не является строго

обязательным. В отдельных типах сложных слов может отсутствовать какой-нибудь из них.

При семантическом единстве сложного слова встречаются, однако, отдельные случаи, когда первый его член соотносится с каким-либо другим словом, например: *yātkāma idām abhisīncāmi vo'hām tām me sārvaṃ sām padyatām* букв. 'Что-желающий я сейчас здесь возливаю вам, то всё пусть мне достанется' (AB, X, 9, 27).

Первый член сложного слова может принадлежать к любому классу слов, кроме глагола в личной форме (причастия и — реже — отглагольные имена могут употребляться в этой позиции). Последний член бывает выражен преимущественно именем.

Первый член сложного слова, как правило, бывает представлен чистой основой. Если эта основа принадлежит к чередующемуся типу, то в сложном слове употребляется слабая форма, например: *pitṛyāna-* 'исхоженный предками' (ср. *pitār-*), *yāta-yājjana-* 'объединяющий людей' (ср. *yātáyant-*), *nṛjít-* 'побеждающий мужей' (ср. *nār-*), *rājayakṣmā-* 'царская якшма' (поп.гр. болезни) (ср. *rājan-*) и т. п.

Иногда в качестве первого члена сложного слова выступает такая форма слова, которая самостоятельно не употребляется, например, от прилагательного *mah-* 'великий' эта форма *mahā-*: *mahāgrāmā-* 'большая толпа', *mahāvadha-* 'имеющий великое оружие'; от прилагательного *turā-* 'быстрый', 'сильный' — форма *tuvī-*: *tuvigrīva-* 'с мощным затылком', *tuvirādhas-* 'много давящий' и др.

Личные местоимения, выступая в функции первого члена, не имеют единой формы. Местоимение 1-го лица единственного числа представлено формой, равной Abl.: *mātkṛta-* 'сделанный мной', A. *tāmpaṣyā-* 'глядящий на меня', N. *ahamyū-* 'гордый'. Местоимение 1-го лица множественного числа представлено разными формами. Это может быть чистая основа — *asmadrūh-* 'враждебный нам', форма Abl. — *asmātsakhi-* 'имеющий нас другом', D. — *asmēhili-* 'распоряжение для нас', адъективное прилагательное — *asmākārthāya* (AB) 'ради нас'. Местоимение 2-го лица единственного числа представлено формами A. *tvāmkāma-* 'желающий тебя' и I: *tvāhata-* 'убитый тобой'. Местоимения 2-го лица двойственного и множественного числа представлены в этой позиции основой с долгим конечным элементом: *yuvāddatta-* 'данный вами двоими', *yuṣmāddatta-* 'данный вами'. Местоимение 3-го лица встречается в форме среднего рода: *tadvaçá-* 'желающий того'.

Некоторые частицы и адъективные префиксы встречаются в ведийском языке только в качестве первого члена сложного слова и не употребляются самостоятельно. Из наиболее широко используемых это привативная частица *a-/an-* (соответственно вариант перед согласным и перед гласным), например: *aketū-* 'без света' (*ketū-* 'свет'), *anenás-* 'безгрешный' (*éna-* 'грех');

dus- 'дурной', 'злой', например: *durñāman-* 'с дурным именем' (*nāman-* 'имя'), *duṣkṛt-* 'злодей' (букв. 'зло-творящий', *kṛt-* 'творящий'), *dūḍhī-* 'злонамеренный' (*dhī-* 'намерение'); ср., однако, антонимический адъективный префикс *su-*, например: *sunāman-* 'с добрым именем', *sukṛt-* 'творящий благо', *sudhī-* 'с добрыми намерениями', который употребляется и самостоятельно: *vārdhasvā sū puruṣtuta* (VIII, 13,25) 'Возрастай хорошо, о многовосхваляемый!'; *sa-* 'вместе с', 'одинаковый', например: *sācetas-* 'мудрый' (букв. 'с мудростью', *cētas-* 'мудрость'), *sārūpa-* 'имеющий одинаковый вид' (*rūpā-* 'вид'); ср., однако, предвокальный вариант этого префикса, способный употребляться как самостоятельный префикс — наречие при глаголах.

Числительное *dva-*, функционируя в качестве первого члена сложного слова определенного типа, имеет форму *dvi-*, например: *dvipād-* 'двуногий', *dvi jā-* 'дваждырожденный'.

Как уже говорилось, имя, представляющее собой последний член сложного слова, обладает флексией, выражающей грамматические значения. Если в отдельных случаях в этой функции выступает несклоняемое слово, оно переводится в соответствующий класс изменяемых имен, например: *apraṭi-* 'непреодолимый' от префикса-наречия *prāṭi* [ср. A.pl.n. *vrtrāṇu... apraṭiṇi* (VII, 85,3) 'непреодолимые препятствия'], также *tuviṇipraṭi-* 'сильно противостоящий' или *ātathā-* 'отрицающий', букв. 'не (говорящий:) «Так!»' от наречия *tāthā* [ср. N.sg.m. *ātathās* (I,82,1)] и др.

Корневые существительные, нередко выступающие в качестве последнего члена сложного слова (здесь их парадигма засвидетельствована более полно, чем у самостоятельных корневых имен, и некоторые из них вообще не сохранились в самостоятельном употреблении), могут подвергаться редукции, например: *mitā jñu-* 'твердо стоящий на коленях' при *jānu-* 'колено', *ṛtvij-* 'жрец', букв. 'в определенное время (*ṛtū-*) жертвующий' (*ij-*) при корне *ya j-* 'жертвовать' (ср. *satya yāj-* 'истинно жертвующий'). Нерегулярной редукции, приводящей к изменению как тембра, так и количества гласного, могут подвергаться отдельные корни на конечный долгий гласный, например: *ghṛta-snū-* 'омытый жиром' при корне *snā-* 'совершать омовение', *pṛṇigu-* 'пот.гр.', букв. 'имеющий пятнистых коров' при *gō-* 'корова', 'бык' (наряду с *pṛṇigō-* id.), *bhūrigu-* 'имеющий много коров' и др.

Корни, оканчивающиеся на краткий гласный, выступая в качестве последнего члена сложного слова, присоединяют распространитель корня *-t-*, например: *viṣva jīt-* 'всепобеждающий' — корень *jī-* 'побеждать', *somasūt-* 'выжимающий сому' — *su-* 'выжимать', *ulokakṛt-* 'создающий свободное пространство' — *kr-* 'создавать' и т. п.

Место ударения в сложном слове определяется двумя факторами: семантическим типом сложного слова и морфологической

структурой входящих в его состав членов. Их взаимодействие приводит к наличию нескольких морфологических групп, характеризующихся определенным местом ударения в пределах одного семантического типа сложных слов.

Члены сложного слова находятся между собой в различных семантических отношениях, аналогичных отношениям самостоятельных слов в ЭСК. Однако семантика сложного слова обычно не равна в ведийском языке семантике соответствующей ЭСК, потому что два члена сложного слова, как правило, образуют семантическое единство, обозначая класс понятий или даже одно новое понятие. Так, например, значение сложного слова *vīṣvedevāḥ*, выражающего некое мистическое единство ряда (но не всех!) богов, не равно значению сочетания *vīṣve devāsaḥ* 'все боги', слово *hāryaṣva-* 'имеющий рыжих коней' не обозначает любого обладателя таких коней, а только Индру, постоянным эпитетом которого оно является. В силу этого сложные слова ведийского поэтического языка консервативны в своей семантике, и новые слова не образуются свободно, как это стало возможным в последующие эпохи развития языка.

Исходя из семантики сложных слов, выделяют два больших класса в зависимости от того, существенно ли для их структуры соотношение внутренних элементов (класс I) или оно не существенно, а релевантным является внешнее соотношение с другими словами (класс II).

Класс I представлен тремя основными типами сложных слов.

1. *Двандва* (*dvandva-* букв. 'пара'*) — сочетание двух членов, находящихся в отношении сочинительной связи (ср. ЭСК 24, с. 390). В центре этого типа находятся сочетания имен двух божеств или мифологических персонажей, трактуемых как нечто единое. В таких двандва каждый из членов имеет окончание двойственного числа и самостоятельное ударение, например: *mitrāvāruṇā-* 'Митра-Варуна', *dyāvāprthivī* 'Небо-и-Земля', *indrāviṣṇū* 'Индра-Вишну', *uśāsanāktā* 'Ушас-и-Ночь', *agniśomau* 'Аgni-Сом' и др. Эта разновидность двандва лучше всего представлена в РВ. Обычно такие слова встречаются в форме N.-A.-V. В редких случаях косвенных падежей первый член сохраняет неизменяемым *-ā-*, а второй принимает соответствующую флексию, например, *mitrāvāruṇābhyām*. Форма G.du. *dīvāsprthivyoś* (II,2,3), в которой склоняются оба члена, является исключением. Если члены таких сложных слов имеют разный грамматический род, то все слово приобретает род последнего члена, например: *dyāvāprthivī... viśkabhite ajāre* (VI,70,1) 'Небо-и-Земля... укреплены (f.du.) порознь, нестареющие (f.du.)'; ср. также интересное согласование с этим словом в женском

* По индийской традиции, тип сложных слов обозначается одним из примеров, принадлежащих к нему.

роде существительного в ЭСК 22: *dyāvāprthivī dātṛānām ādhipatnī* (AB, V, 24, 3) 'Небо-и-Земля — две владычицы дарителей'.

Из вед известны отдельные случаи эллиптического употребления, при котором первый член в двойственном числе представляет всё слово двандва, например: *mitrā* (I, 14, 3) 'Митра-и-Варуна'.

В самхитах после РВ усиливается тенденция к утрате первым членом самостоятельного ударения, начало этого засвидетельствовано еще в РВ, например: *indrāgnī* 'о Индра-Агни!', *somāpūṣābhyām* 'Сомой-и-Пушаном', *ṛksāmābhyām* 'гимном-и-напевом' и др. Таким образом, если в слове двандва имеется одно ударение, то оно, как правило, бывает на последнем члене.

Рассмотренная группа сложных слов двандва имеет флексию двойственного числа. После РВ возрастает число таких слов, у которых первый член представлен чистой основой, например: *ukṣavaçai* 'бык-и-корова', *prastotṛpratihartṛbhyām* 'прастотару-и-пратихартару' (двум разрядам жрецов) и др.

Двандва редко бывают во множественном числе; это возможно в том случае, когда хотя бы один из членов обозначает множество, например: *ajāvāyas* 'Козы-и-овцы' (РВ, X).

Слова двандва со значением собирательности могут иметь флексию единственного числа среднего рода, например: *iṣṭā-pūrtā-* 'пожертвованное-и-исполненное' (РВ, X), *keçaçmaçrū-* (AB) 'волосы-и-борода'. Таких слов немного.

Существует небольшое число слов двандва, члены которых являясь прилагательными, например: *nīlalohitā-* (РВ, X) 'синекрасный', *tāmradhūmrā-* (AB) 'темно-красный', *priyāpriyā-* (AB) 'приятный-и-неприятный' и др. Прилагательные двандва, выражающие оттенки цветов, по соотношению значений составляющих их членов скорее следует отнести к сложноподчиненному типу, чем к сложносочиненному.

По принципу двандва регулярно образуются также числительные, обозначающие числа от 1 до 9 включительно в пределах десятков, начиная со второго. Это особая группа сочинительных сложных слов, выделяющихся не только семантически, но и формально: ударение у них бывает всегда на первом члене. Числительное «два» в составе сложных числительных имеет особую форму с долгим *-ā—dvā-*, а не *dvī-*, как в других типах сложных слов; видимо, по аналогии с этой формой удлиняется гласный и в числительном «один» в слове «одиннадцать» — *ekā-*. Вот некоторые примеры: *ekādaça-* — 11 ('один-и-десять'), *dvādaça-* — 12 ('два-и-десять'), *cātustrimçat-* — 34 ('четыре-и-тридцать'), *ekāçata-* — 101 ('один-и-сто'), *cātuḥsahasra-* — 1004 ('четыре-и-тысяча') и др. Гораздо реже по этому способу образуются двандва, в которых в роли единиц от 1 до 9 выступают десятки, например, *trimçacchata-* — 130 ('тридцать-и-сто').

К сложным словам типа двандва близко стоят повторы флективной формы с ударением на первом слове. В индийской грамматической традиции они считаются сложными словами *āmreḍita-* (букв. 'повторенный'). Повторяются имена существительные, прилагательные, местоимения в единственном числе, наречия, наречия-префиксы, глаголы. Повторы имеют раздельное или усилительное значение, например: *jānmañ-janman* 'из поколения в поколение', *grhē-grhe* 'в каждом доме', *ēka-eko* 'каждый', *sātaḥ-sataḥ (pratimānam)* '(образец) для каждого существа', *(eṣām) vāraṃvaram* (AB) 'каждого лучшего (из них)', *maṣṣā-maṣṣū* 'как можно скорее' и др.

2. *Татпуруша (tatpuruṣa-* букв. 'его человек' = 'слуга') — сочетание двух членов, находящихся в отношении подчинительной связи. В зависимости от характера семантического соотношения членов и их морфологического выражения древнеиндийские грамматики выделяли из этого класса подкласс *кармадхара́я (karmadhāraya-)*, который будет рассмотрен особо.

а) Собственно татпуруша — это подкласс сложноподчиненных слов, в которых составляющие их члены находятся в отношении падежного управления (ср. ЭСК 1—12, с. 384 сл.). В словах татпуруша управляющим является второй член, а управляемым — первый. Морфологически оба члена бывают выражены именами: существительными, прилагательными, причастиями; первый член может быть представлен иногда местоимением. Обычно один из двух членов обязательно бывает существительным. Все сложное слово целиком может относиться или к классу существительных, или к классу прилагательных.

У большей части татпуруша ударение падает на последний член. Наличие ударения на первом члене зависит от морфологической структуры одного из членов (см. ниже). Однако в целом в этом типе сложных слов колебания в отношении места ударения встречаются нередко.

В центре типа татпуруша находится группа сложных слов, у которых оба члена являются существительными. Если второй член оканчивается на тематический гласный, то ударение обычно падает на второй член, причем отчетливо выражена тенденция постановки ударения на последнем слоге сложного слова. Таким образом в ряде случаев здесь имеет место перенос ударения, по сравнению с самостоятельным словом. Вот некоторые примеры татпуруша этой группы: *sūktavākā-* 'произнесение гимна', *devamānā-* 'жилище богов' (ср. *māna-*), *kṣetrajeṣā-* 'завоевание земли', *brahmakilbiṣā-* 'преступление против брахманов' (ср. *kilbiṣa-*), *vaçābhogā-* 'использование коровы' (ср. *bhōga-*) и др. В отдельных словах иногда встречается флексия первого члена, например: *yataṃkarā-* 'усмиритель', букв. 'делающий усмирение' (A.sg.) и др.

Наибольшие акцентные отклонения среди этих татпуруша представляют сложные слова, оканчивающиеся на *-pāti-* 'госпо-

дин', 'повелитель', ср. формы с ударением на первом члене: *gópati-* 'господин коров', *vásupati-* 'господин имущества', *prajāpati-* пом.рг. бога (букв. 'повелитель потомства') наряду с *apsarāpati-* (AB) 'повелитель Апсарас' и др.

В ряде слов перед *-pāti-* встречается флексия G.sg., и тогда слово имеет двойное ударение: *bṛhaspāti-* m.пом.рг. бога, *vānas-pāti-* 'большое лесное дерево' (букв. 'господин деревьев'), *rāt-haspāti-* 'повелитель колесницы' и др. С двойным ударением засвидетельствованы отдельные слова татпуруша и иной структуры, например, собственные имена *nārāçāmsa-*, *tānūnāpāt-*, *çūnañçépa-*.

У небольшой группы татпуруша второй член является прилагательным. Обычно они имеют ударение на первом члене, например: *yajñādhitra-* 'искусный в жертвоприношении', *jātū-ṣṭhira-* 'крепкий от рождения', *dārucitra-* 'мерцающий в росе', *tañyūsbhira-* 'сверкающий телом' и др.

Если вторым членом является пом.act. с суффиксом *-ti-*, то ударение падает на первый член: большей частью на первый его слог, иногда на второй, например: *sōmapiti-* 'питье сомы', 'напиток из сомы', *haviṣkrī-* 'приготовление жертвенного возлияния', *kṣétrasāti-* 'добывание земли', *valādhiti-* 'кладка дров' и др. Ударение на последнем члене сложного слова может встретиться в случае утраты значения пом.act., например: *devaheti-* 'дротик богов'. Изредка встречаются формы с флексией первого члена, например: *āçvamīṣṭi-* 'желающий коней'.

Второй член слов татпуруша может быть выражен отглагольным прилагательным. Самую распространенную группу представляют корневые имена со значением прилагательного пом.ag. Ударение в этой группе татпуруша падает на конечное корневое слово, например: *abjā-* 'рожденный в водах', *grāmañi-* 'ведущий общину', *ghṛtapā-* 'очищающий масло', *viçvajit-* 'всепобеждающий', *vrtrahān-* 'убивающий Вритру', 'убийца Вритры', *arṇtadvīṣ-* 'ненавидящий ложь' и многие другие. Среди этих основ встречаются отдельные тематизированные формы, например: *goghñā-* 'убивающий корову' (корень *han-*), *ratheṣṭhā-* 'стоящий на колеснице' (корень *sthā-*). Это весьма употребительная группа слов татпуруша.

Среди этих слов встречаются и такие, в которых первый член имеет флексию, например: *adhvareṣṭhā-* 'находящийся на жертвоприношении' (флексия L.sg.), *apsukṣīt-* 'живущий в водах' (флексия L.pl.), *dhiyamdhā-* 'внимательный', букв. 'кладущий мысль' (флексия A.sg., двойное ударение) и др.

В качестве второго члена нередко встречаются отглагольные имена с суффиксом *-ana-* и ударением на корневом гласном, например: *indramādana-* 'радующий Индру', *karṇaçóbhana-* 'ушное украшение', *dveṣoyāvāna-* (MC) 'отвращающий враждебность' и др. Такого же места ударения требуют менее употре-

бительные отглагольные суффиксы *-van-* и *-man-*, например: *kratuprāvan-* 'наполняющий сознание', *talpaṣṭvan-* 'лежащий в постели', *svāduḥṣādman-* 'раздающий сладости' и др.

Отглагольные прилагательные с суффиксом *-in-*, выступая в качестве второго члена сложного слова татпуруша, имеют ударение на суффиксе, например: *brahmacārin-* 'странствующий как брахман', *manuṣṣāvīn-* 'в гневе выжимающий сому', *bāhu-ṣardhin-* 'дерзкий на руки' и др.

Второй член слов татпуруша может быть представлен именем, равным глагольной основе в презенсе. Первый член при этом нередко имеет флексию A.sg. Ударение всегда бывает на последнем слоге, например: *agnimindhā-* 'зажигатель огня' (= жрец), *valamrujā-* 'проламывающий пещеру', *viṣvaminvā-* 'всепронизывающий', *vācamīṅkhaṇā-* 'поднимающий голос' и др.

Весьма распространены слова татпуруша, у которых второй член является причастием совершенного вида на *-ta-*. Эта группа сложных слов характеризуется ударением на первом члене, например: *īndrapīta-* 'выпитый Индрой', *parjānya jinvita-* 'оживленный Парджаньей', *vājaprasūta-* 'побужденный к награде', *ṣyenājūta-* 'мчащийся, как сокол' и др.; ср., однако, такие отдельные слова с ударением на суффиксе причастия, как *kavi-ṣastā-* 'воспетый поэтом', *pitṛvittā-* 'найденный отцами' и некоторые другие.

В целом тип татпуруша объединяет большое число групп слов разной морфологической структуры, в которых засвидетельствовано немало случаев акцентных отклонений от нормы.

Следует также отметить, что в индийской грамматической традиции принято классифицировать слова татпуруша в соответствии с тем, значению какого падежа эквивалентно семантическое соотношение его членов. Однако во многих случаях семантическое соотношение двух членов татпуруша бывает столь общим, что допускает интерпретацию с помощью нескольких ЭСК одновременно, например: *abjā-* 'рожденный из вод' (ЭСК 4), 'рожденный в водах' (ЭСК 6), 'рожденный водами' (ЭСК 2) и т. п.

б) *Кармадхарая (karmadhāraya)* — это подкласс сложно-подчиненных слов, в которых составляющие их члены находятся в отношении типа согласования или примыкания. Определяющим членом обычно является последний, хотя известны и исключения.

В центре подкласса кармадхарая находится группа слов, у которых первый член выражен прилагательным, а второй — существительным (ср. ЭСК 20, с. 389). Ударение у слов этой группы следует обычной модели татпуруша, т. е. стоит на последнем слоге второго члена (если данная общая тенденция не перекрывается каким-либо частным правилом, моделирующим небольшую группу слов). Эта группа слов в языке ведийской поэзии совсем малочисленна, притом что весь подкласс кармад-

харая тоже малоупотребителен. Вот некоторые примеры: *mahāgrāmā-* 'большая толпа', *mahādhanā-* 'большая добыча', *urukṣiti-* 'просторное место для жилья', *puruṇithā-* 'многоголосое пение', *pūrvāhnā-* 'первая половина дня', букв. 'ранний день' (тематизированная форма от *āhan-* 'день') и др. Изолированный случай представляет собой слово *pitāmahā-* (AB) 'прадед', в котором прилагательное находится в постпозиции к существительному. Изредка в качестве первого члена употребляется причастие (ср. ЭСК 21, с. 389), например, *aññātayakṣmā-* 'неизвестная болезнь' или 'тайная болезнь'; чаще — местоименные прилагательные, например: *itarajanā-* (MC) 'другие существа' (= 'демоны'), *viṣvāmānuṣa-* 'все человечество', *sarvavedasā-* 'полная отдача имущества' [= название жертвоприношения — ср. атематическое *vēdas-* (MC) 'имущество'] и др.

Слова кармадхарая, в которых первый член является числительным, у индийских грамматиков называется *dvigu* (*dvigu-* 'две коровы'). Вот некоторые примеры: *saptarṣi-* 'семь мудрецов' (= 'семь звезд Большой Медведицы'), *pañcajanā-* 'пять родов', *tridivā-* 'третье небо', *ekarāj-* 'единственный царь' и др.

Небольшую группу слов кармадхарая представляют собой слова, оба члена которых являются существительными, причем одно определяет другое как приложение (ср. ЭСК 22, с. 390). Вот некоторые примеры: *puruṣavyāghrā-* (BC) 'человек-тигр', *vṛṣākapi-* 'самец-обезьяна' (ном.гр.), *mitrārājānā* (*varuṇā*) (V, 62, 3) 'о цари — Митра (и Варуна)! — пример, в котором переплетаются кармадхарая и двандва, и др.

Еще одну группу среди кармадхарая составляют слова, у которых не только первый, но и второй член является прилагательным или причастием. Первый член приобретает в таких словах характер адвербиального определения, например: *puruṣtutā-* 'многовосхваляемый', *puruṣcandrā-* 'очень блестящий', *uruvyāc-* 'далеко простирающийся', *prathamajā* 'первороденный' и др. В отдельных случаях первый член может иметь окончание A.sg. адвербиального характера, например, *satyām-ugra-* (PB) 'поистине ужасный'.

Следует отметить, что, выступая в качестве первого члена сложного слова, некоторые прилагательные более или менее регулярно меняют место ударения: *viṣva-* 'весь', *sārva-* 'целый' в сложных словах обычно становятся окситонированными — *viṣvā-* (менее последовательно), *sarvā-*. Акцентных колебаний в этих группах слов засвидетельствовано немало.

Наиболее обширную группу среди кармадхарая представляют собой слова, у которых второй член выражен именем прилагательным или — реже — существительным, а первый принадлежит к классу неизменяемых слов: префиксов-наречий, наречий, частиц, адъективных префиксов. Первый член определяет второй, и их семантическую связь можно трактовать как отношение примыкания в пределах яруса II (ср. ЭСК 15, с. 387) в случае

первого члена — наречия или как управления или примыкания в пределах яруса I в случае первого члена — префикса-наречия.

Здесь требуются особые пояснения. Значительная часть слов кармадхарая этой структуры, строго говоря, вообще не являются сложными словами, и их относят сюда лишь в соответствии с индийской грамматической традицией. Описывать их следовало бы в разделе, посвященном словообразованию. Речь идет прежде всего о тех элементах, которые не встречаются в самостоятельном употреблении, а именно префиксы *a-/an-* 'не', 'без'; *dus-* 'плохой', 'злой', 'плохо', 'трудно'; *sa-* 'с', 'общий' (тонический вариант этого слова *sām-* может употребляться самостоятельно).

Глагольные префиксы-наречия в ведийском языке употребляются не только в составе глагольных форм, но и отдельно от них, что дает основание рассматривать их сочетания с именами как сложение двух самостоятельных слов. Однако часто нельзя бывает доказать, имеет ли место в данном случае сложение: наречие-префикс + (корень + суффикс), т. е. словосложение, или (наречие-префикс + корень) + суффикс, т. е. словообразование. Например, в РВ есть слово *pramāda-* 'опьянение', но слово **māda-* не засвидетельствовано, в то время как есть *pra* + глагольный корень *mad-*; есть *vimōcana-* 'освободитель', но нет **mocana-*, в то время как существует *vi* + глагольный корень *tis-* и т. п.

Наконец, сочетание префиксов-наречий с личными формами глагола рассматривается традиционно как глагольное словообразование, в то время как аналогичный тип сочетания с именем относят к словосложению. Таким образом, если, отдавая дань традиции, рассматривать перечисленные выше группы слов как сложные слова, то это, по выражению Рену, «ложные» сложные слова.

Среди подобных «ложных» сложных слов особенно многочисленны слова с отрицательным префиксом *a-* (форма перед согласным)/*an-* (форма перед гласным). В целом у этого префикса ярко выражена тенденция нести на себе ударение, но место ударения в сложном слове зависит также и от морфологической структуры основы, соединяющейся с префиксом.

При соединении префикса *a-/an-* с глагольными причастиями ударение, как правило, бывает на префиксе, например: *ākṛta-* 'несделанный', *āriṣṭa-* 'невредимый', *āsuta-* 'невыжатый' (о соме), *ādevayant-* 'не почитающий богов', *ānimiṣant-* 'не моргающий', *āhiṃsāna-* 'не вредящий' и др. — ср., однако, отдельные формы причастий с безударным префиксом: *arundhatī-* ном.рр. целебного растения, букв. 'непрепятствующая', *amṛta-* 'бессмертный', *adṛṣṭa-* 'невиданный' и некоторые другие.

Если префикс *a-/an-* соединяется с причастием должествования на *-ya-*, то ударение обычно падает на суффикс, например: *anavadyá-* 'безупречный', *anānukṛtyá-* 'неподражаемый',

asahyá- (CB) 'неодолимый' и др. — ср., однако, *ágohya-* 'не-скрываемый', *ádabhya-* 'тот, кого не обмануть' и некоторые другие.

Если префикс *a-/an-* соединяется с корневым именем, то ударение обычно падает на корневое имя, например: *adrúh-* 'невраждебный', *abhúj-* 'невкусивший', *ayās-* 'ненаправляющийся', *asríd-* 'невредящий' и др.

При соединении префикса *a-/an-* с именными основами на *-a* или другой основообразующий элемент, а также с различными суффиксальными именными основами имеет место большой разнотой ударения. Оно падает на последний слог у слов кармадхара этого типа, образованных от глагольных основ: *asinvá-* 'ненасытный', *asinvá-* 'не выжимающий (сому)', *ajuryá-* 'не стареющий', *apaṣyá-* 'не видящий' и др.; на первый слог, т. е. на префикс, у многих прилагательных и у некоторых существительных, например: *ápriya-* 'неприятный', *ájasra-* 'не устающий', *áyudhvín-* 'не сражающийся', *ápracetas-* 'неразумный'; *ádeva-* 'не-бог', *ábhaya-* 'отсутствие страха', *ávājín-* 'плохой конь', букв. 'не-конь' и др. У другой части прилагательных и существительных ударение падает на последний слог: *acitrá-* 'темный', букв. 'неяркий', *anugrá-* 'не грозный', 'слабый' (возможно также и *ánugra-*), *ajarayú-* 'нестареющий'; *ayoddhár-* 'плохой боец', букв. 'не-боец' и др., или на корневой: *amitra-* 'недруг', *avíra-* 'не мужественный' и др.

Относительно других адъективных префиксов трудно вывести какую-либо закономерность, регулирующую их место ударения, если только их второй элемент не является корневым словом. В последнем случае ударение падает на корень. Вот некоторые примеры корневых слов: *sukft-* 'творящий благо', *duṣkft-* 'творящий зло', *sugá-* 'легкопроходимый', *durgá-* 'труднопроходимый', *savfadh-* 'одновременно растущий', *samád-* 'охота к борьбе' и др. В остальных случаях встречаются разные тенденции, например: *sūṣuti-* 'легкие роды', *suṣtuti-* 'прекрасное восхваление', *suṣcandrá-* 'прекрасно сверкающий', *sūbhadra-* 'благодатный' и т. п. Возможны акцентные колебания в одном слове, например: *duṣtuti-* и *dūṣtuti-* 'плохое восхваление', *sujātá-* и *sujāta-* 'прекрасно рожденный'.

При сочетании именных основ с глагольными префиксами и предлогами ударение в словах кармадхара чаще падает на первый член, например: *ádhibhājāta-* 'приправа', *prānapat-* 'правнук', *prāpada-* 'носок ноги', *videva-* 'небожественный' и др. Противоположная тенденция также засвидетельствована в ряде слов, например: *apaṁtá-* 'отвращение', *apikakṣá-* 'область подмышек и лопаток' и др.

Группа слов кармадхара представляет собой сочетание наречия с именной основой. Место ударения в таких словах различно, и определяется оно в основном морфологической структурой именного члена: ударение бывает на корне в случае корне-

вого имени: *purāśāh-* 'от века победоносный', *purobhū-* 'находящийся впереди', *sahavāh-* 'вместе везущий'; обычно на тематическом гласном в случае основ на *-a-* (при отсутствии суффикса): *antarābharā-* 'приносящий в распоряжение', *evāvadā-* 'так говорящий', *prātaḥsāvā-* 'выжимание (сома) рано утром'; при одних суффиксах — на корневом гласном: *piroyāvan-* 'идуший впереди', *prātaritvan-* 'приходящий рано утром'; при других — на суффиксе: *purahsthātār-* 'вождь', букв. 'стоящий впереди'; при третьих — на первом члене сложного слова: *purójiti-* 'завоевание зарание', *puróhiti-* 'служба жреца-пурохита' (букв. 'установление впереди').

Класс II состоит из одного основного типа слов, который по индийской терминологии называется *бахуврихи* (*bahuvrīhi-* 'имеющий много риса'). Для этого типа сложных слов существенно не внутреннее соотношение между двумя составляющими его членами, а внешнее соотношение с другим словом, с которым данное слово согласуется, причем это слово может стоять в тексте или подразумеваться. Таким образом, слова бахуврихи принадлежат к классу прилагательных, хотя их последний член, как правило, бывает выражен существительным. В ряде случаев они оформляются суффиксами прилагательных (такие бахуврихи засвидетельствованы главным образом в самхитах после РВ), а именно *-ka-*: *pāñcacītiha-* (ТС) 'сложенный в пять слоев' (*cīti-* 'слой'), *-ya-*: *dīrghajihvya-* (РВ) 'имеющий длинный язык' (*jihvā-* 'язык'), *-a-*: *saumapauṣṇām* (*carūm nirvapet*) (МС) 'пусть он принесет в жертву жертвенную пищу, посвященную Соме-Пушану' (*somāpūṣan*, с вриддхи гласного первого слога каждого из членов исходного слова двандва), *-in-*: *ṣvaghñin-* 'победитель в игре в кости' (**ṣvaghñā-*) и др.

Бахуврихи — это синтаксический тип сложных слов, в котором используются сложные слова класса I, прежде всего кармадхарая и татпуруша, приобретающие в этом новом синтаксическом употреблении адъективное значение «обладающий тем, что выражено основой», «связанный с тем, что выражено основой», например: *citrāratha-* 'имеющий сверкающую колесницу', *aṣṭrśān-* 'безголовый', *suvīra-* 'богатый сыновьями', 'имеющий храбрых героев', *vājrabāhu-* 'с дубиной грома в руке', *dhūmāketu-* 'чье знамя — дым' (эпитет Агни), *gōagra-* 'с коровами во главе' и т. п.

Характер семантической связи слова бахуврихи с исходным сложным словом может быть весьма широким и может включать дополнительные семантические оттенки, кроме значения обладания, например: *urūyuga-* (*rātha-*) 'имеющая широкое ярмо (колесница)' при *urūloka-* (*antārikṣa-*) '(воздух,) занимающий широкое пространство', или *puruputrā-* 'имеющий много сыновей' при *puruvīra-* 'достаточный для многих мужей' и др.

Тип бахуврихи является самым распространенным в ведийском языке. Достаточно упомянуть, что большая часть сложных

слов морфологической структуры кармадхарая в ведийских текстах употребляется как бахуврихи.

Этот тип в целом противопоставлен типам кармадхарая и татпуруша по месту ударения. Бахуврихи имеет в большинстве случаев ударение на первом члене, а кармадхарая и татпуруша — на втором. Засвидетельствованы минимальные пары, различающиеся только местом ударения, например: *rājaputrā-* 'сын царя', 'царский сын': *rājaputra-* 'имеющий царей сыновьями', *ekākṣarā-* 'единственный слог': *ekākṣara-* 'односложный', *abhaya-* 'отсутствие страха': *abhāya-* 'не знающий страха' и др.

Противопоставленность по месту ударения двух основных классов слов — бахуврихи и татпуруша — кармадхарая является лишь общей тенденцией, осуществленной не во всех группах сложных слов. Неразличению субстантивного и адъективного значений способствует также возможность субстантивизации некоторой части слов бахуврихи. По тем или иным причинам ударение далеко не всегда может служить критерием для определения типа сложного слова, ср., например: *triṣadhasthā-* adj. 'имеющий три сиденья', п. 'три сиденья' (Агни); *durmatī-* ī. 'злонамеренность', adj.m. 'злонамеренный' и др.

Если у слов бахуврихи первый член выражен именем, то наиболее часто это бывает прилагательное, находящееся в отношении определения к последующему существительному, например: *dirghāyus-* 'имеющий долгий срок жизни', *mādhudhara-* 'струящий сладость', *pīṣṇigo-* 'имеющий пестрых коров', *nīla-ṣikhaṇḍa-* (AB) 'с темным пучком волос' и др. В словах с *purū-* на первом месте ударение обычно падает на последний член слова, например: *purudāmsa-* 'совершающий многие чудесные деяния', *puruvāra-* 'имеющий пушистый хвост' и др. В единичных случаях прилагательное стоит после существительного, например, (*pitṛn*) *yamācreṣṭhān (brūmās)* (AB, XI,6,11) '(Мы) призываем отцов с Ямой во главе'. В этой роли может выступать также местоименное прилагательное, например: *sārva-vāra-* 'имеющий целых мужей', *viśvāmanus-* 'существующий для всех людей', *svāvṛṣṭi-* 'удерживающий дождь для себя' и др.; или числительное (адъективный вариант дигу), например: *ekapad-* 'одноногий', *caturakṣā-* 'четыrehглазый', *sahāsraparṇa-* 'с тысячей перьев' (о стреле) и др. Если в качестве первого члена выступают *dvi-* или *tri-*, то ударение падает на второй член, например: *dvijāni-* 'имеющий двух жен', *dvimātār-* 'произошедший от двух матерей', *tridhātu-* 'состоящий из трех частей', *trivārūtha-* 'дающий тройную защиту' и др.

Среди слов бахуврихи, состоящих из двух существительных, нередко встречается отношение приложения, например: *ācva-parṇa-* 'тот, у кого кони-крылья', *marūtsakhi-* 'тот, кому Маруты — друзья', *indraputrā-* (AB) 'та, кому Индра — сын', *ukṣāṇna-* 'тот, чья еда — быки' и др. Большую группу составляют слова, находящиеся в отношении падежного управления,

например: *vyāghrápratīka-* 'имеющий облик тигра', *hiraṇyavarṇa-* 'цвет золота', *kṣatracrī-* 'придающий блеск власти', *yajñāvanas-* 'находящий радость в жертвоприношении' и др. Преобладает отношение родительного падежа.

Группу именных слов бахуврихи составляют сочетания с наречием-префиксом, адъективным префиксом или частицей в качестве первого члена. Ударение падает обычно на наречие-префикс, например: *ādhyakṣa-* 'надзиратель', букв. 'направивший глаз на (что-либо)', *ādhivastra-* 'носящий одежду', *āpavrata-* 'лишенный обета', *abhikratu-* 'сверхсильный', *nirmāya-* 'лишенный обмана', *vīrūpa-* 'разноцветный' и др.

В случае, если первым членом является частица *a-/an-* или адъективные префиксы *su-*, *dus-*, ударение падает на второй член, например: *aphalā-* 'бесплодный', *abandhanā-* 'не имеющий привязи', *suhāsta-* 'с прекрасными руками', *suhiraṇyā-* 'с красивым золотым украшением', *durñāman-* 'с дурным именем', *durvāsas-* 'плохо одетый' и др. Встречаются и акцентные нерегулярности типа *sūsnuṣa-* 'имеющий хорошую сноху' и др.

У слов бахуврихи, первым членом которых является причастие на *-ta-*, ударение падает обычно на первый член, например: *kṛtābrahman-* 'у кого сотворена молитва', *iṣṭāvrata-* 'послушный желанию', *āmītavarṇa-* 'у кого цвет не изменился' и др.

Существует особая группа слов бахуврихи, у которых первый член представлен причастием настоящего времени на *-āt-* с ударением на гласном суффикса, а второй член — существительным со значением прямого объекта по отношению к действию, выраженному причастием. Эта группа слов выделяется своей семантикой в том отношении, что первый член в ней управляет вторым, например: *kṣayādvīra-* 'правлящий мужами', *guhādavadya-* 'скрывающий ошибки', *yātaśājjana-* 'объединяющий людей' и др. В отдельных случаях, как в аномальном *sādādyoni-* 'сидящий в лоне', глагол непереходный, и падежное управление в связи с этим иное.

Согласно индийской грамматической традиции, принято выделять в особый тип сложных слов те слова кармадхарая, которые в тексте функционируют как неизменяемые слова, представленные заставшей, наречной формой винительного (редко инструментального) падежа. Таким образом, здесь, как и в отношении типа бахуврихи, применяется внешний, синтаксический критерий для выделения типа сложных слов. Их индийское название — *avyāyībhāva* (*avyayībhāva* 'имеющие неизменяемую природу'). Первым членом является наречие-предлог или просто наречие, управляющее вторым членом. Ударение, как у наречий, бывает обычно на последнем слоге, например: *anukāmām* 'по желанию', *anupūrvām* 'в порядке очереди', *adhaspadām* 'под ногами', *pratidośām* 'к вечеру', *pratikāmām* 'по желанию', *yathākāmām* id., *yathākṛtām* 'по обычаю', *yathāparū* 'по составу' и др. Эти слова немногочисленны в ведийском языке. По-

сколько падежные окончания не являются критерием при установлении типа сложных слов (в данном случае A.adv.), и кроме того некоторые из этих основ — во всяком случае в РВ — могут помимо наречной формы встречаться и в виде изменяемых прилагательных [ср. *viçvā hi martyatvanānukāmā* (VIII,92,13) 'ведь все (произошло) по обычаю людей в соответствии с желанием' (N.pl.)], нет оснований выделять эти слова в отдельный тип.

В ведах встречаются отдельные сложные слова, не моделируемые ни одним из перечисленных выше типов. Они эквивалентны целому предложению. Вот некоторые примеры: *ahamut-tarēṣu* (AB, IV,22,1) 'в делах превосходства' (букв. 'в делах: «я — высший»'), *tadīdarthāḥ* (PB, VIII,2,16) 'прямо идущие к цели' (букв. 'вот и цель') и др.

ИМЯ

Класс имени в ведийском языке характеризуется на морфологическом уровне пересечением трех грамматических категорий: рода, числа и падежа. В зависимости от особенностей выражения этих категорий в пределах класса имени различаются подклассы существительных, прилагательных, числительных, местоимений. Для основных, наиболее типичных подклассов — существительных и прилагательных — релевантны все три грамматические категории. Некоторые разряды местоимений и числительных характеризуются двумя или даже одной грамматической категорией: категория числа не свойственна в принципе числительным, категорию рода не выражает большинство количественных числительных и личные местоимения. Таким образом, наиболее экстенсивной в классе имени, включая все его подклассы, является категория падежа.

Категория рода в ведийском языке складывается из противопоставления трех граммем: мужского (m.), женского (f.) и среднего (n.) рода. В структуре оппозиций этих трех граммем существует определенная иерархия. Граммема среднего рода противопоставляетсяграммам мужского и женского рода, вместе взятым, как обладающая признаком неодушевленности в противоположность одушевленному (или во всяком случае потенциально способным выражать одушевленность). Среди граммем, обладающих одушевленностью, женский род отождествляется как обладающий признаком феминальности в отличие от мужского рода, лишенного этого признака. В результате маркированным членом первой оппозиции оказывается средний род, второй оппозиции — женский (табл. 3).

Таблица 3

Идентификация граммем рода

Граммема Признак	m.	f.	n.
Неодушевленность	—	—	+
Феминальность	—	+	0

Иерархия оппозиций граммем рода косвенно находит свое выражение в дистрибуции граммем рода среди отдельных типов именных основ. Наряду с типами основ, способными выражать все три рода (корневые, на *-i*, на *-u*), и типами основ, выражающими один род исключительно (производные на *-ā* и на *-ū* f.) или преимущественно (на *-ī* f., изредка m.; на *-s* п., отдельные случаи m. и f.), есть типы основ, регулярно объединяющие значение двух граммем рода (на *-a*-, *-an*- m., п.; на *-ar*- m., f.). При этом нет типа основ существительных, в которых объединялись бы граммы женского и среднего рода без мужского (т. е. граммы, обладающие дифференциальным признаком со знаком «плюс»), и нет также типа основ, который обладал бы только одной граммемой мужского рода (т. е. немаркированной граммемой).

Специфика категории рода заключается в том, что разные подклассы имени связаны с ней в неодинаковой степени. Наиболее полно эту категорию выражают существительные и прилагательные (которые вообще не различаются в ведийском языке ни структурой основы, ни набором основных грамматических категорий). У существительных категория рода, семантически самостоятельная, является классифицирующей, т. е. каждое данное слово связано только с одним родом, и выбора рода для него нет. Что же касается прилагательных (а также местоимений и числительных адъективного типа), то здесь категория рода словоизменительная, т. е. каждое данное слово имеет возможность выбора рода и изменяется по родам (как по числам и падежам), однако род для него обусловлен синтаксически и определяется согласованием с соответствующим существительным. Таким образом, у тех подклассов имени, где категория рода формально наиболее четко выражена, она бывает зависимой, синтаксической, а там, где она реализуется формально менее отчетливо, она независима и соотнесена с лексическим значением слова (являясь тем самым лексико-грамматической категорией).

Формально категория рода выражена отчасти противопоставлением типа основы, отчасти противопоставлением типа флексии. Формальным признаком флексии среднего рода является совпадение двух падежей — именительного и винительного — во всех числах. Основы женского рода в ведийском языке имеют тенденцию к выработке особых, «усиленных» окончаний в ряде падежей. Таким образом, обе граммы рода, наделенные дифференциальным признаком со знаком «плюс», имеют специальные формальные характеристики.

Категория числа складывается из противопоставления трех граммем: единственного, двойственного и множественного, идентифицируемых с помощью двух пар дифференциальных признаков: «множественность — немножественность» и «парность — непарность». Парность предполагает возможность участия предмета

в паре, состоящей из двух однородных или разнородных предметов, например: *aṣvínā* 'два Ашвина', *bahú* 'две руки', *ródasī* 'два мира' (= 'небо и земля'), *hárī* 'два коня (бога)' и др. Множественное число идентифицируется как обладающее признаками множественности и непарности, единственное — как обладающее признаками немножественности и непарности. Для граммемы двойственного числа иррелевантна оппозиция по признаку множественности. Эта граммема идентифицируется как парная (табл. 4).

Таблица 4

Идентификация грамем числа

Признак \ Граммема	sg.	du.	pl.
Множественность	—	0	+
Парность	—	+	—

Немаркированным членом в обеих оппозициях оказывается граммема единственного числа, противостоящая маркированным граммемам двойственного и множественного числа.

Формально категория числа выражается флексией, одновременно передающей значение категории рода и падежа. Характер сочетания категории числа с категорией падежа обуславливает тип формальных противопоставлений грамем падежа. Максимальная схема падежных противопоставлений реализуется в единственном числе (семь грамем). Редукция этой схемы по крайней мере на один шаг (а в зависимости от типа основы и на два шага) происходит во множественном числе. Еще большая степень редукции, в результате которой семичленная схема противопоставлений сводится к трехчленной, характеризует двойственное число.

Случаи нейтрализации категории числа встречаются в ведийском языке у существительных среднего рода, когда с флексией единственного числа связывается значение множественного (что видно из согласования с прилагательным или с глаголом), например: *amṛtāni nāma* (X,123,4) 'бессмертные имена', *trīṇi sārāṃsi mādhu* (VIII,7,10) 'три медовых озера' и др.

Категория падежа складывается из противопоставления семи граммам: именительного (N.), винительного (A.), творительного (I.), дательного (D.), отложительного (Abl.), родительного (G.) и местного (L.)¹, идентифицируемых с помощью трех пар дифференциальных признаков: «направленность—ненаправленность», «объемность—необъемность», «периферийность—непериферийность».

¹ Порядок перечисления падежей взят из индийской грамматической традиции, где их не называют, а нумеруют от первого до седьмого в данной последовательности.

ферийность». Признак направленности указывает на направление к предмету (A., D.) или от предмета (Abl.), признак объемности — на возможность участия предмета в данном высказывании в определенном объеме (G., L.), признак периферийности — на побочную роль, предназначенную для предмета в данном высказывании (I., D., Abl., L.).

Граммема N. складывается из пересечения дифференциальных признаков ненаправленности, необъемности и непериферийности (т. е. три знака «минус») и, таким образом, всегда выступает как немаркированный член в оппозиции с любым падежом. В противоположность ей граммема L. образуется пересечением дифференциальных признаков направленности, объемности и периферийности (т. е. три знака «плюс»), вследствие чего всегда функционирует в качестве маркированного члена в оппозиции с любым падежом. Между этими двумя полюсами расположены остальные падежи ведийской парадигмы. Граммема A. состоит из пересечения признаков направленности, необъемности, непериферийности, I. — из ненаправленности, необъемности, периферийности, G. — из ненаправленности, объемности, непериферийности (объем каждого из этих трех падежей складывается из одного знака «плюс» и двух знаков «минус»). D. образуется пересечением признаков направленности, необъемности, периферийности, а Abl. — пересечением признаков направленности и периферийности при иррелевантности оппозиции объемности (эти два падежа объединяются наличием двух знаков «плюс», притом что D. имеет третий знак — «минус», а Abl. — «ноль»). По сравнению со всеми прочими падежами Abl. имеет на один знак меньше (табл. 5); ср. в плане дистрибуции тенденцию к формальному совпадению этого падежа с каким-нибудь другим (с G. в sg. во всех парадигмах, кроме одной, с I., D. в du., с D. в pl.).

Таблица 5

Идентификация граммем падежа

Граммема Признак	N.	A.	I.	D.	Abl.	G.	L.
Направленность	—	+	—	+	+	—	+
Объемность	—	—	—	—	0	+	+
Периферийность	—	—	+	+	+	—	+

Указанные здесь значения граммем падежа являются инвариантами по отношению к преобразованиям в тексте. Следует привести также краткий перечень основных вариантов значений, засвидетельствованных у этих граммем в ведийских текстах².

² Подробнее см. в разделе «Синтаксические структуры» и в специальной литературе, приведенной в «Избранной библиографии».

N. имеет следующие основные варианты значений в тексте: субъекта (*uṣā yāti* 'Ушас идет', *mitrō jānān yātayati* 'Митра объединяет людей', *pakṭīḥ paśyāte* 'кушанье варится'); именной части предиката (*nāry asi* 'ты еси женщина', *tānūnāpād ucyate gārbha āsurō* 'Танунапатом зовется отпрыск асуров').

Для A. характерны следующие основные варианты значений: прямого объекта при переходном глаголе (*āhann āhim* 'он убил змея'), сюда включаются также случаи внутреннего объекта (*āvocāma vācaḥ* 'мы произнесли речь'); непрямого объекта при глаголах говорения и других (*tvām iye bhāgam* 'я прошу тебя о счастье'); цели при глаголах движения (*mā kṣétrāṇy āraṇāni ganṭa* 'да не уйдем мы в чужие страны', *yōśam abhy èti* 'он идет к девушке'); цели (*pratyāñ vīcivāni bhūvanāni* 'обращенный ко всем существам'); времени (как протяженности) (*āhāni vīcivā tatānanta kṛṣṭāyaḥ* 'все дни распространялись на-роды').

I. характеризуется следующими основными вариантами значения: орудия или средства действия (*chindhī padā* 'раздоби ногой', *tām tvāhema matibhir gīrbhir ukthaiḥ* 'тебя мы хотим подбадривать молитвами, песнями, восхвалениями'), нередко здесь встречаются образования от одного корня (*tjé yajñébhiḥ ṣaśamé śatībhir...* 'он пожертвовал жертву, отслужил службу'); деятеля при глаголе с пассивным значением (*agnir viprebhir astoṣṭa* 'Агни прославлен вдохновенными'); социативности (*marūdbhiḥ sōmat piba* 'пей сому вместе с Марутами'); причины, основания (*ācitti yāc cakṛmā dinair dākṣaiḥ prābhūti puruṣatvātā* 'если по неразумию мы совершили [проступок], от слабых сил, от власти, от человеческой природы...'); времени (*nākaṁ rakṣethe dyūbhir aktūbhir* 'вы двое охраняете небосвод днями и ночами'); места (*eṣi pathibhiḥ sugēbhiḥ* 'ты идешь удобными путями').

Основные варианты значения D. следующие: косвенный (второй) объект при глаголе (*sā vīcé dāti vāryam* 'он дает племени лучшее', *yajñām devébhyaḥ prativēdāyan* 'провозглашающий жертву богам', *tébhyo agnibhyo hutām astv etāt* 'тем огням да будет это жертвенное возжигание'); лицо, в интересах которого совершается действие (*sunutēndrāya sōmat* 'выжимайте сому для Индры'); цель (*muñcāmi tvā jīvanāya* 'я освобождаю тебя для жизни', *kṛṇvānāso amṛtatvāya gātūm* 'приготавливающие путь к бессмертию').

Для Abl. характерны следующие основные варианты значения: отправной точки в пространстве (*ā yātv indro divā ā prṥthivyā makṣā samudrād utā vā pūrīṣāt* 'пусть тотчас же придет Индра с неба, с земли, из океана или же из первоначального источника'); отдаленности, отчужденности (*mṛtyōr mukṣī ya māmftāt* 'я хотел бы освободиться от смерти, не от бессмертия', *rahī duritād* 'защити от зла', *tvād bhiyā* 'из страха перед тобой'); причины (*ādha svanān marūtām ārejanta prā mānuṣāḥ*

‘тогда от рева Марутов затряслись люди’); сравнения (*nákir indra tvád úttaro* ‘никто, о Индра, не выше тебя’).

G. характеризуется следующими основными значениями: посессивности (*vṛccikasya viśám* ‘яд скорпиона’, *bhrátaro marútas táva* ‘Маруты — твои братья’); субъектности (*devásya clókam savitúr* ‘крик бога Савитара’); объектности (*váruṇasya vratāni* ‘обеты Варуны’); партитивности (*prathamó ya jñiyanām* ‘первый из достойных жертв’, *pātām páyasa usriyāyāh* ‘испейте вы двое молока коровы’); косвенного объекта (*asyá priyó jaritā* ‘ему приятен певец’), прямого объекта при некоторых глаголах (*tásya veda* ‘он знает это’, *ṣvāvdāṣvasya ṣṛṇu* ‘услышь Шьяваш-ву’); времени (*aktós* ‘ночью’, G. abs. *asyá hiyanásya dákṣoḥ* ‘когда он мчится, чтобы гореть’).

Основные варианты значения L. таковы: место действия (*sá sumnām yakṣate divi* ‘пусть он испросит милость на небе’), понимаемое очень широко не только в прямом, но и в переносных смыслах (*sómasya máde* ‘в опьянении сомой’, *sváṇne* ‘во сне’, *devānām sumatai* ‘в милости у богов’, *bhadré saumana-sé syāma* ‘да будем мы в большой радости’); направление действия (*tvām tám agne amṛtatvá úttamé mártam dadhāsi* ‘ты, о Агни, помещаешь в высшее бессмертие этого смертного’), в том числе цель при глаголах движения (*varmī yāti samádām upāsthe* ‘прикрытый щитом идет в лоно битв’); время (*samvat-saré* ‘в течение года’, *dyāvi-dyavi* ‘изо дня в день’, а также в L. abs. *triṣandheḥ sēnayā jité* ‘когда армия Тришандхи победит’); изъявительность (*kadā nv āntār vāruṇe bhuvāni* ‘когда же я стану близким в отношении Варуны?’); косвенный объект (*yáṣo asmāsu dhehi* ‘дай нам славу’, *sá tvām na indra sūrye só apsv ānāgāstvá ā bhaja jīvaṣamśe* ‘приобщи ты нас, Индра, к солнцу, водам, безгрешности, к речи живых’) и др. Вообще L. помимо указанных здесь значений способен широко дублировать значения всех остальных граммем падежа вплоть до N. (в абсолютных конструкциях типа *jāté agnau* ‘когда родился Агни’).

От граммем падежа принципиально отличается звательная форма (V.), которая, выражая ориентацию на адресата высказывания, принадлежит к совсем иной плоскости, чем падежная система, которой звательная форма противостоит в целом (различие между дескриптивной и апеллятивной функцией языка). По индийской грамматической традиции, звательная форма также не считалась падежом. Особая форма V. существует только в единственном числе, в двойственном числе V. совпадает по форме с N. и A., во множественном числе — с N.

В акцентном плане V. трактуется совсем иначе, чем падежи. Характер ударения именной падежной формы зависит от морфологических факторов, в то время как для V. он определяется исключительно синтаксическими причинами — местом этой формы в предложении. В начале предложения или пады V. имеет уда-

рение на первом слоге независимо от словарного ударения основы, в то время как в середине предложения или пады V. всегда бывает безударным, например: *ágne sukhátame ráthe devāñ īlitá á vaha* 'О Агни, на легчайшей колеснице привези богов' (I,13,4) и *sūsamiddho na á vaha devāñ agne haviṣmate* 'Прекрасно зажженный, привези нам богов, о Агни, к жертвователю' (I,13,1). Следует отметить, что V. как самостоятельная форма характерен только для подклассов существительных и прилагательных; он отсутствует у местоимений и числительных.

Притом что V. не является падежом, для практического удобства описания чередований в разных типах основ V. будет рассматриваться вместе с падежной парадигмой.

Как было отмечено выше, различие семи граммем падежа является максимальной схемой, которая реализуется в немногих парадигмах, все остальные типы парадигм представляют собой разные степени редукции этой максимальной схемы.

Семичленная парадигма реализуется у имен существительных и прилагательных мужского рода с основой на -a- (самый продуктивный тип) в единственном числе. Тот же тип различения падежей существует в парадигме личных местоимений единственного и множественного числа (*ahám* 'я', *tvaṁ* 'ты', *va yaṁ* 'мы', *yū yaṁ* 'вы') и в парадигме единственного числа мужского рода некоторых указательных местоимений (*sá-/tá-* 'он', 'тот', *eśa/letá-* 'этот', *ayaṁ* 'этот', *asaú* 'тот'), а также вопросительного местоимения *ká-* 'кто?' и относительного *yá-* 'кто', ориентирующихся на парадигму *sa-/tá-* (схема 3, тип I).

Шестичленная парадигма представлена тремя вариантами. Противопоставление по направленности между N. и A. снимается в парадигме среднего рода единственного числа основ на -a-, а также в парадигмах указательных местоимений среднего рода единственного числа (*tád* 'оно', 'то', *etád* 'это', *idám* 'это', *adás* 'то'), а также у вопросительного *kím* 'что?' и относительного *yád* 'что' (схема 3, тип II). Следует отметить, что вообще у любого типа основ, объединяющего мужской и средний род, парадигма среднего рода различает на одну форму меньше, чем соответствующая парадигма мужского рода.

Другой вариант шестичленной парадигмы — это случай нейтрализации оппозиций по направленности и периферийности между Abl. и G. в единственном числе всех парадигм существительных и прилагательных одушевленных родов (т. е. m. и f.), кроме основ на -a-, а также в парадигмах единственного числа женского рода указательных, вопросительного и относительного местоимений (схема 3, тип III).

Третий вариант шестичленной парадигмы заключается в нейтрализации признака объемности между D. и Abl. во множест-

венном числе всех парадигм одушевленных родов класса имени, кроме личных местоимений (схема 3, тип IV).

Пятичленная парадигма падежных противопоставлений засвидетельствована двумя вариантами. Один из них можно описать как результат контаминации типов II и III, т. е. нейтрализуются различия между N. и A., G. и Abl. Этот тип представлен во всех парадигмах единственного числа среднего рода существительных и прилагательных, кроме основ на -а- (схема 3, тип V).

Другой вариант пятичленной парадигмы можно описать как результат контаминации типов II и IV, т. е. нейтрализуются противопоставления N.—A. и D.—Abl. в парадигмах множественного числа всех существительных, прилагательных, числительных и указательных, вопросительных и относительных местоимений среднего и женского рода (схема 3, тип VI).

Трехчленная парадигма падежных противопоставлений, в которой сняты противопоставления N.—A., I.—D.—Abl. и G.—L., представлена в двойственном числе у всех существительных, прилагательных, местоимений, а также у числительного *dvaŭ* 'два' (схема 3, тип VII).

Схема 3

Нейтрализация противопоставлений граммем падежа

Тип I

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип II

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип III

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип IV

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип V

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип VI

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип VII

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

От перечисленных типов редукции семичленной парадигмы следует отличать случаи дефектных парадигм, которые засвидетельствованы у некоторых местоимений. Здесь речь идет о принципиально ином явлении, поскольку дефектны энклитики — безударные варианты, дублирующие отдельные падежи акцентуированной парадигмы полных форм у личных местоимений, и отдельные падежи энклитического местоимения *ena-* 'он', 'она', 'оно' [в РВ один раз в начале пады встречается акцентуированная форма A.sg.f. *enām* (VIII,6,19)].

Единичный случай недифференцированного употребления в функции разных падежей основы среднего рода *svār-* 'небо' [N., A., D., G., L. наряду с отдельными флексивными формами: G. *sūras* и D.(?) *sūre*] выпадает из системы.

На основании существования разных типов редукции максимальной схемы противопоставления граммем падежа в ведийском языке можно сделать некоторые выводы относительно иерархии отдельных граммем. Самыми устойчивыми являются I. и L., совпадающие с другим падежом только в одном типе парадигм (тип VII). Меньшей степенью устойчивости обладает G., совпадающий в трех типах парадигм (типы III, V, VII). Еще менее устойчивы N. и A., которые совпадают в четырех типах парадигм (типы II, V, VI, VII). Наконец, наименее устойчив из всех падежей Abl., совпадающий в пяти типах парадигм (III, IV, V, VI, VII). Таким образом, нет ни одного падежа, который не совпадал бы с каким-нибудь другим падежом, хотя бы в одном типе парадигм. В результате того, что каждый падеж совпадает лишь с определенными падежами, возможно разбиение падежей на два непересекающихся класса. Один класс составляют N. и A., другой — I., Abl., D., G., L. При этом во втором классе I. совпадает с совокупностью падежей D.—Abl., I. и L. совпадают с другими падежами в одной и той же парадигме, в парадигме минимального различения граммем падежа, в которой нет ни одного падежа, не совпадавшего бы с каким-нибудь другим.

Для построения парадигмы склонения имен в ведийском языке необходимо иметь информацию о склоняемом имени по следующим параметрам:

- 1) тип основы
 - а) конечный элемент основы,
 - б) корневой или производный характер основы;
- 2) тип флексии;
- 3) тип ударения;
- 4) тип морфологических изменений конечного элемента основы.

Эти характеристики оказываются необходимыми и достаточными для склонения имен в ведийском языке. Информация о грамматическом роде заключена бывает или в пункте 1), или в пункте 2). В ряде случаев тип флексии автоматически определяется типом основы, но это бывает не всегда, например, если

имеется производная основа на *-ā-*, то это предполагает однозначный выбор флексии женского рода определенного типа. Тип ударения (подвижное—неподвижное) может автоматически вытекать из типа основы или типа флексии, но может быть и вполне самостоятельным (например, при одном типе основ и одном типе флексии возможны два разных типа акцентных парадигм: *bhāvānt-* — A.sg. *bhāvāntam*, I.sg. *bhāvātā* с колонным ударением и *tudānt-* — A.sg. *tudāntam*, I.sg. *tudatā* с подвижным ударением). Наконец, тип морфологических изменений конечного элемента основы, обычно предсказуемый на основании остальных параметров, может быть и независимым от них (например, *pitār-* — N.pl. *pitāras*, *svāsar-* — N.pl. *svāsāras*, *datār-* — N.pl. *dātāras*).

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Склонение имен существительных и прилагательных заключается в их изменении по падежам и числам. Прилагательные изменяются также по родам, у существительных род фиксирован. Прилагательные формально не отграничены от существительных: имеют те же типы основ и флексии. Притом что некоторые типы основ являются адъективными или субстантивными по преимуществу, из-за многочисленных случаев субстантивизации и адъективизации (существительное, употребляющееся как последний член сложных слов типа бахуврихи) принципиальной границы между существительными и прилагательными нет.

Ведийское именное склонение характеризуется следующими окончаниями (указываются без учета соединительных элементов):

sg.	N.	-s	(одушевленный род основ на краткий гласный, производных основ на <i>-ī-</i> и отчасти на <i>-i-</i> , корневых основ на гласный);
		-#	(средний род, кроме основ на <i>-a-</i> , большинство производных основ женского рода на <i>-ā-</i> и на <i>-ī-</i> , основы на согласный);
		-m-	(основы на <i>-a-</i> среднего рода).
A.		-m-	после гласного <i>/am</i> после согласного (одушевленный род);
		=N.	(средний род).
I.		-ā	(кроме большинства основ на <i>-a-</i>);
		-ena	(большинство основ на <i>-a-</i>);
		-#	(некоторые основы женского рода на <i>-ī-</i> и на <i>-ā-</i>).
D.		-e	(кроме основ на <i>-a-</i> и на <i>-ā-</i>);
		-ai	(гласные основы женского рода);

Abl.	-āya	(основы на -a-).
	-āt	(основы на -a-);
	-s	после гласного /-as после согласного (кроме основ на -a- и на -ā-);
G.—Abl.	-ās	(гласные основы женского рода).
	-as	(кроме основ на -a-);
	-sya	(основы на -a-).
L.	-i	(основы на согласный и на -a-);
	-ām	(гласные основы женского рода);
	-#	(основы на -i-, -u-, некоторые основы на -an-).
V.	-#	(кроме основ на -ā-);
	-i	(основы на -ā-).
du. N.—A.—V.	-au	перед гласными /-ā перед согласными и перед паузой (одушевленный род, кроме основ на -ā-, -i-, -u-);
	-ī	(основы на -ā- и средний род остальных основ);
	-#	(основы на -i-, -u- одушевленного рода).
I.—D.—Abl.	-bhyām	
G.—L.	-os	
pl. N.	-as	(одушевленный род);
	-asas	(вариант у основ на -a- одушевленного рода);
	-i	(средний род согласных основ);
A.	-#	(средний род гласных основ).
	-as	(одушевленный род согласных основ, кроме основ на -tar-);
	-n	(мужской род гласных основ и основ на -tar-);
	-s	(женский род гласных основ и основ на -tar-);
	=N.	(средний род).
	-bhis	
I.	-ais	(вариант у основ на -a-).
D.—Abl.	-bhyas	
G.	-ām	
L.	-su	

Для ведийского склонения характерно наличие вариантов окончаний для целого ряда сочетаний грамем, например: *devais/devébbhis* — I.pl. от *devá-* 'бог', *purú/purá/purāṇi* — N.pl.p. от *purú-* 'многий' и др. Возможны варианты форм при одном окончании, но разных способах его присоединения к основе, например: *mádhunas/mádhvas* — G.sg.p. от *mádhu-* 'мед'.

Между конечным словообразующим элементом и окончанием в некоторых формах парадигмы склонения могут встречаться соединительные элементы *-n-* (преимущественно в формах среднего рода, а также в I.sg. и G.pl. производных основ на гласный и основ на *-tar-*, в I.sg. ряда гласных основ), *-u-* (в ряде форм женского рода основ на *-ā-* и корневых основ на *-ī-*) и *-s-* (в ряде форм у основ на *-a-* и на *-ā-* местоименного типа).

Тип ударения служит одним из параметров, по которым различаются парадигмы склонения в ведийском языке. С точки зрения акцентуации ведийские падежи делятся на два класса: сильные и слабые. В сильных падежах ударение падает на основу (т. е. на корневой гласный или на гласный основообразующего суффикса), в слабых падежах — на окончание. Сильными падежами являются N., A.sg. и du., N.pl. одушевленного рода и N.—A.pl. среднего рода, слабыми — остальные, например: N.sg. *pād*, A.sg. *pādam*, N.—A.du. *pādu*, но I.sg. *padā*, A.pl. *padās*, L.pl. *patsú* и т. д. от основы *pad-* 'нога'; N.sg. *sān*, A.sg. *sāntam*, N.—A.du. *sāntā*, N.pl. *sāntas*, но I.sg. *satā*, D.sg. *satē*, A.pl. *satās* и т. д. Передвижение ударения при склонении встречается только среди окситонированных основ (включая корневые).

Парадигмы с подвижным ударением лучше всего засвидетельствованы в ведийском языке среди корневых основ. Наиболее частый случай акцентных отклонений в этих парадигмах представляет собой A.pl., когда он имеет ударение на корне, как, например, *d'vāras* от *d'vār* 'дверь', *pūras* от *pūr-* 'крепость', *vīcas* от *vīc-* 'племя' и др., в качестве единственной акцентной формы или как вариант, например: A.pl. *āpas* (со ступенью вриддхи) и *apās* от *āp-* 'воды', *drúhas* и *druhās* от *drúh-* 'демон' и др.

Парадигму с подвижным ударением имеют основы на *-āñc-*, входящие в состав корневых, например: N.sg. *pratyāñ*, A.sg. *pratyāñcam*, I.sg. *pritičā*, N.pl. *pratyāñcas*, A.pl. *pritičās* и т. д. от основы *pratyāñc-* 'обращенный назад', 'западный', а из производных основ основы на *-ant-*, например: A.sg. *yāntam*, D.sg. *yatē*, N.pl. *yāntas*, A.pl. *yatās* и др. от основы *yānt-* 'движущийся'. Парадигмы с подвижным ударением противостоят парадигмам с неподвижным ударением в пределах одного и того же типа основ, например, парадигме *pratyāñc-* противостоят парадигма с неподвижным ударением от *viśvañc-* 'обращенный в разные стороны': N.sg. *viśvañ*, N.pl. *viśvañcas*, L.du. *viśūcos*, A.pl. *viśūcas* и др., парадигме *yānt-* — парадигма с неподвижным ударением от *bhāvant-* 'сущий': N.sg. *bhāvan*, A.sg. *bhāvantam*, G.sg. *bhāvatas* и др.

Другой тип передвижения ударения при склонении связан с фонетическими причинами: с консонантизацией конечного глайда или слогового сонанта основы перед окончаниями, начинающимися с гласного, в окситонированных основах на *-ī-*, *-ī-*, *-u-*, *-r-*,

например: G.sg. *aryás* — N.sg. *arís* от *ari-* 'благочестивый', G.sg. *paçvás* — N.sg. *paçús* от *paçú-* 'скот', N.sg. *dātā*, A.sg. *dātāram* — I.sg. *dātrā*, D.sg. *dātré* (но I.pl. *dāt̥bhis*, D.—Abl.pl. *dāt̥bhyas* и т. д. — так называемые средние падежи); или с синкопой гласного суффикса перед окончаниями, начинающимися с гласного, у основ на *-an-* например: I.sg. *mūrdhnā*, D.sg. *mūrdhnē* — N.sg. *mūrdhā*, A.sg. *mūrdhānam* и т. д. от *mūrdhān-* 'голова'. Тип акцентуации здесь может служить одним из средств различения парадигм; ср. парадигму *mūrdhān-* и парадигму *ātman-* 'дух': N.sg. *ātmā*, A.sg. *ātmānam*, I.sg. *ātmānā*, D.sg. *ātmāne* и т. д.

Третий тип передвижения ударения встречается у окситонированных основ на *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, *-an-* и у производных основ на *-ī-*, у которых одно определенное окончание — G.pl. — всегда стоит под ударением, нарушая тем самым колонный характер ударения данной парадигмы, ср. G.pl. *agninām* в отличие от D.—Abl. *agnibhyas* и т. д.

Об особом характере ударения V. говорилось выше (см. с. 195—196).

Со структурой именной основы связаны особенности ее склонения. Существенным, с этой точки зрения, является корневой или производный характер основы, что связано с отсутствием или наличием словообразовательного суффикса. Другим критерием деления основ является характер конечного элемента основы. В зависимости от того, оканчивается ли основа на согласный или на гласный звук, различаются два больших класса склонения, каждый из которых обладает некоторыми особенностями (у согласных основ их больше, в то время как разные типы гласных основ свидетельствуют значительное разнообразие: влияние местоименной парадигмы на склонение основ на *-a-*, наличие особой «усиленной» флексии у гласных основ женского рода и пр.).

Если конечным элементом основы является фонема-глайд, то морфологически такая основа может трактоваться двояко. Основы на краткие *-i-* и *-u-* трактуются при склонении как гласные. Лишь отдельные формы у некоторых основ образованы по согласному типу, например, G.sg. *ávyas* от *ávi-* 'овца' и др. Основы же на долгие *-ī-* и *-ū-* большей частью склоняются по гласному типу производных основ, как *devī-* 'богиня' и *vadhū-* 'невеста', но в ряде случаев могут принадлежать парадигме корневых основ: склонение типа *vṛkī-* f. волчица, *rathī-* m. 'колесничий', *tanū-* f. 'тело' и др. (т. е. флексия класса согласных основ, акцентная парадигма типа корневых основ).

Если конечным элементом основы является фонема — носовой сонант *-n-* (основы на *-an-*, *-man-/van-*, *-in-*), то по типу склонения основа всегда трактуется как согласная.

Если конечным элементом основы является фонема — плавный сонант *-r-* (основы на *-r-/ṛ-* и на *-tar-/tr-*), то парадигма скло-

нения такой основы сочетает черты обоих классов, гласного и согласного. По характеру флексии эти основы аналогичны гласным основам на *-i-*, *-u-*, а по характеру чередования основы они принадлежат к классу согласных основ (в котором и будут здесь рассматриваться).

Еще одним критерием разбиения основ при склонении является их изменяемость—неизменяемость. Изменяемые основы претерпевают при склонении чередование гласного в корне или в суффиксе, неизменяемые основы сохраняют одну и ту же ступень корневого или суффиксального гласного через всю парадигму.

Классы основ, получаемые с помощью этих трех принципов разбиения (корневые—суффиксальные, согласные—гласные, изменяемые—неизменяемые) не налагаются друг на друга. Изменяемыми, правда, бывают преимущественно согласные и корневые основы, но одно-однозначного соответствия здесь нет.

Чередование гласных, происходящие в изменяемых основах при склонении в ведийском языке, связаны с перемещением ударения при склонении. Для периода самхит между ступенью чередования гласного и местом ударения не существует одно-однозначного соответствия. Здесь возможны три типа соотношения.

1) Передвижению ударения в сильных и слабых падежах соответствует чередование гласных, например, A.sg. *pādam* — I.sg. *padā*. Противоположный вариант этой ситуации (со знаком «минус») представлен в тех случаях, когда тоже наблюдается соответствие между передвижением ударения и чередованием гласных: нет ни того, ни другого, что бывает у неизменяемых основ с неподвижным ударением, например, A.sg. *devām* — I.sg. *devēna* от *devā-* 'бог'.

2) Передвижению ударения не соответствует чередование гласных, т. е. передвижение ударения есть, а основа является неизменяемой, например, A.sg. *vācam* — I.sg. *vācā* от *vāc-* 'речь'.

3) Чередованию гласных не соответствует передвижение ударения, т. е. основа является изменяемой, а ударение — неподвижным, например, A.sg. *rājānam* — I.sg. *rājñā* от *rājan-* 'царь'.

В свете этой ситуации ясно, что деление падежей на слабые и сильные, как бы их ни определяли, на основании места ударения или на основании ступени чередования гласного, является условным, так как оно моделирует только часть случаев. Тем не менее это деление удобно для описания и традиционно принято.

Изменяемые основы бывают представлены двумя или тремя чередующимися формами. Если основа имеет две формы, то различаются сильные и слабые падежи парадигмы. В сильных падежах чередующийся гласный основы находится в ступени гуна или вриддхи; в слабых — в слабой ступени или гуна (в последней, если в сильных падежах была ступень вриддхи). Таким

образом, определенная ступень чередования не закреплена за сильными или слабыми падежами, существенна только схема противопоставления. Эти две схемы чередования могут встречаться у одного и того же типа основ, например: N.du. *kṣā-mā* — I.sg. *kṣamā* от *kṣam-* 'земля', но N.du. *ḥānā* — I.sg. *ḡhnā* от *ḥān-* 'убийца'. Если основа представлена тремя формами: вриддхи — гуна — слабая ступень гласного, то различаются сильные, средние и слабые падежи. Средними считаются падежи, в которых флексия начинается с согласного (I., D., Abl.du., I., D., Abl., L.pl.), а слабыми, в которых флексия начинается с гласного (I., D., Abl., G., L.sg.; G., L.du.; G.pl., A.pl.m.f., N.A.du.n.). V. по типу основы примыкает то к слабым, то к средним падежам.

У ряда основ разделение падежей на средние и слабые является условным, поскольку базируется на разных фонетических вариантах одной ступени чередования (перед согласным или перед гласным) — *-ṛ/-r-*, *-a/-n-*, например, основы на *-ar-*: A.sg. *pitāram* — I.pl. *pitṛbhis* — I.sg. *pitṛā* от *pitār-* 'отец' или основы на *-an-*: A.sg. *rājānam* — I.pl. *rājābhis* — I.sg. *rājñā* от *rājan-* 'царь'. Непозиционный характер имеет распределение ступеней чередования в средних и слабых падежах у основ на *-āñc-*: A.sg.m. *niāñcam* — N. — A.sg.n. *niak* — I.sg. *nicā* от *niāñc-* 'обращенный вниз'; на *-vāms-*: A.sg. *vidvāmsam* — I.pl. *vidvādbhis* — I.sg. *vidúṣā* от основы *vidvāms-* 'знающий'; у ряда основ на *-ar-*: A.sg. *dātāram* — L.sg. *dātāri* — I.sg. *dātrā*, I.pl. *dātṛbhis* от *dātār-* 'даритель', а у основ на *-ar-* постольку, поскольку они имеют ступень гуна в L.sg., например, L.sg. *rājani* от *rājan-*.

В ведийском склонении используется только часть существующих в языке чередований гласных, а именно: *ā—a* — ноль, *ār—ṛ/r*, *ān—a/n*, в меньшей степени *vā—u* и *au—o*.

Согласное склонение

Согласное склонение характеризуется совокупностью некоторых общих черт, отличающих его от гласного склонения. Разные типы основ, относящиеся к этому склонению, имеют в принципе одну и ту же систему падежных окончаний (отклонения во флексии наблюдаются у основ на *-ar-*, представляющих собой промежуточный тип между согласным и гласным склонением). N.sg. обычно имеет нулевое окончание (*-s* бывает только у тех немногих основ на долгий гласный, которые по всем остальным признакам принадлежат к этому склонению). G. и Abl.sg. всегда совпадают. N. и A.pl.m. и f. по флексии также всегда совпадают, различие может быть выражено ступенью чередования основы или местом ударения. Основы одного типа мужского и женского рода не различаются по флексии (откло-

нение в основах на *-ar-*). Основы ряда типов согласного склонения являются изменяемыми и/или характеризуются передвижением ударения при склонении.

К согласному склонению относятся все типы основ, оканчивающиеся на согласный, корневые, а также отдельные некорневые основы с невыделимым суффиксом и производные, основы на *-ar-*, а также немногочисленные корневые основы, оканчивающиеся на долгий гласный или на дифтонг, группа некорневых основ на *-ī-* и некоторые основы на *-ū-*, склоняющиеся по образцу корневых. Изменяемыми являются следующие типы: часть корневых основ (в том числе основы на *-āñc-*), основы на *-an-*, *-ant-*, *-yāms-*, *-vāms-*, *-ar-*. Неизменяемыми являются: часть корневых основ, основы на *-as-*, *-is-*, *-us-* и на *-in-*.

Корневые (и некоторые подобные им в склонении) основы

Этот тип основ наиболее полно представлен в РВ, где он насчитывает несколько сот слов. В дальнейшем корневые имена постепенно выходят из употребления или переходят в другие типы основ. Корневые основы чаще встречаются как последние элементы сложных слов. Некоторые из них в РВ очень употребительны и имеют хорошо засвидетельствованную парадигму склонения; большинство же представлено отдельными падежными формами.

Основы на согласные

Сюда относятся собственно корневые основы, т. е. основы, не имеющие суффикса, а также ряд основ, не равных корню, в которых, однако, суффикс невыделим, например: *kakūbh-* f. 'вершина', *kāprth-* m. 'penis', *bhiśāj-* m. 'знахарь', 'целебное средство', *marūt-* m. по м.р. божеств бури и др.

В этом типе основ лучше всего представлено передвижение ударения при склонении. Он включает существительные всех трех родов. Флексии мужского и женского (т. е. одушевленного) рода не различаются. Им противостоит флексия среднего рода с совпадением N.—А. во всех числах. Существительные среднего рода очень немногочисленны. В самостоятельном употреблении встречаются: *ās-* 'пот', *dām-* 'дом', *dós-* 'рука', *bhās-* 'свет', *mās-* 'мясо', *vār-* 'вода', *svār-* 'солнце', 'небо', *hīd-* 'сердце'. Все это слова с неполно засвидетельствованной парадигмой, иногда просто изолированные формы (как *dām-*). Здесь же следует упомянуть *śām-* 'благо' и *yós-* 'счастье'— существительные среднего рода, функционирующие в качестве междометий.

Корневые имена в ведийском языке имеют широкий круг значений. Они могут быть пом. act. и в таком случае всегда принадлежат к женскому роду, например: *vāc-* 'речь', *přkṣ-* 'подкрепление', 'питание', *rūc-* 'блеск', 'благо' и др., или пом. ag. мужского рода прилагательные, например: *jīt-* 'побеждающий', м. победитель; *rāj-* м. царь, f. царица; *-vāh-* 'увозящий' м. 'тот, кто увозит' и др. То и другое значение могут объединяться у одного и того же корня, например: *gīr-* 'воспевающий'/м. 'певец', f. 'воспевание'; *dūh-* 'доящий'/м. 'доильщик', f. 'доение' и др. Наряду с этим многие корневые имена являются пом. согг., например: *nās-* f. 'нос', *pūr-* f. 'крепость', *puro-ḍāc-* м. 'жертвенная лепешка', *vān-* 'дерево' и др.

Передвижение ударения имеет место в парадигмах склонения ряда односложных основ. Если они являются изменяемыми, то основа, как правило, бывает представлена двумя видами.

При склонении корневых согласных основ на границе корня и флексии ряда форм вступают в действие правила сандхи. В N.sg. одушевленного рода и N.—A. среднего рода, где имеет место нулевая флексия, имеют место сандхи конца слова (см. с. 116 сл.). Звонкие согласные переходят в глухие, придыхательные в непридыхательные, например: N.sg. *triṣṭúp* — основа *triṣṭúbh-* — название стихотворного размера (*-b* перед последующим гласным или звонким согласным); палатальные, *-ṣ* и *-h* (в случае *-h* с перенесением придыхания на начальный звонкий согласный корня) дают *-k* или *-t*, например: N.sg. *vāk* — основа *vāc-* 'речь', N.sg. *uṣík* — основа *uṣij-* 'стремящийся', N.sg. *ḍhuk* — основа *ḍuh-* 'доящий', или N.sg. *bhrāt* — основа *bhrāj-* 'сверкающий', N.sg. *rāt* — основа *rāj-* 'царь', N.sg. *spāt* — основа *spāc-* 'соглядатай', N.sg. *sāt* — основа *sāh-* 'одолевающий', N.sg. *dvīt* — основа *dvīṣ-* 'ненавистник'. В падежах, где флексия начинается с согласного (т. е. *-bh-* или *-s-*), действуют правила внутренних сандхи: озвончение перед звонким, оглушение перед глухим, утрата придыхания и пр., например: I.pl. *marúdbhis* от *marút-*, L.pl. *vīrútsu* от *vīrúdh-* 'растение' и т. п. Конечный звук *-s* переходит в *-r* перед *bh-* флексии в *dorbhyām* от *dós-* 'рука'. Встречаются случаи нерегулярного сандхи, как церебрализация конечного дентального *-d* в корне *pad-* 'нога' перед начальным *bh-* в I.pl. *padbhis* или форма I.pl. *mādbhis* от *mās-* 'месяц'.

Образцы склонения — *pād-* м. 'нога', *viç-* f. 'род', 'племя':

sg.	N.—V.	<i>pād</i>	<i>vīt</i>
	A.	<i>pādam</i>	<i>viçam</i>
	I.	<i>padā</i>	<i>viçā</i>
	D.	<i>padé</i>	<i>viçé</i>
	Abl.—G.	<i>padás</i>	<i>viçás</i>
	L.	<i>padi</i>	<i>viçi</i>

du.	N.—A.—V.	<i>pádau, pádā</i>	<i>viçau, viçā</i>
	I.—D.—Abl.	<i>padbhyām</i>	<i>viḍbhyām</i>
	G.—L.	<i>padós</i>	<i>viçós</i>
pl.	N.	<i>pādas</i>	<i>viças</i>
	A.	<i>padās</i>	<i>viças</i>
	I.	<i>padbhis</i>	<i>viḍbhis</i>
	D.—Abl.	<i>padbhyās</i>	<i>viḍbhyās</i>
	G.	<i>padām</i>	<i>viçām</i>
	L.	<i>patsú</i>	<i>vikṣú</i>

Основы среднего рода отличаются от приведенной парадигмы склонения одушевленного рода только тем, что во всех числах А. совпадает с N., например: N.—A.sg. *vār* от *vār-* 'вода', N.—A.du. *mañt* от *māh-* 'великий'. Форма N.—A.pl.n. в самхитах не засвидетельствована, в дальнейшем создаются формы типа *trivṛtñi* от *trivṛt-* 'трехчастный'.

Чередование гласного в основе происходит в односложных корневых именах в самостоятельном употреблении. Это прежде всего чередование ряда *ā—a*. Оно представлено следующими корнями: *āp-* f. 'воды', N.pl. *āpas* — A.pl. *apās* (по диссимиляции I.pl. *adbhis*, D.—Abl.pl. *adbhyās*); *nābh-* 'разрушитель' (?), N.pl. *nābhas* — A.pl. *nābhas*; *sāh-* 'побеждающий', N.sg. *sāt*, A.sg. *sāham*, N.—A.pl. *sāhas* — I.sg. *sahā*, A.pl. *sāhas* и т. д. У двух корней засвидетельствовано чередование ряда «a+носовой сонант». Это употребляющийся самостоятельно корень *kṣām-* f. 'земля', имеющий три ступени чередования, сильную в N.—A.du. *kṣāmā* и N.pl. *kṣāmas*, среднюю в L.sg. *kṣāmi* и нулевую в G.sg. *kṣmās*. Три ступени чередования представлены также в основе *hān-* 'убийца', 'убивающий', употребляющейся только как последний элемент сложного слова: A.sg. *hānam*, N.—A.du. *hānā* — I.pl. *hābhis* — I.sg. *ghnā*, D.sg. *ghné*, G.sg. *ghnās* (парадигма следует по аналогии парадигме основ на -n). Чередование ряда *vā—u* встречается в основах *dvār-* f. 'дверь', N.—A.du. *dvārā*, N.pl. *dvāras* — A.pl. *dūras* и *svār-* п. 'солнце', 'небо', N.—A.sg. *svār* — G.sg. *sūras*, D.sg. (?) *sāre*. Основа *vah-* 'увозящий', употребляющаяся только как последний член сложного слова, подвержена чередованиям типа *vā—u* в составе некоторых сложных слов, например: от основы *anaḍvāh-* 'тяглое животное' (<*ānas+vah-*), A.sg. *anaḍvāham*, N.—A.du. *anaḍvāhau* — L.pl. *anaḍutsu*.

Сложный и нерегулярный тип чередования засвидетельствован в основе *pūms-* м. 'мужчина', имеющий в сильных падежах вид *pūmāms-*, а в слабых *pūms-*: N.sg. *pūmān* (упрощение конца слова), A.sg. *pūmāmsam* — Abl.—G.sg. *pumśas*, A.pl. *pumśas*, при форме V. *pumas*.

Еще более сложный случай представляет собой парадигма склонения *pāth-* 'путь', в которой кроме нерегулярного чередо-

вания имеет место супплетивизм основ. Сильные падежи образуются от основы *pānthā-* с усилением ступени гласного обоих слогов: N.sg. *pānthās*, A.sg. *pānthām* (начиная с АВ употребляется форма по типу основ на *-an-* — *pānthānam*). В слабых падежах выступает слабый вид основы — *path-* перед окончаниями, начинающимися с гласного: I.sg. *pathā*, Abl.—G.sg. *pathās*, G.pl. *pathām*, а в средних падежах — основа *pathi-*: I.pl. *pathībhis*, L.pl. *pathīsu* (есть также и дублетная форма G.pl. от *pathi-* — *pathīnām*).

В некоторых основах на *-r-* (*-ir-*, *-ur-*) корневой гласный удлиняется перед окончаниями, начинающимися с согласного, и в N.sg. (здесь — заменительная долгота), например: основа *gīr-* f. 'воспевание', N.sg. *gīr*, I.pl. *gīrbhis*, L.pl. *gīrṣū*, но A.sg. *gīram* и т. д.; основа *pūr-* m. 'крепость', N.sg. *pūr*, I.pl. *pūrbhis*, L.pl. *pūrṣū*, но A.sg. *pūram* и т. д. По аналогии с этими основами тем же изменениям подвергается гласный *-i-* в *ācis-* f. 'просьба', 'молитва': N.sg. *ācis*, A.sg. *āciṣam* и т. д.

Из нерегулярностей флексии следует отметить существование N.sg. на *-ñ* у двух прономинальных основ: N.sg. *sadñ* от *sadñ-* 'одинаковый', *kīdñ* от *kīdñ-* 'какого рода?' и N.sg. *yūñ* от корневого имени *yūj-* 'сопряженный', 'союзник', образованных по аналогии с соответствующим падежом от корневых основ на *-añc-*. У основы *yūj-* в сильных падежах встречается вариант с носовым согласным (видимо, по аналогии с глагольной основой от корня *yuj-*): A.sg. *yūjam* и *yūñjam*, N.—A.du. *yūjā* и *yūñjā*, но I.sg. только *yujā* и т. д.

Особую группу среди корневых основ на согласный составляют прилагательные на *-añc-* — элемент, с синхронной точки зрения выглядящий как суффикс, присоединяемый к наречиям-префиксам и наречиям. Диахронически здесь имеют место сложные слова с корневой основой *añc-* 'склоняться', 'обращаться в определенную сторону' в качестве последнего элемента. В именах на *-añc-* типа *pratyāñc-* 'обращенный против' различаются три ступени основы: *pratyāñc-* — сильная, *pratyāc-* (*-ac-* реализуется перед согласными окончаниями как *-ak-* или *-ag-*) — средняя и *pratic-* — слабая, т. е. *-añc-ac-* с удлинением предшествующего гласного в слабой ступени. В именах типа *prāñc-* 'обращенный вперед', 'восточный' различаются две ступени чередования: сильная и средняя.

Парадигмы склонения имеют следующий вид:

sg.	N.—V.	<i>pratyāñ</i>	<i>prāñ</i>
	A.	<i>pratyāñcam</i>	<i>prāñcam</i>
	I.	<i>praticā</i>	<i>prācā</i>
	D.	<i>praticé</i>	<i>prāce</i>
	Abl.—G.	<i>praticās</i>	<i>prācas</i>
	L.	<i>praticī</i>	<i>prāci</i>

du.	N.—A.	<i>pratyāñcau, -ā</i>	<i>prāñcau, -ā</i>
	I.—D. Abl.	<i>pratyāgbhyām</i>	<i>prāgbhyām</i>
	G.—L.	<i>praticōs</i>	<i>prācos</i>
pl.	N.	<i>pratyāñcas</i>	<i>prāñcas</i>
	A.	<i>praticās</i>	<i>prācas</i>
	I.	<i>pratyāgbhis</i>	<i>prāgbhis</i>
	D.—Abl.	<i>pratyāgbhyas</i>	<i>prāgbhyas</i>
	G.	<i>praticām</i>	<i>prācām</i>
	L.	<i>pratyākṣu</i>	<i>prākṣu</i>

Отличающиеся формы среднего рода следующие:

sg.	N.—A.	<i>pratyāk</i>	<i>prāk</i>
du.	N.—A.	<i>praticī</i>	<i>prācī</i>
pl.	N.—A.	<i>pratyāñci</i>	<i>prāñci</i>

Из них в самхитах засвидетельствованы только формы N.—A.sg., имеющие наречное значение, кроме того, это единственные формы, представляющие в самхитах средний вид основы (остальные падежные формы с этой ступенью засвидетельствованы позднее).

По образцу *pratyāñc-* склоняются *ūdañc-* 'обращенный вверх', *tiryāñc-* 'направленный наискось' (слабый вид основы — *tirācc-*), *nyāñc-* 'направленный вниз', *samyāñc-* 'направленный вместе', 'соединенный', а также *anvāñc-* 'направленный вслед' и *vīṣvañc-* 'обращенный в разные стороны' (слабый вид двух последних основ — *anūc-* и *viṣūc-*). По образцу *prāñc-* склоняются *āpāñc-* 'обращенный назад', *arvāñc-* 'направленный сюда', *āvāñc-* 'обращенный вниз', *pārāñc-* 'обращенный прочь' и от именной основы *devāñc-* 'обращенный к богам'.

Соответствующие прилагательные женского рода образуют основу с помощью суффикса *-ī-* и, таким образом, принадлежат к производному спряжению на *-ī-*.

Основы на гласные

Сюда относятся очень немногочисленные корневые основы на дифтонг и долгий гласный. Кроме того по типу флексии сюда следует отнести также около ста некорневых основ на *-ī-* и *-ū-* (несколько на *-ā-*), имеющих флексию согласного склонения. Среди основ на краткие *-i-* и *-u-* засвидетельствованы только отдельные формы, следующие согласному склонению.

Корневые основы на дифтонги

На дифтонг *-ai-* оканчивается одна основа *rai-* 'богатство', которая в РВ бывает большей частью мужского рода, а в дальнейшем постепенно переходит в женский род. Форма основы

rai- встречается перед гласными окончаниями, производная основа *rayi-* — перед согласными. Формы отдельных падежей с флексией на гласный образуются от основы *rā-*. Парадигма в самхитах засвидетельствована неполно, а в дальнейшем развитии языка приобрела несколько иной вид. В ведах встречаются следующие формы:

sg.		pl.	
N.	<i>rayis</i>	N.	<i>rāyas</i>
A.	<i>rām, rayīm</i>	A.	<i>rāyās, rās</i>
I.	<i>rāyā, rayiṇā, rayuā</i>		
D.	<i>rāyē</i>	G.	<i>rāyām, rayiṇām</i>
Abl.—G.	<i>rāyās</i>		

На дифтонг *-au-* оканчиваются четыре основы. Основы *glau-* м. 'ком земли' и *nai-* ф. 'лодка', 'корабль' не имеют чередования гласного основы, представленного во всех падежах ступенью вриддхи (*-au-/āu-*) при подвижном ударении. *Glau-* — редкое слово, засвидетельствованное отдельными формами, парадигма *nai-* представлена гораздо полнее.

Существительное *gō-/gau-* м. 'бык', ф. 'корова' имеет изменяющую основу: ступень вриддхи в сильных падежах, т. е. *gau-/gāv-*, ступень гуна в слабых, т. е. *gō-/gāv-* при неподвижном ударении: A.sg. и pl. образованы от основы *gā-*, а Abl.—G.sg. от основы *gu-*. Парадигма склонения следующая:

sg.		du.		pl.	
N.	<i>gaús</i>	N.—A.	<i>gāvā, gāvau</i>	N.	<i>gāvas</i>
A.	<i>gām</i>	I.—D.—Abl.	<i>góbhyām</i>	A.	<i>gās</i>
I.	<i>gāvā</i>	G.—L.	<i>gávos</i>	I.	<i>góbhis</i>
D.	<i>gāve</i>			D.—Abl.	<i>góbhyas</i>
Abl.—G.	<i>gós</i>			G.	<i>gāvām,</i> <i>gónām</i>
L.	<i>gāvi</i>			L.	<i>gósu</i>

Существительное *dyó-* м., ф. 'небо' представлено несколькими чередующимися основами: сильный вид — *dyau-*, слабый — *dīv-* перед гласными, *dyú-* — перед согласными. Это распределение нарушается существованием отдельных редких форм среднего вида *dyāv-*, употреблением основы *dyu-* в качестве дублетной формы в Abl.—G.sg., а основы *dīv-* в сильном падеже A.sg. Парадигма этого слова, как она засвидетельствована в текстах, имеет следующий вид:

sg.		du.		pl.	
N.	<i>dyaus</i>	N.—A.	<i>dyāva</i>	N.	<i>dyāvas, divas</i>
A.	<i>dyām, divam</i>	V.n.(l)	<i>dyāvi</i>	A.	<i>divas, divás,</i> <i>dyūn</i>
I.	<i>divā</i>				

	sg.	du.	pl.
D.	<i>divé</i>		I. <i>dyúbhis</i>
Abl.—G.	<i>divás, dyós</i>		
L.	<i>dyávi, divi</i>		

Корневые основы на долгие гласные

Большей частью основы этого типа на *-ā-* встречаются как последний элемент сложного слова. В самостоятельном употреблении засвидетельствовано лишь несколько слов в виде отдельных падежей. Корневой гласный *-ā-* сохраняется и в слабых падежах перед согласным окончанием, например: I.pl. *gopābhis* от *go-pā-* м. 'пастух', Abl.pl. *bhūridābhyas* от *bhūri-dā-* 'щедро дающий' и др. В слабых падежах перед гласным окончанием корневой гласный может сохраняться (сандхи неотчетливое) или иметь нулевую ступень, например: G.sg. *kṛṣṭiprás* от *kṛṣṭi-prā-* 'наполняющий племена', D.sg. *paṇu-sé* от *paṇu-śā-* 'добывающий скот' и т. д.

Наиболее полная парадигма засвидетельствована у основы *jā-* м., ф. 'ребенок': N.sg. *jās*, A.sg. *jām*, A.pl. *jās*, L.pl. *jāsu*.

Уже в РВ корневые имена на *-ā-* обнаруживают тенденцию переходить в более продуктивные некорневые типы на *-a-* или на *-ā-*, например, I.pl. *ratnadhābhis* и *ratnadhēbhis* от *ratna-dhā-* 'дающий сокровища', G.pl.f. *vibhānām* от *vi-bhā-* 'сверкающий' и др.; основа *pra-jā-* ф. 'потомство' также целиком перешла в склонение по типу производных основ на *-ā-*.

Корневые основы на *-ī-* и *-ū-* (почти исключительно женского рода) также чаще встречаются в конце сложных слов. Качественного чередования корневого гласного при склонении нет. Характерная черта этой парадигмы склонения заключается в переходе перед гласными окончаниями долгого гласного в сочетание краткого гласного и согласного: *ī > iu*, *ū > uv*. При самостоятельном употреблении слова этот переход происходит всегда, в конце сложного слова обязательно после двух согласных, факультативно после одного.

Образцы склонения — *dhī-* ф. 'мысль', *bhū-* ф. 'земля':

sg.	N.	<i>dhīs</i>	<i>bhūs</i>
	A.	<i>dhīyam</i>	<i>bhūvam</i>
	I.	<i>dhīyā</i>	<i>bhuvā</i>
	D.	<i>dhīyé</i>	<i>bhuvé</i>
	Abl.—G.	<i>dhīyás</i>	<i>bhuvás</i>
	L.	<i>dhīyī</i>	<i>bhuvī</i>
du.	N.—A.	<i>dhīyā, dhīyau</i>	<i>bhūvā</i>
	I.—D.—Abl.	<i>dhībhyām</i>	<i>bhūbhyām</i>
	G.—L.	<i>dhīyós</i>	<i>bhuvós</i>

pl.	N.	<i>dhiyas</i>	<i>bhūvas</i>
	A.	<i>dhiyas</i>	<i>bhūvas</i>
	I.	<i>dhibhīs</i>	<i>bhūbhīs</i>
	D.—Abl.	<i>dhibhyās</i>	<i>bhūbhīyās</i>
	G.	<i>dhiyām, dhīnām</i>	<i>bhuvām, bhūnām</i>
	L.	<i>dhiṣū</i>	<i>bhūṣū</i>

Не все косвенные падежи множественного числа этих основ засвидетельствованы в самхитах. Форма G.sg. с *-n-* образована по аналогии с производным спряжением. В дальнейшем развитии языка наблюдается проникновение дублетных форм с усиленными окончаниями женского рода в корневую парадигму.

По типу *dhī-* склоняются корневые основы *bhī-* 'страх', *çrī-* 'красота', *vī-* м. 'получатель', употребляющиеся самостоятельно, а также встречающиеся в конце сложных слов *°krī-* 'покупающий', *°nī-* 'ведущий', *°prī-* 'любящий', *°mī-* 'уменьшающий', *°vī-* 'движущий', *°çī-* 'лежащий', *°çrī-* 'смешивающий'. По типу *bhū-* склоняются: *dā-* f. 'дар', *brū-* f. 'бровь', *syū-* f. 'нить', *srū-* f. 'поток', *sā-* м. i. 'родитель', 'родительница', *jū-* 'спешищий' и две основы — редуцированные корни — *juhū-* f. 'язык' и *jōgū-* 'громко поющий'.

Некорневые основы на долгие гласные

Некорневых основ на *-ā-* очень мало, и они засвидетельствованы лишь отдельными падежными формами с флексией данного типа. Это *uṣānā-* м.поп.рг. певца: N.sg. *uṣānā* (по образцу производных основ на *-ā-*), A.sg. *uṣānām*, D.sg. *uṣāne; mánthā-* м. 'пестик для сбивания масла', N.sg. *mánthās; mahā-* 'великий', A.sg. *mahām; ātā-* м. 'рама', L.pl. *ātāsu*. Основа *pánthā-* м. 'путь' употребляется в N. и A.sg. супплетивной парадигмы существительного *páth-* (см. с. 208).

Некорневые основы на *-ī-* и *-ū-* бывают по преимуществу женского рода. Основ мужского рода встречается совсем мало, наиболее употребительны среди них *rathī-* 'колесничий', *ahī-* 'змея'. Основы женского рода на *-ī-* могут быть образованы к соответствующим основам на *-a-*, например: *puruṣī-* 'женщина' — *pūruṣa-* 'мужчина', *vṛkī-* 'волчица' — *vṛka-* 'волк' и т. д., а могут и не иметь этого соответствия, например: *nadī-* 'река', *lakṣmī-* 'признак' и др.

Все эти основы имеют ударение на последнем слоге. Акцентная парадигма рассматриваемых имен бывает неподвижной. Ударный основообразующий гласный подвержен количественному чередованию: краткий перед гласной флексией и долгий — перед согласной.

На письме формы этого именного склонения изображаются как имеющие конечный полугласный основы и акцент сварита последующего гласного окончания, т. е. *vṛkyaṁ* вместо *vṛkiām*,

tanvām вместо *tanūvam* (гласный сохраняется на письме только во избежание определенных сочетаний двух согласных).

Образцы склонения — *nadī-* f. 'река', *rathī-* m. 'колесничий', *tanū-* f. 'тело':

sg.	N.	<i>nadīs</i>	<i>rathīs</i>	<i>tanūs</i>
	A.	<i>nadīam</i>	<i>rathīam</i>	<i>tanūam</i>
	I.	<i>nadīā</i>	<i>rathīā</i>	<i>tanūā</i>
	D.	<i>nadīe</i>	<i>rathīe</i>	<i>tanūe</i>
	Abl.—G.	<i>nadīas</i>	<i>rathīas</i>	<i>tanūas</i>
	L.			<i>tanūi</i>
	V.	<i>nādi</i>		<i>tānu</i>
du.	N.—A.	<i>nadīā</i>	<i>rathīā</i>	<i>tanūā</i>
	I.—D.—Abl.	<i>nadībhyām</i>		
	G.—L.	<i>nadīos</i>		<i>tanūos</i>
pl.	N.	<i>nadīas</i>	<i>rathīas</i>	<i>tanūas</i>
	A.	<i>nadīas</i>	<i>rathīas</i>	<i>tanūas</i>
	I.	<i>nadībhis</i>		<i>tanūbhis</i>
	D.—Abl.	<i>nadībhyas</i>		<i>tanūbhyas</i>
	G.	<i>nadīnām</i>	<i>rathīnām</i>	<i>tanūnām</i>
	L.	<i>nadīṣu</i>		<i>tanūṣu</i>

В засвидетельствованных в самхитах формах N. и A.pl. не различаются местом ударения. Встречаются отдельные случаи L.sg. с нулевым окончанием, например: *camā* 'в кубке', *tanū* 'на теле', *gaurī* 'у буйволицы'.

На эту парадигму оказала влияние парадигма склонения производных основ на *-i-* типа *devī-*, откуда заимствованы формы G.pl. с *-n-* и звательная форма. В дальнейшем усиливается смешение этих двух парадигм, и у основ данного типа начинают употребляться дублетные формы с усиленными окончаниями женского рода по образцу *devī-*.

Для основ на *-ī-* данный тип склонения является единственным. Окситонированные основы на *-ī-* склоняются отчасти по корневому типу, отчасти по производному типу, как *devī-*.

Некоторые основы на *-i-*, *-u-*

У отдельных основ на *-i-*, *-u-* засвидетельствованы следы корневой флексии. Прежде всего это две баритонированные основы мужского рода, которые обычно приводятся как исключения из основ на *-i-*: *sākhi-* 'друг' и *pāti-* 'муж', 'супруг' (в значении «господин» это слово следует нормальному типу склонения основ на *-i-*). Основа *sākhi-* в сильных падежах имеет вид *sākhāy-* (с обычной утратой конечного согласного в N.sg.), а в слабых падежах — основу *sākhi-/sākhy-*. В единственном и двойственном числе используется флексия согласного типа, при

этом Abl.—G.sg. заимствует окончание у основ на *-ar-*, во множественном числе и в звательной форме — обычная флексия основ на *-i-*. Склонение выглядит следующим образом: sg.N. *sákḥā*, A. *sákḥāyam*, I. *sákhyā/sákhiā*, D. *sákhye*, Abl.—G. *sákhyus/sákhius* (V. *sákhe*), du.N.—A. *sákḥāyā*, *sákḥāyau*, pl.N. *sákḥāyas* (A. *sákḥīn*, I. *sákhibhis*, D.—Abl. *sákhibhyas*, G. *sákḥīnām*). Основа *pāti-* 'муж', не знающая чередования, имеет флексию согласного типа в слабых падежах единственного числа: I. *pātyā/pātiā*, D. *pātye*, Abl.—G. *pātyus*, L. *pātyau* (последняя форма — результат контаминации двух типов).

Кроме этого по согласному типу образуются формы (иногда дублетные) отдельных падежей у нескольких основ на *-i-*, *-u-*, например: *arī-* 'благочестивый', A.sg. *aryām* (наряду с *arīm*), G.sg. *aryás*, N.pl.m.f. *aryás*, A.pl.f. *aryás*; *mādhu-* 'мед', G.sg. *mādhvas/mādhvas* (также *mādhunas*) и некоторые другие.

Основы на *-as-*

Основы на *-as-* бывают в подавляющем большинстве среднего рода с ударением на корневом гласном. Немногие существительные одушевленного рода, принадлежащие к этому типу, имеют ударение на суффиксе: *nodhás-* m.nom.pr. певца, *rakśás-* m.nom.pr. класса демонов, *apsarás-* f.nom.pr. класса нимф, *uśás-* f.nom.pr. богини и некоторые другие (но *āṅgiras-* m.nom.pr. класса полубогов). Суффиксальное ударение имеют и прилагательные на *-as-*, как *apás-* 'деятельный', *tavás-* 'сильный', *yajás-* 'почитающий' и др. Чаще же абстрактные имена среднего рода переходят в разряд имени деятеля, употребляясь в качестве последнего члена сложного слова, например: *śumanás-* 'благожелательный' при *mānas-* п. 'мысль', *acetás-* 'неразумный' при *cetas-* п. 'разум' и т. п.

При склонении основ на *-as-* ударение остается неподвижным. Основы не знают качественного чередования, но в определенных формах гласный суффикс удлиняется. Это имеет место, во-первых, в N.—A.pl.p., причем гласный назализуется (под влиянием основ на носовой), давая исход *-āṃs-i-*; во-вторых, суффиксальный гласный удлиняется в N.sg. одушевленного рода.

По правилам сандхи *-as > -o* перед звонким начальным согласным окончания и *-as > -aḥ* перед глухим (реально перед *-s* в L.pl.).

Образец склонения — *çrávas-* п. 'восхваление', 'слава':

	sg.		du.		pl.
N.—A.	<i>çrávas</i>	N.—A.	<i>çrávasī</i>	N.—A.	<i>çrávāṃsi</i>
I.	<i>çrávasā</i>	I.—D.Abl.	<i>çrávobhyām</i>	I.	<i>çrávobhis</i>
D.	<i>çrávase</i>			D.—Abl.	<i>çrávobhyas</i>
Abl.—G.	<i>çrávasas</i>	G.—L.	<i>çrávasos</i>	G.	<i>çrávasām</i>
L.	<i>çrávasi</i>			L.	<i>çrávaḥsu</i>

В силу абстрактного значения большинства основ на *-as* формы двойственного числа встречаются редко.

У основ одушевленных родов N. и A.sg. не совпадают. Вот падежи парадигмы одушевленных родов, отличающиеся от парадигмы среднего рода, от основы прилагательного *apás-* 'деятельный': N.sg. *apás*, A.sg. *apásam*, N.—A.du. *apásā*.

Парадигма склонения *uśás-* f. отличается рядом особенностей. В сильных падежах наряду с обычными формами употребляются формы с удлинением суффиксального гласного, а в I.pl. вместо ожидаемого исхода основы *-o-* засвидетельствовано *-ad-* (как от основы на *-at-*): N.sg. *uśás*, V. *uśas*, A.sg. *uśásam*, *uśásam*, N.—A.du. *uśásau*, *uśásā*, N.pl. *uśásas*, *uśásas*.

Основы на *-is-*, *-us-*

Эти основы бывают обычно среднего рода. Одушевленный род прилагательного встречается чаще всего в тех случаях, когда существительное данной структуры употребляется как последний член сложного слова бахуврихи, например: *svárocis-* 'имеющий собственный блеск', *dīrghāyus-* 'долголетний' и др. Среди основ на *-us-* есть, однако, несколько имен мужского рода: *náhus-* 'дружелюбный', m. 'сосед', *mānus-* m.пом.pr. родоначальника людей, *janūs-* m.n. 'происхождение', 'род', 'существо', а также несколько прилагательных. Основы на *-is-* имеют большей частью суффиксальное ударение: *arcis-* 'луч', *barhis-* 'жертвенная солома', *vartīs-* 'круговой объезд Ашвинов' и т. д., но *jyótis-* 'светило', *vyáthis-* 'путь'; основы на *-us-* среднего рода — обычно на корне, например: *cákšus-* 'глаз', 'зрение', *dhānus-* 'лук', *yájus-* 'жертвенная формула' и др. Суффиксальное ударение имеют те немногие основы на *-us-*, которые являются прилагательными, например: *jayūs-* 'победный', *dakśús-* 'пламенеющий', *vidūs-* 'внимательный'. Акцентная парадигма неподвижна.

По правилам сандхи перед звонким *-bh-* окончаний *-is->-ir-*, *-us->-ur-*, а перед глухим *-s-* в L.pl. *-is->-ih-* или *-iṣ-*, *-us->-uḥ-* или *-uṣ-*. Исход сильных падежей во множественном числе по аналогии с основами на *-as-* бывает *-īmṣi*, *-ūṃṣi*, т. е. с удлинением и назализацией суффиксального гласного. В отличие от основ на *-as-* у основ на *-is-*, *-us-* одушевленных родов в N.sg. гласный не удлинится.

Образец склонения — *havis-* п. 'жертвенное возлияние' и *vápus-* п. 'чудесный облик':

sg.	N.—A.	<i>havis</i>	<i>vápus</i>
	I.	<i>haviṣā</i>	<i>vápuṣā</i>
	D.	<i>haviṣe</i>	<i>vápuṣe</i>
	Abl.—G.	<i>haviṣas</i>	<i>vápuṣas</i>
	L.	<i>haviṣi</i>	<i>vápuṣi</i>

du.	N.—A.	<i>haviṣī</i>	<i>vāpuṣī</i>
	I.—D.—Abl.	<i>haviṛbhyām</i>	<i>vāpurbhyām</i>
	G.—L.	<i>haviṣos</i>	<i>vāpuṣos</i>
pl.	N.—A.	<i>haviṃṣi</i>	<i>vāpūṃṣi</i>
	I.	<i>haviṛbhis</i>	<i>vāpurbhis</i>
	D.—Abl.	<i>haviṛbhyas</i>	<i>vāpurbhyas</i>
	G.	<i>haviṣām</i>	<i>vāpuṣām</i>
	L.	<i>haviṣṣu, haviḥṣu</i>	<i>vāpuṣṣu, vāpuḥṣu</i>

У основ одушевленного рода N. и A.sg. различаются, например: N.sg. *ṣukrāṇocis*, A.sg. *ṣukrāṇociṣam* от *ṣukrāṇocis* 'имеющий яркий блеск'. Основа *janūs-* 'род' — единственная, у которой в N.sg. удлиняется суффиксальный гласный: *janūs*.

Основы на -yāṃs-

Этот тип основ имеют прилагательные мужского и среднего рода в сравнительной степени. Основы являются изменяемыми: в сильных падежах суффиксальный гласный представлен ступенью вридхи (долгота и назализация), в слабых — ступенью гуна (краткость и отсутствие назализации), т. е. -yāṃs-/yas-. У большинства основ суффикс -yāṃs- присоединяется к корню не непосредственно, а с помощью соединительного гласного -i-. Акцентная парадигма неподвижна, ударение всюду падает на корневой гласный. N.sg. оканчивается на -ān- (сандхи конца слова). Ни у одной основы этого типа не засвидетельствовано в самхитах сколько-нибудь полной парадигмы. Косвенные падежи двойственного и множественного числа в этих текстах не встречаются.

Образец склонения — *ṣréyāṃs-* 'лучший':

sg.		pl.	
N.	<i>ṣréyān</i>	N.	<i>ṣréyāṃsas</i>
A.	<i>ṣréyāṃsam</i>	A.	<i>ṣréyasas</i>
I.	<i>ṣréyasā</i>		
D.	<i>ṣréyase</i>		
Abl.—G.	<i>ṣréyasas</i>	G.	<i>ṣréyasām</i>
L.	<i>ṣréyasi</i>		
V.	<i>ṣréyas</i>		
N.—A. n.	<i>ṣréyas</i>	N.—A. n.	<i>ṣréyāṃsi</i>

Соответствующие прилагательные женского рода имеют неизменяемые основы на -yasi-.

Основы на -vāṃs-

Основы этого типа имеют перфектные причастия действительного залога мужского и среднего рода. Основы изменяемы, имеют три ступени чередования: в сильных падежах -vāṃs-, в

средних — *-vat-* (из основ на *-vant-*), в слабых — *-us-*, т. е. чередование типа *vā—u* с назализацией гласного в ступени вриддхи. Ударение неподвижно и всегда падает на суффикс. Звательная форма оканчивается на *-vas* (т. е. такого же типа, как у основ на *-uāms-*), после АВ все чаще употребляется форма на *-van* (из основ на *-vant-*). N.sg. оканчивается на *-vān* (сандхи конца слова). Форма N.—A.sg.pl. на *-vat* заимствована этим типом из основ на *-vant-*. Ряд косвенных падежей двойственного и множественного числа в самхитах не встречается.

Образец склонения — *cikivāms-* 'сведущий' (p.pf.act. от *cit-* 'воспринимать'):

	sg.		du.		pl.
N.	<i>cikivān</i>	N.—A.	<i>cikivāmsā</i>	N.	<i>cikivāmsas</i>
A.	<i>cikivāmsam</i>			A.	<i>cikivāsas</i>
I.	<i>cikivāsā</i>			I.	<i>cikivādbhis</i>
D.	<i>cikivāse</i>				
Abl.—G.	<i>cikivāsas</i>			G.	<i>cikivāsām</i>
L.	<i>cikivāsi</i>				
V.	<i>cikivās</i>				
N.—A. n.	<i>cikivāt</i>				

Соответствующие основы женского рода на *-ūṣī-* являются неизменяемыми.

Основы на *-ant-*

Основу на *ant-* имеют причастия настоящего времени мужского и среднего рода. Основа является изменяемой и представлена двумя ступенями чередования: *-ant-* в сильных падежах, *-at-* — в слабых. Лишь в редких причастиях от корней на *-ā-* чередование имеет вид *-ānt-/āt-*. Акцентная парадигма бывает подвижной у окситонированных основ и неподвижной у баритонированных. N.sg. у этих основ оканчивается на *-an* (без заметной долготы гласного). Основы среднего рода имеют сильную форму в N.—A.pl. *-ānti*, в парадигмах единственного и двойственного числа используется только слабая форма на *-at-*, и, таким образом, чередования нет. Парадигма склонения соответствующих причастий от редуцированных основ (т. е. III класс презенса и интенсивы) является неизменяемой: основа всюду представлена слабым видом *-at-*, ударение неподвижно и падает на слог редукации.

Основы женского рода оканчиваются на суффикс *-ī-*, присоединяемый к полному или слабому виду исходной основы мужского рода, т. е. *-ānti-* или *-atī-* в зависимости от особенностей спряжения.

По образцу причастий на *-ant-* склоняется несколько прилагательных: *phānt-* 'маленький', *pfānt-* 'пятнистый', *bṛhānt-*

‘большой’, ‘высокий’, *mahānt-* ‘великий’ и существительное мужского рода *dānt-* ‘зуб’ (причастного происхождения). У прилагательного *mahānt-* чередуются в склонении сильный и слабый звуковой вид (а не средний и слабый, как обычно).

Основам прилагательных с суффиксами *-vant-* и *-mant-* свойственны некоторые отличия во флексии по сравнению с основами на *-ant-*. В N.sg.m. гласный удлинняется: *-vān*, *-mān*, также в N.—A.pl.n. (по образцу основ на *-van-*, *-man-*). V.sg. оканчивается на *-vas* (в дальнейшем также и на *-van*), *-mas*.

Образцы склонения — *uṣānt-* ‘желающий’, *prajāvant-* ‘имеющий потомство’:

sg.	N.	<i>uṣān</i>	<i>prajāvān</i>
	A.	<i>uṣāntam</i>	<i>prajāvantam</i>
	I.	<i>uṣatā</i>	<i>prajāvatā</i>
	D.	<i>uṣaté</i>	<i>prajāvate</i>
	Abl.—G.	<i>uṣatās</i>	<i>prajāvatas</i>
	L.	<i>uṣatī</i>	<i>prajāvati</i>
	V.	<i>uṣan</i>	<i>prajāvas</i>
du.	N.—A.	<i>uṣāntā</i>	<i>prajāvantā</i>
	I.—D.—Abl.	<i>uṣādbhyām</i>	<i>prajāvadbhyām</i>
	G.—L.	<i>uṣatós</i>	<i>prajāvatos</i>
pl.	N.	<i>uṣāntas</i>	<i>prajāvantas</i>
	A.	<i>uṣatās</i>	<i>prajāvatas</i>
	I.	<i>uṣādbhis</i>	<i>prajāvadbhis</i>
	D.—Abl.	<i>uṣādbhyas</i>	<i>prajāvadbhyas</i>
	G.	<i>uṣatām</i>	<i>prajāvatām</i>
	L.	<i>uṣātsu</i>	<i>prajāvatsu</i>
sg.	N.—A. n.	<i>uṣát</i>	<i>prajāvat</i>
du.	N.—A. n.	<i>uṣatī</i>	<i>prajāvati</i>
pl.	N.—A. n.	<i>uṣānti</i>	<i>prajāvanti</i>

Отличия парадигмы неизменяемых редуцированных основ можно проиллюстрировать на примере *dādat-* ‘дающий’: N.sg.m. *dādat*, A. *dādatam*, N.pl. *dādatas*.

Отдельные окончания парадигмы основ на *-vant-* регулярно используются в парадигме основ на *-vāms-* и проникают в некоторых случаях в парадигму основ на *-van-*, например, в склонении основы *maghāvan-* ‘щедрый’ средние падежи множественного числа образованы от основы на *-vant-*: I. *maghāvadbhis*, D.—Abl. *maghāvadbhyas*, L. *maghāvatsu*, V. superl. *maghāvāttama-*.

К этому типу относятся основы мужского и среднего рода (к женскому роду принадлежит одно слово с дефектной парадигмой — *yōṣan-* 'женщина'). Собственно основы на -ап- не столь многочисленны по сравнению с основами с суффиксами -тап- и -ван- и из всех этих основ наиболее богаты случаями отклонений от регулярной парадигмы.

Основы на -ап- изменяемы, при склонении представлены тремя формами: в сильных падежах ступень вриддхи, т. е. -āṇ-, в средних — вариант слабой ступени, т. е. -a-, в слабых падежах — вариант слабой ступени, т. е. -n-. Распределение этих вариантов нарушается в L.sg., где перед гласным окончанием -i- встречается наряду со слабой ступенью ступень гуна — -an-. Звательной форме также свойственна ступень гуна. Среди основ на -ап- часто встречается L. без окончания. Ударение неподвижно (подвижно только у нескольких основ среднего рода на -an-, имеющих гетероклитическую парадигму).

N.sg.m. оканчивается на -ā (сандхи конца слова). N.—A.sg.n. оканчивается на -a. N.—A.pl.n. имеет наряду с обычным -āni окончание -ā, которое в ряде случаев (возможно, по метрическим причинам) сокращается. В результате форма на -a среднего рода становится способной выражать граммему как единственного, так и множественного числа.

Основы с суффиксами -тап-, -ван- обладают некоторыми особенностями склонения. В слабых падежах -a- в суффиксе не синкопируется, если суффиксу предшествуют два или один согласный, например, G.sg. *yājvanas* от *yājvan-* 'жертвователь', I.sg. *varṣmāṇā* от *varṣmān-* 'высота' и т. п. В ряде случаев то же происходит после долгой гласной, например: D.sg. *dāvāne* от *dāvān-* 'давание', I.sg. *syūmanā* от *syūman-* 'ремень' и др. Акцентная парадигма основ на -тап- и -ван- неподвижна.

Образцы склонения — *rājjan-* м. 'царь', *brāhman-* п. 'молитва':

sg.	N.	<i>rājā</i>	<i>brāhma</i>
	A.	<i>rājānam</i>	»
	I.	<i>rājñā</i>	<i>brāhmaṇā</i>
	D.	<i>rājñe</i>	<i>brāhmaṇe</i>
	Abl.—G.	<i>rājñas</i>	<i>brāhmaṇas</i>
	L.	<i>rājani, rājñi</i>	<i>brāhmaṇi, brāhman</i>
	V.	<i>rājjan</i>	
du.	N.—A.	<i>rājānā</i>	<i>brāhmaṇi</i>
	I.—D.—Abl.	<i>rājabyām</i>	<i>brāhmabhyām</i>
	G.—L.	<i>rājños</i>	<i>brāhmaṇos</i>
pl.	N.	<i>rājānas</i>	<i>brāhmāṇi, brāhmā,</i> <i>brāhma</i>

pl. A.	<i>rājñas</i>	<i>brāhmāṇi, brāhmā,</i> <i>brāhma</i>
I.	<i>rājabhis</i>	<i>brāhmabhis</i>
D.—Abl.	<i>rājabyas</i>	<i>brāhmabyas</i>
G.	<i>rājñām</i>	<i>brāhmanām</i>
L.	<i>rājasu</i>	<i>brāhmasu</i>

У основы *mūrdhān-* 'голова' акцентная парадигма подвижная — в слабых падежах ударение падает на окончание, ср. N.pl. *mūrdhānas* и A.pl. *mūrdhnās*.

У нескольких основ в сильных формах представлена не сильная, а полная ступень чередования, т. е. *-an-*, например: *arya-* *mān-* пом.пр. бога, *pūṣān-* пом.пр. бога, *ṛbhukṣān-* 'повелитель Рибху' и *yóṣan-* f. 'женщина'. У основы *ukṣān-* 'бык' в этом отношении наблюдаются колебания: A.sg. *ukṣāṇat* и *ukṣāṇam*, N.pl. *ukṣāṇas*.

Ряд основ на *-man-* имеет форму I.sg. на *-nā* вместо *-mnā*: *mahinā* от *mahimān-* 'величие', *preṇā* от *premān-* 'любовь' и др.

Основы *ṣvān-* 'собака' и *yúvan* 'юный' представлены в слабых падежах формами *ṣun-* и *yūn-*: N.sg. *ṣvā*, A.sg. *ṣvānam*, N.—A.du. *ṣvānā*, N.pl. *ṣvānas* — I.pl. *ṣvábhis*, D.pl. *ṣvábhyas* — I.sg. *ṣūnā*, A.pl. *ṣūnas* и т. д.; N.sg. *yúvā*, A.sg. *yúvānam*, N.—A.du. *yúvānā*, N.pl. *yúvānas* — I.pl. *yúvabhis*, D.pl. *yúvabhyas* — D.sg. *yūne*, A.pl. *yūnas* и т. д.

Основа *maghāvan-* 'щедрый' (эпитет Индры) имеет в слабых падежах вид *maghón-*, и, таким образом, чередование происходит между *-vān-* в сильных падежах, *-ón-* в слабых и *-vat-* (из основ на *-vant-*) в средних: A.sg. *maghāvānam* — I.pl. *maghāvadbhis* — G.sg. *maghónas*.

Ряд основ среднего рода на *-an-* представлены отдельными косвенными падежами, которые входят в состав гетероклитической парадигмы вместе с основами на *-i-* и *-r-* (о чем см. далее).

Основы на *-in-*

Этот тип основ свойствен многочисленным производным прилагательным мужского и среднего рода. Часто имеет место их субстантивизация. Чередования гласных в основе нет. Ударение неподвижное: оно всегда падает на суффикс. Характерная особенность склонения состоит в том, что в средних падежах, т. е. перед согласными окончаниями, носовой согласный утрачивается, и основа оканчивается на *-i-* (аналогия с чередующимися основами на *-an-*). N.sg.m. оканчивается на *-ī*, N.sg.n. — на *-ī*. В целом склонение отличается большой регулярностью.

Образец склонения — *vājín-* 'быстрый', м. 'конь':

	sg.		du.
N.	<i>vājī</i>	N.—A.	<i>vājina</i>
A.	<i>vājīnam</i>		
I.	<i>vājīnā</i>	I.—D.—Abl.	<i>vājibhyām</i>
D.	<i>vājīne</i>	G.—L.	<i>vājīnos</i>
Abl.—G.	<i>vājīnas</i>		
L.	<i>vājīni</i>		
V.	<i>vājīn</i>		
N.—A. n.	<i>vājī</i>	N.—A. n.	<i>vājīni</i>

	pl.
N.	<i>vājīnas</i>
A.	<i>vājīnas</i>
I.	<i>vājibhis</i>
D.—Abl.	<i>vājibhyas</i>
G.	<i>vājīnām</i>
L.	<i>vājīṣu</i>
N.—A. n.	<i>vājīni</i>

Прилагательные женского рода образуются с помощью суффикса *-ī-*: *vājīni*.

Основы на *-ar-*

Сюда принадлежат основы мужского (подавляющее большинство) и женского (несколько слов) рода. Основы среднего рода в самхитах практически почти не засвидетельствованы (прилагательные среднего рода появляются в брахманах).

Данный тип основ является изменяемым. В сильных падежах основа представлена или ступенью вриддхи — *-ār-*, или ступенью гуна — *-ar-*, в L.sg. — ступенью гуна, т. е. *-ar-*, в остальных падежах — *-r-* перед гласным окончанием, *-ṛ-* перед согласным. В V.sg. — чистая основа в ступени гуна. Схема чередования основ здесь в принципе та же, что у основ на *-an-*. У окситонированных основ в слабых падежах, начинающихся с гласного, ударение перемещается на окончание (как в аналогичных основах на *-an-*).

Флексия этого типа основ носит смешанный характер, так как отдельные граммы падежа оформлены по типу гласных основ на *-i-*, *-u-*. N.sg. оканчивается на *-ā*, как у основ на *-an-*. Характерным для данного типа основ является окончание Abl.—G.sg. *-ur* (<*-ṛ+s*). По типу гласных основ оканчиваются A.pl.m. на *-ṛn* (ср. *-īn*, *-ūn*), A.pl.f. на *-ṛs* (ср. *-īs*, *-ūs*) и G.pl. на *-ṛ-ṇ-ām* (ср. *-īnām*, *-ūnām*).

К данному типу основ относятся несколько слов на *-ar-*: *devār-* 'деверь', *nānāndar-* f. 'золовка', *svāsar-* f. 'сестра', *uśār-* f. 'утренняя заря' (вариант *uśās-*), а также корневые имена

nár- 'муж', 'мужчина' и *stár-* 'звезда' и многочисленные основы с суффиксом *-tar-*. Основы с суффиксом *-tar-* в свою очередь делятся на две части: подавляющее большинство их составляют пом.аг. с ударением на суффиксе или причастия с ударением на корне, и совсем маленькую группу образуют имена родства: *pitár-* 'отец', *mātár-* f. 'мать', *duhitár-* f. 'дочь', *bhrá-tar-* 'брат', *nāptar-* 'потомок', 'внук' (все, кроме последнего слова, широко употребительные слова).

Nom.ag. и причастия на *-tar-* имеют в сильных падежах ступень вриддхи; имена родства на *-tar-*, кроме *nāptar-*, имеют в сильных падежах ступень гуна. Имена на *-ar-* — некоторые из них засвидетельствованы формами отдельных падежей — не имеют единого типа чередования. По типу пом.аг. образуют сильные падежи *svásar-*: A.sg. *svásāram*, N.—A.du. *svásārā*, N.pl. *svásāras* и *stár-*: N.pl. *tāras*; по типу имен родства на *-tar-* — *nár-*: A.sg. *nāram*, N.—A.du. *nārā*, N.pl. *nāras*.

Образцы склонения — *dātár-* m. 'даритель', *mātár-* f. 'мать'

sg.	N.	<i>dātā</i>	<i>mātā</i>
	A.	<i>dātāram</i>	<i>mātāram</i>
	I.	<i>dātrā</i>	<i>mātrā</i>
	D.	<i>dātré</i>	<i>mātré</i>
	Abl.—G.	<i>dātūr</i>	<i>mātūr</i>
	L.	<i>dātāri</i>	<i>mātāri</i>
	V.	<i>dātar</i>	<i>mātar</i>
du.	N.—A.	<i>dātārau</i>	<i>mātārā, mātārau</i>
	I.—D.—Abl.	<i>dātṛbhyām</i>	<i>mātṛbhyām</i>
	G.—L.	<i>dātrós</i>	<i>mātrós</i>
pl.	N.	<i>dātāras</i>	<i>mātāras</i>
	A.	<i>dātṛn</i>	<i>mātṛs</i>
	I.	<i>dātṛbhis</i>	<i>mātṛbhis</i>
	D.—Abl.	<i>dātṛbhyas</i>	<i>mātṛbhyas</i>
	G.	<i>dātṛñām</i>	<i>mātṛñām</i>
	L.	<i>dātṛṣu</i>	<i>mātṛṣu</i>

Встречаются отдельные случаи G.pl. с корневой флексией, т. е. без соединительного согласного *-n-*: *narām*, *svāsrām*. Парадигма склонения *nár-* особенно богата аномалиями: G.sg. *nāras* по корневому типу, A.pl. *nṛn* по гласному типу, в G.pl. кроме корневого варианта флексии — гласный вариант *nṛñām*.

Отдельные формы среднего рода на *-ar-*, чередующиеся в склонении с формами других основ (на *-n-*, *-i-*, *-s-*), будут рассмотрены особо, в гетероклитическом типе склонения. Аномальная основа среднего рода *sthātár-* 'стоячее', 'неподвижное' засвидетельствована в PB (VI, 49,6).

Соответствующие имена деятеля женского рода образуются от данного типа основ с помощью суффикса *-ī-*: *netrī-* 'предводительница' — *netār-* 'предводитель' и др.

ГЛАСНОЕ СКЛОНЕНИЕ (ПРОИЗВОДНЫЕ ОСНОВЫ)

Основы, относящиеся к гласному склонению, значительно менее едины по типу парадигм, чем основы согласного склонения. В противоположность согласному склонению здесь нет единого набора флексий. Основы женского рода отличаются от основ мужского и среднего рода особой усиленной флексией. Нет независимого подвижного ударения. Во всех парадигмах гласного склонения ударение является колонным (т. е. передвижение ударения с конечного элемента основы на окончание может быть вызвано только фонетическими причинами — консонантизацией конечного глайда основы перед начальным гласным окончания). Чередование гласных в основе или отсутствует вообще или оно не носит системного характера (противопоставления видов основы в сильных и слабых падежах нет). При присоединении гласных окончаний к основе весьма широко используются согласные — соединительные элементы (например, *-n-* в G.pl. и в парадигмах среднего рода). При отсутствии соединительного согласного между основообразующим гласным и начальным гласным окончания происходят сандхи, что иногда нарушает ясность морфологической структуры основы. В таких случаях целесообразно при описании данной формы вводить дополнительный индекс места окончания (присоединяется к основе или заменяет собой основообразующий элемент). N.sg.m. всегда оканчивается на *-s*. N. и A.pl.m. всегда различаются по флексии. В A.pl. основообразующий гласный перед окончанием всегда удлиняется. Окончание A.pl.m. — *-n*, A.pl.f. — *-s*.

По гласному склонению изменяются все основы на краткие гласные *-a-*, *-ī-*, *-u-* (исключения среди основ на *-ī-* и *-u-* единичны), основы на *-ā-* и большая часть основ на *-ī-*.

Основы на *-a-*

Сюда относятся основы мужского и среднего рода. Этот тип является самым продуктивным и употребительным в ведийском языке, где он охватывает более половины всех именных основ (существительных и прилагательных). Он дальше всего отстоит от согласного склонения и выделяется наличием ряда флексий, заимствованных из местоименного склонения (основ, оканчивающихся на *-a-*).

При описании парадигмы склонения существенным является указание на место окончания. В косвенных падежах множественного числа тематический гласный перед окончаниями, начи-

нающимися с согласного, меняется на -e- (т. е. I., D.—Abl., L.pl.).

Основы на -a- — единственный тип основ, в котором существует особая граммема Abl.sg. (а не совпадающая с G.sg.) и материально выраженная (а не нулевая) флексия N.—A.sg.n.

Ударение при склонении неподвижное.

Для основ на -a- характерен следующий набор флексий:

sg.	N.m.	-s,	на месте тематического гласного
	N.—A.n.	-m;	(ср. I.sg. <i>téna</i> от указательного местоимения <i>tá-</i> 'тот', 'он'); встречаются отдельные формы с окончанием согласного склонения -ā-, например: <i>ya jñā</i> 'с помощью жертвы' от основы <i>ya jñā-</i> м. 'жертва', <i>mahitvā</i> 'величием' от <i>mahitvā-</i> п. 'величие' и др.;
	A.m.	-m	
	I.m.	-ena	
	D.	-āya	на месте тематического гласного;
	Abl.	-āt/-ād	на месте тематического гласного; звонкость или глухость конечного согласного определяется правилами сандхи;
	G.	-sya	(ср. G.sg. <i>tásya</i> от местоимения <i>tá-</i>);
	L.	-i;	— по правилам сандхи -a+i>-e
	V.	-#	т. е. чистая основа, оканчивающаяся на -a.
du.	N.—A.m.	-ā, -au- -#	на месте тематического гласного; т. е. чистая основа на тематический гласный, как в единственном числе в редких формах;
	N.—A.n.	-i;	по правилам сандхи, -a+i>-e.
	I.—D.—Abl.	-bhyām,	причем предшествующий тематический гласный удлиняется;
	G.—L.	-yos,	где -y- является соединительным согласным.
pl.	N.m.	-as; -asas	по правилам сандхи, -a+as>-ās — вариант удвоенного окончания (более редкий), который в самхитах после РВ постепенно выходит из употребления;
	N.—A.n.	-ā, -āni;	в РВ -āni — более редкий вариант, в дальнейшем положение меняется;

A.m.	-ān	(* <āns — вариант, засвидетельствованный правилами внешнего сандхи в виде -āms, -āmç);
I.	-ebhis	— в РВ — равноправный вариант окончания, в дальнейшем выходит из употребления;
	-ais	на месте тематического гласного (ср. I.pl. <i>tais</i> от местоимения <i>tá-</i>).
D.—Abl.	-ebhyas	
G.	-ām	— окончание, присоединяемое с помощью согласного -n- к основе с удлинённым тематическим гласным, т. е. -ānām;
L.	-eṣu	

Образцы склонения — *devá-* м. 'бог', *padá-* н. 'шаг', 'след':

sg.	N.	<i>devás</i>	N.—A.	<i>padám</i>
	A.	<i>devám</i>		
	I.	<i>devéna</i>		<i>padéna</i>
	D.	<i>devāya</i>		<i>padāya</i>
	Abl.	<i>devāt</i>		<i>padāt</i>
	G.	<i>devāsya</i>		<i>padāsya</i>
	L.	<i>devé</i>		<i>padé</i>
	V.	<i>déva</i>		<i>páda</i>
du.	N.—A.	<i>devā, devaiṁ</i>		<i>padé</i>
		<i>devā</i>		
	I.—D.—Abl.	<i>devābhyām</i>		<i>padābhyām</i>
	G.—L.	<i>devāyos</i>		<i>padāyos</i>
pl.	N.	<i>devás, devāsas</i>	N.—A.	<i>padá, padāni</i>
	A.	<i>devān</i>		<i>padébbhis, padaís</i>
	I.	<i>devébhis, devaiś</i>		<i>padébbhyas</i>
	D.—Abl.	<i>devébhyas</i>		<i>padānām</i>
	G.	<i>devānām</i>		<i>padéṣu</i>
	L.	<i>devéṣu</i>		

По этому типу склоняются также многочисленные прилагательные с основой на -a-. Исключение составляет лишь небольшая группа местоименных прилагательных, как *katará-* 'который', *anyá-* 'другой' и т. п., которые следуют целиком или в значительной степени местоименному типу склонения.

Соответствующие существительные и прилагательные основы женского рода образуются с помощью суффиксов на долгие гласные -ā- или -ī-.

К производному склонению относится бо́льшая часть основ на *-ī-* женского рода. Они могут иметь соответствующие существительные мужского рода с другим типом основы, например: *devī-* 'богиня' — *devā-* 'бог', *sārasvatī-* ном.р. богини — *sārasvat-* ном.р. бога и др., но могут и не иметь его, например: *rōdasi-* 'вселенная', *çāmtī-* 'работа' и др.

Основы этого типа бывают как баритонированными, так и окситонированными. У баритонированных основ акцентная парадигма неподвижна, у окситонированных ударение переходит на окончание в слабых падежах с гласными окончаниями, поскольку конечный элемент основы приобретает консонантный характер.

Особенность этого склонения заключается в том, что в парадигме склонения чередуются два вида основы: на *-ī-* и на *-yā-*. Это распределение не совпадает, однако, с делением падежей на сильные и слабые. Основа на *-yā-* представлена в трех слабых падежах: D., Abl.—G. и I.sg., в остальных слабых падежах, а также в сильных употребляется основа на *-ī-*.

Особенности флексии в этом склонении таковы:

sg.	N.	- $\ddot{+}$,	т. е. чистая основа, оканчивающаяся на <i>-ī</i> ;
	A.	- <i>m</i>	(а не <i>-am</i> , как у согласного склонения на <i>-ī-</i>);
	I.	- <i>ā</i> ,	дающее, по правилам сандхи, в сочетании с основообразующим элементом <i>-yā</i> (трактовка этой формы как основы на <i>-yā-</i> > <i>-yā-</i> + <i>-ā</i> недопустима потому, что в I.sg. <i>-yā-</i> в мантрах бывает большей частью двуслоговым, т. е. <i>ī</i> + <i>ā</i> , в отличие от односложных флексий падежей на <i>-yā-</i>);
	D.	- <i>ai</i> ;	в сочетании с основообразующим элементом <i>-yai</i> ;
	Abl.—G.	- <i>ās</i> ;	в сочетании с основообразующим элементом <i>-yās</i> ;
	L.	- <i>ām</i> ;	в сочетании с основообразующим элементом <i>-yām</i> ;
	V.	- $\ddot{+}$	при сокращении основообразующего элемента, т. е. <i>-i</i> .

du. N.—A. *-ī* (<*-ī* + *ī*).

pl. N.—A. *-s*;
G. *-ām*, причем окончание присоединяется к основе с помощью согласного *-n-*, т. е. *-īnām*.

	sg.		du.		pl.
N.	<i>devī</i>	N.—A.	<i>devī</i>	N.—A.	<i>devīs</i>
A.	<i>devīm</i>	I.—D.—Abl.	<i>devībhyām</i>	I.	<i>devībhis</i>
I.	<i>devyā</i>	G.—L.	<i>devyós</i>	D.—Abl.	<i>devībhyas</i>
D.	<i>devyai</i>			G.	<i>devīnām</i>
Abl.—G.	<i>devyās</i>				
L.	<i>devyām</i>			L.	<i>devīṣu</i>
V.	<i>dēvi</i>				

У некоторых основ, склоняющихся по данному типу, в парадигму склонения могут проникать отдельные формы из консонантной парадигмы. Смешанную парадигму имеет существительное *strī-* 'женщина' (по происхождению двусложное слово): по производному типу N.sg. *strī*, D.sg. *striyāi*, G.sg. *striyās*, L.sg. *striyām*, по корневому типу A.sg. *striyam*, N.—A.pl. *striyas*.

Основы на -ā-

Основы этого типа бывают исключительно женского рода' существительные и прилагательные. Часть из них имеет соответствующие основы мужского рода на -a-, например: *ācva-* 'кобыла'— *ācva-* 'жеребец', *priyā-* 'милая'— *priyā-* 'милый' и т. д., другие — нет, например: *kanīā-* 'девушка', *chāyā-* 'отражение', 'тень' и пр.

Ударение в парадигме склонения неподвижное, флексия — в принципе та же, что и у производных основ на -ī-. Специфика этого типа склонения заключается в форме, которую имеет основа в некоторых падежах, и в способе присоединения флексии к основе в ряде других падежей.

В данном типе склонения в трех формах конечный гласный основы -ā- заменяется на -ay/-e-: в I.sg. -ay- (форма оканчивается на -ayā), в G.—L.du. -ay- (форма оканчивается на -ayos) и в V.sg. -e при нуле окончания. В D., Abl.—G. и L.sg. флексии присоединяются к основе на -ā через соединительный согласный -y- (заимствование из производных основ на -ī-), что дает исход соответствующих форм -āyai, -āyās, -āyam.

N.sg. имеет нулевую флексию, как в производных основах на -ī-, N.—A.du. -ī, что, по правилам сандхи, дает исход -e (<-ā+ī). N.pl. по аналогии с основами на -a- кроме основного исхода -ās имеет вариант -āsas, который после РВ быстро выходит из употребления.

Образец склонения — *priyā* 'милая', f. 'возлюбленная':

	sg.		du.
N.	<i>priyā</i>	N.—A.	<i>priyé</i>
A.	<i>priyām</i>	I.—D.—Abl.	<i>priyābhyām</i>

	sg.		du.
I.	<i>priyáyā</i>	G.—L.	<i>priyáyoṣ</i>
D.	<i>priyáyai</i>		
Abl.—G.	<i>priyáyās</i>		
L.	<i>priyáyām</i>		
V.	<i>prīye</i>		
	pl.		
N.—A.	<i>priyās</i>		
	<i>priyāsas</i>		
I.	<i>priyābhis</i>		
D.—Abl.	<i>priyābhyas</i>		
G.	<i>priyānām</i>		
L.	<i>priyāsu</i>		

У ряда основ с суффиксами *-yā-* и *-tā-* форма I.sg. равна основе (точнее, флексия *-ā* присоединяется к основе на *-ā-*, а не на *-ay-*), например, I.sg. *priyā* 'с возлюбленной', I.sg. *mamātā* 'из собственного интереса' — основа *mamātā-* и др.

Основы на *-i-*, *-u-*

К этому типу принадлежат основы всех трех родов, существительные и прилагательные. Склонение отличается нерегулярностью, большим количеством отклонений, а в среднем роде — недостаточно полной установленностью парадигмы.

Это единственный тип склонения, объединяющий все три грамматических рода, а в ведийском языке наблюдаются тенденции к дифференциации отдельных родов в пределах склонения с помощью флексии и чередования конечного элемента основы. Процесс этот в самхитах весьма далек от завершения, поэтому многочисленные варианты отдельных граммем падежа затемняют системный характер отношений внутри всей парадигмы. Наряду с этим делаются попытки дифференцировать женский род на уровне словообразования, ср., например, *mādhu-* m., n., f. 'сладкий' и *vāsu-* m., n. 'хороший' — *vāsvi-* f. 'хорошая'.

У баритонированных основ ударение при склонении бывает неподвижным, у окситонированных — переходит на гласные окончания в связи с консонантизацией конечного элемента основы в соответствии с правилами сандхи.

В противопоставлении родов внутри данного типа основ наблюдается определенная иерархия. Прежде всего одушевленный род, т. е. мужской и женский вместе, противопоставлен среднему (формально — и по характеру изменений конечного элемента основы, и по флексии), а затем — женский род мужскому в пределах одушевленного рода (формально — только по ряду флексий).

В некоторых падежах в этих парадигмах конечный элемент основы представлен ступенью гуна, а именно в D.sg. и N.pl. — *-ay-*, *-av-* перед гласным окончания (то же в L.sg. у некоторых имен на *-u-* с исходом формы *-avi*); в G.—Abl.sg. — *-e-*, *-o-* перед согласным окончания, то же в V.sg. перед нулем окончания. В L.sg. он представлен ступенью вридхи перед нулем окончания: *-au* у основ на *-i-* и *-u-*, *-ā* у основ на *-i-*. В N.—A.du. одушевленного и среднего рода одним из вариантов окончания является нулевая флексия, перед которой удлинняется основообразующий гласный, т. е. исход формы имеет вид *-ī*, *-ū*. То же происходит перед флексией G.pl.: исход форм — *-īnām*, *-ūnām*.

Ряд гласных флексий присоединяется к основе посредством соединительного согласного *-n-*. В I.sg.m.p. и в G.pl. всех родов соединительный согласный обязателен: соответственно *-inā*, *-unā* и *-īnām*, *-ūnām*. В среднем роде в косвенных падежах единственного числа и в прямых падежах двойственного и множественного числа в самхитах встречаются варианты флексии с соединительным согласным, которые в дальнейшем развитии языка становятся единственным окончанием.

Характерные особенности флексии этого типа основ следующие:

sg.	N.	m., f.	-s;
	A.	m., f.	-m;
	N.—A.	n.	-ṇ;
	I.	m., f., n.	-ā (m., n. -n-ā, f. ṇ (-īṇ, -iṇ)) у основ на <i>-i-</i> ;
	D.	m., f., n.	-e (m., f., n. -ay-e, -av-e; n. -u-n-e);
	Abl.—G.	m., f., n.	-s (m., f., n. -e-s, -o-s);
		n.	-as (-u-n-as);
	L.	m., f., n.	-ṇ (-au ṇ) у всех основ;
		m., f., n.	-ṇ (-āṇ) у основ на <i>-i-</i> ;
		m., n.	-ī (m., n. — -av-i, n. -u-n-i);
	V.	m., f., n.	-ṇ (m., f. -eṇ, -oṇ, n. — -iṇ, -oṇ).
du.	N.—A.		-ṇ (m., f., n. — -ī, -ū).
pl.	N.	m., f.	-as (-ay-as, -av-as);
	A.	m.	-n (-īn, -ūn);
		f.	-s (-īs, -ūs);
	N.—A.	n.	-ṇ (-īṇ, -ūṇ, -iṇ, -uṇ);
			-ī (-ī-n-i, -ū-n-i).

Распределение флексий в граммемах некоторых падежей требует особых пояснений. В I.sg.f. наиболее частым исходом является *-ī* типа *citti* 'с пониманием' от *citti-*, *hetī* 'дротиком' от *hetī-* и т. п. В определенных местах метрической схемы ко-

нечный, долгий гласный I.sg.f. может сокращаться, ср., например, в конце пады *svorhī* (V, 41,10) 'с помощью прекрасной песни' и др. Флексия *-u-ā* у основ на *-i-* в РВ встречается почти в два раза реже, в дальнейшем же становится постепенно флексией женского рода в этом падеже. Флексия *-u-ā* встречается у основ на *-i-* женского рода редко, ср., например, I.sg.f. *nābhīnā* (VI, 39,4) от *nābhi-* 'втулка колеса' и др. Следует отметить, что в единичных случаях формы женского рода единственного числа на *-ī* от основ на *-i-* могут иметь значение D.sg., например, *ātī* (I, 100,1—15) 'на помощь'. У соответствующих основ на *-u-* в этом падеже, наоборот, нормой является *-u-ā*, *-ā* встречается редко. Исходы с носовым соединительным согласным *-inā*, *-unā* во всех трех родах после РВ постепенно становятся нормой.

В L.sg. основы на *-i-* имеют два варианта исхода: *-ā* перед согласной (<*ai), *-āu/-au* перед гласной и в абсолютном исходе (заимствование у основ на *-u-*). Постепенно *-au* вытесняет *-ā* и становится главным вариантом окончания. У основ на *-u-* главный вариант исхода *-au*, редкий *-av-i*, например: *sānavi* 'на вершине' от *sānu-* наряду с *sānavi* и с *sānuni*.

В среднем роде в N.—A.pl. имеют место в качестве основного варианта формы без носового соединительного согласного (в дальнейшем ситуация меняется).

В A.pl.m. исходная форма окончания *-in*, *-un* засвидетельствована правилами сандхи в виде *-ims*, *-imr*, *-ūms*, *-ūmr*.

Основы женского рода в единственном числе в косвенных падежах, начиная с D., могут иметь варианты усиленных окончаний производного склонения: D. *-yai*, *-vai*, Abl.—G. *-yās*, *-vās*, L. *-yām*, *-vām*. В РВ эти формы редки, например: D. *bhṛtyai* 'для поддержки' от *bhṛti-*, Abl. *nābhyās* 'из центра' от *nābhi-*, *bhūmyām* 'на земле' от *bhūmi-* и некоторые другие. После РВ роль этих вариантов все более возрастает.

Образцы склонения основ на *-i-* — *agnī-* m. 'огонь', *matī-* f. 'мысль', 'молитва':

sg.	N.	<i>agnis</i>	<i>matīs</i>
	A.	<i>agnim</i>	<i>matim</i>
	I.	<i>agninā</i>	<i>matyā</i> , <i>matī</i>
	D.	<i>agnāye</i>	<i>matāye</i> , <i>matyai</i>
	Abl.—G.	<i>agnés</i>	<i>matés</i> , <i>matyās</i>
	L.	<i>agnau</i> , <i>agnā</i>	<i>matau</i> , <i>matyām</i>
	V.	<i>agne</i>	<i>máte</i>

du.	N.—A.	<i>agnī</i>	<i>matī</i>
	I.—D.—Abl.	<i>agnibhyām</i>	<i>matibhyām</i>
	G.—L.	<i>agnyós</i>	<i>matyós</i>

pl.	N.	<i>agnáyas</i>	<i>matáyas</i>
	A.	<i>agnīn</i>	<i>matīs</i>
	I.	<i>agnībhis</i>	<i>matibhis</i>
	D.—Abl.	<i>agnībhyas</i>	<i>matibhyas</i>
	G.	<i>agnīnām</i>	<i>matīnām</i>
	L.	<i>agnīṣu</i>	<i>matīṣu</i>

Основы среднего рода на *-i-* отличаются от основ мужского рода в прямых падежах, например, от основы *çúci-* 'сверкающий', N.—A.sg.n. *çúci*, N.—A.du.n. *çúcī*, N.—A.pl.n. *çúcīni*, *çúcī*, *çúcī*.

Существительные *sákhi-* 'друг' и *pāti-* 'муж' склоняются по согласному образцу (см. с. 213—214); *pāti-* в значении 'господин' склоняются по образцу *agni-*. У некоторых имен, как указывалось ранее, могут встречаться отдельные формы, образованные по типу согласного склонения.

Основа *vī-* м. 'птица' имеет в РВ N.sg. *vīs* и *vēs*. Несклоняемое слово *yós* 'благо', 'счастье' (в формуле благословения *çām yós*) представляет собой N.sg. той же структуры со ступенью гуна.

У ряда основ женского рода реальная парадигма представляет собой смесь форм от двух типов основ: на *-i-* и на *-ī-*, например: *óṣadhi-/óṣadhī-*, *nāri-/nārī-*, *bhūmi-/bhūmī-* и др.

Образцы склонения основ на *-u-* — *paçú-* м. 'скот', 'животное', *dhenú-* ф. 'дойная корова', *mádhu-* п. 'мед', 'сладкий напиток', adj. 'сладкий':

sg.	N.	<i>paçús</i>	<i>dhenús</i>	N.—A.	<i>mádhu</i>
	A.	<i>paçúm</i>	<i>dhenúm</i>		
	I.	<i>paçvā,</i> <i>paçúnā</i>	<i>dhenvā</i>		<i>mādhvā,</i> <i>mādhunā</i>
	D.	<i>paçāve,</i> <i>paçve</i>	<i>dhenāve,</i> <i>dhenvai</i>		<i>mādhave,</i> <i>mādhune</i>
	Abl.—G.	<i>paçós,</i> <i>paçvās</i>	<i>dhenós,</i> <i>dhenvās</i>		<i>mādhos,</i> <i>mādhunas</i>
	L.	<i>paçai</i>	<i>dhenai,</i> <i>dhenvām</i>		<i>mādhavi,</i> <i>mādhau,</i> <i>mādhuni</i>
	V.	<i>paço</i>	<i>dhenó</i>		<i>mádhu</i>
du.	N.—A.	<i>paçū,</i> <i>paçvā</i>	<i>dhenū</i>		<i>mādhvī</i>
	I.—D.—Abl.	<i>paçúbhy-</i> <i>ām</i>	<i>dhenúbhyām</i>		<i>mādhubhyām</i>
	G.—L.	<i>paçvós</i>	<i>dhenvós</i>		<i>mādhunos</i>
pl.	N.	<i>paçávas</i>	<i>dhenávas</i>	N.—A.	<i>mādhū,</i> <i>mádhu,</i> <i>mādhūni</i>
	A.	<i>paçūn,</i> <i>paçvās</i>	<i>dhenús</i>		

pl. I.	<i>paçúbhis dhenúbhis</i>	<i>mádhubhis</i>
D.—Abl.	<i>paçúbhyaṣ dhenúbhyaṣ</i>	<i>mádhubhyaṣ</i>
G.	<i>paçūnām dhenūnām</i>	<i>mádhūnām</i>
L.	<i>paçúṣu dhenúṣu</i>	<i>mádhūṣu</i>

В отличие от основ на *-i-*, у основ на *-u-* флексия среднего рода засвидетельствована полнее прежде всего в связи с наличием группы прилагательных с этой основой.

Следы чередования при склонении можно обнаружить в двух основах на *-u-*, у которых некоторые формы парадигмы образованы от односложных основ: *dāru-* п. 'дерево', 'дрова', N.—A.sg. *dāru*, N.—A.pl. *dārūṇi*—I.sg. *drūṇī*, G.sg. *drūṇas* и *drós*; *sānu-* 'вершина', N.—A.sg.n. *sānu*, A.sg.m. *sānum*, I.sg. *sānunā*, Abl.sg. *sānos* и т. д.—I.sg. *sūnā*, Abl.sg. *sūós*, I.pl. *snúbhis*, L.pl. *snúṣu*.

ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В отличие от всех остальных типов основ речь здесь идет не о едином регулярном склонении, представленном полной парадигмой, а об отдельных исключениях из прочих типов склонений, обладающих одной общей характеристикой: в косвенных падежах используется преимущественно основа на *-a-*, в прямых падежах — основа другого типа. Таким образом, эта парадигма является супплетивной. Ей свойственно подвижное ударение. По данному образцу склоняется несколько существительных среднего рода, большая часть которых представляет собой названия частей тела. Парадигма этих имен обычно бывает дефектной.

У нескольких существительных наблюдается в склонении супплетивизм основы на *-a-* и на *-i-*. Распределение основ в соответствии с сильными и слабыми падежами соблюдается только в единственном числе. Это *ákṣi-*, *akṣi-/akṣán-* 'глаз' (N.—A.sg. *ákṣi*, N.—A.du. *akṣí*, N.—A.pl. *ákṣiṇi*, I.—D.—Abl.du. *akṣibhām*—Abl.—G.sg. *akṣnás*, N.—A.pl. *akṣāṇi*, I.pl. *akṣábhīs*), *ásthi-/asthán-* 'кость' (N.—A.sg. *ásthi*, N.—A.pl. *ásthiṇi*—Abl.—G.sg. *asthrás*, N.—A.pl. *asthāṇi*, I.pl. *asthábhīs*), *dádhi-/dadhán-* 'кислое молоко' (N.—A.sg. *dádhi*—I.sg. *dadhñā*, Abl.—G.sg. *dadhñás*), *sákthi-/sakthán-* 'бедпо' (N.—A.sg. *sákthi*, I.—D.—Abl.du. *sákthibhām*, G.—L. *sákthyos*—I.sg. *sakthñā*, N.—A.pl. *sakthāṇi*). У одной основы это чередование в склонении менее отчетливо, так как на него налагаются словообразовательные различия. Это *āsia-/āsán-* п. 'рот' (ср. также корневое имя *ās-* id.), у которого основа на *-a-* встречается только в слабых падежах (A.sg. *āsiām*, I.sg. *āsiena*, Abl.sg. *āsiāt*, L.sg. *āsie*—I.sg. *āsnā*, D.sg. *āsné*, Abl.—G.sg. *āsnás*, L.sg. *āsāni*, *āsán*, I.pl. *āsábhīs*).

У нескольких существительных основе на *-an-* в косвенных падежах соответствует основа на *-ṛ + t-* или *j-* в прямых падежах. Это *ásṛj-/asán-* 'кровь' (N.—A. sg. *asṛk* — I. sg. *asnā*, Abl.—G.sg. *asnás*), *yákr̥t-/yakán-* 'печень' (N.—A.sg. *yákr̥t* — Abl.—G.sg. *yaknás*), *çákṛt-/çakán-* 'навоз' (N.—A.sg. *çákṛt* — I.sg. *çaknā*, Abl.—G.sg. *çaknás*).

Тот же тип чередования *-r/-n-*, но только в ступени гуна, представлен в парадигме основы *údhar-/údhan-* 'вымя' (N.—A.sg. *údhar*, L.pl. *údhaḥsu* — L.sg. *údhan*, *údhani*, при слабой ступени основ на *-an-* в *údhnas*, I.pl. *údhabhis*).

Чередование трех типов основ *-an-/ar-/as-* засвидетельствовано у существительного *áhan-/áhar-/áhas-* 'день' (N.—A.sg. *áhar*, вся остальная парадигма от *áhan-*: I.sg. *áhnā*, D.sg. *áhne* и т. д., N.—A.du. *áhanī*, N.—A.pl. *áhāni*, I.pl. *áhabhis* и т. д. и одна форма от *áhas-* — I.pl. *áhobhis*).

Есть еще несколько слов, не составляющих единой группы, у которых основа на *-n-* не имеет прямых падежей, а основа другого способа образования дополняет ее в прямых падежах (в косвенных же иногда могут выступать обе основы). Это *udakā-/udán-* 'вода' (ср. *úd-* id.; I.sg. *udnā*, Abl.—G.sg. *udnás* и т. д. — N.—A. *udakām*, Abl.sg. *udakāt*), *dós-/doṣán-* 'рука' (G.sg. *doṣnás* — N.—A.sg. *dós*), *yūṣá-/yūṣán-* 'мясная похлебка' (Abl.—G.sg. *yūṣnás* — N.—A. *yūṣám*), *çiras-/çirśán-* 'голова' (I.sg. *çirśnā* и т. д. — N.—A.sg. *çiras*).

Следы гетероклитических основ можно обнаружить также в отдельных случаях в сложных словах, в деноминативных глаголах и в именном словообразовании.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Подкласс имени числительного характеризуется особой семантикой: референтами единиц этого подкласса являются числа. По характеру отражения чисел, с точки зрения их количественной характеристики или порядка в последовательном ряду, числительные делятся на два основных типа: количественные и порядковые. Этому семантическому разбиению соответствуют разные формальные особенности.

Ведийская система счисления является десятичной. Это отражено в структуре числительных: названия чисел 1—10 лежат в основе всех остальных рядов.

Названия чисел 1—10, десятков, ста, тысячи и кратных им чисел (насколько они засвидетельствованы в ведийских текстах) следует дать списком:

1 — <i>éka-</i>	10 — <i>dāça-</i>	100 — <i>çatá-</i>
2 — <i>dvá-</i> , <i>du(v)á-</i> , <i>dvī-</i>	20 — <i>vim̐çatī-</i>	1 000 — <i>sahásra-</i>

3 — <i>tri-</i>	30 — <i>triṃcāt-</i>	10 000 — <i>ayūta</i> - ³
4 — <i>catūr-</i>	40 — <i>catvāriṃcāt-</i>	100 000 — <i>niyūta-</i>
5 — <i>pāñca-</i>	50 — <i>pañcācāt-</i>	1 000 000 — <i>prayūta-</i>
6 — <i>śaṣ-</i>	60 — <i>śaṣṭi-</i>	10 000 000 — <i>ārbuda-</i>
7 — <i>saptā-</i>	70 — <i>saptati-</i>	100 000 000 — <i>nyārbuda-</i>
8 — <i>aṣṭā-</i>	80 — <i>aṣṭī-</i>	
9 — <i>nāva-</i>	90 — <i>navati-</i>	

и т. д.

Приведенные в списке слова являются, с синхронной точки зрения, простыми. Названия десятков со второго по пятый включительно образованы с помощью элемента *-cat/-cati-* (с синхронной точки зрения, суффикс числительных, этимологически связанный с *dāca-* — 10), а со второго по девятый — с помощью суффикса *-ti-*. Названия всех десятков, кроме второго, базируются на названиях соответствующих единиц. Во втором десятке исходной является частица *-vi-*, а не количественное числительное *dva-*. Исходная основа, предшествующая *-cat/-cati-* везде, кроме названия пятого десятка, имеет назализованную форму. В названии четвертого десятка в качестве исходной основы функционирует форма N.—A.pl.n. *catvāri* от *catūr-*. В названии пятого десятка конечный гласный исходной основы удлиняется. В названии восьмого десятка суффикс *-ti-* присоединяется через соединительный гласный *-i-* не к основе соответствующей единицы с суффиксом *-ta-*, а к корню.

Названия промежуточных между десятками чисел являются сложными словами типа двандва⁴, в которых на первом месте стоят единицы, а на втором десятки, при этом ударение всегда бывает на первом члене. У числительного «два» и по аналогии с ним у числительного «один», а также у числительного «восемь» происходит удлинение конечного *-a*: *ēkādaça-* — 11, *dvādaça-* — 12, *śoḍaça-* — 16 (фонетическое изменение по правилам сандхи), *aṣṭādaça-* — 18, *ekatriṃcāt-* — 31, *cātuḥsahasra-* — 1004 и т. п. Числительное *tri-* в сложных словах, обозначающих промежуточные числа, представлено формой N.pl. *trāyas-*, например: *trāyodaça-* — 13, *trāyastriṃcāt-* — 33, но *triṇatā* — 300.

Другой способ образования названий промежуточных чисел, начиная с третьего десятка, и по этому же принципу чисел, в которых в качестве единиц выступают десятки или сотни, является синтаксическим. Сложение единиц, десятков, сотен, тысяч выражается посредством сочинительной синтаксической конструкции, члены которой часто (но не обязательно) связываются соединительным союзом *ca* 'и'. Присоединяемое, т. е. меньшее число стоит на первом месте, например: *trāyaṣ triṃcāc ca* (AB) — 33, однако этот порядок не является строгим — ср. *aṣṭītiḥ santu aṣṭā utó te saptā saptatiḥ* (AB, IX, 47,3) 'они бы-

³ В перечнях больших чисел в разных самхитах наблюдаются различия. Лучше всего они засвидетельствованы в АВ и особенно в ЯВ.

⁴ См. раздел «Словосложение», с. 179.

вают (числом) все семьдесят восемь, а также их семьдесят семь'. Иногда связь между частями настолько свободная, что неясно, идет ли речь о передаче одного числа, или по крайней мере двух, например: *ṣaṣṭiḥ ṣatā suṣuṣuḥ ṣāt saḥāsra* | *ṣaṣṭir viraśo ādhi ṣaḍ duvoṣu* (VII, 18, 14) 'шестьдесят сотен шесть тысяч шестьдесят герсов и еще шесть уснули (навек) с почетом'.

Изредка промежуточные числа — как правило, число 9 — выражаются с помощью вычитания от последующего десятка единицы и т. д. Формально это выражается или трехчленным сложным словом, средний член которого — это прилагательное *ūnā-* 'недостающий', например: *ekonavimṣatīḥ* — 19 (букв. '20' с недостающей единицей), или синтаксической конструкцией с отрицанием *nā*, например: *ékān nā vimṣatīḥ* — 19 (букв. 'из-за одного [Abl.] не 20'). В РВ эти способы выражения не встречаются.

Количественные числительные являются прилагательными или существительными по своим морфологическим и синтаксическим характеристикам. Они описываются с помощью тех же грамматических категорий, которые свойственны этим подклассам, отличаясь способом выражения этих категорий (формально меньшая выраженность).

Числительные 1—10 и те числительные, которые на них оканчиваются, являются прилагательными. Из них 1—4 — единственная группа снов во всем подклассе, которая изменяется по родам. Об адъективном характере числительных 5—10 можно судить по данным синтаксического уровня. Зависящее от них «считаемое» существительное обычно не бывает в родительном падеже [единственное исключение встречается один раз в РВ: *pāñca kṣitīnām* (V, 35, 2) 'пять поселений', где *pāñca* стоит в ряду других числительных]. Если числительное в данном падеже имеет флексию, то согласование в падежах формально выражено, например: *pañcāsu jāneṣu* 'среди пяти народов', *saptābhiḥ putraḥ* 'с семерыми сыновьями', *navānām navatīnām viśāsya rūpuṣiṇām* 'у девяноста девяти разрушительниц яда', *rājābhir daśābhiḥ* 'десятью царями' и т. п. Именно это формально выраженное согласование дает основания для такой же интерпретации и тех случаев употребления, когда у числительного нулевая флексия, например: *pāñca kṣṣīṣu* 'среди пяти племен', *saptā raṣmībhiḥ* 'семью лучами', *dāśa kakṣiābhiḥ* 'десятью подпругами' и др.

Остальные числительные являются именами существительными со значением собирательности: на *-ṣat/-ṣati-*, *-ti-* женского рода, на *-a-* — среднего. «Считаемое» существительное может стоять при этом числительном в G.pl., например: *ṣatā ca vimṣatīm ca gónām* '120 быков', *navatīm nāvūānām* '90 судоходных рек', *viātīnām saḥāsram* '1000 скакунов' и т. п. Более обычной, однако, является и здесь адъективная конструкция согласования (по крайней мере в падеже), например: *ṣaṣṭīm*

sahásrā vāsūni (A.pl.) '60 000 сокровищ', *trīṇi śatā trī sahas-rāṇi trīmṣác ca devā* '3330 богов' и т. д.

Иногда числительное определяется оформленным прилагательным, обозначающим считаемый предмет, например: *gavyā sahasrā* 'на тысячи коров' (букв. 'тысячи, состоящие из коров'), *gavyam ācṣyam... śatām* 'сто коров и коней' (букв. 'сотню, состоящую из коров и коней'). Эта синтаксическая конструкция подтверждает субстантивный характер числительного. В целом же в самхитах преобладают адъективные конструкции с числительными. Наконец, числительное и «считаемое» существительное могут составлять сложное слово⁵. Числительное *dva-* в составе сложных слов имеет форму *dvi-*: *dviśā-* 'дважды рожденный' и др.

Категория рода выражена у числительных слабо, поскольку она не релевантна для большей части числительных-прилагательных (от 5 до 10 включительно).

Категория числа выражена также слабо, поскольку для большинства членов этого подкласса она не является словообразовательной, т. е. невозможен ее выбор для данной единицы. *Ēka-* склоняется только в единственном числе. Формы множественного числа имеют значение неопределенного местоимения «некоторые». *Dvā-* склоняется только в двойственном числе. Числительные от 3 до 10 склоняются только во множественном числе (и соответственно числительные, на них «оканчивающиеся»). Названия десятков, начиная со второго, обычно склоняются в единственном числе (в силу своего собирательного значения), формы множественного числа редки. *Śatā-*, *sahasra-* и др. названия кратных им больших чисел, которые не являются собственно числительными, а обычными существительными, склоняются во всех трех числах.

Категория падежа у числительных формально ограничена в выражении из-за слабой выраженности категорий рода и числа. Звательная форма числительных не употребительна вследствие их семантики. Граммемы падежа полнее всего различаются у числительного *ēka-*, склоняющегося по типу местоименных прилагательных, — семь падежей. Для парадигмы склонения числительных 5—10 характерно совпадение N. и A. — парадигма в пять или менее падежей. Та же форма, равная основе, может употребляться иногда и в функции других падежей (примеры см. выше). Остальные типы числительных склоняются по типу имен существительных с той же основой: числительные на *-śat-*, как согласные основы имен женского рода, на *-śati-* и *-ti-*, как основы имен на *-i-* женского рода, на *-a-*, как основы имен на *-a-* среднего рода.

Числительное *ēka-* склоняется, как прилагательное с осно-

⁵ О числительных в составе сложных слов см. в разделе «Словосложение» (с. 179, 183, 187).

вой на -a-: N.sg.m. *ékas*, N.—A.sg.p. *ékam*, N.sg.f. *ékā* по типу местоименных прилагательных *viśva-* 'весь', *sārva-* 'целый' и др., т. е. в D., Abl., L.sg. трех родов и в N.pl.m. имеет окончания основы указательного местоимения *tā-* 'тот', 'он'⁶.

Числительное *dvā-* склоняется, как прилагательное на -a-м., п. и на -ā- f.:

N.—A.m. *dvā, dvau;* п., f. *dvé*

I.—D.—Abl. *dvābhyām*

G.—L. *dvāyos*

Числительное *tri-* в мужском и среднем роде склоняется как имя с основой на -i-. В женском роде это числительное имеет основу на -r- — *tisf-*. В отличие от имен существительных на -ar- эта основа не подвержена чередованию гласных: N.pl. имеет ту же слабую ступень, что и A.pl., и эти падежи не различаются по флексии.

	m.		п.		f.
N.	<i>trāyas</i>	N.—A.	<i>trī, trīṇi</i>	N.—A.	<i>trīsrās</i>
A.	<i>trīn</i>				
	I.		<i>tribhis</i>	I.	<i>tisfbbhis</i>
	D.—Abl.		<i>tribhyās</i>	D.—Abl.	<i>tisfbhyas</i>
	G.		<i>trīṇām</i>	G.	<i>tisṛṇām</i>
	L.		<i>triṣu</i>	L.	<i>tisfṣu</i>

Числительное *catūr-* в мужском и среднем роде имеет изменяемую при склонении основу: в сильных падежах *catvār-*, в слабых — *catūr-*. Акцентная парадигма неподвижная, если не считать обычного для G.pl. передвижения ударения на окончании. В женском роде выступает основа *catasf-*, которая имеет ту же флексию, что и *tisf-*, но при этом ударение подвижное, хотя схема, характерная для существительных, нарушена, и A.pl. имеет то же ударение, что и N.pl.

	m.		п.		f.
N.	<i>catvāras</i>			N.—A.	<i>cātasras</i>
A.	<i>catūras</i>	N.—A.	<i>catvāri</i>		
	I.		<i>catūrbhis</i>	I.	<i>catasfbhis</i>
	D.—Abl.		<i>catūrbhyas</i>	D.—Abl.	<i>catasfbhyas</i>
	G.		<i>caturṇām</i>	G.	<i>catasṛṇām</i>
	L.		<i>catūrṣu</i>	L.	<i>catasfṣu</i>

У числительных 5—10 совпадают N. и A. Исключая *aṣṭā-*, они имеют в этих падежах нулевую флексию, т. е. форма равна основе. У числительных *pāñca-*, *saptā-*, *nāva-*, *dāṣa-* форма N.—A. оканчивается на -a, как у существительных среднего

⁶ См. раздел «Местоимения».

рода на *-an*⁷. Они склоняются как существительные среднего рода на *-an* во всех падежах, кроме G.pl., который следует образцу основ на *-a*. У числительного *aṣṭā* N.—A. имеют окончание двойственного числа на *-ā*, *-au* (видимо, репрезентация восьми как двух четверок). Числительное *śaś* имеет здесь нулевую флексию по типу всех согласных основ в N.sg. У баритонированных основ в косвенных падежах ударение перемещается на основообразующий гласный. *Śaś*- и *aṣṭā*- имеют подвижную акцентную парадигму с различением сильных и слабых падежей. *Saptā*- имеет неподвижную парадигму, если не считать перемещения ударения на окончание в G.pl., как у всех числительных.

Парадигма склонения *pāñca*- следующая:

- N.—A. *pāñca*
I. *pāñcābhis*
D.—Abl. *pāñcābhyas*
G. *pāñcānām*
L. *pāñcāsu*

Числительные *saptā*-, *nāva*-, *dāśa*- имеют флексию того же типа, что и *pāñca*-.

У числительного *aṣṭā*- флексия косвенных падежей присоединяется к форме прямого падежа двойственного числа на *-ā*:

- N.—A. *aṣṭā*, *aṣṭau*
I. *aṣṭābhis*
D.—Abl. *aṣṭābhyās*
G. *aṣṭānām*
L. *aṣṭāsu*

Числительное *śaś* следует образцу склонения корневых согласных основ. G.pl. в самхитах не засвидетельствован.

- N.—A. *śāt*
I. *śadbhis*
D.—Abl. *śadbhyās*
L. *śātsu*

Порядковые числительные являются прилагательными с основой на *-a*- мужского и среднего рода. Соответствующие основы женского рода образуются с основой на *-ī*- от всех исчисляемых, кроме первых четырех, от которых они образуются на гласный *-ā*-. Порядковое числительное «четвертый» образуется не от основы соответствующего количественного числительного *catūr*-, а от ее редуцированного варианта *tur*- (ср. засвидетельствованную в ЯВ производную основу *turya*°).

Базой для всех порядковых числительных, кроме числительного «первый», служат соответствующие количественные числительные. В основе порядкового числительного «первый» лежит приставка-наречие *prā*- 'вперед'.

⁷ Именно поэтому древнеиндийские грамматики рассматривали эти числительные как основы на *-an*- среднего рода: *pāñcan*- и т. д., как *pāñan*-.

В ведийском языке нет единого способа образования порядковых числительных.

Порядковые числительные от 1 до 10 образуются с помощью ряда тематических суффиксов, находящихся, как правило, под ударением:

1 — <i>prathamá-</i>	6 — <i>ṣaṣṭhá-</i>
2 — <i>dvitīya-</i>	7 — <i>saptátha-</i> , <i>saptamá-</i>
3 — <i>tṛtīya-</i>	8 — <i>aṣṭamá-</i>
4 — <i>turtīya-</i> (PB), <i>caturthá-</i>	9 — <i>navamá-</i>
5 — <i>pañcamá-</i> <i>pañcathá-</i> (редко)	10 — <i>daṣamá-</i>

С помощью суффикса *-tamá-* образуются порядковые числительные от количественных 100 и 1000: *catatamá-*, *sahasratamá-* (от употребления в функции суффикса превосходной степени прилагательных его отличает место ударения).

Порядковые числительные от названий десятков образуются путем изменения конца основы соответствующего количественного прилагательного: их основа оканчивается на *-á-*, которое заменяет собой *-i-* в суффиксе *-ti-* и до которого усекаются суффиксы *-cat-* и *-cati-*. Конечный тематический гласный этих порядковых числительных всегда находится под ударением, например: *catvāriṃcá-* 'сороковой', *ekaviṃcá-* 'двадцать первый' и т. д.

Порядковые числительные от 11 до 19 образуются путем переноса ударения на конечный тематический гласный: *ekādaśá-* 'одиннадцатый' от *ékādaśa-* — 11, *ṣoḍaśá-* 'шестнадцатый' от *ṣoḍaśa-* — 16 и т. п.

В склонении порядковых числительных встречаются отдельные формы, образованные по местоименному типу, например: G.sg.f. *prathamáśyās*, L.sg.f. *tṛtīyasyām* и др.

В отдельных случаях, нерегулярно, порядковые числительные могут употребляться в функции дробных, как *saptamá-* — $\frac{1}{7}$, *ṣoḍaśá-* — $\frac{1}{16}$ (после PB).

Числительные 2—4 служат базой для образования наречий⁸, выражающих кратность с помощью суффикса *-s*: *dvís* 'дважды', *trís* 'трижды', *catús* 'четырежды'; *sakṣt* 'единожды', 'сразу' образуется не от числительного. Остальные кратные числительные образуются синтаксическим путем посредством сочетания с наречием *kṛtvās* 'раз', например, *dāśa kṛtvās* '10 раз'. В тех же конструкциях могут употребляться при количественных числительных и кратные числительные, например: *trís sapṭá* 'триж-

⁸ О наречиях от числительных подробнее см. ниже, в разделе «Неизменяемые слова».

ды семь', употребляющиеся наряду со сложными словами, как *trisaptā* id.

Числительное-прилагательное *ubhá-* 'оба' склоняется только в двойственном числе. Производное от него прилагательное *ubháya-* 'обоюдный' употребляется в единственном и множественном числах, но не в двойственном. Тип склонения — как у местоименных прилагательных.

МЕСТОИМЕННИЯ

В отличие от существительных и прилагательных подкласс местоимений составляет конечное множество, образованное весьма ограниченным набором единиц. Этот подкласс обладает особой семантикой, противопоставляющей его всем остальным классам слов: референтами его единиц являются не постоянные понятия, а переменные и, так сказать, «субъективные» — участники или неучастники конкретных речевых актов и соотносены с ними указатели.

По участию — не-участию в акте речи местоимения делятся на два разряда: 1) участники акта речи — адресант (местоимения 1-го лица) и адресат (местоимения 2-го лица) и 2) неучастники акта речи (местоимения 3-го лица, они же указательные). Личные местоимения 1-го и 2-го лица противопостоят местоимению 3-го лица (собственно «не-лицу») и по типу склонения. Все остальные разряды местоимений, связанные семантически с указательными местоимениями, — вопросительные, относительные, неопределенные местоимения — формально ориентируются на их парадигму.

Местоимения в ведийском языке описываются с помощью того же набора грамматических категорий, что и существительные с прилагательными: т. е. рода, числа и падежа, но репрезентация этих категорий у местоимений совсем иная.

Категория рода иррелевантна для личных местоимений. Она релевантна для указательных местоимений и тех, которые ориентируются на их парадигму.

Категория числа недостаточно грамматично выражена у личных местоимений, поскольку граммы разных чисел связаны прежде всего с разными лексическими единицами — основами и лишь затем, и то недостаточно последовательно, — с разными окончаниями. Указательные и прочие местоимения не отличаются в отношении репрезентации категории числа от имен существительных.

Категория падежа представлена у местоимений всех разрядов весьма полно (семи- и шестичленные варианты парадигмы в единственном и во множественном числе). При этом устройство парадигмы склонения принципиально иное, чем у имени существительного, и в этом отношении местоимения всех разрядов, вместе взятые, противопостоят имени существительному.

Отличия местоименной парадигмы от именной заключаются в целом ряде черт: 1) в пределах одной парадигмы наблюдается супплетивизм основ; 2) в большинстве парадигм основа N. противостоит основе остальных падежей, включая A., т. е. схема противопоставления падежей иная, чем у имени, и различения сильных и слабых падежей нет; 3) местоименным парадигмам свойствен ряд флексий, не встречающихся у имени (набор их зависит от типа местоимений), нулевая флексия используется не там, где у существительных; 4) отсутствует передвижение ударения при склонении; 5) отсутствует грамматически значимое регулярное чередование гласных; 6) во многих парадигмах перед окончаниями ряда падежных форм встречается элемент *-sm-* (при различении рода — *-sy-* в f.); 7) отсутствует звательная форма (кроме *asau*).

Парадигма личных местоимений 1-го и 2-го лица наиболее далеко отстоит по своему типу от субстантивных парадигм. Категория рода не выражена (отклонение — единичная форма A. pl. f. *yuṣmās* в ЯВ при A. pl. m. *yuṣmān*, образованная по аналогии с существительными). Категория числа выражена прежде всего лексически — разными основами в разных числах и в меньшей степени окончаниями. Ряд падежей единственного и множественного числа имеют одинаковые или фонетически близкие окончания (N., D., Abl.). Парадигма двойственного числа представлена более чем тремя формами (как это свойственно существительным). Наряду с полной парадигмой ударных форм существует неполная парадигма энклитических форм (здесь они показаны через точку с запятой).

Парадигма местоимений 1-го лица:

sg.		du.		pl.	
N.	<i>ahām</i> 'я'	N.	<i>vām</i> 'мы двое'	N.	<i>vayām</i> 'мы'
A.	<i>mām; mā,</i>	A.—D.—G.	<i>nan</i>	A.	<i>asmān; nas</i> (<i>me</i>)
I.	<i>māyā</i>	Abl.	<i>āvāt, āvābhyām</i>	I.	<i>asmābhis</i>
D.	<i>māhyam,</i> <i>māhya; me</i>			D.	<i>asmābhyam,</i> <i>asmé; nas</i>
Abl.	<i>māt, māmāt,</i> <i>mattās</i>			Abl.	<i>asmāt</i>
G.	<i>māma; me</i>			G.	<i>asmākam,</i> <i>asmé; nas</i>
L.	<i>māyi, mé</i>			L.	<i>asmé,</i> <i>aṣmāsu</i>

Парадигма местоимений 2-го лица:

sg.		du.		pl.	
N.	<i>tvām</i> 'ты'	<i>yuṣvām</i> 'вы двое'		<i>yūyām</i> 'вы'	
A.	<i>tvām; tvā</i>	<i>yuṣvām; vām</i>		<i>yuṣmān; vas</i>	

	sg.	du.	pl.
I.	<i>tváyā, tvā</i>		<i>yuṣmābhis</i>
D.	<i>túbhyam, túbhya; te</i>	<i>yuvábhyām, yuvábhyām; vām</i>	<i>yuṣmābhyam, yuṣmé; vas</i>
Abl.	<i>tvāt</i>	<i>yuvāt</i>	<i>yuṣmāt</i>
G.	<i>táva; te</i>	<i>yuvós, yuváyos; vām</i>	<i>yuṣmākam, yuṣmāka, yuṣmé; vas</i>
L.	<i>tváyi, tvé</i>		<i>yuṣmé, yuṣmāsu</i>

Парадигмы обоих личных местоимений имеют сходную структуру. Двойственное число местоимения 1-го лица в самхитах неполно засвидетельствовано (недостающие формы впервые встречаются в брахманической прозе).

N. всех чисел оканчивается у личных местоимений на *-am*. Различение числа в этом падеже связано с различием основ.

A.sg. имеет то же окончание, но с долгим гласным. Окончание *-am* отличается в этом падеже полные формы от энклитических (притом что в РВ *mām* и *tvām* нередко бывают двусложными). Элемент *-am* входит в состав и других окончаний личных местоимений: D.sg., pl. *-bhyam*, G.pl. *-ākam*. В этих окончаниях конечный *-m* является неустойчивым и исчезает в ряде сандхи.

Во всех приведенных парадигмах, кроме парадигмы местоимения 2 sg., в A.sg. и далее используется иная основа, чем в N.sg. В I.sg. основа имеет исход *-au-*, а собственно флексией является *-ā-* — характерное окончание имен в этом падеже. Другой вариант той же ступени представлен энклитическими формами *me, te* (чистая основа). Вариант I.sg., образованный от местоименного корня плюс окончание, засвидетельствован редкой ригведийской формой *tvā* (она же встречается и в словосложении).

D.sg. и pl. имеет окончание *-bhyam*, у местоимения 1sg. существует вариант этого окончания — *-hyam* (вызванный, по видимому, диссимилиацией по отношению к начальному *m-*).

Abl. всех трех чисел имеет окончание *-at*. Форма *māmat* — случайное образование Abl. на основе G. Форма *mattās* (AB) образована от Abl. в качестве основы с помощью наречного суффикса *-tas*.

G.sg. представляет собой чистую основу, у местоимения 1-го лица здесь имеет место редупликация.

G.pl. является собственно формой среднего рода от посесивного прилагательного *asmāka-*.

В L.sg. окончание *-i* присоединяется к форме корня на *-au-*, выступающей также в I.sg. Формы L. *me, te* образованы по аналогии с основами на *-a-*.

В L.pl. характерными местоименными формами являются *asmé, yuṣmé*, в то время как формы на *-āsu* образованы по аналогии с именной парадигмой. Формы L.sg. *asmé, yuṣmé* упо-

требляются в РВ также в значении D. и G.pl. Остальные падежи множественного числа образованы по типу соответствующих падежей именной парадигмы.

В парадигмах множественного числа, начиная с Abl., окончанию предшествует элемент *-sm-*.

Парадигма двойственного числа, засвидетельствованная у местоимения 2-го лица лучше, чем у 1-го, различает пять падежей. Кроме того, особая форма I.du. засвидетельствована в РВ в сложных словах: *yuvā-datta-* 'данный вами двоими', *yuvā-nīta-* 'принесенный вами двоими'. Наконец, в РВ в функции G.du. может выступать неизменяемая основа прилагательного *yuvāki* (ср. G.pl., имеющий также адъективную основу).

В G.du. форма на *-āyos* образована по аналогии с именным типом.

Таким образом, в РВ фактически представлена шестичленная парадигма в двойственном числе. Дальнейшее развитие приводит к ее редукции до трех членов.

Энклитические формы личных местоимений употребляются в тех случаях, когда не делается смыслового акцента на категорию лица (так, они не употребляются при противопоставлении граммы одного лица другому, а также с эмфатическими частицами, и с этой точки зрения, отсутствие эмфатической формы именительного падежа не случайно).

Если граммы 1-го и 2-го лица представлены каждая одним местоимением, то для выражения граммы 3-го лица используется несколько местоимений. В функции 3-го лица выступают указательные местоимения, для которых существенна дифференциация дейсиса ближайшего и отдаленного.

Семантическим различием между этими двумя разрядами местоимений — личными и указательными — соответствуют формальные. Парадигмы указательных местоимений по типу флексии в целом довольно близки парадигме имен на *-a-* m. и на *-ā-* f. (именно эти типы именных основ больше всего подверглись влиянию местоимений). Указательным местоимениям свойственно различение грамматического рода. Категория числа у этих местоимений выражена прежде всего грамматически, т. е. с помощью флексий, регулярного противопоставления разных основ по числам нет (более существен супплетивизм основ в пределах парадигмы одного числа, ср., однако, некоторое отклонение: *asaū* с основой *amī-*, используемой только во множественном числе).

От именной парадигмы склонение указательных местоимений отличается не только наличием обязательного супплетивизма основ, но и некоторыми характерными флексиями. Прямой падеж местоимений среднего рода оканчивается на *-d* (кроме *kīm* и местоимений *ayām*, *asaū*), N.pl.m. — на *-e*, L.sg. — на *-in*. В единственном числе в D.—Abl.—L.m. окончанию предшествует элемент *-sm-*, а в D.—Abl.—G.—L. f. — *-sy-*.

В склонении указательных местоимений различаются два типа. Диагностическим для установления типа парадигмы являются формы N.sg. одушевленного рода. Если форма N.sg.m. оканчивается на *-as/-a* или N.sg.f. — на *-ā*, то данная основа принадлежит к регулярному типу склонения, для которого характерно окончание прямого падежа среднего рода единственного числа на *-d* (кроме *kīm*) и супплетивизм не более чем двух основ. Если формам одушевленного рода свойственны иные окончания, то местоимение имеет парадигму склонения другого типа, характеризующую супплетивизмом более чем двух основ и изобилующую отклонениями от нормы местоименного склонения. Ко второму типу принадлежат местоимения *ayām* 'этот' и *asai* 'тот', к первому — все прочие неличные местоимения.

Образец парадигмы регулярного типа — *sā-/tā-* 'тот', 'он':

		m.		n.		f.
sg.	N.	<i>sā, sās</i>		N.—A. <i>tād</i>	N.	<i>sā</i>
	A.	<i>tām</i>			A.	<i>tām</i>
	I.	<i>tēna</i>			I.	<i>tāyā</i>
	D.	<i>tāsmāi</i>			D.	<i>tāsyai</i>
	Abl.	<i>tāsmāt</i>				
	G.	<i>tāsya</i>			Abl.—G.	<i>tāsyās</i>
	L.	<i>tāsmīn, sāsmin</i>			L.	<i>tāsyām</i>
du.	N.—A.	<i>tā, tau</i>		N.—A. <i>tē</i>	N.—A.	<i>tē</i>
	I.—D.—Abl.	<i>tābhyām</i>				
	G.—L.	<i>tāyos</i>				
pl.	N.	<i>tē</i>		N.—A. <i>tāni</i>	N.—A.	<i>tās</i>
	A.	<i>tān</i>				
	I.	<i>tēbhis, tais</i>			I.	<i>tābhis</i>
	D.—Abl.	<i>tēbhyas</i>			D.—Abl.	<i>tābhyas</i>
	G.	<i>tēsām</i>			G.	<i>tāsām</i>
	L.	<i>tēṣu</i>			L.	<i>tāsu</i>

Между вариантами формы N.sg.m. существует в принципе дополнительное распределение, которое, однако, нарушается в пользу *sā*. Вариант *sā* встречается перед согласной, вариант *sās* — перед гласной и перед паузой, но иногда *sā* бывает и перед гласной, давая в сочетании с нею различные рефлексy. В L.sg.m., п. вариант *sāsmin* засвидетельствован несколько раз в РВ, в дальнейшем форма этого падежа от основы *tā-* становится единственной. В I.pl.m., п. основным вариантом является *tēbhis*, вариант *tais*, получающий распространение, начиная с АВ, в дальнейшем становится единственным.

По типу *sá-/tá* склоняется целый ряд местоимений: указательные *eṣá-/etá-* 'этот', *syá-/tyá-* 'этот', 'такой', *tva-* 'один... другой' (энклитика), *nēma-* id., *ena-* 'он' (энклитика, дефектная парадигма), вопросительное *ká* 'какой?', относительное *yá-* 'какой', неопределенное *sama-* 'каждый', 'некий' (энклитика) и ряд местоименных прилагательных. Этот тип склонения и по характеру флексии, и по составу принадлежащих к нему единиц является адъективным.

Местоимение *sá-/tá-* функционирует в равной мере как существительное и как прилагательное, определяющее другое существительное. Оно может употребляться с личными местоимениями, придавая им эмфатический характер, например: *tām tvāhema matibhir* (X, 88,5) 'Тебя мы подгоняли молитвами'. Это местоимение нейтрально в смысле дейксиса. Ему противостоит маркированное местоимение *eṣá-/etá-*, обозначающее ближайший к говорящему предмет или лицо.

Местоимение *syá-/tyá-*, засвидетельствованное в РВ, является прилагательным по преимуществу. Парадигма склонения почти ничем не отличается от предыдущих местоимений (sg.N.m. *syá*, f. *syā*, n. *tyād* и т. д., но I.sg.f. *tyā*). После РВ оно выходит из употребления.

Местоимение *tva-*, объединяющее неопределенно-личное и указательное значение «некий», «другой», чаще употребляется в повторах или в комбинациях с близким ему по значению *nēma-* в разделительном смысле, например: *rcām tvaḥ pōsam āste piṇṣvān | gāyatrām tvō gāyati śakvarīṣu* (X, 71,11) 'Кто-то сидит, расцвечивая цветок гимна, кто-то поет мелодию к (стихам) шаквари'.

Безударное местоимение 3-го лица *ena-* имеет дефектную парадигму: sg.A.m. *enam*, n. *enad*, f. *enām*, I.m., n. *enena*; du. N.—A.m. *enau*, n., f. *ene*, G. *enās*, *enayās*; pl.A.m. *enān*, f. *enās*.

Парадигма вопросительного местоимения *ká-* 'кто?', 'какой?' отличается от парадигмы *sá-/tá-* только прямой формой среднего рода *kīm* 'что?' (ср. форму A.sg.m. *kām* 'кого?'), употребляющейся наряду с обычной формой *kād* id. и вытесняющей ее постепенно из употребления. В словообразовании это местоимение представлено тремя вариантами основы: *ka-*, например, *kadā* 'когда?'; *ki-*, например, *kimuy-* 'желающий чего?' и *ku-*, например, *kūtra* 'где?', 'куда?'.

Безударное неопределенно-личное местоимение *sama-* 'каждый', 'некий', 'весь' склоняется по местоименному типу: D.sg. *samasmāi*, Abl.sg. *samasmāt*, L.sg. *śamasmin*, N.pl.m. *same*, отличаясь тем самым от ударного прилагательного *samā-* 'подобный', 'одинаковый', склоняющегося по именному образцу.

Группа прилагательных с абстрактным местоименным значением оказывается втянутой в орбиту ме-

стоименного склонения. Они составляют периферию адъективного типа склонения местоимений, и парадигма некоторых из них является результатом контаминации двух моделей: именной и местоименной. Целиком по местоименному типу склоняются адъективные основы с суффиксами сравнительной и превосходной степени, образованные от местоименных корней: *īṅra* 'другой', *katará-* 'который (из двух)' — *katamá-* 'который (из многих)?', *yatamá* 'который', а также *anyá-* 'другой'. Они образуют форму среднего рода на *-d*, N.pl.m. — на *-e* и имеют элемент *-sm-* перед окончанием всех тех падежей, что и местоимения, например: N.sg.n. *anyád*, D.sg.m.n. *anyásmāi* и т. д., N.pl.m. *anyé*. Прилагательные *vīcva-* 'весь', *sārva-* 'весь', 'целый' и числительное *éka-* 'один', pl. 'некоторые' разделяют не все черты местоименной модели. Форму среднего рода они образуют на *-m*, а не на *-d*, в остальном склоняются как местоимения, хотя *vīcva-* имеет в единственном числе ряд вариантов одного падежа по именному и по местоименному типу: N.—A.sg.n. *vīcvaṁ*, D.sg. *vīcvasmāi* и *vīcvāya*, Abl.sg. *vīcvasmāt* и *vīcvāt*, L.sg. *vīcvasmin* и *vīcve*, но N.pl.m., n. *vīcve*, а *éka-* в L.sg. наряду с *ékasmin* имеет изолированный вариант *éke*. Основными у этих прилагательных являются формы местоименного склонения.

В ведийском языке существует довольно обширная группа прилагательных, выражающих ориентацию в пространстве и во времени, для которых основной является именная модель склонения, но отдельные падежные формы могут следовать местоименной модели. Таковы *āpara-* 'низкий', *madhyamá-* 'средний', *pārva-* 'ранний', 'первый' и др.

Местоименное прилагательное *svá-* 'свой' склоняется в принципе по именному образцу, и местоименная флексия встречается лишь в двух изолированных случаях: L.sg.n. *svásmin* и G.sg.f. *svásyas*.

Второй, нерегулярный, тип склонения представлен двумя указательными местоимениями: *ayám* 'этот' и *asaú* 'тот', противопоставленными друг другу как указатели ближнего и дальнего плана по отношению к говорящему (непосредственное их противопоставление часто используется в заговорах АВ). N.sg. этих местоимений образован без *-s*, в парадигме склонения сочетается более двух основ, из которых одни с большей или меньшей степенью достоверности произведены от других. Склонение этих местоимений богато индивидуальными отклонениями, и поэтому в ряде черт одна парадигма отличается от другой. Так, в N.sg. в этих двух парадигмах по-разному распределены граммы рода между основами: *ayám* m., *idám* n., *iyám* f., но *asaú* m., f., *adás* n., в N.pl.m. разные окончания: *imé*, но *amī*, наконец, разные типы супплетивизма основ при склонении.

Парадигма склонения *ayám* 'этот':

		m.	n.	f.
sg.	N.	<i>ayám</i>	N.	<i>iyám</i>
	A.	<i>imám</i>	N.—A. <i>idám</i>	A. <i>imám</i>
	I.	<i>ená, enā, ena,</i> <i>enána</i>	I.	<i>ayá, anáyā</i>
	D.	<i>asmaí</i>	D.	<i>asyaí</i>
	Abl.	<i>asmát</i>	Abl.—G.	<i>asyás</i>
	G.	<i>asyá</i>		
	L.	<i>asmin</i>	L.	<i>asyám</i>

		m.	n.f.
du.	N.—A.	<i>imá, imai</i>	N.—A. <i>imé</i>
	I.—D.—Abl.	<i>ābhyām</i>	
	G.—L.	<i>ayós</i>	

		m.	n.	f.
pl.	N.	<i>imé</i>	N.—A. <i>imá, imāni</i>	N.—A. <i>imás</i>
	A.	<i>imān</i>		
	I.		<i>ebhís</i>	I. <i>ābhís</i>
	D.—Abl.		<i>ebhyás</i>	D.—Abl. <i>ābhyás</i>
	G.		<i>eṣām</i>	G. <i>āsām</i>
	L.		<i>eṣú</i>	L. <i>āsú</i>

В парадигме сочетаются формы от *i-* (соответственно ступень чередования *ay-*, *e-*) и от *a-*, а также от произведенных от них основ: от *i-* — *imá-*, *ena-*, от *a-* — *ana-*.

N.sg. всех родов имеет окончание *-am*, подобно личным местоимениям.

A.sg. одушевленного рода имеет форму основы *ima-*, которая используется также в прямых падежах двойственного и множественного числа. Ее рассматривают обычно как производную от формы A.sg. **im* от местоименного корня *i-* (ср. местоименные частицы *im*, *ī*, в некоторых контекстах указывающие на А. прямого объекта без дифференциации рода и числа). A.sg.f. отличается от A.sg.m. долготой, подобно именным основам на *-a-*.

N.—A.n. имеет основу, произведенную, по-видимому, от формы среднего рода **id* от местоименного корня *i-* (ср. эмфатическую частицу *id*).

I.sg. представлен в РВ основными формами *ená* m., n. и *ayá* f. Энклитический вариант формы мужского и среднего рода, а также вариант с кратким гласным *ena* (один раз имеет наречное значение) — не более чем изолированные случаи. Формы этого падежа от основы *aná-* распространяются после РВ и в дальнейшем вытесняют исходные краткие формы.

Большинство форм косвенных падежей от корня *a-*, находясь в середине пады, может не иметь на себе ударения.

Парадигма склонения *asaú* 'тот':

		m.		n.		f.
sg.	N.	<i>asaú</i>		N.—A. <i>adás</i>	N.	<i>asaú</i>
	A.	<i>amúm</i>			A.	<i>amúm</i>
	I.		<i>amúnā</i>		I.	<i>amuyā</i>
	D.		<i>amúšmai</i>		D.	<i>amúšyaí</i>
	Abl.		<i>amúšmāt</i>		Abl.—G.	<i>amúšyās</i>
	G.		<i>amúšya</i>			
	L.		<i>amúšmin</i>		L.	<i>amúšyām</i>
du.			N.—A.	<i>amū</i>		
			I.—D.—Abl.	<i>amūbhyām</i>		
			G.—L.	<i>amūyos</i>		
pl.	N.	<i>amī</i>		N.—A. <i>amūni</i>	N.—A.	<i>amūs</i>
	A.	<i>amūn</i>				
	I.		<i>amībhis</i>		I.	<i>amūbhis</i>
	D.—Abl.		<i>amībhyas</i>		D.—Abl.	<i>amūbhyas</i>
	G.		<i>amīšām</i>		G.	<i>amūšām</i>
	L.		<i>amīšu</i>		L.	<i>amūšu</i>

Косвенные падежи двойственного числа и некоторые косвенные падежи множественного числа засвидетельствованы в период после самхит.

В N. формы мужского и женского рода совпадают в единственном и в двойственном числе. Форма прямого падежа среднего рода произведена, по-видимому, от исходной формы среднего рода **ad* от местоименного корня *a-*. Во всех остальных падежах единственного и двойственного числа основой является *ami-*, что определило окончания A.sg. и I.sg. по аналогии с основами на *-i-*. Только от этого местоимения употребляются формы V. с ударением на первом слоге: *ásau*, *ámī*.

Во множественном числе основы оканчиваются всегда на долгий гласный (и, таким образом, противопоставление множественного числа единственному выражено дважды: посредством основы и окончания). Во множественном числе в большей части парадигмы дифференциация граммем рода осуществляется также с помощью противопоставления основ: *amī-* м., п.— *amū-* ф.

В качестве возвратного местоимения в ведийском языке употребляется неизменяемая местоименная форма *svayám* 'сам', 'самого себя', 'самим собой' и пр., соотносимая со всеми тремя лицами. Это местоимение встречается и в составе сложных слов, например, *svayambhū-* 'самосущий'. Рефлексивное прилагательное *svā-* 'свой', также соотносимое с любым лицом, лишь в очень редких случаях функционирует как существительное «сам» (например, II, 5,7).

Гораздо чаще в функции возвратных местоимений употребляются существительные *tanû* 'тело' и *ātmān*, *tmān*- (сокращение предыдущего) 'дух', которые, утрачивая свое лексическое значение, приобретают местоименное значение «сам», например: *mā hāsmahī prajāyā mā tanūbhīr...* (X, 128,5) 'Да не погибнем ни сами мы, ни потомство!', *priyām pitṛōhya ātmāne brahmābh-yah kṛṇutā priyām* (AB, XII, 2,34) 'Сделайте приятное предкам, себе, приятное — брахманам!', *tmāne tokāya tānaūya mṛḍa* (I, 114,6) 'Помилуй нас самих, детей, потомков!'. В РВ в этой функции употребляется прежде всего *tanû*-, а также сокращенная форма *tmān*-. Форма *ātmān*- распространяется, начиная с АВ, а затем вытесняет остальные.

Кроме этих функциональных местоимений в ведийском языке существует ряд основ местоименных прилагательных. Они произведены от местоимений и близки в той или иной степени к регулярной местоименной парадигме. Сюда относятся прежде всего посессивные прилагательные, образованные от личных местоимений (от основ, а иногда и от падежных форм) с помощью суффикса *-ka-*: *māmaka*-, *māmakā*- 'мой' (от G.sg. *māma*), *tāvakā*- 'твой' (от G.sg. *tāva*), *asmāka*- 'наш', *yuṣmāka*- 'ваш'; с другими суффиксами: *mākina*- 'мой' и *yuvikū*- 'принадлежащий вам двоим'.

К корням указательных и других (ориентирующихся на них) местоимений могут присоединяться суффиксы сравнительной и превосходной степени прилагательных, образуя местоименные прилагательные: *īlara*- 'другой', *katarā*- 'который (из двух)?', *yatarā*- 'который (из двух)' (относительное), *katamā*- 'который (из многих)?', *yatamā*- 'который (из многих)' (относительное).

С помощью суффикса *-(y)ant*- от местоименных корней *i*-, *ki*- образуются прилагательные с квантитативным значением: *īyant*- 'столь большой' (ср. производное от него *iyattakā*- 'столь маленький'), *kīyant* 'сколь большой?'. Прилагательные с тем же значением образуются от корней указательных и прочих местоимений с помощью суффикса *-vant*-, перед которым удлиняется предшествующий гласный: *īvant*- 'столь большой', *etāvant*-, *tāvant*- id., *kīvant*- 'сколь большой?', *yāvant*- 'сколь большой?' (относительное), а также от личных местоимений, представленных иногда падежными формами: *māvant* 'подобный мне', *tāvāvanī*- 'подобный тебе', *yuvāvant*- 'преданный вам двоим', *yuvāmāvant*- 'принадлежащий вам' — с широким кругом значений.

Суффикс *-ti*- со значением перечисления образует от местоименных корней ряд прилагательных с неизменяемой основой, трактуемой как N.pl.m., n: *tāti* 'столькие', *kāti* 'сколькие?', *yāti* 'сколькие' (относительное).

Еще один ряд местоименных прилагательных следует рассматривать в пределах словосложения. Первым элементом этих сложных слов является корень неличного местоимения с удлинением гласного, вторым — *ḍṛṣ*- 'выглядящий', а в ВС — вари-

ант *odf̣ḳṣa-*: *īdf̣ṣ-*, *etāḍf̣ṣ-*, *tāḍf̣ṣ-* 'такой' (с разным характером дейксиса: 'как этот', 'как тот'), *kīdf̣ṣ-* 'какой?', *yāḍf̣ṣ-* 'какой' (относительное) или *īdf̣ḳṣa-*, *etāḍf̣ḳṣa-* 'такой' — ср. также *sadf̣ṣ-* 'одинаково выглядящий', 'похожий'.

Употребляясь в составе сложных слов, местоимения, как правило, функционируют в качестве первого члена, причем в отличие от имен они чаще бывают представлены не основой, а флексивной формой⁹. В качестве последнего члена сложного слова местоименные корни выступают только после отрицаний в составе отрицательных местоимений и местоименных наречий: *nākis* 'никто', 'ничто', 'никогда', *nākīm* 'никогда', 'не', *mākis* 'никто', 'никогда', *mākīm* 'никогда', 'не'.

Неопределенно-личные местоимения образуются на синтаксическом уровне путем сочетания вопросительного местоимения с частицами *sa*, *saná*, *cid*, например: *kāṣ sa* 'любой', *kāṣ saná* 'любой', 'каждый', *kāṣ cid* 'кто-то', *katamāc saná* 'какое-нибудь' и т. п.

На синтаксическом уровне местоимения — прежде всего формы среднего рода единственного числа — легко конвертируются в члены класса несклоняемых слов: союзы, наречия, частицы. На уровне словообразования местоимения служат основой для суффиксального производства наречий.

⁹ См. раздел «Словосложение», с. 176.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

Класс неизменяемых слов в ведийском языке весьма обширен и разнообразен. Он включает наречия, наречия-префиксы, предлоги-последлоги, частицы и союзы. Особенность этого класса заключается в том, что составляющие его подклассы весьма нечетко разграничены¹. Формально выделяются только наречия, образованные с помощью какого-либо суффикса. Для всех остальных членов данного класса при отсутствии морфологического критерия разбиения остается только синтаксический критерий. При этом значительная часть лексических единиц рассматриваемого класса употребляется в нескольких функциях, например, может быть наречием-префиксом, предлогом и послелогом, наречием и союзом, частицей и союзом. В связи с этим разбиение на подклассы является довольно условным.

НАРЕЧИЯ

Наречия в ведийском языке многочисленны и имеют довольно разнообразную структуру. Кроме собственно наречий, характеризующихся специальными адвербиальными суффиксами (иногда они неясной морфологической структуры), в функции наречий широко используются отдельные застывшие падежные формы.

Суффиксы наречий присоединяются прежде всего к местоименным корням и основам и к основам числительных, а также к именным основам (из них в первую очередь к тем, семантика которых близка местоимениям или числительным).

Суффикс *-tas* образует наречия, имеющие аблативное значение «из чего», «откуда»; «от этого», «поэтому», например, от

¹ Подклассы неизменяемых слов здесь будут рассмотрены прежде всего с точки зрения их морфологических и лексико-семантических особенностей. Подробнее о синтаксических функциях см. раздел «Синтаксические структуры», с. 380—383, 387—388, 406 и сл.

местоименных корней: *átas* 'от', 'из', 'от этого', 'отсюда', 'потом'; *itás* 'отсюда'; *tátas* 'оттуда', 'из', 'потом'; *yátas* 'из которого' (относительное), 'откуда', 'перед которым', 'как только'; *kútas* 'откуда?'; *amútas* 'оттуда'; от именных основ: *agratás* 'сначала'; *mukhatás* 'из рта', *hṛttás* 'сердечно', 'охотно'; *avārátas* 'по эту сторону'; *pārátas* 'по ту сторону'; *dakṣiṇátas* 'справа'; *savyátas* 'слева'; *viçvatás* 'со всех сторон' и др.; от нескольких неизменяемых слов: *ántitas* 'изблизки'; *abhítas* 'перед'; *parítas* 'вокруг'.

Иногда между формой на *-tas* и отложительным падежом имени или местоимения невозможно провести грань, например, *yáḥ... mártō mártam marcáyati dṛayéna átaḥ pāhi* (I, 147,5) 'Который смертный смертному вредит лживой речью, защити от него!' (или 'от этого'). Наречные формы на *-tas* от именных основ в дальнейшем ходе развития языка становятся все более продуктивными.

Суффикс *-tra* (или *-trā* с метрическим удлинением) образует наречия со значением места или направления, например, от местоименных корней и основ: *ātra* 'здесь', 'там', 'туда', 'сюда', 'тогда'; *tātra* 'там', 'туда'; *yātra* 'где' (относительное), 'куда', 'когда'; *kūtra?* 'где?', 'куда?'; *asmatrā* 'у нас'; *satrā* 'вместе', 'целиком'; от именных основ: *devatrā* 'среди богов'; *puruṣatrā* 'среди людей'; *martiatrā* 'среди смертных'; *anyātra* 'в другом месте', 'в другое место'; *pākatrā* 'бесхитростно', *purutrā* 'во многих местах' и др.

Наречия с этим суффиксом иногда бывают функционально синонимичны падежам: местному или винительному, т. е. *devatrā* = *devéṣu* и т. п.

Суффикс *-tāt* тоже имеет значение места или направления, иногда с аблативным оттенком (что соответствует его происхождению: Abl. от *tá-* по именному образцу). Он является исключительно вторичным суффиксом, который присоединяется к наречиям или к наречным формам отложительного падежа на *-āt*, например: *adharāttāt*, *adhástāt*, *avástāt* 'внизу'; *uttarāttāt* 'с севера'; *upāriṣṭāt* 'сверху', 'наверху' (<*upāri* + *stāt* — форма суффикса, образованная по аналогии с *adhás-tāt* и пр.); *prāktāt* 'с востока' и т. д.

Суффикс *-thā* образует наречия образа действия. Он присоединяется прежде всего к местоименным корням и основам: *tāthā* 'так'; *yāthā* 'как' (относительное), 'подобно', 'чтобы' и безударная форма *yathā* 'как', 'словно' (в функции частицы сравнения); *kāthā* 'как?'; *itthā* 'действительно', 'очень'; *imāthā* 'таким образом'; а также к именным основам, например: *anyāthā* 'иначе'; *pūrvāthā* 'как прежде', *pratnāthā* 'по-старому'; *ṛtuthā* 'в определенное время', 'вовремя' и др.

Сюда же относится *āthā* — наречие от указательного местоименного корня *á-* с вариантом *ātha* и кругом значений, несколько отличных от обычных значений наречий на *-thā*: «тут»,

«тогда», «далее», «а также», «и вот», «поэтому». В тексте *āthā/ātha* употребляется в функции наречия, частицы, союза.

С тем же значением встречаются отдельные наречия с формой суффикса *-tham*: *kāthām* 'как?', *itthām* 'так'.

Суффикс *-dā* образует наречия времени от местоименных корней: *tadā* 'тогда', *kadā* 'когда?', *yadā* 'когда' (относительное), 'после того, как', 'как только' (употребляется как союз времени); *idā* 'сейчас', 'теперь'; *sādā* 'всегда'. Форма суффикса *-dam* встречается в *sādam = sādā*.

В нескольких наречиях суффикс *-dā* распространен элементом неясного происхождения *-nīm*: *idānīm = idā*, *tadānīm = tadā*, *viçvadānīm* 'всегда'.

Суффикс *-di-* представлен в слове *yādi* 'если', употребляющемся в функции союза в условных предложениях.

Суффикс *-dhā* (допустимо также сокращение гласного), присоединяясь к основе любого происхождения, образует наречия образа действия. Местоименных наречий немного: *ādhā/ādha* 'вот', 'сейчас', 'и', 'также' (функционирует также в роли частицы и союза); *addhā* 'действительно'; *katidhā* 'сколькими способами?'. Ряд наречий от числительных с этим суффиксом — во всяком случае теоретически — неограничен: *ekadhā* 'одним способом'; *dvidhā* 'двумя способами'; *tredhā*, *trayadhā* 'тремя способами' и т. д. Суффикс *-dhā* присоединяется также к прилагательным, близким по своей семантике к числительным, например: *purudhā*, *bahudhā* 'многообразно', *viçvādha/viçvādha* 'повсюду', 'везде' (со значением, отклоняющимся от семантического ряда); *ṣaṣvadhā* 'снова и снова', или иногда к прилагательным любой семантики: *priyadhā* 'ласково', *mitradhā* 'дружески'.

Форма суффикса с кратким конечным гласным засвидетельствована в наречии *sadhā* 'вместе', употребляющемся в качестве первого члена сложных слов.

Форма суффикса *-ha* представлена в ряде наречий: *ihā* 'здесь', *kūha* 'где?', *sahā* 'с' (употребляется преимущественно как предлог), *samaha* 'как-нибудь'. Количество гласного варьирует в *viçvāha/viçvāhā* 'всегда'.

Суффикс *-rhi* образует ряд наречий времени от местоименных корней: *etārhi* 'сейчас', *tārhi* 'тогда', *kārhi* 'когда?', *yārhi* 'когда' (относительное).

Суффикс *-vat*, употребляясь исключительно во вторичной функции, образует от именных основ наречия со значением подобия, например: *aṅgirasvāt* 'подобно Ангирасу', *pūrṇavāt* 'как прежде' и др.

Суффикс *-ṣas* образует наречия с дистрибутивным значением от числительных и имен, например: *ṣataṣas* 'сотнями', *sahasraṣas* 'тысячами', *rtuṣas* 'одно время года за другим', *parvaṣas* 'сустав за суставом'.

Суффикс *-s*, присоединяясь к нескольким числительным,

образует наречия со значением кратности: *dvís* 'дважды', *trís* 'трижды', *catús* 'четырежды'.

Этот суффикс встречается также в ряде наречий с разной структурой и семантикой: *adhás*, *avás* 'вниз', *dyás* 'днем', *sadyás* 'сегодня', 'тотчас' и др.; *tirás* 'через'; *parás* 'вдали', 'за пределами'; *purás* 'перед'; *mithás* 'обоюдно'; *çvás* 'завтра'; *hyás* 'вчера'; *avis* 'воочию', 'явно'; *bahís* 'вне' и др.

Исход на *-r* имеет несколько наречий: *antár* 'внутри', *avár* 'вниз', *pínar* 'снова', *prātár* 'рано утром', *sanitūr* 'прочь', *sanutár* 'в сторону', *sasvár* 'тайно', *múhur* 'мгновенно' и др.

Две последние группы наречий по форме совпадают с основами существительных на *-s* и на *-r*.

В ведийском языке в функции наречий широко употребляются отдельные застывшие именные падежные формы. В некоторых пограничных случаях трудно решить, образовано ли наречие с помощью суффикса или падежного окончания. Такковы, например, наречия на *-tā* (I.sg. или суффикс *-tā*): *dvitā* 'снова', 'во всяком случае', *devātā* 'среди богов', 'к богам' и др.

Функционирование падежных форм в качестве наречий может быть сопряжено (но не обязательно) с передвижением ударения на последний слог, например: adv. *adharāt* 'внизу'— Abl.sg. от *ádharma-* 'нижний', adv. *amuyá* 'таким образом'— I.sg.f. от основы *amú-* 'тот' (ср. A.sg.f. *amúm*, G.pl.m., n. *amīśām* и др.).

Чаще всего в функции наречий выступают A. и I., реже Abl. и L.; D. и G. употребляются всего в нескольких случаях; N.m., f. вообще никогда.

A.sg.— самый распространенный адвербиальный падеж. Наиболее типично использование в этой функции форм среднего рода. Все неличные местоимения среднего рода единственного числа могут употребляться также в качестве наречий, союзов или частиц, а именно: *etád* 'таким образом', 'там'; *tád* 'тогда', 'поэтому'; *kád* 'ли' (вопросительная частица); *kám* — частица с дательным падежом, *kam* (энклитика) 'ведь'; *kím* 'почему?', 'зачем?'; *yád* 'когда', 'если', 'что'; *idám* 'сейчас', 'здесь'; *adás* 'там'; *tyád* 'конечно', 'ведь'; *tvad...tvad* 'то...то'.

Ряд ведийских частиц, союзов и предлогов оканчивается на *-d*, подобно N.—A.p. местоимений, а именно: *íd* 'как раз', 'даже'; *céd* 'если' (<*ca* + *id*); *néd* 'чтобы не' (<*na* + *id*); *smád* 'вместе с', 'одновременно с'; *kuvid* 'ли', 'разве'.

От именных основ на *-i*, *-u* и на согласные в функции наречий выступает чистая основа или ее рефлекс (поскольку такова форма N.—A.sg.n.), например: *bhāri* 'часто', 'много'; *māhi* 'очень', 'сильно'; *trśú* 'жадно'; *sādhú* 'хорошо'; *nāvīyas* 'снова'; *bhūyas* 'больше'; *prāk* 'впереди', 'на востоке'; *nāma* 'по имени'

и т. д. Вполне вероятно, что эти наречия ничем в принципе не отличаются от многих из рассмотренных ранее наречий на *-s* и *-r*, кроме того, что у последних не засвидетельствована соответствующая именная основа.

От именных основ на *-a-* в функции наречия выступает форма A.sg. на *-am*, например: *cirām* 'долго', *tūyam* 'быстро', *dūrām* 'далеко', *prathamām* 'сначала', 'впервые', *tr̥tīyam* 'в третий раз', *āstam* 'домой', *nāktam* 'ночью' и др.

Среди наречий этого типа следует отметить небольшую группу форм с суффиксом сравнительной степени от наречий-приставок. В РВ они почти исключительно мужского рода, в дальнейшем становятся женского рода: *avatarām* 'подальше прочь', *pratarām* 'дальше', 'вперед', 'больше', *vitarām* 'дальше во все стороны', *saṃtarām* 'более вместе' и др.

На *-m* оканчивается и ряд наречий, основы которых засвидетельствованы только в этой форме, например: *āram/ālam* 'довольно', *ālakam* 'напрасно', *tūṣṇīm* 'молча', *sāyam* 'вечером'.

Суффикс *-vat*, образующий наречия со значением подобия, является, собственно, тоже формой N.—A.p. от основ на *-vant-*.

Форма N.—A.p. представлена также в наречных сложных словах типа *avyayibhava*, состоящих из префикса и имени, например: *ānuśāk* 'по очереди', 'последовательно'; *upāṃśu* 'при приготовлении сомы', *pratidoṣām* 'к вечеру' и др. (подробнее об этом см. раздел «Словосложение»).

Наречия, представляющее собой застывшие формы I., также достаточно распространены в ведийском языке. В этой функции употребляется обычно I.sg., но иногда и I.pl. Наряду с формой мужского-среднего рода у группы наречий этого типа используется и форма женского рода. В I.adv. чаще, чем в другом адвербиальном падеже, происходит передвижение ударения на последний слог.

От неличных местоимений встречаются следующие наречные формы инструментального падежа: *anā* 'ведь', *amā* 'у себя', 'дома'; *ayā* 'таким образом'; *enā* 'так', 'здесь', 'там'; *kāyā* 'каким образом?'; *amiyā* 'таким образом'; *ubhayā* 'обоими способами'.

От именных основ в наречном употреблении встречается инструментальный падеж как единственного, так и множественного числа, например: *dīvā* и *dyūbhis* 'днем', *uccā* и *uccāis* 'высоко', *śānais* и *śanakāis* 'медленно' и др. Обращает на себя внимание та особенность, что в этих наречных формах далеко не всегда тип окончания соответствует типу основы, как в *ṛtēna* 'правильно', *dakṣiṇēna* 'направо' и др. Независимо от типа основы очень широко употребляется окончание *-ā*, например: *upatā* 'ближе всего', *dakṣiṇā* 'справа', *madhyā* 'посреди не' (с переносом ударения), *mehānā* 'обильно', *savyā* 'слева' и др.

Широко употребляется при образовании наречий окончание

женского рода -yā, например: *açva yā* 'с желанием иметь лошадей', *ṛta yā* 'правильно', *pāpā yā* 'плохо', *mithu yā* 'ложно', *raghu yā* 'быстро', *sādhū yā* 'верно' и др. и даже *kuha yā* 'где' от наречия *kūha id*.

Abl.sg. в функции наречий встречается значительно реже. Некоторые формы наречий сохраняют аблативное значение исходной точки движения или причины, другие его утратили. Нередко имеет место перенос ударения на последний слог. В основном эти наречия образуются от прилагательных, например: *adharāt* 'внизу' (*ādharma-*), *apākāt* 'издали' (*āpāka-*), *uttarāt* 'с севера' (*ūtṭara-*), *dūrāt* 'издалека' (*dūrā-*), *nīcāt* 'снизу' (*nīcā-*), *paścāt* 'сзади' (**paścā-*) и др. От существительных эти наречные формы образуются редко: *ārāt* 'издали', *āsāt* 'изблизли'.

В наречиях, образованных от местоимений, аблативное значение обычно бывает стертым: *āt* 'тогда', *tāt* 'так', *yāt* 'на сколько', но *amāt* 'изблизли'.

Иногда в наречном значении употребляются отдельные формы L.sg. от существительных и прилагательных, например: *āgre* 'вперед', 'вначале'; *ānīke* 'перед', 'вперед'; *antīke* 'вблизи'; *abhiṇke* 'перед', 'напротив', 'из' (предлог); *ākē* 'вблизи'; *ārē* 'вдали'; *udfci* 'в дальнейшем', 'в будущем'; *ṛtē* 'кроме', 'без' (предлог) и др. Две наречные формы представляют этот падеж во множественном числе женского рода *aparīṣu* 'в будущем' и *ūparāsu* 'вблизи'.

D. почти не употребляется в качестве наречия. Засвидетельствованы отдельные случаи, а именно: *aparāya* 'в дальнейшем', 'в будущем' (*āpara-*), *nāvuyase* 'снова', *vārāya* 'по желанию', 'охотно'.

G. представлен в наречном употреблении лишь двумя формами: *aktós* 'ночью' и *vástos* 'на заре'.

N., как было указано, не употребляется в качестве наречия. Следы его можно усмотреть в местоименной форме *ōkis*, входящей в состав *nākis* 'никто', 'ничто', 'никогда' и *mākis* 'никто', 'никогда'.

НАРЕЧИЯ-ПРЕФИКСЫ, ПРЕДЛОГИ-ПОСЛЕЛОГИ

Эти два подкласса неизменяемых слов в значительной степени материально совпадают, т. е. для ряда единиц принадлежность к одному или к другому подклассу определяется их синтаксическими функциями, поэтому их целесообразно рассматривать вместе. Из наречий-префиксов не могут использоваться в качестве предлогов-послелогов только *ūd*, *nī*, *pārā*, *prā*, *vī*, *sām*, и очень редко употребляется с падежными формами *āva*; все остальные лексические единицы совмещают эти две функции.

В подкласс предлогов-последлогов, кроме того, входит ряд единиц, употребляющихся исключительно с падежными формами. Они отличаются от наречий-префиксов также своей структурой. Наречия-префиксы представляют собой, как правило, производные с синхронной точки зрения основы, в то время, как предлоги-последлоги данного типа образованы или с помощью адвербиальных падежных окончаний, как *paritas*, *sahá* и др., или с помощью адвербиальных падежных окончаний, как *upári*, *rté* и др. Таким образом, в ведийском языке не существует такого разряда неизменяемых слов, как предлоги: они формально совпадают или с наречиями-префиксами, или с собственно наречиями. Функционально же они являются скорее не предлогами, а последлогами, так как чаще следуют за именем, которым управляют, а не предшествуют ему.

Глагольных префиксов в строгом смысле слова, т. е. морфологических единиц, описываемых целиком на уровне словообразования, в ведийском языке тоже нет. Есть наречия-префиксы, которые, с одной стороны, составляют часть слова и описываются как словообразовательные единицы (всегда в именах существительных², в причастиях на *-ta-*, *-na-* и в инфинитивах на *-tu-*, в зависимости от синтаксического контекста — в личных формах глагола), с другой стороны, употребляются как самостоятельные слова, которые могут быть отделены от личной формы глагола другими словами и имеют собственное ударение.

Префикс большей частью функционирует отдельно от соответствующей личной формы глагола в простом предложении и в главном предложении в сложном. При этом не всегда бывает ясно, является ли данная наречная форма префиксом при глаголе или предлогом-последлогом при имени. В придаточном предложении в составе сложного она обычно составляет одно слово с личной формой глагола. Присоединяясь в указанных синтаксических контекстах к личной форме глагола, префикс обычно утрачивает свое ударение, кроме как в типах основ, перечисленных выше. Вот некоторые примеры: *ánv im avindan nicirāso* (III, 9,4) 'Они нашли его, внимательные', *yéna hārti mānasā nirátakṣata téna devatvām ṛbhavaḥ sām āpaṣa* (III, 60,2) 'Благодаря той мысли, с помощью которой вы создали двух коней, благодаря этому, о Рибху, вы достигли ранга богов', *indrāya brāhmōyutam* (I, 80,9) 'Для Индры вознесена молитва'.

При одном глаголе могут употребляться два (три — в одних случаях) префикса, причем каждый из них может иметь ударение как самостоятельное слово, например, *prá... bhāspātim matir āchā jigāti* (X, 47,6) 'К Брихаспати стремится мысль'. Префикс нередко может употребляться без личной формы гла-

² См. в разделе «Словосложение» о так называемых ложных словах кармадхара.

гола, значение которой становится ясным из контекста, например: *rādat pathó vārunaḥ sūryāya | gr̥n̥āṃsi samudriyā na-dīnām* (VII, 87,1) 'Варуна проложил пути для солнца. Он *вы*(пустил течь) в сторону моря потоки рек', *úd uṣā úd u sūrya úd idām māmākām vācaḥ* (AB, IV, 4,2) 'Вверх (поднимается) Ушас, *вверх* (восходит) также солнце, *вверх* (пусть воспарит) это слово мое!'

В дальнейшем развитии языка происходит постепенная утрата наречиями-префиксами статуса самостоятельных слов и полное их слияние с личными глагольными формами, имеющими одно ударение на глагольной части.

Являясь формально самостоятельными словами в ведийском языке, наречия-префиксы тем не менее семантически образуют единое целое с глаголом. Они уточняют направление действия глагола (особенно отчетливо это выражено у глаголов движения), иногда сообщают переходность непереходному глаголу, в отдельных случаях образуют с глагольным корнем новое лексическое значение.

Далее приводятся списком наречия-префиксы ведийского языка с указаниями также на их употребление в роли предлогов-последелогов.

Achā 'к' указывает направление действия глаголов движения и говорения; управляет А., например: *áchā síndhum... ayāsaṃ* (III, 33,3) 'я пришел к реке', *áchā vada ... bráhmaṇas pátim* (I, 38,13) 'призывай Брахманаспати'.

Āti 'через', 'сверх', 'пере-', 'пре-'; употребляясь с глаголами движения, означает пересечение или выход за пределы, с другими глаголами — «избыток действия», «превосходство»; *ati+* *man-* 'думать', 'полагать' = 'презирать'; управляет А., редко I. Например: *kād... āti krāmema dūḍhyo?* (I, 105,6) 'Минuem ли мы зложелателей?' (букв. 'Перешагнем ли мы через зложелателей?'), *nā tvāṃ indrāti ricyate* (VIII, 92,14) '(Никто), о Индра, не превосходит тебя'.

Ādhi 'над', 'на'; употребляется с именами и глаголами, которым может придавать переходное значение, кроме того, употребляясь с именами, означает «в», «у», «из»; *ādhi+i-*, *gam-* 'двигаться' = 'постигать', 'изучать', 'проходить', *ādhi+dhā-* 'класть' = 'возлагать', 'облекать'; управляет Л., Abl., редко А., единично I. Например: *yāsyā cveṭā vicakṣaṇā tīsrō bhūmīr adhikṣitāḥ...* (VIII, 41,9) 'Чьи два светлых далеко смотрящих (светила) живут над тремя землями...', *tiṣṭhā rātham ādhi tāṃ* (V, 33,3) 'Взойди на эту колесницу', *īlāyās tvā padé vayāṃ nābhā prthivyā ādhi...nī dhīmahi* (III, 29,4) 'Мы устраиваем тебя на месте Иды, на пупе земли', *upajīka udbharanti samudrād ādhi bheṣajām* (AB, II, 3,4) 'Муравьи приносят из океана целебное средство'.

Ānu 'после', 'вслед за', 'вдоль', 'по'; употребляясь с глаголами, обозначает следование, длительное приближение, а в 258

переносном смысле — соответствие; *anu + jñā-* 'знать' = 'уступать', 'предоставлять'; *anu + man-* 'думать', 'полагать' = 'признавать', 'соглашаться'; *anu + sthā-* 'находиться', 'стоять' = 'следовать', 'помогать'; управляет А. Например: *pāñca padāni guró ānu arohaṃ | cātuspadīm ānu emi vratēna* (X, 13,3) 'Я взобрался по четырем следам земли (?), как положено, иду я вдоль по четырехследной', *túbhyaṃ devā ānu viçve adaduh somarēyaṃ...* (V, 29,5) 'Все боги уступили тебе питье сомы...', *ānu dyūn* 'день за днем', *ṛtūñ ānu* (I, 15,5) 'в соответствии с (установленным) временем'.

Antār 'внутри', 'внутрь', 'в', 'между'; чаще употребляется как самостоятельное наречие, редко — в качестве глагольного префикса; как предлог-послелог управляет L., A., Abl. Например: *ayām sārye adadhāj jyótir antāh* (VI, 44,23) 'Он вложил свет в солнце', *vaiçvānaró no ... antás tiṣṭhāti duritāni viçvā* (AB, VI, 53,2) 'Вайшванара пусть встанет между нами и всеми бедами' (т. е. 'пусть защитит нас от всех бед'), *eṣā yayaui paratād antār ādreḥ* (IX, 87,8) 'Она пришла изнутри самой высокой скалы'.

Āpa 'от', 'с', 'прочь'; употребляется преимущественно с глаголами движения, обозначая исходный пункт движения; не употребляется в качестве предлога-послелога. Примеры приглагольного употребления: *āpa... ripūṃ ... daviṣṭhām asya* (VI, 51,13) 'Отброс врага как можно дальше прочь', *āpoṣā ānasaḥ sarat | sāmpīṣṭād āha bibhyūṣi* (IV, 30,10) 'В страхе бежала Ушас прочь от (своей) разбитой повозки'.

Āpi 'в', 'у', 'на'; в сочетании с глаголами обозначает непосредственную близость, общность с чем-либо; *āpi + dhā-* 'класть' = 'накрывать', 'вставлять'; *āpi + ūh-* 'замечать' = 'воспринимать', 'понимать'; управляет L. Например: *yuṣmē devā āpi smasi yūdhyanta iṃa vārmasu* (VIII, 47,8) 'У вас, о боги, мы находим прибежище, как сражающиеся — в щитах', *atraivā vó pi nahyātu | ubhé ārtñi iṃa jyāyā* (X, 166,3) 'Тут вот связываю я вас, как оба конца лука — тетивой', *...ayām agne tvé āpi yām ya jñāṃ cakṛmā vauyām* (II, 5,8) '...которую жертву, о Агни, мы здесь у тебя (или в тебя) принесли'.

Abhi 'к', 'навстречу', 'напротив'; обозначает с глаголами направленность действия в чью-либо сторону; нередко придает непереходному глаголу переходность; *abhi + car-* 'бродить' = 'колдовать'; *abhi + pad-* 'падать' = 'нападать'; *abhi + as-*, *bhū-* 'быть' = 'превосходить', 'побеждать'; управляет А. Например: *rayīm ... pāvamānābhy ārsasi* (IX, 107,21) 'Ты струишься, о Павамана, навстречу богатству', *vidvān sā viçvā bhūvanābhi paçyati* (IX, 73,8) 'Знаток, он озирает (сверху) все существа'.

Āva 'вниз' (с глаголами движения), 'раз-', 'от-', 'вы-' (с рядом переходных глаголов); *āva + khyā-* 'смотреть', 'казаться' = 'разглядеть', 'увидеть'; *āva + sā-* 'связывать' = 'развязывать',

‘освободить’, ‘простить’; употребление в качестве предлога-последлога (управляет Abl.) встречается очень редко. Например: *āva tāsya bālam tira* (X, 133,5) ‘Подави его силу’, *āva svāh sākṃā dudhuvīta pārvataḥ... dāsyum* (VIII, 70,11) ‘Пусть друг его — гора стряхнет вниз дасью’, *āva divās* (VII, 64,2) ‘с неба’.

Ā ‘к’, ‘в’, ‘при-’, ‘у’; в сочетании с глаголами обозначает направленность действия на субъект или к какой-либо цели, а также длительный характер действия; *ā + jñā-* ‘знать’=‘воспринимать’, ‘замечать’, ‘приказывать’, *ā + dā-* ‘давать’=‘брать’; *ā + diṣ-* ‘показывать’=‘иметь целью’, ‘замышлять’, ‘приказывать’; *ā + dhā-* ‘класть’=‘давать’, ‘вручать’ (и др. значения); управляет как последлог L., Abl., A., как предлог — Abl. Например: *ā no gahi sakhyébhiḥ śivébhir* (III, 1,19) ‘Приди к нам с добрыми дружескими услугами!’, *vīṣa ā kṣeti vīṣuḥ vīṣat — vīṣat* (X, 91,2) ‘Он пребывает среди племен, как член племени, в каждом племени’, *svasty ā grhébhya āvasā ā vimócanāt* (III, 53,20) ‘(Довези нас) благополучно до дома, до отдыха, до распригания!’, *tād ayām kéto hrđā ā vi caṣṭe* (I, 24,12) ‘Это желание показывает мне так из сердца’, *imé vām sómā apsu ā sutā* (I, 135,6) ‘Для вас двоих выжаты в воду эти соки сомы’.

Úd ‘вверх’, ‘воз-’/‘вз-’, ‘наружу’, ‘из-’; *ud + i-* ‘двигаться’=‘восходить’ (о светилах), ‘выходить’, ‘исходить’ (о звуке); *úd + gā-* ‘петь’=‘запевать’ (*udgātár-* — разряд жрецов); *úd + nī-* ‘вести’=‘возводить’ (жертвенный столб), ‘доставать’, ‘вычерпывать’ (сому); *úd + śic-* ‘лить’=‘выливать’ ‘вычерпывать’; не функционирует в качестве предлога-последлога. Например: *út pātayati pakṣīṇaḥ* (I, 48,5) ‘Она (Ушас) заставляет птиц взлетать’, *úd vṛha rákṣaḥ sahāmūlam indra* (III, 30,17) ‘Вырви с корнем ракшаса, о Индра!’.

Úpa ‘близко’, ‘к’, ‘под-’/‘подо-’, ‘при-’; значение близко к *abhi* и *ā* (*abhi* часто предполагает враждебный смысл, *úpa* — дружелюбный и почтительный; *ā* обозначает полное включение в действие, *úpa* — скорее вспомогательный характер действия); иногда придает переходное значение; *úpa + ās-* ‘сидеть’=‘почитать’ (бога), ‘служить’; *úpa + i-* ‘двигаться’=‘предпринимать’, ‘достигать’; *úpa + jīv-* ‘жить’=‘жить на что-либо’, ‘жить чем-либо’; *úpa + nī-* ‘вести’=‘приводить домой жену’; *úpa + sad-* ‘сидеть’=‘присаживаться’, ‘служить’; управляет A., L., редко I. Например: *úpa kramasva pururūpat ā bhara vājam...* (VIII, 1,4) ‘Приступай (к делу), привози различную добычу!’, *úpo śū crnuhī giro mághavan...* (I, 82,1) ‘Хорошенько прислушайся к восхвалениям, о щедрый!..’, *ā vām dhiyo vavṛtyur adhvarāñ úpa* (I, 135,5) ‘Да приведут вас двоих на жертвоприношения молитвы!’, *giriṇām úpa sānuṣu* (AB, X, 4,14) ‘на вершинах гор’, *úpa mitrāsy dhārmabhiḥ* (VIII, 52,3) ‘в соответствии с обязанностями друга’.

Nī ‘вниз’, ‘внутри’; *nī + kar-* ‘делать’=‘побеждать’, ‘унижать’; *nī + pad-* ‘шагать’, ‘падать’=‘ложиться’, ‘отдыхать’;

nī + vṛt- 'катиться' = 'возвращаться'; *nī + śvap-* 'спать' = 'заснуть', 'умереть'; не употребляется в качестве предлога-последлога. Например: *nī śā namātimatim kāyasya cit...* (I, 129,5) 'Согни хорошенько чье угодно высокомерие!', *nī barhiṣi sadatana* (II, 36,3) 'Садитесь на жертвенную солому!'.

Nis 'из', 'вы-', в сочетании с именами 'без-'; *nīs + kar-* 'делать' = 'вытеснять', 'исключать', 'снаряжать', 'изготавливать'; *nīs + jñā-* 'знать' = 'выискивать', 'различать', *nīs + vṛt-* 'катиться' = 'происходить'; в качестве предлога-последлога не употребляется. Например: *...aje nīr yūthāni gāvām ṛṣiḥ* (VIII, 4,20) 'Я, риши, выгоняю стада коров', *nīr asya rāsam gaviṣo duhanti té* (X, 76,7) 'Они выдаивают сок его, жаждущего молока'.

Pāra 'прочь', 'от-'/ 'ото-', 'у-'; *pāra + ji-* 'побеждать' = 'терять', 'быть побежденным'; не употребляется в качестве наречия-префикса. Например: *pāra nūdasva maghavann amitrān* (VII, 32,25) 'Оттолкни прочь недругов, о щедрый!', *tvām cīro amarmāṇaḥ pāraṇan* (VI, 26,3) 'Ты раскроил череп неуязвимого'.

Pāri 'вокруг', 'кругом', 'пере-'; иногда из значения «кругом» развивается значение «полностью» или значение предельности; *pāri + jñā-*, *vid-* 'знать' = 'знать досконально', *pāri + bhū-* 'быть' = 'охватывать', 'выделяться', 'превосходить'; иногда из значения «вокруг» развивается значение неэффективности действия (ср. «вокруг да около»); *pāri + cakṣ-* 'смотреть' = 'проглядеть'; *pāri + tan-* 'считать' = 'пренебречь'; управляет как предлог-последлог Abl. 'из', 'из-за' и A. 'около'. Например: *sāhobhīr viṣvāt pāri cakramū rājaḥ* (X, 56,5) 'С силами (своими) обошли они все пространство', *pāri yó raçminā divó'ntān tamé pṛthivyāḥ...* (VIII, 25,18) 'Кто лучом измерил вокруг границы неба (и) земли', *tvām ācmanas pāri ... jāyase* (II, 1,1) 'Ты рождаешься из камня', *rākṣasas pāri* (AB, VI, 111,3) 'из-за ракшаса', *madhyāndinam pāri* (AB, VI, 108,5) 'около полудня'.

Prā 'вперед', 'далее', 'про-'; *prā + jñā-* 'знать' = 'знать наперед', 'знать путь', *prā + bhū-* 'быть' = 'выделяться', 'помогать'; *prā + bhar-* 'нести' = 'приносить в жертву'; *prā + yam-* 'обуздывать' = 'протягивать', 'вручать'; не употребляется в качестве предлога-последлога. Например: *prā vājebhis tirata puṣyāse naḥ* (VII, 57,5) 'Продвиньте нас вперед (своими) наградами, чтобы мы процветали', *aichāma tvā bahudhā jātavedaḥ | prā-viṣṭam agne apsv oṣadhīṣu* (X, 51,3) 'Мы долго искали тебя, о Агни — Джатаведас, когда ты проник в воды (и) растения'.

Prāti 'против', 'навстречу', 'обратно' (значение бывает близко к *abhi*, но не содержит оттенка агрессивности, свойственного *abhi*); *prāti + as-*, *bhū-* 'быть' = 'быть подобным'; *prāti + jñā-* 'знать' = 'признавать', 'соглашаться'; *prāti + pad-* 'шагать', 'падать' = 'отвечать'; *prāti + ṣru-* 'слышать' = 'отвечать'; *prāti + muc-* 'освобождать' = 'надевать'; управляет А. Например: *ubhā sā vārā prāty eti* (V, 44,12) 'Он идет навстречу обоим жела-

ниям', *viçvéd agniḥ práti rákṣāṃsi sedhati* (VIII, 23,13) 'Агни отбрасывает обратно всех ракшасов', *yuvó rátho adhvarám... práti svāsaram úpa yāti...* (VI, 68,10) 'Ваша колесница приезжает на жертвоприношение к обычному месту'.

Vi 'в разные стороны', 'насквозь', 'от', 'раз-'; обозначает удаление и распространение во все стороны, проникновение насквозь и разделение на части, отделение, интенсивность действия; может придавать действию переходный характер; *vi+çrt-*, *sā-* 'связывать' = 'развязывать'; *vi+dāç-* 'почитать' = 'отрицать'; *vi+brū-*, *vad-* 'говорить' = 'спорить'; не употребляется в качестве предлога-последлога. Например: *yātrā nárah sám ca ví ca drāvanti | tátrāsmábhyam iṣavaḥ çarma yaṃsan* (VI, 75,11) 'Где мужи сбегаются и разбегаются, там стрелы должны дать нам защиту!', *utá pavuṣṭá ráthānām ádrim bhīndanty ójasā* (V, 52,9) 'И колесничным ободом они с силой расщепили скалу'.

Sam 'с-'/ 'со-', 'вместе'; обозначает участие в действии нескольких агентов или распространение действия на совокупность объектов, иногда — полноту действия, его интенсивность; *sam+jñā-* 'знать' = 'быть единомышленным'; *sam+tan-* 'тянуть' = 'примыкать'; *sam+prach-* 'спрашивать' = 'приветствовать'; *sam+sthā-* 'стоять', 'находиться' = 'встречаться', 'сталкиваться'; не употребляется в качестве предлога-последлога. Например: *yó ... suṣvāṇébhīr mādati sám ha víraiḥ* (IV, 29,2) 'Кто пирует вместе с мужами, выжимающими сому...', *...sampáçyan viçvā bhūvanāni gopāḥ* (X, 139,1) 'пастух, озирающий все существа'.

Нередко глаголы употребляются с двумя наречиями-префиксами, каждое из которых может выступать в качестве самостоятельного слова, обладающего собственным ударением. Два наречия-префикса при одном глаголе с противоположными или далеко расходящимися значениями могут иметь при себе соединительный союз *ca* (см., например, VI, 75,11, выше). Нередко второй префикс присоединяется к глаголу, а первый остается самостоятельным. В тех синтаксических контекстах, где префиксы сливаются с глаголом, первый из них чаще сохраняет ударение, а второй его утрачивает, но это не обязательно. Вот некоторые примеры: *abhi prá yantu náro agnirūpāḥ* (X, 84,1) 'Пусть наступают мужи, подобные пламени!', *...viçve yám devā utá mártyaśo | mádhu bruvānto abhi samcāranti* (VIII, 48,1) '...кого разыскивают все боги и смертные, называя (его) медом', *áva āganma sūrér* (падапатха: *ā aganma*) (III, 31,14) 'Мы вошли в милость господина', *yūyám hi devīr řtayūgbhīr āçva-iḥ | pariprayāthá bhūvanāni sadyāḥ...* (IV, 51,5) 'Ведь вы, богини, в один день объезжаете вокруг (всех) существ на свое-временно запряженных конях...'

У отдельных префиксов существует тенденция отдавать предпочтение первому или второму месту³. Наиболее прочно

³ О синтаксической характеристике наречий-префиксов см. раздел «Синтаксические структуры», с. 382 сл.

второе место, т. е. непосредственная близость к глаголу, закреплено за *ā*.

Поскольку глагол с наречием-префиксом образуют семантическое единство, формируются новые оппозиции лексических значений глаголов на базе сочетаний с наречиями-префиксами. Вот некоторые примеры: *kṛi-* 'покупать' — *vi kṛi-* 'продавать', *dā-* 'давать' — *ā dā-* 'брать', *sā-* 'связывать' — *vi sā-* 'развязывать' и др. или *prāti muc-* 'надевать' — *vi muc-* 'снимать', *sāt var-* 'закрывать' — *vi var-* 'открывать' и др.

С личными формами глагола в функции префиксов употребляется также несколько наречий: *tirās* 'через', *purās* 'впереди', 'перед', *āvās* 'явно', *prādūs* id. Валентность этих наречий, однако, ограничена, и они функционируют в качестве префиксов только с глаголами *kar-* 'делать', *dhā-* 'класть', *bhū-* 'быть'. От собственно наречий-префиксов они отличаются не только структурой, но и характером связи с глаголом. Они не присоединяются к личным формам глагола даже в придаточных предложениях. Слитно с глаголом эти наречия употребляются только в неличных формах: причастиях на *-ta-* и абсолютивах. Например: *ajakāvam durdṛṣṭikam tirō dadhe* (VII, 50,1) 'Я устранил Аджакаву, имеющего мерзкий вид', но *agnim itthā tirōhitam aīnam nayan mātariṣvā* (III, 9,5) 'Агни, спрятанного там, привел сюда Матарிшван'.

В качестве предлогов-последлогов с именами употребляется, кроме перечисленных ранее наречий-префиксов, ряд собственно наречий. Функционально эти две группы вспомогательных слов при именах не различаются, образуя однотипные конструкции управления, в которых они могут быть как в препозиции, так и в постпозиции, и могут быть отделены от соответствующего имени другими словами⁴. Собственно наречия выступают в этой функции значительно реже, чем наречия-префиксы, а сама функция управления падежом выражена у них менее отчетливо.

С А. употребляются: *adhās* 'под', *antarā* 'между', *abhītas* 'вокруг', *upāri* 'над', 'вне', *parās* 'вне', 'за пределом', 'более'; с I.: *sahā* 'с', *sākām* id., *sumād/smād* id., *avās* 'под', *parās* 'вне';

с Abl.: *adhās* 'под', *avās* 'вниз от', *ārē* 'вдали от', *rtē* 'без', *parās* 'вне', *purā* 'до', 'раньше', 'от';

с G.: *purastāt* 'перед', 'напротив', *adhās* 'под', *ārē* 'вдали от';

с L.: *sacā* 'вместе с', 'среди', 'у', *parās* 'вне' (изолированно).

Вот некоторые примеры: *ghṛnā tāpāntam āti sūryam parāh cakunā iva paptima* (IX, 107,20) 'Мы перелетели за пределы палящего солнца, подобно большим птицам', ... *na ā gataṁ sākām sūryasya raṣṭmibhiḥ* (I, 47,7) 'Приезжайте к нам вместе с (первыми) лучами солнца!', *nēndrād rtē pavate dhāma kiṁ*

⁴ См. раздел «Синтаксические структуры», описание ЭСК яруса I, с. 381 сл.

caná (IX, 69,6) 'Ни одно место не очищается без Индры', *sá-middhasya śráyatāṇaḥ purástād* (III, 8,2) 'воздвигаемый перед зажженным (огнем)', *ágne mṛṣíkām vāruṇe sácā vido marútsu viśvābhānuṣu* (IV, 1,3) 'О Агни, найди милость у Варуны, у Марутов всеблестящих'.

Особую группу несклоняемых слов составляют частицы. В санхитах они весьма многочисленны и исполняют самые разнообразные функции в простом и сложном предложении. Частицы служат для подчеркивания, эмфатического выделения значения слова, для соединения двух слов, для соединения двух предложений, равноправных или неравноправных, для выражения вопроса и отрицания.

Специального класса союзов (если не считать отдельных исключений) в ведийском языке нет, и их функции осуществляют частицы, местоименные формы и наречия, между которыми нельзя провести твердой грани.

С синхронной точки зрения, частицы не имеют морфологии и поэтому должны быть описаны на синтаксическом уровне. Здесь они будут заданы списком с указанием основных лексических значений и наиболее типичных значений в сочетаниях (подробнее о синтаксических функциях частиц следует смотреть раздел «Синтаксические структуры»).

Aṅgá 'только', 'же', 'именно' — эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; часто употребляется с местоимениями. Например: *tvám aṅgá* (VII, 20,9) 'только ты', *só aṅgá veda* (X, 129,7) 'Только он знает', *kím aṅgá* (VI, 44,10) 'почему же?', *yád aṅgá* (I, 1,6) 'уж если', *ád aṅgá kuvíd aṅgá* (AB, II, 3,2) 'Вот как! Ну как?'.

Addhá 'в самом деле', 'действительно' — редкая эмфатическая частица, относящаяся ко всему высказыванию: *kó addhá veda* (III, 54,5) 'Кто, в самом деле, знает?'.

Ápi 'также', 'тоже', 'кроме того' — эмфатическая частица, выделяющая слова; употребляется постпозитивно или препозитивно. Например: *áraṣuam ... gandharvāñ ápi* (III, 38,6) 'Я видел также Гандхарвов', *yó gopá ápi tám huve* (X, 19,4) 'Кто пастух, того я тоже призываю'; кроме того, является наречием-префиксом при глаголах и предлогом-послелогом при именах.

Áha 'конечно', 'однако', 'ведь', 'же' — эмфатическая частица, выделяющая слова; часто употребляется в сочетании с другими частицами, и собственное значение бывает неотчетливым. Например: *várdhāhainam* (VI, 38,4) 'Укрепи же его!', *agnér iva prásitir náha vartave* (II, 25,3) 'Его ведь не удержать, как порыв огня'.

Á — частица со слабым эмфатическим значением, усиливающая слова; нередко употребляется с именами, обозначающими степень качества, или с числительными. Например: *tris á divás* (I, 142,3 и др.) 'трижды в день', *máhu á te sakhyám vacmi*

(III, 31,14) 'Я хочу твоей великой дружбы'; иногда встречается в функции соединительного союза, например: *yāḥ śatām ā sa-hāśram bhūmā upāsthē 'vapaj jaghanvān...* (II, 14,7) 'Кто сотню и тысячу, убив, посеял в лоно земли...'. Широко употребляется также в качестве наречия-префикса и предлога-последлога; в разных контекстах все эти значения далеко не всегда четко разграничены.

Āt (Abl. от местоименного корня *a-*) 'тогда', 'затем', 'тут'; 'и', 'далее'; 'то', 'же', 'ведь'; сочетает в себе значения наречия, союза, эмфатической частицы. Например: *ād ródasī vitarām ví śkabhāyat* (V, 29,4) 'Тогда он укрепил подальше врозь оба мира', *yād indrāhan prathamajām āhinām | ān māyīnām āmināḥ prótā māyāḥ...* (I, 32,4) 'Когда ты, Индра, убил перворожденного из драконов и перехитрил хитрости хитрецов...', *kīm ād utāsi vṛtrahan | māghavan manumāttamaḥ* (IV, 30,7) 'А что, и сейчас ты, убийца Вритры, щедрый, (по-прежнему) самый неистовый?'.

Iti 'так' — частица, выступающая в функции кавычек, отмечающая границу прямой речи; обычно следует за прямой речью. Например: *sákhe ví śikṣēty abravīta* (IV, 35,3) '«Друг, попо-буй!» — сказали вы'.

Id 'даже', 'как раз', 'именно', 'тоже', 'действительно' — широко употребительная эмфатическая частица, усиливающая значение слова или предложения (в последнем случае стоит в конце предложения); часто комбинируется с другими частицами. Например: *asmā id u prá tavāse ... harmi stómat...* (I, 61,1) 'Это ему, сильному, я приношу восхваление', *sadṛṣir adyā sadṛṣir id u śvó ...* (I, 123,8) 'сегодня одинаковые и завтра тоже одинаковые', *ichāmīd dhṛdā mānasā cid indram* (VI, 28,5) 'Сердцем и помыслом я, действительно, стремлюсь к Индре', *indrasya prathamó rátho devānām āparo rátho vāruṇasya tṛtīya it* (AB, X, 4,1) 'У Индры первая колесница, у богов вторая колесница, а у Варуны третья'.

Iva/iva 'как' — частица, выражающая сравнение и относящаяся к слову или к неполному предложению; изредка выражает приблизительность; употребляется обычно постпозитивно. Например: *vātevājuryā ... yātām arvāk* (I, 39,5) 'Как ветры не-стареющие, мчитесь в нашу сторону!', *té śu no marúto mṛṣayantu | yé smā purā gātūyāntiva devāḥ* (I, 169,5) 'Да простят нас до конца Маруты, боги, которые и раньше подобным образом указывали путь'.

Im 'ни' — эмфатическая частица, стоящая после местоимения (по происхождению — A.sg. от местоименного корня *i-*, притом что в ряде случаев семантика местоименного падежа — но не числа — сохраняется). Например: *yā im vāhanta ācūbhiḥ ... ātra śrávāmsi dadhire* (V, 61,11) 'Кто бы ни ездил на быстрых конях, завоевывал себе славу'.

U (возможно метрическое удлинение) 'вот', 'же', 'тут', 'тот-

час же', 'и', 'а также', 'а', 'но' — объединяет значение эмфатической частицы, выделяющей слова (с глаголами и местоимениями имеет дейктическое значение), и сочинительного союза; нередко комбинируется с другими частицами. Например: *upā payasva vṛṣaṇā* (III, 35,3) 'Направь же (к нам) двоих жеребцов!', *āvinān u darṣatām apsu āntār* (III, 1,3) 'Вот нашли они прекрасного в водах', *sīda hotaḥ svā u loké* (III, 29,8) 'Сядь, хотар, на свое собственное место', *raghadrūvaḥ kṛṣṇā-sītāsa ū jūvaḥ* (I, 140,4) 'быстроногие и протягивающие за собой черные полосы кони'.

Utā 'и', 'а также' — союз, соединяющий слова или предложения. Например: *sā tvām no adyā sumānā utāparām* (I, 36,6) 'Будь благосклонен к нам сегодня и в дальнейшем', *vṛṣā te vājra utā te vṛṣā rātho* ... (II, 16,6) 'Бык — твоя ваджра, и бык — твоя колесница...'.

Evá 'так' — или дейктическая частица в начале предложения; 'как раз', 'только', 'действительно'; или эмфатическая частица, следующая за словом в любом месте фразы. Например: *yāthā jaghānthā dhṛṣatā purā cid | evā jahi śātrum asmākam indra* (II, 30,4) 'Как еще раньше ты отважно убивал, так убей врага нашего, о Индра', *jajñānā evā vy ābādhata spṛdhaḥ* (X, 113,4) 'Едва родившись, он разогнал врагов'.

Kām (возможно, A.sg. от вопросительного местоимения *ká-*) — эмфатическая частица, употребляющаяся только после D. или inf.D. Например: *ājījana śasadhīr bhājanāya kām* (V, 83,10) 'Ты породил растения для еды', *tām ū akṛṇvan tredhā bhuvé kām* (X, 88,10) 'Они создали его, чтобы он разделился на три части'.

Безударная частица *kaṁ* употребляется только после некоторых частиц. Например: *tīṣṭhatelāyata sū kaṁ* (AB, I, 17,4) 'Остановитесь! Успокойтесь хорошенько!'.

Kād (N.—A.sg.п. от вопросительного местоимения *ká-*) 'ли'; употребляется в функции вопросительной частицы гораздо реже, чем *kīm*. Например: *kād itthā nṛññ pātram devayatām* (I, 121,1) 'Действительно ли (он) — сосуд для мужей, преданных богам?'. Кроме того, употребляется как однозначная местоименная форма.

Kīm (N.—A.sg.п. от вопросительного местоимения *ká-*) 'почему', 'зачем', 'ли'. Например: *kīm no indra jighāmsasi* (I, 170,2) 'Почему, Индра, ты хочешь нас убить?', *kīm me havuāt āhrṇāno juṣeta* (VII, 86,2) 'Будет ли он наслаждаться моей жертвой не гневаясь?'. Кроме того, употребляется как однозначная местоименная форма.

Kīla 'конечно', 'действительно' — частица, выражающая сильную эмфазу; употребляется в постпозиции по отношению к выделяемому слову; малоупотребительна. Например: *indraḥ kīla śrūtyā asyā veda* (X, 111,3) 'Ну конечно, Индра понимает в этом, чтобы прослушать'.

Khálu 'же' — очень редкая эмфатическая частица, употребляющаяся после глагола в повелительном наклонении. Например: *mitrām kṛṇudhvaṃ khálu* (X, 34,14) 'Заклучите же дружбу!'.
[

Kuvid 'ли', 'конечно', 'может быть' — частица, употребляющаяся большей частью с глаголом в сослагательном наклонении, хотя изъявительное наклонение возможно тоже; выражает сомнение или утверждение в тех случаях, когда в утвердительной форме имплицитно содержится сомнение. Например: *kuvīt sv īndra naḥ śākaḥ* (VIII, 80,3) 'Конечно, Индра, ты поможешь нам!' (= 'Поможешь ли ты нам, Индра? — я надеюсь').

Gha — безударная частица со слабым эмфатическим значением, близким к значению *id*, с которым *gha* часто комбинируется; чаще всего употребляется после отрицания *nā*, местоимения, наречия-префикса. Например: *nā ghā sā mām āpa joṣam jabhāra* (IV, 27,2) 'Ведь он унес меня не против желания', *tūbhyam ghēt té jānā ... dhāsim hinvanty āttave* (VIII, 43,29) 'Ведь это тебе эти люди посылают питание, чтобы ты ел'.

Ca 'и' — сочинительный союз, одиночный или парный, соединяющий слова или предложения, употребляется постпозитивно; 'если' в очень редких случаях; частица, придающая неопределенно-личное значение вопросительным и относительным местоимениям. Например: *hyd rogām ... harimāṇaṃ ca nāṣaya* (I, 50,11) 'Уничтожь болезнь сердца и желтуху', *arasāsa ihāḥayo yé ānti yé ca dūraké* (AB, X, 4,9) 'Лишены сока здесь змеи, которые близко и которые далеко', *ā ca gāchān mitrām epā dadhāma* (X, 108,3) 'Если (сам) он придет, дружбу заключи с ним', *yād adyā kāc ca vṛtrahann | udāgā abhi sūrya | sārvaṃ tād indra te vāce* (VIII, 93,4) 'Над чем бы ты ни возшел сегодня, о убийца Вритры, о Сурья, все это, о Индра, (находится) в твоей власти'.

Caná 'даже' после отрицания (очень редко при утверждении); 'даже не' в утвердительном предложении; после вопросительных местоимений — частица, придающая неопределенно-личное значение. Например: *tād eṣāṃ nākir ā minat | ārāvā caná mārtyaḥ* (VIII, 28,4) 'Этого не отнимет у них никто, даже злокозненный смертный', *... āpaṣuṇa hiraṇyāyaṃ | dhībhīṣ caná mānaśa...* (I, 139,2) '...Мы увидели золотой трон пусть только в мыслях, духом...', *mā té jīviṣuḥ katamāc cañdāhaḥ* (AB, IX, 2,10) 'Да не проживут они ни единого дня (букв. ни какого-нибудь)'.

Cid 'даже' — энклитическая эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; частица, придающая обобщенно-личное значение (особенно часто употребляется после вопросительных и относительных местоимений и наречий). Например: *jahi rākṣo māhi cid vāvṛdhānam* (IV, 3,14) 'Убей ракшаса, даже очень усилившегося!', *indrāsomā duṣṣṭe mā sugām*

bhūd | yó naḥ kadā cid abhidāsati druḥā (VII, 104,7) 'О Индра-Сома, да не будет легко злодею, который когда-либо подводил нас обманом!'

Céd 'если' (<ca+id) — союз, очень редкий в РВ. Например: *hāstenaivā grāhyā ādhīr asyā brahmajāyēyām iti céd āvocaḥ* (X, 109,3) 'Следует взять своей рукой ее залог, если сказали: «Она жена брахмана»'.

Tú (*tā*) 'же', 'ка', 'конечно' — эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; чаще всего употребляется с глаголом в повелительном наклонении; 'но', 'однако' — частица в функции противительного союза. Например: *ā tv āçatray ā gahi* (VIII, 82,4) 'Приди же, о не имеющий противников!', *tā tā te satyā tuvinṣmṇa viçvā | prā dhenāvah sisrate vṣṇa ādhnaḥ* (IV, 22,6) 'Однако, это все истинные твои (деяния), о мужественный, (что) дойные коровы истекают из вымени быка'.

Ná 'не', 'нет' — частица, выражающая общее отрицание, употребляется с глаголом в любом времени и наклонении. Например: *ná te sákhā sakhyām vaṣṭy etát* (X, 10,2) 'Твой друг не хочет такой дружбы', *bḥhaspátir va ubhayā ná mṛlāt* (X, 108,6) 'В обоих случаях Брихаспати не помилует вас', ... *agnér... arcáyo bhīmāso ná prátitaye* (I, 36,20) 'Языки пламени Агни ужасны. (К ним) не приблизишься', *aráṇ ná nemih pári tā babhūva* (I, 32,15) 'Как обод — спицы колеса, он охватил (все) это'.

Изредка встречаются эмфатические корни формы отрицания *nahī* (<na+hi) и *nānu* (<na+nu).

Nú (*nū*) 'теперь', 'тут', 'вот', 'еще', 'уже'; кроме того, частица, выражающая поощрение и побуждение, часто комбинируется с другими частицами. Например: *indrasya nú vṛyāṇi prā vocaṁ* (I, 32,1) 'Я хочу теперь провозгласить героические подвиги Индры', *asyā pītṵā mādānam | indro vṛtrāṇy apratī | jaghāna jaghānac sa nú* (IX, 23,7) 'Испив его пьянящих (струй), Индра убивал и еще будет убивать не имеющих равных врагов', *só cin nú ná marāti* (I, 191,10) 'Уж он, конечно, не умрет (от этого)'.

Néd (<na+id) — эмфатическое отрицание; 'чтобы не' с глаголом в сослагательном наклонении. Например: *mākir enā pat-hā gād ... anyo nēt sūrīr ohate bhūridāvattaro jānaḥ* (VIII, 5,49) 'Пусть никто не пойдет тем путем, чтобы никакой другой господин не прослыл более щедрым человеком'.

Mā 'не' — частица, выражающая отрицание при запрете; употребляется только с глаголом в инфинитиве; например: *akṣair mā dīvyah* (X, 34,13) 'Не играй в кости!'

Yádi 'если', 'когда' (редко и только с глаголом в прошедшем времени) — союз, употребляющийся в сложноподчиненных предложениях. Например: *yádi no gām hāmsi yádyāçvam yádi páruṣaṁ tāṁ tvā sīsena vidhyāma* (AB, I, 16,4) 'Если ты

убьешь нашу корову, если коня, если человека, мы пронзим тебя свинцом', *úd astambhīt samidhā nākam... agnīr... yādī... mātariṣvā... havuavāhaṃ samidhē* (III, 5,10) 'Агни с помощью дров укрепил небосвод, когда зажег (его) Матаришван в качестве возницы жертвы'.

Vā 'или' — разделительный союз, одиночный или парный, связывающий слова и предложения; часто комбинируется с другими союзами или частицами. Например: *stenāṃ rāya sārameya tāskāraṃ vā* (VII, 55,3) 'На вора лай, о Сарамея, или на грабителя!', *yād vā marutvaḥ paramé sadhāsthe | yād vāvamé vṛjāne mādāyase | āta ā yāhu adhvarāṃ no āchā* (I, 101,8) '(Находишься ли ты) в самом отдаленном месте, о сопровождаемый Марутами, или же тешишься в соседней общине, приди оттуда к нам на жертвоприношение!'

Vai 'в самом деле', 'конечно' — эффатическая частица, подчеркивающая значение всего предложения и стоящая обычно после первого слова предложения. Например: *nā vā u sōto vṛjināṃ hinoti* (VII, 104,13) 'Конечно, сома не поощряет злодея'.

Sim (A.sg. от указательного местоимения *sā-*) — частица, которая может символизировать А. упоминавшегося ранее имени логического субъекта без различия рода и числа; частица, иногда придающая предшествующему относительному местоимению обобщенно-личное значение (ср. *im*). Например: *vavṛājā sim ānadatir ādabdhā | divó yahvīr āvasanā ānagnāḥ* (III, 1,6) 'Он вошел в тех, что не едят (и) не терпят обмана, в юниц неба, что не одеваются (и в то же время) не нагие', *yāt sīm āgaṣ cakṛmā tát sú mṛḷa* (VII, 93,7) 'Если какой грех мы совершили, то прости уж его'.

Sū (*sū*) 'хорошо', 'полностью' — эффатическая частица, связанная с глаголом; часто сочетается с другими частицами; после РВ выходит из употребления и встречается в основном в качестве первого члена сложных слов. Например: *tāpo śv āgne āntarāḥ amitṛān* (III, 18,2) 'Спали дотла, о Агни, ближайших врагов'.

Sma (*smā*) 'же', 'именно', 'действительно', 'уже' — слабая эффатическая частица, употребляющаяся с местоимениями, наречиями, глаголами; в РВ сочетание *sma purā* придает глаголу в настоящем времени значение прошедшего времени; нередко комбинируется с другими частицами. Например: *tvām hī smā suāvāyann ācyutāny | éko vṛtrā cārasi jighnamānaḥ* (III, 30,4) 'Ведь ты, действительно, сотрясая несотрясаемое, один выходишь, сокрушая врагов', *té śú no marúto mṛḷayantu yé smā purā gātūyāntīva devāḥ* (I, 169,5) 'Да простят нас милостиво Маруты, боги, которые еще раньше также указывали путь'.

Svid (<*sū*+*id*) 'же' — эффатическая частица, выделяющая предшествующее вопросительное местоимение или наречие; в единичных случаях придает им неопределенное значение; во-

просительная частица, изредка употребляющаяся и без вопросительного местоимения (в двойном вопросе). Например: *kāḥ svit tēṣām asad rāsaḥ* (AB, X, 4,18) 'Какой же у них будет сок?', *adhāḥ svid āstīd upāri svid āstī* (X, 129,5) 'Был ли низ? Был ли верх?'.

Ha (очень редко *hā*) 'же', 'ведь' и др. — частица с очень слабым эмфатическим значением, выделяющая слово. Например: *yād dha tyān mitrāvaruṇāv rīād ādhy ādadhāthe ānṛtaṃ* (I, 139,2) 'Когда же, Митра-Варуна, вы выделили из истины ложь...', *sakīd dha dyaur ajāyata* (VI, 48,22) 'Ведь сразу родилось небо'.

Hī 'ведь', 'же' — эмфатическая частица, усиливающая предшествующее слово; 'так как', 'потому что' — причинный союз в сложноподчиненных предложениях; 'хотя' (особенно в сочетании *yās cid dhī*) — уступительный союз в сложноподчиненных предложениях. Например: *ugrā hī pṛṇamātaraḥ* (I, 23,10) 'Ведь ужасны сыновья матери Пришни', *vādhir hī dāsyum dhanīnam...* (I, 33,4) 'Ведь ты убил богатого дасью...', *ā hī yātām āthā sōmasya pibatam sutāsya* (I, 108,6) 'Придите же сюда и выпейте выжатого сомы', *dhānair abhi ṣrutvā yanti | vidūr hī takmanāṣanam* (AB, V, 4,2) 'Прослышав (о ней), они идут (к ней) с богатствами, так как они знают изгонительницу лихорадки'.

В приведенном выше списке указаны также и те немногочисленные союзы, которые не являются частицами (для ряда частиц употребление в качестве союза представляет собой лишь одну из функций). В функции союзов употребляются также некоторые наречия и местоимения (см. соответствующие разделы).

В класс неизменяемых слов входят также междометия и звукоподражания. Сюда относятся восклицания общего характера, как *bata* 'увы!', *bād* 'верно', 'действительно', *baḍā* id., *hānta* 'ладно', 'ну!', *hayé* 'эй!', *hurúk* 'прочь!', 'вон!'. Особо следует отметить ритуальные возгласы, именное или глагольное происхождение которых достаточно отчетливо прослеживается: *ṣām yós* 'Благо! Счастье!', *vāṣaṭ* (<*vākṣaṭ* от *vah-* 'везти') — возглас жреца-хотара, в ответ на который жрец-адхварью бросает жертву в костер, *svāhā* — литургический возглас, приглашающий богов принять жертву.

Звукоподражания могут употребляться как отдельные слова (особенно часто в AB), например: *phāt* 'бух!', 'бац!', *phāl* 'бултых!', *bāl* 'фюты!' и др., в сочетаниях с вспомогательными глаголами, как *kikirā kar-* 'с шумом разрывать', *ciṣcā kar-* 'со свистом лететь', или в составе сложных слов с этими же глаголами, например: *akkkhalikṛtya* 'квакая', *alalābhāvant-* 'весело журчащий'.

ГЛАГОЛ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К классу глагола в ведийском языке относятся слова, характеризующиеся грамматическими категориями лица, числа, залога, наклонения, вида и времени. Наиболее экстенсивными из них являются категории вида и времени — они присущи подавляющему большинству членов. Далее по степени релевантности следуют категория числа (не свойственна только некоторым типам неличных форм: деепричастиям и инфинитивам) и категория залога (не свойственна кроме деепричастий и инфинитивов также некоторым типам причастий). По способности выражать категорию лица глагольные формы делятся на личные и неличные. Последние занимают в системе глагола периферийное положение, находясь на грани между глаголом и именем или глаголом и несклоняемыми словами. Категория наклонения релевантна только для личных форм.

Морфология глагола отличается удивительным богатством и разнообразием. Теоретически система спряжения одного глагола во всех временах, наклонениях, залогах, числах и лицах насчитывает намного более сотни форм (притом что ряд теоретически возможных сочетаний граммем в системе не используется). Все эти формы в каждом конкретном случае объединены в одну большую систему только через посредство глагольного корня. Корень объединяет личные и неличные формы глагола.

Максимальная теоретическая модель, описывающая структуру личных глагольных форм, состоит из семи элементов, а именно: префикс (1) + аугмент (2) + удвоение (3) + корень (4) + суффикс основы (5) + модальный суффикс (6) + окончание (7). В реально встречающихся личных формах глагола длина конкретной формы не может превышать шести элементов, так как аугмент не совместим с модальным суффиксом (они находятся в отношении дизъюнкции); практически же обычно встречаются формы,

состоящие из пяти элементов, например: *sam-ā-ga-cha-nta* (1+2+4+5+7) 'они сошлись' — 3 pl. impf. med. от *gam-* 'идти', *ā-jī-jan-a-dhvam* (2+3+4+5+7) 'вы породили' — 2 pl. aor. med. от *jan-* 'рождать', *a-jī-ghām-sa-t* (2+3+4+5+7) 'ты хотел убить' — 2 sg. impf. des. от *han-* 'убивать', *ā-va-vart-a-ti* (1+3+4+6+7) 'если он повернет' — 3 sg. subj. pf. от *vrt-* 'поворачивать', *didhiṣeya* (<*dī+dhi+sa+ī+a*; 3+4+5+6+7) 'я стремился бы расположить к себе' — 1 sg. opt. med. des. от *dhā-* 'класть' и др. Чаще употребляются формы, состоящие из меньшего числа элементов, например, из четырех, как *ā-kram-iṣ-i* (2+4+5+7) 'я шагнул' — 1 sg. aor. med. от *kram-* 'шагать', *ba-bhū-yā-t* (3+4+6+7) 'пусть он станет' — 3 sg. opt. pf. от *bhū-* 'быть', *mar-mṛj-yā-te* (3+4+5+7) 'он украшает' — 3 sg. pr. int. от *mṛj-* 'украшать' и др. или из трех, как *kṛ-nó-ti* (4+5+7) 'он делает' — 3 sg. pr. от *kar-* 'делать', *bī-bhar-ti* (3+4+7) 'он несет' — 3 sg. pr. от *bhar-* 'нести', *ā-sthā-t* (2+4+7) 'он встал' — 3 sg. aor. от *sthā-* 'стоять', *mṛ-nī-hi* (4+5+7) 'раздробил' — 2 sg. iv. act. от *mar-* 'раздробить' и др. Необходимым и достаточным для порождения личной глагольной формы является сочетание из двух элементов: корня и окончания (4+7), например: *hán-ti* 'он убивает' — 3 sg. pr. act. от *han-* 'убивать', *ṣru-dhī* 'слушай' — 2 sg. iv. act. от *ṣru-* 'слушать' и др.

Порядок последовательности морфем в рассмотренной выше максимальной схеме является фиксированным. Кроме нередуцируемых элементов 4 и 7, т. е. корня и окончания, все остальные, как видно из приведенных примеров, допускают редукцию. Наименее «прочными» являются позиции элементов 1 и 2. Связь наречия-префикса с личной глагольной формой в самхитах не обязательна, чаще здесь имеют место два слова, а не форма одного слова. Употребление аугмента — показателя прошедшего времени в самхитах факультативно. Все остальные элементы строго обязательны для определенных классов грамматических форм.

В двух местах этой модели возможна циклизация элементов: в 1 и 5. В состав одной глагольной формы может входить более одного префикса и суффикса. Число префиксов никогда не превышает трех, единичный случай засвидетельствован в АВ (XI, 1, 36) — *anusamprāyaḥi* (1'+1''+1''' + 4+7) 'отправляйся', не часто оно бывает равно двум, например: *anunirdaha* (АВ, IX, 2, 9) 'сожги дотла', *anvāṣaṇe* (АВ, X, 7, 9) 'распростерлось' и др. (Процесс вхождения наречий-префиксов в состав глагольной формы быстро усиливается в период после РВ.) Число суффиксов не превышает двух: непосредственно за корнем следует словообразующий суффикс, за ним — формообразующий, например: *dhār-ay-iṣyā-ti* (4+5'+5''+7) 'он будет поддерживать' — 3 sg. pr. caus. от *dhar-* 'держать', *uhyāte* (<*uh+yā+a+te*) 'если будет привезена' — 3 sg. pass. subj. от *vah-* 'везти' и др.

Соответствующая модель, описывающая структуру не лич-

ных глагольных форм, включает на два элемента меньше, так как в составе неличных форм не может быть аугмента и модального суффикса. Она имеет следующий вид: префикс (1)+удвоение (2)+корень (3)+суффикс основы (4)+флексия (5). Эта теоретически максимальная модель может реализоваться в полном виде, например: *upa-ja-gm-ūṣ-as* 'подошедших'— A.pl. p.pr.act. от *upa+gam-* 'подходить', *ājūhvānās* ($<\bar{a}+ju+hu+\bar{a}na+as$) 'возливающие себе'— N.pl.p.pr.med. от *ā+hu-* 'возливать [жертвенное масло]' и др. Чаше употребляются редуцированные варианты этой модели, например, четырехчленный вариант: *sa+sr-vāms-am* (2+3+4+5) 'поспешившего'— A.sg.p.pr.act. от *sar-* 'струиться', 'спешить', *prā-sthi-ta-m* (1+3+4+5) 'выступившего'— A.sg.p.p. от *pra+sthā-* 'выступать' и др. Трехчленный вариант редукции является минимально допустимым для одной части неличных форм, а именно для причастий, например: *hi-tā-sya* (3+4+5) 'положенного'— G.sg. от p.p. от *dhā-* 'класть', *śoc-ad-bhis* (3+4+5) 'светящимися'— I.pl. от p.pr. от *śuc-* 'светиться' и др. Двучленный вариант редукции является минимально допустимым для другой их части — абсолютивов и инфинитивов, например: *hi-tvī* (3+4) 'положив'— abs. от *dhā-* 'класть', *dr̥ṣ-e* (3+5) 'чтобы видеть'— inf. от *dr̥ṣ-* 'видеть' и др. Как видно из приведенных примеров, у этих неличных форм допустима такая редукция модели, в которой отсутствует флексия, и, таким образом, нередуцируемым элементом во всех этих вариантах остается только глагольный корень.

Циклизация отдельных элементов в определенных позициях этой модели допустима в тех же местах и в тех же пределах, что и у личных форм, т. е. циклизуются префиксы и суффиксы, например: *upa-pra-y-ān* ($1'+1''+4+5+7$, причем 7 представлено нулем) 'предпринимающий'— N.sg. от p.pr.act. от *upa+pra+i-* 'предпринимать', *niṣ-pāt-ant-y-os* ($1+4+5'+5''+7$) 'у двух вылетающих'— L.du.f. от p.pr.act. от *niṣ+pat-* 'вылетать', *yāj-a-māna-sya* ($4+5'+5''+7$) 'у жертвующего'— G.sg. от p.pr.med. от *yaj-* 'жертвовать' и др. При этом возможны комбинации двух словообразовательных суффиксов, например: *-ant-* и *-ī-*. В результате циклизации указанных элементов могут порождаться формы, которые превышают длину максимальной модели, например: *upadadyamāne* ($<upa+da+d+ya+māna+i$); ($1+2+3+4'+4''+5$) 'у вручаемого'— L.sg.p.pass. от *upa+dā-* 'вручать'.

Ведийский глагол по ряду причин представляет большие сложности для описания. Дело не только в том, что он обладает обширной разращенной системой форм. Гораздо большие трудности связаны с такими его особенностями, как нередкое отсутствие ожидаемого регулярного соответствия между классификацией форм по их структуре и по системе граммати-

ческих значений (одному типу форм может соответствовать несколько грамматических значений, и, наоборот, одно грамматическое значение может быть связано с несколькими структурными типами; или иначе: определенная форма может не иметь того грамматического значения, которое она «должна иметь» в соответствии со своей структурой, а имеет другое не обусловленное структурой значение). Можно сказать, что категории ведийского глагола недостаточно грамматичны. К этому следует еще добавить, что не все парадигмы полностью сформировались в ведийском языке, и некоторые из них находятся в периоде становления.

Показательно, что из названных ранее грамматических категорий, совокупность которых характеризует глагол как класс, ни одна не является обязательной для всех без исключения форм. Даже самые экстенсивные из них — категории вида и времени, не свойственны абсолютивам и некоторым инфинитивам, а каузативность, выражаемая всеми глагольными формами, принадлежит скорее не к грамматическим категориям, а к словообразованию (так называемое производное спряжение). Таким образом, единственной структурной единицей, объединяющей все эти многочисленные формы в одну систему, является корень глагола.

Категория лица глагола так же, как и у местоимения, складывается из противопоставления трех граммем: 1-го, 2-го и 3-го лица (см. с. 240). Эта категория выражает лицо субъекта действия.

Категория числа глагола, подобно соответствующей категории имени, образуется противопоставлением трех граммем: единственного, множественного и двойственного числа (см. с. 191 сл.). Она выражает число субъекта действия.

Категория залога складывается из противопоставления двух граммем: активного и медиального залогов. Эта оппозиция регулярно выражается во всей системе личных форм глагола посредством двух разных серий окончаний: активных и медиальных, присоединяемых к основе времени или наклонения. У ряда причастий способом выражения залогового противопоставления служат словообразовательные суффиксы.

Содержательная интерпретация глагольной диатезы, по Панини, такова, что активный залог представляет собой «слово для другого» (*parasmaipada-*), а медиальный — «слово для себя» (*atmanepada-*), или, в соответствии с уточнением Бенвениста, в активном залоге глаголы означают процесс, исходящий от субъекта и внешний по отношению к нему, а в медиальном залоге — процесс, развивающийся в субъекте, и субъект является внутренним по отношению к процессу.

В духе этой диатезы легко интерпретируется та часть фактов — она находится в ее центре, — когда один и тот же глагол употребляется и с активными, и с медиальными окончаниями.

Вот некоторые примеры: *yād aṇṇāmi bālaṃ kurve* (AB, VI, 135,1) 'Когда я ем, я создаю себе силу'— *tūbhyam brāhmaṇī vārdhanā kṛṇōmi* (VII, 22,7) 'Я создаю для тебя подкрепляющие молитвы', *nā nāthitō vīndate marḍitāram* (X, 34,3) 'Несчастный не находит сочувствующего'— *nāhām vīndāmi kitāvāsya bhōgam* (ib.) 'Я не нахожу пользы в игре', *daṣasyāntā mānave pūrvayām divi yāvam vṛkeṇa karṣathaḥ* (VIII, 22,6) 'Вы двое (Ашвинов), преданные человеку, утром рано пашете ячмень на волке'— *akṣair mā divyaḥ kṛṣim it kṛṣasva* (X, 34,13) 'Не играй в кости! Паши (свою) ниву'.

Кроме этого есть ряд глаголов, которые спрягаются только в активном залоге, как *as-* 'быть'; *jīv-* 'жить', 'пребывать', 'править'; *kṣip-* 'бросать', 'кидать'; *gā-* 'идти'; *nṛt-* 'танцевать'; *pat-* 'летать'; *bhā-* 'светить'; *rāj-* 'править'; *sṛp-* 'ползти'; *sidh-* 'помогать' и другие, среди которых, помимо ряда глаголов движения, можно выделить группу глаголов, обозначающих различные деструктивные действия: *kṛt-* 'расщеплять', *brh-* 'вырывать', *mar-* 'разбивать', *ruj-* 'ломать', *rup-/luṣ-* id., *vadh-* 'убивать', *vyadh-* 'пронзать', *vraṣc-* 'рубить', *ṣas-* 'резать'.

Менее многочисленны глаголы, которые спрягаются только в медиальной флексии, как *ās-* 'сидеть', *iṣ-* 'владеть', 'повелевать', *ūh-* 'замечать', *kṣam-* 'терпеть', *dhav-* 'течь', *ramb-* 'висеть', *man-* 'думать', *labh-* 'получать', *vas-* 'надевать', *ṣi-* 'лежать' и др.

У этих двух групп глаголов исключительное употребление активной или медиальной флексии определяется, по-видимому, прежде всего лексическим значением корня, хотя далеко не всегда характер этой связи ясен.

Выбор активной или медиальной флексии может зависеть от употребления глагола с наречием-префиксом (даже если это самостоятельное слово и связь чисто семантическая). Например, глагол *sthā-* 'стоять', 'находиться' спрягается преимущественно в активном залоге без префиксов и с префиксами, в медиальном залоге он встречается почти исключительно с префиксами (*vi+sthā-* 'расширяться', 'распространяться'— med., *upa+sthā-* 'присутствовать', 'приближаться'— med.); та же ситуация у глагола *dā-* 'давать', у которого медиальный залог связан прежде всего с префиксом *ā*, меняющим лексическое значение: *ā+dā-* 'брать' и т. п.

Употребление активной или медиальной флексии может быть обусловлено типом основы глагола. Классическим является соответствие медиального презенса активному перфекту, например: *pādyate*— *paṇḍa*, *pad-* 'идти'; *pāyate*— *piṇḍa*, *pi-/pi-* 'набухать'; *mōdate*— *mimōda*, *mud-* 'радоваться' и т. п.

Разные типы основ аориста в неодинаковой степени сочетаются с активной и с медиальной флексией. Так, основа тематического аориста редко соединяется с медиальной флексией, у аориста на *-sa-* в медиальном залоге употребляются только

формы 3-го лица, а у аориста на *-siṣ-* — только модальные формы (оптатив). При наличии нескольких типов презентных основ к медиальной флексии тяготеет тематический тип. Особое распространение получила форма 3 pl. на *-anta*.

С противопоставлением активной и медиальной флексии, иногда — но не обязательно — сопровождаемым противопоставлением разных типов презентных основ, может быть связана оппозиция переходного и непереходного значения¹.

С медиальной флексией, особенно за пределами презенса, может быть связано медио-пассивное или пассивное значение. Вот некоторые примеры: *mā hāsmahi prajāyā mā ta-rābhīr* (X, 128,5) 'Да не будем мы покинуты ни потомками, ни (своими) телами!', *āstodhvaṃ stomyā brāhmaṇa me* (I, 124,13) 'Вы прославлены, о достойные восхваления, моей молитвой', *ayasmāye drupadé bedhiṣe* (AB, VI, 84,4) 'Ты привязан к железному столбу'.

Таким образом, во многих случаях медиальные формы не находятся в строгой семантической оппозиции с активными формами, и вся оппозиция приближается по своему характеру к словообразовательной.

В целом надо сказать, что медиальная флексия является отмеченной по отношению к активной и более редкой (соотношение 1:3).

В ведийском языке существует также формальный способ выражения страдательного залога, пассива, но в основе его структурного и семантического отождествления лежат совсем иные принципы, чем у рассмотренной выше диатезы. Регулярная парадигма пассива существует только в системе презенса, точнее, в презенсе (пассив является развитием одного из типов презентных основ: IV класса, характеризуемого суффиксом *-ya-*, и отличается от него только местом ударения), к которому при- мыкают несколько форм имперфекта 3-го лица. Эта парадигма пассива использует медиальную флексию. Среди неличных форм существуют причастия страдательного залога, имеющие тоже двойную формальную характеристику: суффикс пассива и суффикс медиального залога. Эти причастия всегда выражают значение страдательного залога, но кроме них то же значение могут иногда выражать просто медиальные причастия, например: *surétasā grāvasā tūñjamāna...* (III, 1,12) 'приводимые в движение славой прекрасного семени...' и др.

В итоге можно сказать, что если в семантическом плане в ведийском языке существует противопоставление активного залога не только медиальному, но также и пассивному по признакам «необращенность на объект действия» (пассивный залог) — «обращенность на объект действия» (активный залог), то в формальном плане эти оппозиции принадлежат разным уровням. Диатеза активного и медиального залогов принадлежит к уров-

¹ Подробнее см. в разделе «Лексика», с. 50 сл.

ню формообразования, а противопоставление активного залога пассивному, действительное для некоторой части глагольных форм, целесообразно рассматривать на уровне словообразования.

Категория наклонения ведийского глагола складывается из противопоставления следующих граммем: индикатива (изъявительного наклонения), императива (повелительного), оптатива (желательного), субъюнктива (сослагательного) и инъюнктива. Следует упомянуть еще одно наклонение — кондиционалис (условное или ирреальное), но для этого периода развития языка его вряд ли нужно принимать во внимание как элемент системы, поскольку в самхитах оно представлено всего лишь одной формой в РВ.

Инъюнктив противопоставлен остальным наклонениям по иному принципу, чем все они друг другу, и поэтому выпадает из данной системы оппозиций и будет рассмотрен отдельно. В основе различения системы наклонений в ведийском языке лежат оппозиции трех пар дифференциальных признаков: «условность—безусловность», «направленность—ненаправленность» и «автономность—неавтономность». Первая пара признаков служит для отождествления индикатива как безусловного (прямого) наклонения в отличие от трех остальных наклонений как условных (косвенных), т. е. выражающих такое действие, реальность которого не утверждается. С помощью второй пары признаков императив противопоставляется прочим наклонениям как направленный ненаправленным. Третья оппозиция имеет меньший объем, чем две предыдущие. Она служит для идентификации оптатива и субъюнктива и иррелевантна для индикатива и императива. Оптатив, основное значение которого — выражение желания, интерпретируется посредством этой оппозиции как действие автономного характера, не соотнесенное ни с какими другими обстоятельствами (он выражает только волю говорящего), в отличие от субъюнктива, который тоже выражает условное действие, но это действие соотнесено еще с другими обстоятельствами (значение субъюнктива может подчеркиваться модальными наречиями типа «возможно», «по-видимому», «конечно» и т. п.).

Пересечение дифференциальных признаков этих трех оппозиций дает следующий объем инвариантных значений наклонений в ведийском языке. Индикатив как наименее маркированное наклонение является безусловным и ненаправленным, императив, наоборот, предстает как условное и направленное наклонение. Для отождествления этих наклонений необходимы и достаточны две оппозиции дифференциальных признаков. Оптатив и субъюнктив обладают большим объемом, так как для их идентификации используются три оппозиции. Оптатив является условным, ненаправленным, автономным. Он маркирован по отношению к субъюнктиву — условному, ненаправленному и неавтономному.

Структуру граммем наклонения можно изобразить в виде таблицы (табл. 6).

Таблица 6

Наклонение Дифференциальные признаки	Инди- катив	Импе- ратив	Оптимив	Субъ- юнктив
Условность—безусловность	—	+	+	+
Направленность—ненаправленность	—	+	—	—
Автономность—неавтономность	0	0	+	—

Индикатив представлен наиболее обширной системой форм, включающей все возможные в ведийском языке видо-временные противопоставления. Действие трактуется как реальное, безусловно происходящее в настоящем, прошедшем и будущем. Вот некоторые примеры: *eṣā... sōmaḥ punānō arṣati* (IX, 28,6) 'Этот Сомат течет, очищаясь', *āhann āhim ānv apās tatarda | prā vakṣānā abhinat pārvatānām* (I, 32,1) 'Он убил дракона, он просверлил отверстия для рек, он рассек чресла гор', *glaur itāḥ prā paṭiṣyati | sā galuntō naṭiṣyati* (AB, VI, 83,3) 'Нарост улетит отсюда прочь. Он исчезнет из горла'.

Формы косвенных наклонений образуются от временных основ изъявительного наклонения. Особенность ведийского языка состоит в том, что они образуются не только от основы презенса, хотя от нее по преимуществу, но также и от других основ: аориста и перфекта. Никакой разницы в значении между формами одного наклонения от разных временных основ нет, например: *yōktrāṇi miñcata* (III, 33,13) 'Отпустите построжки!', *evāsmād agne vi tumugdhi pācān* (V, 2,7) 'Так распусти с нас петли, о Агни!', *tē na āsnō vfkāṇām ādityāso tumōcata* (VIII, 67,14) 'О Адиты, освободите нас из пасти волков!' от глагола *mis-* 'отпускать', 'освобождать'.

Обращает на себя внимание та особенность, что формы косвенных наклонений почти не встречаются от основы футурума. Дело не только в том, что футурум редок в ранневедийском языке (PB), но также и в том, что он является в отличие от настоящего и прошедших времен полумодальной формой.

Императив образуется от временной основы и характеризуется особым типом чередования гласных (у тех глаголов, которым оно свойственно) и особыми окончаниями в некоторых формах, а именно: 2,3 sg., 3 pl. Его парадигма неполная: в I-м лице ее восполняют соответствующие формы сослагательного наклонения.

Инвариантное значение императива в текстах реализуется прежде всего как выражение приказа, побуждения, просьбы, пожелания. Эти значения наиболее отчетливо прослеживаются

во 2-м лице. Вот некоторые примеры: *sá tvam vipraya dācūse | rayīm dehi sahasrīṇam | āgne vīrāvatīm iṣam* (VIII, 43,15) 'Дай ты искусному в речах почитателю тысячное богатство, о Агни, подкрепление, состоящее из героев!', *ayām hótā prathamāḥ | pācyatemām* (VI, 9,4) 'Вот первый хотар — взгляните на него!'

К императиву непосредственно примыкают по значению изолированные, непарадигматические формы 2 sg. с окончанием презенса *-si*, например: *ā deva devān yajāthāya vakṣi | sākṣhā sākṣhīn sumānā yakṣu agne* (III, 4,1) 'Привези, о бог, богов на жертвоприношение! Как друг благожелательный почитай друзей, о Агни!'

Императив не встречается обычно с отрицаниями и очень мало употребителен в придаточных предложениях (в отличие от субъюнктива, являющегося типичным косвенным наклонением придаточных предложений).

Оптатив образуется от временной основы с помощью характерного суффикса — *yā/-i-*, чередующегося там, где это предусмотрено типом глагольной основы, и выступающего в виде неизменной формы *-i-* у неизменяемых основ. Кроме того, существует разновидность оптатива, образуемого только от одного из типов основ прошедшего времени — сигматического аориста, а именно, так называемый *прекатив*, или *бенедиктив*, который характеризуется суффиксом *-yās/-is-* (т. е. суффикс оптатива + *-s-* — показатель аориста) и который ограничивается исключительно выражением желания.

Главное инвариантное значение оптатива реализуется в виде выражения желания. Именно в этом значении он большей частью употребляется в самостоятельных предложениях. Как отмечалось исследователями, в разных грамматических лицах оптативу могут быть свойственны особые дополнительные оттенки желания: желание, касающееся говорящего, в 1-м лице, просьба или пожелание во 2-м лице, оттенок возможности, эвентуальности в 3-м лице. Вот некоторые примеры: *tvāyā vājam vījayānto jayemābhi syāma pṛtsutīr mārtyīnām* (V, 4,1) 'С тобою да завоюем мы добычу как добытчики, да устоим мы против нападений смертных', *ā no vavṛtyāḥ suvitāya deva* (I, 173,13) 'Пусть повернешь ты нас к благополучию, о бог!', *ādha cāyita nirṛter upāsthē | dhainam vfkā rabhasāso adyūḥ* (X, 95,14) 'Что если он найдет покой в лоне небытия? Что если его сожрут лютые волки?'

В предложениях, выражающих условие, оптатив иногда может приобретать вызванное контекстом значение нереализуемого действия, причем условие может и подразумеваться, например: *rātrībhīr asmā āhabhīr daçasyet | sūryasya cākṣur mūhur ūḥ mīmīyāt* (X, 10,9) 'Ночами и днями она услаждала бы его. В (один) миг обманула бы глаз солнца' (но он против этого). В дальнейшем развитии языка это значение (видимо, как наи-

более периферийное по отношению к инвариантному значению) отходит к другому наклонению — кондиционалису. Тот единственный пример кондиционалиса, который засвидетельствован в РВ, выражает скорее будущее действие, связанное с прошлым, а не ирреальное: *yó vṛtrāya sinam ātrābhariṣyat | prā tāṃ jānitri vidūṣa uvāca* (II, 30,2) 'Родительница предсказала знающему того, кто принес бы Вритре расплату за это'. Оптатив редко употребляется в придаточных предложениях в отличие от субъюнктива.

Субъюнктив образуется от временной основы и характеризуется суффиксом основы — тематическим гласным, способностью соединяться в пределах одного залога с двумя сериями личных окончаний (а не с одной, как это свойственно любой временной основе), причем некоторые из них имеют «утяжеленные» варианты, специфичные для данного наклонения.

Инвариантное значение субъюнктива как наклонения реализуется в выражении различных оттенков модальности: возможности, вероятности, желательности, долженствования, проблематичности действия с явной или — чаще — имплицитной зависимостью от каких-то других обстоятельств. Вот некоторые примеры: *pūnar éhi vṛṣākape | suvitā kalpayāvahai* (X, 86,21) 'Возвращайся снова, Вришакапи, — мы хорошо поладим!', *kaṇiṣṭhikā ca tiṣṭhati | tiṣṭhād id dhamānir mahī* (AB, I, 17,2) 'Когда останавливается самая младшая, непременно остановится и великий сосуд', *prā nū vocā sutēṣu vām vīryā...* (VI, 59,1) 'Хочу я сейчас у выжатых (струй сомы) провозгласить ваши героические деяния' и др.

Субъюнктив нередко употребляется при вопросе и с отрицанием *na*, например: *apām nāpād ācuhēmā kuvit sā | supéçasas karati jóṣiṣad dhī* (II, 35,1) 'Апам Напат, погонщик коней, украсит ли их — ведь он будет радоваться (им)' (или 'Конечно, Апам Напат, погонщик коней, их украсит — ведь он будет радоваться'), *kim abhūg vadāsi* (X, 95,11) 'Что же ты попусти говоришь?', *só cin nū ná marāti | nō vayām marāmāre | asya yójanaṃ hariṣṭhā | mādhu tvā madhulā cakāra* (I, 191,10) 'И он, конечно, не умрет (от яда), и мы тоже не умрем: едущий на золотых конях устранил его действие, сладкое (растение) сделало тебя медом' и др. В этом употреблении также проявляется условное и неавтономное модальное значение субъюнктива.

Субъюнктив является основным наклонением, употребляющимся в придаточных предложениях в ведийском языке, и в этом заключается его главное синтаксическое отличие от императива, который никогда в них не употребляется, и оптатива, который употребляется редко. Вот некоторые примеры: *yām jīvām aṇánvāmahai | ná sā riṣyāti pūruṣaḥ* (X, 97,17) 'Если мы живого застанем, не должен пострадать этот человек', ... *evā nī hanmī te māno | yātha māṃ kāmīnyaso | yāthā mān*

nāpagā āsaḥ (AB, VI, 8,2) '...так и я прибываю мысль твою — чтобы стала ты меня любящей, чтоб не стала ты избегать меня!' и др.

Наиболее частым и наименее модальным значением субъюнктива является выражение будущего времени. Можно сказать, что в РВ — это нормальный способ выражения будущего времени, поскольку футурум редок, в АВ же соотношение меняется в пользу футурума, но субъюнктив по-прежнему не утрачивает этой функции. Вот некоторые примеры: *bahūni me ākṛtā kārtvāni | yūdhyaī tvēna sām tvēna prchai* (IV, 18,2) 'Я должен совершить многие не совершенные (еще деяния). Я буду (или хочу) биться с одним, договариваться с другим', *sā te śātrūn ādharān pādyaīti* (AB, X, 3,3) 'Он повергнет ниц твоих врагов' и др.

Благодаря столь широкому кругу значений и отсутствию ограничений на употребление в простых или сложных предложениях субъюнктив в ранневедийский период гораздо употребительнее, чем оптатив.

Различаясь по совокупности инвариантных значений, все три косвенных наклонения могут быть очень близки друг другу в каком-нибудь одном значении вплоть до синонимичного употребления. Ср., например, при выражении желания или пожелания: *śām agnīr agnībhīḥ karac | śām nas tapatu sūryaḥ* (VIII, 18,9) 'Счастье пусть создаст [subj.] Агни со (многими) Агни, счастье пусть воссветит [iv.] Сурья...', *asmākam astu kēvalaḥ* (I, 70,10) 'Да будет [iv.] он (Индра) только нашим!', *asmākāsad indro vājrahastaḥ* (I, 173,10) 'Да будет (subj.) нашим Индра, с дубиной в руке!', *ā no devāḥ savitā... jagamyāt* (VI, 50,8) 'Да придет [opt.] к нам бог Савитар!', *ā vo gachāti... vāsiṣṭhaḥ* (VIII, 33,14) 'Да придет [subj.] к вам Васиштха!'

Инъюнктив структурно и семантически выпадает из системы наклонений. Он не противостоит индикативу по какому-либо формальному признаку, не имея ни характерного суффикса, ни особой флексии. Фактически инъюнктив можно характеризовать только негативно: это основа презенса или аориста индикатива без аугмента (его употребление вообще факультативно), неспособная соединяться с окончаниями первичной серии.

Инъюнктив в ряде случаев трудно отделим от субъюнктива с кратким *-a-*, и принадлежность конкретных форм к одному или к другому наклонению можно определить, исходя не из структуры данной формы, а из системы противопоставлений всех форм данного глагольного корня.

Столь же неотчетлива семантика инъюнктива. Как было показано в ряде специальных исследований, формы инъюнктива могут выражать очень широкий круг временных и модальных значений. Инъюнктив может в некоторых контекстах выражать

действие общего характера, близкое к общему презенсу (но не к презенсу настоящего момента), например: *viṣṇum stómāsaḥ puruḍasmām arkā | bhāgasyeva kārīṇo yāmani gman* (III, 54,14) 'К Вишну идут восхваления, напевы, к многочудесному, как при выезде удачливого героя', *rāpad gandharvīr āpyā sa yōṣanā | nādāsya nādē pāri pātu me mānaḥ* (X, 11,2) 'Когда шепчет Гандхарви — водяная дева, пусть защитит она мой дух во время рева ревающего (Сомы)' и др.

Инъюнктив может также в определенных контекстах приравниваться по значению к прошедшему времени (опорной является обычно какая-нибудь находящаяся поблизости форма прошедшего времени, снабженная соответствующими показателями этого времени), например: *yāme iva yātamāne yād āitam | prā vām bharan nānuṣā devayāntaḥ* (X, 13,2) 'Когда вы прибыли [impf.], схожие как два близнеца, люди, стремящиеся к богам, вывели [inj.] вас вперед', *ādardar ūtsam āsrjo vī khāni | tvām arṇavān badbadhānān aramṇāḥ | mahāntam indra pārvaṭam vī yād vāḥ | srjō vī dhārā āva dānavām han* (V, 32,1) 'Ты проломил (путь) [impf.] источнику, выпустил течь [impf.] каналы, ты успокоил [impf.] бушующие волны. Когда ты (Индра) раскрыл [inj.] скалу, ты выпустил течь [inj.] потоки. Ты убил [inj.] Данаву' и др.

Нередко инъюнктив близок по значению к футуруму, иногда с легкой модальной окраской, например: *nā nau mātṛā ānuditāsa etē | māyas karan pāratare canāhan* (X, 95,1) 'Эти мысли, оставаясь невысказанными, не принесут нам радости даже в самый отдаленный день', *īndrasya nū vīryāṇi prā vocaṃ* (I, 32,8) 'Я провозглашу (или хочу провозгласить) сейчас героические деяния Индры'.

Таким образом, инъюнктив изофункционален различным временам индикатива. Кроме того он широко употребляется в значениях, синонимичных значениям косвенных наклонений. Подобно императиву, инъюнктив может выражать приказ, побуждение, например: *āsū smā no maghavann indra prtsu | āsmābhyam māhi vārivaḥ sugām kaḥ* (VI, 44,18) 'В этих сражениях создай нам, о щедрый Индра, великий простор и счастливый путь!', *rākṣo agnīm aśuṣaṃ tūrvaṣaṇaṃ* (I, 174,3) 'Охраняй, Агни, Ашушу, Турваяну!' и т. д. В сочетании с отрицательной частицей *mā* инъюнктив выражает запрет, например: *mā no maghēva niṣṣaptī pārā dāḥ* (I, 104,5) 'Не раздай нас, как мот — (свои) богатства!', *āgne sakhyē mā riṣāmā vaṣaṃ tāva* (I, 94,1) 'О Агни, в дружбе с тобой да не потерпим мы вреда!' и др.

Изофункциональность императиву наиболее отчетливо проявляется в формах 2-го лица, в остальных лицах значение инъюнктива часто бывает ближе к оптативу, т. е. инъюнктив выражает желание, пожелание, просьбу, например: *ya jñāṣ sa bhūd vidāthe cārur āntamaḥ* (X, 100,6) 'И жертва пусть будет приятной, близкой для общины', *jūjoṣann in marūtaḥ suṣṭutim*

naḥ (VII, 58,3) 'Пусть возрадуются Маруты нашей прекрасной хвале!' и др.

Инъюнктив употребляется иногда синонимично субъюнктиву и имеет в таких случаях слабое значение эвентуальности, сомнения, возможности и пр., например: *pūrāvaṃ mā mṛthā mā prā pāto | mā tvā vṛkāso ācivāsa u kṣan* (X, 95,15) 'О Пураравас! Ты не должен ни умереть, ни исчезнуть! Злые волки не должны тебя загрызть!', *kuvin po asyā vācaso nibōdhiṣad* (II, 16,7) 'Конечно, он обратит внимание на наше слово' и др.

Покрывая своими значениями значения всей системы времен и наклонений в ведийском языке и тем самым не выражая ни временных, ни модальных различий, инъюнктив противостоит всем этим категориям, вместе взятым. Высказывались соображения о том, что, в отличие от форм, выражающих время и модальность и описывающих действие, инъюнктив лишь упоминает его (меморатив). Согласно другой точке зрения, инъюнктив выражает недифференцированно только связь деятеля с действием в категориях лица и залога, в то время как остальные глагольные формы дифференцируют действие по временам и наклонениям.

Как бы то ни было, уже в РВ инъюнктив является архаизмом, используемым в стилистических целях. Он употребляется часто в повествовании о мифических событиях, в которых различие действий по временам и наклонениям может быть сведено к минимуму. После РВ инъюнктив быстро исчезает и в дальнейшем сохраняется только с одним значением: 2-го лица единственного числа при выражении запрета.

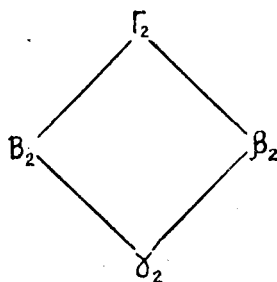
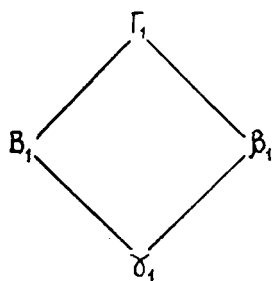
В целом глагольные формы, реализующие разные оттенки косвенной модальности, заметно преобладают в ранневедийском языке над формами индикатива. Это объясняется семантикой такого текста, как РВ, в гимнах которой содержатся многочисленные просьбы к богам, пожелания, проклятия и т. п., а изложение, описание отступает на второй план. Когда же дело доходит до изложения, то описываются преимущественно мифические события, которые в ведийской модели мира имеют общий, вневременной характер (языковое выражение этого — инъюнктив), в связи с чем формы индикатива и здесь играют вспомогательную роль.

В морфологическом плане влияние семантики текста проявляется в том, что у многих глаголов не установлена или установлена весьма неполно парадигма индикатива с его противопоставлением временных основ, чему способствует также неразличение временных противопоставлений между косвенными наклонениями, образованными от разных основ.

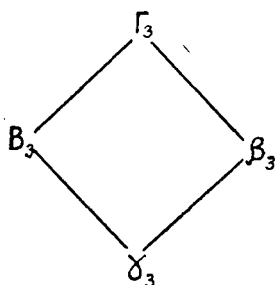
Категории вида и времени ведийского глагола целесообразно описывать с помощью предложенной Куриловичем универсальной схемы противопоставления видов, состоящей из четырех членов: В (несовершенный) — β (совершенный) — Г (нейтраль-

ный) — γ (сложный — состояние), которая, будучи соотнесенной с моментом речи, дает три возможных варианта реализации: в настоящем, прошедшем и будущем времени (схема 4). При этом будущее время находится не на одной линии с настоящим и прошедшим, поскольку сочетает в себе не только временное, но и модальное значение. В силу этого наиболее корректным противопоставление видовых различий бывает в связи с планом настоящего и прошедшего времени.

Схема 4

I [Связь с моментом речи] II [Связь с моментом прошлого]

III [Связь с моментом будущего]

В свою очередь чисто временные противопоставления, т. е. соотнесенность с моментом речи: предшествование ему (прошедшие времена), следование за ним (будущее время) или совпадение с ним (настоящее время) можно описать в виде пересечения двух пар дифференциальных признаков: «претеритальность—непретеритальность» и «гипотетичность—негипотетичность» (последняя пара признаков моделирует модальный характер противопоставления будущего времени прочим граммемам времени).

Категории вида и времени в ведийском языке образуются оппозициями следующих шести граммем: презенса, имперфекта,

аориста, перфекта, плюсквамперфекта и футурума. Из них плюсквамперфект участвует лишь в формальной оппозиции граммем (и то во многих случаях недостаточно отчетливо), семантически же не является самостоятельным членом какой-либо оппозиции, совпадая по значению то с имперфектом, то с аористом. В связи с этим плюсквамперфект не будет приниматься во внимание в схеме содержательной интерпретации видо-временных оппозиций.

В ведийском языке используется редуцированный вариант максимальной схемы противопоставлений, в котором презенс выступает в функции Γ_1 и V_1 , имперфект — в функции Γ_2 и V_2 , аорист — β_1 , β_2 , перфект — γ_1 , γ_2 и футурум — в функции Γ_3 , V_3 , ρ_3 , γ_3 .

Точно так же нет одно-однозначного соответствия между рядом граммем и бинарными оппозициями дифференциальных признаков времени. Так, аорист и перфект могут быть претеритальными в одной части случаев и непретеритальными в другой. Обе эти граммеы негипотетичны. Презенс непретеритален и негипотетичен, имперфект претеритален и негипотетичен, футурум непретеритален и гипотетичен. Все граммеы времени маркированы по отношению к презенсу, характеризуемому двумя признаками с отрицательным значением.

Таковы инвариантные значения временных основ, образуемые пересечением трех оппозиций, моделирующих видовые и временные различия. Употребляясь в текстах, эти основы реализуют свои системой обусловленные значения в ряде вариантов.

Презенс может выражать актуальное настоящее время, совпадающее с моментом речи, нейтрального или несовершенного вида, например: *út te stabhnāmi prthivīm* (X, 18,13) 'Я укрепляю землю над тобой' — фраза, сопровождаемая действием в погребальном обряде; *yákṣmaṁ mātasnābhyāṁ plīhnó yaknás te ví vṛhāmasi* (AB, II, 33,3) '...якшму из почек, из селезенки, из печени мы вырываем у тебя!' — фраза из заговора против болезни якшмы, сопровождаемая магическим действием.

Презенс выражает также настоящее время общего характера, универсальную истину, например: *pūrvāparāṁ caratamāyáyaitau | śiṣū krīṇantau pári yāto adhvarām | vícvaṇy anyó bhūvanābhicāṣṭa | ṛtūñr anyó vidádhaḥ jāyate pūnaḥ* (X, 85,18) 'Один за другим, сменяя друг друга, движутся эти двое. Как играющие дети, обходят они место жертвоприношения. Один озирает все существа, другой рождается снова, устанавливая времена года' — космическая загадка о солнце и месяце.

Презенс может выражать прошедшее время в повествовании о прошлом для более живой репрезентации событий. Употребляясь в этом значении, глагол в презенсе часто сопровождается наречием *purá* 'прежде', 'раньше' и эмфатическими частицами (*ha*) *sma*, например: *saṁhotrāṁ sma purá nāri | sámāṇaṁ vāva gachati | vedhā rtāsya vīriṇḍrapatnī mahīyate* (X,

86,10) 'Раньше (эта) женщина ходила на общее жертвоприношение или на праздничное собрание. Ее возвеличивали как устроительницу порядка, супругу героя, жену Индры'.

Презенс иногда выражает ближайшее будущее, например: *nó áha prá vindasy anyátra sómapitaye* (X, 86,2) 'Нет, не найдешь ты и в другом месте сомы для питья'.

Презенс, наконец, может под влиянием контекста (в частности в условных предложениях) приобретать модальные оттенки значения, близкие к оптативу или субъюнктиву, например: *yádi sthá kṣetriyānām | yádi vā pūruṣeṣitāh | yádi sthá dāsyubhyo jātā | nácyatetāh sadānvāh* (AB, II, 14,5) 'Если вы возникли с полей или если были посланы людьми, если вы были рождены от дасью — исчезните отсюда, о Саданвы!'.

Имперфект выражает действие нейтрального или несовершенного вида в прошедшем времени. Он не выражает связи с настоящим в отличие от аориста и перфекта и употребляется как время повествования об отдаленном прошлом, часто о мифических событиях. Фактически здесь имеет место перенесение основы презенса в план прошедшего. Вот некоторые примеры *devāsa āyan paraçāñr abibhran | vānā vṛccānto abhi viḍbhīr āyan* (X, 28,8) 'Боги отправились. Они несли топоры. Рубя деревья, они выступили вместе с племенами', *sām it tān vṛtra-hākhidat | khé arāñ iva khedayā | prāvṛddho dasyuhābhavat | ékayā pratidhāpibat | sākām sārāṃsi triṃcātām | indraḥ sómasya kāṇukā* (VIII, 77,3—4) 'Убийца Вритры сдал их всех вместе, как спицы (колеса) — во втулке. Возросши, стал он убийцей дасью. В один глоток, сразу, Индра выпил тридцать озер бурлящего (?) сомы'.

Аорист выражает действие совершенного вида. Во временном плане он обозначает действие, которое только что завершилось на глазах у говорящего, и таким образом является прошедшим, входящим в настоящее, например: *vyuchāntī hí raçmibhir | víçvam ābhāsi rocanām | tām tvām uṣar vasūyāvo | gīrbhīh kāṇvā ahūṣata* (I, 49,4) 'Ведь сверкая лучами, ты озаряешь все небо — вот и призвали тебя (сейчас) хвалебными песнями потомки Канвы' (из цикла песен Канвов), *ājaiṣmadyāsanāma cābhūmānāgasō vayām* (VIII, 47,18) 'Мы победили сегодня и достигли цели. Мы стали безгрешными'.

Аорист констатирует действие в прошлом, в связи с чем это действие субъективно представляется как точечное независимо от объективного характера его протекания, например: *ājaiṣam sārvañ ājñ vo | nácyatetāh sadānvāh* (AB, II, 14,6) 'Я выиграл все ваши забеги — сгиньте отсюда, о Саданвы!', *āçravam hí bhūridāvattarā vām | víjāmātur utā vā ghā syālāt* (I, 109,2) 'Я ведь слышал о вас двоих, что вы более щедрые дарители, чем какой зять или шурин'.

Аорист может обозначать действие, которое фактически еще не совершилось, но представляется как завершенное. Как отме-

чалось исследователями, такой «аорист предвосхищения» часто употребляется в заговорах АВ, например: *āré abhūd viṣām araud viṣé viṣām aprāg āpi* (АВ, X, 4,26) 'Далеко стал (яд). Он остановил яд. Он подмешал к яду яд' (заговор против змеиноного яда), *ābhūd u prārthas takmā sā gamiṣyati bāhikān* (АВ, V, 22,9) 'Вот, стала готовой лихорадка. Она уйдет к балхикам' (заговор против лихорадки).

Перфект выражает видовое значение состояния. В некоторых своих значениях он плохо вписывается в схему временных противопоставлений, выражая вневременное состояние, например: *yó naḥ pitā janitā yó vidhātā | dhāmāni véda bhūvanāni vícvā* (X, 82,3) '(Тот) — наш отец, родитель, кто устроитель, кто знает все состояния и существа' (или 'кому известны'), *bibhāyā hí tvāvata | ugrād abhiprabhaṅgiṇaḥ | dasmād ahām ṛtiśahaḥ* (VIII, 45,35) 'Боюсь я такого, как ты, грозного проломителя, я — кудесника несокрушимого' (или 'мне страшно перед таким, как ты...').

Перфект часто выражает состояние, достигнутое в результате завершившегося действия, охватывая таким образом настоящее и будущее, связь с настоящим во многих случаях бывает имплицитной, например: *agnīm stoṣāny ... yó bhānūnā prthivīm dyām utémam | atātāna ródasī antāriṣam* (X, 88,3) 'Я хочу прославить Агни..., который (своим) светом протянулся через землю и через это небо — через два мира и через воздушное пространство' (т. е. «и вот мы видим все это»).

К этому значению близок другой семантический оттенок, свойственный перфекту, — констатация действия, например: *naṣṭāsavo naṣṭāviṣā | hatā indreṇa vajriṇā | jaghānēndro jaghnimā vauām* (АВ, X, 4,12) 'Погибла (у них) жизненная сила, погиб яд. Убиты Индрой — громовержцем. Убил Индра. Убили мы'; ср. предикативное употребление причастий совершенного вида наряду с формами перфекта.

В этой функции перфект близок к значению аориста. Если две эти граммы времени употребляются в одном контексте, то аорист. противостоит обычно перфекту как упоминание недавнего прошлого в отличие от констатации давно совершившегося действия, например: *anáyāhām óṣadhyā | sārvaḥ kṛtyā adāduṣam | yām kṣétre cakrūr yām gōṣu | yām vā te pūruṣeṣu* (АВ, IV, 18,5) 'Этой травой я испортил [аор.] все колдовство, что сотворили [pf.] в поле, в коровах, или что в твоих людях'.

Перфект, наконец, широко употребляется как время повествования о прошлом наряду с имперфектом, для обозначения, как отмечалось исследователями, наиболее важных мифологических действий. Это значение очень близко к функции констатации действия в прошлом, например: *vāneṣu vy āntāriṣam tatāna | vājam árvatsu páya usriyāsu | hr̥tsú krátum vāruṇo apsv āgnīm | divi sūryam adadhāt sómam ádrau* (V, 85,2) 'Среди деревьев протянул [pf.] он воздух, волю к победе Ва-

руна (вложил) в скакунов, молоко — в коров, разум — в сердце, Агни — в воду, солнце поместил [impf.] на небо, Сому — на скалу’.

Плюсквамперфект не имеет самостоятельного значения, совпадая то с одной, то с другой граммемой прошедшего времени, например: *úd u śyá deváh savitá yaúma | hiraṇyáútm amátim yám āçīcret* (VII, 38,1) ‘Вот тот бог Савитар простер высь [pf.] (свой) золотистый образ, который он распространил [plusq.]’, *kás te mātáram vidhāvām acakrac | chayúm kás tvám ajighāmsac cārantam | kás te devó ádhi mārḍiká āsīd...* (IV, 18,12) ‘Кто сделал [plusq.] вдовую твою мать? Кто хотел убить [impf.] тебя, лежащего или идущего? Что за бог пожалел [impf.] тебя...?’.

Ф у т у р у м обозначает действие ожидаемое, которое должно произойти по желанию субъекта в будущем, причем будущее может быть ближайшим или отдаленным. Эта граммема времени имеет сильную модальную окраску, например: *yád aṅgá dāçúše tvám | ágne bhadráṁ kariṣyasi...* (I, 1,6) ‘Если уж ты, Агни, пожелаешь сделать добро чтущему тебя...’, *grīvās te kṛtye pádau cāpi kartsyāmi nīdrava* (X, 1,21) ‘Я разрублю тебе, порча, кости на затылке и ноги. Удирай!’.

Понять функционирование системы времен ведийского глагола помогает предложенное Бенвенистом различие двух планов сообщения: плана истории и плана речи. Исторический план сообщения, для которого характерно повествование о событиях прошлого без учета говорящего, включает в ведийском языке имперфект и плюсквамперфект по преимуществу, перфект в функции времени повествования, констатирующего события прошлого. Из прошедших времен аорист принадлежит главным образом к речевому плану. Речевой план использует в принципе все времена, притом что граммемы прошедшего времени входят в этот план лишь в определенных своих функциях (например, перфект как выражающий состояние) или только в формах 1-го и 2-го лица.

Аугмент -а. Аугмент *a* является формальным показателем прошедшего времени. Он префигируется к корню или к слогу удвоения, если таковой имеется. При наличии неотделимого префикса аугмент занимает место между этим префиксом и корнем или соответственно слогом удвоения, например: *pari-á-yās* ‘ты обошел вокруг’ от *pari+yā-*, *adhy-á-sthāt* ‘он поднялся’ от *adhi+sthā-*, *ādatta* ‘он взял себе’ (<*ā + á + datta*) от *ā + dā-* ‘брать’ и др. Аугмент всегда несет на себе ударение.

Аугмент употребляется в имперфекте, аористе и плюсквамперфекте. Аугментные формы всегда имеют вторичные окончания.

Присоединение аугмента к корню характеризуется в некоторых случаях особыми правилами сандхи. Если корень начинается с гласных *i-*, *u-*, *ṛ-*, то в сочетании с ними аугмент образует

гласные не ступени гуна, т. е. *e*, *o*, *ar*, а ступени вриддхи т. е. *ai*, *au*, *ār*, те, которые в мантрах произносятся обычно в два слога с зиянием, например: 3 sg. impf. act. *ait* от *i-* 'идти', 3 pl. impf. med. *aiśanta* от *iś-* 'посылать', 3 pl. impf. act. *aukṣan* от *ukṣ-* 'кропить', 3 sg. impf. act. *aiṇat* от *ud-* 'бить ключом', 3 sg. aor. med. *ārta* от *r-/ar-* 'приводить в движение', 3 pl. impf. act. *ārdan* от *rd-* 'сотрясать', 'уничтожать' и др.

Перед корнями, начинающимися с *v-*, *y-*, *r-*, *n-*, аугмент может иногда подвергаться удлинению, например: 2, 3 sg. aor. act. *āvar* от *var-* 'покрывать', 1 sg. impf. *āvṛṇi* от *vṛ-* 'выбирать', 2, 3 sg. impf. act. *āvṛṇak* от *vṛj-* 'поворачивать', 'скручивать', 3 sg. impf. act. *avidhyat* от *vyadh-/vidh-* 'пронзать', 3 sg. impf. act. *āyinaḥ* от *yuj-* 'запрягать', 2, 3 sg. aor. *āraik* от *ric-* 'оставлять', 3 sg. aor. act. *ānaḥ* от *naç-* 'достигать'. В большинстве случаев в аналогичной ситуации удлинения аугмента не происходит.

Аугмент в ведийском языке часто отсутствует у форм вторичными окончаниями. В РВ безаугментные формы преобладают над аугментными, в связи с чем нередко говорят о факкультативном характере аугмента. Между тем это выражение нельзя признать точным, поскольку безаугментные формы со вторичными окончаниями, т. е. формы инъюнктива, по значению не равны аугментным формам. Семантически они гораздо шире снабженных аугментом форм прошедших времен и помимо претеритального значения способны выражать также и другие временные и модальные значения.

В дальнейшем развитии языка аугмент становится обязательным для соответствующих форм прошедшего времени.

Редупликация. Редупликация, или удвоение корня, является формальным средством характеристики ряда глагольных образований: одного из типов презентных основ (III класс), одного из типов аориста, системы перфекта (т. е. перфекта, плюсквамперфекта и причастий от основы перфекта), деизидеративов и интенсивов. Каждое из этих образований имеет специфические особенности редупликации, но, кроме того, существуют общие характерные черты редупликации как таковой, проявляющиеся во всех ее видах.

Редупликация заключается в частичном или полном повторении корня глагола, которому слог редупликации предшествует. Полная редупликация встречается только у интенсивных глаголов, во всех же остальных типах основ, знающих редупликацию, она бывает частичной, что и принимается за норму (редупликация интенсивных глаголов считается усиленной).

При обычной редупликации слог редупликации состоит из одного начального согласного корня и гласного. Это воспроизводит по определенным правилам начало корня, оканчивающегося на согласный, и весь корень, если он кончается на гласный, например: *par-*, рг. *pī-par-ti*; *çis-*, pf. *çi-ços-a*; *riṣ-*, inj.

aor. *rī-riṣ-at*, des. *ri-rik-ṣa-ti* или *mā-*, pr. *mī-mā-ti*; su-, pf. *su-ṣāv-a*; nī-, pf. *nī-nāy-a*. Характер гласного удвоения зависит от типа редупликации.

Если корень начинается с гласного, то удваивается этот гласный. В ряде случаев это дает долгий начальный гласный, как, например: *as-*, pf. *āsa* (<*a+as+a*); *av-*, pf. *āva* (<*a+av+a*) и др., хотя здесь возможны многочисленные рефлексy.

Начальные согласные корня в слове удвоения подвергаются регулярным фонетическим изменениям. Гуттуральным согласным корня, а также *h* соответствуют палатальные слога редупликации, например: *kar-*, pf. *caḱāra*; *gam-*, pf. *jaḡāma*; *hu-*, pr. *juhoti*. Придыхательным согласным корня соответствуют непридыхательные в удвоении, например: *dhā-*, pr. *dadhāti*; *bhū-*, pf. *babhūva*; ср. комбинацию этих двух правил в случае гуттуральных придыхательных: *khād-*, pf. *caḱhāda*; *ghar-*, pr. *jighartī*.

Если корень начинается сочетанием двух согласных, то удваивается первый из них, кроме сочетания «сибилянт+смычный», когда удваивается второй, смычный, согласный, например: *trā-*, pf. *tatre*; *dhvas-*, pf. *dadhvase*; *syand-*, aor. *asiṣyadat*, но *sthā-*, pr. *tiṣṭhati*; *stu-*, aor. *atuṣṭavat* (некоторые особенности в этом отношении наблюдаются у интенсивов).

Ударение и чередование гласных. Известная особенность ведийского глагола в отношении ударения заключается в том, что ударный или безударный характер личной глагольной формы определяется на синтаксическом уровне. Общее правило таково, что глагол бывает безударным в самостоятельном предложении и в главном предложении в составе сложного, а ударным — в придаточном предложении. Согласно частному правилу, глагол в главном предложении приобретает ударение, если находится в начальной позиции, сильной в акцентном отношении² (ср. ударный характер звательной формы имени в этом положении). В соответствии с другим частным правилом глагол в метрических текстах должен быть ударным в начале пады независимо от требований синтаксического уровня.

Парадигматическую характеристику ударения следует давать на морфологическом уровне. Атематическим глаголам (как и именам) свойственно при спряжении перемещение ударения между основой и окончанием, чему большей частью, но не обязательно, соответствует чередование гласных. В сильных формах ударение падает на основу (на корневой гласный или на чередующийся гласный суффикса), в слабых формах — на окончание. В аугментных формах независимо от того, сильные они или слабые, ударение всегда приходится на аугмент. При редупликации место ударения в сильных формах определяется до известной степени классом основы (в интенсивах всегда, в пре-

² Подробнее см. в главе «Синтаксические структуры».

зенсе большей частью оно падает на слог редупликации, а в перфекте — на корневой слог).

Чередование гласных, характерное для атематических основ, происходит между сильными и слабыми формами в пределах одной парадигмы, а именно, между единственным и неединственным числом в активном залоге, или между парадигмами двух разных залогов в пределах одной граммы времени. Сильными являются формы 1, 2, 3 sg.indic.pr. и impf.act. (и соответствующие формы инфинитива, имеющего основу презенса); 1 sg.du.pl.iv.act. и med., 3 sg.iv.act. За пределами системы презенса и императива чередования происходят между парадигмами активного и медиального залога: сильные формы в активном залоге — слабые в медиальном (в определенных типах аориста, перфекте, оптативе).

В сильных формах чередующийся гласный обычно бывает представлен ступенью гуна (редко вриддхи), в слабых формах — слабой ступенью (редко гуна). Если чередование происходит в суффиксах основы, то предшествующий ему корень всегда представлен слабым звуковым видом. В тематической парадигме субъюнктива всюду засвидетельствована ступень гуна.

В корнях сет между корнем в ступени гуна и суффиксом основы или окончанием используется соединительный гласный *-i-* перед начальным аффиксальным *-s-* (в аористе на *-s-*, футуруме на *-sya-*, деизидеративах на *-sa-*) обязательно и перед начальным *-t-* (в неизменяемых и именных формах глагола: абсолютивах на *-tvi* и *-tvā*, инфинитивах на *-tave*, *-tavai*, *-tum*; причастиях на *-ta-*, *-tva-*, *-tavuya-*; именах деятеля на *-tar-*), а также в некоторых других случаях. Корни анит присоединяют к себе аффиксы и окончания без посредства соединительного гласного. В целом древнее различие в типе чередования между корнями сет и анит в ведийском языке уже достаточно затмевлено, в связи с чем *-i-* можно описывать не как составную часть корня определенной структуры, а как элемент, обладающий некоторой самостоятельностью. У ряда корней соединительный гласный бывает долгим; долгим он бывает регулярно в окончаниях 2 и 3 sg. *-īś*, *-īt* в одном из типов аориста.

Системы глагола. Ведийский глагол состоит из нескольких автономных систем, связанных между собой только общим глагольным корнем. В пределах такой системы формы имеют одно инвариантное значение и определенную структурную общность. Определение такой системы как совокупности форм, образуемых от одной глагольной основы, было бы не вполне точным, поскольку от одного глагольного корня образуется довольно регулярно по несколько основ аориста, что в меньшей степени относится также и к презенсу, а в систему пассива объединяются два разнородных структурных типа: регулярная парадигма, близкая к одному из классов презентных основ, и личная форма аориста.

I. Основная часть парадигмы — это личные формы и те причастия активного и медиального залогов, которые образуются от определенной временной основы (а не от корня). Разделение на частные системы релевантно практически только для этой части глагольных форм.

Система презенса включает презенс, имперфект и причастия настоящего времени. Это самая богатая и разветвленная система, в которой наиболее полно представлены модальные формы, прежде всего императив и оптатив, а также инъюнктив и субъюнктив, структурная принадлежность последних к данной системе выражена с меньшей отчетливостью.

К системе презенса структурно близки парадигма личных форм пассива, футурума и производные спряжения, состоящие из отглагольных и отыменных типов основ.

Система аориста состоит из аориста, прекатива и причастий аориста, а также императива, оптатива, инъюнктива и субъюнктива, в целом представленных не так полно, как в системе презенса.

Система перфекта охватывает перфект, плюсквамперфект и причастия от основы перфекта, а также модальные формы от основы перфекта императива, оптатива, субъюнктива, которые немногочисленны и часто лишены отчетливой формальной характеристики.

Система футурума теоретически образована футурумом и кондиционалисом, но последним, ввиду его крайней редкости для этого периода в развитии языка, можно пренебречь.

II. Пассив состоит из системы презенса и одной формы 3-го лица единственного числа аориста.

III. Неличные формы, образованные от глагольного корня, включают изменяемые отглагольные имена причастного типа и неизменяемые абсолютивы и инфинитивы.

Все эти образования относятся к первичному, или непроедному, спряжению глагола. Часть III связана с этим спряжением наиболее условно, поскольку она находится на грани формообразования и словообразования. Первичному спряжению противостоит вторичное, или производное, охватывающее разные типы отглагольных и отыменных образований. Структурно к этому спряжению следует отнести те глаголы, у которых все формы образуются от основы презенса (а не от корня). Всем этим образованиям свойственно дополнительное деривационное значение. Сюда относятся каузативы, дезидеративы, интенсивы и деноминативы.

Личные окончания. В ведийском глаголе имеется две серии личных окончаний, с помощью которых различаются активный и медиальный залогов (см. табл. 7). Эта оппозиция флексии действительна для всех временных и модальных систем. Внутри же существуют более частные оппозиции. Окончаниям перфекта активного залога противостоит бинарная система первичных —

вторичных окончаний, релевантная в общем для всех остальных граммем времени и наклонения. Первичные окончания характеризуют презенс и футурум, вторичные — аугментные времена, т. е. имперфект, аорист, плюсквамперфект (и кондиционалис), а также инъюнктив и опатив с прекативом. Единственной основой, способной сочетаться и с теми, и с другими окончаниями в пределах одной парадигмы, является субъюнктив, который, кроме того, в медиальном залоге использует некоторые специфичные для него «усиленные» окончания. Императив имеет особые окончания во 2 sg. и 3 sg. и pl. В 1-м лице всех чисел функционируют соответствующие формы субъюнктива, остальные формы имеют вторичные окончания.

Таблица 7

Личные окончания ведийского глагола

Окончания	Залог	Активный			Медиальный		
	Число	sg.	du.	pl.	sg.	du.	pl.
	Лицо						
Первичные	1-е	-mi	-vas	-masi, -mas	-e	-vahe	-mahe
	2-е	-si	-thas	-tha, -thana	-se	-āthe	-dhve
	3-е	-ti	-tas	-(a)nti, -ati	-te, -e	-āte	-(a)nte, -ate, -re, -rate
Вторичные	1-е	-(a)m	-va	-ma	-i, -a	-vahi	-mahi
	2-е	-s	-tam	-ta, -tana	-thās	-āthām	-dhvam, -dhva
	3-е	-t	-tām	-(a)n, -ur	-ta, -i	-ātām	-(a)nta, -ata, -ran, -ram, -rata
Императив	1-е	(-ā, -āni)	(-va)	(-ma)	(-ai)	(-vahai)	(-mahai)
	2-е	-ḥ, -(d)hi, -āna, -tāt	-tam	-ta, -tana	-sva	-ethām, -āthām	-dhvam
	3-е	-tu	-tām	-(a)ntu, -atu	-tām, -ām	-etām, -ātām	-ntām, -atām, -rām, -ratām
Субъюнктив	1-е	-ā, -āni	-va	-ma	-ai	-vahai	-mahai, -mahe
	2-е	-si, -s	-thas	-tha	-se, -sai	-aithe	-dhvai
	3-е	-ti, -t	-tas	-(a)n	-te, -tai	-aite	-ntai, -nta
Перфект	1-е	-a	-va	-ma	-e	-vahe	-mahe
	2-е	-tha	-athur	-a	-se	-āthe	-dhve
	3-е	-a	-atur	-ur	-e	-āte	-re

Две серии окончаний, служащие для различения активного и медиального залогов, не совпадают друг с другом ни в одной форме парадигмы. Их различительная способность — максимальная. В пределах одного залога совпадение окончаний одного лица в сочетании с разными граммемами времени и наклонения достаточно многочисленны: вторичные окончания используются при образовании ряда форм императива, субъюнктива; в медиальном перфекте в большинстве форм употребляются соответствующие первичные окончания.

Первичные и вторичные окончания одного лица и залога в ряде случаев имеют общий исходный элемент, притом что первичные окончания представляются распространением вторичных (что подтверждается и с диахронической точки зрения) — ср. окончания активного залога в 1,2,3 sg.: 1 du., pl., 3 pl. Приметой первичных окончаний медиального залога является *-e*, которому в 1-м лице всех чисел у вторичных окончаний соответствует *-i*. Варианты *-re*, *-rate* засвидетельствованы в единичных случаях у корневых основ.

Среди первичных окончаний в 1 pl.act. *-masi* является основным вариантом, *-mas* — значительно более редким (в послеведийский период *-masi* выходит из употребления). Во 2 pl.act. *-tha* представляет собой основной вариант, *-thana* — более редкий (который в дальнейшем выходит из употребления). В 3 pl.act. распределение вариантов таково: *-nti* после тематической основы, *-anti* после атематической, *-ati* после редуплицированных основ. В 3 sg.med. *-te* — общее окончание, а *-e* принимает всего несколько глаголов. В 3 pl.med. во всех граммемах при атематическом спряжении выбирается вариант окончания без носового.

Среди вторичных окончаний варианты без *-(a)-* (1 sg.act. *-m*, 3 pl.act. *-n*, 3 pl.med. *-nta*) соединяются с тематическими основами, а варианты с *-(a)-* — с атематическими. Во 2 pl.act. основной вариант *-ta*, более редкий *-tana* (который после РВ начинает выходить из употребления). В 3 pl.act. основные окончания — это *-an*, *-ur*; они употребляются в оптативе, в атематических типах аориста, в имперфекте редуплицированных основ и корневых основ на *-ā*. В 3 sg.med. общим окончанием является *-ta*, окончание *-i* свойственно только форме 3 sg.aor.pass. Во 2 pl.med. *-dhva* является единичным фонетическим вариантом основного окончания *-dhvam*. Варианты *-ran/-ram* и *-rata* очень редки; они встречаются в отдельных случаях атематического аориста и имперфекта.

В императиве первые лица всех чисел являются формами субъюнктива, включенными в парадигму императива. Характерные окончания императива представлены во 2 sg. В качестве основных в активном залоге здесь выступают нулевое окончание и *-dhi/-hi*. Нулевое окончание, т. е. форма, равная чистой основе (ср. V. у имен), свойственно тематическому спряжению,

-dhi/-hi — атематическому, причем вариант *-dhi* употребляется всегда после согласной, а после гласной могут быть как *-hi*, так и *-dhi*. Окончание *-āna* засвидетельствовано у некоторых глаголов IX класса. Окончание *-tāt* (видимо, местоименного происхождения), употребляющееся прежде всего во 2 sg., встречается иногда и в других лицах императива: в 3 sg., 2 du., а после РВ и в 1 sg. и 2 pl., в результате чего постепенно утрачивается его личный характер. В активном залоге конечный элемент этих окончаний *-u* (ср. эмфатическую частицу *-u*) присоединен к соответствующим вторичным окончаниям: 3 sg. *-tu* (ср. *-i*), 3 pl. *-(a)ntu* (ср. *-an<-*ant*). В 3 sg.med. *-tām* представляет собой общее окончание, а *-ām* встречается у тех нескольких глаголов, которые в 3 sg.med. имеют первичное окончание *-e*. В двойственном числе медиальные окончания с начальным *-e* присущи тематическому спряжению, с начальным *-ā-* — атематическому. Распределение вариантов общих окончаний *-ntām/-atām* в 3 pl.med. также соответствует различию между тематическим и атематическим спряжением. Окончания *-rām* и *-ratām* засвидетельствованы в нескольких формах корневых основ. Остальные окончания императива являются вторичными.

Субъюнктив объединяет окончания разных серий. В активном залоге специфичным для субъюнктива являются окончания 1 sg. *-ā* и его вариант с распространением *-āni*. Вариант *-āni*, преобладающий у тематических основ, более употребителен, в период после РВ он вытесняет вариант *-ā*. Особая серия окончаний используется в медиальном залоге, где гласному *-e* первичных окончаний медиального залога соответствует гласный *-ai* (— результат сандхи между *-a-* — приметой субъюнктива и *-e* медиальных окончаний, распространившийся по аналогии во всей серии). Это так называемые «усиленные» окончания. Во 2,3 sg. и 1 pl.med. в качестве вариантов функционируют также первичные окончания. Во 2,3 sg.act. используются как первичные, так и вторичные окончания. В 1 du., pl. и в 3 pl. употребляются вторичные окончания, а во 2 du., pl. и в 3 du. — первичные.

В перфекте в активном залоге употребляются специфические окончания во всех формах, кроме 1 и 3 pl., где представлены вторичные окончания. В медиальном залоге перфекта используются первичные окончания, кроме как в 3 pl., где выступает окончание *-re* (которое в системе первичных окончаний является очень редким вариантом, возникшим, скорее всего, под влиянием перфекта).

Причастия, входящие в состав временных систем, имеют соответствующую временную основу, распространенную с помощью суффикса. Суффиксы причастий различают залог. От основы презенса существует оппозиция причастий на *-ant-* act.: *-māna-/-āna-* med. (где *-māna-* присоединяется к тематическим основам, *-āna-* — к атематическим), от основы аориста на *-ant-*

act. (редко) : *-āna-* med., от основы перфекта на *-vāms-* act.: *-āna-* med. Таким образом, суффикс причастий медиального залога не знает временной дифференциации, а в активном залоге система презенса—аориста противопоставлена на уровне причастий перфекту.

Будучи именами, причастия склоняются по образцу прилагательных с соответствующим типом основы.

Выше был приведен набор флексий ведийского глагола и дана система оппозиций, служащая для их отождествления. Реально засвидетельствованные в самхитах парадигмы отдельных глаголов сильно отличаются от той максимальной теоретической парадигмы, которую можно породить, заполнив все клетки абстрактной системы. Это несоответствие объясняется не только и не столько недостаточной засвидетельствованностью в текстах разных частей парадигмы и составляющих ее элементов, сколько проявлением глубинных тенденций фонетического, морфологического и семантического уровней, налагающих ограничения на теоретически возможную сочетаемость граммем. Механика порождения этих сочетаний во многом остается неясной, и не последнюю роль в этом играет сосуществование несистемных, архаичных элементов с системой оппозиций, принадлежащих данному синхронному срезу.

Реально даже у наиболее употребительных глаголов засвидетельствованы обычно весьма неполно отдельные временные и модальные граммемы, и при этом всегда остается возможность того, что отсутствие у какого-либо типа форм в парадигме является не случайным. У многих глагольных корней часть форм структурно трудно интерпретируется и может быть отнесена более чем к одной системе. Наконец, жанр такого текста, как РВ, являющего собой образец древнего высокого поэтического языка, сохраняющего большое количество архаизмов и допускающего наряду с этим поэтические вольности, нововведения и вообще некоторую текучесть языка, тоже налагает сильный отпечаток на его грамматику.

1. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ПАРАДИГМЫ

СИСТЕМА ПРЕЗЕНСА

По индийской грамматической традиции, в системе презенса различают десять классов глаголов в зависимости от конечного элемента основы. Более целесообразным представляется принятое разбиение на два основных спряжения: атематическое и тематическое, базирующееся на отсутствии или наличии тематического гласного *-a-* в качестве конечного элемента основы (классы глаголов индийской грамматики распределяются по этим

двум спряжениям). Такое разбиение является кардинальным, потому что оно отражает наиболее существенные различия в спряжении глаголов в системе презенса.

У атематических глаголов флексия присоединяется непосредственно к корню в чистом виде или к следующему за корнем атематическому суффиксу, в тематических — к тематическому гласному, следующему за корнем, или к одному из тематических суффиксов.

Атематическому спряжению свойственна подвижная акцентная парадигма. В сильных формах ударение падает на основу, а именно на корень или на суффикс, в слабых — на окончание. У большинства атематических глаголов передвижение ударения сопровождается чередованием гласных в корне или в суффиксе. У тематических глаголов акцентная парадигма неподвижна, чередования гласных не происходит.

Суффиксы основ, принадлежащих к этим двум разным спряжениям, принципиально различны. Суффиксы атематических основ, подверженные чередованию, *-nó-/nu-*, *-nā-/nī-* и инфикс *-nā-/n-* играют морфологическую роль. Тематические суффиксы *-ya-*, *-cha-*, *-nva-*, *-na-* такого значения не имеют.

Между атематическим и тематическим спряжением существуют незначительные различия во флексии: 2 sg.iv.act. тематическая флексия — $\ddot{a}$: атематическая *-dhi/-hi*, 2 du.iv.med. *-ethām*: *-āthām*, 3 du.iv.med. *-etām*: *-ātām*, 3 pl.act. вторичных окончаний *-an*: *-ur*; различаются и формы суффикса медиальных причастий у атематических и тематических глаголов — *-āna*: *-māna*-. Существует также распределение форм суффикса опатива между атематическим спряжением, где он представлен двумя чередующимися вариантами *-uā/-ī-*, и тематическим, в котором суффикс опатива имеет единую форму *-e* ($<-a-+i$).

Никакой разницы в значении между атематическими и тематическими глаголами не наблюдается. На протяжении всей истории развития языка происходит тематизация атематических основ. Этот процесс засвидетельствован уже в РВ, где сплошь и рядом у атематических глаголов могут встречаться отдельные тематические формы, например: *dā-* 'давать', регулярный презенс *dādāti* — отдельные формы *dadati*, *dadate*; *yuj-* 'запрягать', регулярный презенс *yunākti* — отдельная форма *yojate* и т. п. Отправной точкой для создания тематической парадигмы может служить форма 3 pl.pr. *-anti*, которая у атематических основ анализируется как *-anti*, а у тематических — как *-a-nti*. Кроме того, тематизации основ в ведийском языке способствует существование субъюнктива, приметой которого является тематический гласный.

Атематическое спряжение

Корневые основы (II класс, по индийской традиции) образуются путем присоединения флексии непосредственно к корню. В сильных формах ударение падает на корневой гласный, представленный большей частью ступенью гуна, а в слабых — слабой ступенью.

Образцы спряжения — *i-* 'идти' (act.), *brū-* 'говорить' (med.):

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>émi</i>	<i>ivás</i>	<i>imási, imás</i>
2. <i>éši</i>	<i>ithás</i>	<i>ithá</i>
3. <i>éti</i>	<i>itás</i>	<i>yánti</i>

Имперфект

1. <i>āyam</i>	<i>aiva</i>	<i>aima</i>
2. <i>aís</i>	<i>aitam</i>	<i>aita (na)</i>
3. <i>ait</i>	<i>aitām</i>	<i>āyan</i>

Императив

2. <i>ihí</i> <i>itāt</i>	<i>itām</i>	<i>itá(na), étana</i>
3. <i>étu</i>	<i>itām</i>	<i>yāntu</i>

Субъюнктив

1. <i>āyāni</i> <i>āyā</i>	<i>āyāva</i>	<i>āyāma</i>
2. <i>āyasi</i> <i>āyas</i>	<i>āyathas</i>	<i>āyatha</i>
3. <i>āyati</i> <i>āyat</i>	<i>āyatas</i>	<i>āyan</i>

Оптатив

1. <i>iyām</i>	<i>iyāva</i>	<i>iyāma</i>
2. <i>iyās</i>	<i>iyātam</i>	<i>iyāta</i>
3. <i>iyāt</i>	<i>iyātām</i>	<i>iyūr</i>

Причастие — *yánt-*, *yatt-* f.

(В меднальном залоге глагол *i-* встречается только в сочетании с наречиями-префиксами в период после РВ).

Медиа́льный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>bruvé</i>	<i>brūvāhe</i>	<i>brūmāhe</i>
2. <i>brūṣé</i>	<i>bruvāthe</i>	<i>brūdhvé</i>
3. <i>brūté</i> <i>bruvé</i>	<i>bruvāte</i>	<i>bruvāte</i>

Имперфект

1. <i>ābruvi</i>	<i>ābrūvahi</i>	<i>ābrūmahi</i>
2. <i>ābrūthās</i>	<i>ābruvāthām</i>	<i>ābrūdhvām</i>
3. <i>ābrūta</i>	<i>ābruvātām</i>	<i>ābruvata</i>

Императив

2. <i>brūṣvā</i>	<i>bruvāthām</i>	<i>brūdhvām</i>
3. <i>brūtām</i>	<i>bruvātām</i>	<i>bruvātām</i>

Субъюнктив

1. <i>brāvai</i>	<i>brāvāvahai</i>	<i>brāvāmahai</i>
2. <i>brāvase</i>	<i>brāvaithe</i>	<i>brāvadhve</i>
3. <i>brāvate</i>	<i>brāvāite</i>	<i>brāvanta</i>

Оптитив

1. <i>bruvīyā</i>	<i>bruvīvāhi</i>	<i>bruvīmāhi</i>
2. <i>bruvīthās</i>	<i>bruvīyāthām</i>	<i>bruvīdhvām</i>
3. <i>bruvītā</i>	<i>bruvīyātām</i>	<i>bruvīrān</i>

Причастие — *bruvāṇā-*, *-ā-* f.

Приведенные парадигмы спряжения глаголов-образцов имеют теоретический характер, так как ни от одного реального глагола вся совокупность форм в текстах не засвидетельствована. Особенно слабо представлена медиа́льная парадигма, а среди ее форм — двойственное число в косвенных наклонениях.

В качестве образцов для простоты иллюстрации сандхи были выбраны корни, оканчивающиеся на гласные. При спряжении здесь имеют место сандхи перед гласными окончаниями: *-ī>-u-* (или *-iy-* после двух согласных), *-ā>-v-* (или *-uv-* после двух согласных). Аугмент в имперфекте у корня, начинающегося с гласного, дает в сандхи гласный ступени вриддхи (обычно двуслоговой). В некоторых случаях помимо нормальных для императива сильных форм к ним принадлежит также форма 2 pl., и тогда ступень гуна корневого гласного бывает под ударением: *étana*.

Если корень оканчивается на согласный, имеют место внутренние сандхи между конечным согласным корня и начальным согласным окончания. Вот некоторые примеры: *duh-* 'доить',

pr.act.sg. *dóhmi*, *dhókṣi* (<*doh*+*si*), *dógdhi* (<*doh*+*ti*), pl. *duhmás*, *dugdhá* (<*duh*+*tha*), *duhánti*, 2, 3 sg. impf. act. *ádhoḥ* (<*a*+*doh*+*s* или *a*+*doh*+*t*), 2 sg. iv. act. *dugdhi* (<*duh*+*dhi*), 2 sg. iv. med. *dhukṣvā* (<*duh*+*sva*); *dviṣ-* 'ненавидеть', pr. act. sg. *dvēṣmi*, *dvéḥṣi*, *dvēṣti*, pl. *dviṣmās*, *dviṣthá*, *dviṣánti*, 2, 3 sg. impf. act. *ádvet* (<*a*+*dveṣ*+*s* или *a*+*dveṣ*+*t*), 2 sg. iv. act. *dvid-dhi* (<*dviṣ*+*dhi*), 2 sg. iv. med. *dviḥṣvā* (<*dviṣ*+*sva*); *rih-* 'лизать', 3 sg. pr. act. *rédhi* (<*reh*+*ti*); *ās-* 'сидеть', 2 pl. iv. med. *ādhvam* (<*ās*+*dhvam*); *cakṣ-* 'смотреть', 2 sg. pr. med. *cakṣe* (<*cakṣ*+*se*), 3 sg. *caṣṭe* (<*cakṣ*+*te*) и др.

В корне *vaç-* 'хотеть', 'желать' при спряжении имеет место чередование между ступенью гуна и слабой ступенью по типу сампраसारана: pr. act. sg. *váčmi*, *vákṣi* (<*vaç*+*si*), *váṣti* (<*vaç*+*ti*) — 1 pl. *uçmāsi* и *çmāsi* с нулем гласного.

В корне *han-* 'бить', 'убивать' происходит чередование не только гласных, типа *-an-*: *-a-/n-*, но и согласных: pr. act. sg. *hánmi*, *hámṣi*, *hánti*, pl. *hanmās* (у корней на *-an*, *-am* в слабых формах перед начальными *-m*, *-y*, *-v* окончания или суффикса сохраняется ступень гуна), *hathá*, *ghnánti*, impf. act. sg. *āhanam*, *āhan* (<*a*+*han*+*s*), *āhan* (<*a*+*han*+*t*), pl. *āhanma*, *āhata*, *āghnan*, opt. *hanyaām* и т. д., 2 sg. iv. act. *jahi*.

В корне *as-* 'быть' слабые формы представлены нулем, т. е. отсутствием гласного. Парадигма имеет следующий вид:

Презент			Имперфект		
sg.	du.	pl.	sg.	du.	pl.
1. <i>ásmi</i>	<i>svás</i>	<i>smás(i)</i>	<i>ásam</i>	<i>ásva</i>	<i>ásma</i>
2. <i>ási</i>	<i>sthás</i>	<i>sthá</i>	<i>ásis</i>	<i>ástam</i>	<i>ásta</i>
3. <i>ásti</i>	<i>stás</i>	<i>sánti</i>	<i>ásit</i> , <i>ás</i>	<i>ástām</i>	<i>ásan</i>
Императив			Оптатив		
2. <i>edhi</i>	<i>stām</i>	<i>stá</i>	<i>syām</i> и т. д.		
3. <i>ástu</i>	<i>stām</i>	<i>sántu</i>			

Причастие — *sánt-*, *sati-* i.

Сандхи таковы: 2 sg. *ási* <*as*+*si*, 2 sg. iv. *edhi* <**az*+*dhi* <*as*+*dhi*, 3 sg. impf. *ás* <*a*+*as*+*t*. Формы 2, 3 sg. impf. на *-is*, *-it* возникли, видимо, под влиянием одного из типов аориста.

Несколько корней на *-i* имеют в сильных формах вместо обычной ступени гуна (или наряду с ней) ступень вриддхи, а именно *kṣṇi-* 'точить' (по происхождению основа с носовым суффиксом), *ni-* 'шуметь', 'воспевать', *yu-* 'соединять', *stu-* 'прославлять', например: *stu-*, 3 sg. inj. act. *staut*, 3 sg. impf. act. *astaut*, наряду с 2 sg. pr. act. *stoṣi*, 1 sg. subj. act. *stavā*, 3 sg. *stavat* и т. д. — 1 pl. pr. act. *stumāsi*, 3 pl. *stuvánti*.

Из корней иной структуры *mṛj-* 'стирать' имеет в сильных формах вриддхи, в слабых — слабую ступень, например: 1 sg. pr. act. *mārjmi* — 1 sg. pr. med. *mṛje*, 3 pl. pr. act. *mṛjánti*.

Группа корней имеет неподвижную акцентную парадигму с ударением на корневом гласном и лишена чередований, почти все они спрягаются только в медиальном залоге. Это несколько корней с начальным долгим гласным: *ās-* 'сидеть', *īd-* 'просить', 'восхвалять', *īr-* 'двигать', *īç-* 'повелевать' или с конечным долгим гласным: *trā-* 'защищать', *çī-* 'лежать', *sū-* 'рожать', а также несколько корней иной структуры: *cakş-* 'смотреть', *takş-* 'вытачивать' (спрягается в активном залоге), *nıms-* 'целовать' (по происхождению — редуплицированный глагол), *vas-* 'надевать'. Вот некоторые их формы: 3 sg.pr.med. *âste*, *îtte*, *îçe*; 2 sg.iv.med. *trâşva*; 3 pl.pr.med. *îrate*, *nımsate* и др.

Глаголы *çī-* и *vas-* имеют во всей парадигме ступень гуна, в сильных и в слабых формах, например: 2 sg.pr.med. *çêşe*, 3 sg. *çâye*, 3 pl.impf.med. *âçeran*, 3 sg.pr.med. *vâste*, 3 pl.pr.med. *vâsate*.

Корни *an-* 'дышать', *çam-* 'тошнить', *çvas-* 'пыхтеть', *svap-* 'спать' в сильных формах перед окончаниями, начинающимися с согласного, имеют соединительный гласный *-i-*, а во 2, 3 sg. impf.act. — долгий гласный *-î-*, например: 3 sg.pr.act. *ânîti*; 3 sg. impf.act. *ânîtî*; 3 sg. impf.act. *âvamîtî*; 3 sg.pr.act. *çvâsîti*, *svâpîti*. У этих глаголов, как и у некоторых других, соединительный гласный может встречаться и в ряде слабых форм перед согласными окончаниями. Чаще всего это бывает в форме 2 sg.iv., например: *anihi* (*an-*), *çnathihi* (*çnath-* 'убивать', 'разбивать'), *stanihi* (*stan-* 'гремять'), *îdişva* (*īd-*), *jânişva* (*jan-* 'рождать'). В отдельных случаях соединительный гласный может быть долгим, например: 2 sg.iv.med. *grhişva* (*grabh-* 'хватать').

Глаголы *am-* 'вредить' и *brū-* 'говорить' имеют в сильных формах соединительный гласный *-î-*, например: pr.act.sg. *brâvîmi*, *brâvîşi*, *brâvîti*, 3 sg. impf.act. *âbravît* наряду с 1 sg. *âbravam* (ср. слабые формы 3 pl.pr.act. *bruvânti*, 2 sg.iv.act. *brūhi* и приведенную выше медиальную парадигму); 2 sg.pr.act. *amîşi*, 3 sg. *amîti*, 3 sg. impf. *âmît*, 2 sg.iv.med. *amîşva*.

Следует отметить некоторые особенности флексии корней этого класса. Корни на *-ā* и несколько других корней выбирают в 3 pl. вторичное окончание *-ur*, причем конечный гласный *-ā* элидируется перед окончанием. Все эти формы на *-ur* недостаточно отчетливы и могут быть отнесены как к системе презенса, так и к аористу, например: *âgur* от *gā-* 'идти', *âpur* от *pā-* 'защищать', inj. *cakşur* от *cakş-* 'смотреть', inj. *duhur* от *duh-* 'доить' и др.

У нескольких глаголов форма 3 sg.pr.med. оканчивается не на *-te*, а на *-e*: *īç*, *īçé*; *çit-* 'замечать', *çité*; *duh-*, *duhé*; *brū-*, *bruvé*; *vid-* 'находить', *vidé*; *çī-*, *çayé*. Глаголы *duh-*, *çī-* и некоторые другие имеют окончания 3 pl., содержащие *-r-*: 3 pl. pr.med. *duhré*, *duhraté* (наряду с *duhaté*), *çére*, *çérate*; 3 pl. impf.med. *aduhran*, *âçeran*, *avṛtran*; 3 pl.iv.med. *duhrām*, *duhrâtām*, *çératām*. Засвидетельствована также аномальная

форма 3 sg.iv.med. на *-ām*, а не на *-tām*: *duhām*, *vidām*, *çayām*. Корневые глаголы образуют формы 3 pl. без *-n-*, подобно редуцированному типу основ, например: 3 pl.pr.med. *vasate*, 3 pl.subj.med. *vasata* от *vas-* 'одеваться'; 3 pl.pr.med. *çāsate*, 3 pl.impf.med. *āçāsata* от *çās-* 'обучать' и др.

В имперфекте и соответственно в инъюнктиве у корней, оканчивающихся на согласный, регулярно совпадают формы 2 и 3 sg.act. вследствие действия сандхи конца слова, например: 2, 3 sg.impf.act. *ādhot* от *duh-*, *ādvet* от *dviṣ-*, но 2 sg. *aīs*, 3 sg. *ait* от *i-* и т. п. Эту особенность разделяют все атематические образования.

Модальные формы от корневого презенса очень многочисленны, особенно инъюнктивы и субъюнктивы. Некоторые из форм инъюнктива достигают предела допустимой краткости, например: 2, 3 sg. *kar* от *kar-* 'делать', 3 sg. *gan* от *gam-* 'идти', 3 sg. *rāṭ* от *rāj-* 'править', 3 sg. *vet* от *vid-* 'знать', 2, 3 sg. *han* от *han-* 'убивать' и др. (не все эти инъюнктивы с очевидностью связаны с основой презенса, а не аориста).

Субъюнктивы от корневых презенсов выглядят как инъюнктивы от тематических презенсов, или просто как тематический презенс индикатива, и классификация таких модальных форм по наклонениям возможна (да и то не всегда), лишь исходя из всей системы форм данного глагола. Так, например: *bhārat* от глагола *bhar-* 'носить' — инъюнктив, так как хорошо засвидетельствован тематический презенс *bhāratī*, а корневой презенс *bharti* представлен очень слабо, в то время как *védati* — субъюнктив, потому что тематического презенса от глагола *vid-* 'знать' нет. От корневых презенсов в АВ встречаются отдельные нерегулярные формы субъюнктива с долгим гласным, как если бы исходным был тематический презенс, например: *āsāt* от *as-* 'быть' наряду с *asat*, *ayāt* от *i-* 'идти' наряду с *ayat* и др.

К корневым презенсам с синхронной точки зрения относится также засвидетельствованная в РВ группа форм 2 sg.act. с окончанием *-si* от корней, не имеющих презентной парадигмы этого типа, со значением императива, например: *jéṣi* 'победи' от *jī-* (р. *jāyati*), *neṣi* 'веди' от *nī-* (р. *nāyati*), *pārṣi* 'перевези' от *par-* (р. *pīpartī*) и др. (С диахронической точки зрения, как было показано рядом исследователей, эти формы принадлежали аористу на *-s-* с медиальной флексией *-i*.)

В медиальных причастиях от корневых основ иногда имеют место акцентные колебания, например: *duhāná-/dúhāna-* от *duh-*, *vidāná-/vidāna-* от *vid-* 'находить'.

С корневыми основами презенса в ведийском языке не связано какое-либо особое значение, которое противопоставляло бы его другим типам презентных основ.

По этому типу образуют основы презенса около 130 корней (число приблизительное, поскольку многие корневые формы мож-

но отнести с равным основанием и к презенсу, и к аористу). Этому типу основ свойственны наибольшее число различных отклонений в спряжении, сложные правила сандхи, наличие неоднозначных форм. Полнее всего он представлен в РВ. В дальнейшем развитии языка постепенно выходит из употребления.

Редуплицированные основы (III класс, по индийской традиции) являются атематическим типом основ. Помимо общих правил редупликации корня здесь действуют также частные правила, характеризующие особенности презентной редупликации. Редупликация здесь неусиленная, т. е. корень повторяется не целиком, а в соответствии с известными правилами. Ударение в сильных формах падает большей частью на слог редупликации. Преобладающий тембр гласного редупликации *-i*. Он свойствен корням на *-ī-*, *-ar-*, *-a-*, большей части корней на *-ā-*, например: *ci-* 'видеть', *cikēṣi*; *bhī-* 'бояться', *bi-bhīyāt*; *ar-* 'приводить в движение', *īyartī* (с эпентетическим согласным *-u-*, отделяющим слог редупликации от корня); *par-* 'перевозить', *pīpartī*; *vac-* 'говорить', *vīvakti*; *sac-* 'следовать', *sīṣakti*; *gā-* 'идти', *jīgāti*; *çā-* 'точить', *çiçāti* и др. При корневом гласном *ī* гласный удвоения бывает *-u-*, например: *yu-* 'удерживать', *yuuyōti*; *hu-* 'совершать жертвенное возлияние', *juhōti* и др. Некоторая часть корней на *-ā-* имеет в слог редупликации гласный *-a-*, например: *dā-* 'давать', *dādāti*; *dhā-* 'класть', *dādhati*, *sac-* 'следовать', *saçcati* (наряду с *sīṣakti*) и др. Исключением из корней на *-ar* является *ṽrt-* 'вертеть' с презенсом *vavartī* (<*va-vart-ti*).

Образец спряжения — *hu-* 'совершать жертвенное возлияние'

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>juhōmi</i>	<i>juhuvas</i>	<i>juhumās(i)</i>
2. <i>juhōṣi</i>	<i>juhuthās</i>	<i>juhuthā</i>
3. <i>juhōti</i>	<i>juhutās</i>	<i>jūhvati</i>

Имперфект

1. <i>ājuhavam</i>	<i>ājuhuva</i>	<i>ājuhuma</i>
2. <i>ājuhōs</i>	<i>ājuhutam</i>	<i>ājuhuta(na)</i>
3. <i>ājuhōt</i>	<i>ājuhutām</i>	<i>ājūhavur</i>

Императив

2. <i>juhudhi</i>	<i>juhutām</i>	<i>juhutā(na), juhóta(na)</i>
3. <i>juhōtu</i>	<i>juhutām</i>	<i>jūhvatu</i>

Субъюнктив

sg.	du.	pl.
1. <i>juhāvāni</i>	<i>juhāvāva</i>	<i>juhāvāma</i>
2. <i>juhāvas</i>	<i>juhāvathas</i>	<i>juhāvatha,</i> <i>juhāvātha</i>
3. <i>juhāvat</i>	<i>juhāvatas</i>	<i>juhāvan</i>

Оптатив

1. <i>juhuyām</i>	<i>juhuyāva</i>	<i>juhuyāma</i>
2. <i>juhuyās</i>	<i>juhuyātām</i>	<i>juhuyāta</i>
3. <i>juhuyāt</i>	<i>juhuyātām</i>	<i>juhuyūr</i>

Причастия — *jūhvāt-*, *jūhvātī-* ī.

Медиа́льный залог

Презенс

1. <i>juhvé</i>	<i>juhivāhe</i>	<i>juhumāhe</i>
2. <i>juhūśé</i>	<i>jūhvāthe</i>	<i>juhudhvé</i>
3. <i>juhuté</i>	<i>jūhvāte</i>	<i>jūhvate</i>

Имперфект

1. <i>ájuhvi</i>	<i>ájuhuvahi</i>	<i>ájuhūmahi</i>
2. <i>ájuhuthās</i>	<i>ájuhvāthām</i>	<i>ájuhudhvām</i>
3. <i>ájuhuta</i>	<i>ájuhvātām</i>	<i>ájuhvata</i>

Императив

2. <i>juhūśvā</i>	<i>jūhvāthām</i>	<i>juhudhvām</i>
3. <i>juhutām</i>	<i>jūhvātām</i>	<i>jūhvātām</i>

Субъюнктив

1. <i>juhāvai</i>	<i>juhāvāvahai</i>	<i>juhāvāmahai</i>
2. <i>juhāvase</i>	<i>juhāvaithe</i>	<i>juhāvadhve</i>
3. <i>juhāvate</i>	<i>juhāvāite</i>	<i>juhāvanta</i>

Оптатив

1. <i>jūhvīya</i>	<i>jūhvīvahi</i>	<i>jūhvīmahi</i>
2. <i>jūhvīthās</i>	<i>jūhvīyāthām</i>	<i>jūhvīdhvām</i>
3. <i>jūhvīta</i>	<i>jūhvīyātām</i>	<i>jūhvīran</i>

Причастия — *jūhvāna-*, *-ā-* ī.

Реально в текстах медиа́льная парадигма редуцирована, ных глаголов засвидетельствована чрезвычайно слабо, совсем мало среди них акцентуированных форм.

Нормальный тип чередования для этих основ происходит между ступенью гуна корневого гласного в сильных формах и слабой его ступенью — в слабых, например: 3 sg.pr.act. *viveṣṭi* —

I.pl.pr.act. *viṣmas* от *viṣ-* 'хватать', *yuyóti* — 2 du.iv.act. *yuyutām* от *yu-* 'удерживать', *bibharti*—*bibhṛmāsi* от *bhar-* 'нести' и др. Сильными формами кроме обычных часто бывают также формы 2 pl.iv.act. и 3 pl.impf.act. Вариант сампрасарана представлен у корней *vyac-* 'охватывать' и *hvar-* 'сгибать', 'вредить', например: 3 sg.inj. *viṣyak* — 3 du.pr.act. *viviktās*, 2 sg.inj.med. *juhūrthās*, 2 sg.subj.act. *juhuras* (сильных форм редуплицированного презенса не засвидетельствовано — ср. гр. *hvárate*). У некоторых корней с *-a-* в слабых формах происходит выпадение корневого гласного: *bhas-* 'жевать', 3 pl.pr.act. *bap-sati* (ср. subj. *babhasat*) и *sac-* 'следовать', 3 pl.pr.act. *sāccati*, 3 pl.inj.med. *saṁcāta* (ср. *siṣakti*), что послужило в последнем случае отправной точкой для развития тематического презенса 2 sg. *saṁcasi*.

Корни на *-ā* обнаруживают разные типы чередований. У *mā-* 'мерить', *mā-* 'шуметь', 'реветь', *rā-* 'давать', *ṣa-* 'точить' и *hā-* 'покидать' имеет место чередование *ā/i* (причем *i* в отдельных случаях может сокращаться): 3 sg.pr.act. *mimāti* — 3 sg.pr.med. *mimīte*; 2 sg.iv.med. *raṣāsva*, 2 du.iv.med. *rarāthām* — 2 pl.iv.med. *rarīdhvam*, 2 sg.iv.act. *ririhi*; 3 sg.pr.act. *ṣiṣāti* — 2 sg.iv.act. *ṣiṣihi*; 3 sg.pr.act. *jāhāti* — 3 sg.pr.med. *jihite*. Перед окончаниями, начинающимися с гласного, корневой гласный выпадает, например: 3 pl.med. *mimate*, *jihate*. У корней *dā-* 'давать' и *dhā-* 'класть' во всех слабых формах (и перед окончаниями, начинающимися с гласного) выпадает корневой гласный, и основы приобретают вид *dad-*, *dadh-*. При спряжении этих глаголов перед начальными согласными окончаний происходят сандхи, особенно сложные у *dhā-* (ассимиляция по звонкости, перенос придыхания на начальный согласный корня).

Образец спряжения — *dhā-* 'класть':

Презенс

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>dādhami</i>	<i>dadhvās</i>	<i>dadhmās</i>
2. <i>dādhasi</i>	<i>dhatthās</i>	<i>dhatthā</i>
3. <i>dādhati</i>	<i>dhattās</i>	<i>dādhati</i>

Медиальный залог

1. <i>dadhé</i>	<i>dādhvahe</i>	<i>dādhmahe</i>
2. <i>dhátse</i>	<i>dadhāthe</i>	<i>dadhidhvé</i>
3. <i>dadhé</i>	<i>dadhāte</i>	<i>dādgate</i>

2 sg.iv.act. *dhehi* < **dhaddhi*, *daddhi* и *dehi* от глагола *dā-*, который имеет парадигму, аналогичную парадигме *dhā-*. Ударение в форме 2 sg.med. на корне аномальное. Вариант формы

3 sg.med., равный форме 1 sg.med., возник, видимо, под влиянием перфекта.

Влияние перфектной парадигмы можно усмотреть также и в том, что у глаголов *dī-* 'светить', *dhī-* 'смотреть', 'думать', *pī-* 'набухать' гласный удвоения бывает долгим, например: 3 sg.inj.act. *didet*, 2 sg.iv.act. *dīdīhi*; 1 sg.pr.med. *ādīdhye*, 3 sg.impf.act. *ādīdhet*; 2 sg.inj.act. *pīpes*, 2 sg.iv.act. *pīpihi* и т. д.

Из особенностей флексии следует отметить, что в 3 pl.impf. act. редуцированные глаголы имеют *-ur*, кроме *abibhran*.

По данному классу спрягается около 50 глаголов (это число довольно условно, в связи с тем, что ряд редуцированных основ представлен только модальными формами, а их можно в равной мере отнести и к системе презенса, и к системе перфекта). Уже в РВ ряд этих глаголов имеет параллельно основной атематической парадигме отдельные тематические формы, а несколько глаголов целиком перешли в тематический класс: *pā-* 'пить', *pibati*, *sthā-* 'стоять', *tiṣṭhati*; *han-* 'убивать', *jighnate* (наряду с *hānti*).

Согласно распространенному мнению, определенная часть редуцированных презенсов выражает итеративно-интенсивный, или более точно — многократный способ действия. У некоторых глаголов это непосредственно связано с лексическим значением корня, как у *gā-* 'идти', 'шагать', *mā-* 'мерить', *vac-* 'говорить'. У других значение действия как состоящего из неоднократно повторяемых актов выявляется из семантического противопоставления основам других структурных типов того же корня. Например, у *ar-* 'приводить в движение', 'стремиться' основа *iṃyarti* чаще всего встречается в сочетании с формой винительного падежа *vācam* букв. 'приводить в движение речь', т. е. 'провозглашать', например: *ūpa yó nāmo nāmasi stabhāyānn | iṃyarti vācam janāyaṇ yājadhyaḥ | ... éndram kṛṇvīta* (IV, 21,5) 'Кто, строя почитание на почитании, приводит в движение речь для жертвоприношения, порождая (ее), пусть привлечет Индру...'. Другие презентные основы того же глагола — *ṛṇóti*, *ṛṇvāti* в таком контексте не встречаются.

Основы с суффиксом *-nó/-nu-* (V и VIII классы, по индийской традиции) как класс основ презенса с синхронной точки зрения следует трактовать как суффиксальный, хотя ряд фактов свидетельствует об ином историческом принципе членения этих основ. В глаголах так называемого VIII класса на *-an*: *tan-* 'тянуть', *tanóti*; *man-* 'думать', *manuté*; *van-* 'любить', 'желать', *vanóti*; *san-* 'добывать', *sanóti* — *-n-* принадлежит корню — ср. рф. *tatāna*, аог. *atan* и пр. (ср. в этой связи существование в ведийском языке эмфатической частицы *u*), а в глаголе V класса *śru-* 'слышать' *-u-* принадлежит корню, а *-n-* выглядит как инфикс: *śṛṇóti*, но рф. *śuśrāva*, аог. *ācrot* и пр.

При спряжении в данном типе основ происходит чередование гласного в суффиксе: -ó- под ударением в сильных формах /-и- без ударения в слабых. Чередование носит весьма регулярный характер, лишь формы 2 pl. iv. и impf. act. имеют у ряда глаголов сильную ступень: *kṛṇota(na)* наряду с *kṛṇuta* и *ákrṇotana* наряду с *ákrṇuta* от *kar-*, *hinota(na)* от *hi-* 'посылать' и др. Корень всегда представлен неизменным слабым звуковым видом.

Этот тип презенсов имеют многие корни, оканчивающиеся на гласный. Долгий гласный обычно сокращается перед основообразующим суффиксом, например: *kṣī-* 'уничтожать', *kṣinóti*; *mī-* 'уменьшать', *minóti* (но *dhū-* 'сотрясать', *dhūnoti*). Корень *var-* 'покрывать' имеет два варианта презенса данного типа *vṛnoti* и *ūrnoti*.

Образец спряжения — *kar-* 'делать':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>kṛṇómi</i>	<i>kṛṇvās</i>	<i>kṛṇmās(i)</i>
2. <i>kṛṇósi</i>	<i>kṛṇuthās</i>	<i>kṛṇuthā</i>
3. <i>kṛṇóti</i>	<i>kṛṇutās</i>	<i>kṛṇvānti</i>

Имперфект

1. <i>ákrṇavam</i>	<i>ákrṇva</i>	<i>ákrṇma</i>
2. <i>ákrṇos</i>	<i>ákrṇutam</i>	<i>ákrṇuta,</i> <i>ákrṇotana</i>
3. <i>ákrṇot</i>	<i>ákrṇutām</i>	<i>ákrṇvan</i>

Императив

2. <i>kṛṇuhí, kṛṇú,</i> <i>kṛṇutāt, kuru</i>	<i>kṛṇutām</i>	<i>kṛṇutá,</i> <i>kṛṇóta(na)</i>
3. <i>kṛṇótu</i>	<i>kṛṇutām</i>	<i>kṛṇvāntu</i>

Субъюнктив

1. <i>kṛṇávā(ni)</i>	<i>kṛṇávāva</i>	<i>kṛṇávāma</i>
2. <i>kṛṇávas</i>	<i>kṛṇávathas</i>	<i>kṛṇávatha</i>
3. <i>kṛṇávāt</i>	<i>kṛṇávatas</i>	<i>kṛṇávan</i>

Оптиматив

1. <i>kṛṇuyām</i>	<i>kṛṇuyāva</i>	<i>kṛṇuyāma</i>
2. <i>kṛṇuyās</i>	<i>kṛṇuyātam</i>	<i>kṛṇuyāta</i>
3. <i>kṛṇuyāt</i>	<i>kṛṇuyātām</i>	<i>kṛṇuyūr</i>

Причастия — *kṛṇvánt-*, *kṛṇvatī-* i.

Медиа́льный за́лог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>kṛṇvé</i>	<i>kṛṇvāhe</i>	<i>kṛṇmāhe</i>
2. <i>kṛṇuśé</i>	<i>kṛṇvāthe</i>	<i>kṛṇudhvé</i>
3. <i>kṛṇuté</i> <i>kṛṇvé</i>	<i>kṛṇvāte</i>	<i>kṛṇvāte</i>

Имперфект

1. <i>ákrṇvi</i>	<i>ákrṇvahi</i>	<i>ákrṇmahi</i>
2. <i>ákrṇuthās</i>	<i>ákrṇvāthām</i>	<i>ákrṇudhvām</i>
3. <i>ákrṇuta</i>	<i>ákrṇvātām</i>	<i>ákrṇvata</i>

Императив

2. <i>kṛṇusvá</i>	<i>kṛṇvāthām</i>	<i>kṛṇudhvām</i>
3. <i>kṛṇutām</i>	<i>kṛṇvātām</i>	<i>kṛṇvātām</i>

Субъюнктив

1. <i>kṛṇávai</i>	<i>kṛṇávāvahi</i>	<i>kṛṇávāmahai</i>
2. <i>kṛṇávase</i>	<i>kṛṇávaithe</i>	<i>kṛṇavadhvé</i>
3. <i>kṛṇávate</i>	<i>kṛṇávaité</i>	<i>kṛṇávanta</i>

Оптатив

1. <i>kṛṇvīyá</i>	<i>kṛṇvīvāhi</i>	<i>kṛṇvīmāhi</i>
2. <i>kṛṇvīthās</i>	<i>kṛṇvīyāthām</i>	<i>kṛṇvīdhvām</i>
3. <i>kṛṇvītá</i>	<i>kṛṇvīyātām</i>	<i>kṛṇvīrán</i>

Причастие — *kṛṇvāná-*, *-ā-* f.

Из глаголов на *-nó-/nu-* *kar-* засвидетельствован в текстах полное всего (притом, что оптатив, особенно медиа́льный, реально совсем слабо представлен), но он обладает также и некоторыми индивидуальными особенностями. Форма 2 sg.iv.act. *kuru* встречается, начиная с мандалы X РВ. По-видимому, она возникла в результате контаминации основ разных типов у этого глагола (ср. корневой тип, 1 pl.pr.act. *kurmás*). В АВ в качестве сильной формы к *kuru-* начинает употребляться *karó-* (откуда регулярный презенс *karóti* в классическом языке). В РВ встречается еще одна изолированная форма с суффиксом *-u-*: 3 sg.pr.med. *tarute* (X) от *tar-*, *tir-*, *tur-* 'пересекать' (ср. opt. *turyá-*, *tuturyát*).

У корней, оканчивающихся на гласный, перед окончаниями с начальными *-m*, *-v* гласный суффикса *-u-* выпадает: *kṛṇvās*, *kṛṇmási*. У корней, оканчивающихся на согласный, перед начальным гласным окончание *-u-* > *-uv-*, например: ас- 'достигать', 3 pl.pr.act. *aṣṇuvanti*, но *su-* 'выжимать', *sunvánti*.

Во 2 sg.iv.act. нормальным окончанием является *-hi* (*-dhi* только в *çṛṇudhi*), но по аналогии с тематическими глаголами ряд глаголов с презенсом на *-nó/-ni-* имеют форму, равную основе, например: *ī(nv)* 'отправлять', *inú*; *su-*, *sunú*; *çru-*, *çṛṇú* и др.

При тематизации данного типа основ обобщается слабый вид атематической основы, поскольку исходной в этом процессе является форма 3 pl.pr.act. Ряд глаголов перешел таким образом целиком в тематическое спряжение: *ī(nv)-*, *invati* (ср. *inóti*); *jī(nv)-* 'оживлять', *jinvati* (ср. *jínóṣi*); *pī(nv)-* 'струить(ся)', 'делать набухшим', *pinvati* (ср. *pī-*, p.pr.med. *pinvāná-*); *hinu-* 'посылать', *hinvati*.

В ведийском языке по данному типу атематических основ образуют презенсы около 30 глагольных корней.

Презентным основам с носовым элементом разных способов образования свойствен, как известно, общий круг значений: они выражают детерминативный способ действия, т. е. обозначают действие, мгновенное или длительное, как имеющее конечный или начальный пункт. Это значение выражено недостаточно отчетливо, оно проявляется лишь у части презенсов с носовым элементом. Его легче обнаружить в противопоставлении носовой основы с презентной другого структурного типа от того же глагола, например: *ar-* 'приводить в движение', 'стремиться', *ṛṇóti* (тематический вариант *ṛṇvāti*) — *iyarti*: *tvām dhūnir indra dhūnimatir | ṛṇór apāḥ sīrā ná srāvantiḥ* (I, 174,9) 'Ты, Индра, бушующий, привел в движение бушующие воды, (чтобы стали они) струящимися, как реки', *tveṣās te dhūmā ṛṇvāti | divi śaṇ chukrá ātataḥ* (VI, 2,6) 'Стремительный твой дым вздымается вверх, распространяясь, сверкая, когда он на небе' — значение *iyarti* (см. с. 306).

Отмечалось также, что большинство основ с носовым элементом имеет переходное значение (иногда из него развивается факитивное значение), например: *rdh-* 'преуспевать', 'способствовать', основы *rdhnó-*, *rdhya-* и др.: *ād rdhnoti haviṣkṛtim prāñcam kṛṇoty adhvarām* (I, 18,9) 'И он делает жертвоприношение успешным, он продвигает вперед жертвенный обряд', *ihā priyām prajāyā te sām rdhyatām* (X, 85,27) 'Да выпадет тебе здесь на долю радость через потомство!'.

Основы с суффиксом *-nā/-nī-* (IX класс по индийской традиции) состоят из корня в неизменяемом слабом звуковом виде и чередующегося суффикса, который в сильных формах, т. е. под ударением, имеет вид *-nā-*, а в слабых *-nī-*. Перед начальным гласным окончания *-ī-* в суффиксе исчезает.

Хотя, с синхронной точки зрения, данный тип основ является суффиксальным, есть следы, указывающие на связь *-ā* с корнем. Об этом свидетельствует наличие вариантов корней с *-ā*, например: *par-* 'наполнять', *prñāti/prā-* id. (если речь идет о корне, а не об извлечении из форм аориста и перфекта); *jī-*

'побеждать', *jināti/jyā-* id. Обращает на себя внимание также наличие у ряда основ с *-nā/-nī-* параллельных основ с *-āyā-* (видимо, отыменного происхождения): *grabh-* 'хватать', *grbhñā-ti*, *grbhāyāti*; *ma(n)th-* 'взбивать', *mathnāti* и *mathāyāti* и др.

Этот тип презенсов имеют корни — так называемые двуслоговые базы. Конечный долгий гласный корня перед суффиксом сокращается, например: *kṣi-* 'уничтожать', *kṣināti*; *mī-* 'уменьшать', *mināti*; *jū-* 'спешить', *junāti*; *pū-* 'очищать', *punāti*.

Образец спряжения — *grabh-* 'хватать':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>grbhñāmi</i>	<i>grbhñīvās</i>	<i>grbhñīmās(i)</i>
2. <i>grbhñāsi</i>	<i>grbhñīthās</i>	<i>grbhñīthā(na)</i>
3. <i>grbhñāti</i>	<i>grbhñītās</i>	<i>grbhñānti</i>

Имперфект

1. <i>āgrbhñām</i>	<i>āgrbhñīva</i>	<i>āgrbhñīma</i>
2. <i>āgrbhñās</i>	<i>āgrbhñītam</i>	<i>āgrbhñīta</i>
3. <i>āgrbhñāt</i>	<i>āgrbhñītām</i>	<i>āgrbhñan</i>

Императив

2. <i>grbhñīhi</i> <i>grbhñītāt</i> <i>grbhñā</i>	<i>grbhñītām</i>	<i>grbhñītā(na)</i>
3. <i>grbhñātu</i>	<i>grbhñītām</i>	<i>grbhñāntu</i>

Субъюнктив

1. <i>grbhñāni</i>	<i>grbhñāva</i>	<i>grbhñāma</i>
2. <i>grbhñās</i>	<i>grbhñāthas</i>	<i>grbhñātha</i>
3. <i>grbhñāt</i>	<i>grbhñātas</i>	<i>grbhñān</i>

Оптатив

1. <i>grbhñīyām</i>	<i>grbhñīyāva</i>	<i>grbhñīyāma</i>
2. <i>grbhñīyās</i>	<i>grbhñīyātām</i>	<i>grbhñīyāta</i>
3. <i>grbhñīyāt</i>	<i>grbhñīyātām</i>	<i>grbhñīyūr</i>

Причастия — *grbhñānt-* m., *grbhñāti-* f.

Медиальный залог

Презенс

1. <i>grbhñé</i>	<i>grbhñīvāhe</i>	<i>grbhñīmāhe</i>
2. <i>grbhñīśé</i>	<i>grbhñāthe</i>	<i>grbhñīdhvé</i>
3. <i>grbhñité</i>	<i>grbhñāte</i>	<i>grbhñāte</i>

Имперфект

sg.	du.	pl.
1. <i>ágrbhñi</i>	<i>ágrbhñivahi</i>	<i>ágrbhñimahi</i>
2. <i>ágrbhñithās</i>	<i>ágrbhñāthām</i>	<i>ágrbhñidhvām</i>
3. <i>ágrbhñīta</i>	<i>ágrbhñātām</i>	<i>ágrbhñata</i>

Императив

2. <i>grbhñiṣvā</i>	<i>grbhñāthām</i>	<i>grbhñidhvām</i>
3. <i>grbhñitām</i>	<i>grbhñātām</i>	<i>grbhñātām</i>

Субъюнктив

1. <i>grbhñai</i>	<i>grbhñāvahai</i>	<i>grbhñāmahai</i>
2. <i>grbhñāse</i>	<i>grbhñaithe</i>	<i>grbhñādhve</i>
3. <i>grbhñāte</i>	<i>grbhñāite</i>	<i>grbhñānta</i>

Оптатив

1. <i>grbhñiyā</i>	<i>grbhñivāhi</i>	<i>grbhñimāhi</i>
2. <i>grbhñithās</i>	<i>grbhñiyāthām</i>	<i>grbhñidhvām</i>
3. <i>grbhñitā</i>	<i>grbhñiyātām</i>	<i>grbhñirān</i>

Причастия — *grbhñāná-*, *-ā-* f.

Отдельные формы в этой парадигме уже в РВ образуются от варианта корня *grah-*, например, 2 sg.iv.act. *grhāná*, 3 sg.iv.act. *grhñātu*. Медиальная парадигма реально засвидетельствована в текстах очень слабо (особенно оптатив, а также имперфект).

Характерной для основ данного типа является форма 2 sg.iv.act. на *-āná*, такие формы образуются от корней, оканчивающихся на согласный: *aṣāná* от *aṣ-* 'есть', *stabhāná* от *stabh-* 'укреплять' и др. В РВ засвидетельствовано начало образования этой формы, и во 2 sg.iv.act. возможны варианты флексии; в дальнейшем *-āna* твердо закрепляется за корнями с конечным согласным.

В целом флексия у основ этого типа отличается большой регулярностью.

Презенс на *-ñā-/nī-* образует группа корней, оканчивающихся на «носовой + согласный»: *bandh-* 'связывать', *manth-* 'взбивать', *skambh-* 'поддерживать', *stambh-* 'укреплять'. В составе презентной основы эти корни бывают представлены без носового: *badhnāti*, *mathnāti* и т. д. Отсутствует носовой согласный и в презенсе этого типа от корня *jñā-* 'знать' — *jānāti*.

У ряда глаголов, образующих презенс с суффиксом *-ñā-/nī-*, встречаются отдельные тематические формы, возникающие в результате сокращения *-ā-* в *-ñā-*, например: *prñāti* (ср. *prñāti*) от *par-* 'наполнять', *mṛñāti* (ср. *mṛñāti*) от *mar-* 'разбивать', *ṣṛñāti* (ср. *ṣṛñāti*) от *ṣar-* 'ломать'.

По данному типу образуют основы презенса более 40 корней.

Подобно всем носовым презенсам презенсы на *-nā/-nī-* имеют детерминативное значение. Например, у глагола *ṣrath-* 'распускать(ся)', 'ослаблять(ся)' это значение видно из противопоставления основ *ṣrathnā-* и *ṣrathaya-*: *tvām tyām indra mārtyam | āstrabudhnāya vennyām | mūhuḥ ṣrathnā manasyāve* (X, 171,3) 'Ты, о Индра, в один миг освободил этого заслуживающего любви смертного для жаждущего Астрабудхны', *yān marutaḥ sabharasaḥ svarṇaraḥ | sūrya údite mādathā divo maraḥ | nā vó'ṣvāḥ ṣrathayantā* (V, 54,10) 'Когда вы, Маруты, снабженные дарами сверкающие мужи, радуетесь на восходе солнца, небесные мужи, то ваши кони не утомляются'.

У основ на *-nā/-nī-* в более сильной степени, чем у других носовых основ, выражено фактитивное значение. Оно прослеживается наиболее отчетливо у группы глаголов, у которых основе на *-nā-* с активным окончанием и фактитивным значением противопоставлена тематическая основа с медиальным окончанием и непереходным значением, например: *jū-*, *junāti* 'торопит'— *jāvate* 'спешит', *pū-*, *punāti* 'очищает'— *pāvate* 'очищается', *ram-*, *ramṇāti* 'успокаивает'— *rāmate* 'успокаивается', *hvar-/hru-*, *hruṇāti* 'отвращает', 'направляет по неверному пути'— *hvārate* 'идет неверным путем'.

Основы с инфиксом *-nā/-n-* (VII класс, по индийской традиции) образуются от корней, оканчивающихся на согласный, смычный или сибилант. В сильных формах, под ударением, конечному согласному корня предшествует сильный вариант инфикса *-nā-*, в слабых, безударных, формах ему предшествует слабый вариант инфикса в виде носового согласного, гоморганного с конечным согласным корня. Корневой гласный, предшествующий инфиксу, всегда бывает в слабом звуковом виде.

В качестве сильной формы иногда выступает 2 pl.iv.act.

Образец спряжения — *yu j-* 'запрягать':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>yuná jmi</i>	<i>yuñ jvās</i>	<i>yuñ jmás</i>
2. <i>yunákṣi</i>	<i>yuñkthás</i>	<i>yuñkthá</i>
3. <i>yunákti</i>	<i>yuñktás</i>	<i>yuñ jānti</i>

Имперфект

1. <i>áyuna jam</i>	<i>áyuñ jva</i>	<i>áyuñ jma</i>
2. <i>áyunak</i>	<i>áyuñktam</i>	<i>áyuñkta</i>
3. <i>áyunak</i>	<i>áyuñktām</i>	<i>áyuñ jan</i>

Императив

sg.	du.	pl.
2. <i>yūṅgdhī</i>	<i>yūñktām</i>	<i>yūñktā, yūñtā,</i>
<i>yūndhī</i>	<i>yūñtām</i>	<i>yunāкта(na)</i>
3. <i>yunāktu</i>	<i>yūñktām</i>	<i>yūñjāntu</i>
	<i>yūñtām</i>	

Субъюнктив

1. <i>yunā jāni</i>	<i>yunā jāva</i>	<i>yunā jāma</i>
2. <i>yunā jas</i>	<i>yunā jathas</i>	<i>yunā jatha</i>
3. <i>yunā jat</i>	<i>yunā jatas</i>	<i>yunā jan</i>

Оптатив

1. <i>yūñjyām</i>	<i>yūñjyāva</i>	<i>yūñjyāma</i>
2. <i>yūñjyās</i>	<i>yūñjyātām</i>	<i>yūñjyāta</i>
3. <i>yūñjyāt</i>	<i>yūñjyātām</i>	<i>yūñjyūr</i>

Причастия — *yūñjānt-*, *yūñjātī-* f.

Медиа́льный залог

Презенс

1. <i>yūñjé</i>	<i>yūñjvāhe</i>	<i>yūñjmāhe</i>
2. <i>yūñksé</i>	<i>yūñjāthe</i>	<i>yūñgdhvé</i>
3. <i>yūñkté</i>	<i>yūñjāte</i>	<i>yūñjāte</i>

Имперфект

1. <i>áyūñji</i>	<i>áyūñjvahi</i>	<i>áyūñjmahi</i>
2. <i>áyūñkthās</i>	<i>áyūñjāthām</i>	<i>áyūñgdhvām</i>
3. <i>áyūñkta</i>	<i>áyūñjātām</i>	<i>áyūñjāta</i>

Императив

2. <i>yūñksvā</i>	<i>yūñjāthām</i>	<i>yūñgdhvām</i>
<i>yuksvā</i>		
3. <i>yūñktām</i>	<i>yūñjātām</i>	<i>yūñjātām</i>
<i>yūñtām</i>		

Субъюнктив

1. <i>yunā jai</i>	<i>yunā jāvahi</i>	<i>yunā jāmahai</i>
2. <i>yunā jase</i>	<i>yunā jaithe</i>	<i>yunā jadhve</i>
3. <i>yunā jate</i>	<i>yunā jaite</i>	<i>yunā janta</i>

Оптатив

1. <i>yūñjīyā</i>	<i>yūñjīvāhi</i>	<i>yūñjīmāhi</i>
2. <i>yūñjīthās</i>	<i>yūñjīyāthām</i>	<i>yūñjīdhvām</i>
3. <i>yūñjītā</i>	<i>yūñjīyātām</i>	<i>yūñjīrān</i>

Причастия — *yūñjānā-*, *-ā-* f.

Парадигме данного типа основ свойственны сандхи согласных там, где окончания начинаются на шумный согласный. Это те же сандхи, которые имеют место у корневых и редуплицированных основ от корней на согласный, а именно: замена палатальных гуттуральными и ассимиляция по звонкости, как во 2 sg.pr.act. *yunákṣi* (<*yunaj+si*), 3 du.pr.act. *yuñktás* (<*yuñj+tas*), 2 pl.pr.med. *yuṅgdhvé* (<*yuñj+dhve*) от *yuj-*, 3 sg.pr.act. *rinákti* (<*rinac+ti*) от *ric-* 'оставлять', 3 sg.pr.med. *prñkté* (<*prñc+te*) от *prc-* 'наполнять', 'насыщать'; сандхи придыхательных в группе согласных: 3 sg.pr.act. *ruṇáddhi* (<*ruṇadh+ti*) от *rudh-* 'препятствовать'; церебрализация согласных: 3 sg.pr.act. *pináṣṭi* от *piṣ-* 'раздробить'; упрощение группы согласных в конце, в результате чего 2 и 3 sg.impf.act. и соответствующие формы инъюнктива регулярно совпадают: *unap* (<*unabh+s* или *unabh+t*) от *ubh-* 'связывать', 'заковычивать', *pinak* (<*pinaṣ+s* или *pinaṣ+t*) от *piṣ-*, *ábhinat* (<*abhinad+s* или *abhinad+t*) от *bhid-* 'расщеплять' и т. д. — ср. в АВ 2 sg. *abhanas* вместо обычного *abhanak* от *bhañj-* 'ломать'.

Характерным для рассматриваемого типа спряжения является упрощение в середине слова групп согласных, возникающих на стыке корня и окончания в слабых формах. Эти упрощения проводятся не вполне последовательно, в РВ встречается немало форм со скоплением трех согласных в интервокальном положении, но есть и упрощенные группы из двух согласных. Именно так объясняется наличие двух фонетических вариантов форм, например: 2 sg.iv.act. *yuṅgdhi* и *yuṇdhi*, 3 du.iv.act. *yuñktām* и *yuñtām*, 2 pl.iv.act. *yuñktá* и *yuñtá*; ср. также такие формы из РВ, как 3 sg.pr.med. *indhe* (< **inddhe*), 2 pl.iv.med. *indhvam* (< **inddhvam*) от *indh-* 'зажигать'; 2 sg.iv.act. *chindhi* (< **chinddhi*) от *chid-* 'отрезать'; *prñdhi* (< **prñgdhi*) от *prc-*; *bhañdhi* (< **bhaṅgdhi*) от *bhañj-* 'ломать' и др.

Особый случай церебрализации в результате сандхи представлен формой 3 sg.iv.act. *trñédhu* от *tṛh-* 'разбивать', 'разламывать' (ср. 2 sg.iv.act. *edhi* от *as-*, *dehi* от *dā-*, *dhehi* от *dhā-*).

Флексия данного типа основ отличается большой регулярностью. Из отклонений можно отметить единичную форму 3 sg.pr.med. на *-e* — *vrñje* от *vrj-* 'повергать ниц', а не на *-te* (такие формы встречаются и в других атематических типах). В отношении ударения колебания возможны в форме 3 pl.med.: *indháte*/*indhaté* и др.

Случаи тематизации в этом типе основ единичны, в связи с чем следует обратить внимание на существование группы тематических основ с носовым инфиксом (выглядающих как тематизация слабого вида основы), у которых нет атематических соответствий, например: *miñcāti* от *muc-* 'освободить', *siñcāti* от *sic-* 'поливать' и др.

Около 30 глаголов в ведийском языке образуют презенсы с

помощью инфикса *-ná/-n-*. Как и прочие носовые основы, они выражают детерминативное значение. Это значение способа действия часто связано с лексическим значением глагольного корня, поскольку группа глаголов данного типа имеет значение «разбивать», «ломать»: *chid-* 'отрезать', *trd-* 'пронзить', *piṣ-* 'раздробить', *bhañj-* 'сломать', *bhid-* 'расколоть', *vic-* 'отделить'.

Ряд основ на *-ná/-n-* имеет переходно-фактитивное значение по сравнению с другими типами основ, например, *ric-*, *rinákti* 'отпускать', 'освобождать' — *ricyate* (только с приставками) — непереходное значение в зависимости от значения приставки: *rinákti kṛṣṇīr aruṣāya pánthām* (VII, 71,1) 'Черная освобождает красному путь' — *úd in nv āsya ricyatē'mṛo dhānam ná jigyūṣaḥ* (VII, 32,12) 'Ведь доля его выделяется, как богатство победителя'.

Тематическое спряжение

Это спряжение отличается большим единообразием и просто той. Нет чередования гласных. Ударение неподвижно во всей парадигме. Меньше вариантов окончаний (в изъявительном наклонении их нет). Субъюнктив отчетливо выделяется благодаря долготе характерного гласного (*-ā* < тематический гласный *-a-* + *-a-* — примета субъюнктива), оптатив — благодаря формальному показателю *-e-* (< *-a-* + *-ī-*).

Особенности флексии тематического спряжения (см. с. 297) сводятся к следующему: 2 sg.iv.act. ‡; 3 pl.impf.act. *-n*; 2, 3 iv.du.med. — варианты окончаний с начальным *-e-* — *-ethām*, *-etām*; 3 pl.med. — варианты окончаний с *-n-* — *-nte*, *-nta*, *-ntām*. В 1-м лице всех чисел тематического спряжения (кроме 1 sg.impf.act.) тематический гласный удлиняется.

Тематические основы являются продуктивным типом, в который переходят отдельные формы или целиком глагольные парадигмы атематического спряжения. Тематические основы гораздо более многочисленны, чем атематические.

Тематические основы на *-a-* (I класс, по индийской традиции). Ударение падает на корневой гласный, который обычно бывает представлен ступенью гуна, окончания присоединяются к тематическому гласному.

Образец спряжения — *bhū-* 'быть':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. <i>bhāvāmi</i>	<i>bhāvāvas</i>	<i>bhāvāmas(i)</i>
2. <i>bhāvasi</i>	<i>bhāvathas</i>	<i>bhāvatha</i>
3. <i>bhāvati</i>	<i>bhāvatas</i>	<i>bhāvanti</i>

Имперфект

sg.	du.	pl.
1. <i>ābhavam</i>	<i>ābhavāva</i>	<i>ābhavāma</i>
2. <i>ābhavas</i>	<i>ābhavatam</i>	<i>ābhavata</i>
3. <i>ābhavat</i>	<i>ābhavatām</i>	<i>ābhavan</i>

Императив

2. <i>bháva</i> <i>bhávātāt</i>	<i>bhávataṁ</i>	<i>bhávata</i>
3. <i>bhávatu</i>	<i>bhávātām</i>	<i>bhávantu</i>

Субъюнктив

1. <i>bhāvāni</i> <i>bhāvā</i>	<i>bhāvāva</i>	<i>bhāvāma</i>
2. <i>bhāvāsi</i> <i>bhāvās</i>	<i>bhāvāthas</i>	<i>bhāvātha</i>
3. <i>bhāvāti</i> <i>bhāvāt</i>	<i>bhāvātas</i>	<i>bhāvān</i>

Оптатив

1. <i>bhāveyam</i>	<i>bhāveva</i>	<i>bhāvema</i>
2. <i>bhāves</i>	<i>bhāvetam</i>	<i>bhāveta</i>
3. <i>bhāvet</i>	<i>bhāvetām</i>	<i>bhāveyur</i>

Причастия — *bhāvant-*, *bhāvanti-* f.

Медиа́льный за́лог

Презенс

1. <i>bhāve</i>	<i>bhāvāvahe</i>	<i>bhāvāmahe</i>
2. <i>bhāvase</i>	<i>bhāvethe</i>	<i>bhāvadhve</i>
3. <i>bhāvate</i>	<i>bhāvete</i>	<i>bhāvante</i>

Имперфект

1. <i>ābhave</i>	<i>ābhavāvahi</i>	<i>ābhavāmahī</i>
2. <i>ābhavathās</i>	<i>ābhavethām</i>	<i>ābhavadhvam</i>
3. <i>ābhavata</i>	<i>ābhavetām</i>	<i>ābhavanta</i>

Императив

2. <i>bhāvasva</i>	<i>bhāvethām</i>	<i>bhāvadhvam</i>
3. <i>bhāvataṁ</i>	<i>bhāvetām</i>	<i>bhāvantaṁ</i>

Субъюнктив

1. <i>bhāvai</i>	<i>bhāvāvahai</i>	<i>bhāvāmahai</i>
2. <i>bhāvāse</i> <i>bhāvāśai</i>	<i>bhāvaithe</i>	<i>bhāvādhve</i>
3. <i>bhāvāte</i> <i>bhāvātai</i>	<i>bhāvāite</i>	<i>bhāvānte</i>

sg.	du.	pl.
1. <i>bhāveya</i>	<i>bhāvevahi</i>	<i>bhāvemahi</i>
2. <i>bhāvethās</i>	<i>bhāveyāthām</i>	<i>bhāvedhvam</i>
3. <i>bhāveta</i>	<i>bhāveyātām</i>	<i>bhāveran</i>

Причастия — *bhāvatāna-*, *-ā-* f.

У корней, способных к чередованию, нормой для этого типа презентных основ является ступень гуна: *jáyati* от *ji-* 'побеждать', *plávate* от *plu-* 'плавать', *tárati* от *tar-* 'пересекать', *rámate* от *ram-* 'успокаивать', *jánati* от *jan-* 'рождать' или по 'типу сампрасарана: *yájati* от *ya-j-* 'жертвовать', *váhati* от *vah-* 'эвезти' и др. У корней с интерконсонантным *-ā-* нормой для того типа основ является *-a-*: *tápati* от *tap-* 'пылать', *sácate* от *sac-* 'следовать'.

У нескольких корней с носовым перед конечным согласным этот носовой вопреки общему правилу в презентной основе не сохраняется, например: *dāçati* от *damç-* 'кусать', *sájati* от *sañj-* 'прикреплять'.

По данному типу образует презентную основу и ряд неизменяемых корней, имеющих постоянную слабую или сильную ступень корневого гласного. Единственным показателем их принадлежности к этому типу является место ударения на корневом гласном, например: *krīḍati* от *krīḍ-* 'прыгать', 'играть', *jīvati* от *jīv-* 'жить', *dhāvati* от *dhāv-* 'бежать' и др.

В отдельных случаях корневой гласный представлен не ступенью гуна, а удлинением соответствующего гласного, например: *ūhate* (наряду с *ohate*) от *uh-/ūh-* 'наблюдать', *gūhati* от *guh-* 'прятать', *krāmati* (наряду с *krámate*) от *kram-* 'ступать'.

Глаголы *gam-* 'идти', *yam-* 'обуздывать' образуют презентные основы с помощью суффикса *-cha-*, присоединяемого к корню в слабом звуковом виде: *gāchati*, *yāchati*.

Глагол *sad-* 'сидеть' имеет презенс *sīdati* (<*si-zd-a-ti < si-sd-a-ti). Результатом явной тематизации редулицированных основ являются презенсы *pībati* от *pā-* 'пить', *tiṣṭhati* от *sthā-* 'стоять', *jighrati* от *ghrā-* 'нюхать'. Отдельные тематические редулицированные формы встречаются от глагола *han-* 'убивать': *jighnase*, *jighnate*, *jighnante* (основной презенс — *hānti*).

Презенсы от корней на *-nv*: *invati*, *jin̄vati*, *pin̄vati*, *hin̄vati* (см. с. 309) являются результатом тематизации основ на *-nó-/nu-*.

Это самый продуктивный тип презентных основ, к нему принадлежит около половины всех глагольных корней. Определить точное число представляется затруднительным, так как существует немалое число модальных форм (*gameta-* от *gam-*, *sanat* и пр. от *san-*), принадлежность которых к системе презенса сомнительна.

Тематические основы на *-ā-* (VI класс, по индийской традиции) образуются от корней, представленных слабым зву-

ковым видом, ударение падает на тематический гласный, например: *viçáti* от *viç-* 'входить', *tudáti* от *tud-* 'толкать', *mṛçáti* от *mṛç-* 'трогать' и др. Корни на *-a-* почти не встречаются.

Парадигма этого типа ничем не отличается от парадигмы с ударным корневым гласным в ступени гуна. Реально, во всяком случае в РВ, презентная парадигма от основ с ударным тематическим гласным является до некоторой степени фикцией. Причины этого следующие. Формы изъявительного наклонения с первичными окончаниями очень редко употребляются по сравнению с большим количеством форм со вторичными окончаниями. В изъявительном наклонении преобладают формы претерита, значение которого колеблется между имперфектом и аористом. Очень многочисленны модальные формы, особенно инъюнктива и субъюнктива. Причем эти модальные формы обычно бывают хорошо засвидетельствованы в фамильных мандалах, а формы изъявительного наклонения встречаются только в поздних мандалах. К этому еще следует добавить, что по своей структуре данный тип презентных основ ничем не отличается от основы тематического аориста.

Корни, оканчивающиеся на *-i* и *-u*, в этом типе основ перед ударным тематическим гласным дают рефлекс *-iy-*, *-uv-*, например: *kṣiyáti* от *kṣi-* 'жить', 'владеть', *ruváti* от *ru-* 'реветь', *suṇváti* от *sū-* 'оживлять', *huvé* от *hū-* 'звать', а также *syati* (по размеру — *siyati*) от *sā-/si-* 'связывать' и *ádyas* (по размеру — *ádiyas*) от *dā-/di-* id.

Корни, оканчивающиеся на *-r*, перед ударным тематическим гласным дают рефлекс *-ir* или *-ur* (таким образом эти корни нередко абстрагируют как оканчивающиеся на *-ir*, *-ur*), например: *kiráti* от *kr-(kir)* 'рассыпать', *giráti* от *gr-(gir-)* 'глотать', *tiráti* от *tṛ-(tar-, tir-, tur-)* 'пересекать', *bhurántu* от *bhr-(bhur-)* 'дергаться', *sphurati* от *sphṛ-(sphur-)* 'лягать', 'прыгать'.

Группа корней, оканчивающихся на согласный, имеет в презентной основе перед последним согласным носовой инфикс: *kṛntá-* от *kṛt-* 'резать', *tṛmpá-* от *tṛp-* 'удовлетворять', *pimçá-* от *piç-* 'украшать', *limpá-* от *lip-* 'липнуть', *lumpá-* от *lup-* 'ломать', *vindá-* от *vid-* 'находить', *siñcá-* от *sic-* 'поливать'. Перечисленные глаголы образуют презенс только по данному типу. У некоторых корней презенс с носовым инфиксом употребляется наряду с презенсом другого способа образования, например: *umbha-* от *ubh-* 'заковывать', *tundá-* от *tud-* 'толкать', *dṛmha-* от *dṛh-* 'быть твердым', *brmhá-* от *brh-* 'быть сильным', *ṣumbhá* от *ṣumbh-* 'блистать', *ṣrñthá-* от *ṣrath-* 'ослаблять'.

В состав нескольких презенсов этого типа входит суффикс *-cha-*: *ichá* от *iṣ-* 'желать', *rchá-* от *ar-(rçh-)* 'настигать', *uśhá-* от *vas-* 'зажигаться', а также *prcha-* от *prach-/pṛch-* 'спрашивать'.

вать'— глагол, у которого элемент *-ch-* входит в состав корня, поскольку встречается не только в системе презенса.

Многие тематические основы с ударением на тематическом гласном имеют мгновенное, точечное значение, например: *vīgrī-vāso mūrādevā ṛdantu* (VIII, 104,24) 'Да падут с переломанной шеей поклоняющиеся демонам!', *gauró ná kṣeptór aviṇe jūdyāḥ* (X, 51,6) 'Я отпрянул, как бык от натягивания тетивы (лука)'.

Другая группа основ этого типа имеет терминативное значение, которое часто подчеркивается употреблением их только с наречиями-префиксами. Например, от глагола *tar-*, *tir-*, *tur-* основа *tirá-*, употребляющаяся только с префиксами, обладает терминативным значением по сравнению с основной *tāra-*, использующейся преимущественно без префиксов: *māyābhir indra māyinaṁ tvāṁ cūṣṇam āvātiraḥ* (I, 11,7) 'О Индра, колдовскими чарами ты пресек колдовского Шушну', *avātē apās tarasi svabhāno* (VI, 64,4) 'При безветрии ты пересекаешь воды, о обладающий собственным сиянием'.

По этому типу в ведийском языке образуют презентные основы около 70 глаголов.

Основы с суффиксом *-ya-* (IV класс, по индийской традиции) образуются от корней в слабом звуковом виде, находящихся под ударением. В этом типе основ *-y-* в суффиксе обычно не дает рефлекса *-iy-*. Вот некоторые примеры: *vidhyati* от *vyadh-/vidh-* 'пронзать', *iṣyati* от *iṣ-* 'посылать', *āsyati* от *as-* 'бросать', 'кидать', *pūsyati* от *puṣ-* 'цвести', *ṛdhyati* от *ṛdh-* 'преуспевать' и др.

Для корней определенной структуры в составе презентных основ на *-ya-* характерны особые рефлексы корневого гласного. Корни, оканчивающиеся на *-r-*, имеют в презенсе слабую ступень *-ir-*, *-ūr-*, например: *jīryati*, *jūryati* от *jar-* 'стариться', *part. pūryamāṇa-* от *par-/pur-* 'наполнять'.

У корней, оканчивающихся на *-am*, корневой гласный в презентной основе данного типа подвергается удлинению: *dāmyati* от *dam-* 'подавлять', *ṣrāmyati* от *ṣram-* 'уставать', а также *jāyate* 'рождаться' от *jan-* 'рождать'. Эти длинные гласные представляют собой здесь особый рефлекс слабой ступени. Те корни на *-am*, которые принадлежат к числу анит, сохраняют перед суффиксом *-an-*: *tānyati* от *tan-* 'греметь', *mānyate* от *man-* 'думать'.

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, в большинстве своем сохраняют долгий гласный в презентной основе неизменным: *gāyati* от *gā-* 'петь', *glāyati* от *glā-* 'уставать', *trāyati* от *tri-* 'защищать', *puāyate* от *puā-* 'набухать', *rāyati* от *rā-* 'лаять', *vāyati* от *vā-* 'уставать', *ṣrāyati* от *ṣrā-* 'варить'.

Презенсы *dhāyati* от *dhā-* 'сосать', *vāyati* от *vā-/vi-/u-* 'ткать', *vyāyati* от *vyā-/vī-* 'скрывать' и *hvāyati* от *hvā-/hū-* 'звать', имеющие краткий гласный перед *-ya-*, с синхронной точки зрения могут интерпретироваться неоднозначно: как при-

надлежащие к данному типу; к тематическому типу с ударением на корне от корней *dhaу-, vaу-, vyaу-, hvaу-*; к типу с суффиксом *-áya-*.

Презенсам на *-ya-* свойственна достаточно отчетливо выраженная семантика — большая часть их имеет непреходное значение. Ряд корней, образующих эти презенсы, выражает состояние: *krudh-* 'гневаться', *kṣudh-* 'голодать', *tuṣ-* 'быть довольным', *budh-* 'бодрствовать', *ṣuṣ-* 'сохнуть' и др.

У многих глаголов способ действия, выражаемый презентной основой на *-ya-*, является длительным, курсивным, не имеющим начала и конца. Это значение отчетливо проступает в противопоставлении основ на *-ya-* основам с носовым элементом (особенно с суффиксом *-nā-*) от одного и того же корня, причем на оппозицию способов действия часто налагается оппозиция непреходного действия — фактитивному, например, от глагола *ri-/rī-* основа *rīya-* значит 'течь', 'струиться', основа *rinā-* 'выпускать течь': *rīyate ghrtām* (I, 135,7) 'Течет жир' — *yātrā vo didyūd rādati krivirdati | rināti paṇvāḥ sūdhiteva barhānā* (I, 166,6) 'Где пробивает ваш кровавозубый выстрел, он выпускает течь (воды), как хорошо нацеленная сила — стадо'.

Основы на *-ya-* часто употребляются с медиальными окончаниями, при этом некоторые из них могут иметь пассивное значение. Например, от глагола *mī-* имеет место оппозиция *mīyate* 'быть нарушенным', и *mināti* 'нарушать', 'уменьшать': *yā u ṣriyā dāmeṣv ā | doṣāsī praṇasyāte | yāsya vratām nā mīyate...* (II, 8,3) 'Кто за (свою) красоту в домах вечером и утром прославляется [pass.], чей обет не нарушается ... [pr. на *-ya-*]' — *mināti ṣriyaṃ jarimā tanūnām* (I, 179,1) 'Старость уменьшает красоту членов'.

Связь презентных основ на *-ya-* с основами страдательного залога очевидна и в структурном, и в семантическом плане.

Около 70 глаголов в ведийском языке образуют основы презенса с помощью суффикса *-ya-*.

Основы с суффиксом *-áya-* (X класс, по индийской традиции). К этому презентному типу можно отнести только те основы, у которых корневой вокализм не усилен, т. е. представлен слабой ступенью или *-a-*, что отличает их формально (по крайней мере ту часть, где корневой гласный в слабой ступени) от каузативных глаголов, принадлежащих производному спряжению. Вот некоторые примеры: *īṅgáyati* от *īṅg-* 'колыхаться', *citáyanti* от *cit-* 'замечать', *turáyante* от *tur-* (*ṭṣ-*) 'прорываться вперед', *dyutayanta* от *dyut-* 'сиять', *patáyanti* от *pat-* 'летать', *ṣumbháyante* от *ṣubh-* 'блистать', 'украшать' и некоторые другие.

По этому типу образуют формы презенса немногие глаголы. Уже в РВ он явно непродуктивен, и ряд глаголов имеет дублиеты презенсов с усиленным вокализмом корневого гласного, например: *citáya-* и *ceotáya-* от *cit-*, *dyutáya-* и *dyotáya-* от *dyut-*,

riṣaya- (Inf. *riṣayadhyai*) и *reṣāya-* от *riṣ-* 'получать повреждения', 'повреждать', *vīpāya-* и *verāya-* от *vīp-* 'трясти(сь)'.

Данный тип презентов морфологически довольно неясен. С одной стороны, формально он может совпадать с каузативами, от которых отличается своим значением. С другой стороны, он совпадает с теми деноминативными глаголами, которые имеют нетипичное ударение (не на суффиксе *-ya-*, а на тематическом гласном *-a-*), например: *iṣāya-* от *iṣay-* 'быть подкрепляющим' (ср. *-iṣ* f. 'подкрепление'), *ūrjāya* от *ūrjay-* 'набухать', 'подкреплять' (ср. *ūrj-* f. 'жирный напиток', 'подкрепление'), *ṛtāya-* от *ṛtāy-* 'быть праведным' (ср. *ṛtā-* 'космический закон') и др.

У части презентных основ данного типа обнаруживается императивное или слабое интенсивное значение. Классическим примером является соотношение основ *pāta-* 'лететь' и *patāya-* 'летать', 'порхать' от глагола *pat-*: ...*rakśasaḥ sām pinaṣṭana | vāyo yé bhūtvo patāyanti naktābhir | yé vā ripo dadhiré devé adhvaré* (VII, 104,18) 'Раздавите ракшасов, которые, превратившись в птиц, порхают по ночам или совершают осквернения на божественных жертвоприношениях!'.

В дальнейшем развитии языка этот тип презентных основ выходит из употребления.

Презентные основы на *-āyá-* представлены небольшой группой глаголов (менее 15). Они имеют слабую ступень корня перед презентным суффиксом и ударение на конечном гласном суффикса. Это морфологически неясные основы. Более половины из них имеет параллельные презенсы на *-nā-* (что может свидетельствовать в пользу связи *-ā* с корнем). Это *grbhāyá-* (ср. *grbhñā-*) от *grabh-* 'хватать', *pruṣāyá-* (ср. *pruṣñā-*) от *pruṣ-* 'брызгать', *mathāyá-* (ср. *mathñā-*) от *math-* 'взбивать', *muṣāyá-* (ср. *muṣñā-*) от *muṣ-* 'грабить', *ṣrathāyá-* (ср. *ṣrathñā-*) от *ṣrath-* 'расслаблять', *skabhāyá-* (ср. *skabhñā-*) от *skambh-* 'подпирать', *stabhāyá-* (ср. *stabhñā-*) от *sta(m)bh-* 'укреплять'. Другая часть не имеет параллельной основы на *-nā-*, а именно: *tudāyá-* (ср. *tudā-*) от *tud-* 'толкать', *damāya-* от *damāy-* 'угнетать', *nāṣāyá-* от *naṣāy-* 'достигать' (ср. *naṣ-* id.), *panāyá-* от *panāy-* 'удивляться' (ср. *pan-* id.), *vasāyá-* от *vasāy-* 'одеваться' (ср. *vas-* id.), *ṣamāyá-* от *ṣamāy-* 'трудиться' (ср. *ṣam-* id.). У этих презентов обычно предполагают деноминативное происхождение (чем объясняется и выводимая из презенса форма корня), хотя, строго говоря, оно недоказуемо. Так или иначе, ни для одного из глаголов, имеющих презенс на *-āyá-*, этот тип презенса не является единственным и не отличается по значению от презенса иной структуры. В последвийский период презенсы на *-āyá-* выходят из употребления.

Формы на *-s-* не образуют в ведийском языке единого типа презентных основ. Это изолированные образования от нескольких глаголов, не обладающие ни единой структурой, ни единой семантикой. Формы 3 pl.pr.med. *tāruṣante*, 3 pl.inj.med.

taruṣanta, 1 pl.opt.act. *taruṣema* от *tar-* 'хотеть' победить' и 3 pl.inj.med. *vanuṣanta* от *van-* 'желать', 'любить' являются распространением посредством -s- основ на -u- — *tarute*, *vanute*. Значение этих форм близко к дезидеративному. Дезидеративный оттенок имеют и формы 1 sg.pr.med. *arcase* от *rc-* 'прославлять', *ṛñjase* от *ṛñj-* 'отдавать предпочтение', *ohiṣé* от *uh-* 'замечать', *grñiṣe* от *gir-(gr-)* 'воспевать', *punīṣé* от *pū-* 'очищать', *stuṣé* от *stu-* 'восхвалять', *hiṣé* от *hi-* 'гнать'.

3 sg.med. *rāṣate* от *rā-* 'давать', 'дарить', судя по значению, является скорее субъюнктивом сигматического аориста (ср. 3 pl.aor.med. *ārāṣata*), чем презенсом.

Формы 2 sg.iv.act. *neṣa* от *nī-* 'вести' и *parṣa* от *par-* 'перевозить', 'спасать', видимо, образованы как системные изофункциональные формы, призванные заменить несистемные 2 sg.pr.act. *nēṣi*, *pārṣi* в функции императива.

Встречаются, наконец, отдельные формы медиальных причастий с -s-: *ṛñjasānā-* от *ṛñj-*, *jrayasānā-* от *jri-* 'шагать', *ṛśroṣamāna-* от *ṣru-* 'слушать'. В последнем случае -s- могло иметь словообразовательный характер, поскольку есть имя *ṛśruṣṭi-* от того же корня. Вообще же элемент -s- исторически использовался как один из распространителей корня, ср. *i-* и *iṣ-*, *dā-* и *dās-*, *bhū-* и *bhūṣ-* и др.

Многоосновные глаголы

Явление многоосновности глагола в презенсе характеризует наиболее древний период в развитии языка (в дальнейшем многоосновность глаголов встречается заметно реже). В РВ около одной трети всех глагольных корней, т. е. около 170, образуют более чем один структурный тип презентных основ. Самые многочисленные из них — глаголы с двумя основами презенса (более 70-ти). В целом же отношение между числом корней, имеющих по несколько типов презентных основ, и количеством этих типов обратно пропорционально (три основы имеют приблизительно 35 глаголов, четыре — около 20-ти, пять — менее 10-ти и восемь основ — один глагол *tar-/tir-/tur-*). Во многих случаях между разными основами одного глагола нет различий в значении. Часто это вызвано тем, что один тип основы произошел от другого, например, в результате тематизации корневых основ, или могут иметь место разные фонетические варианты одной основы. Иногда можно предположить, что различия были, но стерлись.

В части случаев можно проследить различия в значении между основами разных структурных типов от одного корня. Разные основы могут, как было показано выше, выражать разные способы действия (Aktionsarten). Разные основы могут противопоставляться друг другу по переходности ('каузативно-

сти) — непереходности (/пассивности). Наконец, они могут противопоставляться по связи с определенным залогом: одни сочетаются исключительно (или преимущественно) с активными окончаниями, другие — с медиальными.

Иногда две основы от одного корня настолько могли разойтись в значениях, что при синхронном подходе они воспринимаются как два разных корня-омонима, например: *iṣ-*, *iṣyati*, *iṣēma*, *iṣṇāti* 'гнать', 'посылать' (ср. *i-* 'идти') и *iṣ-*, *iṣhāti* 'искать', 'желать'.

СИСТЕМА АОРИСТА

В системе времен ведийского глагола аорист как граммема отождествляется семантически (с помощью своего инвариантного значения, см. с. 286) и формально. Формальным критерием служит способность основы соединяться с той или иной серией окончаний. К аористу относятся те основы, которые могут соединяться только со вторичными окончаниями, т. е. не имеют соответствующего презенса; к системе презенса — те основы, которые соединяются как с первичными, так и со вторичными окончаниями. На основании этого определения, вопрос «аорист или имперфект?» решается конкретно для каждого глагола, при этом надо исходить из всей системы его форм, а именно, из наличия или отсутствия презенса соответствующей структуры. Например, *ágāt* — аорист, так как презенс будет *jigāti* (презенс **gāti* от корня *gā-* 'идти' нет), а *áyāt* — имперфект, поскольку есть презенс *yāti* от *yā-* id. или *ásarat* — аорист, так как презенс от глагола *sar-* 'течь' будет *sisarti*, а *átarat* — имперфект, о чем свидетельствует презенс *táratī*.

Принятое формальное определение аориста не моделирует многочисленных модальных форм, для которых, как известно, выбора первичных или вторичных окончаний нет. У многих же глаголов формы аориста индикатива представлены слабо, а модальные формы как раз преобладают.

Данное определение аориста не принимает во внимание структурных особенностей основы, относимой к системе аориста или презенса. Между тем в определенной части случаев существует формальная характеристика основы, однозначно свидетельствующая ее принадлежности к одной из систем. Так, формальными характеристиками системы презенса являются суффиксы *-ná-/nī-*, *-nó-/nu-*, инфикс *-ná-/n-*, суффиксы *-ya-*, *-áya-*, а формальной характеристикой системы аориста — элемент *-s-*, находящийся между корнем и окончанием. Последний критерий не является безусловным, ср., например, *ádikṣat* — аорист от *diṣ-* 'показывать' (презенс *diṣāti*) и *ācikṣat* — имперфект дезидератива от *ṣak-* 'мочь' (презенс дезидератива *ṣikṣati*), хотя в большинстве случаев он действует.

Формальной характеристикой основы может служить также тип редупликации (редуплицированные основы есть в системе презенса, аориста, перфекта и в производном спряжении у интенсивов и деизидеративов). Этот критерий, однако, тоже не безусловен. Оппозиция выражена четко, если основа аориста имеет редупликацию на *-i-* или *-ū-*, но она нейтрализуется, если в слоге редупликации у аориста краткий гласный (прежде всего *-a-*) и если основа аориста атематическая.

Таким образом получается, что данное определение аориста является необходимым и достаточным лишь для той части форм, которые лишены специфических структурных признаков, и оно избыточно для тех форм, которые такими признаками обладают.

Исследователями неоднократно отмечалось, что инвариантное значение аориста наиболее ослаблено как раз у форм, которые не имеют специфической структурной характеристики.

К тому же главный критерий — способность основы соединяться только со вторичными окончаниями тоже оказывается иногда относительным. Например, у глаголов *dā-* 'давать', *dhā-* 'класть', *sthā-* 'стоять' аугментные корневые формы *ādāt*, *ād-hāt*, *āsthāt* являются аористами, потому что есть хорошо засвидетельствованные редуплицированные презенсы: *dādāti*, *dād-hāti*, *tiṣṭhati*, но наряду с ними встречаются и изолированные формы с первичными окончаниями: *dāti*, *dhāti*, *sthāti*.

Все эти факты свидетельствуют о недостаточной разграниченности системы аориста и системы презенса. После этих предварительных замечаний можно перейти к описанию аориста.

Аорист в ведийском языке образуется с большей или меньшей вероятностью от половины всех глагольных корней. Личные формы засвидетельствованы в РВ приблизительно от 230 корней, в АВ несколько меньше чем от трети всех корней (в дальнейшем развитии языка аорист употребляется все реже). В РВ свыше трети всех корней, образующих аорист, имеют более одной основы аориста. При этом следует отметить, что парадигма аориста даже в индикативе бывает обычно неполно представлена в каждом данном типе аориста. Одна основа может употребляться преимущественно в активном залоге, другая — в медиальном, да и то не во всех формах. Нередко встречаются изолированные пробные образования.

Аорист включает ряд различных структурных типов, которые в целом принято подразделять на асигматический и сигматический аорист, в зависимости от отсутствия или наличия приметы аориста *-s-*. В пределах этого общего разбиения типы аориста могут быть атематическими и тематическими, простыми и редуплицированными, а в рамках сигматического аориста существуют различия по форме элемента, содержащего *-s-*.

В результате всех этих разделений различают следующие классы аориста: 1) простой корневой аорист, 2) тематический

аорист, 3) редуцированный аорист, 4) аорист на *-s-*, 5) аорист на *-iṣ-*, 6) аорист на *-siṣ-*, 7) аорист на *-sa-*.

Аорист имеет те же вторичные окончания, что и имперфект. В 3 pl.act. в аористе заметно преобладает окончание *-uṣ* над *-an*.

Атематическим типам аориста свойственно чередование гласных в корне. Тип чередования отличается от презентного. Чередование происходит не столько в пределах одной парадигмы, как в презенсе, а главным образом между корнем в активной и в медиальной парадигме: гуна — слабая ступень или вриддхи — гуна.

В индикативе ударение всегда бывает на аугменте, а в модальных формах и в причастиях наблюдаются большие акцентные колебания.

Модальные формы аориста весьма многочисленны, они те же, что в системе презенса; по разным типам аористических основ они распределены неравномерно.

Простой корневой аорист (1-й класс) является самым распространенным типом аориста в ведийском языке. Он засвидетельствован приблизительно у 100 глагольных корней. Это наиболее употребительный, но отнюдь не продуктивный тип аориста, поскольку у многих корней он представлен разрозненными формами, часто при преобладании модальных форм над индикативом.

Аорист 1-го класса образуется от корней любой структуры. Как всякому атематическому образованию, ему свойственно чередование корневого гласного. Корни, допускающие чередование (прежде всего с *i*, *u*, *r*), имеют ступень гуна в активном залоге, кроме 3 pl.act., и слабую ступень — в медиальном и в 3 pl.act. Корни с *-a-* не претерпевают чередования, например, 3 sg.subj.aor.act. *padāti* — 3 pl.aor.med. *apadran*, 2 sg.inj.aor.act. *bhag* — 3 sg.aor.med. *abhakta* и др. Корни, оканчивающиеся на *-ā-*, — а таких немало в этом типе аориста — в ряде случаев имеют чередование типа *ā/i* или *ā/ī*, например: 3 sg.aor.act. *ādāt* — 1 pl.aor.med. *adimahi*, *adīmahi* (ЯВ) от *dā-* 'давать'; 3 sg.aor.act. *ādhāt* — 3 sg.aor.med. *ādhita* от *dhā-* 'класть'; 3 sg.aor.act. *āsthāt* — 3 sg.aor.med. *āsthita* от *sthā-* 'стоять'.

Образцы спряжения — *dā-* 'давать', *kar-* 'делать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ādām</i>	<i>ādāva</i>	<i>ādāma</i>
2. <i>ādās</i>	<i>ādātām</i>	<i>ādāta</i>
3. <i>ādāt</i>	<i>ādātām</i>	<i>ādur</i>
1. <i>ākaram</i>	<i>ākarva</i>	<i>ākarma</i>
2. <i>ākar</i>	<i>ākartām</i>	<i>ākarta</i>
3. <i>ākar</i>	<i>ākartām</i>	<i>ākran</i>

Медиальный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ákri</i>	<i>ákrvahi</i>	<i>ákrmahī</i>
2. <i>ákrthās</i>	<i>ákr̥tam</i>	<i>ákr̥dhvam</i>
3. <i>ákr̥ta</i>	<i>ákr̥tām</i>	<i>ákr̥rata</i>

Глагол *dā-* засвидетельствован в РВ только в аористе активного залога (отдельные формы медиального аориста встречаются позднее). Ни у одного глагола в самхитах реально не засвидетельствована форма 1 du.act. У глаголов на *-ā* этот гласный выпадает в 3 pl.act. перед окончанием *-ur*. Формы 2 и 3 sg.act. у корней, оканчивающихся на согласный, совпадают вследствие упрощения конца слова: 2 sg. *akar* < **akars*, 3 sg. *akar* < **akart*.

Вообще чередование корневого гласного в активной парадигме этого типа аориста отличается некоторой нерегулярностью. Степень гуна наиболее прочно закреплена за формами единственного числа. Исключение представляет собой только глагол *bhū-* 'быть', сохраняющий *-ū* во всех парадигмах активного залога; перед начальным гласным окончания *-ū* > *-ūv*, как в перфекте, например: 3 sg. *ābhūt* — 1 sg. *ābhūvam*, 3 pl. *ābhūvan*. Засвидетельствована также форма 3 du. *anītām* от *nī-* 'вести' с корневым гласным в слабом звуковом виде.

Ряд корней на дифтонг с носовым имеют и в слабых формах *-a* перед окончаниями, начинающимися с *-v* и *-m*. В остальных слабых формах перед начальным согласным окончания они имеют *-a*, а перед гласным окончания 3 pl. утрачивают корневой гласный, например: 1 du.inj.med. *garvahi*, 1 pl.aor.med. *āganmahī* — 2 sg.aor.med. *āgathās*, 3 sg.aor.med. *āgata* от *gam-* 'идти'; *āmata* от *mar-* 'думать' — 3 pl.aor.act. *āgman*, 3 pl.aor.med. *āgmata*; *ātnata* от *tar-* 'тянуть'. Ср., однако, формы 1 и 3 sg.aor.med. *ājani* от *ja-* 'рождать', 3 sg.inj.med. *vanta* от *va-* 'желать'. У корня *ar-* 'приводить в движение' имеет место гуна в ряде засвидетельствованных слабых форм: 3 sg.aor.med. *ārta*, inj.med. *arta*, 3 pl.aor.med. *ārata*. У корня *ghas-* 'пожирать' корень с нулевой ступенью гласного подвергается фонетическим изменениям: 3 pl.act. *ākṣan* (< *a* + *ghs* + *an*), 3 sg.inj.med. *gdha* (< *ghs* + *ta*).

В формах 2 и 3 sg.act. имеют место сандхи конца слова. Конечная палатальная согласная корня бывает представлена гуттуральной или церебральной, например: 3 sg.aor. *āmok* (< *a* + *moc* + *t*) от *muc-* 'освобождать', 3 sg.inj.act. *vark* (< *varj* + *t*) от *vṛj-* 'повергать ниц' или 2 sg.aor. *ānaṭ* (< *a* + *naṣ* + *s* с удлинением аугмента) и 3 sg.inj. *nak* от *naṣ-* 'достигать', 3 sg.aor. *ābhraṭ* (< *a* + *bhrāj* + *t*) от *bhrāj-* 'блестеть'.

Корни с начальным звонким смычным, оканчивающиеся на звонкую придыхательную, в абсолютном исходе и перед окон-

чением на *t*- переносят придыхание на начальный согласный, например: 2 sg.inj. *dhak* (<*dagh-s*), 3 sg.inj. *dhak* (<*dagh+t*), 2 du.inj. *dhaktam* от *dagh*- 'достигать'.

В связи с тем, что в конце слова запрещались сочетания согласных, кроме редких групп «плавный сонорный+шумный смычный» (*vark* от *vṛj-*, 3 sg. *avart* от *vṛt-* 'вертеться'), при упрощении групп согласных у корней с двумя конечными согласными исчезает второй согласный, например: 3 sg. *akran* (<*a+krand-t*) от *krand*- 'ржать', 3 sg. *askan* (<*a+skand+t*) от *skand*- 'прыгать' и т. п.

Наконец, засвидетельствована гаплогическая форма 1 sg. aor.act. *vam* (<**varam*) от *var-* 'покрывать' по аналогии с формами 2, 3 sg. *var*.

У корней, оканчивающихся на согласный, формы 2, 3 sg. неясны по своей структуре и семантике. Дело в том, что они сходны с соответствующими формами аориста на *-s*-, тоже подвергающимися аналогичным фонетическим изменениям. Критерием для различения форм этих двух типов аориста служит ступень корневого гласного: гуна в корневом аористе, вриддхи в аористе на *-s*-, например: *akran* — корневой аорист, *akrān* (<*a+krānd+s+s* или *a+krānd+s+t*) — сигматический.

Еще более сложной представляется интерпретация форм 2 и 3 sg.aor.med. от корней, оканчивающихся на смычный неносовой согласный, типа 2 sg.inj.med. *nutthās* от *nud-* 'толкать', *vikthās* от *viḥj-* 'отпрянуть', 3 sg.aor.med. *āsṛṣṭa* от *sṛj-* 'выпускать', 'выливать' и т. п. Теоретически такие формы могут восходить также к аористу на *-s*-, т. е. *nutthās* < *nud+thās* и *nud+s+thās*, *āsṛṣṭa* < *a+sṛj+ta* и *a+sṛj+s+ta*. В каждом отдельном случае критерием здесь может служить только вся система форм данного глагола. Таким образом, *nutthās* и *vikthās* — корневые аористы, так как форм аориста на *-s*- от этих глаголов нет, *āsṛṣṭa* может принадлежать и к корневой, и к сигматической парадигме, потому что у глагола *sṛj-* засвидетельствованы другие формы корневого и сигматического типа, а *abhakta* от глагола *bhāj-* 'наделять' — сигматическая, поскольку корневых форм аориста у этого глагола нет.

В целом корневой аорист весьма близок по своей структуре к имперфекту корневого типа. У неизменяемых корней парадигма та же, что и в имперфекте, если не считать небольших различий в вариантах флексии, в аористе отдается предпочтение в 3 pl.act. *-ur*, хотя *-an* тоже употребляется, а в 3 pl.med. — *-ran/-ram* и *-ata*. Самым распространенным окончанием здесь является *-ran*, например: *ādṛṣran* от *dṛṣ-* 'видеть', *āyujran* от *yuj-* 'запрягать', *āsṛgrān* от *sṛj-* 'выпускать' (форма с меной гуттурального — палатального согласных) и др. Вариант *-ram* встречается редко: *ādṛṣram*, *ābudhram* от *budh-* 'пробуждаться', *āsṛgram*. У чередующихся корней различия более существенны, так как отличаются друг от друга схемы чере-

дования: в аористе активному залогу без 3 pl. противостоит вся остальная парадигма, в имперфекте единственному числу активного залога противостоит остальная часть парадигмы, т. е. двойственное и множественное число активного залога и весь медиальный.

Корневой аорист так же, как и корневой презенс, обладает разнообразными модальными формами. Наиболее многочисленны формы субъюнктива со вторичными окончаниями. У корней с чередованием гласного в субъюнктиве обычно бывает представлена ступень гуна, например: *kārat*, *pārcas*, *ṣrāvat*. Структурно формы субъюнктива часто плохо отграничены от тематических форм инъюнктива. Достаточно употребительны также формы инъюнктива, часть которых является предельно краткими, односложными словами, как 2 sg. *jes* от *jī-* 'побеждать', *rok* от *ruj-* 'ломать', 2, 3 sg. *kar* от *kar-* 'делать', 3 pl. *dur* от *dā-* 'давать', *dhur* от *dhā-* 'класть'.

Оптитив от корневого аориста (прекатив здесь не принимается во внимание) также засвидетельствован несколькими десятками форм. Суффикс оптитива *-yā-/ī-* чередуется в сильных и слабых формах, например: 1 sg.act. *aṣyām* — 3 pl.act. *aṣyūr*, 1 sg.med. *aṣiyā*, 1 pl.med. *aṣimāhi* от *aṣ-* 'достигать'. Корни на *-ā* перед суффиксом оптитива меняют *-ā* на *-e*, например: 2 sg.act. *jñeyās* от *jñā-* 'знать', 1 pl.opt.act. *stheyāma* от *sthā-* 'стоять'.

Формы императива от основы аориста приближаются по числу к формам субъюнктива. Окончание 1 sg.act. — обычно *-dhi*, но *ā gahi* от *ā+gā-* 'приходить' с сокращением корневого гласного. У корней, оканчивающихся на согласный, перед согласными окончаниями действуют обычные правила внутренних сандхи, в частности упрощение групп согласных, например: 2 sg.act. *yódhi* (<*yodh+dhi*) от *yudh-* 'бороться', 2 pl.act. *var-ta* (<*vart+ta*) от *vrt-* 'вертеться'. Форма 2 sg.act. *bodhi* является императивом одновременно от двух глаголов: *budh-* (из *bodh+dhi*) и *bhū-* (из *bho+dhi*). Ступень гуна встречается в формах 1-го лица, особенно часто во множественном числе. Вообще императив корневого аориста обнаруживает много отклонений от нормы и в отношении ступени корневого гласного, и в отношении ударения.

Активные причастия данного типа весьма редки, медиальные встречаются гораздо чаще. Как правило, они бывают окситонированы, но возможны и акцентные варианты, например: *dr̥cānā-* и *dṛcāna-* от *dr̥c-* 'видеть'.

Уже в РВ засвидетельствовано немало случаев тематизации корневого аориста. Она заключается в проникновении тематического гласного за пределы форм 1 sg.act. с окончанием *-am* или 3 pl.act. с окончанием *-an*, например: 3 sg. *ākarat* (наряду с *ākar*) по аналогии с 1 sg. *ākaram* от *kar-*. Существенную роль в процессе тематизации сыграло, видимо, наличие тема-

тических форм субъюнктива. У некоторых корней на *-ā* тематизация происходила за счет сокращения корневого гласного, например: *ādat* от *ā+da*, *dhat* от *dhā*.

Более половины корней, образующих в РВ формы по данному типу аориста, имеют параллельные основы других структурных типов. Особенно часто сосуществуют формы корневого аориста и аориста на *-s-*. Еще Мейе отметил здесь тенденцию к дополнительному распределению: форме на *-s-* отдается предпочтение, когда окончание начинается с гласного. В результате этого формы на *-s-* преобладают в медиальном залоге индикатива и в субъюнктиве. Среди тех форм, где *-s-* стоит перед согласным, большинство — тоже медиальные. Видимо, этот формальный элемент стал ассоциироваться с медиальным залогом вообще.

Нередко встречаются у одного глагола простой корневой аорист и аорист на *-iṣ-*. Первый имеет сравнительно полную парадигму, второй обычно бывает представлен отдельными формами — как отмечалось исследователями, чаще с окончаниями, начинающимися с дентального. Здесь можно наблюдать черты супплетивизма: 1 sg.med. и 3 pl.med. всегда бывают корневыми, и аорист на *-iṣ-* у таких глаголов их никогда не образует. Императив хорошо засвидетельствован у корневого аориста, а у аориста на *-iṣ-* почти не встречается. Оптатив если и встречается у таких глаголов в аористе на *-iṣ-*, то только в медиальном залоге.

Подобный супплетивизм приводит к постепенному вытеснению корневого атематического аориста.

Корневой тематический аорист (2-й класс) образуется в РВ более чем от 30-ти глаголов, в АВ их число возрастает. Его парадигма целиком совпадает с парадигмой имперфекта глаголов VI класса: корневой гласный в слабом звуковом виде, ударение на тематическом гласном (здесь оно реализуется лишь в модальных формах), а у группы корней определенной структуры — с имперфектом глаголов I класса: корневой гласный в ступени гуна под ударением, основа тематическая.

Этот тип аориста образуют преимущественно корни, оканчивающиеся на согласный. В качестве корневого гласного выступают обычно *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, например: *chid-* 'отрезать', *bhid-* 'ломать', *sic-* 'поливать', *druh-* 'обманывать', *muc-* 'освобождать', *uij-* 'запрягать', *kṛt-* 'резать', *trp-* 'насыщаться', *vṛdh-* 'возрастать' и др. У корней этой структуры корневой гласный всегда бывает в основе аориста в слабом звуковом виде, а ударение в модальных формах падает на тематический гласный: *āśicat*, 1opt.aor.act. *vidēyam*, 2du.iv.act. *ruhātam*.

Небольшая группа корней оканчивается на дифтонг с плавным или носовым сонантом: *ar-* 'приводить в движение', *kar-* 'делать', *sar-* 'течь', *tan-* 'тянуть', *san-* 'добывать', *gam-* 'идти',

çram- 'установить' и др. (принадлежность к тематическому аористу основ от корней данной структуры часто бывает весьма проблематичной). У этих корней корневой гласный бывает представлен ступенью гуна, и в модальных формах на него падает ударение: *ákarat*, 2 sg.iv.act. *sára*, 1 pl.opt.act. *sanéma*.

Корни с конечным *-i*, *-u* и с интерконсонантным *-a-* почти не встречаются в этом типе аориста (есть отдельные недостоверные формы).

От некоторых корней на *-ā* в данный тип перешли отдельные формы в результате тематизации (см. с. 328). Корень *çās-* 'обучать' представлен в основе данного аориста вариантом *çis-* — 3 sg.inj. *çiṣat*.

Образец спряжения — *vid-* 'находить' (пр. *vindāti*):

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ávidam</i>	<i>ávidāva</i>	<i>ávidāma</i>
2. <i>ávidas</i>	<i>ávidatam</i>	<i>ávidata</i>
3. <i>ávidat</i>	<i>ávidatām</i>	<i>ávidan</i>

Медиа́льный залог

1. <i>ávide</i>	<i>ávidāvahi</i>	<i>ávidāmahi</i>
2. <i>ávidathās</i>	<i>ávidethām</i>	<i>ávidadhvam</i>
3. <i>ávidata</i>	<i>ávidetām</i>	<i>ávidanta</i>

Такова теоретически полная парадигма. Реально в самхитах в большинстве случаев парадигма индикатива оказывается фикцией. Более или менее полно в РВ представлены в активном залоге индикатива только глаголы *khyā-* 'смотреть', *bhū-* 'быть', *vid-* 'находить', *san-* 'добывать' и *sar-* 'течь'. Медиа́льный залог от основ этого типа засвидетельствован очень слабо. У многих глаголов в РВ этот аорист представлен формами 1-го лица опатива на *-eyam*, *-ema* и безаугментными формами на *-as*, *-at*, *-an* (они могут также быть субъюнктивом от аориста 1). При этом надо иметь в виду, что опатив иногда имеет свою основу, не совпадающую с основой какого-либо времени.

Модальные формы у этого типа аориста тоже немногочисленны. Кроме упомянутых форм опатива встречается еще инъюнктив. Субъюнктив и императив редки. Немногочисленны и иногда не вполне достоверны также причастия от этих основ, активные и медиа́льные.

В целом в РВ зафиксировано начало становления тематического аориста (ср. сходное положение с презентным типом *tudāti*). Начиная с АВ, число корней, образующих этот аорист, и количество форм неуклонно возрастает.

Редуплицированный аорист (3-й класс) образуется в ведийском языке приблизительно от 90 корней. Этот тип основ встречается у корней любой структуры. Как правило, основы редуплицированного аориста тематические, но употребляются также и отдельные атематические формы.

Редупликация в аористе бывает неполной, гласный удвоения — большей частью тембра *-i-* (у корней на *i*, *a*, *r*), *-u-* лишь у корней на этот гласный. Гласный удвоения *-a-* засвидетельствован у очень небольшого числа корней.

Общие правила редупликации действительны и для редуплицированного аориста, притом что он обладает одной специфической особенностью. Основам данного типа свойственна определенная ритмическая структура: в этих четырехсложных формах должен быть обязательный контраст между долгим гласным слога редупликации и легким корневым слогом. Из этой главной тенденции вытекают частные правила. Если корень начинается одним согласным, гласный удвоения бывает *-i-* или *-ū-* от корней на *-u-*, например: *naç-* 'исчезать' — *ānīnaçat*, *par-* 'перевозить' — *āpīparat*, *budh-* 'пробуждать(ся)' — *ābūbudhat*, *çri-* 'опираться' — *āçīçret* и т. д. Если корень начинается с двух согласных, то удлинения гласного не происходит, например: *суu-* 'сотрясать(ся)' — *ācucyavat*, *çnath-* 'просверливать' — *āçīçnat*, *svap-* 'спать' — *siçvap*. Если корень является тяжелым слогом (т. е. кончается на долгий гласный + согласный или на краткий гласный + два согласных), возможны два варианта: а) корень не изменяется и гласный удвоения не удлиняется, например: *dāç-* 'почитать' — *dādāçat*, *dhāv-* 'бежать' — *adadhāvat*; б) корень изменяется, становясь легким слогом за счет сокращения корневого гласного или опущения одного согласного, и гласный удвоения удлиняется, например: *vāç-* 'реветь', 'мычать' — *āvīvaçat*, *sādh-* 'достигать цели' — *sīṣadhas*, *krand-* 'ржать' — *ācikradat*, *sraṃs-* 'падать' — *asisrasat*.

Ударение падает в принципе на слог удвоения, но встречаются также формы с ударением на корневом гласном.

Степень корневого гласного задается ритмом данного образования: как правило, он бывает в слабой ступени в закрытом слоге и в ступени гуна в открытом слоге, например: *riṣ-* 'вредить', *rīriṣat*, но *prī-* 'нравиться', *apīprayan* или *dhar-* 'дергать', *adīdharat*.

Образец спряжения — *jan-* 'рождать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ā ji janam</i>	<i>ā ji janāva</i>	<i>ā ji janāma</i>
2. <i>ā ji janas</i>	<i>ā ji janatam</i>	<i>ā ji janata</i>
3. <i>ā ji janat</i>	<i>ā ji janatām</i>	<i>ā ji janan</i>

Медиальный залог

	sg.	du.	pl.
1.	<i>ājījane</i>	<i>ājījanāvahi</i>	<i>ājījanāmahi</i>
2.	<i>ājījanathas</i>	<i>ājījanethām</i>	<i>ājījanadhvam</i>
3.	<i>ājījanata</i>	<i>ājījanetām</i>	<i>ājījananta</i>

Из этой теоретической парадигмы реально в самхитах не засвидетельствована форма 1, 2 du.med. и 1 du.act. Медиальный залог у этого типа аориста представлен в текстах очень слабо.

Атематическое спряжение в этом классе аориста представлено отдельными формами 2, 3 sg.act. и 3 pl.act., а также соответствующими формами инъюнктива, например: 2 sg.act. *ājigar* от *gir-* 'глотать', 3 sg.act. *apipot* от *pī-* 'очищать', 3 pl.act. *aṣiṣravur* от *ṣru-* и др. В 3 pl. перед гласным окончания конечный корневой гласный бывает в ступени гуна.

У нескольких тематических аористов с редупликацией *-a* имеет место ноль корневого гласного: *apratat* от *pat-* 'летать', *avocat* (существует *vocatī*) от *vac-* 'говорить' и *aleṣat* (ср. слабые формы перфекта) от *naṣ-* 'исчезать'.

У корня *dyut-* 'сверкать' редупликация, вопреки правилу на *-i-*, а не на *-u-*: *ādidyutat*.

Несколько редуплицированных аористов образованы от формы корня с конечным *-p*, извлеченным из каузативной основы. Корни на *-ā* меняют при этом *-ā* на *-i-*: *ājijñipat* (caus. *jñāpāyati*) от *jñā-* 'знать', *ātiṣṭhipat* (caus. *sthāpāyati*) от *sthā-* 'стоять', *jīhipas* от *hā-* 'оставлять', 'покидать'.

Редуплицированные аористы принято считать каузативными по значению и связывать их в одну систему с каузативными презенсами на *-āya-*. Структурно это совершенно различные образования (как уже говорилось, *-p-* в корне из каузатива прослеживается всего у нескольких корней). Семантически эта связь, судя по всему, тоже вторична. Аористы с редупликацией на *-i-* имеют фактитивно-переходное значение. Как отмечалось в научной литературе, в случае переходных глаголов их можно рассматривать как каузативы только к соответствующим непрерывным презенсам, и они ничем не отличаются по грамматической семантике от презентных форм с переходным значением. Ср., например, от глагола *jan-* 'рождать(ся)' значение активного имперфекта *ājanat* 'он породил' (презенс *jānati*), имперфекта каузатива *ājanayat* (презенс *janāyati*), редуплицированного аориста *ajījanat*, и медиального имперфекта *ājāyata* 'он родился' (презенс *jāyate*); *indro... ajanad... sūryam...* (III, 31,15) 'Индра породил солнце', *ājanayat sūryam* (II, 19,3) 'Он породил солнце', *ṣukrām jyōtir ajījanat* (IX, 66,24) 'Он породил сверкающее светило' и *cākṣoḥ sūryo ajāyata* (X, 90,13) 'Из глаза родилось солнце'.

Редуплицированные аористы с удвоением на *-a-* имеют боль-

шей частью непереходное, слабо интенсивное значение. Ср., например, основы разных типов удвоения от глагола *vrt-* 'вертеть(ся)': *imé jivā vi mṛtair āvavṛtran* (X, 18,3) 'Эти живые отделились от мертвых' и *abhi tvā devāh savitābhi sōmo avivṛtat* (X, 174,3) 'Тебя выдвинул бог Савитар, тебя Сома выдвинул'.

Аорист на *-s-* (4-й класс) образуется в ведийском языке более чем от 100 корней. Среди них существенно преобладают легкие корни, корни анит, хотя тяжелые корни и корни сет тоже представлены (как известно из диахронических исследований, первоначальному распределению аористов на *-s-* и *-iṣ-* соответствовало разделение корней на анит и сет).

Характерной приметой этого класса аориста является элемент *-s-*, находящийся между корнем и окончанием. Аорист на *-s-* является атематическим, и ему свойственно чередование гласных в корне. Это чередование в отличие от презентных основ происходит между активной и медиальной парадигмой.

В активном залоге аориста на *-s-* корни выступают в степени вриддхи. В медиальном залоге корни с серединным гласным, подверженным чередованию, имеют слабую ступень, с конечным гласным *-i*, *-u*, *-r* — ступень гуна. Вот некоторые примеры: *araiḥṣ-/ariḥṣ-* от *ric-* 'оставлять', *arauts-/aruts-* от *rudh-* 'препятствовать', *asrāḥṣ-/asṛḥṣ-* от *sṛj-* 'выпускать течь' или *ajaiṣ-/ajeṣ-* от *ji-* 'побеждать', *astauṣ-/astoṣ-* от *stu-* 'восхвалять', *ahārṣ-/ahrṣ-* от *har-* 'держать'. Корням на *-a-* свойственно чередование типа *-ā-/a-*, например: *atāps-/ataps-* от *tap-* 'жечь', 'мучить', *abhāḥṣ-/abhakṣ-* от *bhaj-* 'наделять'.

Корни на дифтонг с носовым *-an*, *-am* в сильных формах всегда имеют вриддхи: 2, 3 sg.act. *atān* от *tan-* 'тянуть', 2, 3 sg.act. *ayān* от *yam-* 'обуздывать', а в слабых формах у них возможны два решения: гуна, как в 3 pl.med. *āmamsata* от *man-*, 1 pl.opt.med. *vaṃsīmāhi* от *van-* 'желать', или слабая ступень, как в 1 pl.med. *āgasmahi* от *gam-*, 1 sg.opt.med. *ma-sīyā* от *man-*, 1 pl.opt.med. *vasīmāhi* от *van-* 'желать'. Корни 1. *dā-* 'давать' и 2. *dā-* 'резать' следуют типу чередования *-ā-/i-*, например: 3 sg.subj.aor. *dasāt* — 1 sg.opt.med. *diṣīya* от 1. *dā-*.

У корня *sah-* 'одолевать' в данном типе аориста во всех формах встречается ступень вриддхи, например: 1 sg.med. *asāk-ṣi*, 1 sg.opt.med. *sākṣīyā* и др.

Образцы спряжения — *bhar-* 'нести' (act.), *stu-* 'восхвалять' (med.):

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ābhārṣam</i>	<i>ābhārṣva</i>	<i>ābhārṣma</i>
2. <i>ābhār</i>	<i>ābhārṣtam</i>	<i>ābhārṣta</i>
3. <i>ābhār</i>	<i>ābhārṣṭam</i>	<i>ābhārṣur</i>

sg.	du.	pl.
1. <i>ástoṣi</i>	<i>ástoṣvahi</i>	<i>ástoṣmahi</i>
2. <i>ástoṣthās</i>	<i>ástoṣāthām</i>	<i>ástoṣhvam</i>
3. <i>ástoṣṭa</i>	<i>ástoṣātām</i>	<i>ástoṣata</i>

В реально засвидетельствованной в РВ парадигме медиальные формы представлены гораздо полнее, чем активные (и в этом отличие аориста 4-го класса от других типов аориста). Особенно многочисленны те медиальные формы, где *-s-* находится перед гласным окончанием.

Формы 2, 3 sg.act. у корней оканчивающихся на согласный, в этом типе аориста регулярно совпадают вследствие упрощения конечной группы согласных (2 sg. *abhār<a-bhār-s-s*, 3 sg. *abhār<a-bhār-s-t*). Фонетической нормой является утрата морфологической ясности окончания в этих формах. У корней с конечным гласным утрачивается окончание *-s* или *-t*, а показатель аориста *-s-* остается, например: *ájais* от *ji-* 'побеждать', *áprās* от *prā-* 'наполнять', *áhās* от *hā-* 'оставлять'. У корней с конечным согласным исчезают согласный окончания и *-s-* аориста, например: *ácait* от *cit-* 'замечать', *átān* от *tan-* 'протираться', *áhār* от *har-* 'держать'. Фонетические изменения у этих корней затрагивают также конечный согласный корня, а из двух конечных корневых согласных последний исчезает, например: *áyān* от *yam-* 'обуздывать', *ápṛāṭ* от *prach-* 'спрашивать', *ádḥāk* ит *dah-* 'сжигать', *ávāṭ* от *vah-* 'везти', *ásrāk* от *sṛj-* 'выпускать течь', или *ákrān* от *kṛand-* 'ржать', *ásyān* от *syand-* 'течь' и др.

В ведах встречается несколько случаев, когда в формах 2, 3 sg.act. сохранено окончание, иногда за счет конечного согласного корня, например: 2 sg. *áyās* от *yaj-* 'жертвовать' (РВ) (2 sg.inj. *yāṭ*, 3 sg.aor. *ayāṭ*), *açrait* от *çri-* 'опираться', 2 sg.inj. *sras* от *sṛj-*, 3 sg. *áhait* от *hi-* 'гнать'. Корень *vas-* 'сиять' образует 3 sg.aor.act. *ávāt* (*<a+vās+s+t*).

В дальнейшем развитии языка, чтобы избежать этих морфологически неясных форм, перед окончанием вставляется *-i-*: 2 sg. *-īs*, 3 sg. *-it* (ср. impf. *abravit* и aor. на *-iṣ—akramīt*).

У корней, оканчивающихся на шумный согласный, перед окончаниями, начинающимися с этих согласных, в результате внутренних сандхи возникают морфологически неясные формы 2 и 3 sg.med. типа *ábhakthās*, *ábhakta* от *bhaj-*, которые фонетически могут одновременно интерпретироваться и как корневые, и как сигматические (см. с. 327).

В форме 2 pl.med. *ástoṣhvam* от *stu-* церебрализация *-dh-* вызвана озвончением и выпадением показателя аориста *-s-*.

В этом типе аориста окончание 3 pl.act. *-ur*, 3 pl.med. *-ata*. Модальные формы от данного типа аориста весьма неравно-

мерно распределены по наклонениям. Они могут быть иногда самостоятельными с точки зрения ступени чередования корневого гласного.

Инъюнктив достаточно употребителен. В 1 sg.act., видимо, под влиянием субъюнктива вместо ожидаемой ступени вриддхи всегда бывает ступень гуна, например: *jéṣam* от *ji-* 'побеждать', *stóṣam* от *stu-*, а у *yu-* 'отделять' — удлинение гласного: *yūṣam*. У *ji-* эта же ступень засвидетельствована в 1 pl.act. *jeṣma*.

От корней на *-a* засвидетельствованы формы инъюнктива с вокализмом *-e-*, например: 1 pl.act. *jñeṣma* от *jñā-* 'знать', *deṣma* от *dā-* 'давать', 1 sg.act. *yeṣam* от *-yā-* 'идти', 3 pl.act. *stheṣur* от *sthā-* 'стоять' и др.

Оптатив от основ аориста на *-s-* возможен только в медиальном залоге, причем формы 2, 3 sg. почти всегда принадлежат прекративу, т. е. имеют *-s-* в суффиксе, например: 1 sg.opt.med. *masīyā* — 3 sg.opt.med. *māmsīṣṭa* от *man-* 'думать'.

Субъюнктив встречается достаточно часто. В РВ явно преобладают формы активного залога. Ступень корневого гласного гуна во всей парадигме, ударение на корне. Весьма употребительны первичные окончания. Вторичные окончания принадлежат только активному залогу. Вот некоторые примеры: 1 sg.act. *stoṣāni* от *stu-*; 3 sg. *neṣati*, *néṣat*, 2 pl. *neṣatha* от *nī-* 'вести'; 2 sg.med. *māmsase*, 3 sg. *māmsate*, 3 pl. *māmsante* от *man-* 'думать' и др.

Императив от данного типа основ встречается в единичных случаях. Столь же редки причастия, причем те несколько, которые употребляются, имеют суффикс активного залога: *dākṣat-* и *dhākṣat* от *dah-* 'сжигать', *sākṣat-* от *sah-* 'осиливать'.

Более $\frac{3}{4}$ глагольных корней, образующих в РВ аорист на *-s-*, обладают параллельными основами аориста других структурных типов. Особенно часто аорист на *-s-* сочетается с простым корневым аористом, причем между формами этих двух аористов существует, как говорилось ранее (см. с. 329), отношение дополнительного распределения. В результате этой тенденции у таких многоосновных глаголов в индикативе медиальная парадигма лучше представлена у аориста 4-го класса, чем у аориста 1-го класса, субъюнктив чаще образуется от основы аориста 4-го класса, императив и активный оптатив — от аориста 1-го класса, медиальный оптатив — от аориста 4-го.

Ряд глаголов РВ сочетают в своей парадигме аористы на *-s-* и на *-iṣ-*. У легких корней обычно полнее засвидетельствован аорист 4-го класса, а аорист 5-го класса представлен отдельными формами, у тяжелых корней — наоборот, но есть и отклонения от этой тенденции.

Аорист на *-iṣ-* (5-й класс) образуется в ведийском языке приблизительно от 120 глаголов. По употребительности он занимает следующее место после аориста 1-го класса. Это един-

ственный тип аориста, встречающийся у производных (деноминативных) «корней».

Данный тип аориста образуют преимущественно тяжелые корни, сет, но ввиду его распространенности также встречаются корни и иной структуры. Среди многочисленных корней, оканчивающихся на согласный, выделяется большая группа корней на придыхательный (среди корней, образующих аорист 4-го класса, был только один корень *budh-*), нет корней на *-ā* (они образуют аорист 4-го класса).

Аорист на *-iṣ-* является атематическим образованием, тем не менее чередование гласных не имеет здесь регулярного и системного характера, как у аориста на *-s-*.

Общие правила, описывающие ступень корневого гласного, таковы. У корней, оканчивающихся на согласный и обладающих корневым гласным *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, в активном и медиальном залогах бывает ступень гуна. У корней, оканчивающихся на гласный, в активном залоге имеет место ступень вриддхи, в медиальном — ступень гуна. Корни с интерконсонантным *-a-* иногда удлинняют его в активном залоге, иногда нет. Вот некоторые примеры: 3 pl.act. *apāviṣus* — 3 sg.inj.med. *paviṣta* от *pū-* 'очищать', 1 sg.act. *asāniṣam* — 3 pl.inj.med. *saniṣanta* от *san-* 'добывать', 3 pl.inj. *jāriṣus* от *jar-(jṛ-)* 'дряхлеть', 3 sg.inj. *pāriṣat* от *par-(pṛ-)* 'перевозить' и др., но 3 sg.inj.act. *veçīt* от *viç-* 'входить', 2 sg.inj. *yodhīs*, 2 du.iv.act. *yodhiṣtam* от *yudh-* 'бороться', 2 sg.inj.act. *mardhīs*, 2 du.iv.act. *mardhiṣtam* от *mṛdh-* 'бросать', 'пренебрегать', 3 du.iv.act. *jāniṣtam*, 3 sg.aor.med. *ājaniṣta* от *jan-* 'рождать(ся)' и др.

Для данного типа аориста специфичны формы 2, 3 sg.act. на *-īṣ*, *-īt* (теоретически восходящие к *-iṣ-s* и *-iṣ-t*, но фонетически трудно объяснимые).

Ударение в модальных формах бывает, как правило, на корневом гласном.

Образец спряжения — *kram-* 'ступать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>ākramiṣam</i>	<i>ākramiṣva</i>	<i>ākramiṣma</i>
2. <i>ākramīṣ</i>	<i>ākramiṣtam</i>	<i>ākramiṣta</i>
3. <i>ākramīt</i>	<i>ākramiṣtām</i>	<i>ākramiṣur</i>

Медиальный залог

1. <i>ākramiṣi</i>	<i>ākramiṣvahi</i>	<i>ākramiṣmahi</i>
2. <i>ākramiṣthās</i>	<i>ākramiṣāthām</i>	<i>ākramiḍhvam</i>
3. <i>ākramiṣta</i>	<i>ākramiṣātām</i>	<i>ākramiṣata</i>

У глагола *kram-* встречается еще форма 1 sg.act. *ākramīm*, образованная по аналогии с соответствующими формами 2-го, 3-го лица; ср. также *āgrabhīm* от *grabh-* 'хватать' и *avadhīm*,

vadhīm от *vadh-* 'убивать'. Кстати, корень *grabh-* имеет долгий соединительный гласный во всей парадигме — ср. 1 pl.aor. act. *agrabhiṣma*. Начальный согласный в окончании 2 pl. *-dhvam* под влиянием предшествовавшего *-s-*, который выпал, подвергшись озвончению, церебрализируется. Другой фонетический рефлекс засвидетельствован в форме 2 sg.iv.act. на *-dhi* в *aviddhi* (<*av*+*iṣ*+*dhi*) от *av-* 'помогать'.

В нескольких слабых формах корневой гласный представлен слабой или нулевой ступенью вместо обычной ступени гуна. Это 1 sg.aor.med. *gmiṣiṃyá* от *gam-* 'идти', *ruciṣiṃyá* от *ruc-* 'сиять' и 2 sg.inj.med. *nudiṣṭhās* от *nud-* 'толкать'.

К аористу на *-iṣ-* на основании ступени корневого гласного вриддхи относят отдельные формы сет без *-s-*, а именно: 1 pl. act. *atārima* (PB) от *tar-* 'пересекать' и 3 pl.med. *avādiran* (AB) от *vad-* 'говорить'.

Реальная парадигма аориста 5-го класса сильно отличается от теоретически максимальной парадигмы. Как неоднократно отмечалось исследователями, лишь немногие глаголы имеют одновременно формы и активного, и медиального залогов. Активная парадигма вообще представлена гораздо полнее. В медиальной употребляются фактически формы с окончанием на зубной согласный: 2 sg. на *-iṣṭhās*, 3 sg. на *-iṣṭa*.

Из модальных форм с основой аориста на *-iṣ-* особенно часто встречаются инъюнктивы, особенно в активном залоге. Субъюнктив представлен совсем незначительным количеством форм с первичными окончаниями — только в 1-м лице (именно этот тип субъюнктива широко распространен с основами аориста на *-s-*). Наиболее употребительны формы 2, 3 sg.act. на *-iṣas*, *-iṣat*. Оптатив же засвидетельствован только в медиальном залоге, при этом формы 2, 3 sg. всегда имеют прекативное *-s-* в суффиксе. Формы императива — встречаются только в активном залоге — очень редки.

Аорист 5-го класса гораздо реже сочетается у одного глагола с другими типами аористических основ, чем аорист 4-го. Чаще всего он сочетается с аористом 1-го класса, образуя с ним в индикативе супплетивную парадигму. Более чем в половине всех случаев аорист 5-го класса является единственной основой аориста.

Аорист на *-siṣ-* (6-й класс) является результатом контактирования аористов на *-s-* и на *-iṣ-*. Парадигма ничем не отличается от аориста на *-iṣ-*. Образуется от нескольких корней на *-ā-* и на носовой согласный. В PB формы этого аориста засвидетельствованы у двух глаголов: *gā-* 'идти', 3 pl.act. *agāsiṣur*, 3 sg.subj. *gāsiṣat*; *yā-* id., 1 sg.act. *ayāsiṣam*, 2 pl.act. *ayasiṣṭa*, 3 pl.act. *ayāsiṣur*, 2 du.iv.act. *yāsiṣṭam*, 2 pl.iv.act. *yasiṣṭa* (с долгим гласным в суффиксе), 3 sg.subj.act. *yāsiṣat*, 2 sg.opt. med. *yāsiṣṭhās*. В AB встречаются формы еще от нескольких глаголов: *pyā-* 'набухать', *hā-* 'покидать', *van-* 'желать'.

Медиальный залог представлен только в оптативе. Все остальные формы принадлежат активному залогу.

Все те глаголы, от которых засвидетельствованы формы аориста на *-siṣ-*, имеют, кроме того, параллельную основу аориста на *-s-*.

Аорист на *-sa-* (7-й класс) для периода самхит является пробным образованием, имеющим неполную парадигму. В РВ он засвидетельствован с той или иной степенью достоверности менее, чем от 10 корней, всего в самхитах — не более, чем от 15 корней.

Аорист 7-го класса образуется от корней, оканчивающихся на шумный смычный согласный или на *-h*. Корневой гласный бывает *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, но не *-a-*. Корневой гласный представлен слабым звуковым видом, а ударение — оно засвидетельствовано модальными формами — падает на суффикс (ср. имперфекты класса VI презенса).

По правилам сандхи, конечный согласный корня, соединяясь с *-sa-*, дает *-kṣa-*, являющееся приметой аориста 7-го класса: *krukṣá-* от *kruç-* 'кричать', *ghukṣá-* от *guh-* 'скрывать' (с переносом придыхания на начальный согласный корня), *dhukṣá-* (сандхи то же) от *duh-* 'доить', *dvikṣá-* от *dviṣ-* 'ненавидеть', *mṛkṣá-* от *mṛj-* 'стирать', *yakṣá-* от *ya j-* 'жертвовать', *vṛkṣá-* от *vṛj-* 'повергать ниц', *spṛkṣá-* от *spṛç-* 'трогать'.

Аорист на *-sa-* следует в спряжении обычному тематическому типу. Реальная парадигма очень неполная. В индикативе не встречается двойственного числа. В медиальном залоге засвидетельствована только форма 3 sg. и pl.

В РВ этот тип аориста лучше всего засвидетельствован у глагола *duh-*, имеющего два фонетических варианта основы: *adhukṣa-* и *adukṣa-*. Представлены следующие формы: 2 sg.inj. act. *dukṣás*, 3 sg.aor.act. *ádhuksat*, *adukṣat*, 3 pl.aor.act. *ádhuksan*, inj. *dhukṣán*, 3 sg.aor.med. *ádhuksata*, inj. *dhukṣáta*, 3 pl.med. *adhukṣata*, inj. *dhukṣanta*, 2 sg.iv.med. *dhukṣásva*. Форма 3 pl.med. *adhukṣata* могла бы в равной мере принадлежать аористу на *-s-*. Вообще вся парадигма выглядит как отдельные попытки тематизации форм аориста 4-го класса.

Остальные глаголы представлены чаще всего только формой 3 sg.act. Модальные формы с основой данного аориста единичны.

Прекатив — это оптатив от основы аориста, в котором за суффиксом оптатива *-ya-/i-* следует элемент *-s-*. В активном залоге суффикс прекатива присоединяется к основе корневого аориста, в медиальном — к основам сигматического аориста, а также к другим типам основ.

Прекатив в ведах не составляет единой парадигмы, он супплетивен с формами простого аориста от основ оптатива. В медиальном залоге этот супплетивизм выражен более отчетливо. Показатель *-s-* после приметы оптатива встречается толь-

ко во 2, 3 sg., например, у сигматических основ, 2 sg. *maṁsī-ṣṭhās* от *man-* 'думать', *modīṣīṣṭhās* от *mud-* 'радоваться', *yāsiṣīṣṭhās* от *yā-* 'идти', 3 sg. *maṁsīṣṭa* от *man-*, *mṛkṣīṣṭa* от *mṛc-* 'вредить', *janīṣīṣṭa* от *jan-* 'рождать'. Практически формы 2, 3 sg.med. без -s- не встречаются, кроме одного случая в СВ — *bhaksīta* от *bhaj-* 'наделять'.

Формы медиального прекатива встречаются от разных основ: перфекты — 2 sg. *sāsaḥīṣṭhās* от *sah-* 'одолевать', корневого аориста — 3 sg. *padīṣṭa* от *pad-* 'падать', *mucīṣṭa* от *muc-* 'освобождать', тематического — *vidēṣṭa* от *vid-* 'находить', редулицированного — *rīriṣīṣṭa* от *riṣ-* 'вредить'.

В активном залоге формы прекатива употребительны прежде всего во 2, 3 sg., например: 2, 3 sg. *aṣyās* (<*aṣ-yā-s-s-* и *aṣ-ya-s-t*) от *aṣ-* 'достигать', *gamyās* от *gam-* 'идти', *bhūyās* от *bhū-* 'быть' и др. Возникновение этих форм можно объяснить аналогией с совпадающими формами 2, 3 sg. в корневом аористе и аористе на -s-. Видимо, именно отсюда -s- в суффиксе прекатива стало распространяться в формы других лиц активного залога. В РВ засвидетельствованы изолированные формы 1 sg. *bhūyāsam* и 1 pl. *kriyāsmā*, в более поздних самхитах — еще 2 du. *bhūyāstam* и 2 pl. *bhūyāsta*. В дальнейшем образуется полная активная парадигма с показателем прекатива — *yās-*, хотя эта разновидность опатива всегда остается малоупотребительной³.

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА

Перфект в ведийском языке является продуктивным и употребительным образованием, формы которого засвидетельствованы приблизительно от 300 глаголов. Подобно презенсу и аористу, он имеет свою систему модальных форм, а также аугментную основу со вторичными окончаниями — плюсквам-перфект. Косвенные наклонения от основы перфекта, однако, гораздо менее многочисленны, чем от основы аориста и тем более презенса, и не всегда отличаются ясной морфологической структурой.

Перфект формально отчетливо противопоставлен презенсу и аористу особой серией личных окончаний в действительном залоге и характерным типом редупликации. Основе перфекта свойственна неполная редупликация при доминирующем гласном удвоения -a-. Перфектная основа является атематической.

Корни с неначальным гласным *a*, *ā*, *ṛ* в перфекте всегда имеют в слогe удвоения гласный -a-, например: *tap-* 'жечь', 'мучить', *tatāpa*; *naṣ-* 'исчезать', *nanāṣa*; *van-* 'желать', *vāvāna*; *pā-* 'пить', *paṇai* (pr. *pibati*); *mā-* 'мерить', 3 sg.med. *tamé*

³ Об аористе пассива см. ниже, в разделе «Система пассива» (с. 348 сл.).

(pr. *mime*), *rādh-* 'достигать цели', *rarādhā*; *sar-* 'течь', 'струиться', *śasāra* (pr. *sisarti*); *trh-* 'разбивать', *tatarha*. Корни на *ī*, *ū* повторяют этот гласный в слове удвоения, например: *nī-* 'вести', *nināya*; *ric-* 'освобождать', *rirēca*; *ruj-* 'разламывать', *ruṛōja*; *hū-* 'звать', *juhāva* и т. п. Отклонения от этих правил немногочисленны: *bhū-* 'быть', *babhāva* и *sū-* 'рождать', *śasūve* (но в АВ *śuśuve*). В понятие корней с неначальным *ī*, *ū* входят также и те корни, у которых соответствующий глайд имеет неслоговую, консонантную форму, а корневой гласный другой, например: *tyaj-* 'отказываться', *tityāja*; *cyu-* 'колебаться', 2 sg.med. *cicyuṣe* (наряду с 3 sg.med. *cicyuvē*); *dyut-* 'сверкать', 3 sg.med. *didyute*; *vyac-* 'охватывать', *viṇvāca*; *vyadh-* 'пронзать', p.pl.act. *vividhvāms-*; *svap-* 'спать', 3 pl.act. *śuṣupur*.

Аномалией в отношении гласного редупликации является перфектное причастие *vivakvāms-* от *vac-* 'говорить', а в отношении согласного редупликации — перфектная основа *jabhār-* от глагола *bhar-* 'нести', засвидетельствованная многими формами в РВ в противоположность изолированной правильной форме 3 sg.med. *babhre* (III, 1,10).

Корни с начальным гласным дают различные рефлексy в слове удвоения. Корни, начинающиеся с *ā-*, нормально имеют в слове удвоения *ā* (<*a-* редупликации + *a-* корня), например: *av-* 'помогать', *āva*; *aç-* 'есть', *āça*; *as-* 'быть', *āsa*; *ah-* 'говорить', *āha* (глагол, у которого нет презенса и парадигма перфекта дефектна); *ar-* 'достигать', *āra*. По этому же типу редуплицируется глагол *ar-/r-* 'приводить в движение' — *āra*.

Группа корней с начальным *a-* и *r-* имеет в слове удвоения *ān-*, а именно: *a(m)ç-* 'достигать', 3 sg.act. *ānaṁça* и *ānāça* (наряду с 3 du.act. *āçatur*, 3 pl.act. *āçur*); *a(n̄)j-* 'намазывать', 3 sg.med. *ānāje*, 3 pl.med. *ānājre*; *a(m)h-/nah-* 'соединять', *anāha* (с кратким гласным в слове удвоения); *arc-/rc-* 'воспевать', 3 pl.act. *ārçcur*, *ardh-/rdh-* 'процветать', 3 sg.med. *ārdhe*. Высказывалось предположение о том, что от корней, у которых носовой согласный входит в состав корня, он был перенесен по аналогии в некоторые другие корни.

Корни, начинающиеся с *ī-*, *ū-*, в слабых формах имеют долгий гласный слога удвоения и корневого гласного, а в сильных формах гласный удвоения бывает кратким. В обоих случаях он отделен согласным вариантом соответствующего глайда — *-y-* или *-v-* — от последующего гласного (ступени гуна корневого гласного в сильных формах, гласного окончания — в слабых), например: *i-* 'идти', 2 sg.act. *iyétha*, 3 sg.act. *iṇāya* — 2 du.act. *iṇāthur*, 3 du.act. *iṇātur*, 3 pl.act. *iṇūr*; *uc-* 'нравиться', 3 sg.act. *uvōca* — 2 sg.med. *ūciṣe* и пр. Исключение — 2 sg.med. *va-vakṣe* от *ukṣ-* 'кропить'.

В результате контракции гласного удвоения и корня в слабых формах у корней с начальным долгим гласным возникают

морфологически неясные формы, которые можно интерпретировать и как презенс, и как перфект, например: 1 sg.med. *īlé* от *īḍ-* 'прославлять'; *īṣé* от *īṣ-* 'убегать', 'избегать'; *ūhé* от *ūh-* 'замечать'. В дальнейшем развитии языка корни именно такой структуры образуют описательный перфект.

Некоторые корни, начинающиеся с *ya-*, *va-* и подверженные чередованию по типу самprasарана, редулицируются подобно корням с начальными *i-*, *u-*, например: *yaj-* 'жертвовать', 1, 3 sg.med. *ījé*, 3 pl.med. *ījiré*; *vac-* 'говорить', *uvāca*; *vad-* id., 1 pl.med. *ūdima*; *vas-* 'светить', *uvāsa*; *vas-* 'жить', 3 du.act. *ūṣatur*; *vah-* 'везти', *uvāha*.

В ведийском языке широко распространено ритмическое удлинение гласного удвоения в перфекте, если далее следует открытый слог корня, например: *grdh-* 'жаждать', 3 pl.act. *jāgrdhūr*; *ran-* 'нравиться', 1 sg.act. *rāraṇa*; *vas-* 'надевать', 3 sg.med. *vāvase*; *dī-* 'светить', 2 sg.act. *didétha*, 3 sg.act. *didāya*; *dhi-* 'смотреть', 1 sg.act. *dīdhaya*, 1 pl.act. *dīdhima* и др. Эта тенденция, правда, проводится весьма непоследовательно — ср. *kar-* 'делать', 1 sg.act. *cakāra* и т. п., с одной стороны, и *nam-* 'кланяться', 3 sg.act. *nānāma* — с другой.

Как атематическому образованию перфекту свойственно чередование гласных: в сильных формах корневой гласный бывает представлен ступенью гуна, в слабых — слабой звуковой ступенью. Сильными формами являются: 1, 2, 3 sg.act. (подобно презенсу); 3 sg.iv.act.; subj.act., med. Исключение представляют собой корни *bhū-* 'быть' и *sū-* 'рождать', сохраняющие во всей парадигме слабую ступень (см. выше).

Ударение в сильных формах падает на корневой гласный, в слабых — на окончание. (В отличие от ударения в редулицированном презенсе и в значительной степени также от ударения в редулицированном аористе оно никогда не приходится на слог удвоения.) Иногда у корней с начальным гласным ударение является единственным формальным средством для различения грамматического значения, например: *av-* 'помогать', 3 sg.act. *āva* — 2 pl.act. *āvā*.

Для перфекта характерно удлинение корневого гласного *-a-* в 3 sg.act. в открытом слоге, чем достигается дифференциация двух форм: 1 и 3 sg.act., например: *gam-* 'идти', 1 sg.act. *ga-* *gāma* — 3 sg.act. *jagāma*; *mī-* 'уменьшать', 1 sg.act. *mīma* *ya* — 3 sg.act. *mīmāya* и др.

В некоторых корнях, начинающихся с палатального согласного или с *h-*, имеет место мена палатального/гutturального в корне (с диахронической точки зрения, здесь происходит восстановление gutturalного согласного), например: *ci-* 'видеть', *cikāya*; *ci-* 'замечать', *cikéta*; *ji-* 'побеждать', *jigāya*; *han-* 'убивать', *jaghāna*.

Перфект, как известно, имеет в активном залоге особую серию окончаний с исходом на *-a* или *-r*. В медиальном залоге

используется соответствующая серия окончаний презенса, при том что в 1-м и 3-м лице единственного числа употребляется окончание без *-t-*, а в 3-м лице множественного числа — окончание *-re* (для системы презенса это редкие варианты окончаний).

Ряд окончаний, начинающихся с согласного, а именно: 2 sg. act. *-tha*, 1 pl. act. *-ma*, 2 sg. med. *-se*, 3 pl. med. *-re*, регулярно присоединяются к корню, оканчивающемуся на согласный, с помощью соединительного гласного *-i-*, если перфектная основа оканчивается на тяжелый слог, например: *takṣ-* 'вытачивать', 3 pl. med. *tataksiré*; *vand-* 'восхвалять', 1 pl. act. *vavandima*, 3 pl. med. *vavandiré*; *kṛt-* 'резать', 2 sg. act. *cakartitha*; *rudh-* 'препятствовать', 2 sg. act. *rurodhitha*, но 3 pl. med. *rurudhre*; *viç-* 'входить', 2 sg. act. *viveçitha*, но 3 pl. med. *viviçré* и т. д.

К корням, оканчивающимся на гласный, большей частью окончания присоединяются непосредственно. Так, от корней на *ī-*, *-ī* встречается только одна форма с соединительным гласным: 2 sg. act. *babhūvitha* от *bhū-* 'быть' (наряду с гораздо более распространенной формой *babhūtha*). Корни на *-r* присоединяют через *-i-* только окончание 3 pl. med. *-re*, например: *kar-* 'делать', *cakriré*, но *cakārtha*, *cakṛmā*, *cakṛsé*. Корни на *-ā* присоединяют через *-i-* согласные окончания слабых форм, и корневой гласный в этих формах выпадает, как перед гласным окончанием, например: *pā-* 'пить', 3 pl. med. *papire* (ср. 2 sg. act. *pa-pātha*); *mā-* 'мерить', 3 pl. med. *tamire*; *sthā-* 'стоять', 1 pl. act. *tasthima*, 3 pl. med. *tasthire* и др.

Перед окончаниями, начинающимися с гласного, корни на *-ā* утрачивают конечный гласный, например: *dā-* 'давать', 2 du. act. *dadāthur*, 3 du. act. *dadātur*, 2 pl. act. *dadā*, 1, 3 sg. med. *dadé*. Эти же корни имеют в 1, 3 sg. act. окончание *-au*: *dadaū* от *dā-*, *tasthaū* от *sthā-* и т. д. (форма 1 sg. act. в мантрах, видимо, не засвидетельствована). В РВ засвидетельствован единственный случай окончания 3 sg. act. *-ā* перед согласным — *prāṛā* (I, 69,1) от *prā-* 'наполнять'.

Образцы спряжения — *kar-* 'делать', *dhā-* 'класть':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>cakāra</i>	<i>cakṛvā</i>	<i>cakṛmā</i>
2. <i>cakārtha</i>	<i>cakrāthur</i>	<i>cakrā</i>
3. <i>cakāra</i>	<i>cakrātur</i>	<i>cakrūr</i>

Медиа́льный залог

1. <i>cakré</i>	<i>cakṛvāhe</i>	<i>cakṛmāhe</i>
2. <i>cakṛsé</i>	<i>cakrāthe</i>	<i>cakṛdhvê</i>
3. <i>cakré</i>	<i>cakrāte</i>	<i>cakriré</i>

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. <i>dadhaú</i>	<i>dadhivá</i>	<i>dadhimá</i>
2. <i>dadhátha</i>	<i>dadháthur</i>	<i>dadhá</i>
3. <i>dadhaú</i>	<i>dadhátur</i>	<i>dadhúr</i>

Медиальный залог

1. <i>dadhé</i>	<i>dadhiváhe</i>	<i>dadhimáhe</i>
2. <i>dadhiśé</i>	<i>dadháthe</i>	<i>dadhidhvé</i>
3. <i>dadhé</i>	<i>dadhâte</i>	<i>dadhiré</i>

Эта теоретически максимальная парадигма реально весьма полно засвидетельствована в текстах. Не встречаются вообще мало употребительные формы 1 du.act. и med., а также форма 1 sg.act. от корней на -ā.

В целом perfecta парадигма отличается большой регулярностью. Лишь в редких случаях ступень гуна встречается за пределами нормальных сильных форм, например: 1 pl.act. *uuyopimá* (VII, 89,5) от *uup-* 'стирать' и 3 pl.act. *viveçur* (IV, 23,9) от *viç-* 'входить' наряду с правильной формой *viviçur*.

Ряд корней структуры C_1VC_2 , где $V = -a-$, в слабых формах перед гласными окончаниями утрачивают интерконсонантный корневой гласный, а именно: *khan-* 'копать', 3 pl.act. *sakhnur* (AB); *gam-* 'идти', 2 du.act. *jagmathus* и т. д.; *ghas-* 'пожирать', opt.pf. *jakšiyát*, part.pf.act. *jakšivāms-*; *jan-* 'рождать(ся)', 3 pl.act. *jajñúr*, 2 sg.med. *jajñiśé* и др.; *tan-* 'тянуть(ся)', 3 sg.med. *tatne* и др.; *pat-* 'летать', 1 pl.act. *paptima* и др.; *sac-* 'следовать', 1 pl.act. *saçcima*, 3 pl.act. *saçcur*, 3 pl.med. *saççiré*; *han-* 'убивать', 2 du.act. *jaghnáthur*.

Корни, оканчивающиеся на два согласных — носовой + гомоганный смычный, — в слабых формах обычно утрачивают носовую, например: *i(n)dh-* 'зажигать', 3 sg.med. *idhé* (ср. 3 sg.pr. med. *indhé*); *krand-* 'ржать', 3 sg.med. *cakradé*; *vañc-* 'бежать пригнувшись', 3 pl.med. *vāvakre*; *stambh-* 'укреплять', 3 pl.act. *tastabhur*, но 3 sg.act. *tastámbha* и др. — ср., однако, нарушение этой тенденции в парадигме глагола *vand-* 'восхвалять' — 1 pl.act. *vavandima*, 3 sg.med. *vavande*, 3 pl.med. *vavandiré*, подобно 3 sg.act. *vavanda*.

Корни структуры C_1VC_2 , у которых $V = -a-$, а C_2 — смычный согласный, могут образовывать слабые формы, меняя $-a-$ на $-e-$ без редупликации, например: *pat-* 'летать', 2 du.act. *petathur*, 3 du.act. *petátur* (наряду с 1 pl.act. *paptima*, 3 pl.act. *paptur*); *çap-* 'проклинать', 1 sg.med. *çepé* и др. В качестве C_2 иногда может выступать носовой согласный, например: *nam-* 'кланяться', 3 sg.med. *neme*; *tan-* 'тянуть', 3 pl.med. *teniré* (AB, в RB *tatnire* и проч.). Наиболее полно слабые формы perfecta на $-e-$

засвидетельствованы у глагола *sad-* 'сидеть'. В активном залоге в РВ встречаются следующие формы: 2 sg. *sasáttha*, 3 sg. *sasāda*, 2 du. *sedāthur*, 3 du. *sedatur*, 1 pl. *sedima*, 2 pl. *sedā*, 3 pl. *sedūr*, в медиальном залоге — форма 3 pl. *sedīre*. Высказывалось предположение, что именно перфект от этого корня, первоначально имевший редупликацию в соответствии с нормой, но претерпевший определенные фонетические изменения (**sa-sd->*sa-zd->sed-*), послужил отправной точкой для распространения по аналогии основ подобной структуры и у других корней.

Корень *vid-* 'знать' образует перфектную парадигму без редупликации со значением презенса. В РВ засвидетельствованы следующие формы: в активном залоге 1 sg. *vēda*, 2 sg. *vēttha*, 3 sg. *vēda*, 2 du. *vidāthur*, 1 pl. *vidmā*, 2 pl. *vidā*, 3 pl. *vidūr*, в медиальном залоге 3 pl. *vidre*.

Кроме парадигмы этого корня в РВ встречаются изолированные формы без редупликации с перфектными окончаниями еще от нескольких корней: *aj-* 'гнать', 3 pl.act. *ajur*; *arh-* 'заслуживать', 3 pl.med. *arhire*; *inv-* 'посылать', 3 pl.med. *invire*; *takṣ-* 'вытачивать', 2 du.act. *takṣathur*, 3 pl.act. *takṣur*; *pinv-* 'набухать', 3 pl.med. *pinvire*; *yam-* 'обуздывать', 3 du.act. *yamātur*, 3 pl.act. *yamur*; *skambh-* 'укреплять', 2 du.act. *skambhāthur*, 3 pl.act. *skambhur*. Ни одной сильной формы без редупликации не встречается. Высказывалось предположение о том, что это пробные формы, образованные по аналогии с системами презенса и аориста. Достаточно употребительны несколько причастий активного залога от основы перфекта без редупликации: *dācṣvāms-* от *dāc-* 'почитать', *mīḍhvāms-* от *mih-* 'выливать', *sāhvāms-* от *sah-* 'одолевать', а также *vidvāms-* от *vid-* 'знать'.

Из аномалий в области окончаний следует отметить вариант 3 pl.med. *-rire* (вместо *-re*), засвидетельствованный в РВ несколькими формами от корней с конечным согласным: *cikitriré* от *cit-* 'замечать', *jagṛbhriré* от *grabh-* 'хватать', *dadriré* от *dā-* 'давать', *dadhriré* от *dhar-* 'держать', *bubhujriré* от *bhuj-* 'вкушать', *vividriré* от *vid-* 'находить', *sasṛjriré* от *sṛj-* 'выпускать течь' и в СВ *duduhrriré* от *duh-* 'доить'. Этот редкий вариант окончания мог возникнуть в результате неверного анализа таких форм, как *cakriré* от *kar-* 'делать', где *-ṛ-* входит в состав корня.

От основы перфекта в ведийском языке образуются формы различных косвенных наклонений. По значению они никак не связаны с перфектом. По форме они часто недостаточно отчетливы, в связи с чем их трудно отграничить от редуплицированного презенса, аориста или интенсивов. Полнее всего эти модальные формы засвидетельствованы в РВ.

Из модальных форм с основой перфекта наиболее употребителен субъюнктив. Он образуется от основы перфекта с корневым гласным в ступени гуна посредством присоединения тема-

тического гласного вторичных или первичных окончаний и постановкой ударения на слог удвоения, например: *cit-* 'замечать', pf. *cikēta*, subj.pf. 3 sg.act. *ciketāt, ciketati*; *juṣ-* 'наслаждаться', pf. *jujoṣa*, subj.pf. 2 sg.act. *jūjoṣasi*, 3 sg.med. *jūjoṣate* и т. п. Отклонения от нормы встречаются нередко, например, слабая ступень корневого гласного во 2 sg.act. *cikītas* от *cit-*, *mutucas* от *muc-* 'освобождать' и др. или ударение на корне в 3 sg.act. *tatānat* от *tan-* 'тянуть', *jaghānat* от *han-* 'убивать' и др. Формы активного залога существенно преобладают над медиальными.

Оптатив образуется путем присоединения чередующегося суффикса *-uā-/ī-* к слабому виду перфектной основы (корни на дифтонг с носовым имеют ступень гуна), например: *gam-* 'идти', pf. *jagāma*, opt.pf. 1 sg.act. *jagamyām*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', pf. *vavārta*, opt.pf. 1 pl.act. *vavṛtyāma*, 1 pl.med. *vavṛtimahi* и др.

Формы императива от основы перфекта немногочисленны и нерегулярны по своей структуре. В соответствии с нормой 3 sg.act. образуется от сильной основы перфекта, остальные формы — от слабой, например: *muc-*, pf. *mutōca*, iv.pf. 2 sg.act. *mutugdhī*, 3 sg.act. *mutoktu*. Сильная основа встречается, однако, иногда и в других формах, например: 2 du.act. *mutōcatam* и др. Окончание 2 sg.med. *-sva* часто присоединяется к тематической основе, например: *pri-* 'радовать(ся)', pf.med. *pīpriyé*, iv.pf. *pīprāyasva* и др.

Перфектные причастия образуются от слабого вида основы с помощью суффикса *-vāms-* в активном залоге и *-āna* в медиальном, например: *cakṛvāms-*, *cakṛānā-* от *kar-* 'делать'; *dadāvāms-*, *dadānā-* от *dā-* 'давать'. Суффикс *-vāms-* присоединяется к корню посредством соединительного гласного *-i-* после конечного тяжелого слога, например: *ārivāms-* от *ar-* 'приводить в движение', *jagmivāms-* от *gam-* (наряду с *jaganvāms-*) и др.

Плюсквамперфект образуется от основы перфекта с помощью аугмента и вторичных личных окончаний. По форме это прошедшее время к перфекту (подобно имперфекту к презенсу), по значению же плюсквамперфект не является самостоятельной граммемой времени и выражает просто недифференцированное прошедшее время, совпадающее с имперфектом или аористом.

Плюсквамперфект бывает атематическим и тематическим. Первый соответствует преимущественно перфекту активного залога, второй — медиального, например: plusq. *abibhet*, ср. pf. *bibhāya* от *bhī-* 'бояться', но plusq. *ātītvīṣanta*, ср. pf. *tītvīṣé* от *tviṣ-* 'возбуждаться'.

Атематический плюсквамперфект, в соответствии с общим правилом, должен был бы образовывать формы единственного числа активного залога от основы с корневым гласным в сту-

пени гуна, а остальные — от основы со слабым видом корневого гласного. Такое соотношение форм встречается, например: 1 sg. act. *cakaram* — 3 pl. med. *acakriran*. Но поскольку у плюсквамперфекта фактически нет парадигмы, а есть лишь отдельные формы от разных корней, судить об этом трудно.

Формы 2 и 3 sg. могут совпадать, как в других атематических претеритах, например: *cākān* (<**cākans* или **cākant*) от *kan-* 'быть довольным', pf. *sakāna*. Окончание может сохраниться с помощью соединительного *-i-*, отделяющего его от корня, например: 2 sg. act. *āviveçis* от *viç-* 'входить', pf. *vivēça*.

Самая большая сложность с плюсквамперфектом заключается в установлении его объема, т. е. в отграничении его форм от форм редуцированного имперфекта, редуцированного аориста, модальных форм перфекта (притом что безаугментный плюсквамперфект встречается нередко) и интенсивов. Все предлагавшиеся критерии мало эффективны. Не подходит и семантический критерий, поскольку по временному значению плюсквамперфект не противопоставлен другим аугментным граммемам, а по каузативности—некаузативности он не отличим от той части редуцированных аористов с удвоением на *-a-*, которая имеет непереходное значение. Указывалось, что наиболее очевидные случаи плюсквамперфекта имеют место тогда, когда у данного глагола есть перфект, а соответствующего презенса нет. Такие случаи единичны.

В дальнейшем развитии языка плюсквамперфект исчезает.

СИСТЕМА ФУТУРУМА

Футурум, или будущее время, в ранневедийский период, т. е. в РВ, находится в состоянии становления. Нормальным способом выражения значения будущего времени является субъюнктив. В РВ основа футурума засвидетельствована от 15 глагольных корней (личные формы — от девяти), в АВ — приблизительно от 30 корней. В дальнейшем развитии языка футурум получает широкое распространение, а субъюнктив выходит из употребления. Уже в брахманах футурум весьма употребителен.

Футурум образуется от корня в ступени гуна с помощью суффикса *-syá-/iṣyá-*, на который падает ударение. Спряжение принадлежит к обычному презентному тематическому типу и фактически является одной из разновидностей презентных основ с футурально-модальным значением.

Распределение вариантов суффикса без соединительного гласного *-i-* и с *-i-* в значительной степени нарушает границу между корнями анит и сет. Большая часть корней, оканчивающихся на гласный, кроме *r*, образует футурум без соединительного гласного, например: *dā-* 'давать', *dāsyā-*; *kṣi-* 'жить', *kṣesyā-*; *nī-* 'вести', *neṣyā-* и др., однако *bhū-* 'быть', *bhaviṣyā-*;

stu- 'восхвалять', *staviṣyá-* (позднее также *stoṣyá-*). Корни на *-r* обычно образуют футурум на *-iṣyá-*: *kar-* 'делать', *kariṣyá-*; *bhar-* 'нести', *bhariṣyá-*; *mar-* 'умирать', *marīṣyá-* и др. Около $\frac{2}{3}$ корней, оканчивающихся на смычные и носовые, присоединяют суффикс *-sya-*, но сформулировать правила распределения вариантов суффикса вряд ли возможно. Вот некоторые примеры: *gam-* 'идти', *gamiṣyati*; *pat-* 'летать', *patiṣyati*; *naç-* 'исчезать', *naçiṣyati*; *man-* 'думать', *maniṣye* (PB) и др. На стыке корня и суффикса могут иметь место внутренние сандхи согласных, например: *dah-* 'жесть', *dhakṣyá-* (с перераспределением придыхания на начальный звонкий согласный корня); *mih-* 'мочиться', *mekṣyá-*; *rādh-* 'достигать цели', *rātsya-* и др. В тех немногих случаях футурума, которые засвидетельствованы в PB, *-i-* суффикса практически встречается только после *-r*, *-n*. В дальнейшем положение меняется, и более распространенным вариантом суффикса футурума становится *-iṣyá-*. Только эту форму суффикса имеют в будущем времени каузативные глагольные основы, которые перед суффиксом утрачивают конечный *-a*, например: *caus. vārayiṣyate* (AB, X, 3,4) 'он заставит скрыться' от *var-* 'скрывать' и др.

Из отклонений следует отметить основу футурума от *sū-* 'рождать', где *-ū-* сохраняется неизменным: *sūṣyá-*, как и в других временных формах от этого глагола (ср. *pī. sasūva*) и от *sah-* 'одолевать', где корневой гласный долгий: *sākṣya-*, что имеет место и в некоторых других формах от этого глагола (ср. *pr. sāhati* наряду с *sāhate*).

Модальных форм от основы футурума фактически нет (если не считать одной не очень достоверной формы 2 sg. subj. *kariṣyās* от *kar-*), поскольку граммема футурума сама является полумодальной.

От основы футурума образуются причастия активного и медиального залогов соответственно на *-ānt-* (женский род *-āntī-*) и *māna-*, например: *ji-* 'побеждать', *jeṣyānt-* 'готовый победить'; *sū-* 'рождать', *sūṣyanti-* (с аномальным ударением) 'собирающаяся родить'; *stu-* 'прославлять', *staviṣyāmāna-* 'долженствующий быть прославленным' и др. Медиальные причастия редки.

Описательного футурума в мантрах нет. Он появляется в брахманах.

Кондиционалис, или аугментная основа футурума, по форме принадлежит к системе футурума, по значению же является граммемой наклонения, а не времени, выражая ирреальное действие (см. с. 280). В самхитах исчерпывается одним примером из PB: *abhariṣyat* от *bhar-* 'нести'. Эта граммема входит в употребление в брахманах, хотя и там остается редкой.

II. СИСТЕМА ПАССИВА

Пассив, или страдательный залог, в ведийском языке имеет особую форму выражения только в пределах системы презенса (в остальных временных системах пассивное значение могут выражать медиальные окончания). Структурно он очень близок к одному из типов презентных основ — основам с суффиксом *-ya-* (IV класс, с которым он был генетически связан). Пассив образуется от корня в слабом звуковом виде с помощью суффикса *-yá-*, находящегося всегда под ударением, и медиальных окончаний, например, *vidyáte* от *vid-* 'находить', *nīyáte* от *nī-* 'вести', *yujyáte* от *yuj-* 'запрягать', *pūyáte* от *pū-* 'очищать', *srjyáte* от *srj-* 'выпускать течь' и др. У корней с интерконсонантным *-a-* этот гласный остается неизменным, например: *ajyáte* от *aj-* 'гнать', *madyáte* от *mad-* 'веселить' и др. Таким образом, отличия пассива от IV класса состоят в месте ударения и в запрете на активные окончания.

Корневой гласный в основе пассива характеризуется некоторыми особенностями. У корней, оканчивающихся на *-i*, *-u*, перед суффиксом *-yá-* гласный удлиняется, например: *śru-* 'слышать', *śrūyáte*; *su-* 'выжимать', *sūyáte*; *stu-* 'прославлять', *stūyáte* и т. д. В результате в основах пассива нейтрализуется противопоставление между формами от корней на долгий и на краткий конечный гласный, например: *sūyáte* может быть формой страдательного залога от *su-* 'выжимать' и от *sū-* 'рождать', *hūyáte* от *hu-* 'совершать жертвенное возлияние' и от *hū-* 'звать'.

Корни на *-ā* большей частью в основах пассива имеют корневой гласный *-ī* (слабый звуковой вид по типу чередования *ā/i* с последующей долготой гласного перед суффиксом *-yá-*), например: *gā-* 'петь', р.р.п. *giyāmāna-*; *dā-* 'давать', *dīyáte*; *dhā-* 'класть', *dhiyáte*; *mā-* 'мерить', р.р.п. *mīyāmāna-* и т. д., но *jñā-* 'знать', *jñāyáte*.

Корни, оканчивающиеся на два согласных с предпоследним носовым, в основе пассива утрачивают носовой согласный, например: *a(ñ)c-* 'сгибать', *acyá-*; *a(ñ)j-* 'намазывать', *ajyá-*; *i(n)dh-* 'зажигать', *idhyá-*; *ni(n)d-* 'насмехаться', *nidyá-*; *ba(n)dh-* 'связывать', *badhyá-* и др. В результате этого в формах пассива может произойти нейтрализация противопоставления корней с носовым и без носового согласного, например: *ajyáte* — pass. от *añj-* 'намазывать' и *aj-* 'гнать'.

Корни на конечный *-ṛ* обычно имеют в основе пассива рефлекс *-ri*, например: *dhar-* 'держать', *dhriyáte*; *bhar-* 'нести', *bhriyáte*. Другие возможные рефлексы корней на *-ṛ* (так называемый *-ṝ*) — *-īr*, *-ūr*, например: *ṣar-/ṣṛ-* 'давить', *ṣriyáte*; *par-/pur-/pr-* 'наполнять', *pūryáte* (встречается в брахманах).

Ряд корней обнаруживает в пассиве чередование по типу сампрасарана, например: *vac-* 'говорить', *ucyáte*; *vad-* id., *udyáte*; *vac-* 'сеять', *ipyáte*; *vah-* 'везти', *uhyáte*.

Парадигма глаголов в пассиве, если не считать места ударения, в точности повторяет парадигму глаголов IV класса в медиальном залоге. Пассив в ведийском языке засвидетельствован почти исключительно в презенсе. Имперфект представлен всего лишь несколькими формами 3-го лица единственного и множественного числа.

Встречаются отдельные модальные формы от основы пассива: субъектив, как 3 sg. *bhriyāte* от *bhar-* или 3 pl. *ucyantai* от *vac-*, и императив, как 3 sg. *hiyatām* от *hā-* 'оставлять' и др. Оптатив от основы пассива засвидетельствован несколькими формами в брахманах.

Причастие несовершенного вида образуется от основы пассива с помощью суффикса тематического спряжения *-māna-*, например: *guh-* 'скрывать', *guhyāmāna-* 'скрываемый'; *yam-* 'обуздывать', *yamyāmāna-* 'обуздываемый' и др. Они достаточно употребительны. В ряде случаев этим причастиям страдательного залога синонимичны просто медиальные причастия на *-māna-* или *-āna-*, которые иногда тоже могут иметь пассивное значение, например: *stūyāmāna-*, *stāvāna-* и *stāvamāna-* 'прославляемый' и др.

В ведийском языке засвидетельствованы отдельные формы переходного характера между презенсом на *-ya-* и пассивом. Среди презенсов на *-ya-* встречаются основы с медиальными окончаниями, но с ударением на корневом гласном, как и положено для этого класса, имеющие пассивное значение: *jāyate* 'он рождается' — *jānati* 'он рождает' от *jan-*, *jīyate* 'он побеждается' — *jināti* 'он побеждает' от *ji-* и *mīyate* 'он уменьшется' — *mināti* 'он уменьшает' от *mī-*. Кроме того, есть основа с ударением на суффиксе и медиальным окончанием, но имеющая не пассивное, а непереходное значение: *mriyāte* 'он умирает' от *mar-*. Наконец, в РВ встречаются случаи употребления основы с ударным суффиксом *-yá-*, первичным окончанием и пассивным значением: *yābhir aṅgiro mānasā niranyāthas...* (I, 112,18) 'Те, с помощью которых [I.pl.], о Ангирас, вы удовлетворяетесь душою...' — ср. основу IV класса от этого же глагола: *vīcṣvāni yó āmartyo havyā mārteṣu rānyati* (V, 18,1) 'Который бессмертный удовлетворяется всеми жертвенными возлияниями [A.pl.] у смертных'. Все эти примеры свидетельствуют об исконной связи между пассивом и презентным типом основ на *-ya-*.

3 sg.aor.pass. на *-i* — это единственная форма этого залога от основы аориста; в остальных лицах и числах значение пассива выражает медиальная флексия. В самхитах эта форма образуется приблизительно от 45 глагольных корней.

Форма 3 sg.aor.pass. структурно не связана ни с одним из типов основ аориста. Она является корневым образованием, но от корневого аориста отличается ступенью корневого гласного. Это аугментная форма, имеющая особое окончание *-i*. В меди-

альном аористе окончание *-i* встречается только в 1-м лице, например: *ákri* от *kar-* и др. При этом, однако, в других граммемах времени возможно совпадение флексий 1 и 3 sg.: в перфекте это происходит регулярно (1, 3 sg.med. *-e*), в презенсе — в небольшой части форм, образующих 3 sg.med. без *-t-* в окончании (*duhé* от *duh-*, *çāye* от *çi-*).

Корневой гласный в 3 sg.aor.pass. на *-i* бывает представлен ступенью гуна или вриддхи. В корнях, оканчивающихся на согласный, гласные *i*, *u*, *ṛ* имеют ступень гуна, например: *cit-* 'замечать', *āceti*; *yuj-* 'запрягать', *āyoji*; *sṛj-* 'выпускать течь', *āsarji* и др. Корни с конечным гласным *-i*, *-u*, *-ṛ* имеют ступень вриддхи, например: *çri-* 'подпирать', *āçrāyi*; *stu-* 'воспевать', *āstāvi*; *kar-* (*kr-*) 'делать', *ākāri* и др. Корни с интерконсонантным *-a-* удлиняют его перед одним согласным и не удлиняют перед двумя, например: *gam-* 'идти', *āgāmi*; *pad-* 'идти', 'падать', *pādi*; *vac-* 'говорить', *āvāci* и др., но *myakṣ-* 'мерцать', *āmyakṣi*; *vand-* 'восхвалять', *vandi* и др. Исключением является только форма *ājani* без удлинения *a-* от *jan-* 'рождать(ся)' (наряду с *jāni*). Корни с конечным *-ā* имеют эпентетический согласный *-y-* между гласным корня и *-i* окончания, например: *dā-* 'давать', *dāyi*; *dhā-* 'класть', *ādihāyi*; *pā-* 'пить', *āpāyi* и др., благодаря чему сохраняется ясность морфологической структуры формы.

Ударение в безаугментных формах всегда приходится на корневой гласный, например: *vid-* 'находить', *vēdi*; *çru-* 'слышать', *çṛāvi* и т. д.

Хотя данную форму принято называть пассивом аориста, в некоторой части случаев она, как уже неоднократно отмечалось, имеет не пассивное, а медиальное или просто непереходное значение. У глаголов непереходных данная форма может ничем не отличаться по значению от соответствующих активных форм, например, от глагола *sad-* с приставкой *ni-* 'усаживать(ся)', ср. aor.pass. *asādi* и impf.act. *asīdat*: *divó vā nābhā ny āsādi hótā* (III, 4,4) 'Или хотар уселся на пупе земли', и *agnīr hótā ny āsīdad yā jiyān upāsīthe mātūh...* (V, 1,6) 'Агни-хотар, лучше других приносящий жертву, уселся в лоне матери...'. Иногда и от переходных глаголов форма 3 sg.aor.pass. на *-i* имеет скорее не пассивное, а медиальное значение, например: *āvīr abhūn māhi māghonam eṣām | vīçvaṃ jīvāṃ tāmāso nīr amoci* (X, 107,1) 'Вот проявилась их великая щедрость. Все живое освободилось из мрака'. Преобладающим, однако, является пассивное значение этой формы от переходных глаголов, например, *ākāri* от *kar-*: *ayām vo ya jñā ṛbhavo 'kāri* (IV, 34,3) 'Приготовлена для вас эта жертва, о Рибху'.

III. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

К неличным формам в ведийском языке относятся отглагольные прилагательные, инфинитивы и деепричастия. Все эти классы форм находятся на периферии глагола, характеризуясь одновременно грамматическими категориями глагола и какого-нибудь другого класса слов (соответственно прилагательного, существительного, наречия). Они принадлежат к первичному словообразованию, поскольку образуются непосредственно от корня. Отглагольные имена связаны с глаголом не только некоторыми общими грамматическими категориями, но обычно и на синтаксическом уровне — участием в одних и тех же ЭСК. Наконец, с глаголом они тесно связаны семантически единым лексическим значением корня (существенно, что вся разветвленная система личных форм глагола тоже объединяется лишь с помощью глагольного корня, и по этому же признаку к ней присоединяются неличные формы).

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Отглагольные прилагательные, или причастия, как их нередко называют (не делая различий между ними и собственно причастиями, образованными от временных основ), представляют собой наиболее распространенный класс отглагольных имен. Семантически они тесно связаны с глаголами и могут интерпретироваться как причастия с той только разницей, что у них нет формальных показателей времени и залога (активного или медиального). Отдельные периферийные формы могут обладать значением прилагательных, встречаются и случаи субстантивизации, но в целом глагольное значение преобладает.

Отглагольные прилагательные на *-tā/-nā-*. Основным вариантом суффикса является *-tā-*, который присоединяется к корню в слабом звуковом виде, причем ударение падает на суффикс. Суффикс *-tā-* может присоединяться прямо к корню или с помощью соединительного гласного *-i-* (всегда в производном спряжении, где ступень корневого гласного может быть иной). Соединительный гласный никогда не встречается с суффиксом *-nā-*.

Отглагольные прилагательные на *-ta/-na-* могут употребляться с префиксами (хотя такое употребление здесь бывает реже, чем у личных форм). При наличии префикса на него обычно падает ударение, например: *āhuta-* 'возлитый' от *ā+hu-*, *nihita-* 'вложенный' от *ni+dhā-*, *pārāgata-* 'ушедший прочь' от *parā+gam-* и др., однако, *praçastā-* 'прославленный' от *pra+çam-*. Если же префиксов два, то в случае их спаянности с отглагольным прилагательным в одно слово, ударение при-

ходится на второй из них; префикс-наречие, употребляемый самостоятельно, всегда несет на себе ударение, например: *apāvṛkta-* 'отброшенный прочь' от *apa + ā + vṛj-*, но *āpa páre-ta-* 'ушедший прочь' от *apa + parā + i-* и т. п.

Перед суффиксом *-ta-* корни определенной структуры могут иметь особые рефлексы слабой звуковой ступени. Так, в корнях на *-ā* большей частью перед *-ta-* наблюдается *-ī* или *-i*, а именно: *gā-* 'петь', *gitā*; *dhā-* 'сосать', *dhitā*; *pā-* 'пить', *pitā*; есть несколько корней, в которых конечному *-ā* предшествует *-u-*: *jyā-* 'побеждать', *jitā*; *vyā-* 'покрывать', *vitā*; *ṣyā-* 'сгущаться', 'замерзать', *ṣitā*; *dā-* 'связывать', *ditā*; *dhā-* 'класть', *hitā* (с утратой смычности начальным согласным, ср., однако, в сложных словах *dúrdhita-* 'плохо положенный', *súdhita-* 'хорошо положенный'); *mā-* 'мерить', *mitā*; *ṣā-* 'точить', *ṣitā*; *sā-* 'связывать', *sitā*; *sthā-* 'стоять', *sthitā*; но *jñā-* 'знать', *jñatā*. Глагол *ṣās-* 'обучать' образует отглагольное прилагательное на *-ta-* *ṣiṣṭā*. Глагол *dā-* 'давать' образует отглагольное прилагательное на *-ta-* от основы презенса — *dattā* («правильная» форма, встречается в составе сложного слова *tvāddāta-* 'данный тобой').

В корнях на дифтонг с носовым в данном классе форм встречаются разные варианты слабой звуковой ступени. Регулярным является рефлекс *-a-*, например: *gam-* 'идти', *gatā*; *yam-* 'обуздывать', *yatā*; *man-* 'думать', *matā*; *han-* 'убивать', *hatā* и др. Несколько корней на *-an* имеют в качестве слабой ступени *-ā*: *khan-* 'копать', *khātā*; *jan-* 'рождать', *jātā* и *san-* 'достигать', *sātā*. Наконец, у группы корней на *-am* и одного корня на *-an* слабая ступень представлена вариантом *-ān*: *kram-* 'ступать', *krāntā*; *ṣam-* 'быть спокойным', *ṣāntā*; *ṣram-* 'уставать', *ṣrāntā*; *dhvaan-* 'скрываться'(?), *dhvāntā*.

В отдельных случаях при корневом вокализме тембра *a* может иметь место нулевая ступень, т. е. выпадение гласного. Такова, например, встречающаяся в некоторых сложных словах форма *otta-* от глагола *dā-*: *devātta-* (РВ) 'данный богами' или *ogdha-* от *ghas-* 'съедать': *agdhād-* (ТС) 'едящий несъедобное'.

В корнях, оканчивающихся на группу согласных с предпоследним носовым, перед суффиксом *-ta-* носовой исчезает, например: *añj-* 'намазывать', *aktā*; *bandh-* 'привязывать', *bad-dhā*; *ṣams-* 'проводглашать', *ṣastā* и др.

Несколько корней, оканчивающихся на *-r* (принадлежащие к ряду морфонологических чередований *ṛ*), имеют рефлекс *-īr*, *-ūr*: *ṣar-* 'разбивать', *ṣīrtā*, *ṣūrtā*; *gir-/gur-* 'восхвалять', *gūrtā*; *par-/pur-* 'наполнять', *pūrtā*.

У корней, оканчивающихся на шумный согласный, на морфемном шве имеют место сандхи согласных, ассимиляция по звонкости/глухости (*vid-* 'находить', *vittā*), мена палатальных и гуттуральных (*añj-* 'намазывать', *aktā*), церебрализация (*viṣ-* 'входить', *viṣṭā*), перераспределение придыхания на конец

группы согласных (*indh-* 'зажигать', *iddhá-*). Неоднозначны сандхи конечного корневого *-h*: ср. *nah-* 'прикреплять', *naddhá-*; *muh-* 'заблуждаться', *mugdhá-*; но *ruh-* 'подниматься', *rūdhá-*; *vah-* 'везти', *ūdhá-* (с сампрасарана); *sah-* 'одолевать', *sādhá-* (три последних примера с церебрализацией одиночного придыхательного согласного и заменительной долготой предшествующего гласного).

Около 1/8 части отглагольных прилагательных данной структуры в непроезводном спряжении образуется в РВ и АВ посредством варианта суффикса *-itá-*. Сколько-нибудь строгих правил дистрибуции *-tá-* и *-itá-* нет. Отмечалось, что суффикс *-itá-* присоединяет значительная часть корней, оканчивающихся на сочетание двух согласных или на такой согласный, который при соединении с начальным *-t-* суффикса давал бы фонетически сложный результат, но этим все не исчерпывается. Обращалось внимание также на то, что неизменяемые корни имеют тенденцию присоединять суффикс *-itá-*. Вот некоторые примеры: *jīṽ-* 'жить', *jīvitá-*; *manth-* 'взбалтывать', *mathitá-*; *rakṣ-* 'охранять', *rakṣitá-*; *vyath-* 'колыхаться', *vyathitá-*; *stambh-* 'укреплять', *stabhitá-* и др. но наряду с этим также *car-* 'бродить', *caritá-*; *pat-* 'лететь', 'падать', *patitá-*; *vad-* 'говорить', *uditá-* и др. Производное спряжение глаголов, особенно каузативов, использует суффикс *-itá-* регулярно. В отглагольных прилагательных от каузативов ступень корневого гласного бывает та же, что в презентной основе, т. е. гуна или вриддхи, например: *aç-* 'есть', *āçita-*; *cud-* 'точить', 'вдохновлять', *coditá-*; *viç-* 'входить', *veçitá-*; *ar-* 'приводить в движение', *arpitá-* (чаще *ārṣita-* с необычным ударением). Эти отглагольные прилагательные совсем немногочисленны в ведийском языке (в отличие, например, от причастий на *-ant-*, образованных от каузативов).

Корень *grabh-/grah-* 'хватать' имеет долгий соединительный гласный: *gr̥bhītá-/gr̥hītá-*.

Встречаются отдельные корни, образующие отглагольные прилагательные параллельно и на *-ta-* и на *-ita-*, например: *dhr̥ṣ-* 'мужаться', *ā-dhr̥ṣta-* и *dhr̥ṣitá-*; *mad-* 'опьянять(ся)', *mat̐tá-* и *maditá-*.

Довольно значительная группа корней образует отглагольные прилагательные с помощью суффикса *-ná-*. Среди них преобладают корни, оканчивающиеся на долгий гласный (в том числе на **ī*), а из согласных — ряд корней с конечным *-d*, *-c*, *-j*. Перед суффиксом *-ná-* конечный *ā* может сохраняться, а может подвергаться чередованию типа *ā/ī* или *ā/i*, например: *drā-* 'спать', *drāṇa-*; *hā-* 'оставлять', *hīnā-*; *dā-* 'отрезать' и *dā-* 'связывать', *dīnā-*. У корней с конечным *-i/ī*, *-u/ū* гласный в этом типе основ бывает долгим, например: *kṣi-/kṣī-* 'уничтожать', *kṣīnā-* (наряду с *kṣitá-*); *lī-* 'приставать', 'приникать', *līnā-*; *du-/dū-* 'гореть', *dūnā-*.

Корни, оканчивающиеся на *-ṛ* (морфонологический ряд **-ṛ*), имеют перед суффиксом *-na-* рефлексы *-īr*, *-ūr*, например: *gir-/gr-* 'глотать', *gīrṇá-*; *jar-/jur-* 'стариться', *jīrṇá-/jūrṇá-*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tīrṇá-*; *par-/pur-* 'наполнять', *pūrṇá-* и др.

Корни на согласный менее многочисленны. Больше всего корней с конечным *-d*, который перед *-n* суффикса переходит в *-n*, например: *chid-* 'отрезать', *chinná-*; *tud-* 'толкать', *tunná-*; *pad-* 'идти', *panná-*; *skand-* 'прыгать', *skanna-* и др. Несколько корней оканчивается на палатальный согласный, переходящий перед *n*-суффикса в соответствующий гуттуральный, например: *ruj-* 'ломать', *rugná-*; *vraçc-* 'отрезать', *vṛkṇá-*.

В единичных случаях от одного корня встречаются отглагольные прилагательные как на *-ta-*, так и на *-na-*, например: *sad-* 'сидеть', *sattá-* и *sanná-*; *vid-* 'находить', *vittá-*, *viditá-* и *vinná-*.

Следует отметить, что корни, склонные к чередованию с сампрасарана, следуют этому чередованию в соединении с любым из вариантов суффикса, например: *yaj-* 'жертвовать', *iṣṭá-*; *prach-* 'спрашивать', *prṣṭá-*; *vad-* 'говорить', *uditá-*; *vraçc-* 'раскалывать', *vṛkṇá-*.

Отглагольные прилагательные на *-tá-/ná-* обычно называются причастиями прошедшего времени (*participium praeteriti*)⁴. От переходных глаголов они имеют пассивное значение, а от непереходных — активное, например: *kṛtá-* 'сделанный' от *kar-* 'делать', *hīná-* 'оставленный' от *ha-* 'оставлять', но *gatá-* 'ушедший' от *gam-* 'идти', *sattá-* или *sanná-* 'севший' от *sad-* 'сидеть' и т. п.

Будучи образованными от переходных глаголов, эти причастия могут иметь при себе инструментальный падеж существительного, обозначающего логического деятеля, например: *gharmāḥ sámiddho agnīnā* (AB, VIII, 8,17) 'Котелок с жертвенным напитком разогрет на огне (букв. огнем)'.

Инвариантным значением этой формы, присущим ей в той мере, в какой она является причастием (а не прилагательным), т. е. входит в состав глагольной парадигмы, является значение совершенного вида. Чаще всего это инвариантное значение реализуется при выражении прошедшего времени. Именно такой круг значений обычно свойствен этим причастиям, когда они выступают в предикативной функции, например: *gīrṇām bhūvanam támasāpagūḍham* (X, 88,2) 'Вселенная была проглочена, сокрыта мраком'. Однако, связь совершенного вида со значением прошедшего времени не является строго обязательной. В некоторых контекстах совершенный вид может оказаться связанным с планом будущего времени или со сферой модаль-

⁴ Они таковыми и являются по своему значению, но только в отличие от рассмотренных ранее причастий не соотнесены с какой-либо конкретной грамматической категорией прошедшего времени.

ных значений, например: *hitvā grāmān prācyutā yantu çatra-vaḥ* (AB, V, 20,3) 'Побросав (свои) деревни, пусть уйдут изгнанные враги!'.
Наконец, адъективная природа этих форм также может возобладать в отдельных случаях, и тогда нейтрализуется значение вида и форма на *-tā/-nā-* выражает просто признак предмета, например: *mṛtā-* 'мертвый', а не 'умерший' (от *mar-* 'умирать'); *çuddhā-* 'чистый', а не 'очищенный' (от *çu(n)dh-* 'очищать'); *çrutā-* 'знаменитый', а не только 'услышанный' (от *çru-* 'слышать') и т. п.

Встречаются единичные случаи, когда, наоборот, прилагательные, имеющие иные, чем *-tā/-nā-*, суффиксы, выступают в функции причастий, например: *pakvā-* 'спелый' как причастие к глаголу *pac-* 'варить', т. е. 'сваренный'.
Отдельные отглагольные прилагательные на *-tā/-nā-* подвергаются субстантивизации, например: *ṛṇā-* п. 'вина', 'долг', (от *ar-* 'приводить в движение'); *kṛtā-* п. 'деяние' (от *kar-* 'делать'), *bhūtā-* п. 'прошлое', 'существо', 'сущее' (от *bhū-* 'быть') и т. д.

Отглагольные прилагательные долженствований

В ведийском языке существует несколько типов прилагательных, образованных от глагольного корня с помощью различных суффиксов, со значением долженствования, необходимости, возможности совершения действия. Исходя из подобной семантики, их обычно называют причастиями долженствования (*participia necessitatis*), или причастиями будущего времени страдательного залога (*participia futuri passivi*), так как от глаголов переходных они имеют пассивное значение. Эти основы объединяют отглагольное, причастное значение и значение адъективное, по-разному комбинирующиеся в разных структурных типах, а иногда и в пределах одного типа. Довольно часто происходит субстантивизация этих отглагольных прилагательных.

Отглагольные прилагательные долженствований на *-ya-* образуются от корня, находящегося под ударением и чаще всего представленного ступенью гуна. Суффикс почти всегда реально произносится как *-iya-* (об этом свидетельствуют показания метрики и особенности сандхи — трактовка *-у-* как гласного) и, как правило, не получает ударения сварита.

Конечные *-ṣ*, *-ñ*, *-ṛ* корня могут иметь ступень гуна или вриддхи, представленную тем вариантом, который употребляется перед последующим гласным, например: *lī-* 'прилипать', *a-lāuya-*; *hu-* 'совершать жертвенное возлияние' и *-hū-* 'звать', *hāuya-*; *bhū-* 'быть', *bhāuya-* и *bhāvuya-*; *var-* 'выбирать', *vāuya-* и др.

Гласные *-i-*, *-u-*, *-r-*, за которыми следует один согласный, нередко бывают представлены ступенью гуна, например: *cit-* 'замечать', *cétya-*; *vid-* 'знать', *védya-*; *yudh-* 'бороться', *yódhya-*; *ṣṛdh-* 'быть дерзким, смелым', *ṣárdhya-* и др. При этом встречается достаточное число случаев, когда эти гласные имеют слабую ступень, например: *i(n)dh-* 'зажигать', *idhya-*; *guh-* 'скрывать', *guhya-*; *budh-* 'пробуждаться', *a-budhya-*; *prach-* 'спрашивать', *pṛchya-*. Некоторые корни с конечным *-i*, *-u*, *-r*, имеющие в данном типе основ слабую ступень гласного, приобретают между конечным гласным и *-u-* суффикса согласный *-t-*, например: *i-* 'идти', *itya-*; *ṣru-* 'слышать', *ṣrútya-*; *stu-* 'восхвалять', *stútya-*; *kar-* 'делать', *kṛtya-*.

Корни на *-a-* могут иногда удлинять его перед одним согласным, например: *upa+sad-* 'присаживаться', 'почитать', *upasádyu-*; *caḥṣ-* 'смотреть', *cáḥṣya-*; *sah-* 'одолевать', *a-sahya-*, но *mad-* 'опьянять(ся)', *mádyu-*; *vac-* 'говорить', *vácyu-* и др.

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, перед суффиксом *-ya-* меняют *-ā* на *-e*, например: *dā-* 'давать', *déya-*; *dhā-* 'класть', *dhéya-*; *pā-* 'пить', *ṇpéya-* и др.

Основы на *-ya-* являются наиболее распространенными среди отглагольных прилагательных долженствования. Они образуются приблизительно от 40 корней в РВ и еще от 20 корней в АВ.

Отглагольные прилагательные долженствования на *-āyua-* (произносится *-āyīya-*) встречаются главным образом в РВ, где они образуются от нескольких простых, т. е. неизводных, корней: *dakṣ-* 'воздать должное', *dakṣāyua-* 'тот, кому надо угодить'; *pan-* 'удивляться', *panāyua-* 'заслуживающий удивления'; *vid-* 'находить', *vidāyua-* 'долженствующий быть найденным'; *ṣru-* 'слышать', *ṣravāyua-* 'достойный славы'; *hnu-* 'устранять', *a-hnavāyua-* 'неустранимый', а также от нескольких глаголов производного спряжения. Высказывалось предположение о том, что этот суффикс возник в результате неправильного морфологического членения форм типа *alāyua-* от *lī-* или отыменных основ на *-āy-*. В отдельных случаях он может употребляться и в качестве вторичного суффикса.

Отглагольные прилагательные долженствования на *-énya-* (произносится обычно *-ēnīya-*) столь же немногочисленны, как и прилагательные на *-āyua-*. Неконечный корневой гласный представлен у них слабой звуковой ступенью, например: *īd-* 'восхвалять', *īdénya-*; *vaṣ-* 'желать', *uṣénya-*; *dṛṣ-* 'видеть', *dṛṣénya-*, но *car-* 'бродить', *carénya-*; *var-/vr-* 'выбирать', *vāreṇya-*. Суффикс *-énya-* используется также и в качестве вторичного, присоединяясь однажды к основе сигматического аориста: *abhyāyaṃsénya-* (РВ) 'тот, кого можно на править в определенную сторону' от *abhi+ā+yam-*; он употребляется также с основами производного спряжения и даже с именными основами, например: *kīrténya-* 'достойный славы',

ср. *kīrti-* 'слава'; *vīreṇya-* 'достойный героев', ср. *vīra-* 'герой' (хотя и тут не исключено посредство отыменных глаголов).

Отглагольные прилагательные долженствования на *-tva-* (произносится *tuva-*) тоже очень немногочисленны и ограничены преимущественно РВ. Этот суффикс присоединяется к корню в ступени гуна, находящемся под ударением, например: *hi-* 'гнать', *hētva-*; *su-* 'выжимать', *sōtva-*; *kar-* 'делать', *kārtva-*; *vac-* 'говорить', *vāktva-*; *san-* 'достигать', *sānitva-* (с соединительным гласным *-i-*) и др. Высказывалось предположение о связи этого типа отглагольных прилагательных с инфинитивами на *-tu-*.

Прочие структурные типы отглагольных прилагательных долженствования в ведийском языке представляют собой единичные формы. Основы на *-tavuṇ-* и *-anīya-* (именно эти типы основ стали наиболее продуктивными в дальнейшем) в РВ не встречаются, а в АВ по два раза: *janītavuṇ-* 'собирающийся родиться' от *jan-*, *himsītavuṇ-* 'долженствующий потерпеть ущерб' от *hims-* и *upajīvanīya-* 'долженствующий существовать' от *upa-* + *jī-*, *āmantranīya-* 'долженствующий быть [приглашенным]' от *ā-* + *mantray-*.

Все эти отглагольные прилагательные разной структуры имеют значения долженствования, необходимости и выражают эти модальные значения чаще всего в связи с планом будущего. От глаголов переходных они имеют пассивное значение. Логический деятель при таких отглагольных прилагательных может быть выражен инструментальным падежом (хотя возможны и дательный и родительный падежи), как при глаголе в страдательном залоге, например: *ābhūd devāḥ savitā vāndyo nū ra | idānim āhnā upavāso nṛhiḥ* (IV, 54,1) 'Вот должен быть прославлен у нас бог Савитар, сейчас, в это время, дня, к нему должны обратиться мужи'. Чаще всего эти прилагательные образуются именно от переходных глаголов, но если они употребляются от глаголов непереходных, то значение, естественно, бывает непереходным, например: *anvāsya cittām abhī samcarēṇyam* (I, 170,1) 'Надо стремиться навстречу мысли другого'.

У отглагольных прилагательных на *-tva-*, как отмечалось исследователями, преобладает значение будущего времени в противоположность прошедшему, например: *nahī nv āsya pratimānam āsty | antār jātēsūtā yé jānitvāḥ* (IV, 18,4) 'Ведь нет ему подобного среди рожденных и тех, кто должен родиться'.

Небольшая группа отглагольных прилагательных на *-atā-* тоже может иметь значение долженствования, которое, правда, не во всех случаях ясно выражено: *darṣatā-* 'долженствующий быть увиденным', 'прекрасный' (*drṣ-* 'видеть'), *bharatā-* 'за кем надо ухаживать' (*bhar-* 'нести'), *yajatā-* 'достойный жертвоприношения' (*yaj-* 'приносить жертву') — то же значение имеет образование *yājatra-*.

У ряда основ причастное значение стерто, и они ничем не отличаются по значению от обычных прилагательных, например: *gúhya-* 'тайный' (*guh-* 'скрывать'), *dṛéśya-* 'отвратительный' (*dṛis-* 'ненавидеть'), *bhávya-* 'настоящий', 'будущий' (*bhū-* 'быть'), *śravāya-* 'знаменитый' (*śru-* 'слышать') и др.

Нередко происходит субстантивизация этих отглагольных прилагательных, например: *vāśya-* п. 'речь', 'молитва' (*vac-* 'говорить'), *vāgya-* п. 'сокровище', 'богатство' (*var-* 'выбирать'), *hāvya-* і. 'призыв' (*hū-* 'звать'), *kārtva-* п. 'задача' (= 'то, что должно быть сделано'), *kar-* 'делать') и др.

ИНФИНИТИВЫ

Инфинитивы в ведийском языке представляют собой очень употребительный и структурно пестрый класс форм. Это отглагольные имена существительные со значением *nomina actionis*, функционирующие в виде застывших падежных форм или имеющие собственные окончания. Инфинитив сочетает значения существительного и глагола. Формально, однако, он отличается от обоих, хотя дифференциация проведена не до конца.

В отличие от имен инфинитивы не имеют парадигмы склонения. Нет изменения по числам — инфинитив всегда представлен формой единственного числа. Нет также изменения по падежам, поскольку даже при наличии инфинитивов с разной падежной флексией от одного глагольного корня это бывают падежи от разных основ. Вообще исходы инфинитивов не являются формообразовательной флексией, в некоторых отношениях они ближе к словообразовательным аффиксам, и поэтому правильнее называть их суффиксами.

В отличие от глагола инфинитивам не свойственно различие диатезы. Образуются они обычно от корня, отдельные формы от временных основ представляют собой редкие исключения. Изредка встречаются инфинитивы от основы пассива. Пассивное значение могут выражать в зависимости от контекста обычные формы инфинитива, образованные от корня. Столь же редки инфинитивы от каузативов.

На синтаксическом уровне нет также безусловных параметров, которые позволяли бы отождествлять данные формы как инфинитивы или как имена. Подобно глаголам, инфинитив часто управляет винительным падежом имени, выражающим прямой объект, но может также управлять и родительным падежом, подобно именам. Может выступать в предикативной функции, как и личные формы глагола (см. ЭСК 14 в разделе «Синтаксические структуры»). Наконец, инфинитив может иметь собственные синтаксические функции, не дублируемые каким-либо другим классом слов, замыкая предложение и соотносясь с его значением в целом при выражении цели всего высказывания.

Наиболее надежным, хотя и далеко не безусловным критерием разделения инфинитивов и отглагольных имен являются, как отмечалось исследователями, все-таки морфологические параметры. Суффиксы весьма распространенных типов инфинитива: *-dhyai*, *-tavi*, *-sāni* — не совпадают с падежными формами именных основ. При совпадении же суффикса инфинитива с падежной флексией разница может быть в месте ударения или в ступени корневого гласного, однако практически это различие не реализуется, так как от одного корня очень редко образуется и инфинитив, и отглагольное имя с помощью одинакового суффикса. В редких случаях они могут ничем не различаться, например: *i-* 'идти', *inf. étave* 'чтобы идти' (D. от основы *étu-*) и *svá-etu-* 'самодвижущийся' (засвидетельствована в РВ форма N.pl. *svá-etavas*, а D.sg. нет).

Инфинитивы, образуемые при помощи особых суффиксов

Инфинитивы на *-dhyai* встречаются в РВ, где они весьма употребительны (засвидетельствованы от 35 корней), в остальных ведах они представлены лишь единичными случаями. Суффикс *-dhyai* присоединяется всегда к тематическому гласному, даже если основа презенса от данного глагола является атематической, например: *iyádhyai* от *i-* 'идти' (рг. *éti*), *dhiyádhyai* от *dhā-* 'класть' (рг. *dādhāti*). Корневой гласный у этих инфинитивов бывает чаще в слабой ступени, а ударение — на тематическом гласном (т. е. они имеют основы типа VI класса презенса), например: *iṣádhyai* от *iṣ-* 'посылать', *huvádhyai* от *hū-* 'звать', *vṛjádhyai* от *vṛj-* 'повергать ниц'. При том же месте ударения может встречаться и ступень гуна корневого гласного или *-a-* у корней на этот гласный, например: *stavádhyai* от *stu-* 'прославлять', *tarádhyai* от *tar-* 'пересекать', *mandádhyai* от *ma(n)d-* 'опьянять(ся)', *yajádhyai* от *ya-j-* 'жертвовать*' (есть и *yádhyai*). Наконец, засвидетельствованы некоторые формы инфинитивов и с корневым ударением и со ступенью гуна, например: *gámadhyai* от *gam-* 'идти', *bháradhyai* от *bhar-* 'нести', *váhadhyai* от *vah-* 'везти'. Таким образом, в структуре инфинитивов на *-dhyai* наблюдается разнობой. Этот распространенный тип ригведийских инфинитивов встречается также от формально охарактеризованных основ: презенса — *prṇádhyai* от *par-/pur-* 'наполнять' (рг. *prṇāti*, *prṇāti*), *pibádhyai* от *pā-* 'пить' (рг. *pibati*); перфекта — *vavṛdhádhyai* от *vṛdh-* 'увеличиваться'; каузативов — *nāçayádhyai* от *naç-* 'исчезать' (caus. *nāçáyati*) и др.

Инфинитив на *-dhyai* чаще стоит в конце предложения и по значению близок к дательному падежу цели или придаточному предложению цели, например: *prá dīdhitir viçvāvārā*

*jigāti | hótāram ilāḥ prathamām yājadhyai | āchā nāmobhir
vṛśabhām vandādhyai* (III, 4,3) 'Молитва, несущая все блага,
стремится, чтобы почитать первым хотара жертвенного возлия-
ния, чтобы поклонами прославить быка'. Инфинитив на *-dhyai*
может выступать также в функции предиката простого пред-
ложения, имея модальное значение (которое обычно называют
императивным), например: *utā tyā me yaçāsā çvetarāyai | vu-
āntā pāntauçijó huvādhyai* (I, 122,4) 'И этих вот двоих про-
славленных, охотно пьющих, (я), сын Ушиджа, хочу позвать к
себе на утреннее возлияние'. Как отмечалось исследователями,
инфинитив в этой функции выражает действие, значение кото-
рого близко к медиальному залогу.

Инфинитивы на *-tavaí* встречаются более чем от десяти
корней. Они характеризуются двойным ударением. Одно падает
на конечный дифтонгический гласный, другое — на корень в
ступени гуна, например: *nétavaí* от *nī-* 'вести', *bhéttavaí* от
bhid- 'расщеплять', *mántavaí* от *man-* 'думать'. В случае упо-
требления префикса на него переносится ударение с корня, на-
пример: *átvetavaí* от *ati+i* 'выступать', *ávçetavaí* от *avi+i*
'следовать'. Высказывалось предположение, что необычное двой-
ное ударение объясняется присоединением к инфинитиву на
-tave с ударением на корне ударной эмфатической частицы.
Однако эмфатическая частица *u*, которая в ведийских текстах
обычно сопровождает инфинитивы этой структуры, является без-
ударной.

Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива *-tavaí*
через *-i-*, например: *mánthitavaí* от *manth-* 'взбивать', *yámita-
vai* от *yam-* 'обуздывать' и др.

Инфинитивы на *-tavaí*, как и на *-dhyai*, часто выступают в
функции дательного падежа или придаточного предложения
цели, будучи семантически связаны со всем высказыванием в
целом, например: *nahí grābhāyāraṇaḥ suçēvo | 'nyódaryo má-
nasā mántavā u* (VII, 4,8) 'Ведь чужой (сын) не бывает настоль-
ко милым, чтобы удерживать [D.sg.] (его), рожденный из дру-
гой утробы — чтобы думать (о нем) от (всего) сердца'.

Инфинитив на *-tavaí* может употребляться в сочетании с
глаголами неполной предикации, конкретизируя их значение,
например: *tvām indra srávitavā apás kaḥ* (VII, 21,3) 'Ты, о
Индра, сделал, чтобы текли воды (букв. сделал воды для те-
чения)'.

Инфинитив на *-tavaí* может употребляться в качестве пре-
диката в отрицательном предложении. В этой функции он вы-
ражает должностное отношение, например: *naíṣā gávyūtir ārabha-
tavā u* (X, 14,2) 'Это поле нельзя обобрать'.

Инфинитивы на *-sáni* могли бы рассматриваться как формы
местного падежа от основ на *-saṇ-*, но таких в ведийском язы-
ке нет, и поэтому целесообразно принимать за суффикс инфи-
нитива целиком *-sáni*. Инфинитивы этой структуры образуются

менее чем от десяти корней. Корневой гласный чаще бывает представлен ступенью гуна, ударение падает на суффикс, например: *neṣāṇi* от *nī-* 'вести', *parṣāṇi* от *par-* 'перевозить', *sakṣāṇi* от *sac-* 'следовать' и с долгим соединительным гласным *-ī* — *tariṣāṇi* от *tar-* 'пересекать'. Встречается и слабая ступень корневого гласного: *ṣūṣāṇi* от *ṣū-* 'набухать', а также формы от основ презенса: *grṇiṣāṇi* от *gar-/gir-* 'воспевать' и *stṛiṣāṇi* от *star-* 'расстилать'.

Инфинитивы на *-sāni* могут выражать цель, намерение, завися от определенного члена предложения, например: *nāyīṣṭhā u po neṣāṇi pārṣiṣṭhā u naḥ parṣāṇy āti dviṣaḥ* (X, 126,3) '(Вы) лучшие вожди, чтобы нас вести, (вы) лучшие перевозчики, чтобы нас перевезти через враждебные замыслы'. Они могут употребляться также в функции императива, например: *devām-devaṃ vó 'vasa indram-indraṃ grṇiṣāṇi* (VIII, 12,19) 'Только бога вам на помощь, только Индру надо воспевать'.

Инфинитивы с флексией дательного падежа

Инфинитивы на *-e* образуются непосредственно от корня. Корни, подверженные чередованию, бывают обычно в слабой звуковой ступени, а ударение падает, как и у корневых имен в том же падеже, на окончание, например: *dṛcé* от *dṛç-* 'видеть', *bhuje* от *bhuj-* 'вкушать', *riṣe* от *riṣ-* 'вредить' и др. Корни, оканчивающиеся на *-ā*, имеют в исходе этого инфинитива в соответствии с правилами сандхи *-ai*, например: *parādaī* от *parā+dā-* 'передавать', *pratimai* от *prati+mā-* 'подражать' и др.

Этот тип инфинитива употребляется чаще от корней с приставками, причем в таких приставочных формах ударение нередко падает на корневой гласный, например: *sampṛche* от *sam+prach-* 'приветствовать', *pramīye* от *pra+mī-* 'уменьшать' и др.

Инфинитивы данной структуры образуются более чем от десяти глагольных корней.

Инфинитивы на *-āse* формально совпадают с дательным падежом основ на *-as*, от которых они теоретически отличаются местом ударения. Практически же по месту ударения трудно классифицировать форму D.sg. на *-as*, ср., например: *bhiy-āsam* — A.sg. от *bhiyās-* 'страх', *bhiyāse* — inf. от глагола *bhī-* 'бояться', к тому же у части инфинитивов ударение падает на корневой гласный, как у *āyase* от *i-* 'идти', *cakṣase* от *cakṣ-* 'видеть'. Единобразие в отношении ступени корневого гласного нет, ср. *rñjāse* от *r(ñ)j-* 'устремляться', *arhāse* от *arh-* 'заслуживать', *rājāse* от *rāj-* 'сверкать'.

Эти инфинитивы образуют около 25 глагольных корней.

Инфинитивы на *-āye* по форме являются дательными па-

дежами от основ мужского-среднего рода на *-i-*. Корневой гласный бывает обычно в слабой ступени, ударение — на гласном основы, например: *dr̥cāye* 'чтобы видеть' (имени **dr̥ci-* нет), *mahāye* 'чтобы радоваться' (имени **mahi-* с тем же местом ударения и значением нет, есть прилагательное *māhi-* 'великий', 'сильный'), *yudhāye* 'чтобы бороться' (**yudhi-* нет) и некоторые другие.

Инфинитивы на *-tāye*, совпадающие с дательным падежом от основ женского рода на *-ti-*, образуются тоже всего лишь от нескольких корней: *iṣṭāye* 'чтобы подкрепить' от *iṣ-* 'приводить в движение', 'подкреплять' (ср. *iṣṭi-*), *pītāye* 'чтобы напиться' от *pā-* 'пить' (ср. *pīti-*), *vītāye* 'чтобы вкусить' от *vī-* 'стремиться', 'вкушать' (ср. *vīti-*), *sātāye* 'чтобы одолеть' от *sañ-* 'одолевать' (ср. *sāti-*).

Один инфинитив имеет окончание *-tyai*: *ityai* 'чтобы идти' от *i-* 'идти'.

Инфинитивы на *-tave* по форме соответствуют дательному падежу от основ на *-tu-*. Суффикс *-tave* присоединяется к корню в ступени гуна, находящемуся под ударением, например: *pāktave* от *pac-* 'варить', *vēttave* от *vid-* 'находить', *vōḍhave* от *vah-* 'везти', *vārtave* от *var-* 'скрывать' и др. Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива с помощью соединительного гласного *-i-*, например: *cāritave* от *car-* 'бродить', *hāvītave* от *hū-* 'звать'.

Этот тип инфинитива образует более 30 корней.

Инфинитивы на *-mane*, *-vane* соответствуют дательному падежу от основ на носовой согласный. Единообразия в ступени корневых гласных нет; у инфинитивов на *-mane* ударение чаще бывает на корне, например: *dāmane* от *dā-* 'давать', *dhārmane* от *dhar-* 'держать', но *vidmāne* от *vid-* 'знать'; у инфинитивов на *-vane* — на суффиксе: *turvāne* от *tar-/tur-* 'пересекать', *dāvāne* от *dā-* 'давать'.

Для инфинитивов с флексией дательного падежа наиболее характерно значение цели. Они могут быть семантически связаны со всем предложением в целом, например: *vṛtrēna yād āhinā bibhṛad āyudhā | samāsthītā yudhāye çamsam āvide* | ... (X, 113,3) 'Когда ты, неся оружие, столкнулся со змеем Вритрой, чтобы сражаться, чтобы познать славу...'. Могут также зависеть от одного слова, обычно от глагола, например: *ād īm tritāsya yōṣaṇo | hāriṃ hinvāntu ādribhiḥ | indum indrāya pītāye* (IX, 32,2) 'Тут жены Триты гонят камнями золотистого коня — каплю Индре для питья'.

Прямой объект при инфинитиве от переходного глагола выражается чаще винительным падежом, но может быть в результате аттракции также дательный падеж, например: *jyók ca sūryaṃ dr̥cé* (I, 23,21) 'и чтобы долго видеть солнце' и *asmābhyam dr̥cāye sūryāya* (X, 14,12) '...чтобы нам видеть солнце' (букв. 'для видения для солнца').

В функции сказуемого из всех разновидностей инфинитива с флексией дательного падежа выступают только инфинитивы на *-tave*. В этой функции они имеют значение императива, например: *agnér ivā prāsītir nāha vārtave* (II, 25,3) 'Его не повернуть, как порыв огня'.

Инфинитивы с флексией винительного падежа

Инфинитивы на *-am* по форме являются винительным падежом от корневых основ. Корневой гласный представлен слабой ступенью, на него падает ударение. Почти всегда эти инфинитивы образуются от корней с приставками, например: *pratīram* от *pra+tar-* 'продлевать', *vicītam* от *vi+crt-* 'развязывать', *samīdham* от *sam+i(n)dh-* 'зажигать' и др., единично — *śūbham* от *śubh-* 'сиять'.

В РВ этих инфинитивов более десятка.

Инфинитивы на *-tum* представляют собой по форме винительный падеж от основ на *-tu-*. Суффикс *-tum* присоединяется к корню в ступени гуна, находящемся под ударением, например: *ōtum* от *u-* 'ткать', *prāṣtum* от *prach-* 'спрашивать'. Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива через *-i-*, например: *khānitum* от *khan-* 'копать'.

В РВ этот тип инфинитива образуют только пять корней. Совсем немногочисленны они и в АВ. В дальнейшем развитии языка, в санскрите, этот тип инфинитива становится единственным и образуется от любого глагола.

Инфинитивы с флексией винительного падежа управляются глаголами движения или глаголами со значением «мочь», «хотеть» и т. п., выступая в функции прямого дополнения, например: *tvām pācān vicītaṃ vettha sārvaṇ* (AB, VI, 117,1) 'Ты знаешь, как разнять все оковы', *ādha nū āsya samīdṣaṃ jagavān* (VII, 88,2) 'Раз пришел я его увидеть...'.

Инфинитивы с флексией отложительного-родительного падежа

Инфинитивы на *-as* являются по форме корневыми именами от корней на согласный в слабой звуковой ступени, находящихся под ударением. Засвидетельствованы только корни в сочетании с приставками, например: *avapādas* от *ava+pad-* 'падать вниз', *samprīcas* от *sam+prc-* 'смешиваться' и др.

Этих инфинитивов в самхитах менее десятка.

Инфинитивы на *-tos* совпадают по форме с отложительным-родительным падежом от основ на *-tu-*. Корневой гласный имеет ступень гуна и находится под ударением, например: *ētos* от *i-* 'идти', *yōtos* от *yu-* 'отвращать', *kārtos* от *kar-*

‘делать’. Инфинитивы на *-tos* столь же немногочисленны, как и на *-as*.

Инфинитивы на *-as* обычно имеют значение отложительного падежа и управляются словами, автоматически требующими этого падежа, как *ṛté* ‘без’, *purá* ‘перед’, или глаголами определенной семантики: *trā-* ‘защищать’, *bhī-* ‘бояться’ и т. п., например: *trādhvaṃ kartāḍ avapādo yajatrāḥ* (II, 29,6) ‘Защите от падения в яму, о достойные жертвы!’.

Инфинитивы на *-tos* могут иметь значение как отложительного, так и родительного падежа в зависимости от того, какое слово им управляет. Отложительный падеж управляется *purā* и *ā* ‘до’, родительный — *madhyā* ‘посреди’ и глаголом *iṣ-* ‘иметь’, ‘мочь’, например: *catūraṣ cid dādamānād | bibhiyād ā nidhātoḥ* (I, 41,9) ‘Надо бояться держащего четыре (игральные кости) до раскладывания (костей)’, *iṣe hy āgnir amṛtasya bhūrer | iṣe rāyāḥ suvīryasya dātoḥ* (VII, 4,6) ‘Ведь Агни может дать обильный напиток бессмертия, он может — богатство из прекрасных сыновей’.

Инфинитивы с флексией местного падежа

Эта группа инфинитивов наименее обширна — она охватывает формы несколько более чем от десяти корней — и наименее ясна семантически и морфологически.

Инфинитивы на *-i* трудно отделить от местного падежа корневых имен, поскольку у них не встречается управления винительным падежом имени. Примеры таких инфинитивов: *budhi* ‘при пробуждении’ от *budh-*, *saṃcākṣi* ‘при виде’ от *saṃ + cakṣ-* и др.

Инфинитивы на *-tari* засвидетельствованы в двух случаях: *dhartāri* ‘(чтобы) поддерживать’ и *vidhartāri* ‘(чтобы) надевать’ от корня *dhar-*. Собственно локативного значения у этих инфинитивов нет.

Инфинитивы на *-ñi*, *-mañi* представлены несколькими неясными формами: *iṣāñi* ‘чтобы возбуждать’ от *iṣ-*, *vidharmañi* ‘чтобы распределить’ от *vi + dhar-* и некоторые другие.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Деепричастия, или абсолютивы, представляют собой неизменяемые, наречные формы, образованные с помощью суффиксов от глагольных корней и выражающих побочное действие. Деепричастия сочетают черты наречия и глагола. Подобно личным формам глагола, деепричастия от переходных глаголов управляют винительным падежом. Подобно наречиям, они входят в состав только конструкций примыкания, которые не могут быть предикативными.

В ведийском языке абсолютивы образуются с помощью нескольких суффиксов, представляющих собой застывшие падежные формы. Между этими суффиксами нет никакой разницы в значении.

Существует дополнительное распределение вариантов суффиксов деепричастия в зависимости от того, образовано оно от простого глагольного корня или от корня с префиксом. В первом случае используются суффиксы на *-tv-* (т. е. восходящие к падежным формам основ на *-tu-*): *-tvī*, *-tvā*, *-tvāya*, во втором — суффиксы на *-y-* (т. е. восходящие к падежным формам имен на *-i-*): *-yā/-tyā*, например: *gatvī*, *gatvāya* 'пойдя' от *gam-*, но *āgātā* 'придя' от *ā+gam-* или *snātvā* 'искупавшись' от *snā-*, но *utsnāya* 'вынырнув' от *ud+snā-*.

Деепричастия на *-tvī* образованы с помощью наиболее употребительного из суффиксов на *-tv-*; в РВ он засвидетельствован в 15 случаях. После РВ он выходит из употребления. Высказывалось предположение о том, что он восходит к местному падежу основ на *-tu-*.

Этот суффикс присоединяется непосредственно к корню в слабом звуковом виде. Ударение падает на суффикс. Рефлексы слабой звуковой ступени корневого гласного и сандхи на морфемном шве те же, что у отглагольных прилагательных на *-tā-*. Вот некоторые примеры: *viṣtvī* от *viṣ-* 'действовать', *bhūtvī* от *bhū-* 'быть', *gūḍhvī* от *guh-* 'скрывать' (ср. отглагольное прилагательное *gūḍhā-*), *kṛtvī* от *kar-* 'делать', *vr̥ktvī* от *vraçc-* 'откалывать', *pītvī-* от *pā-* 'пить' (ср. *pītā-*) и др. В двух случаях суффикс *-tvī* присоединяется к корню посредством соединительного гласного *-i-*: *janītvī* от *jan-* 'рождать(ся)' и *skabhitvī* от *skabh-* 'подпирать'. В одном случае рефлекс корневого гласного в деепричастии отличается от его рефлекса в отглагольном прилагательном: *hā-* 'покидать', абсолютивы *hitvī*, *hitvā*, *hitvāya* с кратким гласным, отглагольное прилагательное *hīnā-* — с долгим.

Деепричастия на *-tvā* (произносится *-tuvā*) встречаются в РВ от девяти корней. В дальнейшем их употребительность резко возрастает и к периоду санскрита *-tvā* становится единственным суффиксом деепричастий от глаголов без приставок. Вот некоторые примеры: *bhītvā* от *bhid-* 'раскалывать', *yuktvā* от *yuj-* 'запрягать', *ṛtvā* от *var-* 'покрывать', *hatvā* от *han-* 'убивать', *iṣtvā* от *yaj-* 'жертвовать', *suptvā* от *svap-* 'спать', *mitvā* от *mā-* 'мерить' (ср. *mitā-*) и др. Некоторые корни присоединяют *-tvā* с помощью соединительного гласного *-i-*, например: *patītvā* от *pat-* 'летать', 'падать', *himsītvā* от *hims-* 'вредить' и др., а глагол *grabh-/grah-* 'хватать' — с помощью *-ī-*: *grhītvā*. В редких случаях в ведийском языке встречаются деепричастия от каузативов: *kalpayītvā* 'устроив' от *kalp-* 'соответствовать'.

Деепричастия на *tvāya* являются результатом контамина-

ции двух типов: на *-tvā* и на *-ya*. В РВ они встречаются у семи корней и еще у нескольких в других самхитах. Структура основы та же, что у основ на *-tvā*, например: *gatvāya* от *gam-* 'идти', *hatvāya* от *han-* 'убивать', *yuktvāya* от *yuj-* 'запрягать', *kṛtvāya* от *kar-* 'делать' и др.

Деепричастия на *-yā* (с долгим гласным, который может сокращаться; по происхождению — окончание инструментального падежа от основ на *-i-*) образуются от глаголов с префиксами, причем в этих формах префикс составляет с корнем одно слово. Это самый многочисленный тип деепричастий. В РВ по нему образуют формы около 40 корней. Корневой гласный у деепричастий на *-ya* обычно бывает представлен слабой ступенью, хотя на него и падает ударение, например: *vibhīdya* от *vi + bhīd-* 'разбивать', *abhibhūya* от *abhi + bhū-* 'превосходить', *anudṛṣya* от *anu + dṛṣ-* 'глядеть вслед', *upasādyā* от *upa + sad-* 'почитать' и др.

Существуют некоторые отличия в структуре корня у деепричастий на *-yā* и на *-tv-*. Корни на *-ā* сохраняют этот гласный в деепричастиях на *-yā*, например: *vimāya* от *vi + mā-* 'измерять' — ср. *mitvā* от *mā-* 'мерить', *ādāya* от *ā + dā-* 'брать' — ср. *dattvā* (*dat-* — усеченная форма презентной основы) от *dā-* 'давать' и т. п. Корни, оканчивающиеся на краткий гласный, имеют между этим гласным и суффиксом вставной согласный *-t-* (как у корневых имен), например: *abhiḥjīya* от *abhi + ji-* 'побеждать', *upaśrūya* от *upa + śru-* 'подслушивать' и др., а также корни на *-an*, *-am*, слабая ступень которых представлена *-a*, например: *avagāya* от *ava + gam-* 'сходить', *vihāya* от *vi + han-* 'разбить' и др.

Первым элементом таких деепричастий иногда бывает не префикс, а наречная или даже именная форма, например: *akḥkhalīkṛtyā* 'издавая (звук) «аккхали»' (звукоподражание), *aramḥkṛtyā* 'приготовив' (наречие), *namaskṛtyā* 'делая поклон' (имя), *punardāya* 'возвращая' (наречие), *pādagrhya* 'схватив за ногу' (имя), *hastagrhya* 'взяв за руку' (имя).

Морфологически деепричастия не имеют показателей вида, времени или залога. В контексте обычно им свойственно значение совершенного вида прошедшего времени, поскольку они обозначают побочное действие, предшествующее действию, обозначаемому сказуемым, например: *...rakṣāsah sām pinaṣṭana | vāyo yē bhūtvo patāyanti naktābhir* (VII, 104, 18) 'Раздавите раکشасов, которые, став птицами, летают по ночам!', *ātīyāma nidās tirāḥ svastibhir | hitvā vadyām ārātīḥ* (V, 53, 14) 'Нам хотелось бы благополучно пересечь поношения, оставив бесчестие и бедствия (позади)!'. В отдельных случаях, однако, этих значений может и не быть, например: *sā no duhīyad yāvaseva gatvī | sahāsradhārā pāyasā mahī gauḥ* (IV, 41, 5) 'Пусть она доится для нас, как если бы ходила [abs.] по пастбищу, великая корова, дающая тысячу струй!'.

Деепричастия на *-am* для периода самхит можно признать только условно, они более характерны для языка брахман и в меньшей степени — сутр. Речь идет о функционировании винительного падежа на *-am* от нескольких имен действия в качестве деепричастий несовершенного вида, которые выражают побочное действие, протекающее одновременно с действием сказуемого, например: *ṛcā kapótam nudata praṇódam* (X, 165,5) 'Гимном оттолкните голубя, выталкивая (его)!'.

ПРОИЗВОДНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

К производному, или вторичному, спряжению в отличие от основного относят такую систему спряжения, в которой все формы в принципе образуются от производной основы (а не от корня) и в которой всем формам свойственно кроме основного лексического значения корня еще некоторое дополнительное значение. Таким образом, критерием для отнесения к производному спряжению служат как формальные, так и семантические признаки. К этому спряжению относятся каузативы, интенсивы, деизидеративы и деноминативы.

Следует заметить, что личные формы производного спряжения в ведийском языке представлены преимущественно презенсом, иногда имперфектом. За пределами системы презенса засвидетельствованы лишь его отдельные формы. Поэтому данное спряжение можно рассматривать прежде всего как производные системы презенса. Первые три его разновидности — каузативы, интенсивы и деизидеративы — принадлежат к отглагольному словообразованию, последняя — деноминативы — к отыменному словообразованию глагола.

Каузативы, или понудительные глаголы, выражают производность глагольного действия от тождественного ему по лексическому значению глагола. Этот тип производных презентных основ менее последовательно отграничен от основного спряжения (а именно от X класса) как по своей формальной характеристике, так и по значению (которое свойственно не всем его членам).

Каузативы образуются путем присоединения суффикса *-áya* к корню с усиленным вокализмом, т. е. в ступени гуна (вриддхи). Ударение всегда падает на суффикс. Вот некоторые примеры: *vid-* 'знать', *vedáyati*; *kṣi-* 'жить', *kṣáyáyati*; *cud-* 'точить', *codáyati*; *cu-* 'сотрясать', *cuāváyati*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', *vartáyati*; *var-* 'покрывать', *vāráyate*; *vas-* 'проживать', 'ночевать', *vāsáyati* и др.

Корни, оканчивающиеся на гласный *-ā*, *-ṛ* (но не на *-ī*; от корней на этот конечный гласный каузативы вообще очень редко встречаются, ср. выше *kṣayáyati*), что объясняют чисто фонетической причиной — нежелательной последовательностью — *āya-a-*), нередко имеют в каузативах ступень вриддхи,

например: *bhū-* 'быть', *bhāváyati*; *dhar-* 'держать', *dhāráyati* (см. также выше).

Корни с *-a-*, за которым следует один согласный, т. е. корни — легкие слоги, также имеют тенденцию к удлинению гласного, например: *an-* 'дышать', *ānáyati*; *am-* 'вредить', *āmáyati*; *tap-* 'пылать', *tāpáyati*; *sad-* 'сидеть', *sādáyati*. Корни на *-a-* чаще имеют долгий гласный в каузативе.

Ряд корней указанной структуры имеет по два варианта каузативной основы: со ступенью гуна и вриддхи, например: *dru-* 'бежать', *draváyate* и *drāváyati*; *yu-* 'отделять', *yaváyati* и *yāváyati*; *ṣru-* 'слышать', *ṣraváyati* и *ṣrāváyati*; *sar-* 'течь', *saráyate* и *sāráyate*; *gam-* 'идти', *gamáyati* и *gāmáyati*.

Наконец, корни той же структуры могут иметь одну каузативную основу со ступенью гуна, например: *har-* 'удерживать', *haráyati*; *pan-* 'восхищаться', *panáyati*; *ṣam-* 'восхвалять', *ṣamśáyati*; *ṣnath-* 'пронзать', *ṣnatháyati* и др.

В отдельных случаях в каузативе вместо качественного усиления корневого гласного происходит количественное, т. е. долгота, например: *duṣ-* 'портить(ся)', *dūṣáyati* (ср. рг. *duṣyati*); *par-* 'наполнять', *pūráyati* (видимо, под влиянием р.р. *pūrṇá-*).

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, используют в каузативе суффикс *-(ā)paṇa-*, например: *dhā-* 'класть', *dhāpáyati*; *sthā-* 'стоять', *sthāpáyati*; *hā-* 'продвигаться', *hāpaṇati*. По аналогии эта форма употребляется в каузативах от нескольких корней на другие конечные гласные: *jī-* 'побеждать', *jāpaṇa-* (ЯВ), *ṣri-* 'опираться', *ṣrāpaṇa-* (ЯВ) и *kṣi-* 'жить', *kṣepaṇa-* (наряду с *kṣapáyā-*), а также от *ar-/ṛ-* 'приходить в движение', *arpaṇa-*. Начиная с АВ, встречаются случаи сокращения корневого гласного перед суффиксом *-paṇa-*, как в *snāpáyā-* по сравнению с основой РВ *snāpáyā-* от корня *snā-* 'купаться'.

От корня *pā-* 'пить' употребляется каузативная основа *pāṇáyā-* (принадлежность *-u-* к корню не исключена ввиду существования р.р. *pītá-*).

Имперфект от основы каузатива распространен достаточно широко. Он ничем не отличается от тематических имперфектов основного спряжения, например: *jan-* 'рождать(ся)', 3 pl.act. *ājanayan*, 3 pl.med. *ājanayanta*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', 3 sg.act. *āvartayat*.

Личные временные формы за пределами системы презенса встречаются в ведийском языке в единичных случаях. Это несколько форм футурума: *dūṣayiṣyāmi* от *duṣ-* 'портить', *dhārayiṣyāti* от *dhar-* 'держать', *vārayiṣyāte* от *var-* 'покрывать' и *vāsayiṣyāte* от *vas-* 'надевать' — и сигматического аориста: *dhvanayīt* от *dhvan-* 'скрывать' и *vyathayīs* от *vyath-* 'сотрясать'. В АВ один раз встречается форма описательного перфекта от отглагольного имени на *-ā* с основной каузатива + вспомогательный глагол *kar-* 'делать': *gamayām cakāra* 'послал' (букв. 'сделал послание') от *gam-* 'идти'.

Модальные формы с основной каузатива достаточно употребительны, прежде всего формы императива, а также субъюнктива и инъюнктива. Оптатив с этой основной очень редок.

Из неличных форм весьма широко распространены причастия на *-ant-* активного залога (этот залог вообще сочетается с каузативной основой гораздо чаще, чем медиальный), например: N.sg.m. *jaráyan*, f. *járáyanti* от *jar-* 'стареть', 'старить' и др. Изредка встречаются отглагольные прилагательные на *-tá-*, у которых связь с каузативной основой выдает ступень корневого гласного, например: *coditá-* 'вдохновленный' от *cud-* 'точить', 'вдохновлять', *arpitá-* и *árpita-* 'вставленный' от *ar-/ṛ-* 'приводить в движение' и др.; еще реже отглагольные прилагательные на *-āyā*, как *panayāyā-* 'долженствующий вызывать восхищение' и др.; инфинитивы, как *pāyayitavai* 'чтобы напоить' от *pā-* 'пить', *varṭayādhyai* 'чтобы заставить вернуться' от *vṛt-* 'вертеть(ся)' и др.; абсолютивы, как *sādayitvā* 'усадив' от *sad-* 'сидеть', *sraṃsayitvā* 'уронив' от *sraṃs-* 'падать' и др.

Каузативное значение, как не раз отмечалось исследователями, связано в ведийском языке с основами на *-āya-* в весьма неодинаковой степени. От некаузативных основ класса X, образуемых также с помощью суффикса *-āya-*, каузативы, как правило, отличаются усиленным корневым вокализмом. Формальному противопоставлению «слабая ступень корневого гласного — ступень гуна или вриддхи» соответствует в некоторой части случаев семантическая оппозиция «непереходное значение (иногда проступает древнее нецеленаправленное, итеративное значение) — каузативно-переходное». Наиболее отчетливо это проявляется, когда имеют место основы на *-āya-* двух структурных типов от одного корня. Ср., например, *ruc-*, например, *rucáyati* 'он сияет' — *rocáyati* 'он зажигает' (= 'он заставляет сиять'): *divāc cid ā te rucayanta rokā* (III, 6,7) 'Твои огни сияют до самого неба' и *indraḥ sūryam arocayat* (VIII, 3,6) 'Индра зажег солнце' и т. п. Иногда это древнее соотношение значений распространяется и на те случаи, когда две основы на *-āya-* от одного корня различаются ступенью гуна и вриддхи корневого гласного. Ср., например, *dru-*, *draváyati* 'он спешит', 'он струится' — *drāváyati* 'он выливает' (= 'он заставляет струиться'): *ūrmīr nā nimnair dravayanta vākvāḥ* (X, 148,5) 'Как волна низинами, пусть льются рокошующие (песнопения) и *ādhvāryo drāvāyā tvām sōmam* (VIII, 4,11) 'О жрец, лей твоего сому!'

Однако в целом это соотношение даже в РВ в значительной степени уже стерто. Основы на *-āya-* со слабым и усиленным вокализмом могут семантически не различаться, например, *citāya-* и *cetāya-* от глагола *cit-* 'являться', 'воспринимать', 'понимать'. Иногда основа со слабым вокализмом имеет переходное значение, как р.р.г. *grbháyant-* 'хватающий' от *grabh-/grbh-*, а основа с полным вокализмом — непереходное, как

raṁh-, *raṁhayate* 'он бежит' (ср. рг. *raṁhate* 'он торопит'). В результате можно сказать, что форма во многих случаях не является критерием для установления значения основ на *-āya-*. С вокализмом же ступени вриддхи, а также с суффиксом *-ráya-* каузативно-фактитивное значение бывает связано регулярно. В дальнейшем развитии языка основы на *-āya-* со слабой ступенью корневого гласного и итеративным или непереходным значением совсем вышли из употребления.

Следует уточнить еще понятие каузативного значения в ведах. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что основы, классифицируемые по структурным признакам как каузативные, имеют каузативное значение только по отношению к исходному непереходному глаголу и, как правило, семантически ничем не отличаются от исходного переходного глагола. Например, *jan-*, *jāyate* 'он рождается' — *jānati*, *janāyati* 'он порождает' (противопоставлению основ здесь соответствует также противопоставление медиальных и активных окончаний): *gārbhe sām jāyase pūnaḥ* (VIII, 43,9) 'Находясь в утробе, ты рождаешься снова' — *devām ādevaṁ janata prācetasam* (IV, 1,1) 'Порождайте бога, устремленного к богам, мудрого', *agnīm naro janayatā suśevaṁ* (III, 29,5) 'Агни, о мужи, порождайте дружелюбного'. Если же исходный глагол имеет переходное значение, то каузатив сохраняется это значение, а также часто и конструкцию, например, от глагола *dhā-* 'класть', 'помещать': *...tāsmiṁ mām dhehi pavamānāmṛte loké ākṣite* (IX, 113,7) '...туда помести меня, о Павамана, в бессмертный нерушимый мир!' и *ṣrāddhe ṣrād dhārayehā naḥ* (X, 151,1) 'О Вера, помести нас здесь в веру!'

Конструкция с инструментальным падежом посредника при каузативном глаголе в ведах встречается, но это употребление редкое, например: *sām kāṣayāmi vahatūṁ brāhmaṇā grhāir | aghoreṇa cākṣuṣā mitriyeṇa* (AB, XIV, 2,12) 'Я велю домашним взирать на свадебную процессию с молитвой, не страшным зором, дружеским' (букв. 'Я велю, чтоб было рассмотрено домашними...').

Интенсивы, или фреквентативы, выражают усиление значения основного глагола в качественном или количественном отношении. Этот тип производного спряжения в РВ образуется более, чем от 90 корней, в АВ приблизительно в половину меньше (в дальнейшем интенсивы постепенно выходят из употребления и в санскрите встречаются крайне редко). Существуют некоторые структурные ограничения в отношении корней, способных образовывать интенсивы. Их не образуют корни, начинающиеся с гласного, кроме *r-/ar-* 'приходить в движение' и корни, оканчивающиеся на *-ā*.

Интенсивы образуются двумя способами: 1) без суффикса, с помощью особого типа удвоения и 2) путем присоединения суффикса *-ya-* к интенсивной основе первого типа.

Бессуффиксный способ образования интенсивов посредством особого специфичного только для этого производного спряжения удвоения является основным в ведийском языке, и ему следует большая часть корней, от которых засвидетельствованы формы интенсивов. Основы этого типа атематические, корневой гласный подвержен чередованию. Тип парадигмы в принципе тот же, что у редулицированных атематических основ класса III презенса. В сильных формах ударение падает на слог удвоения, а корневой гласный представлен ступенью гуна, в слабых формах — на окончание, а в форме 3 pl.act. — на удвоение при корневом гласном в слабой звуковой ступени. Флексия 3 pl.act. *-ati* — как у редулицированных презенсов, суффикс активного причастия — *-at-*.

Как у всех атематических образований, на морфемных швах и в ряде форм в конце слова в интенсивах действуют сандхи согласных.

Для интенсивов характерен усиленный тип удвоения. Корневые гласные *ī*, *ū* в слог удвоения бывают представлены ступенью гуна, т. е. соответственно *e*, *o*, например: *diç-* 'показывать', *dēdiṣṣe*; *vī-* 'стремиться', 'наслаждаться', *veveti*; *pruth-* 'сопеть', р.р. *pópruthat-*; *ru-* 'реветь', *róravīti*.

Корни, вокализм которых представлен исконными дифтонгами на плавные и носовые сонорные, большей частью также имеют ступень гуна в слог удвоения, т. е. *ar*, *al*, *an*, *am*, например: *kar-* 'делать', р.р. *kārikrat-*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', *varivartti*; *cal-* 'шевелиться', *calcalīti* (ЯВ) (также *cācalat* — АВ); *san-* 'добывать', 3 pl.med. *saṇṣṇata*; *nam-* 'сгибать', *nāmnāmīti* и р.р. *nānnamat-*; *jambh-* 'разжевывать', р.р.med. *jāñjabhāna-* и др. Из корней на *r* только три имеют иной рефлекс в слог удвоения. У дифтонгов на остальные сонорные нередко встречается и иной вокализм редуликации, например: *randh-* 'подчинять', iv. *rārandhi*; *van-* 'желать', iv. *vāvandhi* (наряду с adj. *vānivān-*) и др. Корень *ar-/r-* образует основу интенсива *ālar-* (результат диссимилиации согласного). Корень *gāh-* 'нырять' имеет аномальную редуликацию с согласным п — *jāṅgahe*.

Корни с *ā*, за которым следует шумный согласный (а в некоторой части случаев — сонант), имеют в слог редуликации *ā*, например: *lap-* 'болтать', *lālapīti*; *vad-* 'говорить', *vāvadīti*; *çvas-* 'пыхтеть', р.р. *çāçvasat-*. Из глаголов на *-r* по этому типу образуют интенсивы *gar-* 'бодрствовать', iv. *jāgrhi*; *dar-* 'разламывать', iv. *dādrhi* (наряду с более употребительными формами *dārdarṣi* и пр.) и *dhar-* 'держать', *dādharti* (наряду с формами РВ *dardharṣi* и пр.), а также некоторые глаголы на *-al*, *-an*, *-am* (см. выше).

Более, чем у 20 корней, оканчивающихся на носовой согласный, носовой + шумный согласный, *-ū* или имеющих корневой гласный *r*, засвидетельствовано двуслоговое удвоение, вторым слогом которого является гласный *-ī-*. Количество гласного

определяется ритмической закономерностью: *l* перед одним согласным, *ī* перед двумя, например: *gam-* 'идти', *ganīganti* (*n* редупликации, как указывалось исследователями, возникло в результате ассимиляции с корневым *-n*, вызванным сандхи; при этом надо отметить, что последовательность *-amī-* в интенсивах вообще не встречается); *kraṇd-* 'ржать', *kāṇikraṇti*; *haṇ-* 'убивать', р.р. *ghānighṇat-* (наряду с *jañghanti* и р.); *dhū-* 'сотрясать', р.р. *dāvidhvat-*; *dyut-* 'светить', 3 sg.inj. *dāvidyot*; *bhar-* 'нести', 3 pl.act. *bharibhrati* (наряду с *jarbhṛtās*) и др.

Тип интенсивов с двуслововым удвоением не вполне устойчив, и ряд основ имеет дублиеты по обычному типу. В интенсивах с *-ṣ-* в удвоении не всегда соблюдаются правила, касающиеся консонантизма удвоения. Придыхательный согласный корня может сохраняться: *bhar-*, *bharibhr-*, но *dhū-*, *dāvidhṇ-*; *phaṇ-* 'прыгать', *pāṇiphaṇ-*. Гуттуральный согласный корня может сохраняться, как в *kraṇd-*, *kāṇikr-*; *gam-*, *ganīgan-/ganigm-*; возможны оба рефлекса, как в *skand-* 'прыгать', *caṇiṣkad-* и *kāṇiṣkad-*; наконец, встречается случай «восстановления» согласного в корне, как в основе *jaṅghan-* от *haṇ-*, или также в слове удвоения, как в основе *ghānighṇ-* от того же корня. Кстати, случай колебания между гуттуральным и палатальным при редупликации засвидетельствован также в интенсиве без соединительного гласного: основы *kārikr-* и *carikr-* от *kar-* 'делать'. У корня *bhar-* имеет место аномальный палатальный согласный в слове удвоения — *jarbhṛ-* (ср. также перфект *jabhāra*).

В корнях на *-ā-* корневой гласный подвергается сокращению после слога редупликации с долгим гласным, например: *kāṣ-* 'сиять', *cākaṣṭi*; *bādh-* 'угнетать', 3 sg.med. *bābadhe* (наряду с аномальной формой *badbadhē*); *vāṣ-* 'лаять', 3 du.impf.med. *avāvāṣṭām*.

Корни, оканчивающиеся на *-r*, имеют в интенсивных основах разные рефлексы, например: *kar-/kir-* 'восхвалять', *carkarmī*, *carkiran* (ср. также аномальную форму 3 sg.med. *cārkrṣe*); *gar-/gir-* 'глотать', subj. *jaḡgulas*, р.med. *jāḡgurāṇa-*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tartarīti*, р.med. *tārturāṇa-*; *dar-/dir-* 'трепсаться', *dardarīti*, subj. *dardirat*.

В отношении флексии интенсивов, в целом следующей образцу атематического редуплицированного класса презенса, следует отметить ту особенность, что ряд согласных окончаний у некоторых глаголов присоединяются к корню посредством гласного *-i-*. Обычно это бывают окончания *-mī*, *-ti* и один раз встретились окончания 2 du.act. *-thas* (*tartarīthas* от *tar-*) и 3 sg.iv. *-tu* (*johavītu* от *hū-*). Причем гласный *-i-* имеет место перед флексией только в тех случаях, когда его нет после слога редупликации в данной форме. Вот некоторые примеры: *kāṣ-*, *cākaṣṭmī*, *cākaṣṭti*; *bhur-* 'дергаться', *jārbhurīti*; *hū-*

‘звать’, *johavīmi*, *johavīti* и др. Образцом для этих форм могли служить как отдельные формы атематического презенса типа *brū-* ‘говорить’, *brāvīti*, так и формы аориста и имперфекта на *-īt*.

Имперфект у интенсивов также бывает атематическим, в силу чего совпадают формы 2 и 3 sg. impf. act., например: 2, 3 sg. *ādardar* от *dar-*. Со вторичными окончаниями встречаются все структурные разновидности основ имперфекта, например: *dāvidyot* от *dūt-*, *ājohavīt* от *hū-* и др. В целом же имперфект засвидетельствован гораздо хуже, чем презенс, и совсем редко встречается в медиальном залоге.

Из модальных форм от основы интенсива встречается прежде всего императив, причем всегда с активными окончаниями, например: *penigdhi* от *nij-* ‘мыть’, *barbrhi* от *brh-* ‘вырывать’ (с утратой корневого *-h* перед *-h-* окончания), *carkṛtāt* от *kar-*, *veveṣṭu* от *viṣ-* и др. Засвидетельствованы также формы инъюнктива и субъюнктива, корневой вокализм которого может быть представлен как ступенью гуна, так и слабой ступенью, например: *parpharat* от *phar-* ‘рассыпать’, но *marmṛjat* от *mṛj-* ‘стирать’. Оптитив почти не встречается.

За пределами системы презенса имеется несколько форм перфекта с основой интенсива, например: *dauidhāva* от *dhū-* ‘сотрясать’, *pōnāva* от *ni-* ‘ликовать’, *jāgāra* от *gar-* ‘бодрствовать’ (этот глагол образует всю парадигму от основы интенсива, утратившей специфическое значение и функционирующей в качестве корня).

Причастия от основы интенсива достаточно многочисленны, особенно в активном залоге (примеры см. выше).

Образование интенсивов с помощью суффикса *-uá-*, находящегося под ударением, мало характерно для ведийского языка, особенно для его раннего периода развития, представленного в РВ (в дальнейшем этот тип интенсивов развивается за счет атематического). В ведийском языке насчитывается около десятка таких форм. Они не образуют парадигмы. Встречаются только формы 2, 3 sg. и 3 pl. В этих формах суффикс *-uá-* присоединяется к основе интенсива (без гласного *ī* удвоения), а флексия всегда бывает медиальной. По форме эта тематическая разновидность интенсивов напоминает пассив. Корневой гласный перед суффиксом *-uá-* трактуется у этих интенсивов так же, как в пассиве. Вот некоторые примеры: *diṣ-* ‘показывать’, *dediṣyáte*; *rih-* ‘лизать’, *rerihyáte*; *tar-* ‘пересекать’, *tar-tūryánte* и др. Кроме того засвидетельствовано несколько медиальных причастий: *car-* ‘бродить’, *carcūryāmāṇa-* и др.

Как уже было сказано, интенсивные глаголы передают значение усиленного и повторного характера действия, выраженного исходным глаголом. Вот некоторые примеры: *pāṇya ā dardirac chatā* | *sahāsra vāju āvṛtaḥ* (VIII, 32, 18) ‘Удивительный захватчик добычи пусть разбивает сотни, тысячи — беспре-

пятственно!'; *imām me agne pūruṣaṃ tumugdhy | ayām uḥ baddhāḥ sūyato lālapīti* (AB, VI, 111,1) 'Освободи мне, Агни, этого человека — того, кто громко кричит, связанный, крепко затянутый!'. Это значение присуще всему классу интенсивов. Лишь у отдельных глаголов — *gar-* 'бодрствовать', *nij-* 'мыть' и *viṣ-* 'действовать' — это значение стерлось, и интенсивные презенсы выступают в функции обычных.

Дезидеративы выражают желание совершить действие, обозначенное исходным глаголом. В самхитах их образует около 60 глаголов (в дальнейшем развитии языка их число возрастает).

Дезидеративы образуются от корня в слабой звуковой степени с помощью неусиленного удвоения, на которое падает ударение, и суффикса *-sa-*. Таким образом, дезидеративные основы являясь тематическими и, следовательно, лишенными чередования.

Дезидеративное удвоение подчиняется общим правилам редупликации, но при этом обладает некоторыми специфическими особенностями, как и трактовка корня. Гласным редупликации в дезидеративах бывает *-i-* при корнях на *ā, ī, ṛ*; *u* — при корнях на *ū*, например: *pat-* 'летать', *pipatiṣati* (AB; единственный случай в раннем ведийском языке, когда суффикс *-sa-* присоединяется через *-i-*, в дальнейшем же распространяется именно вариант *-iṣa-*), *pā-* 'пить', *pipāṣati, pipīṣati*; *riṣ-* 'вредить', *ririṣati*; *nī-* 'вести', *nīniṣati*; *ruh-* 'подниматься', *rūruṣati*; *duh-* 'доить', inj. *dūduḥsan*; *bhū-* 'быть', *būbhūṣati*; *sṛp-* 'ползти', *sīsṛpaṣati*.

В основах дезидеративов корневой гласный подвергается определенным изменениям. Конечные *-i, -u* корня перед суффиксом *-sa-* удлиняются, например: *ci-* 'видеть', *cikiṣate*; *ji-* 'побеждать', *jigiṣati*; *ṣru-* 'слышать', p.med. *ṣūcrūṣamāṇa-*. Конечный *-r* корня дает рефлексy *-ir, -ūr*, например: *kar-* 'делать', *cikīrṣati*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tātūrṣati* (с долгим гласным удвоением), *titīrṣati* (в брахманах), а также *dhvar-/dhūrṣ-* 'повреждать', *dūdūrṣati*. Конечный *-ā* у ряда корней в дезидеративных основах бывает представлен *-ī*, а в одном случае — *-i*: *gā-* 'идти', *jigiṣati* (CB), *jigāṣati* (брахманы); *pā-* 'пить', *pipiṣati, pipāṣati*; *hā-* 'продвигаться', *jihīṣate*; *dhā-* 'класть', *dīdhīṣanti* с кратким *-i*; но *jñā-* 'знать', *jijñāṣate*; *dā-* 'давать', p.pr. *didāṣant-*, *sthā-* 'стоять', *tiṣṭhāṣati* (брахманы).

Наибольшие изменения происходят в дезидеративных основах, если корень имеет гласный *-a-*. В нескольких корнях на *-an, -am* слабая ступень представлена долгими *-ān, -ām*: *gam-* 'идти', *jigāṃṣati*; *man-* 'думать', *mīmāṃṣate*; *han-* 'убивать', *jighāṃṣati*, или долгим гласным *-ā*: *van-* 'желать', *vivāṣati*; *san-* 'добывать', *sīṣāṣati*.

Небольшая группа корней с вокализмом *-ā* или *-a-* образует

дезидеративы без удвоения с вокализмом *-ī-*. У части этих корней подобная основа дезидератива является результатом фонетического развития, вызванного утратой конечного *-ā*, у другой части основы дезидератива такой структуры возникли, видимо, по аналогии, причем грань между теми и другими не всегда легко провести. Фонетическими причинами целесообразно объяснять дезидеративные основы от *dā-* 'давать' — *dītsati* (наряду с р.р. *didāsant-*) и *dhā-* — *dhītsati* (наряду с *didhiṣanti* и пр.), потому что известны редуплицированные презентные основы с нулевым корневым вокализмом *dattē*, *dhattē* и пр. (наряду с полными редуплицированными основами *dādāti*, *dādāhāti*). Можно предположить фонетические причины в возникновении дезидеративов от *dabh-* 'угнетать' — *dīpsati* (<**dī-dbh-sa-ti*) и от *ṣak-* 'быть способным', 'мочь' — *ṣikṣati* (<**ṣi-ṣk-sa-ti*). Кроме этих дезидеративов по той же модели образуют дезидеративные формы корни *sah-* 'одолевать' — *sīkṣanta*; *labh-* 'получать' — *līpsate*; *āp-* 'достигать' — и.п. *īpsan* и один корень с вокализмом *r* — *rdh-* 'процветать' — р.р. *īrt-sant-*. В одном случае дезидератив отличается от исходного глагола не только грамматическим, но и развившимся на его базе лексическим значением: *bha-j-* 'наделять', *bhikṣate* 'просить (милостыню)'.

Глагол *a(m)ṣ-* 'достигать' образует дезидератив *iyakṣati*, который в свою очередь служит моделью для дезидератива *īnakṣati* от *naṣ-* id.

У нескольких корней гласный удвоения бывает долгим, например: *tar-/tur-* 'пересекать', *tātūrṣati*; *bādh-* 'угнетать', *bībhatsate* (с сокращением корневого гласного); *man-* 'думать', р.мед. *mīmāṃsamāna-* (с удлинением корневого гласного).

Если корень начинается с палатального согласного или с *h-*, то в дезидеративной основе в нем «восстанавливается» исходный гуттуральный, как в *cit-* 'замечать', *cikitsati*; *ji-* 'побеждать', *jīgīṣati*; *han-* 'убивать', *jighāṃsati* и др.

Спряжение дезидеративов в презенсе и имперфекте следует тематическому образцу.

За пределами системы презенса формы от основы дезидератива в ведийском языке почти не встречаются. Следует упомянуть лишь две формы аориста, засвидетельствованные в АВ: *rdh-* 'процветать', *īrtsis*; *cit-* 'замечать', *acikitsis* и отдельные причастия.

От основы дезидератива образуется ряд прилагательных на *u-*: *didrksū-* 'желающий видеть' (*drṣ-*), *pipīṣu-* 'желающий пить' (*pā-*) и т. п. и абстрактные существительные женского рода на *-ā*: *jigīṣā-* 'желание победить', *bhikṣā-* 'выпрашивание' и т. п.

Дезидеративные глаголы имеют вполне отчетливую семантику, обозначая желание сделать то, что выражено исходным глаголом. Иногда это значение приближается к значению фу-

туральности. Вот некоторые примеры: *dīpsauśadhe tvām dīpsantam* (AB, V, 14,1) 'Постарайся ты повредить тому, о трава, кто старается повредить!', *ādhvaryo drāvāyā tvām | sōtam indrah pipāsati* (VIII, 4,11) 'О адхварью, дай ты струиться коме: Индра хочет пить!', *bhūridā bhūri dehi no | mā dabhrām bhūry ā bhara | bhūri ghēd indra ditsasi* (IV, 32,20) 'О дающий много, дай нам много. Не мало, а много принеси! Ведь ты хочешь, о Индра, дать много!'

У некоторых дезидеративов развилось новое лексическое значение по сравнению с исходным глаголом, например: *tij-* 'точить' — *tītikṣa-* 'терпеть', *bha-j-* 'наделять' — *bhikṣa-* 'просить', *man-* 'думать' — *mīmāṃsa* 'разбирать', 'доказывать' *ṣru-* 'слушать' — *śūṣṛūṣa-* 'слушаться', *ṣak-* 'мочь' — *ṣikṣa-* 'учить' и др.

Деноминативы, или стыменные глаголы, образуются от именных основ (большей частью существительных, иногда прилагательных) с помощью суффикса *-ya-*, на который падает ударение. Они выражают широкий круг значений, базирующихся на значении исходного имени: «быть подобным тому, что выражено именем», «действовать как то, ~», «становиться тем, ~», «использовать то, ~», «желать того, ~» и др. Они могут быть переходными и переходными, употребляться с активными и медиальными окончаниями. Как глаголы они употребляются с наречиями-префиксами.

Деноминативы особенно широко распространены в РВ, где они образуются более, чем от ста основ. В дальнейшем их число заметно уменьшается.

Деноминативы принято формально классифицировать по тому типу именной основы, к которой присоединяется суффикс *-ya-*. В сочетании с этим суффиксом конечный элемент основы может претерпевать определенные изменения.

Самым распространенным типом деноминативов являются образования от продуктивных именных основ на *-a*. В сочетании с тематическим гласным основой образуется исход деноминатива *-aya-*, который отличается от суффикса каузативов *-āya-* только местом ударения, если оставить в стороне разницу в значении. Вот некоторые примеры: *indray-*, *indrayante* 'вести себя, как Индра' (*indra-*); *ṛtay-*, inj. *ṛtayanta* 'действовать в соответствии с космическим законом' (*ṛtā-*); *devay-*, p.pr. *devayānt-* 'служить богам' (*devā-*); *sumnay-*, p.pr. *sumnayānt-* 'быть благочестивым' (*sumnā-*); *anu vīray-*, 2 pl.iv. *anu vīrayadhvam* 'брать пример мужества' (*anu* 'вслед', 'за'; *vīrā-* 'герой') и др. В отдельных случаях исходная основа на *-a-* в самостоятельном употреблении не засвидетельствована, например, *kaṇṭhika-*, p.pr. *kaṇṭhikaṇṭ-* 'быть в нужде'.

Из этого продуктивного типа деноминативов выделяется суффикс *-aya-*, который изредка присоединяется к согласным типам основ, например: *iṣay-*, 1 pl.opt. *iṣayeta*, p.pr. *iṣayānt-*

‘быть свежим’, ‘быть сильным’ (*iṣ-* f. ‘сок’, ‘сила’); *ūrjāy-*, *ūrjāyanti*, p.act. *ūrjāyant-*, p.med. *ūrjāyamāna-* ‘изобиловать’, ‘быть сильным’ с необычным местом ударения (*ūrj-* f. ‘жирный апиток’, ‘сила’). Морфологически неясной остается основа деноминатива *dhunay-*, inj. *dhunayanta* ‘шуметь’ (*dhūni-* ‘шумый’).

В определенной части случаев тематический гласный в именной основе перед суффиксом *-yā-* удлиняется, например: *aṣvāy-*, p.p. *aṣvāyānt* ‘желать коней’ (*aṣva-*); *tilvilāy-*, 2 pl.iv.med. *tilvilāyādhvam* ‘быть плодородным’ (*tilvila-*); *priyāy-*, 3 sg.impf. med. *āpriyāyata* ‘дружить’ (*priyā-*); *yajñāy-*, p.p. *yajñāyānt-* ‘приносить жертву’ (*yajñā-*); *rathirāy-*, p.p. *rathirāyānt-* ‘перезоиться на колеснице’ (*rathirā-* ‘колесничий’); *randhanāy-*, impf. *randhanāyas* ‘отдавать во власть’ (*randhana-* ‘уничтожающий’, п. ‘уничтожение’).

Иногда от основ на *-a-* сосуществуют оба варианта деноминативных основ, например, от *ṛtā-* ‘космический закон’ — *ṛtay-*, *ṛtāy-*, от *sumnā-* ‘благочестивый’ — *sumnay-* и *sumnāy-*.

В отдельных случаях в деноминативах, образованных от тематических основ, перед суффиксом *-yā-* *-a-* меняется на *-i-*, *-ī-*, например: *anniy-*, p.p. *anniyānt-* ‘хотеть еды’ (*ánna-*); *adhvāy-*, p.p. *adhvāyānt-* ‘устроить праздник жертвоприношения’ (*adhvarā-*); *putrīy-*, p.p. *putrīyānt-* ‘хотеть сыновей’ (*putrā-*).

В деноминативах от основ на *-ā-* конечный гласный основы обычно сохраняется перед суффиксом, например: *gorāy-*, *gorāyanti* ‘охранять’ (*gorā-* m. ‘пастух’); *duḥunāy-* ‘хотеть причинить зло’ (*duḥunā-*); *manāy-*, *manāyānt-* ‘быть расположенным’ (*manā-* f.). Деноминативов от этих основ немного. Среди них опадаются отдельные случаи, когда деноминатив образован не от основы, а от падежной формы на *-ā-*, например: *dhiyāy-*, *dhiyāyate*, p.p. *dhiyāyānt-* ‘размышлять’, ‘отмечать’ от *dhiyā* sg. от *dhi-* f. ‘мысль’; *tvāy-*, p.p. *tvāyānt-* ‘любить тебя’ от *vā* — A.sg. от *tvām* ‘ты’.

В небольшой группе деноминативов, образованных от основ *-i-*, *-ī-*, *-u-*, *-ū-*, гласный, предшествующий суффиксу *-yā-*, почти всегда бывает долгим, например: *arātīy-*, *arātīyānt-* ‘быть враждебным’ (*ārāti-*); *jānīy-*, *janīyānt-* ‘хотеть жены’ (*jāni-*, *jānī-*); *rauy-*, p.p. *rayīyānt-* ‘хотеть богатства’ (*rayi-*); *avīy-*, p.p.act. *kavīyānt-*, p.p.med. *kavīyāmāna-* ‘действовать как мудрец’ (*kavi-*); *ṛjūy-*, *ṛjūyānt-* ‘направляться прямо’ (*ṛjū-*); *ukratīy-*, *sukratīyase* ‘быть очень искусным (при жертвоприношении)’ (*sukrātu-*) и др., но *gātuy-*, *gātuyānti* ‘создавать вободный путь’ (*gātú-*) и *raghuy-*, p.p. *raghuyānt-* ‘быстро двигаться’ (*raghú-*). Деноминатив *ṣrudhīy-*, p.p. *ṣrudhīyānt-* ‘слушаться’ образован от формы 2 sg.iv.act. *ṣrudhī* ‘слушай!’ от глагола *ṣru-*.

Встречается один случай образования деноминатива от ос-

новы на дифтонг, которая представлена ступенью гуна: *gavyu-*, р.рг. *gavyánt-* 'хотеть коров' (*gó-*).

Среди деноминативных глаголов, образованных от основ на согласные, чаще других встречаются формы от основ на *-as-* и на *-an-*. Деноминативы на *-asyáti* образованы от основ среднего рода на *-as-*. Они обладают ясной морфологической структурой. Вот некоторые примеры: *apasy-*, subj. *apasyát* 'быть деятельным' (*ápas-*); *duvasy-*, *duvasyáti* 'делать подарки' (*dúv-as-*); *namasy-*, *namasyánti* 'почитать' (*námas-*); *çravyasy-* *dú* subj. *çravyasyát* 'стремиться к славе' (*çrávas-*). Они образуются иногда от сложных слов, например: *ñrmaṇasy-*, *ñrmaṇasyase* 'быть расположенным к людям' (*ñrmāṇas-*); вызывают образования по аналогии как *mānavasy-*, р.рг. *mānavasyánt-* 'действовать, подобно людям' (хотя соответствующая именная основа *mānavá-*). Иногда исходная именная основа на *-as-*, от которой образован деноминатив, не засвидетельствована, например: *irasy-*, *irasyáti* 'сердиться' (**iras-* нет).

К деноминативам на *-asyati* примыкают небольшие группы деноминативов на *-iṣyáti* и *-uṣyáti* соответственно от основ на *-iṣ-*, *-uṣ-*, например: *taviṣy-*, *taviṣyáte* 'быть сильным' (**tavis-* нет, но есть *taviṣá-* 'сильный' и *táviṣi-* 'сила'); *saniṣy-*, *saniṣyati*, р.рг. *saniṣyánt-* 'хотеть добыть' (**sanis-* нет, но есть *saní-* 'добыча'); *uruṣy-*, *uruṣyáti* 'избегать', 'спасать' (**urus-* нет, есть *urú-* 'широкий', 'свободный'); *vanuṣy-*, *vanuṣyáti* 'быть ревностным' (*vanús-*); *varuṣy-*, inj. *varuṣyaṇ*, р.рг. *varuṣyánt-* 'дивиться' (*vápus-*).

От основ на *-n-*, реальных или предполагаемых, образуются деноминативы на *-anyáti*, например: *ukṣaṇy-*, р.рг. *ukṣaṇyánt-* 'вести себя, как бык' (*ukṣán-*); *udany-*, р.рг. *udanyánt-* 'струиться' (*udán-* 'волна'); *vṛṣaṇy-*, *vṛṣaṇyati* 'кидаться, как бык' (*vṛṣan-*); *damany-*, inj. *damanyaṭ* 'подавлять' (**daman-* нет); *ruvaṇy-*, inj. *ruvaṇyas-* 'громко кричать' (**ruvan-* нет); *saraṇy-*, subj. *saraṇyāṇ* 'спешить' (**saran-* нет, есть *saraṇa-* 'спешащий') и др.

Несколько деноминативных глаголов образованы от именных основ на *-r-*, большая часть которых в текстах не засвидетельствована, например: *adhvary-*, р.рг. *adhvaryánt-* 'устраивать праздник жертвоприношения'; *vadhary-*, р.рг. *vadharyánt-* 'метнуть оружие' (*vádhar-*). Отсутствуют соответствующие существительные у *rathary-*, *ratharyáti* 'ехать на колеснице' (ср. *rátha-*); *vithury-*, *vithuryáti* 'колебать' (ср. *vithurá-*); *çrathary-*, *çratharyáti* 'отпускать', 'освобождать'; *sapary-*, *saparyáti* 'уважать', 'почитать'.

От основ на смычные согласные деноминативные глаголы почти не встречаются. Существует лишь одна бессуффиксная форма *bhiṣáj-*, *bhiṣákti* 'лечить' от *bhiṣáj-* м. 'лекарь'.

Встречаются отдельные морфологически неясные деноминативы, как *iṣudhy-*, *iṣudhyati* 'целиться' (**iṣudh-* нет, есть

iṣudhi- 'колчан' — сложное слово: *iṣu-* 'стрела' + *dhi-* от *dhā-* 'класть'); *hary-*, р.р. *haryánt-* 'сверкать' (*hāri-* 'золотистый'). Глагол *pat-*, *pátyati* 'повелевать', имеющий вид простого глагола и относимый обычно к классу IV презенса, видимо, также является деноминативным (ср. *pāti-* 'господин', 'повелитель').

Есть несколько деноминативов с ударением, как у каузативных глаголов: *arthay-*, *artháyati* 'стремиться' (*ártha-* 'цель'); *mantray-*, *mantráyante* 'говорить' (*mántra-*). Эти глаголы составляют переходное звено между деноминативами и каузативами, от деноминативов они отличаются также по значению.

Среди деноминативов встречается немало однократных, пробных образований. Ряд деноминативов имеет дублетные основы. Многие представлены только формой причастия настоящего времени активного залога.

Деноминативы — это разновидность тематического спряжения презенса. Презентная основа представлена также отдельными формами имперфекта, императива, инфинитива и субъюнктива со вторичными окончаниями. За пределами системы презенса встречаются только изолированные формы аориста: *ūnau-*, 2 sg. *ūnauīs* 'быть неисполненным' (*ūná-*); *jāray-*, 3 sg.aor.pass. *jārayāyi* 'вести себя, как любовник' (*jārā-*).

Деноминативное происхождение предполагают у группы глаголов на *-āyá-*, которые, видимо, произведены от незасвидетельствованных имен женского рода на *-ā-* типа *grbhāyāti* 'хватать' (от *grbhā-*) наряду с *grbhñāti* (см. с. 321).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

На синтаксическом уровне ведийский текст можно описать в виде набора элементарных синтаксических конструкций (ЭСК) и правил их сочетаний в предложении.

Под ЭСК подразумеваются минимальные сегменты текста, в пределах которых реализуются все возможные типы связей в простом предложении. ЭСК, состоящие из однозначных слов, бывают обычно двучленными. Для ведийского языка целесообразно выделять два яруса ЭСК в зависимости от семантики составляющих их элементов. Ярус I объединяет сочетания однозначного слова с неполнозначным. У последнего типа слов лексическое значение полностью реализуется лишь в сочетании с одним из слов первого типа. Степень слияния значений бывает весьма различной: от сохранения двух отдельных лексических значений, из которых одно уточняет другое, до почти полной утраты вспомогательным элементом конструкции самостоятельного лексического значения и приобретения им грамматического значения, в результате чего может возникнуть одно новое лексическое значение всей конструкции. Ярус II объединяет сочетания двух однозначных слов.

По характеру отношений между входящими в их состав членами ЭСК могут выражать подчинительную и сочинительную связь. Подчинительная связь реализуется в виде согласования, управления или примыкания. При согласовании оба члена конструкции характеризуются одним набором граммем; при управлении набор граммем у членов конструкций разный, в этом случае выбор хотя бы одной граммы в наборе одного члена (управляемого) определяется набором граммем другого члена (крайний случай этой ситуации — когда управляющий член имеет нулевой набор граммем); при примыкании один из членов конструкции (управляемый) обладает или нулевым набором граммем, или минимальным набором неразрывно связанных между собой граммем (т. е. является неизменяемым словом).

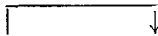
В этом разделе в описании используются следующие симво-

лы: Adj.—прилагательное, Adv.—наречие, С.—классы полнозначных слов, Со.—союз, G._{abs.}—родительный падеж в абсолютной конструкции, L._{abs.}—местный падеж в абсолютной конструкции, Nom.—имя, Nom._{nominat.}—имя в именительном падеже, Nom._{acc.}—имя в винительном падеже, Nom._{instr.}—имя в инструментальном падеже, Nom._{dat.}—имя в дательном падеже, Nom._{abl.}—имя в отложительном падеже, Nom._{gen.}—имя в родительном падеже, Nom._{loc.}—имя в местном падеже, Nom.-Subst.—имя существительное, Part.—причастие, Pcl.—частица, Postp.—послелог, Praef.—приставка, Praep.—предлог, Vb.—глагол, Vb._{absol.}—глагол в форме абсолютива, Vb._{fin.}—личная форма глагола, Vb._{inf.}—глагол в форме инфинитива, pers.—лицо.

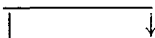
ЯРУС I

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

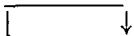
Управление

 а) Praep./Postp. + Nom._{acc.}

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *ácchā, āti, adhās, ādhi, ānu, antār, abhī, ā, ūpa, upāri, tīrās, pāri, parās, prāti*; так, например: *jānāñ āti* 'через людей', *áchā rávam* 'на зов', *múhur ā* 'в мгновение', *antār ... jānmobhayā* 'между обоими родами', *bhūvanopāri* 'над мирами', *tāmas tirās* 'сквозь мрак' и т. д.

 б) Praep./Postp. + Nom._{instr.}

В качестве предлога или послелога здесь возможны *ādhi, avās, ūpa, parās, sám, sahā, sākām, smád*; например: *sám pātnībhis* 'с женами', *sahā dhībhis* 'с молитвами', *sāhāsā sahā* 'с снлой', *sākām krātunā* 'с умом', *avó divā* 'с неба', *ūpa dyūbhis* 'с течением дней' и т. д.

 в) Praep./Postp. + Nom._{abl.}

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *adhās, ādhi, antār, avās, ā, rté, nīs, parās, pāri, purās, purā*; например: *hṛdayād ādhi* 'из сердца', *antār ācmanas* 'из(нутри) камня', *ā samudrāt* 'до моря', *divās pāri* 'с неба', *rté tvāt* 'без тебя', *purā gfdhrāt* 'до коршуна' и т. д.

d) Praep./Postp. + Nom._{loc.}

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *adhās, ádhi, antár, ápi, á, úpa, purás, sácā*; например: *ápi kárñe* 'рядом' (букв. 'около уха'), *dāma á* 'в доме', *úpa tvací* 'на шкуру', *suté sácā* или *sácā suté* 'у выжатого (сомы)' и др.

Примыкание

e) Adv.-Praef. + Vb.

Первый член этой конструкции нуждается в пояснении. В ведийском языке нет глагольных префиксов, описываемых с помощью словообразовательной модели. В функции префиксов употребляется ряд неизменяемых слов наречно-предложного типа, способных иметь самостоятельное ударение и быть отделенными от глагола, с которым они связаны. Проблема — два слова или две морфемы одного слова — решается факультативно. Так, например, *ava sraktīr vescuṇṇśad indrah prāyasa-* had *vīcva bhōjanā sudāse* (VII, 16,17) 'Иглой Индра отколол зубцы. Он подарил все запасы Судасу'. Семантически наречие-приставка и глагол образуют единство.

В ведах встречаются следующие наречия-префиксы: *ácha/ áchā, áti, ádhi, ánu, antár, ápa, ápi, abhi, áva, ā, úd, úpa, ní, nis, párá, pári, prá, práti, ví, sám*. В той же функции могут употребляться некоторые слова с более ярко выраженной адвербиальной структурой, как *āvís, tirás, purás* и др. (твердой грани между этими словами и наречиями не существует). Например: *áchā nṛcákṣā asarat* (IX, 92,2) 'Притек он со взглядом героя', *ápa durmatim han* (X, 182,2) 'Пусть разобьет он недоброжелательство!', *prá yád váhethē...* (I, 180,9) 'Когда вы двое уезжаете' и т. д. Значительно реже подчиненный элемент следует за глаголом, например: *síṣakty aryáh prá yugā* (X, 27,19) 'Он преследует поколения благородного'.

Сочинительная связь

f) Adv.-Praef.₁ + Adv.-Praef.₂ (+ Vb.)

Uraṃcūnā sām amṛtatvām ānaṭ (IV, 58, 1) 'Вместе с растением сома ты *вобрал в себя* напиток бессмертия', prā sadyo agne áty eṣy anyān (V, 1,9) 'Агни, ты *тотчас превосходишь* других', arāvṛktā aratnāyaḥ (VIII, 80,8) 'расставлены локти'.

Данная ЭСК моделирует связь между двумя наречиями-

префиксами, связанными с одним глаголом (в качестве глагола в этой и в следующей ЭСК может выступать также причастие) и образующими с ним, как правило, единое семантическое целое. ЭСК принадлежит к числу весьма распространенных. Три наречия-префикса при одном глаголе в РВ не встречаются, в АВ отмечены всего два случая: *anusampráyāhi* (АВ, XI, 1,36) и *upasamprāṇayāt* (АВ, XVIII, 4,50).

Известно, что отдельные наречия-префиксы имеют тенденцию употребляться в определенном месте этой конструкции. Так, в качестве Adv.-Praef.₂, т. е. в непосредственной близости к глаголу, чаще употребляются *ā*, *pārā*, *āva*; затем *ūd*, *nī*, *prā*. Тенденцию употребляться в качестве Adv.-Praef.₁ имеют *abhi* и *ādhi*.

d) Adv.-Praef._{1Co} + Adv.-Praef._{2Co} (+ Vb.)

Например: *Tvām tān sām ca prāti cāsi majmānā* (II, 1,15) 'Ты и похож на них и превосходишь их величием', *āpaṣyaṃ gorām...ā sa pārā sa pathibhiḥ cārantam* (I, 164,31) 'Я видел пастуха, приходящего и уходящего (своими) путями'.

В этой ЭСК каждая из приставок по отдельности образует с глаголом семантическое единство (т. е. имеют два значения, а не одно, как в предыдущей ЭСК). Поэтому здесь допустима была бы и другая интерпретация: выделение двух ЭСК типа Adv.-Praef. + Vb., из которых первая эллиптика (глагол опущен). Значительная часть наречий-префиксов при глаголах материально совпадает с предлогами и послелогами, управляющими именами. В результате при анализе ведийского текста далеко не всегда бывает ясно, имеет ли место управление именем или примыкание к глаголу, например: *eṣā viṣvāny abhy āstu bhūta* (II, 4,2) 'Пусть он будет надо всеми существами' (*abhi* управляет А. *viṣvāni bhūta*) или 'Пусть он превзойдет все существа' (*abhi* примыкает к *astu*); *tām... hvārā ā dadhuḥ* (II, 2,4) 'Его вложили в змея' (*ā* управляет Л. *hvārē* и/или примыкает к *dadhuḥ*); *amīñcan nīr avadyāt* (III, 31,8) 'освободил от бесчестия' (*nīs* примыкает к *mic-* и/или управляет Abl. *avadyāt*) и т. д. Синтаксически в таких случаях несклоняемое вспомогательное слово связано одновременно и с именем, и с глаголом, но в целях экономии при описании приходится делать выбор между конструкцией управления и примыкания.

ЭСК яруса I входят в качестве одного из членов в состав ЭСК яруса II.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Управление

а) Имя в качестве определяющего элемента

- ↓ ↓
1. Nom._{acc.} + Nom.

Например: *indro nāma* 'Индра по имени', *ya jñām ātāniḥ* 'пронизывающий жертву', *pratyāñ (viçvāni) bhūvanāni* 'обращенный ко (всем) существам', *jarāyann arim* 'старящий врага', *dhānāni sātāye* 'для достижения богатства', *yāṣṭā devān* 'почитатель богов', *saṃvatsarām ṣaṣayanās* 'пролежавшие год'. Эта конструкция реализуется если не в идиоматизмах, как в первом примере, то в случае, когда имя представлено прилагательными или причастиями, сохраняющими глагольное управление.

- ↓ ↓
2. Nom._{instr.} + Nom.

Например: *citāyantam akṣābhiḥ* 'смотрящего глазами', *hót-rābhir ... svadhvarāḥ* 'хорошо жертвующий жертвенными дарами', *hāvam... gīrbhiḥ* 'призыв с песнями', *bhāgām... vāreṇa* 'долю по (своему) выбору', *svadhābhir mādanti* 'наслаждающаяся по своим законам', *āṅgirobhir grṇānāḥ* 'воспеваемый Ангирасами', *ānnai (rabhasām) dīcānam* 'проявляющегося (как неистовый) благодаря кушаньям', *adbhir yānt-* 'движущийся в водах', *smāyatāno nābhobhiḥ* 'улыбающийся сквозь облака', *pūrṇā mādhunā* 'полные меда', *samā devaiḥ* 'подобный богам', *kṣapā pāriṣkrto* 'приготовленный ночью'. Именной элемент в этой конструкции нередко бывает представлен причастием.

- ↓ ↓
3. Nom._{dat.} + Nom.

Например: *yamāya nāmaḥ* 'поклон Яме', *amṛtatvāya gātū-* 'путь к бессмертию', *urjé tvā* 'Для силы тебя!', *draviṇodā aramkṛte* 'дающий богатства приносящему жертвы', *tūbhyam rātā (havīmṣi)* 'тебе даны (жертвенные возлияния)', *priyāḥ ...indrāya* 'приятный Индре'.

4. Nom._{abl} + Nom.

Например: *anyéna māt* 'с другим, чем я', *asmād... tāvyān* 'более сильный, чем он', *sūdhitaṃ dūrdhitād ādhi* 'хорошо сложенное по сравнению с плохо сложенным', *tvād bhiyā* 'из страха перед тобой', *çārma...āmhasaḥ* 'защита от нужды', *nirjaganvān tāmasaḥ* 'вышедший из мрака'. Типичными для имени являются случаи, когда конструкция выражает сравнение. Имя тогда бывает выражено прилагательным (часто в сравнительной степени).

5. Nom._{gen.} + Nom.

Например: *paijavanāsya dānam* 'дар Пайджаваны', *dāsyaor hantā* 'убийца дасью', *tāsām rohiṇīm* 'из них к Рохини', *pitṛ tamah pitṛnām* 'самый отеческий из отцов', *rājā viçām* 'царь племен', *marūtām çārdhaḥ* 'толпа Марутов', *yajamānasya paçū-* 'скот заказчика жертвы', *tāva hotrām* 'у тебя — служба хотара', *dāça gāvām* 'десять коров', *pūrṇā... mādhuvo...* 'полный меда', *divo... gātum* 'путь на небо', *indrasya priyāḥ* 'приятный для Индры', *asya bhiyā* 'из страха перед ним'. Эта ЭСК является наиболее типичной именной конструкцией. В качестве имени может выступать также числительное-существительное.

6. Nom._{loc} + Nom.

Например: *śvāsareṣu dhenāvah* 'коровы в загонах', *devā (ādeve) jāne* 'бог среди (боголюбивого) народа', *apsū yānt-* 'движущийся в водах', *gātūr adhvaré* 'путь на жертвоприношение', *āhani (priyā) ijanās* 'пожертвовавший в (хороший) день', *tvé (māno) hitām* 'к тебе направлена (мысль)' *vidāthe... bhājayūh* 'наделяющий при жертвоприношении', *añjiṣu priyāh* 'находящие удовольствие в украшениях', *yajīṣṭham (mānuṣe) jāne* 'из (человеческого) рода лучше всех приносящего жертву'.

b) Глагол в качестве определяющего элемента

7. Nom._{acc} + Vb.

Например: *āhann āhim* 'Он убил дракона', *sōtam pibati* 'Он пьет сому', *agnīm (mahām) avocāmā (suvṛktīm)* 'Агни мы произнесли (великий гимн)', *yajñām upayānti* 'Они приходят на жертвоприношение', *tvām... saścire* 'Они последовали за тобой', *āhā (vīcva) didihi* 'Сный (все) дни', *vīcvaṇi patyase* 'Ты

господствуешь надо всем', *kitavāṃ tatāpa* 'Игрока мучило', *hāvyaṇi (surabhīṇi) kṛtvī* 'сделав возлияния (благоуханными)'. Имя в винительном падеже в этой ЭСК большей частью предшествует глаголу. Данная ЭСК является самой распространенной глагольной конструкцией.

8. Nom._{instr.} + Vb.

Например: *yajñēna... ayajanta* 'Они почтили жертвоприношением', *sūdayāti prā dhībhiḥ* 'Пусть он приготовит с молитвами', *dyūbhis... jāyase* 'Ты рождаешься в светлые дни', *yantu ādhvabhiḥ* 'Они идут путями', *vardhase girā* 'Ты возрастаешь от песни', *çriyā... praçasyāte* 'Он прославляется за красоту', *vérate bhiyā* 'Он трясется от страха', *ā (no) gahi sakhébhiḥ* 'Приди (к нам) с друзьями!', *(çulkó) ná kriyāte... abalēna* '(Пошлина) не платится бессильным', *kṛtvī devaír (nikilbiṣām)* 'сделав с помощью богов (искупление)'.

9. Nom._{dat.} + Vb.

Например: *ādadhā mārtyāya* 'Ты дал смертному', *āvocāma... agnāye* 'Мы сказали Агни', *(pūnar) neṣad aghāçamsāya* 'Пусть он отправит (обратно) к злоречивому', *svastāye... dīdhi* 'Воссвети на благо!', *asyai dattvāya* 'дав ей'.

10. Nom._{abl.} + Vb.

Например: *adbhyás... jāyase* 'Ты рождаешься из вод', *uyodhy āsmād* 'отврати от нас', *āmād... titviṣe sám* 'от ярости затрясся', *áva... divā ā... yauur* 'с неба спустились', *āntād (divāḥ) rapratha* 'распространилась до края (неба)'.

11. Nom._{gen.} + Vb.

Например: *udnó datta* 'Дайте воды', *(āhar) devānām āsīd* '(день) был у богов' (= 'принадлежал богам'), *yasya sambhūjam* 'к которому я хотел бы прибегнуть', *prkṣā içiṣe* 'Ты повелеваешь силой', *asyā pītṛvā* 'попив его'.

12. Nom._{loc.} + Vb.

Например: *vadema vidāthe* 'Да будем мы говорить в собрании!', *ā (cāsmīn) satsi barhiṣi* '(И) сядь на (эту) жертвенную солому', *asmāsu dīdhi* 'Воссвети нам', *ādhītau... çamṣi* 'при

вспоминании был пропет', *saṃvatsarē sām apr̥cyanta* 'исполнились в течение года', *ava... (gómati) vrajé* 'помогай в отношении загона, (полного коров)', *dhāne (hitē) sártave* 'чтобы бежать ради (установленной) награды', *ádadhād indre* 'он создал Индре'.

↓
13. Nom._{nominat.} + Vb.

Например: *sá ā vaha* 'Привези' (букв. 'он привези'), *hótā... satsi* 'Сядь как хотар', *devó... yajasi* 'Ты приносишь жертву, как бог', *árja stha* 'Вы есть сила' (ТС, I, 5, 6, b), *mānye bhejānó (amftasya)* (AB, III, 13,6) 'Я считаю себя вкусившим (амриты)', *(yáthā nah) subhágāsasi* (IV, 57,6) '(Чтобы) ты стала приносящей счастье (для нас)'.

14. Nom._{nominat.} / acc. / dat. + Vb._{Inf.}

Например: *agnír nābhimf̥ce* 'Агни нельзя трогать', *ā vām... huvádhyai* 'Вас двоих надо призывать', *vṛṣabhām yájadhyai* 'Надо принести в жертву быка'. Имя в этой ЭСК собственно стоит в номинативе или в аккузативе; датив здесь встречается как результат аттракции.

Примыкание

a) Имя в качестве определяющего элемента

↓
15. Adv. + Nom.

Например: *hótā... pradivah* 'хотар от века', *viçvátas prthúh* 'повсюду широкий', *áké namasyās* 'долженствующий быть прославленным вблизи', *tridhā sámaktaṃ* 'трижды помазанного'. Имя в этой ЭСК чаще бывает представлено причастием.

b) Глагол в качестве определяющего элемента

↓
16. Adv. + Vb.

Например: *ihá mādayasva* 'Здесь радуйся!', *ā vaha (devāñ)* 'Привези (богов) сегодня!', *bṛhād vadema* 'Да будем мы высоко вещать!', *kathā bravāma* 'Как мы будем говорить?'.

↓
17. Vb._{fn.} + Vb._{inf.}

Например: *ānu dakṣi dāvāne* 'Запылай, чтобы дать', *ṣaké-ma yātam* 'Пусть мы сможем управлять', *āvataṁ jīśé* 'Вы двое помогли победить', (*yāṣ ṣakāra*) *nā ṣaṣāka kártum* (AB, IV, 18,6) '(кто сделал,) не смог сделать', Vb._{inf.} этой конструкции обычно стоит на втором месте.

↓
18. Nom._{nominat.} + Vb._{absol.}

Например: (*saráthaṁ hi*) *bhūtvā... tvām* '(ведь) будучи (союзником), ты', *yó... (krtyām) kṛtvā* 'кто, сотворив (колдовство)', *gūḍhvī (tāmō)... uṣā* 'сокрыв (мрак), ... Ушас', *abhikhyāya mārtyo* 'созерцаая, смертный', *sā (pravāḥhñ) parigátyā* 'он, окружив (похитителей)'. Члены этой ЭСК чаще расположены дистантно.

с) Любой класс полнозначных слов в качестве определяющего элемента

19. C. (Nom. ∨ Vb. ∨ Adv.) + Pcl.

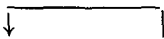
Например: *ṣirīṇāyām cid* 'даже ночью', *aruṣāha* 'два красных же', *tām u* 'это его', *sākām hi* 'ведь одновременно', *vat-sām nā* 'как теленка', *pitēva* 'словно отец', *mā... iṣata* 'да не овладеет', *nā mīyate* 'не нарушается'.

Семантический тип частицы в значительной степени выводим из конструкции. Эмфатические частицы стоят непосредственно после полнозначного слова. Если таковое представлено глаголом с наречием-префиксом, то частица стоит после этого последнего (что подтверждает общую тенденцию вспомогательных слов занимать второе место в любом сочетании слов), например: *prā hi nēṣi* 'ведь ты проведешь' (ср. *svā ā dāme* 'в своем доме'). В постпозиции бывают частицы, выражающие сравнение (обычно стоят после именных форм). Частицы же, выражающие отрицание, как правило, стоят перед полнозначным словом (а именно перед личной формой глагола), непосредственно предшествуя ей или начиная предложение. Так, в большинстве случаев каждому из двух разных значений частицы *na* — сравнительному и отрицательному — соответствует свое место в конструкции.

Вопросительные частицы в данной конструкции употребляются препозитивно, более того, обычно они стоят в начале предложения, фактически относясь ко всему высказыванию, например: *kim (u ṣvid asmaī nivido) bhananta* (IV, 18,7) 'Говорят ли они (ему слова приглашения)?', *kuvīt (tisṛbhya ā) vāraṁ...* (II, 5,5) 'Разве не самое приятное из трех...?'.

Согласование

а) Имя в качестве определяющего элемента

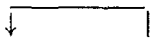

 20. Adj. + Nom.-Subst.

Например: *dirghām tāmas* 'долгий мрак', *rayir bahuló* 'многое богатство', *ródasī ubhé* 'обе части вселенной', *viṣvāni* ... *kārma* 'все деяния', *asmākaṃ dyumnām* 'наш блеск', *mahān gārbhaḥ* 'велик зародыш', *kó (nū vām)*... *ṛtāyān* 'Кто (же из вас двоих)... благочестив?', *tisrō devīḥ* 'три богини', *prathamāḥ kavīḥ* 'первый поэт', *své dāme* 'в своем доме', *tvām*... *ṣaṃgayaś* 'ты, несущий благо дому', *tām tvā*... (*saparyēta*) 'Мы хотим почитать) этого тебя', *sahāsram gāvyaṃ* [Adj.] 'тысяча коров'.

В этой ЭСК в качестве согласующегося члена могут функционировать также указательные и некоторые другие местоимения, порядковые и некоторые другие числительные, сложные слова типа бахуврихи — в общем, все те слова, которые имеют набор грамем, характеризующий прилагательные. В качестве существительного могут выступать также местоимения и прилагательные, заменяющие существительные, а также числительные (то же — в ЭСК 21).

Прилагательное в данной ЭСК может предшествовать существительному или следовать за ним в нейтральной речи. Если оно входит в состав предиката, то обычно бывает в постпозиции. Для непредикативных атрибутивных конструкций более характерна препозиция прилагательного.

Согласование происходит во всех граммах, т. е. в роде, числе и падеже, кроме тех случаев, когда существительное бывает среднего рода. Тогда допустимо несогласование в числе, и при прилагательном множественного числа стоит существительное единственного, типа *viṣvāni*[pl.].*kārma* [sg.]. То же относится и к согласованию в ЭСК 21 и 23.

 21. Part. + Nom.-Subst.

Например: *vyāktā nāraḥ* 'украшенные мужи', *āhim (pār-vate) ṣiṣriyāṇām* 'змья, лежащего (на горе)', *indro*... (*āngiro-bhir*) *gṛṇānāḥ* 'Индра, воспеваемый (Ангирасами)', *brāhma kriyāmāṇā* 'молитвы, творимые' (где имя в единственном числе среднего рода, а причастие во множественном числе среднего рода), *abhiddho gharmās* 'Разогрет котелок', *tvām*... *sūbhṛtaḥ* 'Ты хорошо выпестован', *uchāntyām uśāsi* (I, 184,1) 'когда зажигается Ушас' = L.abs., *puruṣe mṛté* (AB, XII, 2,5) 'когда умер

человек' = L.abs., *tēṣāṃ nuttānām (adhamā tā māṃsi)* (AB, IX, 2,4) 'когда их столкнут (в нижний мрак)' = G.abs.

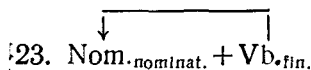
В нейтральном стиле речи в этой ЭСК причастие, управляющее каким-либо падежом или являющееся предикативом, стоит обычно после имени, с которым согласуется.

22. Nom. + Nom.

Например: *rājā vāruṇo* 'царь Варуна', *dyāvāprthivī ródasī (ubhé)* 'Небо-и-Земля — оба мира', *sahāsraṃ śāṃsāḥ* 'тысяча похвал', *tvāṃ viṣṇuḥ* 'ты — Вишну', *eṣā (te) yōniḥ* 'он — (твое) лоно', *(tāva) gnāvo... sa jātyām* (II, 1,5) 'божественные жены — (твоя) родня', *tvāṃ... pitāram* 'к тебе, как к отцу', *īṭitō... ārahan* 'призванный как достойный', *sā tvāṃ* (AB, XIV, 2,71) 'она — (это) ты'.

В этой ЭСК необходимым и достаточным является согласование лишь в одной из граммем — в граммеме падежа (в отличие от ЭСК 20 и 21, где согласование происходило во всем наборе граммем). Имя нередко бывает представлено не только существительным, но и местоимением, его заменяющим, или числительным. Определяющим членом ЭСК целесообразно считать тот, который характеризуется большим набором граммем (если таковой есть).

б) Глагол в качестве определяющего элемента

Например: *indrah pibatu* 'пусть пьет Индра', *tvāṃ jāyase* 'ты рождаешься', *ādityāsaḥ... cakrire* 'Адитьи создали', *vyāc-asvatīr vi prathantām* 'просторные пусть расширяются', *sam-pāṣyamānā amādan* 'окидывающие взорами обрадовались', *viśva āha* 'каждый называл'. В этой ЭСК имя обычно стоит на первом месте.

Сочинительная связь

24. C. + C.

Например: *(ajanad...) sūryam uśāsaṃ* '(Он породил...) солнце и утреннюю зарю', *ā gata ṣṣṇutā (ma imāṃ hāvam)* 'Придите, услышьте (этот мой призыв)!', *(viṣṇur) urugāyo namas-yāḥ* '(Вишну), широко шагающий, достойный хвалы', *śatā dāṣa prāti* 'против сотен, десятков'.

Например: *brahmā (cāsi) grhāpatiḥ ca* '(Ты еси) и брахман, и домохозяин', *asmāñ ca tāñ ca* 'и нас, и их', *devāsya mārtyasya ca* 'бога и смертного', *vāyav indraḥ ca* 'о Вайю и Индра' (в случае если союз *ca* объединяет два вокатива, второй из них представлен номинативом), *(vayām) sanēma nī ca dhī-mahi* 'Пусть мы добудем и сбережем', *gopā utā (naḥ) paraspā* 'пастух и наш защитник', *adyā ca aparām ca* 'и сегодня, и после', *dyumād utā revād* 'светло и богато', *ārvatā vā... brāhmaṇā vā* 'конем или заговором', *ṣvāvā... rōhitā vā* 'два коричневых или два красных'.

Из описанных здесь ЭСК строятся простые предложения. Однако в ведийском языке допустимы также простые односоставные предложения, состоящие из одного слова. Различается несколько типов таких предложений.

На грани самостоятельного предложения и отдельного вводного слова находятся вокативы, столь употребительные в ведийских метрических текстах. Критерием для той или иной трактовки вокатива может служить, как указывалось исследователями, только ударение. Известно, что вокатив, стоящий в начале предложения, всегда имеет ударение, причем это ударение бывает на первом слоге (независимо от требований словесного ударения), в то время как в середине или в конце предложения вокатив остается безударным, например: *ūṣo vā-jena vā jini prācetā | stōmam juṣasva grṇatō maghoni* (III, 61,1) 'О Ушас, награждающая наградой! Как мудрая радуйся восхвалению певца, о щедрая!' (в парадигме ударение падает на последний слог основы — *uṣās*). Вокатив, имеющий самостоятельное ударение, можно считать отдельным предложением. При этом не следует забывать, что функция такого предложения апеллятивная — привлечение внимания божества, сигнал о том, что с божеством осуществляется связь, а не изобразительно-описательная, как у большинства нейтральных предложений.

Самостоятельным простым предложением может быть неизменяемое слово — междометие или возглас, например: *hayé* 'о', 'эй'; *aré* 'эй'; *vāṣaṭ* — возглас хотара при жертвоприношении, после которого адхварью бросает жертву в огонь; *svāhā* — литургический возглас приглашения богов на жертвоприношение; *om* — слог, произносимый в начале и в конце священного текста и др. Междометия нередко комбинируются с вокативами, например: *hayé nāro māruto* (V, 97,8) 'о мужи Маруты!', *om khām brāhma* (BC, 40,17) 'ом! кхам! о Брахма!'. Этим предложениям также свойственна апеллятивная функция.

В качестве самостоятельного предложения может выступать одна глагольная форма. Собственно безличных предложений

среди них встречается очень мало, поскольку те значения, которые в других языках обычно передаются безличными конструкциями, в том числе глагольными, при обозначении явлений природы (типа 'Похолодало', 'Светает' и др.) или ощущений (типа 'Знобит', 'Страшно') в ведийском языке реализуются в виде предложений с выраженным субъектом. Субъектом при глаголе, обозначающем явление природы, бывает обычно имя бога. Например, глагол *varṣ-* 'идти дождю' в единичных случаях, хорошо известных в научной литературе, употребляется безлично: *yád im enāñ uṣató abhy ávarṣīt* (VII, 103,3) 'как только на них, желающих (этого), попадает дождь' (*abhy ávarṣīt*), как правило же, встречается в конструкциях, в которых субъект выражен или подразумевается, например: *ā vrṣasva purūvaso sūtásyendrāndhasaḥ* (VIII, 61,3) 'Излей дождь (*ā vrṣasva*) выжатого растения, о владеющий многими богатствами Индра!', ср. также *varṣ-* в каузативной форме, например: в гимне Митре-Варуне: *dyāṁ varṣayatho āsurasya māyāyā* (V, 63,3) 'Вы двое заставляете небо излиться дождем с помощью волшебной силы Асуров'.

Иногда глаголы, обозначающие явления природы, функционируют в ведийской поэзии как переходные — синонимы «дарить», «давать», употребляясь соответственно в субъектных конструкциях, например: *uśāso revád ūsuḥ* (III, 7,10) 'утренние зори воссветили богатство'. Следует заметить, что довольно регулярная форма безличных предложений совпадает с ЭСК 14: *agnīm yājadhyaī* 'Агни надо почитать', окказионально в роли безличного предложения может выступать ЭСК 7: *kitavām tatāpa* 'Игрока мучило'.

Самостоятельное предложение в ведийском языке образует личная форма глагола, при которой нет подлежащего. Субъект глагольной формы всегда бывает выражен окончанием, употребление же соответствующего личного местоимения или именительного падежа существительного не является строго обязательным. При глаголе во 2-м лице императива его отсутствие — это норма (подлежащее употребляется здесь в эфатических целях), нередко при таких глагольных формах используется вокатив, например: *ūt tiṣṭha brahmanas pate* (I, 40,1) 'Встань, о Брахманаспати!', *mātsi* (I, 175,1) 'Опьяняйся!', *nī vartadhvam* (X, 19,1) 'Вернитесь!'. При глагольных формах во всех других наклонениях, включая индикатив, также может отсутствовать подлежащее, и такой глагол может образовывать предложение, например: *pītvi sōmasya) vāvṛdhe* (III, 40,7) '(Выпив сомы), он подкрепился', *ā paṣyati prāti paṣyati pāra paṣyati pācyati* (AB, IV, 20,1) 'Она смотрит рядом, смотрит вокруг, смотрит вдаль, смотрит'.

Все остальные типы простых предложений бывают по меньшей мере двучленны и строятся из перечисленных ранее ЭСК. Из 25 ЭСК 18 могут функционировать в качестве самостоятель-

ного предложения, иными словами, обладают предикативностью. При этом только конструкциям 14 и 23 во всех относящихся к ним примерам свойственна предикативность. Следует заметить, что конструкция 14 является редкой и идиоматичной, а конструкция 23 — широко распространенной. Остальные из этих ЭСК могут становиться предикативными лишь в части составляющих их примеров: 3 [*yamāya nāmaḥ* 'поклон Яме', *ūrjé tvā* 'для силы тебя!'], 5 [*tāva hotrām* 'у тебя — служба хотара'], 7 [*āhann āhim* 'он убил дракона' и др.] (здесь и в дальнейшем во всех примерах глагол представлен личной формой), 8 [*ya-jadhvam haviṣā* 'почитайте жертвенным возлиянием' и др.], 9 [*gr̥naté dhāh* 'дай певцу' и др.], 10 [*adbhūó jāyase* 'ты рождаешься из вод' и др.], 11 [*udnó datta* 'дайте воды' и др.], 12 [*vadema vidāthe* 'да будем мы говорить в собрании' и др.], 13 [*sá ā vaha* 'привези', *ūrja stha* 'вы есть сила' и др.], 16 [*ihā madayasva* 'здесь радуйся!' и др.], 17 [*ānu dakṣi dāvāne* 'заплай, чтобы дать!' и др.], 19 [*mā... īcata* 'да не овладеет он', т. е. сюда относятся только личные глагольные формы с частицами], 20 [*māhān gárbbho* 'велик зародыш', *kó... ṛtāyān* 'кто благочестив?'], 21 [*abhiddho gharmās* 'разогрет котелок', *tvām sūbhṛtaḥ* 'ты хорошо выпестован'], 22 [*tvām víṣṇuḥ* 'ты Вишну', (*tāva*) *gnāvaḥ sa jātyām* 'божественные жены — (твоя) родня', *sā tvām* 'она — это ты'], 24 [*ā gata ṇṇutā* 'придите', 'услышьте', т. е. сюда, как и в 25, относятся только личные глагольные формы], 25 [*sanēma ní ca dhimahi* 'пусть мы добудем и сбережем'].

Поскольку любая личная глагольная форма в ведийском языке в принципе может функционировать как предложение, предикативностью могут обладать все те же ЭСК, в состав которых, хотя бы в части примеров, входят эти формы. Максимальную модель предикативной конструкции выражает ЭСК 23, включающая личную форму глагола и согласующийся с ней именительный падеж субъекта. Именно эту модель удобнее всего взять за основу для описания механизма порождения простых предложений в ведийском языке путем свертывания и развертывания членов этой ЭСК. Неполные предложения в определенных контекстах (нередко под влиянием стилистических требований, о чем см. ниже), получают в результате свертывания до нуля личной формы глагола, например: *svadhā avāstāt prāyatīḥ parāstāt* (X, 129,5) 'Порыв вниз. Удовлетворение наверху', ...*yādi vā nā* (X, 129,7) '...или может, нет' и т. п.

Предельно полную модель простого распространенного предложения в ведийском языке можно получить путем развертывания первого (I) и второго (II) членов ЭСК 23.

Имя в ЭСК 23 может развертываться в группу имени следующими 15 способами, предусмотренными в ЭСК 1, 2, 3, 4, 5, 6, 14, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Таким образом, на первом шаге развертывания разрешается:

- 1) Nom._{nomlnat.} → Nom._{acc.} + Nom. (I—23→1):
yáṣṭā 'почитатель' → *yáṣṭā devān* 'почитатель богов'.
- 2) Nom._{nomlnat.} → Nom._{instr.} + Nom. (I—23→2):
hāvam 'призыв' → *hāvaṃ gīrbhīḥ* 'призыв с песнями'.
- 3) Nom._{nomlnat.} → Nom._{dat.} + Nom. (I—23→3):
draviṇodā 'дающий богатства' → *draviṇodā aramkṣte* 'дающий богатства приносящему жертвы'.
- 4) Nom._{nomlnat.} → Nom._{abl.} + Nom. (I—23→4):
bhiyā 'из страха' → *tvād bhiyā* 'из страха перед тобой'.
- 5) Nom._{nomlnat.} → Nom._{gen.} + Nom. (I—23→5):
rājā 'царь' → *rājā viśām* 'царь племен'.
- 6) Nom._{nomlnat.} → Nom._{loc.} + Nom. (I—23→6):
dhenāvaḥ 'коровы' → *svāsareṣu dhenāvaḥ* 'коровы в загонках'.
- 7) Nom._{nomlnat.} → Vb._{inf.} + Nom. (I—23→14):
agnīḥ 'Агни' → *agnīr nabhimṛṣe* 'Агни нельзя трогать'.
- 8) Nom._{nomlnat.} → Nom._{nomlnat.} + Vb._{absol.} (I—23→18):
mārtyo 'смертный' → *abhikhyāya mārtyo* 'созерцающая, смертный'.
- 9) Nom._{nomlnat.} → C. + Pcl. (I—23→19):
çirīṇāyam 'ночью' → *çirīṇāyaṃ cid* 'даже ночью'.
- 10) Nom._{nomlnat.} → Adj. + Nom.-Subst. (I—23→20):
vāyas 'сила' → *uttamāṃ vāyas* 'высшая сила'.
- 11) Nom._{nomlnat.} → Part. + Nom.-Subst. (I—23→21):
nāraḥ 'мужчины' → *vyāktā nāraḥ* 'украшенные мужчины'.
- 12) Nom._{nomlnat.} → Nom. + Nom. (I—23→22):
rājā 'царь' → *rājā vāruṇo* 'царь Варуна'.
- 13) Nom._{nomlnat.} → Nom._{nomlnat.} + Vb._{fin.} (I—23→23):
indraḥ 'Индра' → *indraḥ pibatu* 'пусть пьет Индра'.
- 14) Nom._{nomlnat.} → C. + C. (I—23→24):
sūryam 'солнце' → *sūryam uśāsam* 'солнце и утреннюю зарю'.
- 15) Nom._{nomlnat.} → C._{Co.} + C._(Co.) (I—23→25):
brahmā 'брахман' → *brahmā ca gṛhāpatiḥ ca* 'брахман и домохозяин'.

На втором шаге могут быть далее развернуты элементы, полученные в результате первого развертывания ЭСК.

Имя может быть развернуто в любую другую ЭСК, в состав которой входит имя — ЭСК 1—15, 18—25.

Adj.	→ Adj. + Pcl. (19)
Adj.	→ Adj. + Adj. (24)
Adj.	→ Adj. _{Co.} + Adj. _{Co.} (25)
Part.	→ Part. + Pcl. (19)
Part.	→ Part. + Part. (24)
Part.	→ Part. _{Co.} + Part. _{Co.} (25)
Vb. _{absol.}	→ Vb. _{absol.} + Pcl. (19)
Vb. _{absol.}	→ Vb. _{absol.} + Vb. _{absol.} (24)

Vb. absol. → Vb. absol. Co. + Vb. absol. Co. (25)

C. → C. + Pcl. (19)

C. → C. + C (24)

C. → C Co. + C Co. (25)

В каждом узле ветвления дерево предложения допускает циклы, ограниченные количественно. Поэтому любой полнозначный член C. в составе ЭСК может разворачиваться в самого себя (т. е. в члены своего класса) по принципу конъюнкции, что формально выражается в виде бессоюзной или союзной синтаксической связи. Такого рода разворачивание абсолютивов в тексте, как правило, бывает бессоюзным, например: *punarāya brahmajāyām | kṛtvī devair nikilbiśām | ūjam pṛthivyā bhaktvāyorugāyām ūpāsate* (X, 109,7) 'Снова отдав жену брахмана, сотворив с помощью богов искупление греха, вкусив силы земли, они почитают широкошагающего (Вишну)', в связи с чем теоретическая формула разворачивания заключена в квадратные скобки.

От этих циклов следует отличать те циклы, которые образуют семантическое единство: к таковым принадлежит циклизация форм одной и той же лексической единицы, например, *jahyēṣāṃ vāraṃvaram* (AB, XI, 10,21) 'Убей каждого лучшего из них!' или *makṣū-makṣū kṛnuhi...* (III, 31,20) 'Сделай как можно скорее...!'. Не случайно, что в индийской грамматической традиции такая циклизация описывается как особый тип сложных слов.

Здесь следует сделать одно уточнение. При разворачивании в тексте в ЭСК 23 Nom. nominat. → Nom. nominat. + Nom.¹ nominat. ... + + Nom.ⁿ nominat. в согласовании между Nom. nominat. + Vb. fin. происходят определенные изменения. В случае двух Nom. nominat. в единственном числе Vb. fin. стоит обычно в двойственном числе, например: *maḥ dyāuḥ pṛthivī ca na imāṃ ya jñāṃ mimikṣātām* (I, 22,13) 'Великие Небо и Земля пусть окропят нам эту жертву!'. В случае, если число Nom. nominat. превышает два и каждый из них стоит в единственном числе, Vb. fin. чаще бывает в единственном числе, например: *tān nō'hir budhnyo adbhīr arkais | tāt pārvasas tāt savitā cāno dhāt* (VI, 49,14) 'Эту нашу (песнь) пусть одобрит Змей глубин с водами и песнопениями, эту — (бог)-гора, эту — Савитар'. Но если один из Nom. nominat. стоит во множественном числе, то Vb. fin. чаще употребляется во множественном числе, например: *mā no mitrō vāruṇo aryamāyūr | indra rbhukṣā marūtaḥ pāri khyan* (I, 162,1) 'Да не проглядят нас Митра, Варуна, Арьяман, Аю, Индра, Рибхукшан, Маруты!'. Однако это не более чем общие тенденции, и колебания весьма многочисленны, например: *dhātā rātiḥ savitēdām juṣantām prajāpatir nidhipātir no agniḥ* (ТС, I, 4,44,a) 'Пусть Дхатар-даритель, Савитар этому образуются [pl.] у нас, Праджапати, Господин сокровищ, Агни!'.
395

В ЭСК 23 глагол может разворачиваться в группу глагола 13 способами, предусмотренными в ЭСК 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 19, 23, 24, 25. Таким образом, на первом шаге разворачивания разрешается:

- 16) Vb._{fin.} → Nom._{acc.} + Vb (II—23→7):
āhan 'он убил' → *āhann āhim* 'он убил змея'.
- 17) Vb._{fin.} → Nom._{instr.} + Vb. (II—23→8):
yājadhvam 'почитайте' → *yājadhvam haviṣā* 'почитайте жертвенным возлиянием'.
- 18) Vb._{fin.} → Nom._{dat.} + Vb. (II—23→9):
dhāh 'дай' → *grṇatē dhāh* 'дай певцу'.
- 19) Vb._{fin.} → Nom._{abl.} + Vb. (II—23→10):
jāyase 'ты рождаешься' → *adbhyo jāyase* 'ты рождаешься из вод'.
- 20) Vb._{fin.} → Nom._{gen.} + Vb. (II—23→11):
datta 'дайте' → *udno datta* 'дайте воды'.
- 21) Vb._{fin.} → Nom._{loc.} + Vb. (II—23→12):
vadema 'да будем мы говорить' → *vadema vidāthe* 'да будем мы говорить в собрании'.
- 22) Vb._{fin.} → Nom._{nominat.} + Vb. (II—23→13):
satsi 'сядь!' → *hōtā satsi* 'сядь как хотар!'.
- 23) Vb._{fin.} → Adv. + Vb. (II—23→16):
mādayasva 'радуйся!' → *ihā mādayasva* 'здесь радуйся!'.
- 24) Vb._{fin.} → Vb._{inf.} + Vb._{fin.} (II—23→17):
ānu dakṣi 'запылай!' → *ānu dakṣi dāvāne* 'запылай, чтобы дать'.
- 25) Vb._{fin.} → C. + Pcl. (II—23→19):
mīyate 'нарушается' → *nā mīyate* 'не нарушается'.
- 26) Vb._{fin.} → Nom._{nominat.} + Vb._{fin.} (II—23→23):
pibatu 'пусть он пьет' → *indrah pibatu* 'пусть Индра пьет'.
- 27) Vb._{fin.} → C. + C. (II—23→24):
ā gata 'придите' → *ā gata ṣṇutā* 'придите, услышьте'.
- 28) Vb._{fin.} → C_{co.} + C._(Co.) (II—23→25):
sanēma 'пусть мы добудем' → *sanēma ni ca dhīmaḥi* 'пусть мы добудем и сбережем'.

На втором шаге могут быть далее развернуты элементы, полученные в результате первого разворачивания ЭСК.

Глагол может быть развернут в любую другую ЭСК, в состав которой входит глагол, т. е.:

Vb. → ЭСК 7—13, 16—19, 23—25.

Adv. → Adv. + Pcl. (19)

Adv. → Adv. + Adv. (24)

Adv. → Adv._{co.} + Adv._(co.) (25)

Vb._{inf.} → Vb._{inf.} + Pcl. (19)

Vb._{inf.} → Vb._{inf.} + Vb._{inf.} (24)

Vb._{inf.} → Vb._{inf.} Co. + Vb._{inf.} Co. (25)

C. → C. + Pcl. (19)

C. → C. + C. (24)

C. → C._{Co.} + C._(Co.) (25)

Каждый однозначный элемент C. здесь также может развертываться сам в себя, т. е. образовывать циклы.

Количество циклов в данном узле ветвления дерева предложения теоретически неограниченно, практически же обычно в ведийском метрическом языке бывает сравнительно невелико. Серии циклов склонны образовывать лишь вполне определенные классы слов. Это V. в гимнах, обращенных к нескольким адресатам, например, в гимне рекам: ...*gaṅge yamūne sarasvatī | çūtudri... paruṣṇi* (X, 75,5) 'О Ганга, Ямуна, Сарасвати, Шутудри, Парушни!', а в пределах ЭСК в конструкциях согласования это Adj. в ЭСК 20 и Part. в ЭСК 21, например: *ayāsam hārim aruṣām... pātīm* (IX, 89,3) 'неутомимого золотистого красного ... повелителя', *hiṅkṛvatt vāsupātīni (vāsūnām vatsām) ichāntī* (I, 164,27) 'издающая звук «хин!» повелительница (благ), стремящаяся (к теленку)'. В конструкциях управления циклы образуют чаще всего имя в косвенном падеже, управляемое глаголом, прежде всего Nom._{acc.} в ЭСК 7, затем Nom._{instr.} в ЭСК 8 и др., например: *dadhikrām (vaḥ prathamām) aṣvīnoṣāsam agniṁ sāmiddham bhāgam (ūtāye) huve indram viṣṇum pūṣānam brāhmaṇas pātīm ādityān dyāvaprthivī apāḥ svāḥ* (VII, 44,1) '(Сначала) я призываю (для вашей поддержки) Дадхикру, Ашвинов, Ушас, Агни Зажженного, Бхагу, Индру, Вишну, Пушана, Брахманаспати, Адитьев, Небо-и-Землю, воды, солнце', *yajadhvaṁ haviṣā (tānā) girā* (I, 193,1) 'почитайте возлиянием, (льющейся) песней' и др. В конструкциях примыкания это чаще бывает наречие, примыкающее к глаголу в ЭСК 16, например: *paçcāt purāstād adharād údaktāt (kavīḥ kāvyeṇa) pāri pāhi (rājan)* (X, 87,21) 'Сзади, спереди, снизу, сверху (как поэт — поэтическим даром) защити вокруг, о царь...'. Как видно из приведенных примеров, наиболее длинные циклы представляют собой перечни-обращения или разного рода «списки», использование которых в описании определяется стилистическими задачами. Так, для стиля заговоров АВ характерны перечни, например, органов, откуда изгоняется болезнь (Nom._{abl.} + Vb., т. е. ЭСК 10): *akṣībhyām te nāsikābhyām kārṇabhyām chūbukād ādhi yākṣmaṁ çīrṣaṇyām mastiṣkāj jihvāyā vi vṛhāmi te* (AB, II, 33,1сл.) 'Из глаз твоих, из ноздрей, из ушей, из подбородка, якшму головную — из мозга, из языка я вырываю у тебя!' и т. д.; или мест, где сотворено колдовство (AB, V, 31); видов червей или змей и т. п.

Для стиля РВ, пожалуй, наиболее характерна циклизация Nom._{acc.}, при этом только из широкого семантического контек-

ста становится ясным, надо ли интерпретировать эти последовательности как состоящие из ЭСК 7 или из ЭСК 22, например: *agnim iḥe puróhitam | yaññasya devām rtvijam | hótāram ratnadhātām* (I, 1,1) 'Я призываю Агни (как) поставленного во главе, (как) бога жертвы, жреца, (как) хотара, приносящего самые большие сокровища'.

Следует отметить, что для ведийского метрического языка совсем не характерны серии циклов с Vb._{absol.}, примыкающим к глаголу, которые типичны для более позднего периода.

В целом же проблема циклических ветвлений в ведийском языке должна изучаться не только на синтаксическом, но и на стилистическом уровне (составляя здесь часть обширной системы повторов единиц разных планов).

Если оставить в стороне циклические ветвления, схему простого ведийского предложения в большинстве случаев можно построить в четыре этапа посредством последовательного переписывания символа предложения S в символы элементарной модели простого предложения. В качестве нулевого шага принимается Vb._{fin.}, первый шаг — Nom._{nominat.} и Vb._{fin.}, второй шаг — развертывание этих символов в ЭСК 1—25, третий шаг — развертывание символов ЭСК 1—25 в символы ЭСК 19, 24, 25. Таков анализ или синтез предложения S в ведийском языке в пределах яруса II.

Символы Nom. и Vb. в пределах яруса I способны развертываться: Nom. в ЭСК а — d, Vb. — в ЭСК е — g.

Способность быть членом той или иной ЭСК яруса I или II может служить параметром для классификации падежей именной парадигмы.

Все падежи могут быть описаны в пределах яруса II (т. е. могут употребляться без Praep./Postp.).

А., I., Abl., L. могут быть описаны также в пределах яруса I (т. е. способны употребляться с Praep./Postp.).

Принадлежа к ярусу II, D. в ЭСК 19 противостоит остальным падежам по тому признаку, что сочетается с Pcl., с которыми не сочетаются другие падежи (*kām*, *smāt*).

Принадлежа к ярусу II, G. в отличие от других падежей имеет тенденцию в ЭСК 5 сочетаться с именами полуслужебного характера (не утратившими своего лексического значения, но приобретшими также значение грамматического показателя типа Praep./Postp.), например: *āgre ráthānām* 'впереди колесниц', 'перед колесницами' (*āgra*- 'начало'), *mṛtyór antikām* 'вблизи смерти', 'к смерти' (*antikā*- 'близость'), *apām mādhye* 'посреди вод', 'в воде' (*mādhyā*- 'середина') и т. п.;

N., описываемый только в пределах яруса II, не сочетается ни с какими характерными только для него частицами, ни с полуслужебными словами.

При комбинировании ЭСК в предложении возникает вопрос о количественных ограничениях на управляемые члены ЭСК,

зависящие от данного управляющего члена. Прежде всего это касается ЭСК, в состав которых входит Vb. Теоретически допустимы Vb. с каждым из этих элементов вместе и порознь (Vb. + Nom._{nomlnat.} + Nom._{acc.} + Nom._{lnstr.} + Nom._{dat.} + Nom._{abl.} + + Nom._{gen.} + Nom._{loc.}). Практически же такой максимальный вариант никогда не осуществляется. На него налагаются ограничения как лексико-грамматические (значение глагола, его переходность — непереходность, залог и пр.), так и стилистические. Один глагол управляет не более, чем тремя падежными формами.

Один глагол может управлять двумя одинаковыми падежными формами, имеющими разное значение (случай, не равный циклическому ветвлению). Таков, например, двойной A. при переходных или каузативных глаголах движения: *sā paktāram divam vaha* (AB, X, 9,25) 'Отвези готовящего (тебя) на небо', при глаголах неполной предикации: *tām...ādityāsa āsyām...cakrire* (I, 192,13) 'Адитья сделали тебя ртом', при глаголах говорения: *tām in me gopatiṃ viśva āha* (VII, 18,4) 'Лишь тебя каждый называл мне владельцем коров' и др. Двойной I. встречается при глаголах с пассивным значением: *idām ādānam akaram | tāpasēndreṇa sāmçitam* (AB, VI, 104,2) 'Я сделал это привязывание, подогретое жаром Индрой'. Двойной D. при глаголе обычно представлен D. инфинитива и D. имени существительного (так называемая аттракция падежей): *āvaitu pññi çevalam | çūne jarāyuv āttavé* (AB, I, 11,4) 'Пусть упадет пестрый скользкий послед собаке на съедение' (букв. 'для собаки для съедения').

Сочетания Vb. с тремя различными падежами имени встречаются нередко, например: *gārbhe [L.] yōsām [A.] ādadhur vatsām [A.] āsāny [L.] apīcyēna mānasotā [I.] jihvāya [I.]* (X, 53,11) 'Они вложили женщину в утробу, теленка — в рот с тайным смыслом и (тайным) языком' (при наличии циклов A., L., I.), *ā vām [A.] rājānāv adhvaré [L.] vavṛtyām havuēbhīr [I.] indrá-varuṇā nāmobhīh [I.]* (VII, 84,1) 'Я хочу пригласить вас, о два царя, на жертвоприношение с помощью возлияний [I.], о Индра-Варуна, и поклонений' (при циклизации I.), *ā no [A.] gahi sakhyēbhīh [I.] çivēbhīr mahān [N.] mahībhīr ūtibhīh saraṇyān* (II, 31,18) 'Приди к нам с добрыми дружескими услугами, великий с великими поддержками спешащий'.

Прежде чем перейти к описанию линейной последовательности ЭСК (и составляющих их членов) при синтезе предложения, следует сделать несколько замечаний о характере ЭСК в ведийском метрическом языке. Для стиля ведийской поэзии характерно употребление неполных ЭСК. Это относится как к ярусу I, так и к ярусу II. В пределах яруса I соответствующую ЭСК представляет служебное слово: предлог, при котором опущено

... существительное, угадываемое из контекста, или префикс-наречие при отсутствии связанного с ним глагола, например: *prāti* в *kumārāc cit pitāraṃ vāndamānaṃ | prāti nānāma rudropayāntam* (II, 33,12) 'Как сын перед уважаемым отцом, склонился я перед (тобой), о Рудра, когда ты приближаешься', *antār* в *vaiṣvānarō no ādabdhās tanūpā | antās tiṣṭhāti duritāni viṣvā* (AB, VI, 53,2) 'Вайшванара, неуязвимый защитник нашего тела, пусть стоит между (нами и) всеми трудностями', *vi* в *sā sukrātur yō vi dūraḥ pañinām...* (VII, 9,2) 'Он — прозорливец, который, рас(крыл) врата демонов-пани...', *abhi* в *saptā svāsāro abhi mātāraḥ ṣiṣum nāvam jajñānām...* (IX, 86,36) 'Семь сестер как матери при(шли) к новорожденному ребенку...' и др.

В пределах яруса II встречаются разнообразные типы эллиптических конструкций. Чаще всего элидируется Nom._{acc.} в ЭСК 7, например: *tāvad dadhātu ūpa yajñām āyan | brāhmaṇō hōtur āvaro niṣṭan* (X, 88,19) 'Тотчас же устанавливает (жертвенные принадлежности) пришедший на жертвоприношение брахман, сев напротив хотара', хотя возможна и элизия Vb. в этой конструкции, например: *sā no vṛṣṭim divās pāri | sā no vājam anarvānam | sā naḥ sahasrīṇir iṣaḥ* (II, 6,5) 'Он нам дождь с неба (пусть даст), он нам — добычу неоспоримую, он нам — тысячное подкрепление!'. Вообще в глагольных конструкциях управления Vb. может элидироваться и в сочетании с другими падежами, например, в ЭСК 8 при I. : *devēbhīr deva suricā rucānō* (III, 15,6) '(Приди) с богами, о бог, блестя чудным блеском' и др. Весьма частый случай эллиптической конструкции представлен в конструкции согласования ЭСК 20 (в части примеров также — ЭСК 21). Как и в глагольных конструкциях, элидируется член высшего ранга — в данном случае Nom.-Subst., например: *prā vātā iva dódhata | ún mā pitā ayamsata* (X, 119,2) 'Как ветры буйные, понесли меня вверх выпитые (соки сомы)', *āva tmānā bṛhatāḥ cāmbaram bhet* (VII, 18,20) 'Ты сам столкнул Шамбару с высокой (горы)'. Наконец в наиболее распространенной из именных конструкций управления — в ЭСК 5 управляющий член Nom. элидируется при Nom._{gen.}, например: *jānuīḥ pātis tanvām ā vivīṣyāḥ* (X, 10,3) 'Как муж — (в тело) жены, пусть войдешь ты в (мое) тело'.

Здесь были приведены лишь наиболее часто встречающиеся типы эллиптических ЭСК. В целом же типы элизии ЭСК крайне разнообразны, и в одном предложении может содержаться более, чем одна эллиптическая ЭСК.

Довольно часто два члена одной ЭСК расположены дистантно (прежде всего это касается глагольных ЭСК). Даже в те ЭСК, членам которых, в принципе, свойственно контактное расположение, в поэтическом тексте вклиниваются вводные слова — вокативы. В результате, как неоднократно отмечалось исследователями, уже на синтаксическом уровне может возникнуть

прекрасных сыновей, очень счастливой!'. В случаях, когда исходным является *Vb_{fin}* (а не ЭСК 23), согласование бывает выражено имплицитно (при отсутствии грамматического подлежащего указание на адресат нередко содержится в вокативе), например: *vṣa jātir hi jajñiṣā abhūbhir indra turvāṇiḥ* (V, 35,3) 'Ведь (ты) родился, о Индра, стремительным, как бык, превосходящим (всех) силами'. Вокатива, однако, может и не быть, например: *dhruvās tiṣṭhāvicācaliḥ* (X, 173,1) 'Стой твердый, непоколебимый!' (или 'Останься твердым, непоколебимым!'); в таких случаях лицо подразумеваемого субъекта выражено глаголом, а его род — прилагательным. Не менее часто в качестве второй конструкции выступает ЭСК 21, например: *tébhyo*

↓ ↓ ↓
agnibhyo hutām astv etāt (AB, III, 21,1) 'Да будет это пожертвовано тем огням', *ninditāro nindyāso bhavantu* (V, 2,6) 'Да станут хулители достойными хулы', *āvantam ātraye grhām*
 ↓ ↓ ↓
kṛṇutām uuvām aṣvina (VIII, 73,7) 'Вы, о Ашвины, сделали для Атри дом помогающим (ему)'.

В качестве второй конструкции в предикативном сочетании ЭСК нередко используется ЭСК 22, например: *tvām narām cārdho asi* (II, 1,5) 'ты еси сила мужей', *āmo 'hām asmi (sā tvām)* (AB, XIV, 2,71) 'я есмь он (ты — она)'; *tvām putrō bhavasi* (II, 1,9) 'ты становишься сыном', *mānavi fcau dhāyūḥ kuryād* (ТС, II, 2,2,10) 'Два стиха Ману пусть он сделает дополнительными стихами'.

Если *Vb_{fin}* — связка в самостоятельном употреблении или в составе ЭСК 23 соединяется с ЭСК 5, то такое предложение выражает принадлежность. В функции *Nom_{gn}* здесь чаще выступают местоимения, например: *smāsi smā vaayām eṣām* (I, 37, 15) 'Ведь мы принадлежим им' (букв. 'Мы суть ведь их'),
 ↓ ↓ ↓
tāvāgne ya jñō 'yām astu (X, 51,9) 'Твоей, о Агни, пусть будет эта жертва!'.

Окказионально могут встречаться и другие предикативные сочетания ЭСК.

Обычно именные предикативные ЭСК принято описывать как эллиптические предложения (т. е. сочетания двух ЭСК) с опущен-

ным глаголом-связкой в настоящем времени. В ведийском языке, как в поэзии, так и в прозе, именные предложения весьма широко распространены. ЭСК 21 употребляется предикативно гораздо чаще, чем ее сочетание с ЭСК 23. И если в синхронном описании фразы типа *tvam varuṇaḥ* удобно рассматривать как эллипсис от *tvam varuṇo 'si*, то с диахронической точки зрения такая интерпретация вряд ли подтверждается.

Порядок слов в предложении в ведийской поэзии является весьма свободным. Тем не менее определенные тенденции здесь были отмечены, хотя сформулировать их как запреты или предписания представляется невозможным. Поскольку члены ЭСК очень часто расположены дистантно, ЭСК могут быть разорваны вставленными вокативами, и, наконец, поскольку ЭСК (да и более крупные синтаксические сочетания) могут употребляться в эллиптической форме, проще говорить о порядке слов в пределах предложения. В простом повествовательном предложении нейтрального стиля, не усложненном причастными и абсолютными оборотами, существуют следующие тенденции в отношении порядка слов.

В ЭСК 23 Nom.-*nominat.*, как правило, стоит в начале предложения, а Vb.-*fin.* той же ЭСК — в самом конце предложения. Между ними располагаются члены остальных ЭСК. Поскольку ведийское предложение может строиться и без Nom.-*nominat.*, место Vb.-*fin.* является более фиксированным и может служить точкой отсчета для определения мест других членов ЭСК.

Если предложение образует ЭСК 20 и 21, то предикативный член (Adj. или Part.) обычно следует за Nom.-Subst. и вообще тяготеет к концу предложения. Если предикативность в предложении выражена комбинацией двух ЭСК, то Vb.-*fin.* — связка занимает конечное положение в предложении. Вот некоторые примеры: *ghṛtām mimikṣe ghṛtām asya yōnir | ghṛté cṛitō ghṛtām-v asya dhāma* (II, 3,11) 'Жир струится (из него), жир — его лоно, он установлен в жире, и жир — его форма', *nākir indra tvād ūttaro | nā jyāyāñ asti vṛtrahan* (IV, 30,1) 'Никто, о Индра, не выше тебя и не лучше, о убийца Вритры'.

Менее отчетливо выражена общая тенденция, заключающаяся в том, что в непредикативных конструкциях, членами которых являются полнозначные слова, элемент низшего ранга (управляемый, примыкающий, согласующийся) предшествует соответствующему элементу высшего ранга.

Эта тенденция является реализацией синтаксической модели I, в центре которой находится тот вариант ЭСК 7, когда Nom.-*acc.* предшествует Vb.-*fin.*. Она не распространяется на значительную часть случаев ЭСК 17, где Vb.-*inf.* стоит после управляющего им Vb.-*fin.*. Вообще надо отметить, что инфинитив с окончанием D. нередко занимает место в конце предложения,

например, в ЭСК 14: *iḷāyās tvā padé vayām | nābhā prthivyā ādhi | jātavēdo nī dhīmahy | āgne havūāya vólhave* (III, 29,4) 'Мы устраиваем тебя на месте Иды, на пупе земли, о Агни-Джатаведас, чтобы (ты) увозил жертву'. Той же тенденции нередко следует Nom._{dat.} в ЭСК 9 при выражении цели (значение, близкое к значению инфинитива), например: *asmāñ ihā vṛñīṣva | sakhyāya svastāye | mahó rāyē divítmate* (IV, 31,11) 'Нас выбери здесь для дружбы, для благополучия, для великого сверкающего богатства!'.
 Здесь необходимо сделать ряд частных уточнений, касающихся отдельных ЭСК. Если Vb._{fin.} входит одновременно в состав нескольких ЭСК, то в непосредственной близости к Vb._{fin.} обычно находится Nom._{acc.}, например: *tvāṣṭā [N.] duhitré [D.] vahatūm [A.] kṛṇoti [Vb.]* (X, 17,1) 'Тваштар для дочери устраивает свадьбу', *sugébhīr [I.] viçvā duritā [A.] tarema* (X, 113,10) 'Легкими путями мы хотим пройти через все опасности', *prásmād [Abl.] éno [A.] vahantu* (AB, XVI, 1,11) 'Пусть они увезут грех прочь от нас!' и т. п.

В ЭСК 5 Nom._{gen.} в синтаксической модели I предшествует Nom., например: *marútām çárdhaḥ* 'толпа Марутов', *te çármaṇi* 'под защитой у тебя' и пр. За пределами этой модели регулярно остаются те случаи, когда в функции Nom. выступает числительное, например: *dāça... kaláçānām* 'десять кубков', *sahásra trimçátam dāsānām* 'тридцать тысяч дасов' и др., и Nom._{gen.} всегда следует за числительным-существительным. Последняя тенденция может рассматриваться как реализация синтаксической модели II, описывающей ЭСК, в которых элемент низшего ранга следует за элементом высшего ранга. В центре этой модели находится тот вариант ЭСК 7, когда Nom._{acc.} следует за Vb._{fin.}. Из рассмотренных здесь вариантов ЭСК этой модели принадлежит значительная часть примеров ЭСК 14 и 17.

В конструкциях согласования — ЭСК 20 и 21 — согласующийся член может быть в препозиции или в постпозиции по отношению к Nom.-Subst. Будучи предикативными, Adj. или Part. в нейтральной речи употребляются обычно постпозитивно, например: *anāgohatyā vai bhīmā* (AB, X, 1,29) 'Ведь страшно убийство безвинных', *divó mūlam āvatatam prthivyā ādhy úttatam* (AB, II, 73) 'С неба корень протянут вниз, из земли протянут вверх'. В атрибутивной функции Adj. и Part., не имеющий при себе какого-либо зависящего от него слова, чаще находятся в препозиции, например: *babhrāve nú svátavase [rūñāya divispṛçe | sómāya gāthām arcata* (IX, 11,4) 'Исполните песнь бурому, обладающему собственной силой, красноватому, касающемуся неба Соме!', *ātrpñivantam víyatam abudhyām | ābudhyamānam suṣupānam indra | sapta prāti pravāta āçáyānam | āhim vājreṇa ví riṇā aparvān* (IV, 19,3) 'Ты рассек дубиной на ровном месте ненасытного разметавшегося

змея, которого будить не надо, который спит беспробудно, о Индра, запрудив семь потоков’.

Если в ЭСК 21 от Part. зависит какое-либо другое слово, то чаще Part. находится в постпозиции к Nom.-Subst., образуя причастный оборот, например: *sámidddho agnir nihitah prthivyaṁ | pratyāñ vīṣvāni bhūvanāni asthāt* (II, 3,1) ‘Зажженный Агни, установленный на земле, встал обращенный ко всем существам’.

Известна также стилистико-синтаксическая особенность ведийской поэзии, заключающаяся в том, что ряд определений к одному имени строится скорее как ряд приложений (в иных терминах ЭСК 20 и 21 употребляются в функции ЭСК 22). Это неоднократно отмечалось в отношении указательных местоимений, постоянных эпитетов-имен богов и др.; в таких случаях постпозитивное употребление обычно соответствует автономному характеру этих согласующихся членов ЭСК, например: *sá darṣataṣṭīr ātithir grhē-grhe | vāne-vane ṣṣīriye takvaṣṭīr iva* (X, 91,2) ‘Он, обладатель замечательной красоты, гость в каждом доме, скрывается в каждом куске дерева, как охотник — в лесу’ (или ‘Этот обладающий замечательной красотой гость...’), *tām indram johaṣṭmi maghāṣṭnam ugrāṣṭ...* (VIII, 97,13) ‘Этого Индру я призываю (как) щедрого, ужасного...’ (притом что *maghāṣṭvan-* и *ugrā-* являются постоянными эпитетами Индры). Поскольку структурно основы прилагательных в большинстве типов не отличаются от существительных, подобное синтаксическое употребление еще более способствует субстантивизации прилагательных. Наконец, вопрос о препозиции или постпозиции согласующегося члена ЭСК бывает иррелевантным в тех многочисленных случаях, когда Nom.-Subst. соответствующей ЭСК опускается и лицо субъекта ясно только из глагольного окончания, например: *bhāva mitró ná ṣṣevyo ghṛtāsutir | víbhūtadyutna evayā u sapráthāḥ* (I, 156,1) ‘Будь благосклонен, как Митра, подкрепляющийся жирным напитком, (ты) обладающий ярким блеском, быстро идущий и далеко распространяющийся’, *ā revāti ródastī citráṣṭ asthāt* (III, 61,6) ‘Богатая, (она) ярко взошла на оба мира’. Таким образом, на синтаксическом уровне последовательность членов ЭСК 20 и 21 описывается с помощью как модели I, так и модели II.

В центре синтаксической модели II находится, как уже говорилось ранее, тот вариант ЭСК 7, когда Nom._{acc.} следует за Vb._{fin.}. Она делит также с моделью I и все остальные именные и глагольные ЭСК подчинительной связи, включающие полно-

значные слова, например: *ayāṣṭ indro marútsakhā | ví vṛtrásy-*

abhinac chīrah | vājreṣṭa ṣṣatāparvaṣṭā (VIII, 76,2) ‘Этот Индра с Марутами-друзьями раскроил голову Вритры сточленной ду-

биной' (модели II здесь следуют ЭСК 20, 7, 8), *pāri spaṣo vāruṇ-*

asya smādiṣṭā | ubhé paṇyanti ródasi suméke (VII, 87,3) 'Наблюдатели Варуны, воодушевленные одинаковым желанием, озирают эти два прочно укрепленных мира' (модели II здесь

следует ЭСК 5, 20, 7), *tisró dyāvo nihitā antār asmin...* (VII, 87,5) 'Три неба установлены в нем...' (модели II здесь следует ЭСК 6) и т. п.

Несколько особое место в отношении взаимного расположения составляющих ее членов занимает ЭСК 19. Как отмечалось ранее, из конструкции выводим до некоторой степени семантический тип частицы. Важно отметить, что употребление частицы в ведийском языке выходит за пределы ЭСК, и в ряде случаев функции частиц реализуются в рамках предложения. В соответствии с занимаемой ими в предложении позицией частицы, как известно, образуют несколько классов:

I. частицы, соотносящиеся с одним словом, к которому они примыкают постпозиционно (*ā, iva, evā, ca, cid, vā*);

II. частицы, соотносящиеся со всем предложением в целом:

а) частицы, которые занимают место после первого слова предложения (*āngā, āha, id, u, kam, kīla, khālu, tú, nū, vai, sma, svid, ha, hi*);

б) частицы, которые занимают первое место в предложении (*āpi, utā, iti, evām, ātha* — всегда ударные);

III. Частицы, способные соотноситься и с одним словом, находясь в препозиции к нему, и с целым предложением, занимая первое место в нем (*nā, mā*).

Частицы классов I и II имеют выделительное, эмфатическое, уточняющее значение. Частицы класса III выражают отрицание. Частицам всех классов свойственно образовывать циклы, в которых собственное значение отдельной частицы бывает трудно выделить. Такие циклы служат источником слитных сложных частиц, функционирующих в ведийском языке в качестве единых, например: *canā* (<*ca + nā*), *nānu* (<*nā + nū*), *nahī* (<*nā + hī*), *néd* (<*nā + id*). Циклы частиц могут начинать предложение или следовать за его первым словом, например: *hārī nū kam rátha indrasya yojam | āyai sūktēna vācasā nāvena | mó śu tvām ātra bahāvo hī viprā | nī riraman yājamānāso anyē* (II, 18,3) 'Вот хочу я запрячь с помощью прекрасно произнесенной новой речи двух буланых жеребцов в колесницу Индры, чтобы он прибыл. И никогда пусть тебя не удержат другие жертвователи — много ведь здесь вдохновенных!' — здесь комби-

ации частиц *ní kam* в паде а после первого слова и *mó su* где $mó < mǎ + u$) в начале пады с.

Одна из частиц имеет тенденцию встречаться в конце предложения в силу того, что она следует за дательным падежом или за дательным инфинитивом на -е, тяготеющим к этой позиции, например: *tám ū akṛṇvan tredhā bhuvé kām* (X, 88,10) Они сделали, чтобы он стал трехчастным'.

В функции частиц в ведийском языке употребляется также ряд слов наречного, местоименного, адъективного происхождения, причем твердой грани между частицами и этими классами слов не существует.

Частицам классов I и II свойственно преимущественно эфигическое значение (притом что оно тесно связано также с другими семантическими оттенками). На уровне синтаксиса эфигическое значение соотносится с позицией соответствующего слова в начале предложения (частицы класса II и отчасти класса III).

В отрицательных предложениях отрицание реализуется с помощью отрицательных частиц класса III. Общее отрицание высказывания выражается с помощью частицы *ná*, которая всегда бывает в препозиции: или в начале предложения, или непосредственно перед глаголом. Эта частица находится в отношении дополнительного распределения, нарушаемого, правда, в пограничных случаях, другой отрицательной частицей — *mā*: последняя употребляется с глаголом в Inj. (отдельные нарушения общего правила распределения относятся к области opt. и iv). Частное отрицание выражается частицей *na*, стоящей непосредственно перед тем словом, к которому относится.

Ведийскому предложению в основном свойственно одно отрицание, т. е. если употребляется отрицательное местоимение или наречие (этот класс слов мало развит в ведийском языке), то глагол имеет обычно положительную форму. Вот некоторые примеры: *nā tvā rákṣāmsi pṛtanāsu jigyuḥ... mā te hetyā mukṣata daivyaṃyāḥ* (AB, V, 29,11) 'Тебя не победили раکشасы в боях... Да не избавятся они от небесной пращи!'; *tān nōn naṣad yāḥ pitāraṃ ná véda* (I, 164,22) 'Ее не достанет тот, кто не знает отца'; *nākir mā daivyaṃ sāho varate āpratitam* (IV, 42,6) 'Никакая божественная сила не удержит меня, неодолимого'; *mākis tokāśya no riṣat* (VIII, 67,11) 'Да не повредит никто нашему потомству!'. При отрицании в именном предложении употребляется обычно *ná*, например: *ná te ātra lokāḥ* (AB, XII, 2,1) 'Нет тебе здесь места!'.

В целом реализация отрицания на синтаксическом уровне не образует полной и стройной системы. Частное отрицание мало развито, видимо, потому, что более распространено его выражение на уровне словообразования (префикс *a-/an-*), например: *nā-sad āsin nō sād āsit tadānīm* (X, 129,1) 'Не было не-сущего, и не было сущего тогда'.

Употребление частицы *cana* наряду с отрицанием не является, строго говоря, двойным отрицанием, поскольку эта частица встречается и в утвердительных предложениях, примыкая обычно к формам местоименного происхождения и придавая им значение неопределенности, например: *nā tām rājānāv adite kutaṣ canā nāmho aṣnoti duritām nākir bhayām yām aṣvinā... puro-rathām kṛnuthāḥ*... (X, 39,11) 'Не настигает того, о два царя, о Адити, откуда-нибудь ни нужда, ни беда, ни какой-либо страх, кого вы, Ашвины, с (его) колесницей продвигаете вперед...'; *ēno mā ni gām katamāc canāhām* (AB, V, 3,4) 'Да не впаду я ни в какой (букв. в какой-нибудь) грех!'.

Вопрос в ведийском языке выражается с помощью вопросительных слов, форм вопросительного местоимения *kā-*, вопросительно-эмфатических частиц и особой вопросительной интонации. Вопросительная интонация является обязательным просодическим компонентом, но в графике отражается только тогда, когда с ней связано протяженное произношение гласного — плути, фиксируемое на письме. Частный вопрос, относящийся к отдельному слову в предложении, всегда выражается с помощью вопросительного слова, которое может также сопровождаться частицами. Вопросительное слово, как правило, находится в начале предложения (в остальном порядок слов тот же, что и в утвердительном предложении), например: *kó mṛlāti katamā āgamistho | devānām u katamāḥ śambhaviṣṭhaḥ* (IV, 43,2) 'Кто сжалится? Который из богов придет скорее всех, и который самый благожелательный?', *kénemām bhūmim aurnot | kéna páryabhad divam* (AB, X, 2,18) 'Чем он покрыл эту землю? Чем он окружил небо?', *kvēyatha kvéd asi* (VIII, 1,7) 'Куда же ты ушел? Где ты находишься?'.

Серии вопросов (обычно оставляемых без ответа) являются характерной стилистической особенностью ведийской поэзии. Кроме того, существует и такая синтаксическая особенность, как двойной вопрос при одном глаголе, например: *kathā ha tād vārunāya tvām agne | kathā divé garhase kán na āgaḥ* (IV, 3,5) 'Как же ты, о Агни, на это Варуне, как — небу жалуюсь? Что у нас за грех?'.

Общий вопрос выражается вопросительными частицами и интонацией. Собственно вопросительной частицей является *svid*, следующая, как всякая другая частица, за первым слогом, например, в предложении *adhāḥ svid āstīd upāri svid āstī* (X, 129,5) 'Был ли низ? Был ли верх?'. Эта частица наряду с другими употребляется и в специальных вопросах после вопросительных слов. Вопросительная частица *kuvid*, по происхождению связанная с основой вопросительного местоимения, но утратившая самостоятельное лексическое значение, обычно употребляется, подобно этому местоимению, на первом месте в предло-

нении, например: *kuvīt sōmasyāpām iti* (X, 119,1—13, рефрен) 'Не напился ли я сомы?'. В функции вопросительной частицы может иногда выступать и вопросительное местоимение среднего рода *kim*, например: *kim ād utāsi vṛtrahan | māghavan paṇyumatāmaḥ* (IV, 30,7) 'А ты все еще самый яростный, о убийца Вритры, о щедрый?'.
До сих пор речь шла о порядке слов в предложении при нейтральном стиле речи. В гимнах ведийской поэзии речь обычно имеет сильную эмоциональную окраску, что вызывает изменения в обычном порядке слов. Известна общая тенденция зедийского языка, состоящая в том, что слово, на котором делается логическое ударение, ставится в начале предложения. З начальной позиции оно приобретает ударение независимо от того, является ли данная грамматическая форма ударной в данной синтаксической структуре или нет. В этой позиции ударной становится личная форма глагола в главном предложении, например: *vādhid indro varācikhasya śeṣo | 'bhyāvartine cāya-nānāya cikṣan* (VI, 27,5) 'Убил Индра потомков Варашикхи, томога Абхьявартину, сыну Чаяманы'; ударным становится вокатив: *āgna eṣū kṣāyeṣv ā | revān naḥ śukra dīdihī* (V, 23,4) 'О Агни, в этих жилищах воссвети нам, о светлый, богатол'. Относительно вокатива следует заметить, что он может стоять в любом месте предложения, в том числе вклиниваясь между членами одной ЭСК и обычно не неся на себе ударения, кроме как в эмфатической, начальной позиции в предложении.

В предложениях, в которых в функции предикатива выступает имя или имя со связкой, в целях эмфазы оно может передвигаться на первое место в предложении, например: *stīrṇā asya saṁhāto vīcāvrūpa | ghṛtāsya yōnau sravāthe mādhnām* (III, 1,7) 'Распространились его скованные разноцветные (члены) в лоне жира, в потоке медовых струй'; *naṣṭasavo naṣṭāviśa | hatā indreṇa vajrīṇa | jaghānēndro jaghnimā vauām* (AB, X, 4,12) 'Без жизненной силы, без яда они. Убиты Индрой-громовержцем. Убил Индра, убили мы'; *svāsāraṁ tvā kṛṇavai mā pūnar gā...* (X, 108,9) 'Сестрой тебя я сделаю. Не уходи снова!'; *apraketām salilām sārvaṁ ā idām* (X, 129,3) 'Неразличимая пучина — все это'.

Порядок слов в ведийской поэзии зависит также от стилистических причин (повторы синтаксических структур и пр.) и от метрических требований. Все это делает его еще более свободным и неупорядоченным.

Простое предложение строится из ЭСК. Исходной единицей для сложного предложения является простое. Основные типы связок, объединяющие эти единицы в целостную синтаксическую структуру более высокого уровня, в принципе, одни и те же: это отношения сочинения и подчинения.

Более простой тип сложного предложения — сложносочиненное получается в результате циклического соединения двух или нескольких простых предложений. Такая циклизация может осуществляться посредством чистого сочинения без союзов (ср. в простом предложении — ЭСК 24) или с помощью сочинительных союзов, одинарных и парных (ср. ЭСК 25), а также с помощью частиц (ср. ЭСК 19), способных функционировать в сложном предложении как союзы и выступать с ними в парных сочетаниях (твердой грани между частицами и союзами, как, впрочем, между союзами и некоторыми словами местоименно-наречного происхождения, не существует.)

Здесь следует сделать некоторые замечания относительно членимости на более мелкие единицы ведийского метрического текста. При отсутствии знаков препинания как таковых разделители стихов и пад служат одновременно указателями синтаксических границ. В подавляющем большинстве случаев конец предложения совпадает с концом стиха. Границы между падами являются хотя и не столь же обязательным, но тем не менее тоже весьма существенным ориентиром синтаксического членения. С ними нередко совпадают границы простых предложений. Если же стих — сложное предложение, то обычно граница между падами одновременно отделяет главное предложение от придаточного. Все многочисленные повторы, в том числе балансированные синтаксические конструкции, ориентированы на метрическую структуру ведийского стиха.

Очень важную роль при синтаксическом членении ведийского текста играет фразовое ударение. Главное правило состоит в том, что личная форма глагола в главном предложении всегда безударна, кроме тех случаев, когда глагол стоит на первом месте в предложении. Наоборот, во второстепенных предложениях на личную форму глагола падает ударение. Понятие второстепенного предложения включает придаточное предложение в составе сложноподчиненного, а также иногда — менее жесткий тип обусловленности — одно из предложений в составе сложносочиненного, противопоставленное другому по значению или вообще понимаемое как более или менее тесно связанное с ним по смыслу. (Подробнее о фразовом ударении см. в разделе «Фонетика. Фонология».)

При отсутствии союзов или частиц, выступающих в их функции, ударение личных форм глагола является единственным критерием для правильного ответа на вопрос: сложносочиненное бессоюзное предложение или последовательность простых предложений, например: *prétó miñcāmi nāmutaḥ | subaddhām amútas karam | yátheyám indra mīdhvaḥ | suputrā subhágāsati* (X, 85,25) 'Отсюда освобождаю я, (а) не оттуда! Там я сделаю (ее) прочно привязанной, чтобы она, о милостивый Индра, имела прекрасных сыновей и была счастливой', где Vb._{fin.} под ударением — *miñcāmi* указывает на противопоставленность одного

простого предложения в составе сложносочиненного предложения другому, эллиптическому, и где *miñcāmi* приравнено наличием ударения к *āsati* в придаточном соседнего сложноподчиненного предложения.

Если же одно предложение не противопоставлено другому по смыслу, то глагол первого бывает безударным, и тем самым предложение в целом лишается объективного критерия для правильного членения текста, например: *mīhaḥ pāvakāḥ prātata abhūvan | svasti naḥ pipṛhi pārām āsām* (III, 31,20) 'Стали ясными распространившиеся туманы, переведи нас благополучно на ту сторону их!'. Нет критерия и в тех случаях, когда глагол занимает недиагностическую с точки зрения ударения (всегда под ударением) начальную позицию в предложении, например: *āvāsṛjanta jivrayo nā devā | bhūvaḥ samrāḥ indra satyāyonih* (IV, 19,2) 'Боги сникли, как старики; ты стал всеобщим владыкой, о Индра, заняв истинное место'.

В бессоюзных сложносочиненных предложениях с противительным значением в ведийском языке нередко употребляются соотносительные местоимения *anyā...* *anyā-* 'один..., другой', например: *sōtam anyā ūpāsadat | pātave camvòḥ sutām | karambhām anyā ichati* (VI, 57,2) 'Один подсел к коме, чтобы испить выжатого из двух сосудов, другой стремится к каше'.

На грани бессоюзных и союзных сложносочиненных предложений находятся предложения с одинарным наречием *ādha/ātha* 'тогда', 'далее', 'затем'; 'сейчас'; 'также', способным в определенных контекстах приобретать значение союза «а также», «но», «поэтому» и комбинироваться с разнообразными частицами, например: *bhāgam ugrō'vase jōhavīti | bhāgam ānugro ādha yāti rātnam* (VI, 38,6) 'Бхагу призывает на помощь могущественный, к Бхаге не-могущественный также идет за сокровищем', где ударная личная форма глагола первого предложения подчеркивает семантическую целостность всего периода.

Простые предложения объединяются в сложносочиненные с помощью ряда союзов, которые одновременно функционируют в ведийском языке и как эмфатические частицы. Союз *utā* 'и' стоит обычно в начале предложения (место, характерное для частиц). В составе сложносочиненного предложения он находится между двумя предложениями, например: *mahī vām ūtīr aṣvinā mayobhūr | utā srāmam dhiṣṇyā sām rinīthaḥ* (I, 117, 19) 'Велика ваша помощь, о Ашвины, целительна. И хромого вы вылечиваете, о готовые помочь!'. В абсолютном начале, т. е. в начале стиха, *utā* стоит в тех случаях, когда выражает — в более широком плане — связь данного стиха с предыдущим. В таком употреблении значение соединительного союза не вполне отделено от значения эмфатической частицы. Гораздо отчетливее это значение прослеживается в тех случаях, когда *utā* соединяет два слова, в частности две личные глагольные формы. С точки зрения индийской синтаксической традиции, здесь

имеют место два простых предложения, причем второе из них эллиптически, поскольку в одном предложении может быть только одна личная глагольная форма. Таким образом, простое предложение с циклическим ветвлением глагола: *tād ā jānītōtā piṣyātā vāco...* (I, 94,8) 'Поймите же и исполните это слово!' в соответствии с индийской синтаксической традицией трактуется как два предложения, и *utā*, таким образом, оказывается в начале второго предложения.

Utā употребляется в сложносочиненных предложениях в парном сочетании со значением «и.., и», «как.., так», причем нередко комбинируется с различными частицами, например: *utā smāsyā panayanti jānā | jūtim kṛṣṭipró abhībhūtim ācōh | uta-inam āhuḥ samithē viyāntaḥ | pārā dadhikrā asarat sahas-raiḥ* (IV, 38,9) 'И люди восхищаются его скоростью, превосходством скакуна, заполняющего (все) поселения, и о нем говорят, расходясь по полю битвы: «Дадхикра унесся с тысячами»'.

Значение соединительного союза наиболее отчетливо выражено у *ca* 'и', соединяющего между собой, подобно всем остальным союзам этого класса, не только отдельные слова, но и простые предложения в составе сложносочиненных. Соединяя два предложения, *ca* стоит в начале второго предложения после первого его слова (место безударной энклитической частицы), например: *ṣṇvāntā vām āvase johaṣmi | vṛdhē ca no bhavataṃ vājasatau* (I, 34,12) 'Я призываю вас двоих на помощь, о прислушивающихся, и пусть будете вы нам в подделку при захвате добычи'.

Парные союзы *ca*, соединяя предложения, ставятся обычно после глагола, если же это глагол в сочетании с наречием-префиксом, то после наречия-префикса, например: *prajāvatā vācasā vāhnir asā ca huvē nī ca satsihā devaḥ* (I, 76,4) 'Я приглашаю тебя богатой потомством речью как ведущий (жертвоприношение) с помощью слова, и пусть сядешь ты здесь с богами'.

Еще один сочинительный союз *vā* имеет разделительное значение 'или' и, будучи также безударной энклитикой, занимает в сложносочиненном предложении то же место, что и *ca*. При соединении предложений чаще употребляется парный союз *vā*, например: *tāsya vā tvām māna ichā sā vā tāvādhā kṛṇṣva samvidam sūbhadram* (X, 10,14) 'Ищи ты его сердца, или он твоего, и образуй с ним счастливый союз'.

В функции разделительного союза в отрицательных сложносочиненных предложениях употребляется отрицательная частица *nā*, повторяющаяся в каждом предложении. Эта частица является ударной и стоит или непосредственно перед глаголом, или в начале предложения, например: *pūṣṇāc cakrām nā riṣyati | nā kōṣ'va padyate | nō asya vyathate pavīḥ* (VI, 54,3) 'Колесо Пушана не ломается, кузов (колесницы) не сваливается, обод колеса не шатается'.

В результате этого краткого обзора союзных сложносочиненных предложений можно сказать, что по своим синтаксическим характеристикам союзы очень близки к эмфатическим частицам: на первом месте в предложении располагаются ударные члены этого класса, на втором — безударные. Союзы имеют тенденцию комбинироваться с разнообразными частицами в начале предложения (синтаксическое свойство частиц), например: *utā + u*, *utā + u + nū*, *utā + vā*, *cana*, *vā + gha*, *nā + u* и т. д.

Самый сложный тип синтаксических структур представлен сложноподчиненным предложением, в котором одно предложение зависит от другого (преобладает связь управления, реже встречается связь согласования). Частым способом соединения простых предложений в сложноподчиненные является соединение с помощью относительного местоимения *ya-* в разных падежах и с помощью относительных союзов. В языке ведийской поэзии встречаются и бессоюзные сложноподчиненные предложения.

Иногда при соположении в тексте двух предложений ударение на личной форме глагола первого предложения является единственным формальным средством организации этих предложений в сложноподчиненное, например: *sōmasya mā tavāsam vākṣy agne | vāhniṃ cakārtha vidāthe yājadhyaī* (III, 1,1) 'О Агни, (так как) ты хочешь меня (видеть при приготовлении) крепкого (напитка) сомы, ты сделал меня ведущим, чтобы жертвовать на месте жертвоприношения'.

Гораздо чаще формальная связь между главным и придаточным предложениями выражена с помощью эмфатической частицы *hi* 'ведь', способной выступать в определенных контекстах в значении союза «так как», «потому что», например: *dhānair abhi śrutvā yanti | vidūr hi takmanāṇanam* (AB, V, 4,2) 'Прослышав (о ней), они идут (к ней) с богатствами, потому что они знают (ведь они знают) изгонительницу лихорадки'; *ācraṇam hi bhūridāvattarā | vām vījāmātur utā vā ghā syālāt | āthā sōmasya prāyati yuvābhyām | indrāgni stōmam janayāmi nāvyaṃ* (I, 109,2) 'Так как слышал я (Ведь слышал я) о вас двоих как о дающих больше, чем негодный зять или же свояк, вот я и создаю вам новое восхваление за принесением сомы, о Индра-Агни'. Подобную последовательность предложений можно трактовать как сложноподчиненное предложение с придаточным причины.

Самым распространенным типом сложноподчиненных предложений является предложение с придаточным относительным, в котором формальная связь между придаточным и главным выражена относительным местоимением *ya-* в придаточном предложении. В главном предложении ему может соответствовать указательное местоимение *ta-* или *a-*. Наличие *ya-* в придаточном предложении обязательно, это местоимение обычно стоит в начале придаточного. Наличие указательного местоимения в

главном не обязательно. Придаточное относительное может быть связано не только с местоимением, но и с именем в главном предложении.

Придаточное относительное (как и другие типы придаточных предложений) может предшествовать главному или следовать за ним (ср. на уровне ЭСК синтаксические модели I и II). Если придаточное предложение следует за главным, нередко это влияет на порядок слов в главном предложении: слово, с которым связано придаточное предложение, выносится в конец главного предложения, в непосредственную близость с относительным местоимением *ya-*, например: *prāsmāt pācān varuṇa miñca sārvaṇ | yaiḥ samāmē badhyāte yair vyāmē* (AB, XVIII, 4,70) 'Сними с нас все петли, о Варуна, которыми перевязано вдоль, которыми поперек'.

Формальная связь между придаточным относительным и главным предложением бывает весьма свободной, и в этом заключается одна из особенностей ведийского поэтического языка. По типу связи отношения между главным предложением и придаточным определительным описываются не только как управление или согласование (реже), но и как примыкание.

Наиболее жесткой формальная связь между придаточным относительным и главным бывает в тех случаях, когда имеются согласующиеся соотносительные местоимения, например: *yó no dātā sá nah pitā* (VIII, 52,5) 'Кто наш даритель, тот наш отец', *yó dyām ástabhnāt sá janāsa indraḥ* (II, 12,2) 'Кто поддержал небо, тот, о люди, Индра!'

Здесь иногда встречается нарушение согласования простых предложений в составе сложного. Относительное местоимение *ya-*, которое обычно связано с глаголом-сказуемым в 3-м лице, иногда управляется глагольной формой 2-го лица, например: *yáh sunvaté pácate dudhrá ā cid | vājam dārdarṣi sa kilāsi satyāḥ* (II, 12,15) '(Ты), который выжимающему (и) варящему неистово захватываешь добычу, — конечно, ты истинен!'. Иногда это местоимение управляется глагольной формой в 1-м лице, например: *imé ta indra té vaayām puruṣṭuta | yé tvārābhya cārāmasi prabhūvaso* (I, 57,4) 'Вот, о Индра, твои (люди) — те самые мы, которые, о много восхваляемый, бродят (букв. бродим), прикинувшись к тебе, о богатый имуществом'.

При отсутствии согласования соотносительных местоимений возможна и более свободная связь между предложениями, например: *yó no didēva yatamó jaghāsa | yāthā só asyā paridhiḥ pātāti* (AB, V, 29,2) 'Кто б нами ни играл, который (из них) ни пожирал бы (нас) — пусть рухнет эта его ограда!'

Относительное местоимение в придаточном предложении нередко бывает связано с каким-либо именем в главном предложении, например: *mēdyantu te vāhnaṃ yébhīr īyase* (II, 37,3) 'Пусть жиреют твои кони, на которых ты едешь'. Существительное, к которому относится придаточное предложение, до-

вольно часто опускается в главном предложении, например: *tvām putrō bhavasi yās té'vidhat* (II, 2,9) 'Ты становишься сыном (того), кто тебя почитил'.

Встречаются случаи включения относительного придаточного предложения с *ya-* в состав главного в нарушение общей синтаксической схемы главного предложения, например: *gandharvāpsarāso brūmo | aṣvīnā brāhmaṇaspātim | aryaṁā nāma yō devās* (AB, XI, 6,4) 'Гандхарвов-Апсарас мы призываем, Ашвинов, Брахманаспати, который бог по имени Арьяман'. Возможны, наконец, случаи не только формального несоответствия между придаточным предложением и главным, но и некоторого логического сдвига, например: *yē 'māvāsyaṁ rātrim | udāsthur vrājām atrīṇaḥ | agnis turīyo yātuhā | sō asmābhyam ādhi bravat* (AB, I, 16,1) 'Пожиратели, которые возникли роem в ночь новолуния, — четвертый Агни, убийца злых духов, пусть он подбодрит нас!'

Семантика относительных придаточных предложений весьма широка. Они выражают отношения атрибутивности, релятивности, субъектности, объектности и др., и таким образом их функции аналогичны функциям имен (прилагательных, причастий, существительных) в различных именных ЭСК. В ведийском поэтическом языке этот тип предложений очень употребителен, и встречаются сложные иерархические синтаксические структуры, построенные по принципу относительных придаточных, например: *ihā prā brūhi yatamāḥ sō agne | yō yātudhāno yā idāṁ kṛṇōti* (X, 87,8) 'Провозгласи здесь, о Агни, который (из них) тот, кто колдун, который это делает'.

Особый тип составляют сложноподчиненные предложения, в которых придаточное предложение присоединяется к главному с помощью союза *yad* 'что' (форма среднего рода относительного местоимения *ya-*), которому в главном предложении соответствует *tad* 'то'. Семантика этого союза чрезвычайно широка. Встречаются случаи его употребления, формально не выделяемые из относительных предложений с согласующимися соотносительными местоимениями, определяющими существительное среднего рода, например: *yāt svāpne ānnam aṣṇāmi | nā prātār adhigamyāte | sārvaṁ tād astu me śivāṁ* (AB, VII, 101,1) 'Еда, которую я съедаю во сне, и утром она не находится, — да будет вся она благоприятна мне!' (возможно также понимание: 'Если я съедаю еду во сне..., то пусть будет...'). Этот пример принадлежит к числу пограничных. Более обычным для *yad* является отчетливо выраженное значение союза в сложноподчиненных предложениях разных типов. Так, *yad* может присоединять придаточное изъяснительное к главному предложению, например: *ādrogha satyām tāva tān mahitvām | sadyō yāj jātō āpibo ha sōmat* (III, 32,9) 'О не допускающий обмана! Истинно ведь то твое величие, что, едва родившись, ты выпил сому'. Придаточное с *yad* выражает значения: времени, напри-

мер, *johûtro agniḥ prathamāḥ pitṛveśas padé mānuṣā yāt samiddhaḥ* (II, 10,1) 'Агни должен быть громко призываем первым, как отец, когда он зажжен человеком на месте жертвенного возжания'; причины, например, *sthātūḥ carātham aktūn vy ārṇot | pāri yād eṣām éko vícveṣam | bhūvad devó devānām mahitvā* (I, 68,1—2) 'Он раскрыл, что стоит, что движется, (а также) ночи, потому что (этот) бог один своим величием охватил (величие) всех богов'; цели, например, *āhā yād indra sudinā vyuchān | dādho yāt ketūm upamāṁ samātsu | ny āgniḥ sidad āsuro nā hōtā...* (VII, 70,3) 'Чтобы воссияли прекрасные дни, о Индра, чтобы ты дал высшее знамя в сражениях, садится, как Асура, Агни-хотар...'; условия (нередко в сочетании с частицами), например, *yāt sthó dīrghāprasadmani | yād vādō rocané divāḥ | yād vā samudré ādhy ākrte grhē | 'ta ā yātam aṣvīnā* (VIII, 10,1) 'Если вы находитесь у Диргхапрасадамана, или если там, в светлом пространстве неба, или если на море, в воздвигнутом доме — придите оттуда, о Ашвины!'.
 Этот союз, не вполне отделившийся от соответствующего относительного местоимения и имеющий очень широкий недифференцированный круг значений, остается очень употребительным и в брахманической прозе (например, в прозаических частях ЯВ). В эллиптических придаточных предложениях его значение может сближаться со значением эмфатической частицы.

Большинство остальных союзов и союзных слов (собственно наречий) произведены с помощью различных суффиксов от основы относительного местоимения *ya-* и употребляются в сложноподчиненных предложениях с четко очерченным кругом значений.

Большинство остальных союзов и союзных слов (собственно наречий) произведены с помощью различных суффиксов от основы относительного местоимения *ya-* и употребляются в сложноподчиненных предложениях с четко очерченным кругом значений.

Относительное наречие *yātra* 'где', 'куда', 'когда', употребляясь в придаточном предложении, может соотноситься с указательными наречиями *tātra*, *ātra*, местоимением *tād*, частицей *ādha* в главном предложении. Придаточные предложения с *yātra* выражают значения: места, например, *té ha nāka mahimānaḥ śacanta | yātra pūrve sādhyāḥ sānti devāḥ* (I, 164,50) 'Эти величественные проследовали на небо, где находятся прежние боги — садхья'; направления, например, *yātrā-sate sukṛto yātra té yayūḥ | tātra tvā devāḥ savitā dadhātu* (X, 17,4) 'Где сидят благочестивые, куда они ушли, туда пусть поместит тебя бог Савитар'; времени, например, *yātro tā mārtyāya kām | āriṇā indra sūryam | prāvah śacībhir étaṣam* (IV, 30,6) 'И когда для смертного ты привел в движение солнце, о Индра, силами (своими) ты поддержал Эташу'.

Относительное наречие *yadā* 'когда' выступает в функции союза в придаточном предложении, в то время как в главном с ним могут соотноситься различные наречия или частицы, реализующие временные отношения, типа *ādha*, *āt* и др. Такие придаточные предложения выражают отношение времени, например: *yadā māgan prathamajā ṛtāsyād id vācō aṣṇuve*

bhāgām asyāḥ (I, 164,37) 'Как только подходил ко мне перво-рожденный закона, тут и получал я долю в этой речи'; *yadā satyām kṛṇutē manyūm indro | viśvam dṛḥām bhayata éjad asmāt* (IV, 17,10) 'Когда Индра делает свою ярость действительной, все твердое (и) подвижное страшится этого'. В ряде случаев придаточные предложения с *yadā* выражают также отношение условия, следствие которого содержится в основном предложении, например: *yadā naḥ sūnṛtāvataḥ | kāra ād art-hāyāsa id* (I, 82,1) 'Если ты собираешься сделать нас счастливыми, то ты должен (на это) и настроиться'.

Функция выражения отношения условия в сложноподчиненном предложении является основной для союза *yādi* 'если'. При этом не существует автоматической связи между союзом и временем или наклонением глагола — они определяются контекстом. Вот несколько примеров: *yūvā yādi kṛthāḥ pūnar | ā kāmam ṛṇve vadhvāḥ* (V, 74,5) 'Юный, если вы сделаете (его) снова (таковым), он удовлетворит желание жены'; *grāhir jagrāha yādi vaitād enam | tāsya indrāgnī prā mumuktam enam* (X, 161,1) 'Или если его тут схватила Грахи, освободите его от нее, Индра и Агни!'; *adyā mūrīya yādi yātudhāno āsmi | yādi vāyus tatāpa pūruṣasya* (VII, 104,15) 'Пусть я умру сегодня, если я колдун или если я сжег жизнь человека'.

Союз *yādi* может выражать также отношение времени, если глагол придаточного предложения обозначает обычное, многократно повторяющееся действие, например: *ādha kṣapā pariṣ-kṛto | vājāñ abhi prā gāhate | yādi vivāsvato dhiyo | hāriṃ hinvanti yātave* (IX, 99,2) 'И приготовленный ночью он ныряет за наградами, когда молитвы Вивасрата поторапливают к бегу жеребца'.

Союз *yāthā* в сложноподчиненном предложении передает целый ряд семантических отношений. *Yāthā* выражает отношение сравнения, и в этом случае придаточное предложение обычно предшествует главному, и в главном союзе *yāthā* соответствует частица *evā* 'так' (редко местоименно-наречные элементы *iṭhā, etāvāt, tād, tāthā*), например: *yāthā yugām varatrāyā | nāhyanti dharuṇāya kām | evā dādharma te māno | jivātave nā mṛtyāvé | 'tho ariṣṭātātaye* (X, 60,8) 'Как ярмо связывают ремнем, чтобы держалось, так укрепил он твой дух: для жизни, не для смерти, а для невредимости'. В функции предиката в придаточном сравнительном предложении обычно употребляется тот же глагол, что и в главном, например: *yāthā vṛkṣām libujā | samantām pariśasvajé | evā pári śva jasva mām* (AB, VI, 8,1) 'Как лиана дерево обняла вокруг, так и ты меня обними!'. Поэтому придаточные сравнительные часто бывают эллиптические — в них опущен предикат, например: *jūṣṭatamāso nṛtamāso aṇjibhir | vy ānaje ké cid usrá iva stṛbhiḥ* (I, 87,1) 'Самые любимые (и) мужественные некие (мужи) покрыли себя украшениями, как небеса — звездами'.

Союз *yáthā* в сложноподчиненном предложении может выражать отношение цели. Глагол в придаточном предложении чаще бывает в сослагательном или желательном наклонении, например: *yáthā vidvāñ āram kārād | viçvebhyo ya jatébhyah | ayām agne tvé āpi | yām yajñām cakrmā vayām* (II, 5,8, 'Чтобы он, знающий, воздал должное всем, достойным жертвы) вот у тебя жертва, которую мы приготовили'. Чаще, однако, при этом значении *yáthā* придаточное предложение стоит после главного, например: *yēnā nicakrá āsurīndram devébhyas pári tēnā ní kurve tvām ahām | yáthā té'sāni sūpriyā* (AB, VII, 38,2) 'Чем Асури покорила Индру среди богов, тем покорю я тебя — чтобы стала я тебе самой милой!'.

Союз *yáthā* в сложноподчиненном предложении может выражать также отношение изъяснительности, придаточное предложение в этом случае следует после главного, например: *evā babhro vṛṣabha cekitāna | yáthā deva ná hr̥ṇīṣé ná háṃsi* (II, 33,15) '(Да будет) так, о бурый бык удивительного вида, что ты, о бог, не разгневаешься (и) не убьешь!'.

В редких случаях в сложноподчиненных предложениях в качестве подчинительного союза, выражающего отношение условия, употребляется союз *ca* (обычно функционирующий как соединительный), например: *tvām ca soma no vāco | jīvātum ná marāmahe* (I, 91,6) 'Если ты, Сома, хочешь нас для жизни — мы не умрем' (возможна и другая трактовка: 'А ты, Сома, хочешь нас для жизни — так мы не умрем').

Изредка в той же функции употребляется *céd* (<*ca + id*) — союз, у которого в РВ значение условия выражено слабо и не отделямо от значения времени, например: *arthīno yānti céd ārtham | gāchān id dadūṣo rātīm* (VIII, 79,5) 'Если деятельные отправились для деятельности, пусть достигнут они подношения дарителя' (или 'Когда деятельные отправились...').

Частицы *ná* и *iva* служат для включения придаточного сравнительного предложения в состав сложноподчиненного. Придаточные предложения с этими частицами бывают, как правило, эллиптическими. Частица *iva* обычно замыкает придаточное предложение, например: *...tāsām adhvaryūr āgatau | yāvō vṛṣṭīva modate* (II, 5,6) '...Когда они пришли, он — адхварью — радуется, как ячмень дождю'. Частица *ná* стоит обычно после первого слова придаточного предложения, например: *mūṣo ná çicnā vy ādanti | mādhyā stotāram te çatakrato* (X, 33,3) 'Как крысы — в свои хвосты, вгрызаются заботы в меня, певца твоего, о стоумный!'. Поскольку эти же частицы способны примыкать и к отдельным словам, граница между словом и эллиптическим придаточным предложением оказывается весьма шаткой.

В ведийском языке принято передавать чьи-либо слова или мысли в той форме, как их произнесло или подумало данное

лицо. Прямая речь не имеет единого синтаксического оформления. Нередко она не отграничена никакими формальными средствами и выделяется как таковая только благодаря тому, что в предложение вклинивается глагол говорения. Встречаются отдельные случаи употребления косвенной речи, т. е. передачи чьей-либо прямой речи в виде придаточного предложения, синтаксически зависимого от главного. О том, насколько последовательно выдержаны оба этих принципа, можно судить по следующему примеру: *trīṇi ta āhur divi bāndhanāni | trīṇy apsū trīṇy antāḥ samudré | utēva me vāruṇaḥ chantsy arvan | yātrā ta ahūh paramām janitram* (I, 163,4) 'Три у тебя — говорят — на небе привязи, три в водах, три в океане. А вот мне, скаун, ты кажешься Варуной (там), где, говорят, (находится) твое высшее место рождения'.

Граница прямой речи нередко бывает отмечена частицей *iti* 'так', стоящей в конце нее. При этом прямая речь обычно бывает краткой, иногда эллиптической, например: *jyeṣṭhā āha camasā dvā karēti | kāniyān trīn kṛṇavamēty āha | kaṇiṣṭhā āha catūras karēti* (IV, 33,5) 'Старший сказал: «Я хочу сделать две чаши». Помоложе сказал: «Три мы хотим сделать». Самый младший сказал: «Четыре я хочу сделать»'.

При всем разнообразии типов сложноподчиненного предложения в ведийском поэтическом языке существует широкая синтаксическая синонимия между функциями придаточного предложения в составе сложного и функциями некоторых отглагольных форм: причастий и инфинитивов — прежде всего, образующих различные ЭСК в составе простого предложения.

В функции придаточных предложений, выражающих отношение времени или условия, выступают ЭСК 21 в той ее разновидности, когда Nom.-Subst. и согласующееся с ним Part. стоят в местном падеже (так называемый *Locativus absolutus*), например: *tā vām adyā... huvetochāntūyām uśāsi* (I, 184,1) 'Вас двоих сегодня... мы хотим призывать, когда зажигается Ушас (=при зажигающейся Ушас)'; *tā ihā tapyantām māyi tapyātāne* (AB, II, 12,1) 'Пусть они здесь изводятся, раз я извожусь (=при мне изводящемся)', *āvih svār abhava j jātē agnaiḥ* (X, 88,2) 'Солнце явилось взорам, когда родился Агни (=при родившемся Агни)'.

В той же функции может выступать другой вариант ЭСК 21, в котором Nom.-Subst. и Part. стоят в родительном падеже, например: *tēṣām nuttānām adhamā tāmāṃsy | āgne vāstūnī nīrdaḥa tvām* (AB, IX, 2,4) 'Когда их низвергнут в нижний мрак (=у них, низвергнутых в нижний мрак), о Агни, сожги ты дотла поселения'; *asyā raṇvā svāsyeva puṣṭiḥ | sāmdr̥ṣṭir asya hiyānāsya dākṣoḥ* (II, 4,4) 'Радостно его процветание, как

(процветание) своего добра, (радостен) облик его, когда он мчится пламенеющий (=его, мчащегося, пламенеющего)».

В функции придаточного изъяснительного предложения выступает тот вариант ЭСК 21, в котором Nom.-Subst. и Part. стоят в винительном падеже, при этом Nom.-Subst. управляется глаголом говорения, знания и т. д., например: *suṣupvāmsa rbhavas tād aprchatāgohya kâ idām no abūbudhat | ṣvānam bastō bodhayitāram abravīt* (I, 161,13) 'Выспавшись, вы спросили, о Рибху: «Агохья, кто нас тут разбудил?». Козел сказал, что разбудила собака (=козел сказал собаку разбудителя)»; *prāti tvā jānantu pitārah pāretam* (AB, XVIII, 4,51) 'Пусть отцы узнают, что ты ушел (=узнают тебя, ушедшего)'.

В функции придаточного времени или условия может выступать вариант ЭСК 21, в которой Nom.-Subst. и Part. стоят в именительном падеже. ЭСК 21 бывает в полном виде, например: *tvām hi deva vanditō | hantā dāsyor babhūvitha* (AB, I, 7,1) 'Ты ведь, о бог, если (тебя) прославишь (=ты ведь, о бог, прославленный), становишься убийцей дасью', или в усеченном, когда Nom.-Subst. отсутствует, а указание на адресата содержится в вокативе, например: *udyānn adyā mītramaha | ārōhann ūttarām divam | hdrogām māma sūrya | harimānam ca nācaya* (I, 50,11) 'О почитаемый как друг, когда ты взойдешь сегодня (и) поднимешься (=восходящий и поднимающийся) на высшее небо, уничтожь, о Сурья, мою болезнь сердца и желуху!'.

ЭСК 13 в том варианте, в котором Nom._{nominat.} представлено причастием, а Vb.— глаголом думания, может употребляться в функции придаточного изъяснительного предложения, например: *mānye bhejānō amṛtāsyā tārhi | hiraṇyavarṇā ātṛpaṁ yadā vaḥ* (AB, III, 13,6) 'Я считаю, что тогда вкусил амриты, когда я наслаждался вами, золотистые' (= 'Я считаю себя вкушившим...' [Nom.]); *sōtam manyate papivān | yāt sampiṁśanty ōśadhim* (X, 85,3) 'Считают, что испили сомы' (букв. 'Он [impers.] считает себя испившим... [Nom.]), когда разотрут растение'.

ЭСК 17, в которой Vb._{fin.} управляет инфинитивом с окончанием дательного падежа и значением цели, выступает в функции придаточного предложения цели, например: *āvasṛjaḥ sārtaṇe sapṭā sīndhūn* (I, 32,12) 'Ты выпустил семь рек, чтобы они текли (=для течения)'; *etām te pāri dadāmy ābhittyai* (TC, IV, 1,6,f) 'Ею я окружаю тебя, чтобы (ты) не сломалась (=для несломления)'.

ЭСК 18 выступает в функции, синонимичной функции придаточного предложения времени в сложном предложении, обозначая действие, предшествующее Vb._{fin.} (т. е. «после того как...», «в то время как»), например: *tvām agna īlitō jātavedō | 'vād dhavyāni surabhīṇi kṛtvī* (X, 15,12) 'Ты, о Агни, призванный, как Джатаведас, увез жертвенные возлияния, сделав (их) благоухающими [после того как (ты) сделал их благоухаю-

щими]'; *agnih krayād bhūtvā brahmagavī brahmayām pravīṣyāti* (AB, XII, 5,41) 'Став Агни-пожирателем мяса (и) проникая в угнетателя брахмана, корова брахмана пожирает (угнетателя брахмана)' (= 'После того как... (и) по мере того как...').

В самом древнем образце ведийского поэтического языка — в фамильных мандалах РВ, ЭСК 18 в этой функции встречаются несравненно реже, чем те ЭСК, в состав которых входят причастия. В брахманической прозе удельный вес ЭСК 18 заметно возрастает.

Все, что говорилось до сих пор о соотношении ряда ЭСК в простых предложениях и в придаточных в рамках сложных предложений, свидетельствует о существовании между ними отношения трансформации.

Перечень трансформаций, допустимых при сохранении заданного смысла, является необходимым средством для разрешения омонимии внутри ЭСК, когда одна и та же конструкция может передавать разные значения. Далее приводятся основные типы трансформаций, необходимые и достаточные для идентификации примеров конструкций, содержащихся в приведенном ранее перечне ЭСК (исключая случаи идиоматического употребления). Конструкции, находящиеся в отношении трансформации, соединяются в записи связывающим их знаком эквивалентности:

1. a) *yajñam ataniḥ* ≡ (yo) *yajñam atanoti* 'пронизывающий жертву'
(Nom._{acc.} + Nom.'-Adj. ≡ Nom._{acc.} + Vb.'_{fin.});
- b) *jarayann arim* ≡ (yo) *arim jarayati* 'старящий врага'
(Nom._{acc.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{acc.} + Vb'.'_{fin.});
- c) *apó yant-* ≡ *apsu yant-* ≡ *adbhir yant-* ≡ (yo) *apá eti* 'движущийся в водах'
(Nom._{acc.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{loc.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{instr.} + + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{acc.} + Vb'.'_{fin.});
- d) *dhanāni sātaye* ≡ *dhanānām sātaye* ≡ *dhanasātaye* 'для достижения богатств'
(Nom._{acc.} + Nom'.' ≡ Nom._{gen.} + Nom'.' ≡ Nom.-Comp. (= Nom. + Nom'.'));
- e) *yāṣṭā devān* ≡ *yāṣṭā devānām* 'почитатель богов'
(Nom._{acc.} + Nom'.' ≡ Nom._{gen.} + Nom'.');
- f) *saṃvatsaram ṣaṣayānās* ≡ *saṃvatsare ṣaṣayānās* ≡ *saṃvatsareṇa ṣaṣayānās* 'пролежавшие год'
(Nom._{acc.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{loc.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{instr.} + + Nom'.'-Part.);
2. a) *citayant- akṣabhiḥ* ≡ (yo) *akṣabhiḥ citayati* 'смотрящий глазами'.
(Nom._{instr.} + Nom'.'-Part. ≡ Nom._{instr.} + Vb'.'_{fin.});

- b) *havaṃ gīrbhiḥ* ≡ *havaṃ giraḥ ca* 'призыв с песнями'
(Nom.' + Nom._{instr.} ≡ Nom.' + Nom._{nominat.} + ca);
- c) *bhāgaṃ vareṇa* ≡ *bhāgaṃ varāya* 'доля по выбору'
(Nom._{instr.} + Nom.' ≡ Nom._{dat.} + Nom.');
- d) *pūrṇa- madhunā* ≡ *pūrṇa- madhvas* 'полный меда'
(Nom._{instr.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{gen.} + Nom.'-Part.);
- e) *adbhir yant-* ≡ *apo yant-* ≡ *apsu yant-* 'движущийся в водах'
(Nom._{instr.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{acc.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{loc.} + Nom.'-Part.);
- f) *saṃvatsareṇa ṣaṣayānās* ≡ *saṃvatsaraṃ ṣaṣayānās* ≡ *saṃvatsare ṣaṣayānās* 'пролежавшие год'
(Nom._{instr.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{acc.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{loc.} + Nom.'-Part.);
- g) *aṅgirobhir grṇānaḥ* 'воспеваемый Ангирасами' → *aṅgira-so jaritāraḥ* 'Ангирасы — певцы'
(Nom._{instr.} + Nom.'-Part. → Nom._{nominat.} + Nom.'_{ag.}).
3. a) *yamāya namaḥ* 'поклон Яме!' ≡ *yamāya namo* 'stu' 'да будет поклон Яме!'
(Nom._{dat.} + Nom.'_{nominat.} ≡ Nom._{dat.} + Nom.'_{nominat.} + Vb._{copul.});
- b) *gātur adhvarāya* ≡ *gātur adhware* 'путь к жертвоприношению'
(Nom._{dat.} + Nom.' ≡ Nom._{loc.} + Nom.');
- c) *priya- indrāya* ≡ *priya- indrasya* 'приятный Индре'
(Nom._{dat.} + Nom.' ≡ Nom._{gen.} + Nom.');
4. a) *tvaḍ bhiyā* ≡ *tava bhiyā* 'из страха перед тобой'
(Nom._{abl.} + Nom.' ≡ Nom._{gen.} + Nom.');
5. a) *Paijavanasya dānam* 'дар Пайджаваны' ≡ *Paijavano dadāti* 'Пайджавана дает'
(Nom._{gen.} + Nom.' ≡ Nom._{nominat.} + Vb.'_{fin.});
- b) *dasyor hantā* 'убийца дасью' ≡ *dasyuṃ hanti* 'он убивает дасью'
(Nom._{gen.} + Nom.' ≡ Nom._{acc.} + Vb.'_{fin.});
- c) *tāsām rohiṇīm* ≡ *tāsu rohiṇīm* 'из них к Рохини'
(Nom._{gen.} + Nom.' ≡ Nom._{loc.} + Nom.');
- d) *pitṛtamaḥ pitṛṇām* ≡ *pitṛtamaḥ pitṛṣu* 'самый отеческий из отцов'
(Nom._{gen.pl.} + Nom.'-Adj._{superl.} ≡ Nom._{loc.pl.} + Nom.'-Adj._{superl.});
- e) *marutām gaṇas* ≡ *marutvān gaṇas* 'толпа Марутов';
(Nom._{gen.} + Nom.' ≡ Nom.-Adj. + Nom.');
- f) *tava hotram* 'у тебя — служба хотара' ≡ *tava hotram asti* 'у тебя есть служба хотара' ≡ *tvaṃ hotā* 'ты хотар'
(Nom._{gen.} + Nom.'_{nominat.} ≡ Nom._{gen.} + Nom.'_{nominat.} + Vb._{copul.} ≡ Nom._{nominat.} + Nom.'_{ag.});
- g) *daṣa gavām* ≡ *daṣa gāvas* 'десять коров'
(Nom.-Num. + Nom.'_{gen. pl.} ≡ Nom.-Num. + Nom.'_{nom.pl.});
- h) *pūrṇa- madhvas* ≡ *pūrṇa- madhunā* 'полный меда'
(Nom._{gen.} + Nom.'-Part. ≡ Nom._{instr.} + Nom.-Part.);

- i) *priya- indrasya* $\equiv$ *priya indrāya* 'приятный Индре'
(Nom._{gen.} + Nom.' $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom.');
- j) *tava bhiyā* $\equiv$ *tavad bhiyā* 'из страха перед тобой'
(Nom._{gen.} + Nom.' $\equiv$ Nom._{abl.} + Nom.').
6. a) *gātur adhware* $\equiv$ *gātur adhvarāya* 'путь к жертвоприношению'
(Nom._{loc.} + Nom.' $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom.');
- b) *ap̥ṣu yant* $\equiv$ *apó yant* $\equiv$ *adbhir yant-* 'движущийся в водах'
(Nom._{loc.} + Nom.'-Part. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom.'-Part. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.'-Part.);
- c) *tāsu rohiṇim* $\equiv$ *tāsām rohiṇīm* 'из них к Рохини'
(Nom._{loc.} + Nom.' $\equiv$ Nom._{gen.} + Nom.');
- d) *saṃvatsare ṣaṣayānās* $\equiv$ *saṃvatsaram ṣaṣayānās* $\equiv$ *saṃvatsareṇa ṣaṣayānās* 'пролежавшие год'
(Nom._{loc.} + Nom.'-Part. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom.'-Part. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.'-Part.);
- e) *tve hitam* $\rightarrow$ *tubhyaṃ hitam* 'к тебе направлена'
(Nom._{loc.} + Nom.'-Part. $\rightarrow$ Nom._{dat.} + Nom.'-Part.);
- f) *añjiṣu priyāḥ* 'находящие удовольствие в украшениях' $\equiv$ *añjayaḥ priyāḥ (santi)* 'украшения доставляют удовольствие'
(Nom._{loc.} + Nom.'-Adj. $\equiv$ Nom._{nominat.} + Nom.'-Adj.).
7. a) *aḥann ahim* 'он убил дракона' $\equiv$ *ahir hataḥ* 'дракон убит'
(Nom._{acc.} + Vb._{fin,trans.} $\equiv$ Nom._{nominat.} + Part.);
- b) *somam pibati* $\equiv$ *somasya pibati* 'он пьет сому'.
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{gen.} + Vb.);
- c) *agnim avocāta* $\equiv$ *agnaye 'vocāta* 'для Агни мы про-изнесли'
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb.);
- d) *ya jñam upayanti* $\equiv$ *ya jñā upayanti* $\equiv$ *ya jñā upayanti* 'они приходят на жертвоприношение'
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb.);
- e) *apās.. eti* $\equiv$ *apsveti* $\equiv$ *adbhir eti* 'он движется в водах'
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb.);
- f) *tvām saṣcīre* $\equiv$ *tvayā saṣcīre* 'за тобой последовали'
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb.);
- g) *aḥā didihi* $\equiv$ *ahasu didihi* $\equiv$ *ahabhir didihi* 'сияя в течение дней'
(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb.).
8. a) *ya jñena.. aya janta* $\equiv$ *ya jñam aya janta* 'они почтили жертвоприношением'
(Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb.);
- b) *sūdayāti pra dhibhiḥ* 'пусть он приготовит с молитвами' $\equiv$ *sūdayāti pra dhiyo hinvānaḥ* 'пусть он приготовит, воссылая молитвы'
(Vb. + Nom._{instr.} $\equiv$ Vb. + Nom._{acc.} + [Part.]);

- c) *aahabhir didihi* $\equiv$ *ahā didihi* = *ahasu didihi* 'сияя в течение дней'
(Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb.);
- d) *adbhir eti* $\equiv$ *apa eti* $\equiv$ *apsveti* 'он движется в водах'
(Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb.);
- e) (Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{abl.} + Vb.)

Примечание. При грамматической синонимии ЭСК 8 и ЭСК 10 в значениях выражения причины для каждой из конструкций характерен свой лексический набор Nom. и Vb., ср., например: *vepate bhiyā* [I.] 'он трясется от страха', но не **vepate bhiyas* [AbI.] id., или *amat* [AbI.] *titiṣe sam* 'он затрясся от ярости', но не **amena* [I.] *titiṣe sam* id.:

- f) (*çulko*) *na kriyate... abalena* 'пошлина не платится бес-
сильным' $\equiv$ *abalo na kŕŕoti (çulkam)* 'бессильный не
платит пошлину'
(Nom.^{'nominat.} +) Vb. + Nom.^{instr.} $\equiv$ (Nom.^{'acc.} +) Vb. +
+ Nom.^{nominat.}

- g) *jīvātā... deyam* $\equiv$ *jīvan dātum arhati* 'живущий должен дать'
(Nom.^{instr.} + Vb.^{part. nec.} $\equiv$ Nom.^{nominat.} + Vb.^{inf.} + Vb.^{fin.}).

9. a) *adadhā martyāya* $\equiv$ *adadhā martye* 'ты создал смерт-
ного'
(Nom._{dat} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc} + Vb.);

- b) *avosāta*... *agnaue* $\equiv$ *agnim avosāta* 'для Агни мы про-
изнесли'
(Nom._{dat} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb.);

- c) *ya jñā upaṇayanti* ≡ *ya jñā upaṇayanti* ≡ *ya jñam upaṇayanti*
'они приходят на жертвоприношение',
(Nom._{dat.} + Vb. ≡ Nom._{loc.} + Vb. ≡ Nom._{acc.} + Vb.).

10. a) Nom._{abl.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb.) *.

11. a) *somasya pibati* $\equiv$ *somam pibati* 'он пьет сому' (Nom._{gen.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb.);

- b) (*ahar*) *devānām āsīd* $\equiv$ *devā aharapataya āsan* '(день) был у богов'

$$([\text{Nom.}'] + \text{Nom.}_{\text{gen.}} + \text{Vb.} \equiv \text{Nom.}_{\text{nominat.}} + [\text{Nom.}'_{\text{comp.}}] + \text{Vb.}).$$

12. a) *apsveti* = *apás...eti* = *adbhir eti* 'он движется в водах'
(Nom._{loc} + Vb. = Nom._{acc} + Vb. = Nom._{instr} + Vb.);

- b) *ya jñā upayanti* $\equiv$ *ya jñam upayanti* $\equiv$ *ya jñenopayanti*
'они приходят на жертвоприношение'
(Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb.);

- c) *adadhā martye* $\equiv$ *adadhā martyāya* 'ты создал смерт-
ному',
(Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb.);

* См. примечание к 8-е).

- d) *ahasu dīdhi* ≡ *ahā dīdhi* ≡ *ahabhir dīdhi* 'сияй в течение дней'
(Nom._{loc.} + Vb. ≡ Nom._{acc.} + Vb. ≡ Nom._{instr.} + Vb.);
- e) *ava... (gomati) vraje* ≡ *ava... (gomate) vrajāya* 'помогай в отношении загона (полного коров)'
(Nom._{loc.} + Vb. ≡ Nom._{dat.} + Vb.).
13. a) *sa ā vaha* ≡ *tvaṁ ā vaha* 'привези'
(3 sg. Pron._{nominat.} + Vb._{iv.} ≡ 2 sg. Pron._{nominat.} + Vb._{iv.});
- b) *hotā satsi* ≡ *hoteva satsi* 'сядь как хотар'
(Nom._{nominat.} + Vb. ≡ Nom._{nominat.} + iva + Vb.);
- c) *manye bhejāno (amṛtasya)* ≡ *manye kad (aham) bhejāno (amṛtasya)* 'я считаю себя вкусившим (амриты)'
(Vb. + Nom._{nominat.} ≡ Vb. + Conj. + Nom._{nominat.}).
14. a) *agnir nābhimṛṣe* ≡ *agnir anabhimṛṣyaḥ* 'Агни нельзя трогать'
(Nom._{nominat.} + Vb._{inf.} ≡ Nom._{nominat.} + Part._{nec.});
- b) *vr̥ṣabhaṁ ya jadhyai* ≡ *vr̥ṣabho ya jataḥ* 'Надо принести в жертву быка'
(Nom._{acc.} + Vb._{inf.} ≡ Nom._{nominat.} + Adj.-Part._{nec.}).
- 15—19. Эти ЭСК в трансформации не нуждаются ввиду их однозначности.
20. a) *dīrghaṁ tamas* 'долгий мрак' ≡ *dīrghatamas* 'долгий мрак', 'погруженный в долгий мрак'
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Comp.) или
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Adj.-Comp.);
- b) *mahān garbhaḥ* 'велик зародыш' ≡ *garbho mahāñ asti* 'зародыш великий есть'
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Subst._{nominat.} + Adj. + Vb._{copul.}).
21. a) *vyaktā naraḥ* 'украшенные мужи' ≡ *tadr̥ṣo naraḥ* 'такие мужи'
(Part. + Nom.-Subst. ≡ Adj. + Nom.-Subst.);
- b) *abhiddho gharmaḥ* 'разогрет котелок' ≡ *gharmo 'bhiddho 'sti* 'котелок разогретый есть'
(Part. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Subst._{nominat.} + Part. + Vb._{copul.});
- c') *puruṣe mṛte* ≡ *yadā puruṣo matāra* 'когда умер человек'
(Nom._{loc.} + Part._{loc.} ≡ *yadā* + Nom._{nominat.} + Vb._{fin.});
- c'') *mayi taryāmāne* ≡ *yadā māṁ tapati* 'когда меня мучают' [неопределенно-личная форма]
(Nom._{loc.} + Part._{loc.} ≡ *yadā* + Nom._{acc.} + Vb._{fin.});
- d') *teṣāṁ pannānām* ≡ *yadā ta' padraṇ* 'когда они упали'
(Nom._{gen.} + Part._{gen.} ≡ *yadā* + Nom._{nominat.} + Vb._{fin.});
- d'') *teṣāṁ nūtānām* ≡ *yadā tāñ anūnot* 'когда их столкнули' [неопределенно-личная форма]
(Nom._{gen.} + Part._{gen.} ≡ *yadā* + Nom._{acc.} + Vb._{fin.});

Примечание. В случаях с и d выбор конструкции трансформации определяется переходностью—непереходностью глагольного корня и видовым значением причастия исходной конструкции.

22. а) *rājā varuṇaḥ* 'царь Варуна' $\equiv$ *varuṇo nāma rājā* 'царь по имени Варуна'
(Nom. + Nom._{prop.} $\equiv$ Nom._{prop.} + nāma + Nom.);
б) *tvaṁ viṣṇuḥ* 'ты — Вишну' $\equiv$ *tvaṁ viṣṇur asi* 'ты еси Вишну'
(Nom. + Nom.' $\equiv$ Nom.' + Vb._{copul.});
в) *tvām pitaram* $\equiv$ *tvām pitaram iva* 'к тебе [как к отцу]'
(Nom. + Nom.' $\equiv$ Nom. + Nom.' + iva).

23—25. Эти ЭСК в трансформациях не нуждаются ввиду их однозначности.

С помощью набора ЭСК и всех возможных их трансформаций описывается разнообразие минимальных синтаксических конструкций языка и определяется его синтаксическая гибкость при выражении одного и того же значения. Синтаксические трансформации задают также набор основных синтаксических отношений.

Отношение предикативности

Примечание. Это отношение в ведийском языке может быть выражено одной личной глагольной формой, в связи с чем ЭСК 21 можно представить как трансформ ЭСК 23.

Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{nominat.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom._{nominat.} $\equiv$ Nom._{gen.} + Nom._{nominat.} $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{abl.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{gen.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom._{nominat.} + Vb._{fin.} $\equiv$ Nom. + Vb._{inf.} $\equiv$ Adv. + Vb. $\equiv$ Vb._{fin.} + Vb._{inf.} $\equiv$ Adj. + Nom.-Subst. $\equiv$ Part. + Nom.-Subst. $\equiv$ Nom. + Nom.; Vb._{fin.}; ЭСК 23, 3а, 5f, 7—17, 20b, 21b, 22b).

Отношение объектности

1) Первый объект (Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb._{inf.} $\equiv$ Nom._{gen.} + Nom. $\equiv$ Nom._{gen.} + Vb.; ЭСК 7а, b, f, 1а, b, d, e, 14b, 5b, 11а).

2) Второй объект (Nom._{dat.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom.; ЭСК 9а, 3а, 7с, 12с, 6е).

Отношение направленности

(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{dat.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom.); ЭСК 7d, 1а, 12b, 6а, 9с, 3b).

Отношение места

(Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{abl.} + Vb. $\equiv$ Nom._{abl.} + Nom.; ЭСК 12а, 6b, 8d, 2е, 7е, 1с, 10 (ср. *adbhyo jāyase* 'ты

рождаешься из вод'), 4 (ср. *nirjaganvān tamasaḥ* 'вышедший из мрака').

Отношение времени

(Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.; ЭСК 7g, 1f, 12d, 6e, 8c, 2f).

Отношение причины, основания

(Nom._{abl.} + Vb. $\equiv$ Nom._{abl.} + Nom. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.; ЭСК 10a, 4a, 8e, 2, ср. *svadhābhir madanti* 'наслаждающаяся по своим законам').

Отношение цели

(Nom._{dat.} + Vb. $\equiv$ Nom._{dat.} + Nom. $\equiv$ Nom._{acc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{acc.} + Nom. $\equiv$ Nom._{loc.} + Vb. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom. $\equiv$ Vb._{fin.} + Vb._{inf.}; ЭСК 9c, 3b, 7d, 1d, 12 (ср. *dhane [hite] sartave* 'чтобы стремиться к установленному богатству'), 17).

Отношение сравнительности

(Nom._{abl.} + Nom. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.; ЭСК 4 (ср. *asmād tavuān* 'более сильный, чем мы'), 2 (ср. *samo devaiḥ* 'подобный богам')).

Отношение партитивности

(Nom._{gen.} + Nom. $\equiv$ Nom._{loc.} + Nom.; ЭСК 5c, 6c).

Отношение притяжательности

(Nom._{gen.} + Nom. $\equiv$ Adj. + Nom.-Subst.; ЭСК 5 (ср. *ya jāmānasya paśu* 'скот жертвователя'), 20 (ср. *sve dāte* 'в своем доме')).

Отношение инструментальности

(Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Nom.; ЭСК 8a, 2a).

Отношение субъектности

(Nom._{nom.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Vb. $\equiv$ Nom._{instr.} + Part. $\equiv$ Nom. + Nom. $\equiv$ Nom._{nominat.} + Adj._{nominat.} $\equiv$ Nom._{nominat.} + Part._{nominat.} $\equiv$ Nom._{loc.} + Part._{loc.} $\equiv$ Nom._{gen.} + Part._{gen.} $\equiv$ Nom._{nominat.} + Vb._{absol.} $\equiv$ Nom._{gen.} + Nom.; ЭСК 23, 8f, 2g, 22b, 20b, 21b, c, d, 18, 5a).

(Adj. + Nom. - Subst. $\equiv$ Part. + Nom. - Subst. $\equiv$ Nom. + Nom. $\equiv$ Adj. + Vb.; ЭСК 20а, 21а, 22, [ср. *dyāvāpṛthivī ródasī (ubhé)* 'небо-и-земля — оба мира'], 16).

В приведенном перечне не нашли отражения редкие трансформации и конструкции, не имеющие трансформов. Конкретные лексические наполнения данной ЭСК в тексте налагают на ее употребление определенные ограничения. В целом же описание на трансформационном уровне помогает решить все существенные вопросы анализа и синтеза синтаксических структур языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия ведийских текстов

АВ — Атхарваведа	РП — Рик-пратишакхья
АП — Атхарва-пратишакхья	СВ — Самаведа
ВП — Ваджасанейи-пратишакхья	ТП — Тайттирия-пратишакхья
ВС — Ваджасанейи-самхита	ТС — Тайттирия-самхита
КС — Катхака-самхита	ШБ — Шатапатха-брахмана
МС — Майтраяни-самхита	ЯВ — Яджурведа
РВ — Ригведа	

Основные грамматические термины

А. — винительный падеж	m. — мужской род
Abl. — отложительный падеж	med. — медиальный залог
absol. — абсолютив	n. — средний род
act. — активный залог	N. — именительный падеж
adj. — прилагательное	nom. — имя
adv. — наречие	nom. abstr. — имя абстрактное
aor. — аорист	nom. act. — имя действия
compar. — сравнительная степень	nom. ag. — имя деятеля
D. — дательный падеж	nom. concr. — имя конкретное
des. — дезидератив	opt. — желательное наклонение
du. — двойственное число	pass. — пассивный залог
f. — женский род	p. — причастие
fut. — будущее время	pf. — перфект
G. — родительный падеж	pl. — множественное число
hap. leg. — единичный пример	plusq. — плюсквамперфект
I. — творительный падеж	p. p. — причастие прошедшего времени
impf. — имперфект	pr. — настоящее время
inf. — инфинитив	sg. — единственное число
inj. — инъюнктив	subj. — сослагательное наклонение
int. — интенсив	subst. — существительное
iv. — повелительное наклонение	V. — звательная форма
L. — местный падеж	

Библиографические сокращения

ВЯ	— «Вопросы языкознания». М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
ABORI	— «Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute». Poona.

- AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden.
- BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris».
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
- HOS — «Harvard Oriental Series».
- IIJ — «Indo-Iranian Journal». Leiden.
- JA — «Journal asiatique». Paris.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society». New York — New Haven.
- KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen».
- PIFI — «Publications de l'Institut Français de l'indologie».
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, Wiesbaden.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текстов

1. Atharva-prātiçākhyā. Ed. and Transl. by W. D. Whitney.—JAOS. 7, 1862.
2. Atharva Veda Sanhita. Hrsg. von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin, 1856 (Bonn, 1966).
3. Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. T. 1—2. Aufl. 4. Wiesbaden, 1968 (Aufl. 1, 1861—1863).
4. The Kashmirian Atharva-Veda (School of the Pāippalādas). Ed. by M. Bloomfield and R. Garbe. Baltimore, 1901.
5. Kāthaka-Saṃhitā. Hrsg. von L. von Schroeder. Leipzig, 1900—1912 (Wiesbaden, 1969—1970).
6. Māitrāyaṇī Saṃhitā. Hrsg. von L. von Schroeder. Leipzig, Bd 1, 1881; Bd 2, 1885.
7. Müller M. The Sacred Hymns of the Brāhmans together with the Commentary of Sāyaṇācārya. Ed. 2. Vol. 1—3. London, 1888—1892.
8. R̥gveda-Saṃhitā with the Commentary of Sāyaṇācārya. Poona. Vol. 1, 1933; vol. 2, 1936; vol. 3, 1941; vol. 4, 1946; vol. 5, 1951.
9. Rig-Veda-Prātiśākhya. Hrsg. von M. Müller. Leipzig, 1869.
10. Sama-Veda. Die Hymnen des Sama-Veda. Hrsg., übers. von T. Benfey. Leipzig, 1848 (Wiesbaden, 1968—1969).
11. Sukla-Yajurvediya Kāṇva-Saṃhitā. Ed. by Satavalekar. Aundh, 1940.
12. Taittiriya-prātiçākhyā. Ed. and Transl. by W. D. Whitney.—JAOS. 9, 1871.
13. Die Taittiriya-Saṃhitā. Hrsg. von A. Weber.—«Indische Studien». Bd 11, 12. Leipzig, 1871—1872.
14. Vājasaneyi-prātiçākhyā. Hrsg. von A. Weber.—«Indische Studien». Bd 4. H. 3. Leipzig, 1858.
15. Vājasaneyi-Saṃhitā. Ed. by A. Weber. Berlin—London, 1852 (Berlin, 1952).

Переводы текстов

16. Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.
17. Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
18. Atharva-Veda Saṃhitā. Translated with a Critical and Exegetical Commentary by W. D. Whitney. Revised and Brought Nearer to Completion and Edited by Ch. R. Lanman. Cambridge, Mass., 1905 (=HOS. Vol. 7—8).
19. Geldner K. F. Der Rigveda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen. Cambridge, Mass., 1951 (=HOS. Vol. 33—35. Index-vol. 36).
20. Keith A. B. The Veda of the Black Yajus School Entitled Taittiriya Saṃhitā. Vol. 1—2. Cambridge. Mass., 1914 (=HOS. Vol. 19).

Текстологические исследования

- 20a. Фортунатов. Ф. *Sāmaveda-Āraṇyaka-Saṃhitā*. M., 1875.
21. Bloomfield M. *Rig-Veda Repetitions*. Pt 1—3. Cambridge, Mass., 1916.
22. Bloomfield M. *A Vedic Concordance*. Cambridge, Mass., 1906.
23. Bloomfield M., Edgerton F., Emeneau M. B. *Vedic Variants*. Vol. 1—3. Philadelphia, 1930—1934.
24. Oldenberg H. *Die Hymnen des Rigveda*. Metrische und textgeschichtliche Prolegomena. Bd 1. Berlin, 1888.
25. Oldenberg H. *Ṛgveda*. Textkritische und exegetische Noten. Bd 1—2. Berlin, 1909—1912.
26. Renou L. *Études védiques et pāṇinéennes*. T. 1—17. Paris, 1955—1969.

Словари

27. Böhtlingk O. und Roth R. *Sanskrit-Wörterbuch*. Bd 1—7. St. Petersburg, 1855—1875.
28. Grassmann H. *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Aufl. 3. Wiesbaden, 1955 (Aufl. 1, 1872).
29. Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd 1—4. Heidelberg, 1956—1980.
30. Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford, 1970 (Ed. 1, 1888).
31. Neisser W. *Zum Wörterbuch des Rigveda*. H. 1—2. Leipzig, 1924—1930.

Грамматики и работы общего характера

32. Барроу Т. Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной. М., 1976.
33. Bloch J. *Indo-Aryan from the Vedas to Modern Times*. English Edition. Tr. by A. Master, Paris, 1965 (французское издание 1934 г.).
34. Whitney W. D. *A Sanskrit Grammar*. Ed. 5. Leipzig, 1924.
35. Macdonell A. A. *Vedic Grammar*. Strassburg, 1910.
36. Macdonell A. A. *A Vedic Grammar for Students*. Oxford, 1916.
37. Renou L. *Grammaire de la langue védique*. Lyon — Paris, 1952.
38. Renou L. *Introduction générale*. Nouvelle édition du texte [Wackernagel J. *Altindische Grammatik*] paru en 1896, au tome 1. Göttingen, 1957.
39. Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. Bd 1—3. Göttingen, 1896—1954. Bd 1. Lautlehre. 1896; Bd 2. T. 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 1905; Bd 2. T. 2. Die Nominalsuffixe. 1954; Bd 3, 1—2. Deklination der Nomina. Zahlwörter — Pronomina. 1929—1930).
40. Whitney W. D. *The Roots, Verb-Forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language*. Leipzig, 1885.

Монографии, сборники, статьи

Текст, семантика

41. «Индия в древности». М., 1964 (с. 95—104).
42. Семенов В. С. Проблемы интерпретации ведийской прозы. М. 1981.
43. *Approaches to Semiotics*. 30. The Hague, Paris, 1973.
44. Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. T. 1—2. Paris, 1969.
45. Benveniste E. et Renou L. *Vṛtra et Vṛṣagna*. Paris, 1934.
46. Blair C. J. *Heat in the Rig Veda and Atharva Veda*. New Haven, 1961.
47. Coomaraswamy A. K. *Chāyā*.— JAOS. Vol. 55, 1935.

48. Elizarenkova T. An Approach to the Description of the Contents of the Rgveda.—*Mélanges d'indianisme*. Paris, 1968 (c. 255—268).
49. Gonda J. The So-called Saecular, Humorous, and Satirical Hymns of the Rgveda.—*Orientalia neerlandica*. Leiden, 1948.
50. Gonda J. Some Observations on the Relations between «Gods» and «Powers» in the Veda. 's-Gravenhage, 1957.
51. Gonda J. The Vedic Concept of *amhas*.—*IJ*. Vol. 1, 1957 (c. 33—60).
52. Gonda J. The Vision of the Vedic Poets. The Hague, 1963.
53. Gonda J. Eye and Gaze in the Veda. Amsterdam, 1969.
54. Kuiper F. B. J. The Ancient Aryan Verbal Contest.—*IJ*. Vol. 4, 1960 (c. 217—281).
55. Kuiper F. B. J. The Three Strides of Viṣṇu.—*Indological Studies in Honour of W. Norman Brown* (=«American Oriental Series», 47), 1962 (c. 137—151).
56. Kuiper F. B. J. The Bliss of *aśa*.—*IJ*. Vol. 8, 1964 (c. 96—129).
57. Lüders H. Varuṇa. Göttingen. Bd 1, 1951; Bd 2, 1959.
58. Schayer S. Die Structur der magischen Weltanschauung nach dem Atharva-Veda und den Brāhmaṇa-Texten. München — Neubiberg, 1925.
59. Schlerath B. *Gedanke, Wort und Werk im Veda und im Awesta*.—*Antiquitates indogermanicae*. Innsbruck, 1974 (c. 201—221).
60. Schlerath B. Das Königtum im Rīg- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960.
61. Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte ARI, ARYA, ARYAMAN und ĀRYA. Leipzig, 1938.
62. Thieme P. Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rīgveda. Halle, 1949.
63. Thieme P. Mitra and Aryaman. New Haven, 1957.

Стиль

64. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки.—«Литература и культура древней и средневековой Индии». М., 1979 (с. 36—88).
65. Топоров В. Н. Об одном примере звукового символизма (Ригведа X, 125).—«Sēmiōtiké. Труды по знаковым системам». Вып. 2. Тарту, 1965 (с. 317—319).
66. Gonda J. Alliteration und Reim im Satzbau des Atharvaveda.—*AO*. Vol. 18, 1939.
67. Gonda J. Epithets in the Rgveda. The Hague, 1959.
68. Gonda J. Stylistic Repetition in the Veda. Amsterdam, 1959.
69. Gonda J. Ellipsis, Brachylogy and Other Forms of Brevity in Speech in the Rgveda. Amsterdam, 1960.
70. Renou L. Langue et religion dans le Rgveda: quelques remarques.—«Die Sprache». 1. Wien, 1949.
71. Renou L. Sur l'économie des moyens linguistiques dans le Rgveda.—*BSLP*. 50, 1, 1954.
72. Renou L. Histoire de la langue sanskrite. Lyon — Paris, 1956.
73. Renou L. La phrase védique.—*Symbolae linguisticae*. Wrocław, 1965 (c. 230—234).
74. Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
75. Starobinski J. Les mots sous les mots. Paris, 1971.
76. Wackernagel J. Indogermanische Dichtersprache.—«*Philologus*». Bd 95, 1943 (c. I—19).

Лексика

77. Топоров В. Н. Ведыское *rad-* (значение, этимология, связи).—*Księga pamiątkowa ku czci E. Śluszkiewicza*. Warszawa, 1974.
78. Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции.—Проблемы истории, языков и культуры народов Индии. М., 1974 (с. 20—74).

79. Burrow T. Sanskrit *kṛand-* «step, stride, etc.» — «Deccan College Research Institute. S. K. De Felicitation Volume». Poona (c. 1—7).
80. Burrow T. Vedic *is-* «to prosper». — BSO(A)S. Vol. 17, 1955.
81. Burrow T. Sanskrit *gṛ/gur-* «to welcome». — BSO(A)S. Vol. 20, 1957 (c. 133—144).
82. Burrow T. Sanskrit *pā-* «go, move, pass, traverse». — IJ. 1973, 15, № 2 (c. 81—108).
83. Elizarenkova T. Concerning a Peculiarity of the Rgvedic Vocabulary. — ABORI. Diamond Jubilee Number. Poona, 1977—1978 (c. 129—136).
84. Gonda J. Notes on *Brahman*. Utrecht, 1950.
85. Gonda J. *Adhvarā-* and *adhvaryū-*. — Selected Studies. Vol. 2. Leiden, 1975 (c. 86—100).
86. Gonda J. Some Notes on the Study of Ancient Indian Religions Terminology. — Selected studies. Vol. 2. Leiden, 1975 (c. 1—31).
87. Gonda J. Zur Homonymie im Altindischen. — Selected Studies. Vol. 3. Leiden, 1975 (c. 1—42).
88. Hoffman K. Vedisch *vidh, vindh-*. — «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 1. Wiesbaden, 1975 (c. 238—244).
89. Hoffman K. *Mārtāṇḍa* und *Gayōmart*. — «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2, 1976 (c. 422—438).
90. Janert K. L. Sinn und Bedeutung des Wortes *dhāsi*. Wiesbaden, 1956.
91. Kuiper F. B. J. *Vi dayate* and *vidatha*. — «Indologica taurinensia». 2. Torino, 1975 (c. 121—132).
92. Renou L. L'ambiguïté du vocabulaire du Ṛgveda. — JA. T. 231, 1939 (c. 161—235).
93. Renou L. List of Words and Forms in the Sāmaveda. — «Vāk». 1952, 2 (c. 100—116).
94. Renou L. Vocabulaire du rituel védique. Paris, 1954.
95. Renou L. Words and Word-Forms Peculiar to the Kāṇva-samhitā. — «Vāk». 1954, 4 (c. 131—136).
96. Renou L. List of Remarkable Words from the Kaśmirian (Paippalādā) Version of the Atharva-Veda (According to L. C. Barret's Edition). — «Vāk». 1955, 5.
97. Renou L. Les noms pour «don» dans le Ṛgveda. — BSO(A)S. Vol. 20, 1957 (c. 471—480).
98. Renou L. Études sur le vocabulaire du Ṛgveda. — PIFI. № 5. Pondichéry, 1958.
99. Renou L. Védique *purīṣa-*. — IJ. Vol. 4, 1960.
100. Renou L., Silburn L. Sur la notion de *brahman*. — JA. T. 237, 1949 (c. 7—46).
101. Thieme P. *Brahman*. — ZDMG. Bd 102, 1952 (c. 91—129).

Фонетика, фонология, морфонология, метрика

102. Elizarenkova T. Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
103. Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита (раздел «Морфонология») — Санскритско-русский словарь. Сост. В. А. Кочергина. М., 1978.
104. Зализняк А. А. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней. — Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975 (с. 59—85).
105. Allen W. S. Sandhi, the Theoretical, Phonetic and Historical Bases of Word-Junction in Sanskrit. The Hague, 1962.
106. Allen W. S. Phonetics in Ancient India. London, 1963.
107. Arnold E. V. Vedic Metre in its Historical Development. Cambridge, 1967 (1-st ed. 1905).
108. Burrow T. Spontaneous Cerebrals in Sanskrit. — BSO(A)S. Vol. 34, pt 3, 1971.

109. Hoffman K. Zur Aussprache von altindoar *a*.—«Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2. Wiesbaden, 1976 (с. 552—554).
110. Kuiper F. B. J. Traces of Laryngeals in Vedic Sanskrit.—*India antiqua*. Leiden, 1947.
111. Kuiper F. B. J. Shortening of Final Vowels in the Rigveda. Amsterdam, 1955.
112. Kuiper F. B. J. The Sanskrit Nom. sing. *vit*.—*IJ*. Vol. 10, № 2/3, 1967, (с. 103—125).
113. Kurylowicz J. L'apophonie en Indo-Européen. Wrocław, 1956.
114. Kurylowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław, 1958.
115. Kurylowicz J. Autour de *v. ind. ŚASTI* et *ŚĀDHATI*.—*Mélanges d'indianisme*. Paris, 1958 (с. 433—437).
116. Kurylowicz J. *Metrik und Sprachgeschichte*. Wrocław, 1975.
117. Kurylowicz J. Zwei junggrammatische Lautgesetze im Altindischen.—*Studien zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft*. Jena, 1976 (с. 94—105).
118. Lehmann W. P. On the Reading of Some *ya*-Suffixes in the Rigveda.—*Pratidānam*. The Hague — Paris, 1968 (с. 39—45).
119. Mayrhofer M. Über spontanen Zerebralnasal im frühen Indo-Arischen.—*Mélanges d'indianisme*. Paris, 1968 (с. 509—517).
120. Rysiewicz Z. Un archaïsme de l'accentuation védique. Kraków, 1948.
121. Varma S. *Critical Studies in the Phonetic Observations of Indian Grammarians*. Delhi, 1961.

Именное склонение, словообразование, словосложение

122. Макаев Э. А. Именное склонение в ведическом и в санскрите.—*ВЯ*. 1964, № 6 (с. 94—104).
123. Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
124. Hauri C. Zur Vorgeschichte des Ausgangs—*ena* des Instr. Sing. der *a*-Stämme des Altindischen. Göttingen, 1963.
125. Hoffman K. Der vedische Typus *menānam*.—«Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 1. Wiesbaden, 1975 (с. 113—119).
126. Kuiper F. B. J. Notes on Vedic Noun-Inflexion. Amsterdam, 1942.
127. Kurylowicz J. Les adjectifs thématiques à féminin en *-i*.—*Pratidānam*. 1968 (с. 46—52).
128. Leumann M. *U*- und *YU*-Adjektive des Altindischen.—*Mélanges d'indianisme*. Paris, 1968 (с. 467—478).
129. Liebert G. Das Nominalsuffix *-ti* im Altindischen. Lund, 1949.
130. Manessy J. Les substantives en *-as* dans la *Ṛ-Saṃhitā*. Dakar, 1961.
131. Renou L. Juxtaposition et composition dans le *Ṛgveda*.—«*New Indian Antiquary*». Vol. 3, 1940 (с. 266—272).
132. Renou L. Sur certains emplois d'*a* (*n*)° priv. en sanskrit en notamment dans le *gveda*.—*BSO(A)S*. Vol. 10, 1940—1942, (с. 1—18).
133. Renou L. Observations sur les composés nominaux du *Ṛgveda*.—«*Language*». 29, 3, 1953 (с. 231—236).
134. Renou L. Dérivés abstraits en *-tāt*- et *-tāti*- du *Ṛgveda*.—*BSLP*. 55, 1960 (с. 10—19).

Местоимение, числительное

135. Воробьев-Десятовский В. С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.—Л., 1956.
136. Gonda J. Reflexions on the Numerals «One» and «Two» in Ancient Indo-European Languages. Utrecht, 1953.
137. Gonda J. Bemerkungen zum Gebrauch der Pronomina der 1. und 2. Per-

- son als Subjekt im Altindischen.—«Selected studies». Vol. 3. Leiden, 1975 (с. 111—179).
138. Gonda J. Notes on the Indo-European *k^ui-* and *k^uo-* Pronouns.— Selected studies. Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 205—249).
139. Gonda J. The Original Character of the Indo-European Relative Pronoun *io-*.— Selected studies. Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 164—204).
140. Hauri C. Der Stamm *amú-* «jener» des Altindischen.— KZ. Bd 78, № 1—2, 1963 (с. 115—125).
141. Liebert G. Die indo-europäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie. Lund, 1957.
142. Liebert G. Über das enklit. Pronomen *vah* als Subjektkasus im R̥gveda.— «Lunds Universitets årsskrift». Bd 46, № 3, 1950.
143. Szemerényi O. Studies in Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960.

Глагол

144. Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М., 1960.
145. Елизаренкова Т. Я. Значение основ презенса в «Ригведе». — Языки Индии. М., 1961 (с. 91—165).
146. Шор Р. О. Семантика ведийского аориста.— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935 (с. 433—450).
147. Andrews S. The Nasal Present and the Aorist in the R̥gveda. Harvard, 1961.
148. Avery J. Contributions to the History of Verb-inflection in Sanskrit.— JAOS. Vol. 10, 1880.
149. Burchardi G. Die Intensiva des Sanskrit und Avesta. Leipzig, 1892.
150. Charpentier J. Die Desiderativbildungen der indoiranischen Sprachen. Uppsala, 1912.
151. Delbrück B. Das altindische Verbum aus den Hymnen des R̥gveda seinem Baue nach dargestellt. Halle, 1874.
152. Delbrück B. Syntaktische Forschungen. T. 2. Altindische Tempuslehre. Halle, 1876.
153. Gonda J. Remarks on the Sanskrit Passive. Leiden, 1951.
154. Gonda J. The Character of the Indo-European Moods. Wiesbaden, 1956.
155. Gonda J. Reflections on the Indo-European Medium.— «Lingua». 9, 1960.
156. Gonda J. The Aspectual Function of the R̥gvedic Present and Aorist. The Hague, 1962.
157. Hoffman K. Der Injunktiv im Veda: eine synchronische Funktionsuntersuchung. Heidelberg, 1967.
158. Hoffman K. Der vedische Prekativtyp *yeṣam, jeṣma*.— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2, 1976 (с. 465—474).
159. Hoffman K. Zur vedischen Verbalflexion.— «Aufsätze zur Indoiranistik», Bd 2. Wiesbaden, 1976 (с. 358—372).
160. Kuiper F. B. J. Zur Geschichte der indo-iranischen *s-* Präsensia.— AO. Vol. 12, 1934.
161. Kuiper F. B. J. Die indogermanischen Nasalpräsensia. Amsterdam, 1937.
162. Kuryłowicz J. Le type védique *grbhāyati*.— Étrennes de linguistique offertes... à Emile Benveniste. Paris, 1928 (с. 51—62).
163. Leumann M. Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalsystem. Amsterdam, 1952.
164. Narten J. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.
165. Negelein J. von. Zur Sprachgeschichte des Veda. Das Verbalsystem des Atharvaveda. Berlin, 1898.
166. Renou L. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. Paris, 1925.
167. Renou L. Le tupe védique *tuddti*.— Mélanges Vendryes. Paris, 1925 (с. 309—316).
168. Renou L. Les formes dites d'injonctif dans le R̥gveda.— Étrennes de linguistique E. Benveniste. Paris, 1928 (с. 63—80).

169. Renou L. A propos du subjonctif védique.—BSLP. 33, 1, 1932 (с. 5—30).
170. Renou L. Sur l'aoriste védique en *-is*.—BSLP. 35, 1, 1934 (с. 1—14).
171. Renou L. Infinitifs et dérivés nominaux dans le R̥gveda.—BSLP. 38, 1, 1937 (с. 69—87).
172. Renou L. Le futur dans le Veda.—BSLP. 56, 1, 1961 (с. 6—14).
173. Sgall P. Die Infinitive im R̥gveda.—«Acta Univ. Carolinae, Phil.». 2. Prague, 1958.
174. Strunk K. S. Nasalpräsentien und Aoriste. Heidelberg, 1967.
175. Thieme P. Das Plusquamperfektum im Veda. Göttingen, 1929.

Синтаксис

176. Топоров В. Н. К вопросу о природе древнеиндийского локатива.—КСИНА. 62 («Языки Индии»), 1964 (с. 166—183).
177. Delbrück B. Altindische Syntax. Halle, 1888.
178. Gonda J. La place de la particule négative *na* dans la phrase en vieil indien. Leiden, 1951.
179. Gonda J. Remarques sur la place du verbe. Utrecht, 1952.
180. Gonda J. The Character of the Sanskrit Accusative.—«Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 44—62).
181. Gonda J. On Nominatives Joining or «Replacing» Vocatives.—«Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 11—26).
182. Gonda J. Some Notes on Adverbial Case Forms in the Veda.—«Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 72—81).
183. Gonda J. The Unity of the Vedic Dative.—«Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 34—43).
184. Gonda J. The Use of the Particle *ca*.—«Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (с. 320—392).
185. Oertel H. The Syntax of Cases in the Narrative and Descriptive Prose of the Brāhmaṇas. Heidelberg, 1926.
186. Porzig W. Die Hypotaxe im R̥gveda.—IF. 41, 1923.
187. Renou L. La séparation du préverbe et du verbe en védique.—BSLP. 34, 1933 (с. 49—96).
188. Speyer J. S. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.

Библиографии, обзоры

189. Dandekar R. N. Vedic Bibliography. Poona. Vol. 1, 1946; vol. 2, 1961; vol. 3, 1973.
190. Dandekar R. N. A Decade of Vedic Studies in India and Abroad.—ABORI. Vol. 56. Poona, 1975 (с. 1—25).
191. Gonda J. Old Indian (Handbuch der Orientalistik. Abt. 2. Bd 1. Abschn. 1). Leiden—Köln, 1971.
192. Renou L. Bibliographie védique. Paris, 1931.

Addenda

193. Елизаренкова Т. Я. О типологии ведийского языка.—ВЯ. 1980, № 3 (с. 22—35).
- 193а. Топоров В. Н. Ведийское *ṛta-*: к соотношению смысловой структуры и семантики.—«Этимология 1979». М., 1982 (с. 139—156).
194. Aryan and non-Aryan in India. Ed. by M. M. Deshpande and P. E. Ho-ox(=«Michigan Papers on South and South-East Asia.14»). Ann Arbor, 1979.
195. Gonda J. The Medium in the R̥gveda. Leiden, 1979.
196. Haudry J. L'emploi des cas en Védique. Introduction à l'étude des cas en Indo-Européen. Lyon, 1977.

197. Lazzeroni R. Fra glottogonia e storia: ingiuntivo e indicativo in una desinenza sanscrita.— «Studi e Saggi linguistici». XIX, 1979 (c. 53 сл.).
198. Lazzeroni R. Fra glottogonia e storia: ipotesi sulla formazione del sistema verbale sanscrito.— «Studi e Saggi Linguistici». XX, 1980 (c. 23 сл.).
199. Lazzeroni R. Il «Precongiuntivo autonomo» del sanscrito e l'autonomia del congiuntivo nelle altre lingue indó-europee.— «Studi vedici e medio-indiani». Pisa, 1981 (c. 233—244).
200. Palsule G. B. Verbal Forms in the R̥gveda (Māṇḍala VI). Pune, 1978.
201. Sani S. *Jabhāra*: una traccia di stratificazione dialettale nel sanscrito vedico? — «Studi vedici e medio-indiani». Pisa, 1981 (c. 87—100).
202. Schlerath B. Indo-iranisch var — «wählen». — «Studien zur Indologie und Iranistik». 5/6, 1980 (c. 199—208).
203. Zimmer S. Genitiv und konkurrierendes Adjectiv im R̥gveda. — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung». 92, 1978/9 (c. 50—61).
204. Zimmer S. La notion de l'appartenance dans la langue du R̥gveda. — «Indologia Taurinensia». 6, 1978/80 (c. 325—335).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Текст. Семантика	9
Лексика	39
Фонетика. Фонология. Морфонология	64
Словообразование	131
Словосложение	175
Имя	190
Неизменяемые слова	251
Глагол	271
Синтаксические структуры	380
Список сокращений	429
Избранная библиография	431

Татьяна Яковлевна Елизаренкова

ГРАММАТИКА
ВЕДИЙСКОГО
ЯЗЫКА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Е. К. Борисова*
Младший редактор *Д. Ш. Хесина*
Художник *В. Д. Трукин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14307

Сдано в набор 06.02.80. Подписано к печати 16.06.82. А-11172. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 27,5. Усл. кр.-отг. 27,5. Уч.-изд. л. 28,02. Тираж 1500 экз. Изд. № 4447. Зак. № 80. Цена 4 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
57	15 св.	<i>caṣṭd-</i>	<i>cyuṭd-</i>
95	9 сн.	<i>pitṛn,</i>	<i>pitṛn,</i>
100	6 сн.	<i>u/v/av, ā/v/av</i>	<i>u/v/uv, ā/v/uv</i>
105	14 сн.	<i>tanvātṭand</i>	<i>tanvātṭand</i>
120	5 сн.	<i>viçvās</i>	<i>viçvās</i>
122	2 св.	<i>nah,</i>	<i>nah,</i>
123	3 св.	<i>r</i>	<i>ṛ</i>
135	20 сн.	<i>prayd-</i>	<i>prayd-</i>
139	3 св.	<i>nīdā-</i>	<i>nīdd-</i>
142	11 св.	<i>ródasi</i>	<i>ródasī</i>
147	2 сн.	<i>akṣi-</i>	<i>akṣi-</i>
154	10—11 св.	в слабых звуковых видах	в слабом звуковом виде
157	24—25 сн.	<i>(pūtākṛata-)</i>	<i>(pūtākṛatā-)</i>
158	2 св.	<i>kakūbhā-</i>	<i>kakubhā-</i>
159	20 св.	<i>ansār-</i>	<i>antār-</i>
159	24 сн.	образующих	обозначающих
206	6 св.	<i>rāj-</i>	<i>rāj-</i>
206	21 сн.	<i>uçij-</i>	<i>uçij-</i>
210	9 св.	<i>rās</i>	<i>rās</i>
218	18 св.	<i>prajāvas</i>	<i>prajāvas</i>
220	5 св.	<i>brāhmaṇām</i>	<i>brāhmaṇām</i>
241	13—14 сн.	<i>mām;mā, ...asmdn;nas(me)</i>	<i>mām;mā,(me)...asmdn;nas</i>
308	13 св.	<i>kṛṇusvā</i>	<i>kṛṇusvā</i>
313	13 сн.	<i>yuñjāthām</i>	<i>yuñjāthām</i>
342	2 св.	<i>cakṛsé</i>	<i>cakṛsé</i>
343	4 св.	<i>dadhātha</i>	<i>dadhātha</i>
355	3 сн.	<i>-hū-</i>	<i>hū-</i>
378	9 св.	<i>çravasy-dū</i>	<i>çravasy-,</i>
386	6 св.	8. Nom. Instr. + Vb.	8. Nom. Instr. + Vb.
400	21 св.	<i> sā</i>	<i> sā</i>
402	16 сн.	<i>āmo 'hām</i>	<i>āmo 'hām</i>
406	2 св.	<i>paçyanti ródasī suméhe</i>	<i>paçyanti ródasī suméhe</i>
416	2 св.	<i>samīddhaḥ</i>	<i>samīddhaḥ</i>
421	10 сн.	(=Nom. + Nom. ');	(=Nom. + Nom. ');
435	11 сн.	<i>gveda.</i>	<i>Ṛgveda.</i>